

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
КРЫМА
ЛАБОРАТОРИЯ «ВИЗАНТИЙСКИЙ КРЫМ»

На правах рукописи

ХРАПУНОВ НИКИТА ИГОРЕВИЧ

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КРЫМА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ПУТЕШЕСТВИЙ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история
(Исторические науки)

Диссертация на соискание учёной степени
доктора исторических наук

СИМФЕРОПОЛЬ – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДИКА	
ИССЛЕДОВАНИЯ	22
1.1. Источники	22
1.2. Историография	40
1.3. Методика исследования	53
ГЛАВА 2. «ОТКРЫТИЕ» КРЫМА. ПЕРВЫЕ ОПИСАНИЯ ТАВРИДЫ	
ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ	73
2.1. Уильям Тук	73
2.2. Уильям Итон	97
2.3. Элизабет Крейвен	128
2.4. Ричард Уэрсли	155
ГЛАВА 3. СОЧИНЕНИЯ УЧЕНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ	
3.1. Маттью Гатри	180
3.2. Эдвард Кларк	221
3.3. Реджинальд Хебер	273
ГЛАВА 4. НОВЫЕ ГРАНИ ОБРАЗА КРЫМА В ЗАПИСКАХ	
МИССИОНЕРОВ, НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТНОГРАФОВ, УЧАСТНИКОВ GRAND TOUR	308
4.1. Мери Хоулдернесс	308
4.2. Эбенезер Хендерсон	339
4.3. Джеймс Уэбстер	362
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	395
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	405
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	471
Приложение А	472

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. История контактов России и Западной Европы – это история взаимного непонимания. На протяжении последних 300 лет Запад видит в России «Иного», свою противоположность, которая позволяет понять и подчеркнуть выгодные грани собственной культуры. Примером такого отношения стало осмысление роли России в Крыму в английском общественном мнении конца XVIII – начала XIX в., выразителями которого были авторы путевых записок (травелогов), пользовавшихся огромной популярностью у читающей публики и надолго ставших основным источником сведений о дальних странах. Путешественники проанализировали текущее состояние Крымского полуострова, его историю, экономическое развитие, демографию и этнографию, оценили принятые Россией меры по интеграции территории и предложили планы дальнейших действий, которые могли бы предпринять и Россия, и Англия, в отношении Крыма. В этом контексте изучение травелогов важно не только для изучения истории региона, но и для понимания отношения Англии к России, а также для анализа существовавших в английской культуре того времени способов мышления (аналитических приемов и стереотипов восприятия), определявших особенности исторических, этнографических, социологических, политических, экономических представлений. Созданные тогда стереотипы в некоторых случаях сохранили актуальность до сего дня, а представления о Крыме, сформированные путешественниками еще в конце XVIII – начала XIX вв., продолжают подпитывать антироссийское общественное мнение.

На фоне сложного, динамичного взаимодействия двух империй в запутанном международном контексте путешествия англичан в Крым могут показаться малозначительным эпизодом. Однако образ региона в английских травелогах отразил особенности восприятия русской культуры. После 1783 г. Крым из «белого пятна» на карте превратился в объект, демонстрирующий отношение английского

общества к России. Путешественники проанализировали текущее состояние полуострова, его историю, экономическое развитие, демографию и этнографию, оценили принятые Россией меры по интеграции территории и её жителей и предложили планы дальнейших действий, которые могли бы предпринять и Россия, и Англия, в отношении Тавриды. Созданный англичанами образ Крыма обладал яркими и самобытными чертами, возникшими под влиянием культуры путешествий, демонстрируя как сходства, так и различия с образом полуострова, формировавшимся в это же самое время в русской или французской культуре. Английским путешественникам удалось собрать массу сведений о природе, жителях, истории, культурном наследии и экономике Крыма. Выработанный ими дискурс использовался при оценке исторической роли России и для обоснования ее исторической миссии, служил «интеллектуальным оружием» в конфликте интересов России и европейских держав, а также при обсуждении различных проектов развития Крымского полуострова.

Изучение травелогов важно с точки зрения анализа существовавших в английской культуре того времени способов мышления (аналитических приёмов и стереотипов восприятия), определявших особенности исторических, этнографических, социологических, политических, экономических представлений. Некоторые мысли о Крыме, сформированные путешественниками ещё в конце XVIII – начала XIX вв., сохранили актуальность и продолжают подпитывать антироссийское общественное мнение, хотя они игнорируют объективные обстоятельства и приводят к обличению России в несовершенных грехах. Этот вопрос актуализировался после крымских событий 2014 г., вызвавший всплеск антироссийских публикаций в прессе и популярной литературе. Их авторы нередко проецируют на современность своё, зачастую не вполне корректное, понимание событий конца XVIII в. Обсуждение действий России широко использует штампы и стереотипы, выработанные два столетия назад. Рассматривающая исторический опыт деятельности России в Крыму зарубежная историография традиционно привлекает цитаты из записок путешественников, не пытаясь критически осмыслить эти источники. В результате особую важность приобретает изучение

опыта интеллектуального «открытия Крыма» западноевропейцами и их отношения к первому присоединению региона к России, выявление истоков тех стереотипов, которые до сих пор довлеют над Западным общественным сознанием, когда речь заходит об оценке современных политических реалий. Предлагаемый анализ поможет разобраться в истоках ряда взаимных противоречий и непониманий России с одной стороны и Англии, а также «коллективного Запада» в целом с другой.

Степень изученности проблемы. Предлагаемая работа – первое комплексное исследование образа Крыма, сформированного английскими путешественниками, побывавшими на полуострове после его присоединения к России. Указанная тема комплексно не изучена ни в российской, ни в зарубежной историографии. Из поля зрения исследователей выпал ряд важных сюжетов, а некоторые источники до сих пор не введены в научный оборот.

К настоящему времени вышло несколько важных публикаций, исследовавших представления о Крыме в различных культурах¹. Однако образ (или образы) региона в работах английских авторов никогда специально не изучался.

Предлагаемое исследование представляет интерес в контексте изучения межкультурного взаимодействия Англии и России. Различные аспекты отношений двух великих держав в XVIII – первой половине XIX в. остаются актуальным предметом научного анализа, свидетельством чему являются монографии

¹ Зорин А. Крым в истории русского самосознания // НЛЮ. 1998. № 31. С. 123–143; Зорин А. Корня двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : НЛЮ, 2004. 416 с.; Plochy S. The City of Glory: Sevastopol in Russian Historical Mythology // Journal of Contemporary History. 2000. Vol. 35. No. 3. P. 369–383; Schönle A. Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea // Slavic Review. 2001. Vol. 60. No. 1. P. 1–23; Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 3–25; Люсый А. П. Крымский текст в русской литературе. СПб. : Алетейя, 2003. 314 с.; Sasse G. The Crimea Question : Identity, Transition, and Conflict. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 2007. P. 35–81; Jobst K. S. Die Perle des Imperiums : Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich. Konstanz : UVK, 2007. 486 S.; Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М. : НЛЮ, 2006. С. 160–194; Проскурина В. Империя пера Екатерины II. Литература как политика. М. : НЛЮ, 2017. С. 160–194; Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород ; Симферополь ; Нижний Новгород : Растр, 2017. 579 с.; Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина. Литературно-исторические очерки. Великий Новгород ; Симферополь ; Нижний Новгород : Растр, 2017. 303 с.

отечественных и зарубежных исследователей². История контактов России и Западной Европы – это история взаимного непонимания. На протяжении последних 300 лет Запад видит в России «Иного», свою противоположность, которая позволяет понять и подчеркнуть положительные стороны собственной культуры, общества и политики³. В конце XVIII – первой трети XIX в. отношения России и Англии отличались высокой динамичностью, колеблясь в диапазоне от благожелательно-нейтральных до откровенно враждебных. Изменение баланса сил в Причерноморье в результате успеха России в войне с Турцией 1768–1774 гг. и последовавшего через девять лет присоединения Крыма заставило европейцев переосмыслить роль России в мировой политике и пересмотреть её место на «ментальных картах» истории и цивилизации. Затем Россия из союзника Великобритании в начале революционных событий во Франции превратилась в противника, когда присоединилась к Континентальной блокаде. Война 1812 г. и

² *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М. : Наука, 1982. 863 с.; *Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М. : Наука, 1982. 318 с.; *Кросс Э.* У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб. : Гуманитарное агентство; Академический проект, 1996. 387 с.; *Кросс Э.* Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н. Г. Беспярых, Ю. Н. Беспярых. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 528 с.; *С берегов Темзы – на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже* / ред. Б. Аллен, Л. Дукельская. СПб. : Государственный Эрмитаж, 1997. 323 с.; *Орлов А. А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М. : Прогресс-традиция, 2005. 368 с.; *Орлов А. А.* «Теперь я вижу англичан вблизи...». Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). М. : Гиперборея; Кучково поле, 2008. 360 с.; *Орлов А. А.* «Астреин век». Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.). М. : МПГУ, 2019. 304 с.; *Лабутина Т. Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб. : Алетейя, 2013. 352 с.; *Лабутина Т. Л.* Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб. : Алетейя, 2019. 458 с.; *Козлов С. А.* Русские люди об англичанах в XIX – начале XX в. М. : Новый хронограф, 2015. 240 с.; *Чекмарёв В. М.* Россия в английской графике в царствование Екатерины II и Павла I (1762–1801 гг.). М. : Издательский дом Тончу, 2019. 320 с.; *Королева С. Б.* Миф о России в британской культуре. М. : Флинта, 2021. 384 с.; *Gleason J. H.* The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press; London : Geoffrey Cumberledge; Oxford University Press, 1950. 314 p.; *Anderson M. S.* Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. London ; New York : Macmillan & Co, 1958. 245 p.; *Malia M.* Russia under Western Eyes from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass.) ; London : Belknap Press of Harvard University Press, 1999. 528 p.

³ *Нойманн И. Б.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова. М. : Новое издательство, 2004. С. 99–156; см. также: *Gleason J. H.* The Genesis of Russophobia...; *Malia M.* Russia under Western Eyes...

Зарубежный поход русской армии вновь сделал Россию и Англию союзниками. Однако внешнеполитическая конкуренция после Венского конгресса 1814–1815 гг. привела к постепенному ухудшению отношений между державами. Эти обстоятельства не могли не отразиться на записках англичан о России.

Целью диссертационного исследования является всестороннее раскрытие образа Крыма, сформированного путевыми заметками англичан конца XVIII – первой трети XIX в., изучение его эволюции и параллелей в других культурах. Разумеется, помимо английских⁴, существуют травелоги, написанные на французском, немецком, нидерландском, испанском языках⁵. Из них лишь сочинения французов представляют собой столь же разнообразную и богатую группу, что путевые записки англичан, тогда как записки на других иностранных языках единичны. Если для англичан после 1783 г. изучение Крыма началось фактически «с чистого листа», то для французов важную роль сыграли записки авторов, посетивших регион на последнем этапе существования Крымского ханства (прежде всего Шарля де Пейссоннеля и Франсуа де Тотта). Подробное и глубокое изучение всего массива описаний Крыма, опубликованных иностранцами, очевидно, привело бы к тому, что полученное в результате исследование превзошло бы все разумные объемы. Имеющийся комплекс английских текстов позволяет проанализировать разные способы восприятия, осмысления и описания незнакомых реалий разными авторами, определить общие темы, черты, топосы и стереотипы, свойственные их произведениям, а также взаимовлияние травелогов. При этом высокая образованность большинства

⁴ Некоторые из путешественников происходили из Шотландии, но говорили на английском языке и принадлежали к английской культуре, считая себя лояльными подданными британской короны. Поэтому используемый в дальнейшем термин «шотландец» характеризует лишь происхождение человека, но не его самосознание (национальную идентичность). Некоторую (весьма приблизительную) аналогию можно отыскать, например, с выходцами из Швейцарии Руссо и Маратом, которые в языковом и культурном отношении были французами, каковыми их и считает научная литература. Термин «британский» в настоящей работе используется в прямых цитатах из источников, в официальных названиях организаций и должностей, а также для обозначения государственной принадлежности и подданства.

⁵ См. подробный, но далеко не полный каталог: *Маркевич А. И.* Taurica: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК. 1894. № 20. С. 1–394; 1898. № 28. С. 92–185 (1–94); 1902. № 32–33. С. 47–128.

английских путешественников приводила к тому, что они охотно изучали сочинения немецких ученых-энциклопедистов, французских нумизматов и востоковедов – сохраняя при этом свойственное английской культуре чувство собственного превосходства над другими. Это позволяет как раскрывать ряд особенностей межкультурных взаимодействий, так и выявлять некоторые исключительно английские черты путевых записок. Изучение образа Крыма в английских травелогах может стать важным элементом в изучении англо-русских культурных связей в целом: в силу разнообразия наблюдаемых на полуострове этнических, культурных, исторических феноменов в путевых записках нашлось место для формирования и применения общих стереотипов о России и русских. Исходя из сказанного, было принято решение в данной работе ограничиться изучением английских травелогов.

Достижение указанной цели предусматривает решение следующих **исследовательских задач**:

- выявление новых источников и введение их в научный оборот;
- перевод на русский язык отдельных фрагментов источников, ставших библиографической редкостью и труднодоступных в нашей стране;
- определение группы наиболее характерных травелогов, представляющих различные варианты узнавания, осмысления и описания Крыма;
- раскрытие интеллектуальных приёмов и практик, использованные англичанами в рассказах о регионе;
- выделение текстуальной и графической информации, представляющей интерес для современных исследований в области истории, филологии, этнографии, исторической демографии, экономики, археологии и научной реставрации памятников Крыма;
- определение зависимости «крымских травелогов» от философских, научных и идеологических установок конца эпохи Просвещения и начала периода Романтизма;
- анализ генезиса и эволюции устойчивых стереотипов о Крыме, его жителях и деятельности России в регионе;

– раскрытие того, как на примере Крыма англичане осмысливали историческую роль России, используя историческую судьбу полуострова как орудие пропаганды и политической риторики;

– изучение сформулированного англичанами видения будущего полуострова, выявление причин появления «дефектов восприятия» (*defective perception*, «дефекты описания») в их политических и экономических проектах;

– определение особенностей «туристической карты» Крыма, формируемой в сознании читателя записками путешественников (травелогами), а также особенности превращения отдельных памятников природы и культурного наследия в туристические достопримечательности;

– сравнительный анализ английских, французских, немецких, русских травелогов для выявления специфики английского взгляда на Крым и его роли в английском мировоззрении;

– формулирование общих выводов по теме исследования.

Научная новизна полученных результатов состоит в том, что данная работа является первой в историографии попыткой изучения комплекса взглядов англичан на Крым, выработанного в первые десятилетия после присоединения полуострова к России и поставленного в контекст русско-английских политических и культурных взаимоотношений. Диссертация является междисциплинарным исследованием на стыке исторической, филологической, антропологической, археологической науки, использующим новейшие методы, разработанные отечественной и зарубежной историографией, которое основывается на широком круге источников, включая прежде не привлекавшиеся материалы. В научный оборот введена группа источников, имеющих особое значение для современных исторических, этнографических, искусствоведческих исследований. Впервые выполнен сравнительный анализ травелогов, созданных людьми близкого социального происхождения, обладавших общим культурным багажом и кругом интересов, который позволяет выявить причины сходств и различий в нарисованных ими картинах крымской жизни и авторских размышлениях об исторической роли России на примере ее политики в Крыму. Продемонстрированы

корни ряда стереотипов, до сих пор существующих в английской и зарубежной культуре и оказывающих влияние на образ мысли современных исследователей, журналистов и политиков.

Обычно структура монографий, изучающих образы регионов, определяется последовательным анализом исследовательских проблем⁶. В нашем же случае за основу взяты тексты отдельных авторов, чтобы акцентировать внимание читателя на особенностях индивидуального восприятия крымских реалий, специфику интересов и кругозора каждого путешественника, его творческого метода, а также влияние жизненных обстоятельств на мнения автора. Представляется, что такая структура способна сделать общую картину более объёмной и выразительной.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование завершено в рамках проекта «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму», поддержанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, мегагрант № 075-15-2022-1119 (2022–2023 гг.). Материалы для него собирались, анализировались и апробировались в докладах на конференциях и статьях в рецензируемых изданиях в рамках госзаданий Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму» (2021–2022) и № FZEG-2017-0013 «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия» (2018–2020), а также исследовательских проектов, получивших поддержку Российского фонда фундаментальных исследований (проект (№ 18-09-

⁶ См., например: Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. М. : Русский Миръ, 2006. 638 с.; Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX вв. Л. : Наука, 1984. 273 с.; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу : карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. И. Федюкина. М. : НЛЮ, 2003. 560 с.; Науменко В. Г. «Здесь, на конце России исполинской...» : Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII – начала XX века. Ярославль : Ремдер, 2010. 840 с.; Смекалина В. В. Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в. М. : Языки русской культуры, 2015. 376 с.; Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников / пер. со словен. Л. А. Кириллиной. М. : Лингвистика, 2017. 358 с.; Лапин И. С. Путешествие в ближнюю Финляндию: Выборг, Кексгольм и Карельский перешеек глазами русских путешественников XVIII – начала XX веков. СПб. : Viipti : Гйоль, 2021. 136 с.

00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.», 2018–2020 гг.) и Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников в конце XVIII – начале XIX в.: историко-археологическое исследование» и № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825», 2015–2017 гг.).

Объектом исследования стали образы Крыма, его жителей, его прошлого, а также деятельности России в регионе, сформированные в английских травелогах, выработанные ими топосы и стереотипы, характеризующие Тавриду, а также их параллели в «крымских» травелогах русских, французских, бельгийских, немецких авторов и в описаниях других «экзотических» стран.

Предметом исследования являются записки английских путешественников, описывающие Крымский полуостров, его жителей, природные богатства и пейзажи, экономику, историю и памятники культурного наследия в конце XVIII – первой трети XIX в.

Хронологические рамки исследования охватывают временной промежуток с 1783 г. (первое присоединение Крыма к России) и до 1830 г. (дата публикации травелога Джеймса Уэбстера; к этому времени завершается формирование туристических маршрутов и, следовательно, набор тем, освещенных травелогами, вырабатываются важнейшие стереотипы, свойственные образу Крыма в английском общественном сознании). Нижняя дата определяется присоединением Крыма к России и, вследствие этого, резким увеличением к нему интереса и включением его в маршрут английского *grand tour*. Верхняя дата определяется следующими обстоятельствами. Путешественники были любителями, а не профессионалами. Отсюда известная поверхностность их суждений в самых разных областях. Однако изначально именно собранная и осмысленная ими информация стала важнейшим источником сведений о Крыме, причем не только для читающей публики, так и для российской администрации (напомним, что сразу после присоединения Крыма Г. А. Потёмкин организовал ученые экспедиции П.-С. Палласа и К. И. Габлица для изучения полуострова). К концу же первой трети XIX в. российская администрация накопила существенный багаж информации о

Крыме, во многом порожденный изучением собственных ошибок в первые десятилетия управления регионом, и во многом – улучшившимся качеством экспертизы. Теперь не было нужды доверять суждениям путешественников при определении, например, экономических перспектив региона. В 1827 г. начались целенаправленные и задокументированные раскопки в Херсонесе и на городище Керменчик – в столице государства поздних скифов. С этого момента изучение древностей полуострова основывалось не только на описаниях памятников, но и на их раскопках. Ведущую роль стали играть более или менее профессиональные археологи, а не путешественники-любители. Если первоначально, в условиях неразвитости туристических услуг в Крыму, травелоги служили путеводителями для следующих (поколений) путешественников, то с выходом первого крымского путеводителя в 1834 г.⁷ в распоряжении последних появились специализированные издания. Наконец, в 30-е гг. XIX в. начинается ревизия британо-российских взаимоотношений, характеризующаяся нарастанием противоречий и русофобии, что закономерно привело к Крымской войне⁸. По всей видимости, справедливо наблюдение А. Л. Зорина, согласно которому первые российские десятилетия заложили основу образа Крыма в русском общественном сознании⁹. Думается, что влияние интеллектуальной обстановки этого времени на западные представления о Крыме было не менее значимым. Именно в конце XVIII – начале XIX в. был сформирован ряд важнейших «крымских» стереотипов, которые впоследствии лишь тиражировались. Исходя из всего изложенного, можно констатировать, что влияние травелогов на формирование общественных представлений о Крыме к началу 30-х гг. XIX в. весьма изменилось. Конечно, сам образ полуострова не был неизменным: он эволюционировал, приобретая новые черты (связанные, например, с Крымской войной, осмыслением Херсонеса как центра русского православия, Второй Мировой войной и особенно Ялтинской конференцией и пр.), но в

⁷ *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму / пер. с фр. В. В. Орехова. Киев : Стилос, 2011.

⁸ См.: *Орлов А. А.* «Астреин век»: Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.). М. : МПГУ, 2019.

⁹ *Зорин А.* Крым в истории русского самосознания. С. 123, 138–139.

дальнейшем включились новые способы и механизмы создания, трансформации и трансляции стереотипов¹⁰.

Географические рамки исследования включают, главным образом, территорию Крымского полуострова. Они расширяются как при сравнительном анализе образов и стереотипов, выработанных путешественниками при описании Крыма и других отдаленных («экзотических») стран (от Америки до Тихоокеанских островов), так и в ходе изучения конкретных тревелогов, описавших, помимо Крыма, другие регионы России и Средиземноморья. Следует отметить, что путешественники, в большинстве своем, не задумывались над тем, что Крымский полуостров был частью территориально более крупных административных образований (Таврическая область, Таврическая губерния, Новороссийская губерния), да и саму административную терминологию они, как уже говорилось, понимали и передавали достаточно приблизительно. Для них Крым имел самостоятельное (и самодостаточное) значение. Потому в работе используются термины «Крым», а также «Таврида» (в прямых и косвенных цитатах, а также при акцентуации нового, российского статуса полуострова), а для обозначения Северного Причерноморья в Российскую эпоху – «Юг России».

Положения, выносимые на защиту.

1. Созданные англичанами «крымские» тревелоги демонстрируют удивительную вариативность как в отношении жанров, использованных авторами литературных приемов и литературного качества, так и с точки зрения описываемых объектов и рассматриваемых сюжетов, оригинальности наблюдений и глубины проделанного анализа.

2. Описания Крыма, его природы, населения, истории и достопримечательностей зависели от индивидуального опыта конкретного путешественника, его характера, культурных и идеологических установок, жизненных интересов, уровня образованности и эрудированности. Тем не менее, существовал ряд общих тем, к которым обращалось большинство авторов

¹⁰ См., например: *Sasse G. The Crimea Question : Identity, Transition, and Conflict. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 2007.*

травелогов, причем зачастую они вели «диалог» между собой. В результате можно говорить не только об образе, но и о взаимодополняющих образах региона в английских травелогах.

3. Путешественники широко использовали не только эмпирический опыт, но и сочинения предшественников, нередко заимствуя их без соответствующих ссылок и включая в своей травелог пространные отрывки из трудов предшественников, как путешественников, так и кабинетных авторов (У. Тук, Э. Крейвен, автор текстов в травелоге Р. Уэрсли, М. Гатри). Пытаясь добиться доверия у читателей и следуя литературной моде, они могли придавать травелог форму писем, никогда не отправленных в реальности (Э. Крейвен), или вводили вымышленную фигуру – автора путевых записок (У. Тук, М. Гатри).

4. Записки путешественников сформировали исключительно привлекательный образ «земного рая», якобы расположенного в Крыму, в южной части полуострова. Этот топос сформировался под влиянием интеллектуальной традиции Просвещения, искавшей и «находившей» земной Эдем в далеких странах, и личного опыта отдельных путешественников, пересекавших сотни километров «бесплодной» степи перед тем, как достичь живописное нагорье и украшенный средиземноморской природой южный берег Крыма. По принципу *pars pro toto* топос «крымского рая» распространился на весь полуостров, вытеснив из общественного сознания память о степи, занимающей три четверти территории полуострова.

5. Записки путешественников сформировали образ «ленивого татарина¹¹», активно функционировавший в общественном сознании как минимум до конца XIX в. Данный образ основан, во-первых, на идеях Просвещения о «естественном

¹¹ В Российской империи «татарами» называли тюрок-мусульман, иногда с добавлением географического определения (отсюда «сибирские татары», «кавказские татары», «крымские татары»). С точки зрения же западных авторов, «татарами» были жители бескрайнего пространства от Чёрного моря до Тихого океана и от Арктики до северной Индии. По современным научным представлениям, крымско-татарская нация тогда ещё не сформировалась. Потому ненаучно идентифицировать *Crimean Ta(r)tars* путешественников Нового времени и современных крымских татар. Таким образом путешественники определяли жителей Крыма, говоривших на тюркском языке (или языках), исповадовавших ислам и имевших особую культуру и физический облик.

человеке»; во-вторых, на незнании о выработанном мусульманскими богословами особом отношении к предпринимательству, чуждом западной капиталистической этике; в-третьих, на непонимании конкретно-исторической ситуации в Крыму, характеризующейся господством натурального хозяйства и серьезными трудностями при организации торговли с внутрироссийскими губерниями и иностранными государствами. Образ был амбивалентен, вызывая у «романтиков» – восхищение, а у «практиков» – негодование, побуждая последних разрабатывать проекты замены крымских татар на «трудолюбивое» население с целью повышения эффективности эксплуатации ресурсов.

6. Представления путешественников об истории, археологии, этнологии (антропологии) характеризуют начальный этап становления этих научных дисциплин, когда многие из принципов современной науки (например, о принципе историзма, этнических процессах или классификациях языков) еще не были выработаны. Это приводило к тому, что многие авторы травелогов создавали по-своему логичные, но (с современной точки зрения) совершенно фантастические интерпретации увиденного. Этнонимы (скифы, гунны, монголы) зачастую служили не средством описания этнической реальности, но эпитетами, характеризующими прежде всего авторское отношение к «исторической роли» того или иного народа или государства.

7. «Накладывая» интеллектуальные установки Века Просвещения на увиденное в Крыму и вычитанное в сочинениях античных и средневековых авторов, путешественники интерпретировали прошлое Крыма как утраченный «золотой век». История региона воспринималась как перманентное противостояние двух начал – творческого («цивилизующего») и разрушительного («варварского»). Одни были склонны видеть в первом древних греков, римлян и средневековых генуэзцев, а во втором – скифов, турок и татар. Другие существенно «омолаживали» гипотетический «золотой век», относя его к эпохе Крымского ханства, а роль «губителей» отводили русским. Данный дискурс характеризовал, прежде всего, личные политические убеждения автора, определявшие

усвоенными им до путешествия принципами, а также субъективными переживаниями во время поездки.

8. Опубликованные записки путешественников привлекали внимание читателей к определённым природным объектам и памятникам культурного наследия, делая их посещение желательным для тех, кто отправлялся в Крым в будущем. Тем самым указанные объекты и памятники превращались в достопримечательности, Крым становился центром образовательного и развлекательного туризма, а на полуострове формировалась сеть туристических маршрутов.

9. Выработанные стереотипы и мифы оказывали как непосредственное, так и косвенное воздействие на читателей и, шире, образованную часть общества, утверждая в сознании определенное представление о Крыме и об исторической роли России в его судьбе. Многие из этих стереотипов сохранились до нашего времени. Так, исходя из априорного представления о превосходстве своей (английской) культуры, путешественники не воспринимали местных жителей как равных, а потому считали себя вправе самостоятельно «решать судьбу» крымских жителей, выдвигая соответствующие военно-политические проекты. Осмысливая прошлое крымских жителей в категориях утраченного величия, а своих современников-крымчан как «недостойных деяний великих предков», путешественники сформулировали мысль о необходимости вывоза археологических сокровищ на Запад ради их «спасения от варваров». Данный дискурс актуализировался в периоды конфликтов между Россией и Западом.

10. Записки путешественников по Крыму и выработанные ими топосы и стереотипы зачастую проявляют сходство с описаниями других отдаленных («экзотических») регионов – от Египта до Норвегии и от Америки до Тихоокеанских островов. Объяснению этого сходства заключается не столько сходством природно-климатических условий или культурно-исторических особенностей населения, сколько установками Западной (и, в частности, английской) культуры.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и комплексного подхода к источникам. В работе над диссертацией использовался как общенаучный, так и специально-научный методический инструментарий. Основой исследовательской работы являлся комплекс методов и подходов, выработанных современной имагологией, то есть гуманитарной дисциплиной, изучающий образы других стран и народов. Имагология исходит из того, что в эпоху Просвещения интеллектуалы Западной Европы выработали особое отношение к Востоку вообще и востоку Европы в частности. Этим экзотическим регионам, чуждым повседневному опыту западных философов, писателей и путешественников, приписывали определенные цивилизационные качества, полностью противоположные представлениям о собственной культурной «норме», причем этим качествам могла даваться не обязательно негативная, но также и позитивная оценка. Обращение к образу экзотической страны и ее жителей, прежде всего, давала возможность отыскать ответы на волнующие вопросы бытия и разобраться с актуальными проблемами своей культуры. Для деконструкции дискурсов, выработанных путешественниками и «кабинетными» писателями, используют обширный, продвинутый инструментарий, разработанный историками, культурологами, филологами и антропологами¹².

В исследовании используется системный подход, дающий возможность представить объект изучения в единстве и целостности и способствующий выявлению закономерностей генезиса, эволюции и функционирования образа Крыма, созданного травелогами, в сравнительной перспективе с образами других регионов в общественной мысли Европы. Записки путешественников содержат пласт информации, характеризующий историю, этнологию, археологию Крыма. Выявление и анализ этих сведений носят комплексный междисциплинарный характер с использованием археологических, этнографических, социологических, музееведческих и иных методов исследования.

¹² В сжатой форме данный методический инструментарий описан в следующих обзорных работах: *The Cambridge Companion to Travel Writing* / ed. P. Hulme, T. Youngs. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. P. 261–273; *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев : Laurus, 2012. С. 50–76.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования состоит в том, что это первое в историографии комплексное исследование образа Крыма, созданного английскими путешественниками в первые десятилетия после присоединения к России. Изучение образа данного региона важно в контексте развития методики имагологического исследования. Так, актуальный, выработанный прежде всего западной историографией исследовательский инструментарий абсолютизирует «власть дискурса», усвоенного путешественниками еще до начала поездки, и недооценивает индивидуальность травелогов; дискурсы рассматриваются фактически вне зависимости от тех объективных реалий, которые могли и должны были наблюдать путешественники. Проведенное исследование доказывает перспективность использования разностороннего, многоуровневого сравнительного анализа, сопоставляющего данные травелогов с обширным кругом разнообразных источников, позволяющих увидеть ситуацию в Крыму в описываемое время, а также с западной традицией рассказа о полуострове после 1783 г. и, шире, с западными стереотипами и фобиями, касающимися России и других стран.

В практическом плане в научный оборот введена обширная текстовая и графическая информация, проанализированы данные прежде не использовавшихся источников, что позволило пролить свет на малоизученные грани истории Крыма и определить корни взаимного непонимания в «крымском вопросе» у представителей России и Запада. Представители академического сообщества смогут использовать результаты исследования для разнообразной дальнейшей научной работы, а профессиональные педагоги – как объект для обучения и просвещения молодёжи. Публикация уникальных текстовых и изобразительных материалов сделала их доступными для научной, музейной, популяризаторской работы, в частности, для оформления выставок, подготовки учебных пособий, создания иллюстративных материалов для проведения учебных занятий в общеобразовательных организациях и образовательных организациях высшего образования Республики Крым, разработки экскурсионных маршрутов и текстов экскурсий, создания сувениров и пр.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для подготовки дисциплин (модулей), относящихся к вариативной части основных образовательных программ высшего образования по направлениям подготовки 46.03.01 История (уровень бакалавриата), 46.04.01 История (уровень магистратуры), 46.03.03 Антропология и этнология (уровень бакалавриата), 46.04.03 Антропология и этнология (уровень магистратуры), 51.03.01 Культурология (уровень бакалавриата), 51.04.01 Культурология (уровень магистратуры), 51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия (уровень бакалавриата), 51.04.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия (уровень магистратуры), 43.03.02 Туризм (уровень бакалавриата), 43.04.02 Туризм (уровень магистратуры), 45.03.01 Филология (уровень бакалавриата), 45.04.01 Филология (уровень магистратуры).

Апробация результатов диссертации прошла в ходе обсуждения на заседании Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, в серии научных публикаций, а также в виде пленарных и сессионных докладов на более чем 50 международных и общероссийских научных конференциях, в том числе: «Дни Юстиниана I» (*Days of Justinian I*; Скопье, Северная Македония, 2015, 2017); «23 Международный конгресс византийских исследований» (*23rd International Congress of Byzantine Studies*; Белград, Сербия, 2016); «На пути в неведомое? Сравнительные перспективы изучения Востока в (ранне)модерных травелогах» (*On the Way to the Unknown? Comparative Perspectives on the 'Orient' in (Early) Modern Travelogues*; Вена, Австрия, 2019); «Понтика и Кавказика 2. Междисциплинарные исследования древностей Причерноморья» (*Pontica et Caucasicca II. Interdyscyplinarne badania nad starożytnościami Morza Czarnego*; Варшава, Польша, 2019); «“Мы, однако, не должны считать себя пионерами”: музеи в бурных водах прошлого и настоящего» (*“We should not, however, think that we are pioneers” : Museums on Troubled Waters in the Past and Today*; Сегед, Венгрия, 2021); «Долгий XIX век в истории Беларуси и Восточной Европы» (Минск, Белоруссия, 2018); «Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских

политических интересов» (Алма-Ата, Казахстан, 2019; Санкт-Петербург, 2020); «Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв.» (Москва, 2018); «Готы в сравнении: восточногерманские сообщества между Балтикой, Понтом и Западом» (*The Goths Compared: East Germanic communities between Balticum, Pontus and the West*; Москва, 2019); 21–23 Всероссийские сессии византистов (Белгород, 2016; Екатеринбург, 2019; Судак, Республика Крым, 2022); «Новое прошлое 1–4» (Ростов-на-Дону, 2019–2022); «Вольтеровские чтения 2020: Как изучать Просвещение сегодня?» (Санкт-Петербург, 2020); «Государственная политика и образы власти в Центральной Европе и сопредельных регионах: восхваление, критика, отторжение» (Москва, 2021); и многих других конференциях международного и общероссийского уровня в Москве, Казани, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Пятигорске, Ростове-на-Дону, Архангельске, Севастополе, Ливадии, Бахчисарае, Керчи, Черноморском, Алуште, Евпатории, Форосе.

Публикации. Основные теоретические положения и выводы диссертации нашли своё отражение в более 140 научных публикациях на русском и английском языках, включая статьи, материалы и тезисы докладов, рецензии, из которых 38 в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ.

Опубликованы монографии: Храпунов Н. И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь : Альбатрос, 2022. 324 с.; Храпунов Н. И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX века. Севастополь : Альбатрос, 2022. 360 с.; Храпунов Н. И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX века. Приложение: «Живописное путешествие по Крыму» Реджинальда Хебера и Роберта-Уильяма Хейя. Севастополь : Альбатрос, 2022. 152 с.; а также разделы в коллективных монографиях: Российская империя и Крым / Д. В. Конкин [и др.]: под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 57–74, 97–118, 219–239, 241–258; Проблемы интеграции Крыма в состав

России, 1783–1825 / Н.И. Храпунов [и др.]; под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017 (2-е изд. – 2018). С. 75–91, 289–304, 305–326, 329–352, 383–403; История крымских татар в пяти томах. Т. 3 : Крымское ханство (XV–XVIII вв.) / отв. ред. И. В. Зайцев. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 36–40, 822–828.

Структура диссертационного исследования включает в себя введение, четыре главы, разделенные на параграфы, заключение, список использованных источников и литературы, список сокращений, иллюстрации.

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Источники

До присоединения к России в 1783 г. Крым был почти неизвестен в Великобритании. «Крым, или Крымская Тартария, полуостров в Черном море, между 33° и 37° восточной долготы и между 44° и 46° северной широты. Он соединяется с Малой Тартарией узким перешейком», – вот и всё, что сказано в первом издании «Британской энциклопедии»¹³. Крым считали частью огромной, загадочной и страшной «Тартарии», протянувшейся от Чёрного моря до Тихого океана и от Арктики до Индии¹⁴. Равнина, занимающая северную и центральную часть Крымского полуострова, является частью великой Евразийской степи, которая с глубокой древности была зоной жизни кочевых племён. В раннем средневековье европейцы воспринимали восточных кочевников как источник постоянных угроз для христианской цивилизации, носителей самых негативных черт – хаоса, беззакония, варварства¹⁵. После начала монгольских завоеваний XIII в. в пришедших с Востока «татарах» увидели выходцев из ада, предсказанных пророками предвестников конца света. Потому в название народа и страны добавили лишнюю букву, получив *тартары* и *Тартарию* как напоминание о Тартаре – преисподней древнегреческих мифов¹⁶. Даже те немногие, кто отказался

¹³ Encyclopædia Britannica ; or, A Dictionary of Arts and Sciences, Compiled upon a New Plan. Vol. 2. Edinburgh : A. Bell and C. Macfarquhar, 1771. P. 291.

¹⁴ Храпунов Н. И. Центральная Азия в воображении Запада в XVIII в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов : XVIII–XIX вв. М. : ОнтоПринт, 2020. С. 143–163.

¹⁵ Чекин Л. С. Эсхатологическая география в IX веке. Конец земли и обращение последних народов // Историческая география. 2012. Т. 1. С. 90–91.

¹⁶ Филлюшкин А. И. Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М. : Новое издательство, 2011. С. 13, 39, прим. 15, 16; Королева С. Б. Миф о России в британской культуре. М. : Флинта, 2021. С. 50–54.

от этой этимологии, предлагали альтернативы, также связывавшие имя татар с войнами и грабежом. Например, побывавший в Каффе (Феодосии) в 20-х гг. XVII в. итальянец Эмиддио Портелли д'Асколи писал: «к ним вполне подходит название татар, так как оно происходит от греческого глагола “таратто” (Taratto), т. е. я тревожу; говоря по правде, никто, скажем мы, так не тревожит людей, как татары»¹⁷. Фобия оказалась стойкой: подвержены ей были даже философы Просвещения. Готфрид-Вильгельм Лейбниц в частном письме (1699) заметил, что «если эти татары не будут постоянно воевать друг с другом, они смогут наводнить большую часть света, как это некогда сделал Чингисхан»¹⁸. Жан-Жак Руссо в трактате об «общественном договоре» (1762) писал о мрачном будущем, ожидавшем западную цивилизацию: «Российская держава пожелает покорить Европу, и сама окажется покорённой, её подданные – татары – и её соседи станут сначала её хозяевами, а потом нашими: этот переворот мне кажется неизбежным. Все короли Европы слаженно работают над тем, чтобы его ускорить»¹⁹. Эта мысль вызвала резкую критику Вольтера («Мысли об обществе»), считавшего, что «жалкие татарские орды» находятся «в крайнем упадке»²⁰. Очевидно, дело в том, что Руссо придерживался последовательных антироссийских взглядов, тогда как Вольтер, наоборот, видел в России динамичную молодую державу, готовую воспринять достижения Западной цивилизации²¹.

В конце средневековья – начале Нового времени в Крыму побывали немногочисленные европейцы, издавшие описание своих странствий²². Англичане

¹⁷ [Портелли д'Асколи Э.] Описание Черного моря и Татарию составил доминиканец Эмиддио [П]ортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарию и проч. 1634 г. / пер. с ит. Н. Н. Пименова // ЗООИД. 1902. Т. 24. С. 124.

¹⁸ Osterhammel J. Unfabling the East: The Enlightenment's Encounter with Asia / tr. from Germ. R. Savage. Princeton ; Oxford: Princeton University Press, 2018. P. 2, 519, note 3.

¹⁹ Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / пер. с франц. СПб. : Росток, 2013. С. 154.

²⁰ Вольтер. Избранные произведения / пер. с франц. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1947. С. 540.

²¹ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. И. Федюкина. М. : НЛЮ, 2003. С. 84–90; Митрофанов А. А. Французская политическая элита периода Революции XVIII века о России. М. : РОССПЭН, 2020. С. 75–77.

²² См.: Маркевич А. И. Таури́са: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК. 1894. № 20. С. 1–394; 1898. № 28. С. 92–185 (1–94); 1902. № 32–33. С. 47–128.

среди них были в явном меньшинстве. В начале XVII в. Самьюэль Пёрчас (1577?–1626) издал фундаментальный пятитомный корпус известий о дальних странах, в том числе – о владениях татар²³. Он был знаком с авантюристом Джоном Смитом (1580–1631), который за несколько лет до того был наёмником в Трансильвании, после неудачного сражения с войском крымского хана попал в плен, и в 1603 г. провёл несколько месяцев в рабстве в Восточном Приазовье. Пёрчас уговорил Смита написать о его приключениях. Хотя тот никогда не бывал в Крыму, но рассказал о полуострове, позаимствовав информацию из трудов других авторов (голландцев, поляков и англичан), нередко «переноса» на земли ханства реалии Ближнего Востока и Поволжья²⁴. Разнообразные сведения о Крыме и его жителях собрали англичане, пользовавшиеся сообщениями русских информаторов, в том числе посланник в Москве Джайлс Флетчер (ок. 1548–1611), врач царя Алексея Михайловича Самьюэль Коллинз (1619–1670) и инженер на службе у Петра I Джон Перри (1670–1732)²⁵. Английский консул в Смирне (ныне Измир) Поль Райкот (1667–1678) в трактате о государственном устройстве Османской империи описал крымских и ногайских татар, полагаясь полученные у турок данные²⁶. В 1711 г. Крым посетил Обри де ля Мотре (1674–1747) – британский подданный, происходивший из семьи эмигрировавших из Франции гугенотов. Считается, что он был тайным агентом шведского короля Карла XII (1682–1718, правил с 1697 г.).

²³ [Purchas S.] Purchas his Pilgrimes. Pts. 1–5. London : Henrie Fetherstone, 1625–1626. 1860 + 1973 + 1047 p.

²⁴ [Smith J.] The Complete Works of Captain John Smith. Vol. 3. Ed. Ph. L. Barbour. Chapel Hill; London : The University of North Carolina Press, 1986. P. 182–203; Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // ЗО. 2015. № 4. С. 146–158.

²⁵ Fletcher G. Russia at the Close of the Sixteenth Century. Comprising the Treatise “Of the Russe Common Wealth”. London : The Hakluyt Society, 1856. P. 85–95; Collins S. The Present State of Russia. In a Letter to a Friend at London ; Written by an Eminent Person residing at the Great Czars Court at Mosco for the space of nine years / ed. M. T. Poe. [Iowa City] : University of Iowa, 2008. P. 51–52; Perry J. The State of Russia, Under the Present Czar. London : Benjamin Tooke, 1716. P. 46, 136–140.

²⁶ Ryscault P. The Present State of the Ottoman Empire. London : John Starkey and Henry Brome, 1670. P. 57–60.

В рассказе о своих путешествиях де ля Мотре благожелательно описал крымских татар²⁷.

После 1783 г. Крым стал значительно более доступным (Приложение А, рис. 1). Теперь западные путешественники могли рассчитывать на покровительство российских властей, стремившихся произвести впечатление на иностранцев, продемонстрировав новое приобретение России и результаты её усилий по «распространению цивилизации» на «варварскую страну». Выяснилось, что Крым является идеальным местом для образовательного путешествия. Романтики наслаждались пейзажами южной части полуострова – плодородными горными долинами, а также красивым морским побережьем с пышной средиземноморской природой. Любители ботаники и зоологии собирали гербарии и описывали экзотических зверей, птиц и насекомых. Увлекавшиеся античностью осматривали развалины древних городов и искали остатки легендарного храма таврической Дианы. В Крыму жили представители нескольких «экзотических» народов, исповедовавшие различные религии. Бывший дворец крымского хана в Бахчисарае казался европейцам воплощением Востока, известного по переводам сказок «Тысячи и одной ночи», а также оперных и театральных постановок. Практичные авторы строили планы экономического развития региона и превращения его в центр международной торговли²⁸. В конце XVIII – начале XIX в. на полуострове побывали десятки российских и иностранных путешественников, среди которых были и подданные британской короны²⁹. Хотя в большинстве случаев Крым был

²⁷ *Motraye A. de la. Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa. Vol. 2. London : [n. p.], 1723. P. 22–39.*

²⁸ *Храпунов Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 329–352; Храпунов Н. И. «Азиатский мираж» и будущее Крыма : проекты западных интеллектуалов // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 57–74; Храпунов Н. И. Крым между Западом и Востоком в записках британских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. М.; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 81–100.*

²⁹ См. подробные (пусть и не полные) каталоги: *Cross A. G. In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge (UK) : Open Book Publishers, 2014; Маркевич А.И. Taurica...*

этапом длительной поездки, его имя нередко ставилось на титульный лист путевых записок вместе с названиями России, Турции и других стран. Это свидетельствует о том, что полуостров был осознан как особый историко-культурный феномен.

Следует сказать несколько слов об эволюции терминов, которыми англичане называли регион. Современное английское *Crimea* происходит от тюркского топонима *Крым* (*Qırım, Kırım*), возникшего в XIII в.³⁰ В XVIII в. англичане использовали форму *Crim* или *Crim Tartary* – так поступили, например, путешественник де ля Мотре³¹ и кабинетный историк Эдвард Гиббон (1737–1794), автор фундаментальной «Истории упадка и разрушения Римской империи»³². Форма *Crimea*, вероятно, заимствована из итальянского языка, где она появилась не позднее середины XVII в.³³ В английских текстах она становится обычной в конце XVIII в.³⁴ Показательно, что путешественник Уильям Итон использует три формы – *Crimea*, *Crim* и *Krimea*³⁵, а Уильям Тук – *Krimea* и *Krim*³⁶. Форму *Krimea* иногда применяли авторы первой половины XIX в., но тогда она уже была редкостью³⁷. В Российскую эпоху появляется и другое название – *Tauride*.

Согласно известным источникам, в античности Крым называли *Ταυρική*, *Taurica*, *Таврика*. Название *Таврида* (английское *Taurida*, французское *Tauride*) возникло лишь в Новое время. Оно образовано от не существовавшего прежде греческого слова *Ταυρίς, -ίδος. Вероятно, его появление связано с традиционным переводом названия классической трагедии Еврипида Ἰφιγένεια ἐν Ταύροις, которое

³⁰ О разных этимологиях этого названия см.: *Jankowski H.* A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. Leiden; Boston : Brill, 2006. P. 468–471.

³¹ *Motraye A. de la.* Travels...

³² *Gibbon Ed.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. 1. London : R. Priestley; J. Offor; W. H. Reid ; Priestley and Weale ; M. Doyle ; D. A. Talboys, 1821. P. 29, 306–307.

³³ См.: *Bisaccioni M.* Historia delle gverre civili di qvesti vltimi tempi. 2da ed. Bologna : Carlo Zenero, 1653. P. 544, 557, 594, 598, 625, 628.

³⁴ The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature for the Year 1783. London : J. Dodsley, 1785. P. 220, 344–345, 363–365.

³⁵ *Eton W.* A Survey of the Turkish Empire. London : T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. P. xxvi, 301, 304.

³⁶ [*Tooke W.* Original Correspondence from Russia] // The Gentleman's Magazine : and Historical Chronicle. 1786. Vol. 56. No. 2. P. 552, 644.

³⁷ Например: *Lyall R.* Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. Vol. 1. London : T. Cadell, 1825. 527 p.

в западноевропейской традиции передавали как *Iphigenia in Tauris*, «Ифигения в Тавриде», то есть в стране (тавров), тогда как корректная версия включала бы название народа – «Ифигения у тавров». Как бы то ни было, после 1783 г. название *Таврида* подчёркивало начало нового этапа в жизни края. Переименование Крыма в Тавриду или Таврическую область было лишь одним из проявлений «политики названий» Екатерининской эпохи, когда города на юге (в том числе на землях, отвоёванных у османов) получали новые, славянские или греческие, имена³⁸. Этим подчёркивалось классическое («западное», «европейское») наследие региона и одновременно «права» России на него. Таков был один из важнейших аспектов идеологии Екатерины II, утверждавшей, что русские являются наследниками греков и апеллировавшей к завоеваниям князей древней Руси на юге³⁹. В XVIII в. античность стала модной в Западной Европе, а Грецию начали воспринимать как колыбель европейской цивилизации⁴⁰. Следствием этого было увлечение европейского искусства разнообразными античными темами, в частности – изображением развалин древних построек, реплики которых «воспроизведения» в дворцово-парковой архитектуре⁴¹. Интеллектуальные лидеры Просвещения, например Шарль де Монтескьё (1689–1755) или Адам Смит (1723–1790), обращались к историческому опыту греко-римской цивилизации в поисках аргументации для своих социальных и экономических теорий. Таким образом, апеллируя к «крымской античности», Екатерина II говорила на понятном Западу языке. В рамках той же идеологической программы на карте Крыма появились греческие названия городов, нередко «позаимствованные» издалека. Так, «Левкополем» – от имени древнегреческого города в Малой Азии – планировали

³⁸ *Unbegaun B.* Les noms des villes russes: la mode slavonne // RES. 1936. Т. 16. Fasc. 1–2. P. 65–75; *Unbegaun B.* Les noms des villes russes: la mode grecque // RES. 1936. Т. 16. Fasc. 3–4. P. 214–235.

³⁹ *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : НЛЮ, 2004. С. 33–64, 97–122; *Проскурина В.* Империя пера Екатерины II. Литература как политика. М. : НЛЮ, 2017. С. 160–194.

⁴⁰ *Eisner R.* Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1993. P. 63–88; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М. : Кучково поле, 2016. С. 139–140.

⁴¹ *Шёнле А.* Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени / пер. с англ. А. Степановой. М. : НЛЮ, 2018. С. 51–55.

назвать сначала Акмечеть (ныне Симферополь), а затем Эски-Крым (ныне Старый Крым). Исторический Севастополь находился на месте Сухума в Абхазии. А вот топоним «Симферополь» вообще не имел исторических параллелей. Судя по всему, наместник Юга России⁴² Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791) сначала составил список греческих названий и только потом стал «примерять» их поочерёдно к разным крымским городам⁴³. Поэтому на карте Крыма, составленной Фёдором Осиповичем Черным (1745–1790), имеется две Феодосии, Бахчисарай назван «Семфирополем», а нынешний Симферополь – «Левкополем»⁴⁴.

«Крымские травелоги» весьма отличаются по объёму, оригинальности и информативности. Критерием отбора десяти путевых записок, ставших основными (но не единственными) объектами настоящего исследования стали их информативность, разнообразие, индивидуальность. Избранные сочинения характеризуют разные способы изучения и осмысления Крыма, а также изложения и представления результатов наблюдений. Каждый из этих десяти трудов представляют собой индивидуальный опыт восприятия «нового мира», отягощённый неизбежными фобиями и стереотипами, порождёнными культурной принадлежностью, уровнем образованности и складом характера автора. Определённое внимание уделяется аспектам частной жизни авторов, поскольку особенности личности могли повлиять на восприятие и интерпретацию крымских реалий.

Помимо десяти травелогов, анализ которых составляет основное содержание работы, были и другие, рассмотренные в отдельных публикациях⁴⁵. Они

⁴² Путешественники, как правило, не обращали внимание на тонкости административной терминологии, принятой в Российской империи, и потому использовали приблизительные эквиваленты для российских должностей. Так, например, «наместничество», «губерния» и «область» обычно определялись как *province*, а «наместник», «губернатор» и «правитель», – как *governor*.

⁴³ Храпунов Н. И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века // ЗО. 2016. Т. 4. № 4. С. 834.

⁴⁴ Смекалова Т. Н., Белик Ю. Л. Полевая фортификация Крыма в суворовскую эпоху. Симферополь : Феникс, 2013. Рис. 132, вклейка.

⁴⁵ Храпунов Н. И. К истории британских путешественников по Крыму на рубеже XVIII–XIX вв. // III Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами

значительно менее информативны и менее оригинальны, а потому привлекаются, главным образом, в качестве аналогий при изучении отдельных аспектов восприятия Крыма. Так, например, дневники ученого и эрудита Джона Туэдделла, весьма информативные по описаниям современников, утрачены; сохранились лишь его письма⁴⁶. Оригинальные письма Джона-Йорка Ройстона концентрируются на его личных переживаниях, а сведения о Крыме во многом отражают правку, выполненную редактором травелога, с использованием материалов Эдварда Кларка⁴⁷. Опубликованные записки из дневника Джона Паркинсона ограничиваются описанием Бахчисарая⁴⁸. Травелог Роберта Лайалла стилистически и содержательно похож на сочинение Кларка, значительно уступая ему эрудированностью и знанием античных и средневековых авторов⁴⁹. Подробные и вполне доброжелательные по отношению к России записки Джеймса Александера во многом напоминают сочинения Реджинальда Хебера и Джеймса Уэбстера⁵⁰. Наконец, существуют краткие отчеты о работе в Крыму, опубликованными английскими и шотландскими миссионерами, но их информативность существенно уступает книге Эбенезера Хендерсона⁵¹.

Ниже приводится краткая характеристика травелогов, анализ которых стал основным содержанием диссертационного исследования. Уильям Тук опубликовал

Востока»: Материалы. Т. 1. М. : Пробел-2000, 2019. С. 277–280; Храпунов Н. И. Как англичане «открыли» Крым в конце XVIII в // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2020. Т. 1. Вып. 3. URL: http://vistory-svgu.ru/?page_id=303; Храпунов Н. И. Крым между Западом и Востоком в записках британских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. М.; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 81–100.

⁴⁶ [Tweddell J.] Remains of the Late John Tweddell. London : J.Mawman, 1815. 179 p.

⁴⁷ Pepys H. The Remains of the Late Viscount Royston: A Memoir of His Life. London : John Murray, 1838. 332 p.

⁴⁸ Храпунов Н. И. Бахчисарай Джона Паркинсона (1793 г.) // БИ. 2016. Вып. 32. С. 192–202.

⁴⁹ Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. Vol. 1. London : T. Cadell, 1825. 527 p.

⁵⁰ Храпунов Н. И. Другая николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн.: Дж. Александер. Россия глазами иностранца // АИ. 2011. № 2. С. 397–405.

⁵¹ Храпунов Н. И. Западноевропейские миссионеры в Крыму // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 289–304; Храпунов Н. И. О деятельности протестантских миссионеров в Крыму в первой четверти XIX в. // История и археология Крыма. 2017. Вып. 6. С. 264–277.

описание Крыма в составе рассказа о своем путешествии от Петербурга до Азова, предпринятого в 1785 г. Травелог оформлен в форме писем к редактору популярного журнала *Gentleman's Magazine*⁵². Сам автор в это время проживал в Петербурге, занимая должность капеллана английской колонии, и вел активную научную деятельность. В Крыму Тук не был, но, чтобы придать достоверность своему тексту, он изобрел фигуру «капитана П.», который, якобы, предоставил ему «полный отчет» о Тавриде. На самом же деле Тук воспользовался записками русского путешественника Василия Фёдоровича Зуева (1754–1794), ездившего по Крыму по поручению Академии наук в 1782 г, то есть еще до присоединения полуострова к России. Перерабатывая известия Зуева, переформатируя их в иной последовательности и дополняя материалами, позаимствованными в других источниках, Тук создал сочинение в жанре «вымышленного травелога», весьма популярного в эпоху Просвещения⁵³.

Другим примером подобного рода является книга Маттью Гатри, отличающаяся как большим объемом, так и научностью содержания⁵⁴. По сути дела, Гатри создал описание прошлого Крыма и его археологических памятниках, оформив его как рассказ о путешествии, очевидно, вдохновляясь знаменитым «Путешествием юного Анахарсиса» Ж.-Ж. Бартеlemi. Материалами ему послужили опубликованные травелоги, исторические исследования, а также издания письменных источников по истории Крыма. Гатри был коллекционером и нумизматом-любителем, потому важную роль в книге играют древние монеты, которые не просто описаны, но использованы для реконструкции династической истории Боспорского царства. Важная черта травелога – то, что Гатри скрыл свое авторство, приписав книгу своей покойной жене, которая действительно ездила в

⁵² [Tooke W. Original Correspondence from Russia] // The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle. 1786. Vol. 56. No. 2. P. 552, 644–648, 847–851.

⁵³ Храпунов Н. И. Известия о Крыме и о Крымском Ханстве, собранные Уильямом Туком в 1785 г. // ЗО. 2018. Т. 6. № 3. С. 579–595.

⁵⁴ Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, or Crimea, the Antient Kingdom of Bosphorus, the Once-Powerful Republic of Tauric Cherson, and All the Other Countries on the North Shore of the Euxine, Ceded to Russia by the Peace of Kainargi and Jassy / ed. M. Guthrie. London : T. Cadell, jun., and W. Davies, 1802. 446 p.

Крым «для поправки здоровья». Том разделен на «письма», якобы отправленные мадам Гатри, но, в действительности, являющиеся аналогом глав⁵⁵. Почтив таким образом память ушедшей супруги, доктор Гатри ввел в заблуждение многих исследователей.

Еще одним примером «энциклопедического травелога» является сочинение Эдварда Кларка. Основываясь на дневниках, которые он вел во время поездки на Юг России в 1800 г., Кларк создал разностороннее описание Крыма, в котором использовал разнообразные исторические источники, труды по естественной истории, ботанике и зоологии⁵⁶. Его интересовали археология и минералогия, эпиграфика и история искусства, ботаника и энтомология. Кларк создал себе репутацию выдающегося знатока дальних стран. Пять прижизненных изданий «российской» части травелога, к тому же переведенного на французский и немецкий, тому свидетельство. Огромное влияние на него оказал знаменитый натуралист, немец по происхождению Петер-Симон Паллас, с которым англичанин познакомился в Крыму. Кларк отнюдь не был беспристрастен – многие страницы его труда являются антироссийским памфлетом. Среди прочего, он положил начало традиции обвинять русских в намеренном уничтожении памятников культурного наследия, которые, поэтому, нужно было «спасать», вывозя за рубеж⁵⁷. Уже наиболее проникательные путешественники следующего поколения поняли, что субъективизм Кларка во многом объяснялся его скверным характером и комплексами полунцифа губернера, которому бедность не позволяла стать университетским профессором⁵⁸. Наконец, опубликованы письма Кларка к семье и

⁵⁵ Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 157–170; Храпунов Н. И. Прошлое, настоящее и будущее Крыма глазами «русского шотландца» Маттью Гатри // Новое прошлое / The New Past. 2019d. № 2. С. 20–35.

⁵⁶ Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey. London : T. Cadell and W. Davies, 1810. 812 p.

⁵⁷ Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка : от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3. С. 116–132; Храпунов Н. И. Эдвард Кларк, Реджинальд Хебер и формирование представлений о Крыме в культуре Запада // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 219–239.

⁵⁸ Храпунов Н. И. Другая николаевская Россия...

друзьям. Не менее резкие в оценках, они значительно уступают травелогу в «научности», а потому показывают, что именно добавлял автор травелога во время «кабинетной» работы⁵⁹.

Кларк широко цитировал неопубликованный тогда дневник своего университетского знакомого Реджинальда Хебера. Талантливый поэт, впоследствии ставший англиканским миссионером в Индии, Хебер побывал в Крыму в 1806 г., по традиции отправившись в длительную зарубежную поездку для получения практических знаний о мире. Его дневники и письма полностью опубликованы после смерти автора. Они не редактировались после возвращения на родину, а потому отражали непосредственные впечатления англичанина-интеллектуала в чужой стране⁶⁰. Хебер лаконичен, ироничен, широко образован – он мог цитировать по памяти древнегреческих поэтов и латинских географов. К тому же ему был чужд снобизм и отношение к объекту наблюдения «свысока», столь характерные для Кларка. Он доброжелательно относился к русским, но не склонен был и закрывать глаза на их ошибки⁶¹. Письма Хебера к друзьям дают уникальное описание тех сложностей, с которыми сталкивались путешественники в Крыму, а также информацию о практических вещах, таких как найм лошадей, гостиницы, обмен валюты и пр.⁶²

Другой пример не отредактированных дневниковых записей – травелог Джеймса Уэбстера⁶³. Этот молодой юрист также отправился в Европу и на Ближний Восток с образовательными целями, и в 1827 г. прибыл в Крым.

⁵⁹ Храпунов Н. И. Крымские письма Эдварда-Даньела Кларка // МАИЭТ. 2019. Вып. 24. С. 470–510.

⁶⁰ [Heber A.] The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his widow. Vol. 1. New York : Protestant Episcopal Press, 1830. 638 p.

⁶¹ Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. 14. С. 645–697; Храпунов Н. И. Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. // КИО. 2015. № 3. С. 252–273; Храпунов Н. И. Эдвард Кларк, Реджинальд Хебер...

⁶² Храпунов Н. И. Путеводитель по Восточной Европе начала XIX века // БИАС. 2008. Вып. 3. С. 299–315.

⁶³ Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt ; Performed during the Years 1825–1828 : Including Particulars of the Last Illness and death of the Emperor Alexander, and of the Russian Conspiracy in 1825. Vol. 1. London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 162 p.

Безвременная смерть автора привела к тому, что его дневники были изданы без последующей правки. По сравнению с текстом Хебера, записки Уэбстера гораздо более эмоциональны. Их автор сентиментален, склонен к длительным рассуждениям на темы религии и морали, а также политики. В отличие от большинства своих современников, он крайне скептически относился к поддержке борьбы Греции за независимость. Оригинальность его взглядов проявлялась и в том, что, рассматривая ислам как примитивную религию, он тем не менее не стал отказывать мусульманам в искренности и благочестии. Уэбстер был склонен к поиску рациональных объяснений увиденных им феноменов, даже если те казались ему странными и нелогичными⁶⁴. В травелоге Уэбстера приводятся уникальные сведения о важнейших археологических открытиях – находке столицы государства поздних скифов и первых раскопках на Херсонесском городище⁶⁵.

Уильям Итон, авантюрист и неудачливый коммерсант, включил сведения о Крыме в трактат об Османской империи и о тех действиях, которые он предлагал европейским державам предпринять на Ближнем Востоке в будущем⁶⁶. Итон считал «прогрессивным» изгнание турок и татар из Европы, а потому поддерживал экспансию России в Причерноморье. Его труд многократно переиздавался и цитировался лидерами общественного мнения, в частности, лордом Байроном. Описывая Крым, где он побывал дважды еще до падения ханства и потому опирался на личный опыт, Итон «переводил» местные административные и социальные реалии на знакомый его читателям язык, подыскивая «западные» эквиваленты терминам мусульманской и золотоордынской традиции. Англичанину удалось собрать и упорядочить ряд ценных сведений о Крымском ханстве, его

⁶⁴ Храпунов Н. И. Восточная Европа в дневнике шотландского путешественника Дж. Уэбстера (1827) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 85–97; Храпунов Н. И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) // МАИЭТ. 2014. Вып. 19. С. 379–426.

⁶⁵ Храпунов Н. И. Джеймс Уэбстер и Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : империя и полис. Севастополь : Арефьев, 2013. С. 351–366; Храпунов Н. И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик – предполагаемого скифского Неаполя // История и археология Крыма. 2015. Вып. 2. С. 461–469.

⁶⁶ Eton W. A Survey of the Turkish Empire. London : T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. P. 304–333.

государственном устройстве, социальной структуре, экономике и пр. Особенность труда Итона – полемика с популярными сочинениями французами французских дипломатов, консулов в Крымском ханстве Шарля де Пейссоннеля и Франсуа де Тотта. Он, очевидно, рассматривал французов как традиционных соперников своей страны, а интересы Франции в Средиземноморье и Причерноморье считал противоречащими английским⁶⁷.

Совершенно особым источником является сочинение Мери Хоулдернесс⁶⁸. Подобно книге Гатри, оно относится к псевдо-эпистолографии, то есть оформлено как набор писем, в реальности никогда не отправлявшихся адресату. Письма в данном случае – аналог глав, написанных на основе путевого дневника (1786), а также пространной цитаты из сочинения «кабинетного» ученого Иоганна Тунманна. Публикуя свой тревелог, Крейвен не скрывала, что хотела превзойти литературную славу леди Мери Уортли-Монтегю, автора популярных писем о жизни в столице Османской империи. Помимо этого, она стремилась оправдаться перед публикой, скандализированной поведением Крейвен – ей пришлось расстаться с мужем и покинуть родину после того, как тот застал ее *in flagranti delicto* с послом враждебной страны (Франции). В дальних странах Крейвен мало интересовал быт местных жителей. Ее описания исторических достопримечательностей и природных памятников не слишком конкретны. В центре внимания путешественницы – она сама. Крейвен создает образ храброй и остроумной англичанки в варварских странах, концентрируясь на собственных приключениях, где Крым – лишь фон, подобный театральным декорациям⁶⁹.

Еще одной дамой, оставившей оригинальное описание Крыма, была Мери Хоулдернесс⁷⁰. Единственная из всех путешественников, она жила на полуострове

⁶⁷ Храпунов Н. И. Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона // ЗО. 2020. Т. 8. № 1. С. 147–166.

⁶⁸ [Craven E.] A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters. London : G. G. J. and J. Robinson, 1789. 327 p.

⁶⁹ Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Визит знатной дамы: Элизабет Крейвен в Крыму // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 2. № 2. С. 122–136.

⁷⁰ Holderness M. Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia. 2nd ed. London : Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. 316 p.

в течение сравнительно длительного времени. Четыре года (1816–1820) Хоулдернесс провела в английской колонии, основанной в восточном Крыму талантливым, но неудачливым агрономом Артуром Янгом-младшим. В отличие от богатой аристократки Крейвен, Хоулдернесс принадлежала к среднему классу. Там, где Крейвен изощрялась в остроумии или строила глобальные, но фантастические планы освоения Крыма, Хоулдернесс приводила практические сведения о ценах на продукты или отношении татар к труду. Ее основной интерес был не только к экономике, но и к быту местного населения. Во время жизни в Тавриде англичанка сошлась с татарскими крестьянами, а потому смогла описать, например, свадебные и погребальные обряды, народную «медицину» и т. п. Предметом ее интереса были не только крымские татары, но и болгары, греки, армяне, русские и другие этноконфессиональные общины. В отличие от путешественников-мужчин, Хоулдернесс ничего не говорит об истории и памятниках Крыма, но ее сочинение представляет большой интерес как источник по этнографии полуострова.⁷¹

Эбенезер Хендерсон – пример путешественника особого типа, миссионера-историка. В Крыму он оказался в 1821 г в качестве сотрудника Библейского общества, занимавшегося переводом Священного писания на языки народов империи и распространением печатной Библии. Отсюда пространные описания общения с религиозными лидерами караимов или успехов и неудач в миссионерской деятельности, а также пространные размышления об особенностях перевода священных текстов на тюркский язык⁷². Травелог Хендерсона представляет собой дневник, существенно переработанный и расширенный после возвращения из поездки за счет научной работы с другими изданиями. Хендерсон обладал уникальной эрудицией и знал более десяти живых и мертвых языков. Интересуясь историей и имея возможность читать греческие и латинские

⁷¹ Храпунов Н. И. Как описать этнографию имперской провинции: Мери Хоулдернесс в Крыму // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4. С. 174–189.

⁷² Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia, Including a Tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus. London : James Nisbet, 1836. 538 p.

источники в оригинале, он подробно описывал исторические памятники и отдельные сюжеты из прошлого Тавриды. Глубокая религиозность автора позволила ему осмысливать прошлое с точки зрения христианской морали⁷³.

Наконец, особым случаем является травелог Ричарда Уэрсли⁷⁴. Специфика источника заключается в том, что он представляет собой каталог древностей и редкостей, собранных путешественником в Средиземноморье и Причерноморье. К Крыму относятся четыре пейзажа, в описаниях которых использованы работы других путешественников и исследователей. «Визуальный травелог» не только способствовал популяризации Крыма на Западе, но и помогал осмыслению природных памятников как туристических достопримечательностей. Травелог Уэрсли внес вклад в мифологизацию крымских ландшафтов, когда на фоне живописной природы стали локализовывать, например, храм Дианы-Артемиды, известный из греческих мифов, но в реальности никогда не существовавший на крымских берегах⁷⁵.

Помимо охарактеризованных выше, в работе использованы путевые записки представителей иных культур, в том числе написанные французами⁷⁶, немцами⁷⁷,

⁷³ Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Прошлое Крыма в восприятии британского миссионера Эбенезера Хендерсона // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 4. С. 99–112.

⁷⁴ Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems. Vol. 2. London : Septimus Prowett, 1824. 65 p.

⁷⁵ Храпунов Н. И. Ричард Уэрсли и Крым // БИ. 2019. Вып. 39. С. 378–403.

⁷⁶ Пейссон[н]ель Ш. де. Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Лотошниковой. Днепропетровск : Герда, 2009. 80 с.; *Peyssonnel [Cl-Ch.] de. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxine.* Paris : N. M. Tilliard, 1765. 364 p.; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. 20. С. 395–430; Храпунов Н. И. Крымское путешествие Виктора де Карамана // МАИЭТ. 2021. Вып. 26. С. 498–527; *Séjour [L.-Ph.] de. Mémoires ou souvenirs at anecdotes.* 2me éd. Т. 2. Paris : Alexis Eymery, 1826. 438 p.; *Séjour [L.-Ph.] de. Mémoires ou souvenirs at anecdotes.* 3me éd. Т. 3. Bruxelles : X. Renaudière, 1827. 686 p.; *Romme Ch.-G. Voyage en Crimée en 1786 / présenté par M. Deschanet, G. Bekirova.* Paris : L'Harmattan, 2016. 149 p.; *Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803.* Paris : Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.; Гибаль П. Обозрение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибалья, 1818–1819 / пер. с франц. Т. П. Петерс. М. : Русский Миръ, 2017. 416 с.; Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета // МАИЭТ. 2009. Вып. 15. С. 656–681.

⁷⁷ [Манштейн Х.-Г. фон]. Записки Манштейна о России, 1727–1744 / пер. с фр. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1875. 378 с.; [Клеemann Н.-Э.] Клеemannово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым / пер. с нем.

неаполитанцем⁷⁸, бельгийцем⁷⁹, швейцарцем⁸⁰, венесуэльцем⁸¹, а также русскими⁸². Эти источники позволяют как обозначить круг аналогий английским суждениям, топосам и стереотипам, так и сделать вывод о том, что круг обсуждаемых путешественниками, принадлежавшим к разным культурам, тем был достаточно близок. При анализе некоторых особенностей изобразительного метода, примененного путешествующими художниками, привлечены крымские пейзажи и бытовые зарисовки, выполненные в исследуемое время профессиональными живописцами⁸³. В работе использованы публикации

И. Одинцова. СПб. : Государственная военная коллегия, 1783. 250 с.; *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / пер. с нем. А. Л. Бертъе-Делагард, С. Л. Белявской. М. : Наука, 1999. 246 с.; *Храпунов Н. И.* Крым в 1792 году в описании Иоганна-Кристиана фон Струве // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Симферополь : Антиква, 2012. С. 34–50; *Храпунов Н. И.* Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // МАИЭТ. 2013. Вып. 18. С. 456–473.

⁷⁸ *Людольф [К.] де.* Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Т. 2 (март). С. 155–201.

⁷⁹ [*Ligne Ch.-J. de*] *Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne.* 4me éd. / ed. Mad. de Staël Holstein. Paris; Genève : J. J. Paschoud, 1809. 336 p.; *Ligne Ch.-J. de.* *Correspondances russes* / éd. A. Stroev, J. Verduytsse. Paris : Honoré Champion, 2013. 1021 p.

⁸⁰ *Dubois de Montpéroux F.* *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée.* Т. 5–6. Paris : Librairie de Gide, 1843. 464 + 461 p.

⁸¹ *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской империи / пер. с исп. М. С. Альперовича, В. А. Капанадзе, Е. Ф. Толстой. М. : Наука/Интерпериодика, 2001. 364 с.

⁸² [*Зуев В. Ф.*] Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. [Часть 5] СПб. : Императорская академия наук, 1790. С. 265–303; *Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М. : Университетская типография, 1800. 238 с.; *Сумароков П.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 1. СПб. : Императорская типография, 1803. 226 с.; *Сумароков П.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 2. СПб. : Императорская типография, 1805. 244 с.; [*Муравьев-Апостол И. М.*] Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб. : Типография при особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. 337 с.; Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников / ред. В. А. Кошелев. Великий Новгород ; Симферополь ; Нижний Новгород : Растр, 2017. 768 с.

⁸³ *Александрова Н.* Жан Балтазар де ла Траверс. «Путешествующий по России живописец». М. : Жираф, 2000. 128 с.; Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова (к 270-летию со дня рождения художника) / сост. М. Р. Мальгина. Симферополь : Н. Оріанда, 2017. 132 с.; *Гейслер Х. Г. Г.* Быт и нравы русского народа на рубеже XVIII–XIX веков / пер. с нем. В. В. Акунова, М. Д. Булычевой, Т. А. Граблевской. М. : Кучково поле, 2015. 384 с.; *Гончарова Н. Н. Е. М. Корнеев.* Из истории русской графики начала 19 века. М. : Искусство, 1987. 381 с.; *Мальгина М. Р.* Виды Крыма первой половины XIX в. Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь : СОНАТ, 2006. 260 с.; *Філас В. М.* Візуальне освоєння Північного Причорномор'я останньої чверті XVIII – середини XIX ст. : джерелознавчий аналіз. Запоріжжя : Видавництво Хортицької національної академії, 2018. 460 с.; *Храпунов Н. И.* Культурное наследие Крыма эпохи Золотой Орды и Крымского

документов, раскрывающих различные грани истории Крыма, а также рассказывающие о пребывании путешественников на полуострове⁸⁴. Следует отметить, что в британских архивах хранятся неопубликованные тревелогги (например, второй том «Путешествия» Гатри – в собрании Британского музея, а материалы из путешествия Уэрсли – в частном собрании его потомков). Использовать их в данном исследовании нецелесообразно, так как они, не будучи опубликованными, не могли повлиять на общественное мнение, формирование образов, стереотипов и топосов. Аналогично, российские архивохранилища могут содержать материалы, описывающие присутствие англичан в Крыму, но также не создаваемые ими описания полуострова. Изучение такого рода документов – предмет для самостоятельного исследования.

В заключение параграфа следует отметить следующие обстоятельства. В русскоязычной историографии не сложилось единого написания большинства имён английских путешественников. Так, например, имя *Elizabeth Craven* транслитерируют как «Элизабет Кравен» и «Элизабет Крейвен», *Matthew Guthrie* – как «Метью Гутри» и «Маттью Гатри», а *Ebenezer Henderson* – как «Эбенезер Гендерсон» или «Эбенезер Хендерсон». В данном исследовании написание всех английских имён приведено к академической норме согласно соответствующему словарю⁸⁵. Единственное исключение – имя *Reginald Heber*, которое передано как «Реджинальд Хебер» в знак уважения к традиции, заложенной выдающимся

ханства в описаниях иностранцев рубежа XVIII–XIX вв. // ПИФК. 2017. № 4. С. 270–291; Храпунов Н. И. Изображения крымских памятников, оставленные путешественниками конца XVIII – начала XIX в. : некоторые предварительные наблюдения // Уваровский таврический сборник «Древности Юга России». М. : ГПИБР, 2020. С. 172–198; Храпунов Н. И. О крымских акварелях Андрея Воронихина // БИ. 2020. Вып. 40. С. 229–238.

⁸⁴ Например: Присоединение Крыма к России, 1783–1796 гг.: сборник документов / сост. Н. Ю. Болотина. М. : Кучково поле, 2019. 432 с.; Стевен А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 33–54; [Тизенгаузен В. Г.] О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. Т. 1872. Т. 8. С. 363–403.

⁸⁵ Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий. Около 22 700 фамилий. М. : Русский язык, 1986. 576 с.

исследователем англо-русских культурных связей Э.-Г. Кроссом и переводчиками его трудов на русский язык⁸⁶.

В диссертационном исследовании приводится множество цитат из источников. За исключением особо оговорённых случаев, переводы выполнены автором настоящего исследования. В случае цитирования по русским изданиям, переводчики указаны в библиографическом списке.

В исследуемую эпоху англичане не видели разницы между русскими и россиянами. В их сочинениях термин *Russians* обозначал как этнос («русские»), так и политическую нацию (дворянство и чиновничество Российской империи разного этнического происхождения, «россияне»). Впрочем, подобная путаница возникала и в русскоязычных официальных документах⁸⁷. В данной работе *Russians* передаётся как «русские», следуя отечественной традиции перевода травелогов.

⁸⁶ Ср.: Кросс Э. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб. : Гуманитарное агентство; Академический проект, 1996. С. 217; Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н. Г. Беспятых, Ю. Н. Беспятых. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. с. 122, 275, 415.

⁸⁷ См.: Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XVIII вв. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2018. С. 18.

1.2. Историография

Начало научному изучению путевых записок как источника по истории Крыма положил А. Л. Бертье-Делагард в нескольких новаторских статьях. Не будучи теоретиком, он пытался использовать травелоги для решения конкретных проблем крымской истории. Анализируя античные и средневековые постройки на юго-западной оконечности Крымского полуострова, исследователь продемонстрировал эффективность сопоставления записок путешественников с местными реалиями, реконструируемыми по другим источникам. Оказалось, что травелоги не фиксируют увиденное «фотографическим образом», но создают и передают друг другу шаблонные описания, нередко преломляющие реальность в самой невероятной манере⁸⁸. Анализируя вопрос о возникновении монастыря св. Георгия на юго-западной оконечности Крымского полуострова и о его дальнейшей истории, исследователь не просто проанализировал травелоги, но подверг их перекрестному анализу, сопоставляя как между собой, так и с реалиями, реконструируемыми по данным других исторических и археологических источников⁸⁹. Еще одна работа исследователя посвящена образу Гурзуфа в связи с пребыванием Пушкина в Крыму в 1820 г. Здесь А. Л. Бертье-Делагард в очередной раз продемонстрировал, что сравнительный анализ травелогов и других типов исторических документов способен раскрыть пути формирования локальных мифов и «ложной памяти», живой у современных людей, но имеющей мало сходства с исторической реальностью⁹⁰. Перечисленные работы, без преувеличения, опередили свое время; их можно считать примерами, показывающими богатство источникового потенциала травелогов. Исследователь

⁸⁸ *Бертье-Делагард А. Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 166–279.

⁸⁹ *Бертье-Делагард А. Л.* К истории христианства в Крыму // ЗООИД. 1910. Т. 28. С. 1–108.

⁹⁰ *Бертье-Делагард А. Л.* Память о Пушкине в Гурзуфе. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1913.

не выделял английские травелоги из общей группы записок путешественников и не делил травелоги на жанры. Эти особенности свойственны и описанным ниже работам.

В дальнейшем археологи, изучавшие памятники культурного наследия Крыма, привлекали свидетельства путешественников для характеристики состояния объектов на конкретном этапе их истории. Так, Н. Л. Эрнст разобрал свидетельства путешественников о «пещерном городе» Эски-Кермене, рассматривая их как начальный этап изучения археологического памятника. Среди прочего, он обратил внимание на то, что созданные путешественниками фантастические интерпретации надолго утверждались в историографии и общественном сознании. К их числу, например, относятся приписывание «пещерных городов» различным древним племенам – черкесам, генуэзцам и даже троглодитам – на минимально аргументированном основании⁹¹.

В. И. Равдоникас оценил значение травелогов для изучения всей группы «пещерных городов» в Крыму, указав как на точные догадки, так и на ошибочные суждения путешественников. Так, он раскрыл, как в травелогах возникла и функционировала легенда о том, что в древние времена, когда уровень моря был много выше настоящего, к «пещерным городам», якобы, приставали корабли. Исследователя особенно интересовали «практические» вопросы – например, когда население оставило «пещерные города», или же функциональное назначение отдельных сооружений. Потому он уделял особое внимание соответствующей информации из записок путешественников⁹². Работы Н. Л. Эрнста и В. И. Равдоникаса положили начало устойчивой традиции, когда археологи воспринимают записки путешественников как начальный (вероятно, его можно назвать «протонаучным») этап историографии исследований конкретного памятника или группы памятников.

⁹¹ Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 15–19.

⁹² Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. 12. Вып. 1–8 : Готский сборник. С. 7–19.

Современные археологи продолжают использовать записки путешественников, включая сочинения англичан, в историографических обзорах, открывающих публикации по истории отдельных объектов культурного наследия или археологических культур Крыма. Так, А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев изучили травелоги в контексте истории исследований средневековых «пещерных городов» и, в частности, столицы Крымской Готии – Мангупа, продемонстрировав богатство неверных интерпретаций, которые, благодаря путешественникам, связывали указанные памятники с самыми разными народами и племенами, жившими в Крыму в древности и средневековье⁹³. А. И. Айбабин привел краткий обзор известных травелогов, описывающих городище Эски-Кермен⁹⁴, а также исторической области Дори, существовавшей в юго-западном Крыму в византийское время⁹⁵. Л. Ю. Пономарев, Д. В. Бейлин и С. А. Бейлина проанализировали известия травелогов о керченской церкви св. Иоанна Предтечи – древнейшем из продолжающих функционировать религиозных памятников Крыма⁹⁶. В. В. Майко и А. В. Джанов включили записки путешественников в очерк археологических исследований в Судаке и его окрестностях⁹⁷. Большая группа исследователей (В. М. Зубарь, А. И. Романчук, А. А. Зедгенидзе, Г. М. Николаенко, В. П. Лисин, Т. Н. Смекалова, Ю. А. Виноградов) использовала данные травелогов при реконструкции истории археологических работ на территории древнего

⁹³ Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.). // БИАС. 2006. Вып. 3. С. 212–256; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Херсон и его округа в конце X–XI вв. «Пещерные города» // Русский исторический сборник. Средневековый Херсон X–XI вв. М. : Киммерийский центр, 2015. С. 433–481; Gercen A. G. Der Mangup in den Augen von Forschern und Reisenden vom 16. bis zum beginnenden 20. Jahrhundert // Die Höhengiedlungen im Bergland der Krim / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. Mainz : Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013. S. 57–100.

⁹⁴ Айбабин А. И. Изучение центральной части города на плато Эски-Кермен // Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. 1 : Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь : Антиква, 2021. С. 5–6.

⁹⁵ Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори. Симферополь : Антиква, 2017. С. 10–11.

⁹⁶ Пономарев Л. Ю., Бейлин Д. В., Бейлина С. А. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (в источниках и историографии XIV–XX вв.) // Sacrum et profanum. 2009. Вып. 4. С. 129–131.

⁹⁷ Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона республики Крым. Симферополь : Ариал, 2015. С. 9–11.

Херсонеса и в его окрестностях⁹⁸. В этих работах показано, что травелоги могут содержать фактическую информацию о тех или иных объектах, например, впоследствии пострадавших от природных и антропогенных факторов, а также показывают историю его изучения и осмысления. Однако нетрудно заметить, что при использованном подходе, абсолютно оправданном с точки зрения конкретного археологического исследования, значительная часть содержания травелогов, не касающихся конкретного археологического объекта, ускользает от анализа.

Исследования А. А. Формозова и И. В. Тункиной стали примерами анализа травелогов (включая английские) в составе большого комплекса источников самого разного происхождения, позволившего исследователям проанализировать развитие российского антиковедения и реконструировать представления о прошлом, сформировавшиеся в русском образованном обществе конца XVIII – первой половины XIX в. Следует отметить, что исследователи отчасти затронули вопросы имагологии, например, показав, как путешественники искали и «находили» никогда не существовавшие в Крыму, но известные благодаря античной мифологии и/или художественной традиции Нового времени объекты, такие как «храм Таврической Дианы» или «гробница Митридата». Они также показали значение травелогов для популяризации античности в сознании образованного российского общества⁹⁹.

⁹⁸ *Зубарь В. М.* Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги изучения. Киев : Стилос, 2007. С. 8–124; *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2008. С. 14–123; *Зедгендзе А. А.* О начале исследования Херсонеса Таврического // Вестник древней истории. 2014. № 2. С. 151–162; *Николаенко Г. М.* Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь : Альбатрос, 2018. С. 7–14; *Лисин В. П.* Античные хозяйства в районе Камышовой бухты (I–IV вв.). Севастополь : Альбатрос, 2019. С. 51–103; *Репников Н. И.* Археологические памятники Гераклейского полуострова. Обзор описаний и исследований памятников Гераклейского полуострова с конца XVIII столетия и до наших дней // Гераклейский сборник. Вып. 1 / науч. ред. Ю. А. Виноградова, Т. Н. Смекаловой. СПб. : Алетейя. 2019. С. 65–123; *Смекалова Т. Н., Виноградов Ю. А.* История археологического изучения и современные исследования Маячного полуострова // Гераклейский сборник. Вып. 4 / науч. ред. Ю. А. Виноградова, Т. Н. Смекаловой. СПб. : Независимый альянс ; Алетейя, 2020. С. 39–54.

⁹⁹ *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М. : Наука, 1986. 237 с.; *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с. *Тункина И. В.* Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев :

Травелогги нередко используют в качестве источника для анализа и других конкретно-исторических проблем, связанных с Крымом, при этом разделение по языковому признаку путевых записок делается далеко не всегда. Так, А. В. Мальгин рассмотрел свидетельства путешественников для реконструкции первого этапа в развитии туристической отрасли Крыма¹⁰⁰. С. Н. Авсенева проанализировала сведения, которые путевые записки англичан сообщают о Керчи и ее окрестностях¹⁰¹. Легко заметить, что здесь также речь идет о выявлении практических сведений для решения конкретных задач в историческом исследовании «фактографического» типа.

С записками путешественников много работал М. Б. Кизилов, в частности, использовавший данные разноязычных травелогов для реконструкции этнической истории и культуры крымских караимов и евреев. Выделив большой массив соответствующей информации, исследователь, как кажется, не слишком задумывался о взаимовлиянии травелогов и о возможности «списывания» ее одними исследователями у других¹⁰². В другой работе он применил записки путешественников для изучения истории крымских готов, а главное – тех стереотипов, ошибочных или идеологически-мотивированных суждений, которые возникли в XVIII–XX вв. В данном случае речь идет о вполне успешном имагологическом исследовании¹⁰³.

В. Ю. Юрочкин обратился к путевой литературе в первой главе монографии, посвященной истории изучения крымских готов. Автор считает труды ученых путешественников первым этапом исследования «готского вопроса», когда

Болеро, 2011. 236 с.

¹⁰⁰ Мальгин А. В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX в. Симферополь : Сонат, 2004. С. 13–73.

¹⁰¹ Авсенева С. Н. Керчь, ее округа и достопримечательности в сочинениях путешественников конца XVIII – первой половины XIX века. Барнаул : Си пресс, 2015. 299 с.

¹⁰² Kizilov M. Karaites through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites according to the Descriptions of the Travelers. New York : Centre for the Promotion of Karaite Studies, 2003. 269 p.; Кизилов М. Б. Крымская Иудея : очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь : Доля, 2011. 336 с.

¹⁰³ Кизилов М. Б. Крымская Готия : история и судьба. Симферополь : Наследие тысячелетий, 2015. 352 с.

Крымская Готия была «открыта» читающей публике. Созданные английскими авторами описания крымско-готских памятников вплетены в широкое полотно, где нашлось место работам на немецком, французском, русском и других языках¹⁰⁴.

В 2003 г. был опубликован русский перевод классической монографии североамериканского исследователя Л. Вульфа (английское издание вышло в 1994 г.). Эта книга показывает, как интеллектуалы Просвещения придумали концепцию «Восточной Европы», особого мира на границе между Европой и Азией, «цивилизацией» и «варварством», и как были выработаны особые дискурсы, описывающие этот регион, который авторам XVIII в. представлялся внутренне единым (или по крайней мере очень близким) в культурном, историческом, этнографическом отношении. Образ Крыма Вульф рассмотрел в связи с путешествием Екатерины II на юг в 1787 г., сделавшим полуостров известным европейской публике. В связи с этим он рассмотрел травелог Э. Крейвен, ставший своеобразным «прологом» к блестящей поездке русской императрицы и образцом «дамских» путевых записок¹⁰⁵.

Материалы травелогов, в том числе английских, были в числе источников, которые зарубежные исследователи (А. Шёнле, С. Дикинсон, К. О'Нил, А. Строев, Г. Сассе, К. Йобст) использовали при изучении образа Крыма в российской идеологии и общественном сознании, выдвинутых российскими властями идеологических программ, а также представлений о регионе, возникших в западной общественной мысли в ходе осмысления путешествия Екатерины II. Эти исследования, впервые показавшие образ региона, воссозданный с помощью современного научного инструментария, имеют один существенный недостаток: все они игнорируют локальный контекст. Иначе говоря, они оперируют исключительно текстами травелогов и анализируют межтекстуальный диалог – но не пытаются сравнить картину, которую рисуют записки путешественников, с той,

¹⁰⁴ Юрочкин В. Ю. Готский вопрос. Симферополь : Сонат, 2017. С. 16–80.

¹⁰⁵ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. И. Федюкина. М. : НЛО, 2003. С. 190–220.

что возникает при изучении иных типов источников, характеризующих данный регион¹⁰⁶.

Нужно также отметить капитальное исследование украинского литературоведа Д. С. Налывайко, реконструировавшего восприятие земель, позднее ставших Советской Украиной, на Западе в XI–XVIII в. Основное внимание автора привлекли сочинения путешественников, рассказывающие о Поднепровье и Галичине. Тем не менее, нашлось в ней место и таким интересующим нас авторам, как М. Гатри и Э. Кларк. Налывайко удалось показать сложный, многомерный процесс осмысления отдаленных регионов западными интеллектуалами и формирования их образов в травелогах и «кабинетных» исследованиях¹⁰⁷.

В фундаментальной монографии М. П. Алексеева, посвященной русско-английским культурным связям¹⁰⁸, несколько страниц уделено английским путешественникам в России, и среди них – авторам описаний Крымского полуострова У. Туку и М. Гатри. Хотя в исследовании не говорится о Крыме, оно представляет ценность для понимания биографических деталей авторов путевых записок и их «творческого метода». В 2005 г. вышло русское издание монографии английского исследователя Э.-Г. Кросса, посвященной его соотечественникам, оказавшимся в российской столице в XVIII в. (английское издание появилось в 1996 г.). В этом фундаментальном исследовании реконструированы биографии

¹⁰⁶ Schönle A. Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. No. 1. P. 1–23; Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 3–25; O'Neill K. "Constructing Russian Identity in the Imperial Borderland: Architecture, Islam, and the Transformation of the Crimean Landscape" // *AI*. 2006. № 2. P. 163–192; Stroev A. Des voyages en Antiquité // *La lettre de voyage*. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2007. P. 67–81; Sasse G. The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 2007. P. 35–81; Jobst K.S. The Crimea as a Russian Mythical Landscape (from the 18th Century to the First World War). A Framework for Research // *Mythical Landscapes Then and Now. The Mystification of Landscapes in Search for National Identity*. Yerevan : Antares, 2006. P. 78–91; Jobst K.S. Die Perle des Imperiums : Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich. Konstanz : UVK, 2007. 486 S.; Йобст К. Крым как российское *lieu de mémoire*. Истоки в XIX в. // *Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века)*. СПб. : Европейский дом, 2007. С. 88–93.

¹⁰⁷ Налывайко Д. Очима Заходу : рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. Київ : Основи, 1998. 578 р.

¹⁰⁸ Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М.: Наука, 1982. 863 с.

десятков англичан, посетивших Россию, и среди них – некоторых из тех, кто в последствии добрались до Крыма, в частности, У. Тука, Э. Крейвен, Р. Уэрсли и М. Гатри. Данная книга является весьма информативным справочником и полностью сохранила свою актуальность¹⁰⁹.

Следует отметить целый ряд исследований, прежде всего американских и английских авторов, в которых реконструируются биографии ряда английских путешественников по России – Э. Крейвен¹¹⁰, М. Гатри¹¹¹, М. Хоулдернесс¹¹², Э. Хендерсона¹¹³, Дж. Уэбстера¹¹⁴. Интересные материалы о тесных взаимоотношениях Э. Кларка и немецкого энциклопедиста на русской службе П.-

¹⁰⁹ *Кросс Э.* Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н. Г. Беспятых, Ю. Н. Беспятых. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 528 с.

¹¹⁰ *Paston G.* Little Memoirs of the Eighteenth Century. New York; London : E. P. Button and Co. ; Grant Richards, 1901. P. 119–201; *Broadley A. M., Melville L.* Editors' Note // [Craven E.] The Beautiful Lady Craven : The Original Memoirs of Elizabeth Baroness Craven afterwards Margravine of Anspach and Bayreuth and Princess Berkeley of the Holy Roman Empire (1750–1828). Vol. 1. London ; New York ; Toronto : John Lane ; Bell & Cockburn, 1914. P. xiii–cxxxvi; *Franke S.* Die Reisen der Lady Craven durch Europe und Türkei, 1785–1786 : Text, Kontext und Ideologien. Trier : Wissenschaftlicher Verlag Trier, 1995. 224 S.; *O'Loughlin K.* 'Strolling Roxanas' : Sexual Transgression and Social Satire in the Eighteenth Century // Spaces for Feeling : Emotions and Sociabilities in Britain, 1650–1850. Abingdon : Routledge, 2015. P. 112–136; *O'Loughlin K.* Women, Writing, and Travel in the Eighteenth Century. Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 2018. P. 65–94; *Palma H.* Elizabeth Craven : From London to Constantinople, from Escape to Emancipation // Imaginaires. 2017. No. 21: Féminisme et Orientalisme. P. 21–39; *Gaspar J.* Elizabeth Craven : Writer, Feminist and European. Wilmington : Vernon Press, 2017. 334 p.

¹¹¹ *Sweet J. M.* Matthew Guthrie (1743–1807) : An Eighteenth-Century Gemmologist // Annals of Science. 1964. Vol. 20. No. 4. P. 245–302; *Papmehl K. A.* Matthew Guthrie – The Forgotten Student of 18th Century Russia // Canadian Slavonic Papers. 1969. Vol. 11. No. 2. P. 167–181; *Papmehl K. A.* An Eighteenth-century English Translation of a Ukrainian Folk Song // Canadian Slavonic Papers. 1982. Vol. 24. No. 2. P.175–180; *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи... С. 135–136; *Gassner F.* Imagining Russia : A Scottish Perspective // Journal of Irish and Scottish Studies. 2011. Vol. 5. Issue 1. P. 41–42.

¹¹² *Voloshkova N.* On Terrains of the Other Empire : Mary Holderness' Account of Her Residence in Early 19th-Century Crimea // British Women Travellers: Empire and Beyond, 1770–1870. New York : Routledge, 2019. P. 70–85.

¹¹³ *Henderson Th. S.* Memoir of the Rev. E. Henderson, D. D., Ph. D. Including His Labours in Denmark, Iceland, Russia, etc., etc. London : Knight, 1859. 476 p.; *Glassman J. H.* Ebenezer Henderson (1784–1858) : Missionary, Traveler, Teacher, Biblical Scholar. His Life and Work in the North of Europe, with Special Reference to the Great Missionary Awakening. PhD thesis. Edinburgh : University of Edinburgh, 1957. 273 p.; *Баталден С.* Мусульманский и еврейский вопросы в России эпохи Александра I глазами шотландского библеиста и путешественника // ВИ. 2004. № 5. С. 46–63.

¹¹⁴ Крымские путешествия: Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году / пер. с англ. Т. А. Прохоровой, О. В. Широкова. Симферополь : Бизнес-Информ, 2016. С. 5–80.

С. Палласа опубликовал А. К. Сытин¹¹⁵. Очевидна «неравномерность» исследований – если таким ярким фигурам, как Э. Крейвен или Э. Хендерсон, посвящены несколько работ, то У. Тук или У. Итон заслужили куда меньше внимания. В свою очередь, исследователи фигуры Р. Хебера концентрируются, главным образом, на его поэзии и миссионерской работе в Индии, но не на поездке в Восточную Европу и Крым¹¹⁶. Аналогичным образом, Р. Уэрсли привлекает исследователей там, когда заходит речь о его скандальном разводе¹¹⁷. Крымских же авторов интересуют, прежде всего, эпизоды путешествий, непосредственно связанных с полуостровом¹¹⁸. Среди работ последних выделяются публикации О. Н. Герардини и А. Д. Тимиргазина. Ими изданы аннотированные переводы ряда источников или их фрагментов¹¹⁹. Изучая историю города Судака в Российскую

¹¹⁵ *Сытин А. К.* Ботаник Петр Симон Паллас. 2-е изд. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2014. С. 223, 254–261.

¹¹⁶ *Montefiore A.* Reginald Heber, Bishop of Calcutta, Scholar and Evangelist. New York ; Chicago ; Toronto : Fleming H. Revell Company, [1894]. 160 p.; *Smith G.* Bishop Heber, Poet and Chief Missionary to the East, Second Lord Bishop of Calcutta, 1783–1826. London : John Murray, 1895. 370 p.; *Hughes D.* Bishop Sahib: A Life of Reginald Heber. Worthing : Churchman Publishing, 1986. 204 p.; *Cook J.* 'From India's Coral Strand': Reginald Heber and the Missionary Project // *International Journal of Hindu Studies*. 2001. Vol. 5. No. 2. P. 131–164

¹¹⁷ *McCreery C.* Breaking All the Rules : The Worsley Affair in Late-Eighteenth-Century Britain // *Orthodoxy and Heresy in Eighteenth-Century Society* / ed. R. Hewitt, P. Rogers. Lewisburg (PA) ; London : Bucknell University Press, 2002. P. 69–88.

¹¹⁸ *Медведева И. Н.* Таврида. Л. : Лениздат, 1956. С. 97–101, 170–200, 270–278, 285–290, 371–386; *Колупаев Д. В.* Путешествие леди Кревен. Из истории международного шпионажа в Крыму // *Известия Крымского республиканского краеведческого музея*. 1994. № 6. С. 80–82; *Деремедведь Е. Н.* Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла // *Культура народов Причерноморья*. 2002. № 43. С. 163–169; *Деремедведь Е. Н.* Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь : СОНАТ, 2008. 208 с.; *Колесникова Н., Колесникова О.* Забытое свидетельство о Крыме. Путешествие Роберта Лайелла. Год 1822-й // *Крымский альбом 2002*. Феодосия; М. : Коктебель, 2003. С. 8–17; *Татаринцева Р. И.* Из истории британско-русских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // *МАИЭТ*. 2003. Вып. 10. С. 590–598; *Прохорова Т. А.* Изучение древностей Северного Причерноморья путешественниками первой половины XIX века: Эбенезер Гендерсон // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. 2012. Вип. 32. С. 124–131; *Сейтхалилова Л. С., Алиева А. Ю.* Крым и крымские татары начала XIX столетия глазами английской путешественницы Мэри Холдернесс // *КИО*. 2021. № 1. С. 228–237.

¹¹⁹ *Герардини О. Н.* Описание Судака в записках Гутри М. (перевод писем) // *Материалы II научной конференции «Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и этнологии Юго-Восточного Крыма*. Новый Свет : Афинейон, 2009. С. 116–120; *Вебстер Дж.* Путешествие по Крыму, Турции и Египту (Лондон, 1830. Отрывок) / пер. с англ. О. Н. Герардини, комм. А. Д. Тимиргазина // *Воронцовы и русской дворянство между Западом и Востоком*. Симферополь : Н. Орианда, 2012. С. 402–409; *Мак-Ферсон Д.* Древности Керчи / пер. с англ. О. Н. Герардини; комм. А. Д. Тимиргазина. Симферополь : СГТ, 2008. 176 с.

эпоху, А. Д. Тимиргазин, среди обширной массы привлеченных им архивных и документальных материалов, использовал путевые записки М. Гатри и Р. Лайалла. Исследователь относится к тревелогам как к иллюстрации, не прибегая к критике текста и не задумываясь о реальном авторстве тревелога Гатри¹²⁰.

Помимо отмеченных в предыдущем абзаце, в последние годы издано несколько переводов английских тревелогов и их отрывков, описывающих Крым¹²¹. Качество этих переводов разнится. Некоторые из них оказались удачными, демонстрирующими разнообразие авторских подходов к передаче текста, допустимости отступления от оригинала в угоду художественному стилю, пониманию сложных мест источников, принципам составления комментариев и др. Другие же, к сожалению, не выдерживают критики¹²².

¹²⁰ Тимиргазин А. Д. Судак. Хроника российского периода (1783–1917). Симферополь : СГТ, 2015. С. 33, 38–40 98–100.

¹²¹ Кларк М. Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / пер. с франц. Н. Иванкевич, Н. Бусаревой // Археология и история Боспора. Вып. 3. Керчь : [б. м.], 1999. С. 11–38; Лайелл Р. Симферополь и его окрестности. Из «Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии» / пер. с англ. О. Корчевской // Крымский альбом 2002. Феодосия; М. : Коктебель, 2003. С.17–33; Холдернес М. Замечания о крымских татарах // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1 : Мусульмане : крымские татары, крымские цыгане / ред.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен. Симферополь : Таврия-Плюс, 2004. С. 204–207; Гендерсон Э. Библийские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи / пер. с англ. В.Л. Вихновича, А.А. Алексева. СПб. : Российское библийское общество, 2006. 349 с.; Александр Дж. Россия глазами иностранца / пер. с англ. А. Базилевича. М. : Аграф, 2008. 304 с.; Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь : СОНАТ, 2008. 208 с.; Одесса глазами британцев: М. Гутри, М. Холдернесс, Р. Лайялл, Р. Пинкертон, Д. Стефенс. Одесса : Optimum, 2012. 284 с.; Калашиников В.М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия). Днепрпетровск : [б.и.], 2013. 349 с.; Крымские путешествия: Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году / пер. с англ. Т. А. Прохоровой, О. В. Широкова. Симферополь : Бизнес-Информ, 2016. 224 с.; Холдернесс М. Заметки о нравах и обычаях крымских татар (написано в течение четырёх лет проживания среди этих людей) / пер. с англ. А.Ю. Алиевой // КИО. 2021. № 1. С. 238–260; 2021. № 2. С. 257–279.

¹²² Храпунов Н. И. Рец. на книгу: Гендерсон Э. Библийские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи // АИ. 2010. № 1. С. 242–255; Храпунов Н. И. Другая николаевская Россия, или полемика тревелогов. Рец. на кн.: Дж. Александр. Россия глазами иностранца // АИ. 2011. № 2. С. 397–405; Храпунов Н. И. Прошлое Крыма глазами путешественников конца XVIII – начала XIX вв.: некоторые наблюдения // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы конференции. Симферополь; Керчь : [б.м.], 2019. С. 595–596.

Отметим и два каталога, подготовленные А. И. Маркевичем и Э.-Г. Кроссом: в первом из них собраны известия различных путешественников (в том числе французских, немецких, итальянских и пр.) по Крыму; во втором приводятся сведения об английских путешественников в России. Обе работы можно пополнить, используя новые публикации источников и, вероятно, будущие открытия в музейных и архивных собраниях. Тем не менее, они остаются очень полезными справочными изданиями¹²³.

Существует несколько работ, в задачи которых входит обобщение известий путешественников (не всегда только английских) о Крыме¹²⁴. Они имеют описательный характер и почти не используют выработанный современной наукой методический инструментарий и находки зарубежной историографии – возможно потому, что соответствующие издания на языке оригинала не были доступны авторам. Демонстрируя общий контекст, в котором проходило изучение и осмысление Крыма силами путешественников, эти публикации имеют более историографическое значение, характеризуя определенный этап развития отечественной науки.

В монографии украинского исследователя В. М. Филаса рассматривается комплекс картин и рисунков, представляющих виды Северного Причерноморья, созданные в конце XVIII – первой половине XIX в. Автор изучил историю отдельных картин и их серий, попытался атрибутировать некоторые изображения, выявил особенности представления объектов средствами живописи и связанные с

¹²³ *Маркевич А. И.* Таурица: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК. 1894. № 20. С. 1–394; 1898. № 28. С. 92–185 (1–94); 1902. № 32–33. С. 47–128; *Cross A. G.* In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge (UK) : Open Book Publishers, 2014. 419 p.

¹²⁴ *Непомнящий А. А.* Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века). Киев: [б. и.], 1999. 212 с.; *Непомнящий А. А.* Записки путешественников о Крыме // История Крыма / отв. ред А. В. Юрасов. Т. 2. М. : Кучково поле, 2018. С. 372–383. *Каушлийев Г. С.* Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма (конец XVIII – начало XIX века) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2010. Т. 23. № 1. С. 102–103; *Долгодрова Т.* Первые путеводители по Крыму // Наше наследие. 2015. № 114. С. 130–137; *Калашиников В. М.* Британский взгляд на Крым...

ними искажения на рисунках. Среди проанализированных им картин есть виды Крыма, выполненные англичанами, в том числе У. Хадфилдом, Э.-Д. Кларком, Р. Хебером, У. Ньюемом и Дж.-Э. Александером¹²⁵.

Таким образом, несмотря на растущий в последнее время интерес к описаниям Крыма в английских травелогах, в историографии не только не воссоздан целостный образ региона, созданный этим типом источников, но и остаются нераскрытыми многие аспекты общей темы. Среди последних – взаимосвязи между травелогами, включая заимствования и межтекстовые дискуссии; недооценивается влияние характера и биографии исследователя на восприятие действительности; мало изучены вопросы о влиянии конкретных стереотипов (например, о «татарской праздности», «русском варварстве» или «восточной антисанитарии») на созданный путешественниками образ Крыма; недостаточно исследован аспект создания путешественниками «туристической карты» региона; не проанализированы выработанные англичанами планы экономического и политического развития Тавриды; не ставился вопрос о сходстве и различии образов Крыма, складывавшихся в разных культурах (английской, французской, русской), а также об общих чертах этих образов с представлениями о других отдаленных регионах. Ограничен набор путевых записок, включенных в научный оборот; по большей части, историография оперирует одним и тем же «комплексом» наиболее известных травелогов. Попытки источниковедческого анализа, особенно в работах региональных исследователей, нередко сводятся к пересказу содержания травелога¹²⁶. Иногда исследователи воспринимают путевые записки как источник исключительно объективной, уникальной информации¹²⁷, тем самым игнорируя зависимость травелогов от традиции, стереотипов, уровня современных им научных знаний, а также не учитывает их меньшую

¹²⁵ *Філас В. М.* Візуальне освоєння Північного Причорномор'я останньої чверті XVIII – середини XIX ст.: джерелознавчий аналіз. Запоріжжя : Видавництво Хортицької національної академії, 2018. 460 с.

¹²⁶ Например: *Деремедведь Е. Н.* Крымская Ривьера...; Крымские путешествия... С. 5–80.

¹²⁷ Например: *Авсенева С. Н.* Керчь, ее округа и достопримечательности...; *Каушлев Г. С.* Вклад английских путешественников...

информативность в экономических и социальных вопросах в сравнении с имеющимися архивными документами. Зачастую исследователи пропускают те известия источников, которые сегодня кажутся наивными, фантастическими или заведомо ошибочными. Однако записки путешественников всегда связаны с вымыслом, пусть их авторы и претендовали на точность и документальность¹²⁸. Травелоги рассказывали об экзотических странах, а потому в большинстве случаев читатель не мог проверить, где правда, а где ложь. Редкому автору удавалось избежать неточностей или тенденциозных суждений – наоборот, незнакомый мир провоцировал непонимание и ошибки. Парадоксальным образом, эти неточности и вымыслы делали травелоги ещё более привлекательным чтением. Помещённые же в контекст современных им научных знаний, они могут куда больше рассказать о путешественниках и их интеллектуальных достижениях, чем «удачные догадки»¹²⁹.

¹²⁸ The Routledge Companion to Travel Writing / ed. C. Thompson. London ; New York : Routledge, 2016. P. 3–13; The Cambridge History of Travel Writing. P. 474–487.

¹²⁹ См.: Эко У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны / пер. с ит. А. А. Сабашникова. М. : Слово, 2014. 480 с.

1.3. Методика исследования

В английской культуре путешествие играло особую роль¹³⁰. Философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626) сформулировал идею путешествия как поиска знания: «В юности путешествия служат пополнению образования, в зрелых годах – пополнению опыта. Кто отправляется в страну, не освоившись прежде с её языком, отправляется в учение, а не в путешествие»¹³¹. Путешествие было осмысленно как важнейший способ формирования личности, а рассказ о нём – как источник сведений об экзотических краях. Появились многочисленные наставления для тех, кто решил отправиться в дальние страны¹³².

Примером может быть сочинение богослова, экономиста и политолога, валлийца по происхождению Джозайи Такера (1713–1799). Одним из первых он разделил путешествия на группы в зависимости от цели вояжа: научные поездки учёных и коллекционеров; учебные экскурсии тех, кто хотел развить навыки живописца, скульптора или архитектора; турне ищущих репутации знатока искусств; странствия любителей модных зарубежных вещей и фраз; наконец, паломничества тех, кто «хочет получить тот широкий и беспристрастный взгляд на людей и вещи, который не может дать ни одна страна по отдельности»¹³³. Именно к путешествующим в поисках знаний обращался Такер в своём «Наставлении». По его мнению, им следовало изучать «системы религии, управления и торговли», возникшие у разных народов в разные исторические периоды, чтобы понять, «[р]асширяют ли они или сужают активные силы человеческой природы, и делают

¹³⁰ Korte B. English Travel Writing from Pilgrimages to Postcolonial Explorations / tr. from Germ. C. Matthias. Houndmills Basingstoke; New York : Palgrave, 2000. 218 p.

¹³¹ Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / пер. с англ. З. Е. Александровой. М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 70.

¹³² Rubiés J.-P. Travellers and Cosmographers: Studies in the History of Early Modern Travel and Ethnology. Aldershot : Ashgate, 2007. Pt. III, p. 167–171.

¹³³ Tucker J. Instructions for Travellers. Dublin : William Watson, 1758. P. 3.

ли они делают эти силы полезными или пагубными для общества»¹³⁴. Но ещё до поездки следовало ознакомиться с основными принципами существующих в мире религий, этики, гражданских законов, государственного управления, а также свойствами английского государства и церкви, принципами внешней политики, торговли и налогообложения, чтобы впоследствии сопоставлять эти знания с материалами натуральных наблюдений¹³⁵. Такер предлагал «юному путешественнику» задуматься над причинами, определяющими особенности жизни в той или иной стране: «во время его путешествий он должен постоянно иметь в виду ту великую максиму, что лицо всякой страны через которую он проезжает, наружность, численность и поведение людей, их обычная одежда, пища и жилище, их успехи в сельском хозяйстве, мануфактурах, искусствах и науках являются результатом и следствием некоторых конкретных причин; а он отправился в путь, в частности, чтобы разыскать и открыть эти причины. Потому дадим ему поразмыслить, можно ли и до какой степени приписать данные результаты природной почве и расположению страны; необычному гению и выдающимся открытиям её жителей; общественному духу и укладу их конституции; или же религиозным принципам, утвердившимся или дозволенным среди них»¹³⁶. Далее шёл список вопросов, которыми рекомендовалось задаться путешественнику, из которого следовало, что изучение других стран позволяло, прежде всего, понять особенности экономики, государственного и социального уклада своей родины.

Позднее Уилки Коллинз, автор «самого первого и самого лучшего из английских детективных романов», как назвал его другой классик – Томас-Стернз Элиот¹³⁷, иронизировал над тягой своих соотечественников к зарубежному путешествию. Герой романа Коллинза «Лунный камень», старый дворецкий Габриэль Беттередж, воплощавший в себе житейскую мудрость и английский

¹³⁴ Ibid. P. 4–5.

¹³⁵ Ibid. P. 6–14.

¹³⁶ Ibid. P. 14–15.

¹³⁷ *Eliot T. S. Selected Essays. London : Faber and Faber, [1948]. P. 426.*

здравый смысл, высмеивал традицию посылать молодых людей за границу. В результате этого педагогического эксперимента мистер Франклин Блейк приобрёл удивительную особенность: «он возвратился с таким количеством разных сторон своего характера, каждая из которых отличалась от всех остальных, что, казалось, он проводит жизнь в вечном противоречии сам с собой. Он мог быть деловым человеком и лентяем; иметь как путанные, так и ясные мысли; отличаться решительным поведением и выказывать полную беспомощность – всё вместе. У него была французская сторона, немецкая сторона и итальянская сторона – а первоначальное английское основание проглядывало время от времени, как бы говоря: “Вот он я, как видите, сильно изменённый, но ведь осталось же ещё что-то от меня на самой глубине”»¹³⁸. Иначе говоря, английская культура менялась под влиянием созданной ею самой культуры путешествий.

Путешественники фиксировали свои наблюдения в дорожных дневниках. Публикация путевых записок считалась хорошим тоном. Нередко текст травелога перерабатывали, используя сведения и оценки, взятые из сочинений древних и современных авторов. Среди издавших путевые записки были дипломаты и торговцы, военные и чиновники, гувернёры и шпионы, литераторы и туристы. В рамках «учёных путешествий» профессиональные исследователи-энциклопедисты по заданию правительства или по собственному желанию создавали аналитические отчёты о географии и биологии, экономике и военном деле, этнографии и истории дальних стран. Возник феномен «образовательного путешествия» (*Grand Tour*), которое должно было дать молодому человеку практические знания, недоступные в университетских аудиториях¹³⁹. Записки путешественников превратились в самостоятельный литературный жанр, в котором нашлось место творчеству людей разных профессий, уровня образования и интересов, использовавшим различные

¹³⁸ Collins W. *The Moonstone*. London : Penguin, 1994. P. 52.

¹³⁹ Black J. *The British and the Grand Tour*. London; Sidney; Dover (New Hampshire): Routledge, 1985. 196 p.; Chaney E. *The Evolution of the Grand Tour : Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance*. London; Portland (Oregon) : Frank Cass, 1998. 404 p.; Mead W. E. *The Grand Tour in the Eighteenth Century*. Boston; New York : Houghton Mifflin Company; Cambridge : The Riverside Press, 1914. 478 p.; Trease G. *The Grand Tour*. London : Heinemann, 1967. 251 p.; Korte B. *English Travel Writing...* P. 41–65.

приёмы и формы организации текста¹⁴⁰. Нередко литературное качество травелога сложно было назвать высоким – зато он развлекал читателя, одновременно рассказывая ему о незнакомом мире¹⁴¹.

Мода на путевые записки была столь велика, что в первой половине XVIII в. были опубликованы знаменитые вымышленные травелоги – «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо (1719) и «Приключения Гулливера» Джонатана Свифта (1726). Разумеется, читатели знали, что герои этих произведений не существовали в реальности – но именно жанр отчёта о путешествии позволил авторам обратиться к изучению и осмыслению актуальных проблем английского общества и культуры, а также изложить свои философские идеи.

Постепенно менялся маршрут *Grand Tour*. Традиционно англичане ездили по Франции, Швейцарии и Италии, однако французская Революция и последовавшие за нею Наполеоновские войны (1789–1815) привели к тому, что трасса путешествия сместилась к северу и востоку, в Германию, Скандинавию, Россию и Крым¹⁴². После окончательной победы над Наполеоном начинается новый всплеск интереса к России и, соответственно, увеличение числа травелогов¹⁴³.

Для тех, кто не мог самостоятельно отправиться в путешествие, путевые записки стали едва ли не основным источником знаний о дальних странах. Джером К. Джером с иронией писал о том, что в прошлом, до изобретения фотографии и железных дорог, отчёт об увиденных местах был почётным долгом всякого путешественника. Он вспоминал Эдварда Гиббона (1737–1794), автора фундаментальной «Истории упадка и разрушения Римской империи», вынужденного изучать страны, где разворачивалось действие его книги, по

¹⁴⁰ The Cambridge Companion to Travel Writing / ed. P. Hulme, T. Youngs. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. P. 21–31; The Cambridge History of Travel Writing. P. 77–124, 408–500.

¹⁴¹ Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1993. P. 19–20, 68.

¹⁴² Cross A. G. From the Assassination of Paul I to Tilsit: The British in Russia and Their Travel Writings (1801–1807) // Journal of European Studies. 2012. Vol. 42/1. P. 5–6.

¹⁴³ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М.: Наука, 1982. С. 580; ср.: Cross A. G. In the Land of the Romanovs : An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge (UK) : Open Book Publishers, 2014. P. 119 ff.

свидетельствам других авторов. «Когда Гиббону приходилось доверять рассказам путешественников, описывавших Геллеспонт, а Рейн был известен английским студентам главным образом через посредство “Записок” Цезаря, это заставляло каждого из тех, кто много ездил по свету, описывать в меру своих способностей увиденные им вещи»¹⁴⁴.

На информативность травелога влияли жизненный опыт автора, его интеллектуальный уровень и полученное образование, интересы и цели. В эпоху зарождения современной науки и ограниченных возможностей прессы записки путешественники формировали образы дальних стран в коллективном воображении Запада. Разумеется, многие сведения, тиражируемые путешественниками, зависели от их фобий, стереотипов, ошибочных суждений, полёта фантазии и излишнего доверия проводникам и информаторам – иначе говоря, они были отчасти или полностью неверны. Но эти образы формировали общественное мнение и влияли на действия современников и потомков – интеллектуалов, предпринимателей, государственных деятелей, разрабатывавших различные, нередко не реализуемые на практике, экономические, политические и военные проекты. В социологии существует так называемая теорема Томаса¹⁴⁵, согласно которой ментальные структуры, вне зависимости от их отношения к реальности, определяют восприятие действительности и действия людей. Иначе говоря, если ситуация мыслится как реальная, она будет иметь реальные последствия¹⁴⁶. Сформированные и внедрённые в общественное сознание путешественниками стереотипы доказывают правоту этой теоремы.

Исследование образов других стран и народов, возникающих в записках путешественников, изучается в составе более общей гуманитарной дисциплины – имагологии, анализирующей литературные изображения чужеземных ландшафтов,

¹⁴⁴ *Jerome K. J. Three Men on the Bummel*. СПб.: Капо, 2007. Р. 112.

¹⁴⁵ Точнее будет сказать – Томасов, поскольку её сформулировали супруги, американские психологи У.-А. и Д.-С. Томас.

¹⁴⁶ *Merton R. K. The Thomas Theorem and the Matthew Effect // Social Forces*. 1995. Vol. 74. No. 2. Р. 380.

культур и народов, населяющих отдалённые экзотические регионы¹⁴⁷. Русскоязычная историография, очевидно, восприняла сам термин с Запада, калькируя *imagology* или *imagologie*. Но, как справедливо заметил А. Ю. Виноградов (*per litteras*), термин *имагология* не вполне удачен, поскольку, во-первых, в нём совмещены слова разного происхождения, латинское (*imago, -inis* – «образ») и греческое (*λόγος* – «наука»), а во-вторых, в первом случае следовало бы использовать основу, а не номинатив, тем самым получив *имагинологию*.

Самое понятие «записки путешественников» или «травелоги» достаточно условно – впрочем, как и слово «путешествие». К сочинениям путешественников относится обширная группа нарративных источников – оригинальные дневники и переписка, литературные проекты, научные описания стран и провинций, мемуары, вымышленные путешествия и многое другое. Кажется, важнейшей характеристикой для этих разнообразных по теме, жанру и авторским интенциям сочинений является то, что поездка представлена в них как ключевое событие. Любая типология путевых записок условна, поскольку критерии для выделения отдельных групп будут в той или иной степени пересекаться¹⁴⁸.

В этой работе под «травелогом» понимается рассказ о путешествии в другую страну (Крым), реальном или вымышленном, вне зависимости от жанровой формы. Исследуемый период – переходный от Просвещения к Романтизму, то есть от культа разума, рационального мышления, к воспеванию индивидуального опыта. Это отразилось и в путевых записках, где всё большую роль стали играть размышления и переживания автора.

Исследователи исходят из того, что травелог – это причудливое переплетение эмпирических наблюдений над незнакомыми местами, явлениями, людьми, с топосами и стереотипами, выработанными собственной культурой

¹⁴⁷ *Imagology : The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters* / ed. J. Leerson. Amsterdam; New York : Rodopi, 2007. 492 p.; *Zacharasiewicz W. Imagology Revisited*. Amsterdam; New York : Rodopi, 2010. 571 p.; *Трыков В.П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. №3. С. 120–129.*

¹⁴⁸ См.: *Толстиков А.В., Кошелева О.Е. Homo viator // Одиссей. Человек в истории. 2009. С. 5–9; Григорьев А. А. Философская тематизация концепта «путешествие» // Золотой век Grand Tour: путешествие как феномен культуры. СПб. : Алетейя, 2012. С. 275–281.*

путешественника и усвоенными им ещё до начала поездки. В процессе осмысления увиденного за границей автор мог как воспроизводить или трансформировать стереотипы, так и создавать новые¹⁴⁹. Стереотип обычно имел ярко выраженную эмоциональную оценку, поскольку с его помощью путешественник проводил различие между своей и чужой культурой¹⁵⁰.

Методика изучения тревелогов разрабатывается западной наукой на протяжении уже без малого полувека на основе классических работ Э.-В. Саида (1978) и Л. Вульфа (1994), исследующих образы Востока и Восточной Европы в общественном сознании Запада¹⁵¹. Саид показал, что с середины XVIII в. в воображении европейцев Восток выступал онтологической противоположностью Западу. Европейские путешественники не столько описывали увиденное, сколько «изобретали» Восток согласно своим предубеждениям, фобиям и стереотипам, проецируя на него различные негативные черты, чтобы через это противопоставление осознать особенности своей культуры. В Европе (Западе) они видели воплощение всего лучшего, прогрессивного, развивающегося, а в Азии (Востоке) – дикую, отсталую, неподвижную среду, неизменную во времени и пространстве от Северной Африки до Китая, которую европейцам предстояло изучить и изменить к лучшему в соответствии с собственными представлениями. «В системе знаний о Востоке Восток – в меньшей степени место чем *топос*, набор общепринятых понятий, масса характеристик, которые, как кажется, происходят от цитаты, или фрагмента текста, или выписки из чьей-то ещё работы о Востоке, или части воображённого прежде, или смеси всего этого»¹⁵². С точки зрения Саида,

¹⁴⁹ *Трепавлов В. В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XVIII вв. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2018. С. 26–27.

¹⁵⁰ *Митрофанов А. А.* Французская политическая элита периода Революции XVIII века о России. М. : РОССПЭН, 2020. С. 38–39.

¹⁵¹ *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. М. : Русский Мир, 2006; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу... Конечно, и до появления этих книг западноевропейские и советские исследователи изучали образы чужих народов (этнические представления). Были разработаны соответствующие методы и подходы (*Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М. : Наука, 1982. С. 7–23, 41–51). Однако современная наука зависима прежде всего от Саидовской традиции.

¹⁵² *Said E. W.* Orientalism. 2nd ed. London : Penguin, 2003. P. 177. В русском переводе монографии американско-палестинского исследователя это место передано неверно (*Саид Э. В.* Ориентализм...

знание означало подчинение и контроль¹⁵³ – хотя в случае путешественников этот контроль, очевидно, был виртуальным. Европейским представлениям о Востоке, в частности, изложенным в записках путешественников, были свойственны генерализация, категоризация, жёсткая культурная оппозиция «мы–они», причём «мы» всегда имело позитивную коннотацию¹⁵⁴

Использование предложенного Э.-В. Саидом подхода позволило установить, что в XVIII в. возникли представления о Восточной Европе и Балканах как особых мирах между Востоком и Западом¹⁵⁵. Объектом подобного воображения была и Россия, которую представляли то как часть Азии, то как варварскую, но европеизированную или европеизировавшуюся страну, приписывая ей роль «врага у ворот» или, в альтернативном варианте, «прилежного ученика Европы». Во многом этот дискурс – продукт страхов перед государством, неожиданно вышедшим на арену международной политики, порождённый конкуренцией России с Польшей, а после и с западными державами¹⁵⁶. Представление об особом положении России между Европой и Азией было усвоено, а затем и переосмыслено русскими интеллектуалами¹⁵⁷. В результате русская культура не только становилась объектом ориенталистских проекций, но и сама производила и применяла их к другим народам¹⁵⁸.

С. 279; о низком качестве русского издания см.: *Бобровников В.* Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода “Ориентализма” Эдварда Саида // *АИ.* 2008. № 2. С. 325–344).

¹⁵³ *Said E. W.* Orientalism. P. 3; *Саид Э. В.* Ориентализм... С. 10.

¹⁵⁴ *Said E. W.* Orientalism. P. 227; *Саид Э. В.* Ориентализм... С. 352.

¹⁵⁵ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу...; *Езерник Б.* Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников / пер. со словен. Л. А. Кириллиной. М. : Лингвистика, 2017. 358 с.; *Angelomakis-Tsougarakis H.* The Eve of the Greek Revival : British Travellers' Perceptions of Early Nineteenth-Century Greece. London; New York : Routledge, 1990. 289 p.; *Todorova M.* Imagining the Balkans. Oxford : Oxford University Press, 2009. 273 p.

¹⁵⁶ *Филлюшкин А. И.* Как Россия стала для Европы Азией?; *Нойманн И.Б.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова. М. : Новое издательство, 2004. С. 99–156.

¹⁵⁷ *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства / пер. с англ. О. Леонтьевой // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет.* М. : Новое издательство, 2005. С. 277–310.

¹⁵⁸ Обновление Российской империи и парадоксы ориентализма // *АИ.* 2002. № 1. С. 239–321; *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер.* М. : Новое издательство, 2005. С. 311–359; *Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой

Развивая и корректируя предложенные идеи и подходы, изучают разнообразные общие и частные проблемы, связанные с восприятием и изображением мира, разделённого на «свою» и «чужую» зоны, которые одновременно отрицают и дополняют друг друга. Существуют обзорные работы, в сжатой форме описывающие данный методический инструментарий¹⁵⁹. Исследователи показали, что описание нового мира не было нейтральным; путешественники создавали его, исходя из привезенных с собой представлений и стереотипов; описание было синонимом упорядочивания наблюдаемых событий, явлений и памятников в рамках определенных представлений; путешественники не свободны от субъективизма и интеллектуального снобизма; формулируемые ими дискурсы нередко служили инструментом колониализма и подчинения. Наконец, описывая «Других», путешественник нередко говорил о собственной культуре. Таким образом, описания чужих земель были в значительной степени не отражением существующей реальности, а конструированием нового образа.

Данный подход особое внимание уделяет дискурсам, которые рассматриваются фактически вне зависимости от тех объективных реалий, которые могли и должны были наблюдать путешественники. На его недостатки и слабые места указывали неоднократно, пытаясь скорректировать и расширить возможности методики¹⁶⁰. Пожалуй, изящнее всего на одну из важнейших проблем Саидовского метода указал А. С. Щавелев: «[Т]олерантное знание о варварах

эмиграции / пер. с англ. П. С. Бавина. М. : РОССПЭН, 2019. 287 с.; *Сопленков С. В.* Дорога в Арзрум : российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М. : Восточная литература, 2000. 214 с.

¹⁵⁹ *The Cambridge Companion...* P. 261–273; *Толочко А. [П.]* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев : Laurus, 2012. С. 50–76.

¹⁶⁰ Обновление Российской империи...; Российская империя в зарубежной историографии... С. 311–359; *Ориентализм vs. ориенталистика* / отв. ред. В. О. Бобровников, С. Дж. Мири. М. : Садра, 2016. С. 7–166; *Osterhammel J.* Unfabling the East: The Enlightenment's Encounter with Asia / tr. from Germ. R. Savage. Princeton ; Oxford: Princeton University Press, 2018. 676 p.; *Открытие «братъев-славян»*: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX в. / сост. М. В. Белов. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 519–531; *Чудинов А. В.* Об эффективности «текстуального подхода» Бонапарта к завоеванию Египта (полемика с Э. В. Саидом) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы V международной конференции. М. : ИВ РАН, 2021. С. 298–300.

возможно только благодаря защищавшим цивилизацию римлянам-шовинистам <...> Это хорошо видно на примере работ Э. В. Саида, который, изобличая и деконструируя европейские ориентальные науки как запрограммированные колониальной идеологией, пользуется интеллектуальным инструментарием, приобретенным в Принстоне и Гарварде, а не у исламских богословов»¹⁶¹. К тому же существует очевидное обстоятельство: «деконструируя дискурсы», Саид и его последователи мало задумывались над тем, что, собственно, видели западные интеллектуалы на Востоке. Какими были те конкретные реалии (с той или иной степенью достоверностью реконструируемые по юридическим, актовым и иным «объективным» источникам), которые осмыслили путешествующие писатели? Что в их словах было «силой традиции», а что – результатом искреннего восприятия чуждых реалий? Не могли ли два разных автора прийти к единой интерпретации увиденного не в силу довлеющего над ними дискурса, но из-за сходной эмоциональной реакции или близкой логики? Саид и последователи зачастую говорят о «конструировании» того или иного образа, подразумевая (осознанно или нет), что деятельность очень разных по происхождению, интеллектуальному уровню, интересам и биографии авторы работали над единой целью. Но так ли это? Имели ли вольные или невольные «открытия/изобретения» устойчивого образа того или иного феномена единую задачу перед собой? Не существовали ли противоречия в интенциях, множество видений и конфликты между ними? Почему бы не предположить, что некоторые из «конструкторов» дискурсов испытывали искренние чувства при виде, например, нового пейзажа, или древних руин, или людей в этнографических одеждах? Каков критерий отбора источников для такого рода анализа, а главное – исследовательская оптика, через которую они проходят? Представляется, что проблема указанного подхода – в возможности для

¹⁶¹ *Щавелев А. С.* Разговор о варваре с римским другом, читая книгу: Kaldellis A. *Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature* // Европа. Альманах. 2014. Т. 13. № 1–2. С. 182.

исследователя не удержаться за гранью, отделяющей научную реконструкцию от интеллектуальной игры¹⁶².

Довольно быстро выяснилось, что отношение западных интеллектуалов к жителям сельской глубинки в своей собственной стране немногим отличалось от чувств, которые они испытывали по отношению к «экзотическим» народам. Иначе говоря, в своих соотечественниках-крестьянах они видели всё тех же отсталых дикарей. Не случайно в середине XIX в. парижане считали французских крестьян людьми нецивилизованными, а Бальзак сравнивал жителей бургундских деревень с индейцами из романов Фенимора Купера¹⁶³. Анализ трудов мусульманских авторов с помощью имагологического инструментария показал, что выработанные ими способы изучения, осмысления и описания незнакомых стран имеют много общего с европейскими¹⁶⁴. Кажется, методику дискурсивного анализа можно применять практически к любым рассказам о незнакомом регионе и обществе вне зависимости от того, в каком географическом и культурном окружении сформировался автор. Следует выявлять сходства и различия в описаниях оппозиционности, относящихся к разным географическим и хронологическим обстоятельствам.

В описаниях экзотических стран определяющую роль играли заранее усвоенные представления о «варварстве» их жителей. Отсюда многочисленные параллели между рассказами о регионах, в реальности разделённых большим расстоянием и существенно отличающихся друг от друга, но которым приписывали общие свойства, чтобы показать «нецивилизованность» местного населения. Таковы, например, некоторые общие мотивы в описаниях Египта и России, сделанные французами во время походов Наполеона¹⁶⁵.

¹⁶² Храпунов Н. И. Рец. на книгу: Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond // АИ. 2011. № 1. С. 351–353.

¹⁶³ Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford (Calif.) : Stanford University Press, 1976. P. 3–8.

¹⁶⁴ Euben R. L. Journeys to the Other Shore: Muslim and Western Travelers in Search of Knowledge. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2006. 313 p.

¹⁶⁵ Промыслов Н. В., Прусская Е. А. Восток в представлениях солдат Наполеона: от Египта до России // ФЕ. 2013. С. 127–143.

В отечественной науке травелоги стали изучать, вероятно, даже раньше, чем на Западе. Путешественникам посвящена первая напечатанная работа В. О. Ключевского¹⁶⁶. Многие идеи, воспринимаемые сегодня как достижения западной науки, независимо разрабатывались исследователями, жившими в Российской империи и Советском Союзе. В конце XIX – первой половине XX в. востоковеды В. Р. Розен, В. В. Бартольд и другие критиковали существовавшие в Западной Европе представления о «Востоке», предвосхитив многие идеи современных «постколониальных» исследований¹⁶⁷. Позднее Н. А. Ерофеев адаптировал разработанный отечественными и западноевропейскими исследователями имагологический инструментарий для реконструкции образа Англии и её жителей в русских травелогах XIX в.¹⁶⁸ А. Л. Бертье-Делагард продемонстрировал продуктивность сравнения описаний конкретных объектов в текстах травелогов с той реальностью, которая реконструируется по другим типам источников: это позволяет не только выявить сохранённые путешественниками фактические сведения, но и определить их ошибочные суждения и раскрыть корни происхождения стереотипов¹⁶⁹. Современный украинский исследователь В. В. Ададуров раскрыл значение «фигуры информатора», местного жителя, вступавшего в качестве проводника или эксперта, который навязывал путешественнику или «кабинетному» автору, жившему за сотни и тысячи километров, свой сценарий изучения региона и своё видение региональных феноменов, влияя тем самым на формирование образа страны в иной культуре¹⁷⁰. В этой связи можно задуматься о роли литературного редактора путевых записок: примером может быть влияние Вольтера, правившего мемуары Кристофа-Германа

¹⁶⁶ *Ключевский В.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М. : Университетская типография (Катков и К^о), 1866. 263 с.

¹⁶⁷ *Тольц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М. : НЛЮ, 2013. С. 87–178.

¹⁶⁸ *Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион...

¹⁶⁹ *Бертье-Делагард А. Л.* К истории христианства в Крыму...

¹⁷⁰ *Ададуров В. В.* «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття. Львів : Видавництво Українського католицького університету, 2007. 560 с.

фон Манштейна (1711–1757) о России¹⁷¹. М. В. Белов на материалах русских описаний Балкан показал значение индивидуального опыта, специфику восприятия у представителей разных социальных групп, стойкость стереотипов и динамику в развитии представлений о «других»¹⁷². В. В. Орехов, изучая конструирование «крымского мифа» в западной литературе первой половины XIX в., продемонстрировал, что сравнительный анализ травелогов и местного материала позволяет выявить основу стереотипов и реконструировать мотивацию их создателей, раскрыть механизмы преломления наблюдаемых реалий в сознании путешественника, использованные им приёмы обработки и изложения информации, а также субъективные пристрастия или намерения, побуждавшие интерпретировать реальность особым способом¹⁷³.

Примерами данного подхода стали исследования российского археолога и историка науки А. А. Формозова и украинского историка А. П. Толочко, успешно сочетавших «постколониальный» инструментарий в анализе сочинений XIX в. с пониманием местных археологических реалий, а также знаний о прошлом, существовавших в культуре образованного класса Российской империи описываемого времени. В результате реконструируемая ими картина оказывалась более сложной, чем способны раскрыть «постколониальные» методы¹⁷⁴.

Крымские реалии подтверждают, что именно знание конкретно-исторических реалий эффективно дополняет результаты теоретического анализа текстов. Так, например, исследования А. Л. Зорина и В. Ю. Проскуриной показали важнейшее значение эпизода с крещением князя Владимира в Херсонесе в идеологических программах Екатерины II и Г. А. Потемкина¹⁷⁵. Однако лишь

¹⁷¹ [Манштейн Х.-Г. фон]. Записки Манштейна о России... Р. iv, v, прим. 2; Лиштенан Ф. Д. Вольтер: Фридрих или Пётр I // Вольтер и Россия. М. : Наследие, 1999. С. 83.

¹⁷² Открытие «братьев-славян»... С. 517–604.

¹⁷³ Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород : Растр, 2017. 579 с.

¹⁷⁴ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М. : Наука, 1986. 237 с.; Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев : Laurus, 2012. 256 с.

¹⁷⁵ Зорин А. Крым в истории русского самосознания // НЛО. 1998. № 31. С. 123–143; Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : НЛО, 2004. С. 95–122; Проскурина В. Империя пера Екатерины II. Литература как политика. М. : НЛО, 2017. С. 160–194.

знание конкретных обстоятельств (доминирование античного наследия в Крыму, «подавлявшего» византийское, увлеченность европейцев и россиян романтикой Востока, а также отсутствие традиции почитания Херсонеса в русской культуре) позволяет понять, почему эта идеология поначалу не укоренилась в общественном сознании и вплоть до второй четверти XIX в. Херсонес не рассматривался обществом как православная святыня¹⁷⁶.

В изучении травелогов есть ограничения. Так, невозможно определить степень субъективности анализируемого сочинения. Кроме того, аналитик, если речь заходит об идеях, всегда будет субъективен в отборе источников, аналогий и конкретных методов, а также оценке результатов проведенного анализа¹⁷⁷. Тем не менее, именно субъективность путевых записок является обстоятельством, обуславливающим их интерес для научного анализа. Субъективность обеспечивает их привлекательность для читателя и, следовательно, способствует укоренению выработанных путешественников стереотипов в общественном сознании. Она же, эта субъективность, внедряла представления об особой привлекательности, романтичности ряда регионов в сознание читателей. Так памятники природы и культуры становились достопримечательностями, и так создавались туристические маршруты. Это прекрасно понимал классик французской литературы XIX в.: «Ведь человек, странствуя по свету, почти неизбежно скрашивает своей фантазией то, что он видит пред собою. Путешественников обвиняют в том, что они лгут и обманывают тех, кто читает их рассказы. Нет, они не лгут, но они гораздо больше видят мысленным взором, чем глазами. Нас очаровал роман, нас взволновал

¹⁷⁶ Храпунов Н. И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. 2016. Вып. 21. С. 317–358; Храпунов Н. И. Христианизация Крыма и превращение Херсонеса в православную святыню // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 305–326; Храпунов Н. И. Не приметив Византию : средневековые памятники Крыма глазами иностранных путешественников рубежа XVIII–XIX вв. // Византийское «содружество»: традиции и смена парадигм. Тез. докл. XXII-й всероссийской сессии византинистов. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2019. С. 160–162; Храпунов Н. И. Принц де Линь в Крыму, или как заменить Византию сказками 1001 ночи // XII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : Империя и полис : Материалы. Симферополь : Колорит, 2020. С. 277–282.

¹⁷⁷ Миллер А. И. Предисловие // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : НЛЮ, 2003. С. 6–8.

десяток-другой стихов, нас пленил рассказ – и вот нами овладевает своеобразная лирическая восторженность путешественников; мы заранее горим желанием увидеть ту или иную страну, и эта страна неотразимо нас очаровывает»¹⁷⁸.

Особенность жанра – зависимость травелогов от традиции, поскольку авторы вынуждены были ориентироваться на наблюдения предшественников, а принадлежность к одной культуре нередко приводило писателей к одинаковым оценкам и выводам¹⁷⁹. Большинство путешественников заранее определяло свой маршрут, узнавая о достопримечательностях, которые предстояло осмотреть. Специфика жанра проявлялась в том, что многие авторы путевых заметок беззастенчиво заимствовали фрагменты текстов у предшественников и «кабинетных» авторов, зачастую не упоминая об этом. Травелоги иллюстрируют мысль французского исследователя Р. Барта, согласно которой всякий текст не оригинален, но является всего лишь совокупностью цитат, порождённых культурной традицией¹⁸⁰. Это обстоятельство способствовало возникновению устойчивых стереотипов о чужих странах. Следовательно, установление связей между травелогам, включая заимствования и межтекстовые дискуссии, является важной научной задачей. Исследование литературы, повествующей о других странах и народах, требует комплексного использования филологических и исторических методов и будет бессмысленным без понимания исторических, археологических, этнографических реалий описываемого региона¹⁸¹.

Крым представляет собой идеальный объект для имагологического анализа. Полуостров находится «на границе миров» – Запада и Востока, «цивилизации» и «варварства», ведь, согласно античной традиции, граница между Европой и Азией проходила по Боспору Киммерийскому, нынешнему Керченскому проливу, ограничивающему полуостров с востока. Демонстрируя наблюдателю богатую

¹⁷⁸ *Мопассан Г. де.* Полное собрание сочинений в двенадцати томах / пер. с франц. Т. 11. М. : Правда, 1958. С. 258.

¹⁷⁹ *Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион... С. 48–51; *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия... С. 66–68.

¹⁸⁰ *Барт Р.* Избранные работы : семиотика, поэтика / пер. с фр. М. : Прогресс, 1989. С. 384–391.

¹⁸¹ *Земсков В. Б.* Образ России в современном мире и другие сюжеты. М. : Гнозис, 2015. С. 11–27.

смесь культурного наследия разных эпох, народов и религий, живописную природу и экзотических жителей, Крым позволял генерировать самые разные смыслы, стереотипы и интерпретации. Богатое культурное наследие ислама превращало полуостров в своего рода осколок Востока в Европе. Положение между Россией и Османской империей позволяло путешественникам задумываться о роли двух держав в истории края, и даже трактовать их положение на «карте цивилизации» в зависимости от действий в Причерноморье¹⁸².

Путешественники оставались внешними по отношению к Крыму наблюдателями. Их записки описывают образ жизни, нравы и обычаи местных этноконфессиональных групп, которые казались странными, экзотическими, противоположными существовавшим на Западе. Жители Крыма представлялись Другими, то есть полной противоположностью автора и читателя, обладателями антагонистичного мировоззрения и ценностей. Авторы понимали, что потенциальным читателям интересны яркие, будоражащие воображение факты и наблюдения, рассказ о приключениях и разнообразной экзотике. Они выпячивали необычные черты чужого, уделяя меньше внимания или даже игнорируя те аспекты, которые казались близкими европейской «норме». При таком подходе образ Другого схематизируется и упрощается. Писатели могли относиться с симпатией к объекту описаний и позитивно оценивать его экзотические свойства (например, «первобытное» гостеприимство, неиспорченность нравов или умение наслаждаться покоем). Тем не менее, они создавали представление о непреодолимой дистанции между «нами» и «ими».

Исследователи образов отдаленных регионов показали, что создававшие их путешественники нередко оперировали топосами (общими местами) и

¹⁸² Храпунов Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 329–352. (с библиографией); Храпунов Н.И. «Восток в Европе» : Крым после присоединения к Российской империи глазами иностранцев // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 1. С. 63–78; Храпунов Н. И. Крым между Западом и Востоком в записках британских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / под ред. О. Ю. Хавановой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 81–100.

стереотипами, являвшимися продукцией их собственной культуры. Так, труды философов Просвещения сформировали образ «благородных дикарей», населявших отдаленные экзотические страны с теплым климатом, например, Америку или Тихоокеанские острова. Эти люди якобы не были испорчены цивилизацией и потому не имели нужды в труде, ведь все необходимое они легко получали от природы¹⁸³. Образ «благородных дикарей» был связан с концепцией географического детерминизма, утверждавшей, что уровень развития, культура и обычаи различных коллективов зависят от природных условий, в которых те обитают. Конечно, «благородные дикари» не существовали в реальности – местом их жизни были книжные страницы. Зато их образ позволял западным философам обратиться к проблемам своего общества. Как видим, данный стереотип соединил в себе теоретические идеи кабинетных философов и непосредственный опыт наблюдения, выработанный приезжими путешественниками. Подобно многим другим стереотипам, он стал результатом непонимания происходящего – но, как было справедливо отмечено, стереотип удобен тем, что позволяет экономить на размышлениях и доверять готовым решениям¹⁸⁴. И, как и многие другие теоретические рассуждения, он имел вполне практические последствия, оказывая влияние в том числе и на действия государственной власти. Возможно, это была одна из причин того, почему интеграция Крыма в состав империи затянулась надолго¹⁸⁵.

¹⁸³ *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии / пер. с англ. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1996. С. 40–45; *Пименова Л. А.* Путешественник, «философы» и «добрые дикари»: экспедиция Ж.-Ф. де Лаперуза, 1785–1788 гг. // *Одиссей. Человек в истории.* 2009. С. 121–123; *Кучумов И. В., Мельник Э. В., Сахибгареева Л. Ф.* Воображаемое путешествие к народам России // *Левек П.-Ш.* История народов, подвластных России. СПб. : Дмитрий Буланин, 2016. С. 19–21; *Rizal J.* The Indolence of the Filipino. Manila : Austin Craig, 1913; *Alatas S. H.* The Myth of the Lazy Native. London : Frank Cass, 1977; *Ellingson T.* The Myth of the Noble Savage. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 2001; *Osterhammel J.* Unfabling the East : The Enlightenment's Encounter with Asia / tr. from Germ. by R. Savage. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2018. P. 288–298.

¹⁸⁴ *Гладышев А.В.* 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М. : РОССПЭН, 2019. С. 282.

¹⁸⁵ Об этом процессе см.: *Храпунов Н. И., Конкин Д. В.* Между Западом и Востоком : особенности развития Крыма в составе Российской империи в контексте межкультурных коммуникаций (1783–1853) // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2021. Т. 12. Вып. 7.

Таким образом, современное исследование образа Крыма должно оперировать описанным выше инструментарием, причем исследователь должен понимать его слабые места. Настоящее диссертационное исследование является междисциплинарным и применяет инструментарий истории, филологии, искусствоведения, социологии, психологии. Полученные результаты должны быть интересны не только историкам, но и этнографам, филологам, архитекторам-реставраторам и представителям иных теоретических и прикладных дисциплин. Результаты изучения непосредственно путевых записок сопоставляются с результатами изучения конкретно-исторического «крымского» материала.

Исходя из сказанного, настоящее диссертационное исследование включает следующие методические элементы. Биографический метод позволяет выявить причины некоторых субъективных оценок и мотивацию путешественников, а также авторство некоторых путевых записок. Так, в краеведческой литературе принято рассматривать травелог, изданный под именем Марии Гатри, как пример «женского взгляда» на Крым. Однако изучение биографий «автора» и ее супруга Маттью в сочетании с текстуальным анализом источника недвусмысленно свидетельствуют о том, что это было «кабинетное» путешествие, написанное мужчиной (Маттью) вдали от полуострова. Сравнительно-исторический метод помогает соотнести сочинения различных жанров (дневники, эпистолярные сочинения, «вымышленные путешествия», энциклопедические труды, мемуары, олитературенные произведения и пр.). Сопоставление писем Э. Кларка с его книгой открывает авторскую манеру переосмысления собранных данных в угоду политическим соображениям. Литературный анализ выявляет те способы изучения, осмысления и подачи информации, которые использовали авторы разного социального происхождения, обладавшие разным культурным багажом, преследовавших разные цели и работавшие в разных жанрах. Просопографический анализ позволяет выявить знакомых между собой путешественников и тем самым показывать возможные направления заимствований идей и интерпретаций. Характерный пример – передача ряда идей от К. Габлица к П.-С. Палласу, а от того – к Э. Кларку, не скрывавшего восхищения немецким натуралистом.

Сопоставление сочинений Р. Хебера и Э. Кларка дает ответ на вопрос, почему люди одного круга, находившиеся в дружеских отношениях, создали разные картины Крыма. Имагологический и ретроспективный методы выявляют распространенные стереотипы, заимствования, шаблоны и общие места (топосы), «кочующие» из сочинения в сочинение. Сопоставление «крымских» травелогов с описаниями других регионов – Греции, Швейцарии, Египта, Скандинавии – помогает обнаружить сходные стереотипы, которые использовались в отношении разных регионов и разных культур. Исторический анализ дает новые сведения по истории Крыма, его населения, политики России на полуострове в первые десятилетия после его присоединения, тем самым позволив сравнить описания путешественников с реальностью и поставить вопросы об их политической ангажированности или приверженности идеям английского превосходства. Этнографические методы применяются, поскольку англичане рассматривали многонародность Крыма как обстоятельство, привлекательное для образовательных и исследовательских путешествий, но одновременно и как показатель «азиатскости», то есть «нецивилизованности» региона. Потому анализ травелогов будет преследовать две цели – как поиск конкретных этнографических материалов, так и выявление особенностей этнографических исследований в эпоху зарождения современной антропологии. Политологические методы используются при сопоставлении образов будущего Крыма в работах английских и французских путешественников. Это позволяет выяснить, какие политические и экономические меры в отношении полуострова они рекомендовали предпринять своим правительствам, и чем объясняется различие между «национальными группами» травелогов. Филологические методы позволяют, в частности, рассмотреть вопросы принципов, которым руководствовались путешественники при переводе отрывков из источников и сочинений предшественников. Характерный пример – работа У. Тука, широко компилировавшего сочинение шведско-немецкого ученого И.-Э. Тунманна. Нормы перевода конца XVIII – начала XIX в. допускали куда больше свободы, чем нынешние. Анализ соответствующих фрагментов показывает, какие сведения авторы травелогов выводили на первый план и какие фрагменты своего

источника умышленно или неумышленно искажали. Искусствоведческие методы применимы к изучению рисунков, приложенных к трудам путешественников. В данном случае интерес представляет не столько художественная ценность этих иллюстраций, сколько вопросы авторства, а также «программа» рисунков – какие объекты рисовали, какие подписи под ними делали, а, следовательно, что показалось важным и интересным в Крыму. Такие рисунки важны для археологов и реставраторов памятников Крыма, так как показывают исторический облик недошедших до наших дней или существенно поврежденных объектов культурного наследия.

Настоящее исследование имеет междисциплинарный характер, основываясь на принципах историзма, системности и объективности.

ГЛАВА 2. «ОТКРЫТИЕ» КРЫМА. ПЕРВЫЕ ОПИСАНИЯ ТАВРИДЫ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

2.1. Уильям Тук

В 1785–1787 гг. в популярном английском журнале *Gentleman's Magazine* публиковались письма к редактору от человека, подписавшегося инициалами *М. М. М.*, рассказывающие о путешествии по России от Петербурга до Азова. В них приводились разнообразные исторические, этнографические, естественноисторические сведения о Российской империи и её населении. Два письма, якобы отправленные из Азова 13 и 20 ноября (по старому стилю) 1785 г., посвящены описанию Крыма, бывшего предметом особого интереса английской публики в связи с недавними политическими событиями. Автору, который на полуострове не бывал, удалось собрать различную информацию о его географии, городах, населении, экономике, а также об эпохе Крымского ханства и о присоединении Крыма к России. Британский исследователь Э.-Г. Кросс установил, что автором писем был историк и писатель Уильям Тук (William Tooke, 1744–1820), впоследствии прославившийся трёхтомными «Обзрением Российской Империи» и «Жизнью Екатерины II, императрицы российской». В эти книги он также включил краткую информацию о Крыме и его жителях. Российский период в жизни Тука и его произведения редко становились предметом изучения. Неоднократно обращался к этой фигуре Э.-Г. Кросс¹⁸⁶. Некоторые важные наблюдения

¹⁸⁶ Cross A. G. The Reverend William Tooke's Contribution to English Knowledge of Russia at the End of the Eighteenth Century // Canadian Slavic Studies. 1969. Vol. III. No. 1. P. 106–115; С берегов Темзы – на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже / сост. Б. Аллен, Л. Дукельская. СПб. : Государственный Эрмитаж, 1997. С. 32–33; Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н. Г. Беспятых, Ю. Н. Беспятых. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. С. 118, 123–128.

приводятся в фундаментальной монографии М. П. Алексеева¹⁸⁷. Известия Тука о Крыме проанализировал автор диссертации¹⁸⁸. Следует отметить также плохой перевод «крымских отрывков» из «Обозрения Российской империи», опубликованный украинским исследователем В. М. Калашниковым¹⁸⁹. Анализ сведений о Крыме, собранных Туком, не только способен раскрыть некоторые аспекты того, как начиналось научное изучение Крыма, но и позволяет понять на этом примере, как западные интеллектуалы пытались оценить экономический потенциал региона и выработать стратегию его развития, какие источники они использовали и какие литературные приёмы применяли, как создавался образ Крыма, отягощённый характерными стереотипами эпохи Просвещения, и, наконец, какую информацию о далёком Северном Причерноморье получала образованная английская публика.

Биография Тука (Приложение А, рис. 2) реконструирована в отмеченных выше исследованиях Э.-Г. Кросса. Он происходил из семьи англиканского священника, учился в Лондоне, занимался писательством, затем по примеру отца принял сан и отправился в Россию, в 1771 г. заняв пост капеллана в Кронштадте. Тук знал несколько языков, включая русский. Он свёл знакомство с членами Российской академии наук и даже вступил в масонскую ложу «Совершенный союз». Впоследствии он переехал в Петербург, в 1774 г. став капелланом английской колонии в русской столице. Любитель путешествовать, Тук странствовал по Средней Азии, ездил из Петербурга в Кёнигсберг (ныне Калининград) на встречу с философом Иммануилом Кантом, посетил Берлин ради местной Академии наук. В 1785–1786 гг. он предпринял путешествие на юг, добравшись до Азова. Благодаря своим публикациям и переводам (в том числе

¹⁸⁷ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М.: Наука, 1982. С. 142–144, 404.

¹⁸⁸ Храпунов Н. И. Известия о Крыме и о Крымском Ханстве, собранные Уильямом Туком в 1785 г. // ЗО. 2018. Т. 6. № 3. С. 579–595; Храпунов Н. И. Как англичане «открыли» Крым в конце XVIII в // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2020. Т. 1. Вып. 3. URL: http://vistory-svgu.ru/?page_id=303.

¹⁸⁹ Калашников В. М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия). Днепрпетровск: [б. и.], 2013. С. 130–136.

знаменитого «Описания всех народов Российской империи» Иоганна-Готлиба Георги), он был избран в Королевское общество (английский аналог Академии наук). Многочисленные знакомства в образованных кругах Петербурга помогли Туку стать членом-корреспондентом Российской академии наук – избранием его занималась непосредственно директор Академии княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810). В 1792 г., получив наследство богатого родственника, Тук вернулся на родину. Здесь он занимался самыми разными литературными и научными занятиями, превратившись в крупнейшего специалиста по Российской империи. Об этом свидетельствует, например, то, что сочинения Тука использовал Джордж Гордон Байрон, когда работал над «российскими» сюжетами своих поэм¹⁹⁰.

Фактически, Тук оказался первым англичанином, опубликовавшим известия о Крыме после его присоединения к России – хотя до полуострова он так и не доехал. Его письма в английском «Журнале для джентльменов» подписаны псевдонимом *M. M. M.*, который, как показал Э.-Г. Кросс, скрывает фамильный девиз Туков – *Militia mea multiplex* (лат. «ратные дела мои многочисленны»)¹⁹¹.

Первоначально, в письме из Азова от 5 ноября (по старому стилю) 1785 г., Тук сообщил: «Здесь я повстречал достойного соотечественника, капитана П., только что вернувшегося из Крыма, который дал мне полный отчёт об этом полуострове, который, поскольку он [Крым] сейчас является предметом жаркого обсуждения, и особенно поскольку до сих пор не нашлось автора, который сделал бы удовлетворительное его описание, я должен систематизировать и привести в порядок, сделав предметом моей следующей корреспонденции»¹⁹². В другом месте сказано, что собеседник Тука побывал в юго-западном Крыму («холмистая страна», или «нагорье»), а сведения о других районах полуострова он взял «из дружеских

¹⁹⁰ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи... С. 404; Cochran P. Byron, Don Juan, and Russia // *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. Cambridge : Open Book Publishers, 2012. P. 41–43, 46–47; Королева С. Б. Миф о России в британской культуре. М. : Флинта, 2021. С. 101–102.

¹⁹¹ Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 124–125.

¹⁹² [Tooke W. Original Correspondence from Russia] // *The Gentleman's Magazine : and Historical Chronicle*. 1786. Vol. 56. No. 2. P. 552.

сообщений других [людей]»¹⁹³. Тук жаловался, что расшифровка записок капитана доставила ему немало беспокойства: «Мой друг капитан <...> написал оригинал [документа] настолько небрежно, что я иногда сравнивал себя с теми, кто пытается восстановить утраченные книги Ливия <...> Прибавьте к этому, что все то, что он взял у других, написано по-немецки, как будто со слуха, почерком гораздо худшим, чем любая из его собственных [записей]. В остальном достаточно сказать, что трижды пересечь Крым и сделать собственные наблюдения было бы в триста раз приятнее, чем делать этот перевод»¹⁹⁴.

Тем не менее, внимательное чтение писем Тука не оставляет сомнений в том, что его информатора не существовало в природе. Соответствующие сведения Тук взял из известного сочинения русского путешественника Василия Фёдоровича Зуева (1754–1794), ездившего по Крыму в конце весны – начале лета 1782 г.¹⁹⁵ Отчёт об этой поездке был опубликован на русском языке в «Месяцеслове историческом и географическом на 1783 год» и впоследствии переиздан¹⁹⁶. Хотя тук знал русский, он мог воспользоваться также одним из двух немецких переводов этого трактата¹⁹⁷, чем и объясняется ссылка на немецкий язык в сочинении «его друга капитана» в приведённой в предыдущем абзаце цитате. В этом случае становится ясно, откуда взялись некоторые различия между текстом Зуева и английским вариантом Тука – они появились при двойном переводе. Сложно сказать, что побудило Тука устроить мистификацию и выдумать «английского капитана». Быть может, так он пытался добиться большего доверия у своих соотечественников. Интересно, почему именно Зуева англичанин счёл наиболее

¹⁹³ Ibid. P. 645.

¹⁹⁴ Ibid. P. 648.

¹⁹⁵ О нем см.: Райков Б. Е. Академик Василий Зуев, его жизнь и труды. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 161–165.

¹⁹⁶ [Зуев В.Ф.] Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. [Часть 5] СПб. : Императорская академия наук, 1790. С. 265–303.

¹⁹⁷ *Zuief [W.]*. Nachrichten von der Krim // Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie. Bd. 4. St. Petersburg; Leipzig : Johann Zacharias Logan, 1783. S. 249–270; *Zuief [W.]*. Nachrichten von der Krim // Neues St.-Petersburgisches Journal, vom Jahre 1783. Bd. 1. St. Petersburg : Buchbructeren ben Schnoor, 1783. S. 3–29.

достойным источником сведений о Крыме. Возможно, сыграло роль то, что он только недавно вернулся из поездки и потому располагал самой свежей информацией. Современные исследователи высоко оценивают работу Зуева как географа¹⁹⁸, однако его оценки экономического потенциала полуострова и возможностей его населения отличалась поверхностностью и находилась в плену стереотипов¹⁹⁹. Как увидим ниже, именно от Зуева к Туку попал ряд сомнительных фактов и оценок. Но были ли возможны другие, более точные с нашей современной точки зрения сведения и суждения, в условиях развития научной мысли второй половины XVIII в.?

Какую-то информацию Тук мог почерпнуть из знаменитого сочинения шведского кабинетного учёного Иоганна-Эриха Тунманна (1746–1778) о Крымском ханстве, опубликованного в энциклопедическом «Землеописании» немца Антона-Фридриха Бюшинга (1724–1793) за несколько лет до публикации писем Тука²⁰⁰. Между двумя текстами обнаруживается ряд параллелей. Но если «Выписку» Зуева Тук компилировал абзацами, то из Тунманнова текста выбирал только отдельные факты. Зато, когда через несколько лет англичанин писал «Обозрение Российской Империи...» и не был стеснён в объёме рукописи, он беззастенчиво переписал у шведского учёного большой фрагмент, повествующий

¹⁹⁸ Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Открыватели земли крымской. Очерки 2500-летней истории изучения природы Тавриды. Симферополь : Бизнес-Информ, 2007. С. 71–79.

¹⁹⁹ Конкин Д. В. Оценки экономического потенциала Крыма в трудах ученых-путешественников: «дефект описания» и его практические последствия // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 40–41. Д. В. Конкин назвал «дефектом описания» феномен, когда находившийся в плену иллюзий путешественник преувеличивал природные богатства экзотической страны. В статье Иосифа Бродского «Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому», посвящённой непониманию русской культуры на Западе, можно отыскать другой термин – *defective perception*, который в русском переводе передан как «дефект восприятия» – см. *Brodsky J. Why Milan Kundera Is Wrong About Dostoyevsky // The New York Times. 1985. February 17* [Электронный ресурс] URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/00/09/17/specials/brodsky-kundera.html>; *Бродский И.* Сочинения. Т. 7. СПб. : [б. и.], 2001. С. 91.

²⁰⁰ Первая (из нескольких) публикация: *Thunmann [J. E.]. Der Krimische Staat // Neue Erdbeschreibung. 7th ed. Th. 1. Bd. 2. Hamburg: Carl Ernst Bohn, 1777. S. 1881–1974*; ср. русский перевод: *Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство / пер. с нем. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской. Симферополь : Таврия, 1991. 96 с.*

об истории Крыма²⁰¹. Это не удивительно, ведь в конце XVIII – начале XIX в. сочинение Тунманна было важнейшим источником сведений о Крыме, которое с удовольствием использовали, путешествовавшие полуострову, зачастую забывая упомянуть об авторе позаимствованной ими информации²⁰². К тому же «Обозрение» Тука было, по существу, компиляцией, использовавшей сведения множества других авторов, в том числе русских²⁰³. Возвращаясь же к «крымским письмам», отметим, что английский капеллан, очевидно, пользовался и другими источниками, ведь Зуев и Тунманн описали Крым до присоединения к России, тогда как Тук рассказал и о последствиях присоединения. Некоторым его письмам (не только «крымским») предшествует длинное введение на моральные темы – его стиль таков, что автором вполне мог оказаться не Тук, а редактор журнала.

Собранная Туком информация вызвала известный интерес у публики и издателей. Например, через два года в журнале *The Annual Register* («Ежегодный журнал») перепечатали их крымскую часть²⁰⁴. Почти 70 лет спустя, когда Таврида вновь оказалась в центре всеобщего интереса в связи с Крымской войной, её участник и автор описания Крыма Томас Милнер вспомнил о публикации в *Gentleman's Magazine* и о том, что автор (имени которого он не знал) превозносил достоинства Балаклавской бухты в сравнении с Ахтиарской (Севастопольской)²⁰⁵.

Каков же образ Крыма, созданный английским капелланом? Путешественник довольно подробно и вполне точно рассказал о физической географии

²⁰¹ *Tooke W.* A View of the Russian Empire during the Reign of Catharine II and to the Close of the Eighteenth Century. 2nd ed. Vol. 1. London : A. Strachan, 1800. P. 452–457; Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство. С. 17–21. В «Жизни Екатерины II» Тук также поместил рассказ об истории Крыма, очевидно основанный на сочинении Тунманна, но куда более краткий ([*Tooke W.*] The Life of Catherine II, Empress of Russia. 4th ed. Vol. 3. London: John Nickols, 1800. P. 25–26).

²⁰² Храпунов Н. И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века // ЗО. 2016. Т. 4. № 4. С. 837–838.

²⁰³ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи... С. 142; Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 127.

²⁰⁴ [*Tooke W.*] An Account of the Krimea // The Annual Register, Or a View of the History, Politics, and Literature, For the Year 1786. London : L. Dodsley, 1788. [Pt. 2] P. 129–134.

²⁰⁵ *Milner Th.* The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars. London : Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. P. 285, 286; ср. русский перевод: Милнер Т. Крым. Ханы, султаны, цари. Взгляд на историю полуострова участника Крымской компании / пер. с англ. И. А. Петровской. М. : Центрполиграф, 2015. С. 200.

полуострова²⁰⁶, почти дословно переписывая страницы из записок Зуева²⁰⁷. Впоследствии сокращённый вариант географического описания Крыма вошёл в книги Тука по истории Екатерининской эпохи²⁰⁸.

Тук сопоставил бывшее состояние Крымского ханства с изменениями, произошедшими в результате Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и окончательного «покорения Крыма» в 1783 г. В итоге положение полуострова изменилось к худшему – он потерял значительную часть жителей, многие города и селения частично или полностью запустели, в упадок пришла экономика. «Около 18 лет назад этот полуостров был необычайно наполнен жителями и богатствами. В то время здесь насчитывалось по меньшей мере 1200 селений; но из-за недавних неурядиц в Крыму он потерял более трети своих жителей, а сейчас, куда ни посмотришь, увидишь развалины больших селений и домов. Население состояло из разных наций, живших вместе под [властью] татар, пользуясь самой неограниченной свободой; но в последнюю Турецкую войну они либо отдались под власть России и были переселены в эту империю, либо бежали в Абхазию и холмы Черкесии»²⁰⁹. Данный отрывок заимствован у Зуева, однако Тук оценил потери крымского населения как «более трети», а не как «более двух третей»²¹⁰. Отсчитывая время, когда Крым процветал, он изменил цифру с 15 на 18 лет, ведь Зуев ездил по Крыму в 1782 г. Кроме того, Тук заострил слова о былой этнической пестроте Крымского ханства. В приведённом выше отрывке имелось в виду выселение христианского населения из Крыма в Северное Приазовье, организованное российским правительством в 1778 г.²¹¹

²⁰⁶ *Tooke W.* Original Correspondence... P. 644–646.

²⁰⁷ [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 265–272.

²⁰⁸ *Tooke W.* A View of the Russian Empire... Vol. 1. P. 105–106; [*Tooke W.*] The Life of Catherine II... P. 21–22.

²⁰⁹ *Tooke W.* Original Correspondence... P. 646.

²¹⁰ Ср.: [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 272.

²¹¹ См.: Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. 2-е изд. / пер. с фр. Л. Ф. Сахибгареевой. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2019. С. 445–456; Григорьев С. И. «...Кафир весьма крутого нрава» : А. В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб. : Государственный мемориальный музей А. В. Суворова, 2015. С. 296–392.

Как и Зуев, впоследствии Тук ещё раз вернулся к сюжету о крымском населении. Он вновь подчеркнул его былую численность и многонародность: «Этот полуостров был прежде чрезвычайно населён; количество его жителей, татар, турок, греков, армян, евреев и других насчитывало более 200 000 человек. С тех пор, однако, большая часть христиан удалилась в другие части Российской империи, в частности в Азовскую губернию; а многие другие жители, в частности татары, ушли в Тамань и Абхазию; так что нельзя думать, что нынешнее население Крыма превышает самое большее 50 000 человек»²¹².

Данный отрывок показывает, как Тук работает с текстом Зуева²¹³. Сохраняя основные сведения, англичанин их модернизировал. Если русский путешественник говорил о времени до присоединения к России, то Тук вольно или невольно осовременил описание, применив его уже к российской эпохе в истории полуострова. Кроме того, из рассуждений о численности населения можно сделать вывод, что Тук имел в виду души мужского пола (*men*), тогда как у Зуева этого нет. Позднее англичанин включил этот фрагмент, с небольшими изменениями, в «Обозрение Российской империи»²¹⁴.

Тук считал маловероятным, что оставшиеся жители смогут вернуть Крым к цветущему состоянию. Причину он видел в присущей татарам лени, их неспособности к земледелию и товарному производству сельскохозяйственной продукции. Читатель мог сделать вывод, что не татары обеспечивали былое процветание Крымского ханства. Так, в равнинной (северной и центральной) части полуострова совсем нет ни деревьев, ни кустов – и причиной тому, по мнению путешественника, выпас скота, пожирающего любую зелень. «Всеобщая распространённость этого обычая держать скот, который бродит туда-сюда, в сочетании с татарской ленью и их неспособности к земледелию и отвращением к нему – вот причина, почему здесь совсем не знают этой науки»²¹⁵. Путешественник полагал, что хозяйственный потенциал Крыма весьма велик:

²¹² *Tooke W. A View of the Russian Empire... Vol. 1. P. 648.*

²¹³ Ср.: [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 283.

²¹⁴ *Tooke W. A View of the Russian Empire... Vol. 1. P. 457.*

²¹⁵ *Tooke W. Original Correspondence... P. 645.*

«если бы земля была разделена на участки и управлялась надлежащим образом, её хватило бы для скота, а оставшаяся часть в изобилии приносила бы зерно и хлеб»²¹⁶. Через несколько лет, в жизнеописании Екатерины II, когда уже появились первые результаты предпринятых Россией мероприятий по интенсификации хозяйственного развития Крыма, Тук писал: «Плодородие этой страны – до сих пор вопрос спорный, но возможности, которые он предоставляет её (Екатерины II. – *Н. Х.*) армии, и преимущества, которыми она обладает в смысле торговли, не могут вызывать вопросов»²¹⁷. Англичанин отметил, что некогда обладание Крымом оказалось делом весьма прибыльным для древних греков и средневековых генуэзцев²¹⁸. В этих словах – два мотива, весьма характерных для его современников. Во-первых, это ссылки на опыт античных и средневековых колонистов – выходцев с Запада, который следовало использовать для экономических проектов в Крыму в конце XVIII – начале XIX в. Во-вторых, попытки обосновать необходимость превращения Крыма в транзитный пункт в новом «шёлковом пути», который потенциально мог бы связать Западную Европу и её Вест-Индские колонии с Китаем, Индией и другими странами Востока, тем самым получив новый путь к «богатствам Азии». При этом изменение геополитической обстановки в регионе и в Евразии в целом, равно как и отсутствие необходимого количества рабочих рук, портовой инфраструктуры и дорог в Крыму и окрестных землях во внимание не принимали²¹⁹.

Следует отметить, что особое отношение традиционного ислама к предпринимательству, в котором богатство понимается как испытание, привлечение чужой рабочей силы для получения богатства, индивидуализм, экономический рационализм и авантюризм осуждается, а интересы общины считаются более важными, чем интересы отдельного лица, было чуждо

²¹⁶ Ibid.

²¹⁷ [Tooke W.] The Life of Catherine II... P. 21.

²¹⁸ Ibid. Note *.

²¹⁹ Храпунов Н.И. «Азиатский мираж» и будущее Крыма : проекты западных интеллектуалов // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 57–74.

европейской этике²²⁰. По-видимому, непонимание этого обстоятельства зачастую приводило западноевропейцев к выводу о свойственной мусульманам лениности, причём это обвинение было направлено на жителей, например, Египта или Балкан не в меньшей степени, чем на крымчан²²¹.

Интересно объяснение «ленивого характера» крымских татар, которое предложил Тук. По его словам, «[п]риверженность татар к кочевой жизни и их отвращение к земледелию – вот причина, по которой эта страна находится в запустении. Но если бы этих людей однажды смогли заставить разделить землю между собой, то осталось бы достаточно пастбищ, а остальная [земля] в изобилии производила бы нужные для жизни плоды. Если бы один татарин обратился бы к культуре земле[делия], его труда хватило бы, чтобы обеспечить нужды сотни его соотечественников»²²². В этих словах – типичное для Запада восприятие кочевников как ретроградного начала, противоположности цивилизации, и расчёт на то, что лишь современные методы хозяйствования способны принести процветание. Примером излишнего оптимизма относительно перспектив экономического развития Крыма по западным технологиям могут быть следующие слова англичанина. «Превосходное вино делают в границах Судака. Князь Потёмкин нанял француза по имени Банк, чтобы устроить там завод по перегонке бренди. Этот бренди не хуже самого лучшего коньяку. Банк уже занимался винокурением заводом в Астрахани – он уверяет, что качество судакского бренди ещё выше»²²³. Очевидно, Тук знал о том, что Г. А. Потёмкин нанял французского винодела Жозефа Банка, которому поручил разведение виноградников и садов, а также производство вина и других спиртных напитков. Опубликованные письма

²²⁰ Гибадуллин М. З., Аюпов А. А., Нуриева А. Р., Шагмарданов А. Р. Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт. Казань : Издательство Казанского федерального университета, 2016. С. 38–48.

²²¹ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. М. : Русский Мир, 2006. С. 280; Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М. : РОССПЭН, 2016. С. 135; Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников / пер. со словен. Л.А. Кириллиной. М. : Лингвистика, 2017. С. 22, 32.

²²² [Тооке В.] The Life of Catherine II... P. 23.

²²³ Ibid. P. 24, note *.

Банка к Потёмкину показывают, что на самом деле ситуация была не столь оптимистична, как представлялось Туку. Работа француза не дала того результата, на который рассчитывал светлейший князь, и винодела уволили²²⁴.

Тук полагал, что склонность крымских татар к праздности не зависела от природно-географических условий, в которых они жили. Потому население плодородных долин юго-западного Крыма в этом отношении не отличалось от своих степных собратьев: «эти горцы не менее беззаботны и беспечны, чем обитатели пустынь, пренебрегая всеми этими [природными] преимуществами, и подобно своим братьям в низинах, [они] вполне счастливы, если владеют толстой овцой и таким количеством хлеба, чтобы хватило на еду»²²⁵. Данные суждения основаны на словах Зуева²²⁶. В размышлении Тука ещё нет негативной реакции на «татарскую леность», которая появится позже, у следующего поколения путешественников, сочинения которых разберём ниже. Очевидно, слова Тука нужно рассматривать в контексте представлений его эпохи.

В западноевропейских описаниях других стран и народов леность традиционно использовалась как маркер инаковости. Так, французский наёмный солдат Жак Маржере (Маржерет), служивший в России в начале XVII в., отмечал, что русские очень ленивы и «не расположены к труду»²²⁷. В эпоху Просвещения возник миф о «благородном дикаре», неиспорченном пороками цивилизации, который вёл счастливую жизнь на лоне природы, довольствуясь минимумом материальных благ. В этом контексте теоретические рассуждения философов (например, Мишеля Монтеня, Жан-Жака Руссо или Дени Дидро) «подтверждались» рассказами путешественников в отдалённые страны света, например, на острова Тихого океана или в Центральную и Южную Америку.

²²⁴ Маркевич А. И. Из прошлого крымского виноградарства и виноделия. По архивным материалам // [Отдельный оттиск:] Вестник виноделия Украины. 1927. С. 3–4; Оливье Ж. Французский винодел в Екатерининской России (письма Ж. Банка князю Г.А. Потемкину) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 8. М.: Наука, 2008. С. 46–63.

²²⁵ Tooke W. Original Correspondence... P. 646.

²²⁶ [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 271, 272; ср.: Конкин Д. В. Оценки экономического потенциала Крыма... С. 40–41.

²²⁷ Маржерет Ж. Состояние Российской империи / пер. с франц. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 122.

Конечно, «благородные дикари» не существовали в реальности – местом их обитания были книжные страницы. Этот образ, очевидно, позволял западным авторам обратиться к проблемам собственного общества²²⁸. Тем не менее, философы Просвещения не сомневались в реальном существовании «благородного дикаря» или «естественного человека», хотя и трактовали этот образ по-разному. Если Руссо им восхищался, то Вольтер, наоборот, считал таких людей, малообразованных и незнакомых с наукой, потенциальным рассадником зла²²⁹.

Учитывая, что России западные интеллектуалы отводили роль «окраины цивилизации»²³⁰, а Крым считали осколком восточной культуры в Европе²³¹, не удивительно, что среди многих стереотипов, возникших в описаниях полуострова, было и представление о крымских татарах как «благородных ленивцах»²³². Пожалуй, ярче всего его выразил принц Шарль-Жозеф де Линь (1735–1814), выходец из Австрийских Нидерландов (ныне Бельгия) и подданный Габсбургов, но по существу – «гражданин мира», военачальник, придворный и остро слов, получивший в подарок от Екатерины II имение на южном берегу Крыма²³³. Он был настолько очарован своими соседями, что впоследствии описал их в следующих

²²⁸ *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии / пер. с англ. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1996. С. 40–45; *Пименова Л.А.* Путешественник, «философы» и «добрые дикари»: экспедиция Ж.-Ф. де Лаперуза, 1785–1788 гг. // *Одиссей. Человек в истории.* 2009. С. 121–123; *Кучумов И. В., Мельник Э. В., Сахибгареева Л. Ф.* Воображаемое путешествие к народам России // *Левек П.-Ш.* История народов, подвластных России. СПб. : Дмитрий Буланин, 2016. С. 19–21.

²²⁹ *Сиволап И. И.* Почему Карамзин поехал в Швейцарию? // *Россия и Европа. Дипломатия и культура.* М. : Наука, 1995. С. 148.

²³⁰ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу...

²³¹ *Храпунов Н. И.* «Восток в Европе»: Крым после присоединения к Российской империи глазами иностранцев // *Новое прошлое / The New Past.* 2018. № 1. С. 63–78; *Храпунов Н. И.* Крым между Западом и Востоком в записках британских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // *Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / под ред. О. Ю. Хавановой.* М.; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 81–100.

²³² *Храпунов Н. И.* «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // *Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина.* Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 337–338; *Храпунов Н. И.* К пониманию крымского мифа: образ «ленивого татарина» в отечественном и зарубежном сознании и его использование // *Миф в истории, политике, культуре : сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции.* Севастополь : Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 404–411.

²³³ См.: *Храпунов Н. И.* «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»... С. 333–334.

словах: «Обернувшись, похвалил я леность своих добрых мусульман, сидевших, скрестивши руки и ноги, на крышах своих [домов]. <...> Я велел им сказать, что люблю ленивцев, но хотел бы знать, чем они живут. Они показали мне несколько овец, лежавших на траве, подобно мне самому, – я благословил ленивцев. Они показали мне свои плодовые деревья <...>. Я благословил ленивцев. Я пообещал им, что не дам их в обиду. <...> Я благословил ленивцев, и вновь вернулся к своим мыслям»²³⁴. Крым и его жители произвели на принца столь сильное впечатление, что он задумался, не стоит ли бежать от столичной суеты в это прекрасное место: «Пресытившись почти всем известным, почему бы мне не поселиться здесь? Я обращаю этих татар-мусульман, научив их пить вино, и придав своему жилищу вид дворца, который будет издалека заметен мореплавателям; я выстрою восемь домов для виноградарей с колоннами и балюстрадой...»²³⁵. Его последователи попытались дать рациональное объяснение такому поведению татар. Вот что писал в 1818 г. сын французского эмигранта Поль Гибаль (1795–1834): «Горные татары <...> по характеру своему ленивы и живут, наслаждаясь жизнью, как они это понимают, не беспокоясь о том, как бы разбогатеть. В этом отношении они, возможно, мудрее европейцев»²³⁶. Как будет показано в следующих главах, со временем стереотип «татарской лености» не просто широко распространится, но приобрёл негативную окраску и даже станет оказывать влияние на практические действия государственных властей.

Тук привёл различные этнографические сведения о крымских татарах, главным образом, по «Выписке» Зуева. Так, например, сообщается, что в отличие от частных построек, их общественные постройки – мечети, минареты и бани – возводили из камня, причём некоторые даже из мрамора. Зато жилые дома представляли собой фахверк, каркас которого собирали из квадратных деревянных брусьев, а пространство между ними богачи заполняли кирпичом, а бедняки –

²³⁴ [Ligne Ch.-J. de] *Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne*. 4me éd. / ed. Mad. de Staël Holstein. Paris; Genève : J. J. Paschoud, 1809. P. 67–68.

²³⁵ Ibid. P. 70.

²³⁶ Гибаль П. *Обозрение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибала, 1818–1819* / пер. с франц. Т. П. Петерс. М. : Русский Мирь, 2017. С. 57.

дёрном. Щели промазывали глиной, а потом стены штукатурили с обеих сторон. Кровлю делали из кирпича (*brick*; вероятно, имелась в виду черепица) или дёрна. В домах были очаги, где готовили пищу, но не было печей, подобных русским. В сильный мороз дома согревали с помощью жаровен с древесным углём. На женской половине дома были посудные шкафы и сундуки, а во внешних комнатах – лишь диваны, то есть глиняные возвышения вдоль стен, покрытые коврами²³⁷.

Крымско-татарское общество делилось на знать и рядовое население. В частности, представители знати (мурзы) никогда не жили в городах²³⁸. У Зуева Туко позаимствовал сведения о том, что основатель Крымского ханства, Менгли-Гирей, разделил татарскую знать на две группы – «ширинов» и «капыхалков». Первые, якобы, имели права принцев крови, за исключением того, что не могли получить ханский трон, вторые же были простыми дворянами, из числа которых рекрутировались ханские чиновники²³⁹. Сложно понять, из каких соображений русский путешественник принял фамильное имя ведущего рода крымско-татарской знати (Ширин) за название социального слоя (беев), тогда как капыхалки действительно составляли служилое сословие – ханскую гвардию. Возможно, речь идёт о неверно понятых словах Клода-Шарля де Пейссоннеля (1727–1790), который в 1754–1758 гг. был французским консулом в Крыму, а впоследствии издал объёмный труд об этнической истории Причерноморья, где рассказал и о крымско-татарском дворянстве²⁴⁰.

Интересна приведённая Туком информация об особенностях судебной системы в ханстве. По его словам, в деревнях не было судов, а все возникшие споры решались при помощи Корана. Вопросы, которые нельзя было рассудить по священной книге, разбирали старейшины. Возможно, в данном случае англичанин имел в виду адат – обычное право. В городах же судьёй был наместник-каймакан,

²³⁷ *Tooke W. Original Correspondence...* P. 646; ср.: [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 273.

²³⁸ [Tooke W.] *The Life of Catherine II...* P. 24, note †.

²³⁹ *Tooke W. Original Correspondence...* P. 850; ср.: [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 301.

²⁴⁰ Пейссон[н]ель Ш. де. Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Лотошниковой. Днепропетровск : Герда, 2009. С. 26–30; об авторе см.: Mézin A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)*. [Paris] : Ministère des affaires étrangères. Direction des archives et de la documentation, [1998]. P. 490–492.

причём возможности для апелляции не существовало. Впрочем, дела об убийстве были ему неподсудны²⁴¹ – очевидно, они находились в компетенции самого хана.

Рассказывая о взаимоотношениях крымского хана и османского султана, Тук существенно переработал известия Зуева, сократив и упорядочив их²⁴². Но здесь же он допустил ошибку в переводе, породив хронологическую нестыковку. Русский путешественник писал о договорённости, заключённой сторонами «[е]щё с самого начала Татарского Туркам подданства в 1490 году или за 38 лет по взятии Турками Царя-Града»²⁴³. Отметим, что в реальности Константинополь²⁴⁴ был захвачен османами на год позже – в 1453 г. Тук же перепутал отношения времени, так что в его тексте Константинополь взяли через 38 лет после 1490 г. (*in the year 1490, or 38 years before the taking of Constantinople*)²⁴⁵. Этот эпизод демонстрирует проблему распространённого в XVIII в. «метода компиляции» научных трактатов, который мог легко приводить к подобным ошибкам.

Вслед за Зуевым, Тук подробно описал договор, якобы заключённый между османским султаном Мехметом II и крымским ханом Менгли-Гиреем, определившим политическую зависимость Крыма от Константинополя²⁴⁶. Дискуссия о реальности этого договора и о его возможном содержании продолжается до наших дней²⁴⁷. Пункты соглашения, взятые Туком у Зуева, несколько отличаются не только от тех, что реконструируют современные исследователи, но и от изложенных в трактате де Пейссоннеля²⁴⁸. Так, в версии Тука и Зуева присутствуют, например, право крымских татар не платить налоги в

²⁴¹ [Тооке В.] The Life of Catherine II... P. 24, note †.

²⁴² Тооке В. Original Correspondence... P. 847; ср.: [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 284–300.

²⁴³ [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 284.

²⁴⁴ Столица Османской империи сохранила своё византийское имя, тогда как «Стамбулом» его называли неофициально; город формально переименовали в Стамбул лишь во время Турецкой республики, в 1930 г.

²⁴⁵ Тооке В. Original Correspondence... P. 847.

²⁴⁶ Ibid. P. 849; [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 295–297.

²⁴⁷ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. Т. 1. М. : Рубежи XXI, 2005. С. 236–244; Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития: рукописи, тексты и источники. М. : Восточная литература, 2009. С. 142–155.

²⁴⁸ Пейссон[н]ель Ш. де. Записка... С. 11–12.

султанскую казну, свободно торговать в Чёрном море при условии уплаты соответствующих пошлин, и право хана самовластно назначать крымских чиновников.

По мнению И. В. Зайцева, Зуев мог использовать недошедший до наших дней письменный тюркоязычный источник. Об этом свидетельствуют приведённые Зуевым специфические исторические подробности, особенности написания некоторых имён, а также оригинальное содержание вышеупомянутого договора между султаном и ханом²⁴⁹. Но Зуев нигде не упоминает о том, что работал с такого рода документом. Кроме того, он, по-видимому, не знал восточных языков. Во всяком случае, в Крым Зуев брал с собой переводчика, а об арабских надписях консультировался у знаменитого учёного, отставного епископа Славянского и Херсонского Евгения Вулгариса (Булгариса, 1716–1806)²⁵⁰. Информацию о договоре между Крымом и Константинополем Зуев и Пейссоннель могли получить от своих знакомых – крымских татар, среди которых она имела вид устного предания. В пользу этого умозаключения свидетельствует вывод И.В. Зайцева, что об османско-крымском договоре помнил какой-то представитель крымской знати, написавший «Анонимную историю» ханства ок. 1782 г.²⁵¹ Если память о договоре продолжала существовать в Крыму, в частности – в форме устных преданий, неудивительно, почему она претерпевала изменения, и почему возникли столь разные версии, как в «Анонимной истории», у Пейссоннеля, Зуева и Тука.

Интересен последний пункт договора, описанный Туком и Зуевым: «когда же пресечётся линия турецких султанов, [крымский] хан, как наследник Чингисхана,

²⁴⁹ Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция... С. 225–227.

²⁵⁰ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 3 : 1771–1785. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1900. С. 560, 600; о Вулгарисе см.: *Batalden S. K. Catherine II's Greek Prelate : Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806.* New York : Columbia University Press, 1982. 197 p.; *Ару Г. Л.* Евгений Балгари в России // ВВ. 1987. № 4. С. 103–112; *Болотина Н. Ю.* Документы Российского государственного архива древних актов о жизни и деятельности Евгения Вулгариса в России // Вестник архивиста. 2007. № 3. С. 35–48; *Болотина Н. Ю.* Греческий просветитель Е. Вулгарис при дворе Екатерины II // Е. Р. Дашкова и представители века Просвещения / отв. ред. Л. В. Тычинина. М. : МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2008. С. 96–110.

²⁵¹ Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция... С. 156–157.

должен взойти на османский трон»²⁵². В данном случае путешественники транслируют популярное в Крыму представление²⁵³, которое, однако, было всего лишь поверьем, не имевшим под собой никаких реальных оснований²⁵⁴. Не случайно заинтересовавшийся этим вопросом де Пейссоннель, ознакомившись с мнением компетентных представителей крымской элиты, назвал его «заблуждением»²⁵⁵.

Рассказывая о городах Крыма, Тук использовал данные Зуева, перерабатывая их, возможно, в сравнении с другим источником или источником²⁵⁶. В этом отрывке имеется место, которое может показаться курьёзным, но тем не менее демонстрирующее ситуацию, в которой начиналось изучение прошлого Крыма и, в частности, его исторической географии. Как и в случае с датой падения Константинополя, речь идёт об ошибке при переводе текста. Исследователи и путешественники второй половины XVIII в. обнаружили, что древние и средневековые источники знали на Крымском полуострове ряд населённых пунктов, не сохранившихся до Нового времени. Потому они прилагали титанические усилия для распутывания ситуации, не обладая должными историко-филологическими знаниями и методикой, которые были выработаны только в последующую эпоху. В результате там, где Зуев перечисляет «Мангуп; старый Херсонес, и прочие славные по прежним своим владельцам генуэзцам города...»²⁵⁷, Тук говорит об одном городе: это «Мангуп – древний Херсонес»²⁵⁸. Его неожиданное замечание отражает то обстоятельство, что в конце XVIII в. местоположение античного Херсонеса (византийского Херсона) представляло собой загадку²⁵⁹.

²⁵² *Tooke W. Original Correspondence...* P. 849; [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 297.

²⁵³ Ср.: Пейссон[н]ель Ш. де. Записка... С. 12; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. 20. С. 418.

²⁵⁴ Смирнов В. Д. Крымское ханство... С. 237–238.

²⁵⁵ Пейссон[н]ель Ш. де. Записка... С. 12.

²⁵⁶ *Tooke W. Original Correspondence...* P. 647–648; ср.: [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 276–282.

²⁵⁷ [Зуев В. Ф.] Выписка... С. 281.

²⁵⁸ *Tooke W. Original Correspondence...* P. 648.

²⁵⁹ См.: Храпунов Н. И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. 2016. Вып. 21. С. 317–358.

Последние жители оставили город ещё в XV в., и о его точном местоположении быстро забыли. В результате Екатерина II, доверившись мнению Василия Никитича Татищева (1686–1750), считавшего, что город находился за пределами Крыма, в низовьях Днепра, «передала» его название вновь основанной там крепости Херсон, нынешнему областному центру Украины²⁶⁰. Очень популярной была локализация Херсонеса в Каффе (Кафе, Кефе, Феодосии). В архиве Потёмкина сохранился документ, составленный накануне присоединения Крыма «одним российским патриотом», который обосновывал необходимость ликвидации Крымского ханства, а в качестве идеологического обеспечения предлагалось «Крым назвать прежним его именем Херсониею, а город Кафу Феодосиею, и в память того, что в нем Великий князь Владимир восприял святое крещение, построить в его имя великолепный храм Божий»²⁶¹. Впоследствии французский путешественник Шарль де Бар в 1784 г. слышал от местных жителей, что одна из местных мечетей (вероятно, крупнейшая в городе, не сохранившаяся до наших дней Султан-Селим-джами) представляла собой перестроенную церковь, где некогда крестился киевский князь Владимир²⁶². Иные авторы локализовали Херсонес в западном Крыму – на месте города Кёзлева, нынешней Евпатории²⁶³. Иногда Херсонес отождествляли с Керчью²⁶⁴. Источником этих сведений могла быть польская хроника Мацея Стрыйковского второй половины XVI в., где

²⁶⁰ Храпунов Н. И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // АДСВ. 2016. Вып. 44. С. 236–251. Современные краеведы, пытаясь объяснить, почему имя Херсонеса досталось городу на Днепре, рассказывают следующую фантастическую историю. Якобы было два указа Екатерины II об основании Севастополя и Херсона, причём первое имя предназначалось днепровскому, а второе – крымскому городу. Однако конверты с указами случайно перепутали, и города получили неверные названия (*Dobry A., Borisova I. Welcome to Sevastopol. Guide-book. Sevastopol : Art-Print, 2001. P. 16–17*). Разумеется, этот рассказ никак не соотносится ни с хронологией, ни с имеющимися документами.

²⁶¹ Вернадский Г. В. Записки о необходимости присоединения Крыма к России (из Тавельского архива В. С. Попова) // ИТУАК. 1919. № 56. С. 120.

²⁶² Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. ... С. 408.

²⁶³ *Anville [J.-B.] d'. Géographie ancienne abrégée. Nouvelle edition. Paris : Merlin, 1769. P. 90; Peyssonnel [Cl.-Ch.] de. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxine. Paris : N. M. Tilliard, 1765. P. 87–89.*

²⁶⁴ Орфелин З. Житие и славные дела государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского. Ч. 1. Венеция : Типография Димитрия Феодосия, 1772. С. 73–74; [Миних Б.-Х.]. Записки фельдмаршала графа Миниха / пер. с франц. М. : ГПИБР, 2017. С. 71, прим. *.

Корсунь (Херсонес) однажды назван *Korschim*²⁶⁵, а читатели могли понять это название как «Керчь». Сам же учёный поляк пояснил, что Корсунь находился «в Таврике где ныне татарский Киркель (Kirkiel)»²⁶⁶. Киркель – это искажённое «Кырк-Ор», другое название Чуфут-Кале, средневековой крепости на окраине нынешнего Бахчисарая. Наконец, итальянский исследователь второй половины XVIII в. Франческо Бекаттини поместил Херсон в Арабате, османской крепости в северо-западной части Керченского полуострова²⁶⁷. Интересно, что русские картографы Екатерининского времени, начавшие составлять карты и планы юго-западной оконечности Крыма начиная с 1772 г., уверенно помещали развалины древнего Херсона именно там, где их локализует современная наука²⁶⁸. Точно также поступил и Тунманн²⁶⁹. Лишь благодаря разысканиям, предпринятым по инициативе Потёмкина Евгением Вулгарисом, чиновником Карлом-Людвигом (Карлом Ивановичем) Габлицем (1752–1821), подполковником Бальдани и натуралистом П.-С. Палласом (1741–1811), действительное положение Херсонеса было точно установлено²⁷⁰. Таким образом, слова Тука о Херсонесе на вершине горы Мангуп, где, кстати, хорошо сохранились развалины крепости византийского времени, отразили не только ошибку в переводе, но и интерес к древнему городу – месту крещения Руси, местоположение которого оставалось ещё неясным.

Интересно, что в другом отрывке, переписав у Зуева историю того, как крымские татары овладели Крымским полуостровом, Тук разделил Мангуп и Херсонес²⁷¹. Далее эти города, вместе со многими другими, он назвал владением средневековых генуэзцев. И это замечание также отразило популярное в ту эпоху суждение, корни которого, очевидно, связано с распространённым у жителей

²⁶⁵ *Maciej Strykowski*. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiój rusi. T. 1. Warszawa : Nakład Gustawa Leona Glücksberga, 1846. [Ks. 5. Rozd. X] S. 129.

²⁶⁶ *Ibid.* S. 129.

²⁶⁷ *Becattini F.* Storia della Crimea piccola Tartaria. Venezia : Pressa Leonardo Bassaglia, 1785. P. 11.

²⁶⁸ *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. С. 480–485; рис. 120–125.

²⁶⁹ *Тунманн [И.-Э.]*. Крымское ханство. С. 30.

²⁷⁰ См. подробнее: *Храпунов Н. И.* Как Херсонес стал центром русского православия; *Храпунов Н. И.* Византийский Херсон и Екатерина Великая.

²⁷¹ *Tooke W.* Original Correspondence... P. 848; ср.: [*Зуев В. Ф.*] Выписка... С. 289.

Крыма поверьем, что именно генуэзцы построили многие древние укрепления, реальная история которых забылась. Генуэзцы сделали в Крыму народом легендарным, связанным с героическим прошлым крымских татар. Видимо, от местных жителей османский путешественник второй половины XVII в. Эвлия Челеби узнал, что генуэзцы были хозяевами Херсонеса и Мангупа²⁷². По-видимому, эта традиция привела к тому, что многие европейские путешественники конца XVIII – первой половины XIX в. считали Мангуп (наряду с некоторыми другими «пещерными крепостями») делом рук генуэзцев – или, по крайней мере, местом, которым те владели в течение длительного времени²⁷³. Способствовало этой мысли и известное сходство между циклопическими стенами Мангупа и укреплениями настоящих генуэзских крепостей в Чембало (Балаклава), Судаке и Каффе (Феодосии).

Это не единственный пример ошибочных сведений в исторической части сочинений Тука. Так, в первом томе «Обозрения Российской империи» он описал малороссийских казаков (сюжет, чрезвычайно интересовавший западную аудиторию), проведя параллель между ними и рыцарями-иоаннитами (госпитальерами). Как известно, последние долгое время сражались в Святой земле с мусульманами, так что в глазах европейской аудитории это сравнение делало казаков защитниками христианской веры. Рассказывая об их успехах, Тук заметил: «Не позднее чем в самом конце XVI в. казаки подчинили себе часть Крыма...»²⁷⁴. По-видимому, до англичанина дошли слухи об успешных походах казаков на Крым – хотя, конечно, ни о каком его подчинении в реальности речи не было.

Интересно, что отдельный фрагмент письма Тука из Азова посвящён монете, якобы найденной в Крыму солдатом из отряда его знакомого офицера-информатора при строительстве укрепления²⁷⁵. Помимо описания, изображения её

²⁷² Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / пер. со староосм. Е. В. Бахревского. Симферополь : Доля, 2008. С. 67, 75.

²⁷³ См.: Храпунов Н. И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // МАИЭТ. 2017. Вып. 22. С. 418–420.

²⁷⁴ Tooke W. A View of the Russian Empire... Vol. 1. P. 287, note *.

²⁷⁵ Tooke W. Original Correspondence... P. 552.

лицевой и оборотной стороны помещены на вклейке в журнале²⁷⁶. Это византийская монета императора Юстиниана I (527–565), но, учитывая мистификацию Тука, её происхождение не обязательно связано с Крымом. Как бы то ни было, этот момент свидетельствует об интересе на Западе к древней причерноморской нумизматике. Всеобщее увлечение античностью в XVIII в. привело к тому, что монеты античного Боспорского царства, занимавшего берега нынешнего Керченского пролива, стали известны западноевропейским нумизматам и публиковались ими в составе разных каталогов и исследований²⁷⁷. В итоге многие путешественники по Крыму, включая и тех, о ком речь ниже, не избежали соблазна и приобретали у местных жителей, солдат и матросов найденные ими древние монеты.

Разумеется, Тук не мог не рассказать о присоединении Крыма к России. В его письмах этот сюжет освещён кратко, а вот в истории Екатерины II – достаточно подробно, причём писатель весьма критичен по отношению к императрице. Здесь Тук объяснил решение присоединить Крым с точки зрения императрицы и её фаворита – Потёмкина: «Они очень стремились равным образом к завоеванию страны, без которой они не могли надеяться на исполнение своих планов относительно Турецкой империи, и овладение которой вероятно стало бы достаточной компенсацией, если бы эти планы провалились»²⁷⁸. Планы относительно османов Тук представлял следующим образом: в союзе с Веной (Священной Римской империей) добиться независимости Крыма от Высокой Порты, привилегий для Молдавии и Валахии, а также свободы судоходства в Черном и Эгейском морях²⁷⁹. Последнего крымского хана Шагин-Гирея он счёл «инструментом для амбиций» Екатерины II, который так и не понял замыслов русских. Его увлечённость европейской культурой вызвала недовольство

²⁷⁶ Ibid. Pl. II, no. 14.

²⁷⁷ *Callatay F. de. Early Numismatic Research on Royal Bosphoran Coins (XVIIth–XVIIIth Century) // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2015. Т. 4. С. 561–592.*

²⁷⁸ [*Tooke W.*] *The Life of Catherine II...* P. 21.

²⁷⁹ Ibid. P. 17–18.

крымских татар. Русские сами подстрекали недовольство, чтобы спровоцировать внутренний конфликт в Крыму и получить повод ввести войска для защиты хана. Покорение Крыма стало нарушением всех существующих законов. Хана принудили отречься, а его владения вошли в состав России²⁸⁰.

Интересно, что Тук датировал публикацию манифеста о присоединении Крыма 21 июля 1783 г.²⁸¹, тогда как в самом документе, как известно, стоит дата 8 апреля 1783 г.²⁸² Но в данном случае англичанин совершенно прав: уже готовый манифест держали в тайне, чтобы обеспечить видимость мирного транзита полуострова, убедив последнего хана отречься от престола и организовав публичную присягу на верность России различных сословий крымского общества²⁸³. Параллельно российский посланник в Османской империи Яков Иванович Булгаков (1743–1809) получил секретное распоряжение убедить турецкие власти, с помощью как логических аргументов, так и взяток, что присоединение Крыма не несет для них опасности и, следовательно, не может служить поводом к войне²⁸⁴. Лишь после того, как эти цели были достигнуты, документ был предан гласности. На его оригинале стоит помета: «Слушан 20го июля 1783го года»²⁸⁵. Очевидно, тогда и было принято решение о публикации. На следующий день, 21 июля, манифест опубликовали в «Санкт-Петербургских ведомостях»²⁸⁶. Таким образом, слова Тука отразили реально сложившуюся ситуацию.

Очевидно, уехав из России, Тук свободнее чувствовал себя в оценках её политики. 5 августа 1783 г. Потёмкин писал Екатерине II из Карасубазара (ныне Белогорск), восхищаясь присоединением Крыма: «Взойди на трофей, не

²⁸⁰ Ibid. P. 26–40; ср.: *Tooke W. Original Correspondence...* P. 850–851.

²⁸¹ *Tooke W. Original Correspondence...* P. 850.

²⁸² ПСЗ. Т. 21, № 15708, с. 897.

²⁸³ *Лопатин В. С. Повесть о Потемкине, князе Таврическом.* М. : Академический проект, 2018. С. 284–295.

²⁸⁴ Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России. Ижевск: [б. и.], 2018. С. 188–191, № 41.

²⁸⁵ Крым в истории России [каталог выставки]. М. : Кучково поле, 2016. С. 31.

²⁸⁶ *Лопатин В.С. Повесть о Потемкине...* С. 294.

облагрѣнный кровью, и прикажи историкам заготовить больше чернил и бумаги»²⁸⁷. И действительно, современников увлекла эта тема, а также грандиозная фигура светлейшего князя, но многие из них описывали его действия (не только в Крыму) в самых чёрных красках²⁸⁸. Среди критиков был и Тук.

В книге о России англичанин уделил довольно много внимания крымской торговле – как в прошлом, так и в настоящем. «Торговля Крыма прежде была необычно прибыльной и обширной; ведь в XI веке, когда часть этого полуострова попала под власть половцев, <...> они даровали генуэзцам, в обмен на обещание выплаты некоторой дани, право на возведение складов, которые с течением времени разрослись до городов и крепостей. <...> Но мало-помалу генуэзцев изгнали из Крыма, и вместе с ними исчезла и процветавшая в тех краях торговля...»²⁸⁹ И хотя Тук прямо не назвал виновников произошедшего, читателю было ясно, что это были османы и татары. Источником данных сведений мог быть Тунманн, отметивший, что «Чёрное море было османами закрыто для всех остальных европейских наций»²⁹⁰. Тук с похвалой отозвался о стремлении правительства Екатерины II развивать черноморскую торговлю с помощью протекционистских мер, заметив, однако, что этого недостаточно. Необходимо было увеличить население Крыма, сделать торговлю в Чёрном море полностью свободной для россиян, и связать коммерческими контактами Крым, превратив его в звено международной торговли от Леванта до Прибалтики и от Сибири до Испании²⁹¹. Подобные суждения высказывали и соотечественники Тука, и их вечные политические соперники – французы²⁹². О том, как эти идеи развивали Уильям Итон и Маттью Гатри, будет сказано в следующих главах. Отметим только, что, разрабатывая подобные экономические проекты, просвещённые европейцы

²⁸⁷ *Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791* / подгот. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997. С. 180, № 674.

²⁸⁸ *Лопатин В. С. Потемкин и его легенда. М.: Кучково поле, 2012. С. 16–149.*

²⁸⁹ *Tooke W. A View of the Russian Empire during the Reign of Catharine II and to the Close of the Eighteenth Century. 2nd ed. Vol. 3. London : A. Strachan, 1800. P. 449–450.*

²⁹⁰ *Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство. С. 21.*

²⁹¹ *Tooke W. A View of the Russian Empire... Vol. 3. P. 450–451.*

²⁹² См.: *Храпунов Н.И. «Азиатский мираж» и будущее Крыма...*

игнорировали реальные жизненные обстоятельства – политическую нестабильность в регионе и Европе в целом, отсутствие в Северном Причерноморье надлежащей инфраструктуры и широкого платёжеспособного спроса, нехватку рабочих рук и особое отношение мусульман к предпринимательству, чуждое западной деловой этике, сложность доставки товаров из внутренней России, и так далее.

Таким образом, хотя Тук оперировал сведениями, взятыми из «вторых рук», ему удалось создать по-своему логично описание Крыма, где прошлое полуострова золотоордынской и османской эпохи органично дополнялось сведениями о недавних переменах в его судьбе и видением того, какие политические действия следует предпринять России, дабы сделать его будущее достойным империи. «Русская корреспонденция» Тука стала первым английским сочинением о Крыме, опубликованным после его присоединения к России. Именно Тук рассказал своим соотечественникам о далёкой стране, судьба которой привлекла их внимание после блестящих внешнеполитических успехов Екатерины II. Ценность сочинения Тука как источника оригинальных сведений невелика из-за его компилятивного характера. Значение источника заключается в другом. Манера, в которой автор отбирал и компилировал сведения, а также изобретение им вымышленного информатора – соотечественника на русской службе, показывает способы усвоения и изложения информации в эпоху Просвещения.

2.2. Уильям Итон

Уильям Итон (William Eton) – автор одного из самых ярких описаний Османской империи в конце XVIII в. Опыт, полученный во время богатой приключениями жизни в османских провинциях, позволил ему создать книгу, в которой информативность сочеталась с живым языком и оригинальностью суждений. Хотя в формальном отношении это не путевые записки, а политико-экономический трактат, автор подчеркнул, что опирался, прежде всего, на свой богатый опыт путешественника, который несколько лет провёл в России и Османской империи: «поскольку я говорю о странах, в которых долго жил, и о событиях, многим из которых был свидетелем, надеюсь, что мои доводы будут иметь некоторый вес»²⁹³. Итон был филэллином, то есть выступал за изгнание османов из Европы и создание греческого государства. Он рассматривал турок как «варваров», противоположность европейской цивилизации и христианству. Его книга внесла вклад в спор западных интеллектуалов XVIII в. – османофилов и османофобов. В конечном итоге, победила точка зрения последних, и Турция стала рассматриваться как европейский «Другой»²⁹⁴.

Об интересе современников к «Обозрению Турецкой империи» Итона свидетельствует тот факт, что за 11 лет он выдержал четыре издания²⁹⁵. Во второе автор добавил новое предисловие, а в четвёртое – специальную главу о греках, чтобы тем самым отразить стремительные перемены в средиземноморской политике, произошедшие в результате французской Революции, Египетского

²⁹³ *Eton W. A Survey of the Turkish Empire. [1st ed.] London : T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. P. iii.*

²⁹⁴ *Нойманн И. Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова. М. : Новое издательство, 2004. С. 86 слл.*

²⁹⁵ *Eton W. A Survey...; Eton W. A Survey of the Turkish Empire. 2nd ed. London : T. Cadell, jun. and W. Davies, 1799. 526 p.; Eton W. A Survey of the Turkish Empire. 3rd ed. London : T. Cadell, jun. and W. Davies, 1801. 500 p.; Eton W. A Survey of the Turkish Empire. 4th ed. London: T. Cadell and W. Davies, 1809. 500 p.*

похода Бонапарта и сложением вследствие этого англо-русско-турецкого союза, направленного против Франции. Кроме того, используя материалы книги, Итон издал краткий трактат, где говорил о необходимости развивать английскую торговлю на Чёрном море²⁹⁶. Хотя «Обозрение Турецкой империи» Итона содержит любопытные сведения о Крымском ханстве на последнем этапе его существования, а также о присоединении Крыма к России и об открывшихся в связи с этим возможностях в международной политике, исследователи не так часто обращаются к этому источнику²⁹⁷. Имя Итона встречается также в публикациях, посвящённых действиям Британии в Средиземноморье, где герой этой главы пытался вести коммерческие операции²⁹⁸. Подробно «крымские известия» Итона и его биография разбирались лишь в одной специальной статье²⁹⁹.

Существует русский перевод «крымских отрывков» из книги Итона об Османской империи, но он, к сожалению, низкого качества. Переводчик, украинский исследователь В. М. Калашников, по-видимому, работал с первым изданием трактата, но допустил ряд неточностей в описании источника: так, книга вышла в 1798, а не 1788 г.; Итон рассказал о своих поездках в Крым не в российскую, а в ханскую эпоху; о населении Османской империи говорится не в III, а в VII главе³⁰⁰. Местами русская публикация напоминает пересказ – кажется, переводчик иногда пытался не понять английский текст, но угадать его смысл³⁰¹. Вот лишь несколько примеров: крымские татары почему-то именуется «крымчаками»³⁰²; исчез намёк на гомосексуализм османского султана

²⁹⁶ *Eton W.* A Concise Account of the Commerce and Navigation of the Black Sea. London : T. Cadell and W. Davies, 1805. 53 p.

²⁹⁷ См.: *Williams B. G.* The Sultan`s Raiders : The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. Washington (DC) : The Jamestown Foundation, 2013. P. 5–6; *Anderson M. S.* Britain`s Discovery of Russia, 1553–1815. London; New York : Macmillan & Co, 1958. P. 201, 202; *Орлов А. А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М. : Прогресс-традиция, 2005. С. 129.

²⁹⁸ *Macdonald J.* From Boiled Beef to Chicken Tikka: 500 Years of Feeding the British Army. London: Frontline Books, 2014. P. 30–33.

²⁹⁹ *Храпунов Н. И.* Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона // ЗО. 2020. Т. 8. № 1. С. 147–166; см. также: *Храпунов Н. И.* Как англичане «открыли» Крым...

³⁰⁰ *Калашников В. М.* Британский взгляд на Крым... С. 108, 109, 112.

³⁰¹ Там же. С. 109–126; ср.: *Eton W.* A Survey... [1st ed.]. P. 253, 303–333.

³⁰² *Калашников В. М.* Британский взгляд на Крым... С. 112; ср.: *Eton W.* A Survey... [1st ed.]. P. 303.

Селима III³⁰³; пропущена мысль о том, что все мужчины из крымского рода Гиреев носили титул «султана»³⁰⁴; рассуждение о том, что крымским мурзам и беям было запрещено воевать друг с другом, превратилось в рассказ о конфликтах из-за добычи³⁰⁵. Поэтому недавно был выполнен новый перевод известий о Крыме по последнему (четвёртому) прижизненному изданию трактата Итона, с учётом дополнений, внесённых автором в текст³⁰⁶.

Об Итоне известно не так много. Не случайно автор фундаментальных исследований об англичанах в России Э.-Г. Кросс ограничился констатацией, что Итон был «поднаторевшим в черноморским торговых делах купцом»³⁰⁷ и «коммерческим советником британского посольства в Петербурге»³⁰⁸, не включив его труды в библиографию английских путешествий по России³⁰⁹. Итон утверждал, что был британским консулом в Османской империи, а затем несколько лет провёл в России, где пользовался доверием всесильного Григория Александровича Потёмкина, и пять лет был секретарём британского посольства в Петербурге³¹⁰. Из других источников известно, что перед тем он жил в портовом городе Басре (ныне в Ираке) и был там голландским консулом³¹¹. Функцию представителя социально-экономических интересов Нидерландов мог исполнять подданный другого государства, постоянно проживавший в этом городе. В 1776 г. Итон находился в Константинополе, где занимал пост одного из директоров (английской?) компании,

³⁰³ Калашиников В. М. Британский взгляд на Крым... С. 116; ср.: *Eton W. A Survey...* [1st ed.]. P. 309.

³⁰⁴ Калашиников В. М. Британский взгляд на Крым... С. 117; ср.: *Eton W. A Survey...* [1st ed.]. P. 310.

³⁰⁵ Калашиников В. М. Британский взгляд на Крым... С. 120; ср.: *Eton W. A Survey...* [1st ed.]. P. 314.

³⁰⁶ Храпунов Н. И. Уильям Итон и его описание Крыма накануне присоединения к России // МАИЭТ. 2020. Вып. 25. С. 560–588.

³⁰⁷ Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 380.

³⁰⁸ Кросс А. Г. «Замечания» сэра Джона Синклера о России / пер. с англ. Н. И. Серман // XVIII век. Сб. 10 : Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л. : Наука, 1975. С. 160.

³⁰⁹ Cross A. G. In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge (UK) : Open Book Publishers, 2014. 419 p.

³¹⁰ *Eton W. A Survey...* 4th ed. Preface to the First Edition, P. iii–iv.

³¹¹ Anderson M. S. Samuel Bentham in Russia, 1779–1791 // *The American Slavic and East European Review*. 1956. Vol. 15. No. 2. P. 160, note 15; Ingram E. From Trade to Empire in the near East – III: The Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804 // *Middle Eastern Studies*. 1978. Vol. 14. No. 3. P. 282. В опубликованной по-русски статье Э.-Г. Кросса он назван «датским консулом» (Кросс А. Г. «Замечания» сэра Джона Синклера... С. 160), но это, надо думать, ошибка переводчика, спутавшего *Dutch* («голландский», «нидерландский») и *Dane* («датский»).

которая вела торговлю с Россией³¹². Итон пытался использовать свой опыт пребывания на Востоке в интересах родины. Так, английское правительство привлекло его в качестве эксперта, когда обсуждался проект почтового сообщения через ближневосточные страны³¹³. Он едва ли не первым предложил английскому флоту захватить один из островов в Персидском заливе, превратив его в ключевой пункт для обеспечения стабильного сообщения с Индией³¹⁴.

По словам самого Итона, в октябре 1777 г. он прибыл в Ени-Кале (на севере нынешней Керчи) – крепость, переданную России по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, завершившему войну с Османской империей 1768–1774 гг.³¹⁵. Оттуда он собирался отправиться в Бахчисарай, но начавшееся в Крыму восстание против ставленника России – хана Шагин-Гирея (1745–1787, правил в 1777–1782 и 1782–1783)³¹⁶, нарушило планы. Лишь в декабре он смог погрузиться на корабль, ведь «дорога по суше была небезопасна», направлявшийся в Каффу (ныне Феодосия). Однако шторм унёс путешественников дальше к западу вдоль крымского побережья. Корабль был повреждён, а его экипаж и пассажиры страдали от жажды. «Мы несколько раз высаживались на берег, чтобы набрать воды, но всякий раз были отбиты татарами». Наконец, мореплаватели достигли рейда Кёзлева (ныне Евпатория), но продолжавшаяся зимняя буря и угроза со стороны находившихся там османских судов заставила их двигаться дальше к западу, до самого устья Дуная. Здесь Итон высадился на берег и по суше отправился в Россию³¹⁷.

Рассказ о плавании, возможно, содержит некоторые преувеличения. Итон, в частности, утверждал, что однажды взял на себя управление кораблём в открытом

³¹² *Regemorter J.-L. Van. Le mythe génois en mer Noire: la France, la Russie et le commerce d'Asie par la route de Géorgie (1821–1881) // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1964. Ann. 19. No. 3. P. 492.*

³¹³ *Ingram E. From Trade to Empire... P. 282–283.*

³¹⁴ *Yapp M. A. British Perceptions of the Russian Threat to India // Modern Asian Studies. 1987. Vol. 21. No. 4. P. 654.*

³¹⁵ См.: *Дружинина Е. И. Кючук-кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 366 с.*

³¹⁶ См.: *Григорьев С. И. «...Кафир весьма крутого нрава»... С. 209–236.*

³¹⁷ *Eton W. A Survey... 4th ed. P. 312–315.*

море, то есть обладал знаниями и навыками навигатора³¹⁸. В сентябре 1778 г., находясь в карантине на российской границе, он стал свидетелем переселения крымских христиан на северный берег Азовского моря³¹⁹. Итон упомянул, что бывал в окрестностях Бахчисарая и, в частности, осматривал «пещерные города»³²⁰ – очевидно, это была другая поездка. Англичанин утверждал, что в 1781 г. общался с неким Сеид эфенди, визирем Шагин-Гирея, и использовал в книге полученные от того сведения³²¹. Возможно, это произошло в ходе его второй поездки на Крымский полуостров.

Некоторые известия об Итоне, причём не самые благоприятные, сохранились в английских архивах. В письмах знаменитого инженера Самьюэля Бентама (1757–1831), поступившего на русскую службу и в 1780 г. совершившего поездку на юг, до Херсона, сообщается, что из Петербурга он выехал в обществе Итона³²². Впрочем, Бентам вскоре разочаровался в товарище по путешествию и предпочёл расстаться с ним, добравшись только до Полтавы. Бентам упомянул, что Итон женился на театральной актрисе, которая подчинила его своей власти³²³.

Через некоторое время Итон оказался на Мальте, которая тогда перешла в руки англичан. В 1801 г. ему удалось получить должность суперинтенданта карантина. Итон рассказал своим соотечественникам фантастическую историю о том, что Потёмкин (который, как известно, умер ещё в 1791 г.) поручил ему в 1797 г. разведывательную миссию на острове в интересах российского правительства. Кроме того, он утверждал, что по опыту хорошо знает европейские карантинные. Заняв пост начальника карантина, он ввёл серию жёстких мер, призванных остановить эпидемию чумы³²⁴. Система карантинных в то время предполагала

³¹⁸ Ibid. P. 314–315.

³¹⁹ Ibid. P. 317.

³²⁰ Ibid. P. 320.

³²¹ Ibid. P. 296.

³²² *Anderson M. S. Samuel Bentham...* P. 160.

³²³ *Morriss R. Science, Utility and Maritime Power: Samuel Bentham in Russia, 1779-91.* London; New York: Routledge, 2015. P. 54–55.

³²⁴ *Macdonald J. From Boiled Beef to Chicken Tikka...* P. 30–31; *Chase-Levenson A. The Yellow Flag: Quarantine and the British Mediterranean World, 1780–1860.* Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 2020. P.163–164, 186, 224.

полную изоляцию экипажей и пассажиров кораблей, прибывших из мест, где наблюдались вспышки чумы, в специально отведённых местах. Но продержался на этом посту Итон недолго, поскольку занялся интригами и перессорился с другими представителями английской администрации³²⁵.

Итон поставлял в королевский флот древесину, а когда в 1803 г. началась очередная англо-французская война, предложил организовать снабжение расквартированных в Средиземноморье английских армии и флота хлебом и солониной, используя свои русские связи. Согласие военных было получено – но результат разочаровал, кажется, обе стороны. Поставленные Итоном хлеб и горох были приняты флотом, а вот мясо никуда не годилось. Его солили и паковали в бочки в Феодосии, где Итон приобрёл для этой цели памятник мусульманской архитектуры – общественные бани, которые, впрочем, к тому времени не использовались по назначению и сильно обветшали. В конце концов, в 1806 г., проект Итона закончился полным провалом – флотское и интендантское руководство отказалось платить. Очевидно, его таланты прожектёра значительно превосходили способности купца³²⁶. Эта история, как представляется, характеризует Итона как одного из многочисленных авантюристов, наводнивших Европу в эпоху Просвещения³²⁷.

После краха «провиантской авантюры» феодосийские бани перешли в собственность английского правительства³²⁸. Разрушающаяся постройка в центре города, к тому же принадлежавшая британской короне, ещё долго была «головной болью» для российских властей. По результатам инспекционной поездки для изучения крымских памятников архитектуры Карла-Эрнеста (Егора Егоровича) Кёлера (1765–1837 или 1838) в 1821 г. Кабинет министров, в частности,

³²⁵ *Macdonald J.* From Boiled Beef to Chicken Tikka... P. 31.

³²⁶ *Ibid.* P. 30–33; *Kapetanakis P.* New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century). Athens : General Secretariat for Research and Technology, 2015. P. 69, 104.

³²⁷ См.: *Строев А.* «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М.: НЛЮ, 1998. С. 7–31.

³²⁸ *Стевен А. Х.* Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 51.

постановил, что «Феодосийские бани, составляющие частную собственность и назначенные уже к сломке для очищения площади, поддерживать нет никакой необходимости»³²⁹. Кёлер предлагал отреставрировать бани и устроить в них выставочный зал Феодосийского музея древностей. Однако правительство не поддержало это предложение, в частности, опасаясь дипломатического скандала, ведь бани «принадлежали некогда англичанину [И]тону, <...> а потом будучи взяты по делам его в секвестр, почитаются, <...> собственностью, на которую от английского правительства предъявляются некоторые претензии»³³⁰. В конце концов, в 30-х гг. XIX в., таврический губернатор и феодосийский градоначальник Александр Иванович Казначеев (1788–1880) распорядился бани снести³³¹.

Через три года после окончания «провиантской аферы», в 1809 г., вышло четвёртое издание «Обозрения Турецкой империи». Тогда Итон был ещё жив, но это – последние о нем известия.

В указанном трактате Итон много внимания уделил Крымскому ханству. Хотя он работал над книгой, когда это государство уже прекратило своё существование, Итон посчитал необходимым рассказать о нем и опровергнуть распространённые, по его мнению, ошибки, созданные западными путешественниками. Итон писал через два десятка лет после того, как в первый раз побывал в Крыму, и через полтора после его присоединения к России. Неясно, имел ли он привычку вести дневник в поездках, или же полагался на память. Судя по всему, в путешествиях Итон выучил разговорный турецкий язык – отсюда уточнения филологического характера, разбросанные по тексту. Если это действительно так, Итон имел огромное преимущество по сравнению с большинством западных путешественников, которым для общения с крымскими жителями приходилось привлекать непрофессионального переводчика, а то и двух сразу. Например, франко-американский квакер Стивен Греллет (Этьен де Греле,

³²⁹ ПСЗРИ. Т. 38, № 29105, с. 323.

³³⁰ [Тизенгаузен В. Г.] О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. Т. 1872. Т. 8. С. 385, 397, 403.

³³¹ *Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée.* Т. 5. Paris : Librairie de Gide, 1843. P. 292–295.

1773–1855) в 1819 г. общался с крымскими татарами и караимами на сложные богословские темы через посредство двух людей, первый из которых переводил с французского на русский, а второй – на татарский³³². Можно только догадываться, что в итоге узнавали собеседники а, особенно учитывая, что его переводчики не были профессионалами. Конечно, и сами путешественники в результате подобных бесед могли сформировать довольно превратное представление о регионе и его жителях.

Итон полагал, что «[т]урецкий язык происходит от чагатайского», на котором говорили монголы и татары. Эти два этнонима он считал названиями одного и того же народа, вышедшего из глубин Азии («из Платформы Татарии»)³³³. Возможна, эта мысль навеяна суждениями выдающегося французского востоковеда Жозефа Дегиня (1721–1800). В эпоху Просвещения западная наука ещё не выработала представления об этнических процессах. Пытаясь разобраться в мешанине имён, принадлежавших племенам и кочевым объединениям, некогда заселявшим евразийские степи, Дегинь решил, что этнонимы обозначали не этнографические, но политические характеристики. «Нация гуннов, распространившихся по всей Татарии, тогда утратила своё имя хун-ну, или гуннов, под которым была известна на протяжении долгого времени среди соседних народов. Орда, которую образовали турки, став могущественной, дала своё имя всей остальной нации, или же, вероятнее, другие народы знали [теперь] гуннов под именем турок, подобно тому, как впоследствии Чингисхан из орды монголов стал причиной того, что имя “монгол” стало обозначать всех татар»³³⁴.

Интересно, что Итон, прибыв из Крыма в город Галац в низовьях Дуная в январе 1778 г. и ощущая угрозу своей жизни со стороны османских властей, предпочёл общаться с ними через переводчика³³⁵. В своей книге он привёл

³³² Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета // МАИЭТ. 2009. Вып. 15. С. 665, 669–671.

³³³ Eton W. A Survey... 4th ed. P. 195–196.

³³⁴ Deguignes [J.]. Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux. T. 1. Pt. 1. Paris : Desaint & Saillant, 1756. P. 224.

³³⁵ Eton W. A Survey... 4th ed. P. 316.

хороший перевод отрывка из Кючук-Кайнарджийского мирного договора³³⁶. Неясно только, выполнил ли он сам этот перевод, и если да – то с русского или турецкого оригинала? В предисловии ко второму изданию книги автор иронизировал над принятыми тогда в Англии правилами передачи русских имён и объяснял, почему заменил их другими версиями, более соответствующими русскому произношению³³⁷. Это показывает, что он обладал определенными познаниями в русском языке.

Итон следующим образом объяснял своё решение поместить описание Крыма в трактате об Османской империи: «Связь между татарскими ордами и турками по происхождению и религии побуждает меня дать обзор состояния их самой прославленной местности – Крым, пусть он сейчас и перешёл под власть России, и был оставлен большей частью своих прежних жителей. Помимо этого, меня дополнительно стимулируют ошибочные представления, которые распространяют в Европе в отношении этого события (присоединения к России. – *Н. Х.*), [этой] страны в целом и природы её прежней системы правления, до сих пор столь мало известной»³³⁸.

В книге Итона не раз встречаются имена французских дипломатов Шарля де Пейссоннеля (его трудом, возможно, пользовался Тук – см. главу 1) и Франсуа де Тотта (1733–1793). Первый был консулом в Крыму в 1754–1758 гг., второй – в 1767–1769 гг. Впоследствии они опубликовали несколько популярных книг о Крымском ханстве и Османской империи³³⁹. Итон полемизировал с французами, полагая, что те проглядели некоторые важные обстоятельства и пришли к ряду неточных выводов.

Подобно большинству путешественников, Итон считал слово «татары» общим названием для евразийских кочевников: «Имя “татар”, а не “тартар”, общее для большого количества бродячих и нецивилизованных племён, что населяют обширные области страны от северного пограничья Китая до границ

³³⁶ Ibid. P. 309–310; ср.: Дружинина Е. И. Кючук-кайнарджийский мир... С. 350–351.

³³⁷ Eton W. A Survey... 4th ed. Preface to the Second Edition, p. xx–xxiii.

³³⁸ Ibid. P. 293–294.

³³⁹ См.: Mézin A. Les consuls de France... P. 490–492, 568–571.

Венгрии...»³⁴⁰. Важны два момента. Во-первых, представления о татарах, населявших большую часть северной и центральной Азии (их страну обычно называли «Татарией»). Именно так рассуждали географы эпохи Просвещения, например, натуралист Луи де Жокур (1704–1779), автор соответствующей статьи во французской «Энциклопедии». «Тартария (совр. геогр.), обширная страна, составляющая часть Азии, простирающаяся к северу от государств турок, Персии и Китая до самого Ледовитого моря. Тартария делится на три большие части – известны Тартария китайская, которая принадлежит китайскому императору, Тартария независимая, которой управляют разные ханы, и Тартария русская, которая занимает необъятное пространство. Тартария Крымская – это древний Херсонес Таврический, в прошлом известный благодаря торговле греков и ещё более их сказкам; край по-прежнему плодородный и дикий; его называют Крымом по титулу первых ханов...»³⁴¹. Во-вторых, в отличие от многих современников, Итон подчёркивал, что в названии татар не нужна лишняя «р» – они татары, а не *тартары*. Как уже говорилось во Введении, эта буква выражала экзистенциальный страх европейцев и уподобляла татар обитателям преисподней, Тартара.

Названия «тартары» и «Тартария» не просто задавали отношение к региону как к «миру наизнанку», полной противоположности тому, к чему привыкли в Европе. Оно символизировало единство колоссального пространства, неизменного на протяжении столетий, обитатели разных концов которого вели одну и ту же жизнь. Потому, например, национальный герой США Джон Смит (1580–1631), основатель колонии Джорджтаун, рассказавший в своих воспоминаниях широко известную историю об индианке Покахонтас, описывая свои приключения в Крымском ханстве в начале XVII в., перенёс в эту страну сведения, позаимствованные из описаний Сирии и Поволжья³⁴². Подобные настроения могли повлиять и на Итона (пусть он и знал правильное написание слова «татары»),

³⁴⁰ Eton W. A Survey... 4th ed. P. 294.

³⁴¹ *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Т. 15. Neufshastel : Samuel Faulche & Compagnie, [1751]. P. 926.

³⁴² Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // ЗО. 2015. № 4. С. 155–156.

который, как будет показано ниже, положительно оценил приобретение Крыма Россией.

Представления англичанина об истории Крыма были довольно путанными. Он знал, что некогда центром крымского улуса был Старый Крым, а Каффа была генуэзской колонией. Но путешественник решил, что однажды генуэзцы «сделались столь влиятельными, что снимали или избирали ханов по собственному желанию». Затем турки изгнали генуэзцев, восстановив независимость ханов, но, в конце концов, стали сами их назначать³⁴³. Это суждение удивляет тем, что современники Итона могли почерпнуть более реальные сведения о ранней истории Крыма, например, из сочинения Дегиня³⁴⁴.

Крымских татар Итон именовал «нацией» (*nation*), включая в эту группу всех подданных хана, а не только знать (беев и мурз) и чиновников. Нация делилась на сословия – беи, мурзы, свободные крестьяне и горожане. Пытаясь подобрать наиболее точный термин для определения такой социальной группы, путешественник использовал слова *estate*³⁴⁵ или *class*, пояснив их через французское *état*. Очевидно, в его понимании нацию составляли все полноправные подданные, причем «тело нации» (*body of the nation*) составляли свободные общинники-крестьяне, мнение которых учитывалось при выборе хана³⁴⁶. Немусульманское население Итон частью крымской нации не считал, очевидно потому, что положение его было неполноправным, выражением чего была, в частности, обязанность платить подушную подать. Впрочем, по словам Итона, жизнь этой группы населения была куда лучше, чем у христиан и иудеев Турции³⁴⁷. Эти терминологические упражнения могли отразить урок Французской революции, сделавшей рассуждения о том, что такое нация, исключительно актуальными.

³⁴³ Eton W. A Survey... 4th ed. P. 295.

³⁴⁴ Deguignes [J.]. Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux. T. 3. Paris : Desaint & Saillant, 1757. P. 343–344, 375–389.

³⁴⁵ В первом издании трактата использован вариант *state* (Eton W. A Survey... [1st ed.]. P. 310).

³⁴⁶ Eton W. A Survey... 4th ed. P. 297, 299–304.

³⁴⁷ Ibid. P. 308.

Тем не менее, сам принцип «перевода» пост-золотоордынских институтов на хорошо знакомый европейцам «политический язык» использовали задолго до Итона. Например, итальянский наёмник на польской службе Александр Гваньини (1538–1614), описывавший государственную и социальную структуру Крымского ханства, подбирает аналогии в реалиях Речи Посполитой: «Хан означает царь. Солтан – сына царского; бей означает гетман. Мурза – сын гетманский, олбоут – пан советник, олбоаду – знатный шляхтич, олбоадулу – шляхетский сын»³⁴⁸. Обри де ля Мотре (1674–1747), английский подданный из семьи французских эмигрантов-гугенотов, побывавший в Крыму в 1711–1712 гг., использовал параллели из Франции: «Татары величают своего князя (т. е. хана. – *Н. Х.*) титулом “императора” [...] Его старший сын называется султан-калга, что соответствует слову “дофин” во Франции [...] Главы четырёх (наиболее знатных. – *Н. Х.*) семейств являются своего рода герцогами и называются ширимбеями [...] Другие мурзы, которые весьма многочисленны, являются как будто бы графами и маркизами...»³⁴⁹.

По словам Итона, до Кючук-Кайнарджийского мира крымский «[х]ан сохранял свою власть лишь по прихоти османского султана, так что ежегодно из Константинополя присылали капуджи-баши³⁵⁰ с фирманом³⁵¹, подтверждающим его [власть] на следующий год»³⁵². Иначе говоря, до 1774 г. о реальной независимости ханства речь не шла. Основаниями для смещения неугодного хана могли быть жалобы влиятельных в Крыму людей, недовольство Портой поведением хана во время войны или задержки в поставках хлеба в Константинополь. Лишённых престола правителей не предавали смерти – единственным исключением, по мнению Итона, стал последний хан Шагин-Гирей. Они отправлялись в ссылку на окраину Османской империи или получали поместье

³⁴⁸ *Гваньіні О.* Хроніка Хроніка європейської Сарматії / пер. з пол. Ю. А. Мицика. Київ : Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2007. С. 728–729.

³⁴⁹ *Motraye A. de la.* Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa. Vol. 2. London : [n. p.], 1723. P. 25.

³⁵⁰ Капуджи-баши – один из начальников привратников во дворце османского султана.

³⁵¹ Фирман – указ османского правителя.

³⁵² *Eton W.* A Survey... 4th ed. P. 297–298.

недалеко от её столицы, где жили с семьёй и слугами³⁵³. Как и Тук, Итон слышал местную легенду, что Гирей «являются ближайшими наследниками османского трона, ведь правящая семья часто бывала близка к пресечению»³⁵⁴. Но, как уже было сказано в главе 1, хотя это поверье было распространено в Крыму, в реальности оно не имело под собой оснований.

Итон расписал бюджет правителя Крымского ханства. По его подсчётам, доходы хана складывались из: 1) десятины с зерна, которое выращивали жившие за пределами Крымского полуострова ногаи; 2) прибыли от солевых озёр (около 100 000 талеров в год); 3) экспортных и импортных пошлин (такая же сумма); 4) субсидий от османов в военное время, а также нерегулярных выплат на покупку оружия и «для поддержания у татар бодрого духа»; 5) ежегодных османских субсидий на содержание татарской администрации; 6) османских субсидий на ханскую гвардию (около 1600 человек). Общие доходы Шагин-Гирея в 1781 г. Итон оценил в 900 000 талеров, без учёта денег, полученных от Порты³⁵⁵. Денежные расчёты в трактате приведены в талерах (*dollars*). Это принятая в германских государствах начала Нового времени крупная серебряная монета высокой пробы, пользовавшая спросом и уважением за рубежом. Талер австрийской императрицы Марии-Терезии (1717–1780, правила с 1780 г.) свободно обращался в Османской империи³⁵⁶. Итон переводил талеры в английские фунты стерлингов по курсу 8:1³⁵⁷.

Власть крымского хана была тираничной, но не абсолютной. В обычных случаях он руководствуется нормами Корана. Его власть ограничивал совет, куда входили четыре бея – старшие мужчины из родов Ширин, Барин, Мансур и Сиджеут. Этим лиц Итон выделил в отдельное сословие, сравнив его с английским титулованным дворянством – лордами. Хан консультировался с ними по вопросам войны и мира, а также «по всем делам, касающимся нации в целом» и отношений

³⁵³ Ibid. P. 298–299.

³⁵⁴ Ibid. P. 299.

³⁵⁵ Ibid. P. 307–308.

³⁵⁶ Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е / сост. О. А. Соснина, А. М. Валькович. М. : Кучково поле, 2017. С. 114.

³⁵⁷ *Eton W. A Survey...* 4th ed. P. 307–308.

с Константинополем и другими монархиями. Именно беям сообщал османский правитель о назначении хана, тем самым символически признавая их роль. Членов бейских родов хан не мог казнить смертью – решение об этом принимал турецкий султан³⁵⁸. В случае пресечения рода Гиреев их власть перешла бы к Ширинам, которые к тому же нередко женились на дочерях Гиреев. Глава рода, бей, не имел права передавать по наследству или каким-либо образом отчуждать недвижимость, связанную с его титулом, – она переходила к тому, кто получал его должность (ранг). Зато деньгами и движимым имуществом он мог распоряжаться по своей воле. Беи ловили тех, кто совершал преступления в их владениях, но могли лишь выпороть злодея, ведь смертная казнь была прерогативой хана³⁵⁹.

Отдельным сословием Итон считал мурз – земельных собственников, положение которых он сравнил с нетитульным дворянством своей родины. В отличие от беев, власть и земли мурзы после смерти переходили к его старшему сыну, а не старшему в роду мужчине. В своих владениях мурзы имели те же судебные права, что и беи. Но «мурзами» именовали и мужчин из бейских родов. Хан мог предавать мурзу смерти, но обычно привлекал в таких случаях к суду представителей крымской знати³⁶⁰. Беи и мурзы получали подушную подать, которую платили жившие в ханстве христиане и иудеи³⁶¹.

Большая часть земли в ханстве принадлежала беям и мурзам. Сам хан владел лишь небольшим участком близ Бахчисарая³⁶². «Бей не мог продать или иным образом передать семейные земли и владения, которые переходили по наследству, но не к его детям, а к преемнику по должности или рангу. Деньги и движимое имущество беи могли оставить кому захотят, так что подобным образом они обеспечивали своих детей. <...> Земли мурз переходили по наследству к их старшим сыновьям, а не старшим мужчинам в роду, как это было у беев»³⁶³.

³⁵⁸ Ibid. P. 299–300.

³⁵⁹ Ibid. P. 300.

³⁶⁰ Ibid. P. 301–302.

³⁶¹ Ibid. P. 308.

³⁶² Ibid. P. 299.

³⁶³ Ibid. P. 300–301.

Крестьяне-татары, «составлявшие основу нации», были лично свободными. Своей землёй они могли распоряжаться по собственной воле. С землёй умершего и не оставившего наследника поступали согласно предписаниям Корана. Бею или мурзе, управлявшему округом, где находились владения крестьянина, полагалась десятина с урожая или скота (если земля использовалась как пастбище). Участок можно было взять в аренду у другого владельца, заплатив пятую часть урожая или скота³⁶⁴. Обязанностью крестьян была военная служба в отрядах, которые обязаны были собирать для хана беи и мурзы; численность отряда зависела от количества жителей конкретного округа. Оружие, снаряжение и провизию нужно было покупать самим или надеяться на щедрость бея или мурзы: «пока они не пересекли границу [ханства], всем необходимым их снабжали офицеры или они сами, после чего они кормилось грабежом, вне зависимости от того, принадлежала ли эта страна дружественной или враждебной державе». Большую часть трофеев татары оставляли себе, выделив по доле хану и своему бею или мурзе³⁶⁵.

В ханстве существовало особое сословие городских жителей, которые не должны были выплачивать беям и мурзам десятину за землю, где стояли их дома и находились сады и поля, поскольку, как считалась, она принадлежала городам. Они не подлежали призыву на войну, если только сами не хотели вступить в войско ради грабежа³⁶⁶.

По словам путешественника, татарский способ ведения войны был полностью противоположен европейским обычаям. Сражение представляло собой хаотичные нападения и отступления отдельных отрядов, без всякого деления на разные роды войск; «но эта беспорядочная борьба даёт волю страстям каждого индивидуума, личная ярость усиливала дикий ужас этой сцены, и врага никогда не щадят, кроме тех случаев, когда он не пострадал от ран и потому представляет ценность в качестве раба»³⁶⁷. Иначе говоря, крымские татары представлены в виде архетипичных кочевников, а описание их военного дела следует традиции, начало

³⁶⁴ Ibid. P. 302–303.

³⁶⁵ Ibid. P. 302–303.

³⁶⁶ Ibid. P. 303–304.

³⁶⁷ Ibid. P. 321.

которой положили ещё античные авторы применительно к причерноморским конным варварам.

Итон перечислил основных должностных лиц в ханстве. В Акмечети (ныне Симферополь) была резиденция калги-султана, также происходившего из Гиреев. Он имел право распоряжаться жизнью и смертью в своём округе, а также собственную администрацию. Однако представление о том, что калгой становился старший сын правящего хана, по словам путешественника, неверно. Из Гиреев происходил и нуреддин-султан. Его полномочия Итону были не вполне понятны: «[к]ажется, эта должность была чем-то вроде эпизодического помощника хана, который всегда находился под рукой». Живший в Перекопе ор-бей мог происходить из клана Ширинов, а функции его напоминали функции калги. Похожими были и полномочия аккерманского сераскира; пока ногаи не переселились на Кубань, он правил и этим племенем. Наконец, кубанскому сераскиру, представлявшему семейство Гиреев, подчинялись не только ногаи, но и сераскиры отдельных племён кубанских татар³⁶⁸.

Духовно-судебные органы ханства Итон описал так. Хан назначал муфтия и кадиаскера, причём в отличие от Османской империи, в Крыму не было улемов, ограничивавших ханскую власть. Двадцать четыре кадия (не считая кадиев Кубани) возглавляли округа, которые включали по несколько деревень или стойбищ. По мнению Итона, изначально система управления в Крыму была феодальной, но после принятия ислама её адаптировали под нормы Корана. Религиозным главой, или халифом, крымские татары считали османского султана. Однако у них существовали свои пищевые традиции – постановления османских муфтиев о мусульманской трапезе не касались Крыма, жители которого любили конину, запретную для других мусульман³⁶⁹. Перечисляя оскорбительные названия, которые османы давали иным народам, Итон заметил, что татар те называли «пожирателями падали»³⁷⁰. Это оскорбление явно было вызвано

³⁶⁸ Ibid. P. 305–307.

³⁶⁹ Ibid. P. 306–307.

³⁷⁰ Ibid. P. 192.

неприятием каких-то продуктов, которые крымские татары употребляют в пищу. С другой стороны, данный сюжет свидетельствует об определенной независимости последних в религиозных вопросах и некоторой гибкости исламских норм.

Наконец, существовал особый класс придворных чиновников, которые назывались капу-халки, то есть «люди у ворот», поскольку «в древности правосудие вершил сидевший у его (хана. – *Н. Х.*) ворот судья; они включали визиря, казнадар-баши, дефтердара, ахтаджи-бея, капиджи-баши и пр. На эти должности хан назначал кого хотел из числа мурз или их сыновей, купцов, турок и пр.»³⁷¹. Функции этих лиц Итон не раскрыл.

По словам англичанина, образование было крымским татарам почти неизвестно: «все обнаруживающиеся у них признаки смышленности следует объяснять природным талантом и следствием активного образа жизни, который даже у дикарей вырабатывает остроту и точность мысли». В лучшем случае они учились чтению и письму, «а в науках в целом они смыслят ещё меньше, чем даже турки»³⁷². Это было, конечно, показателем нецивилизованности и даже варварства.

Итон сказал несколько слов о выселении христиан из Крыма в Приазовье, которое организовало российское правительство в 1778 г.³⁷³. По его сведениям, всего было выведено 75 000 человек. Однако в первую зиму большая часть их погибла от холода, поскольку не успели построить себе домов. Выжило лишь 7000 человек³⁷⁴.

Итона не удивило, что после присоединения к России многие крымские татары предпочли уехать в Турцию³⁷⁵. Всего, по его оценке, из Крыма выехало две трети мусульманского населения, так что на полуострове осталось 100 000 человек. Правда, он привёл фантастическую цифру оставшихся жителей Кубани – 600 000

³⁷¹ Ibid. P. 304.

³⁷² Ibid. P. 320.

³⁷³ Об этом см.: *Нольде Б. Э.* История... С. 445–456; *Григорьев С. И.* «...Кафир весьма крутого нрава»... С. 296–392.

³⁷⁴ *Eton W.* A Survey... 4th ed. P. 317.

³⁷⁵ См.: *Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение, этнический состав). М. : ИРИ РАН, 2003. С. 87, 120, 121.

человек³⁷⁶. Некоторые английские и французские путешественники считали причиной эмиграции насилие и несправедливости, которые творили русские власти и солдаты³⁷⁷. Итон же пронизательно увидел культурные противоречия между жителями страны и её новыми хозяевами: «Не удивительно, что, когда императрица [Екатерина II] получила власть над Крымом, значительной части его жителей-татар пришлось покинуть свою страну. Помимо религиозных предрассудков этих людей, их беспокойные и буйные нравы сделали их мало приспособленными к трудолюбию и цивилизованности, которые она попыталась ввести в своих вновь приобретённых владениях. Те, кто предпочёл покинуть эту страну, должны были продать свои земли и другое имущество, которое находилось под защитой русских. Она не поступила с ними так, как всегда поступали турки и татары с жителями завоёванных стран – те, кто решил остаться, сохранили в неприкосновенности своё имущество и свою веру, пользуясь той же защитой и теми же привилегиями, что и российские подданные-христиане»³⁷⁸. Показательно, что близким образом осмыслил причины крымско-татарской эмиграции и француз Жан Рёйи (1780–1810), изучавший полуостров в 1803 г. по заданию своего правительства: «С тех пор как Россия овладела Крымом, она внесла множество изменений в его устройство, чтобы сделать его более похожим на другие части империи. Тщетно пыталась она завоевать любовь своих новых подданных, уважая их верования, их мечети и позволив им самим выбирать себе судей. <...> Значительная часть татар эмигрировала, а те, что остались, сделают это при первой же возможности. Это случится в ближайшее время: ведь подчинённая нация, нравы и религия которой слишком отличаются от свойственных господствующей нации,

³⁷⁶ *Eton W.* A Survey... 4th ed. P. 308.

³⁷⁷ *Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London : T. Cadell and W. Davies, 1816. P. 124–126, 172–180; *Romme Ch.-G.* Voyage en Crimée en 1786 / présenté par M. Deschanet, G. Bekirova. Paris : L'Harmattan, 2016. P. 66, 84, 87–88.

³⁷⁸ *Eton W.* A Survey... 4th ed. P. 321–322.

оказывается притесняемой и угнетаемой её правителями, даже если те и не думают вводить тиранические порядки»³⁷⁹.

В этой связи Итон счёл необходимым рассказать о правлении последнего крымского хана Шагин-Гирея. Его интерпретация этих событий радикально отличается от выдвинутой Туком в биографии Екатерины II (см. параграф 2.1). По словам Итона, в отличие от своих предшественников и вследствие Кючук-Кайнарджийского трактата, объявившего Крым независимым ханством, Шагин-Гирей не был ставленником османов, но «был избран ханом беями и мурзами с одобрения народа»³⁸⁰. Однако его популярность оказалась недолгой. Новый хан хотел «цивилизовать» своих подданных, но реформы показались чересчур радикальными привыкшим к старине, суеверным татарам. Шагин-Гирей ввёл новый способ комплектования войска, которое, включая офицеров-мурз, стало получать плату. Зато мурзы лишились земельной ренты, которую платили им крестьяне. Её размер был уменьшен, а деньги стали идти в ханскую казну. Хан попытался создать артиллерию и флот, но на это не хватило денег, ведь независимое ханство лишилось субсидий, которые прежде выплачивала Высокая Порта. Была начата чеканка новой монеты, что потребовало больших затрат. Постоянный дефицит бюджета заставил хана передавать различные доходы на откуп, причём откупщики собирали деньги с народа с невиданной прежде жестокостью. Недовольные тем, что Шагин-Гирей предпочёл держаться нейтралитета в борьбе между Москвой и Константинополем, турки подбивали его подданных к бунту. Неспособный подавить повторяющиеся мятежи своими силами, он был вынужден обращаться за военной помощью к России. В конце концов, Екатерина II, «утомлённая постоянно вызывавшимся ими (татарами. – *Н. Х.*) беспокойством и решившая более не подвергать своих подданных бедствиям, которые несли набеги этих варваров, захватила Крым и Кубань в 1783 г.»³⁸¹.

³⁷⁹ *Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803. Paris : Bossange, Masson et Besson, 1806. P. 176–178.*

³⁸⁰ *Eton W. A Survey... 4th ed. P. 309–310.*

³⁸¹ *Ibid. P. 310–313.*

Итон положительно оценил это событие, поскольку оно избавило Европу от смертельной опасности: «Ныне татарские орды больше не пополняют турецкую армию и не отмечают свой путь лежащими в прахе сожжёнными селениями и убитыми жителями. Те орды, что проникали даже в Пруссию и Силезию, грабили Польшу, Венгрию и Россию, предавая огню и мечу каждое жилище, всякое живое существо, которое они не могли увезти с собой, привязывая пленников к хвостам своих коней, а пленники эти были цветом молодёжи европейских наций, уведённые, чтобы никогда больше не вернуться из рабства и скверны к своим друзьям и в свою страну, – ныне эти орды или рассеяны среди своих собратьев-дикарей в Азии, или цивилизованы своими завоевателями»³⁸².

В другой раз он использовал подобный аргумент, рассказывая о российской политике в Молдавии. Притеснения местного населения со стороны османов и периодические жестокие набеги крымских татар были невыносимы для местных жителей и могли вызвать у прогрессивного человека лишь отвращение и сожаление. Действия же России во время оккупации княжества в войну 1768–1774 гг. оказалось исключительно мягкими и терпимыми³⁸³. «Все правление татар было оскорблением человечества и унижением человеческой природы, не меньшим, чем [правление] османских султанов. Следовало ли ожидать, что подобная России держава будет терпеть удары от орды дикарей, когда она могла отплатить за обиды? И разве у неё не было права как у независимого правителя, как у христианина и друга человечности на защиту своих слабых соседей, которым неоткуда было больше искать защиты, а разграбление и сокращение их населения укрепляло и её, и их врагов? У неё было священное право, и порочны уста, которые попытаются её обвинить»³⁸⁴. Как видно, Итон апеллировал к ценностям, которые считал общими для «цивилизованного» мира. Можно сказать, что Итон выразил сформировавшееся в Европе мнение о турках и татарах как экзистенциальных врагах, и одновременно – той противоположности, которая позволяла лучше

³⁸² Ibid. P. 322.

³⁸³ Ibid. P. 290–293.

³⁸⁴ Ibid. P. 293.

осознать черты своей собственной культуры³⁸⁵. Эти суждения очень напомнили образ, сложившийся в русской культуре и общественной мысли³⁸⁶, а риторика Итона – официальную идеологию России, выраженную, например, в манифесте Екатерины II о начале войны с османами 1787–1791 гг.³⁸⁷ Парадоксальным образом, антиисламская и антитурецкая риторика «европейцев» сочеталась с модой на «ориентальный» стиль, захватившей и западную, и российскую элиты. Эта мода проявлялась в самых разных вещах, от посуды и курительных трубок до литературы и оперы³⁸⁸.

Российская экспансия в Северное Причерноморье и покорение Крымского ханства должны были вернуть процветание в эти края. Итон приветствовал российские завоевания на юге, поскольку, по его мнению, они позволят возродить международную торговлю по образцу той, что некогда вели средневековые генуэзцы, покуда её не разрушили османы. «Ни один друг человечества не сможет испытать ничего, кроме радости от того, что такие властители (османы. – *Н. Х.*) были изгнаны путём войны из этой важной страны, и что она перешла под контроль державы, чьи более свободные и просвещённые взгляды должны возродить пришедшую в упадок торговлю, облагородить варварскую свирепость и сделать эту часть земного шара, почти превратившуюся в пустыню, вновь плодородной и производительной»³⁸⁹. Как видно из этой и других приведённых выше цитат, Итон неоднократно называл турок и татар «варварами». В европейском мышлении той эпохи под «варварством» (как противоположностью «цивилизации») понималось или неспособность к разумному поведению, или незнакомство с ремёслами. При этом варварство вовсе не считалось этапом в развитии общества на пути к

³⁸⁵ См.: Нойманн *И.Б.* Использование «Другого»... С. 83–89; Кардини *Ф.* Европа и ислам. История непонимания. 2-е изд. / пер. с ит. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. СПб. : Alexandria, 2016. С. 235–264.

³⁸⁶ См.: Батунский *М.* Ислам и русская культура XVIII века. Опыт историко-эпистемологического исследования // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1986. Vol. 27. No. 1. P. 45–69; Ориентализм. Турецкий стиль...; Таки В. Царь и султан...

³⁸⁷ ПСЗ. Т. 22, № 16567, с. 883–888.

³⁸⁸ Кардини *Ф.* Европа и ислам... С. 249–263; Wolff *L.* The Singing Turk. Ottoman Power and Operatic Emotions on the European Stage from the Siege of Vienna to the Age of Napoleon. Stanford (Calif.) : Stanford University Press, 2016. 490 p.; Ориентализм. Турецкий стиль...

³⁸⁹ Eton *W.* A Survey... 4th ed. P. 296.

цивилизации: думали, что эти два феномена существовали независимо. Однако варварство можно было преодолеть, реализовав определённый политический проект³⁹⁰. Именно так и нужно понимать слова Итона: представляется, что действия России на юге он рассматривал как часть глобального проекта, в результате которого можно было привести этот регион от «варварства» к «цивилизации» – но сделать для этого предстояло ещё очень много. Крым и его жители казались ему объектом, на который были направлены усилия «цивилизаторов».

В традициях эпохи Просвещения, Итон считал торговлю двигателем прогресса. Потому османское завоевание Причерноморья и Крыма в XV в. он назвал катастрофой: «Попав в руки Турции, Чёрное море, которое прежде было ареной самой активной торговли, было закрыто благодаря непредусмотрительной политике [Д]ивана³⁹¹, и крымские порты постепенно утратили былое богатство и значение, о которых ныне свидетельствуют лишь развалины»³⁹². Одним из положительных последствий присоединения Крыма к России было то, что Екатерина II выдвинула «проект по возвращению торговли и производства в место, столь удачно для них приспособленное». Её либеральное и просвещённое правление должно было не просто возродить торговлю, но и цивилизовать «варварскую свирепость» и сделать обращённый в пустыню Крым снова изобильным и производительным³⁹³.

Возможность присоединения Крыма к России западные интеллектуалы обсуждали как минимум с XVII в. О положительных последствиях этого мероприятия писали столь разные люди, как польский великий коронный гетман Станислав Конецпольский (1591–1646) и французский философ Вольтер (1694–1778), хорватский философ Юрий Крижанич (ок. 1618–1683) и автор афоризма про

³⁹⁰ *Годжи Д.* Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское просвещение и цивилизация России. М. : Наука, 2004. С. 216–217.

³⁹¹ Итон писал название турецкого правительства со строчной буквы, возможно, выражая так негативное к нему отношение.

³⁹² *Eton W.* A Survey... 4th ed. P. 295–296.

³⁹³ *Ibid.* P. 296.

Петербург – «окно в Европу» итальянец Франческо Альгаротти (1712–1764). Некоторые из авторов говорили о выгоде присоединения Крыма для развития международной торговли³⁹⁴.

В 1769 г. известный авантюрист граф Сигизмунд фон Редерн (ок. 1715–1789) представил Екатерине II проект присоединения Крыма к России. Это должно было стать этапом для реализации грандиозного замысла – компании для торговли с Индией и Китаем. Фон Редерн вдохновлялся примером Британской Ост-Индской компании, ставшей мощнейшим инструментом колониализма. Задуманная им структура должна была получить ряд государственных функций (юридический иммунитет, право вести войну, армию и флот). Однако императрица проект отвергла, очевидно, по причине его утопичности³⁹⁵. В 1818 г. одесский коммерсант, француз по происхождению Жан-Франсуа Гамба (1763–1833), разработал план торгового проникновения в Азию – прежде всего в Персию, но и далее, вплоть до Индии и Тибета – через Одессу и Грузию. Интересно, что он вдохновлялся опытом средневековых генуэзских купцов – или, по крайней мере, использовал его как аргумент. Проект получил поддержку и в России, и во Франции; Гамба был назначен консулом в Тифлисе. Впрочем, успехи предприятия сложно было назвать впечатляющими³⁹⁶. В начале правления Николая I проект торгового проникновения России в Индию с помощью гигантской компании, устроенной по образцу Британской Ост-Индской, выдвинул Александр Сергеевич Грибоедов. И в этом случае плацдармом должен был стать не Крым, а российский Кавказ. Но план реализован не был³⁹⁷.

После блестящих успехов России в войне с османами 1768–1774 гг. возможный перенос российской торговли с севера на юг, в бассейн Чёрного и

³⁹⁴ См. *Храпунов Н. И.* Размышления о необходимости присоединения Крыма к России в трудах отечественных и зарубежных авторов XVI–XVIII вв. // *Ислам в России и Евразии XVI–XXI вв.: памяти Дмитрия Юрьевича Арапова.* СПб. : Алетей, 2021. С. 28–51; *Khrapunov N. I.* The Crimea Question in “Western” Projects, Political Treatises, and Correspondence from the mid-sixteenth century to 1783 // *ЗО.* 2021. Т. 9. № 4. С. 857–877.

³⁹⁵ *Строев А.* «Те, кто поправляет Фортуну»... С. 222–224.

³⁹⁶ *Regemorter J.-L. Van.* Le mythe génois... Р. 494–520.

³⁹⁷ *Эйдельман Н. Я.* Быть может за хребтом Кавказа (русская литература и общественная мысль первой половины XIX в.: кавказский контекст). М. : Наука, 1990. С. 107–118, 150–155.

Средиземного морей, широко обсуждался, как в печати, так и в частной переписке. 14 февраля (по новому стилю) 1775 г. глава внешнеполитического ведомства Великобритании граф Хенри Саффок (в традиционном написании – Генри Суффолк, 1739–1779) давал письменные инструкции посланнику в России Роберту Ганнингу (1731–1816) и, в частности, заметил, что Россия «может извлечь большую коммерческую выгоду из своих последних приобретений в Чёрном море и свободы проходя через Дарданеллы для своих торговых судов. Продукция [Российской] Империи этим путём может быть доставлена в Средиземноморье быстрее, легче и с меньшими затратами, чем через Балтийское или Северное море <...> тогда как приток населения, естественного спутника торговли, усилит южные части [государства], уже укреплённые Крымом, который, будучи номинально независимым, может считаться на самом деле приобретением России». Далее Саффолк инструктировал Ганнинга, как, по его мнению, Великобритания могла бы воспользоваться этой ситуацией для продвижения своей торговли в Чёрное море и оттуда – в глубинные регионы России. Важным опорным пунктом для торгового проникновения в Сибирь и восточные регионы России, по его мнению, могла бы стать крепость Ени-Кале на западном берегу Керченского пролива, если бы там удалось построить порт³⁹⁸.

Перспективы торговли с Востоком через Чёрное море волновали Итона, в то время жившего в Константинополе. Поскольку Кючук-Кайнарджийский договор разрешил русским судам свободное плавание по Чёрному морю, в 1776 г. Итон разработал доставки персидского шёлка в Европу через Россию, по Волге и Дону. Впоследствии он даже обращался к Екатерине II с просьбой разрешить беспошлинный транзит по российской территории³⁹⁹. К сожалению, результаты этого проекта неизвестны.

Одним из тех, кто принял участие в дискуссии о перспективах черноморской торговли, стал английский священник Уильям Кокс (1747–1828), побывавший в

³⁹⁸ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // СИРИО. 1876. Т. 19. С. 442–446.

³⁹⁹ *Regemorter J.-L. Van. Le mythe génois...* P. 492.

России в 1778–1779 гг. Хотя его книга вышла уже после «покоренья Крыма», он описывал ситуацию, сложившуюся в годы независимости Крымского ханства. Кокс использовал материалы, собранные в России, в частности, статью известного русского учёного немецкого происхождения Иоганна-Антоня Гюльденштедта (1745–1781). По мнению англичанина, если бы Россия приложила усилия для переноса части своей торговли с Балтийского в Чёрное море, это повлекло бы «революционные» изменения в коммерции всей Европы. В частности, разнообразные товары, от украинского зерна, пеньки и льна до сибирского железа, можно было бы поставлять в Австрию (по Дунаю), Турцию (через Константинополь), Испанию и Италию (по Средиземному морю). Завершалось эссе следующей фразой, отсылающей к событиям 1783 г.: «И, вероятно, достижение этой великой национальной цели (развития черноморской торговли. – *Н. Х.*) можно обеспечить через недавнее приобретение Крымской Татарии и Кубани, оказавшихся весьма ценными из-за дополнительного куска морского берега и важной гавани Каффы»⁴⁰⁰.

Рассуждения Кокса о мерах, которые Россия предпринимает для развития сельского хозяйства⁴⁰¹, перепечатал знаменитый английский агроном Артур Янг-старший (1741–1820; в России его фамилию обычно писали как «Юнг») в своём журнале *Annals of Agriculture* («Сельскохозяйственные анналы») ⁴⁰². Вслед за отрывком из книги Кокса Янг поместил собственную статью, в которой обосновывал важнейшее значение развития торговли через Чёрное и Средиземное моря для развития земледелия в России и повышения благосостояния её жителей. Присоединение Крыма и возможность плавания в Средиземном море он рассматривал во взаимосвязи с развитием экспорта сельскохозяйственной продукции. По мнению Янга, российские власти должны были разрешить свободный вывоз зерна. Кокс цитировал авторитетов, считавших, что торговать

⁴⁰⁰ *Coxe W.* Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. 2nd ed. Vol. 2. London : T. Cadell, 1785. P. 248–261.

⁴⁰¹ *Ibid.* P. 138–141.

⁴⁰² [*Coxe W.*] Encouragement of Agriculture by the Empress of Russia // *Annals of Agriculture, and Other Useful Arts.* 1784. Vol. 2. P. 233–237.

продуктами сельского хозяйства по ценам более низким, чем на Западе, России не выгодно. Янг же был уверен в обратном: лишь низкие цены на русские товары позволили бы выгодно продавать их на европейских рынках. Он подготовил список сырьевых товаров, включавший, в частности, пеньку, лён, табак, зерно, говядину, овечью шерсть и свинину, которые можно было бы вывозить из России в больших объёмах. Этот же список указывал, какие отрасли хозяйства, по мнению Янга, следовало развивать в России, в том числе в её новых южных владениях⁴⁰³.

Горячим сторонником расширения англо-русской торговли был Энтони Браф – автор трактата, изданного в 1789 г. с посвящением принцу Уэльскому (будущему королю Георгу IV). О Крыме автор не упомянул, но зато сказал об историческом опыте торговли с Россией и её выгоде для Англии. Браф пытался преодолеть кризис в отношениях с Россией, возникший из-за войны за независимость североамериканских колоний от Лондона и спровоцированной ею политикой «вооружённого нейтралитета» Екатерины II. По мнению Брафа, торговля была выгодна всем: англичанам она приносила прибыль, а русским – блага цивилизации. «В анналах истории нет [другой] нации, столь быстро поднявшейся из тьмы и варварства к высотам величия и цивилизации, как сделали русские в течение нашего века. Есть много причин этих быстрых и замечательных перемен – но осмелюсь утверждать, что важнейшей были контакты с Великобританией»⁴⁰⁴. После присоединения Крыма к России французские и английские авторы создали целый ряд проектов, в которых полуостров рассматривался как потенциально важнейшее звено в международной торговле, опорный пункт, через который начинался альтернативный путь к «богатствам Востока» – Сибири, Центральной Азии, Индии и Китаю⁴⁰⁵.

В свете сказанного не удивительно, что Итон был сторонником заключения англо-русского союза, полагая, что взаимные интересы сторон важнее

⁴⁰³ [Young A.] Observations on the Means of Promoting Russian Husbandry // Annals of Agriculture, and Other Useful Arts. 1784. Vol. 2. P. 237–252.

⁴⁰⁴ Brough A. A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia. London : G. G. J. and J. Robinson, 1789. P. 44.

⁴⁰⁵ См.: Храпунов Н. И. «Азиатский мираж» и будущее Крыма...

накопившихся противоречий, а общим врагом держав является Франция, так что интересами Османской империи можно пожертвовать⁴⁰⁶. Итон был последовательным филэллином, то есть выступал за изгнание османов из Европы и создание греческого государства. Турок же он рассматривал как «варваров», противоположность и угрозу европейской цивилизации и христианству. Взгляды Итона на будущее Османской империи следует рассматривать в контексте политических проектов его эпохи. К моменту первой публикации его трактата на Западе уже не был секретом так называемый «греческий проект» Екатерины II, предложенный ей австрийскому императору Иосифу II (1741–1790, правил с 1765 г.) в начале 1780-х гг. и предусматривавший «изгнание» турок из Европы и создание на «освобождённых» территориях нескольких христианских государств⁴⁰⁷. По тем или иным причинам, эти планы не были реализованы, однако они явно стимулировали соответствующую дискуссию на Западе. Западноевропейские интеллектуалы разработали десятки проектов раздела Турции в интересах христианских держав, некоторые из них были опубликованы в печати⁴⁰⁸. Показательно, что о положительном эффекте раздела европейских владений Османской империи между Россией и другими державами писали некоторые французы, представители страны – традиционного союзника Порты и соперника Великобритании и Австрии⁴⁰⁹.

Конечно, суждения Итона не могли не вызвать критику. Обострившиеся противоречия европейских держав накануне Наполеоновских войн и становившийся очевидным внутренним кризис Османской империи стимулировали

⁴⁰⁶ *Eton W.* A Survey... 4th ed. P. v–xxix, 379–447.

⁴⁰⁷ *Стегний П. В.* Еще раз о Греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 100–118; *Черкасов П. П.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. 2-е изд. М.: Наука, 2004. С. 206–208; *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛЮ, 2004. С. 33–36; *Петрова М. А.* Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М.: Наука, 2011. С. 217–230; *Гриффитс Д.* Екатерина II и ее мир. Статьи разных лет / пер. с англ. Е. Леменовой, А. Митрофанова. М.: НЛЮ, 2013. С. 349–361.

⁴⁰⁸ *Строев А.* «Те, кто поправляет Фортуну»... С. 291–294.

⁴⁰⁹ *Митрофанов А. А.* Французская политическая элита периода Революции XVIII века о России. М.: РОССПЭН, 2020. С. 125, 131.

обсуждение будущего переустройства Европы и Ближнего Востока. После того, как Кючук-Кайнарджийский договор открыл Черное море для русских торговых судов, интерес к получению аналогичных прав и развитию собственной торговли в регионе стали проявлять европейские державы. Как обычно, Великобритания в этом отношении конкурировала с Францией⁴¹⁰. Победы россиян в войне с османами 1787–1791 гг. породили в Западной Европе опасения, что Россия реализует планы по ликвидации европейских владений Османской империи и даже станет главным политическим игроком на всем Востоке. Потому, начиная войну с Россией (1788–1790), шведский король Густав III (1746–1792, правил с 1771 г.) потребовал от Екатерины II, среди прочего, вернуть туркам Крым⁴¹¹. В 1791 г. британский премьер-министр Уильям Питт-младший (1759–1806), выступая в Палате общин, угрожал Петербургу войной, если Крым не вернут османам. Ультиматум, впрочем, не был поддержан ни парламентариями, ни общественным мнением⁴¹². Большую роль сыграла позиция лидера партии вигов Чарльза-Джеймса Фокса (1749–1806), выступившего против вмешательства в дела России. В качестве своеобразной благодарности Екатерина II даже заказала его мраморный бюст, который установила в Эрмитаже, а копию – в Царском селе. Впрочем, когда выяснилось, что Фокс симпатизировал революции во Франции и сторонникам независимости Польши, бюсты велено было убрать. Эта история стала мишенью английских карикатур⁴¹³. Несомненно, нежеланию англичан идти на радикальные меры способствовал значительный объем торговли с Россией в конце XVIII в., шедшей через прибалтийские порты и приносившей существенный доход, а также критически важные зерно и материалы для судостроения⁴¹⁴.

В 1807 г. было опубликовано сочинение английского коммерсанта Томаса Торнтона (1762–1814) – сторонника Османской империи, который подверг жёсткой

⁴¹⁰ *Kapetanakis P. New Approaches...* P. 34–44.

⁴¹¹ [Екатерина II] Письма Екатерины Второй к барону Гримму // РА. 1878. Кн. 3. Вып. 10. С. 159.

⁴¹² *Kapetanakis P. New Approaches...* P. 49, note 108.

⁴¹³ С берегов Темзы 1997... С. 226; *Кросс Э. Британцы в Петербурге...* С. 350–353.

⁴¹⁴ *Davey J. The Transformation of British Naval Strategy: Seapower and Supply in Northern Europe, 1808–1812. Woodbridge : Boydell Press, 2012. P. 17–25.*

критике не только Итона, но и Россию за планы по изгнанию турок из Европы⁴¹⁵. Интересно, что о Крыме в этом сочинении не говорится почти ничего, если не считать истории о работорговле в Каффе, взятой из сочинения немецкого купца Николауса-Эрнста Клеемана (1736 – после 1773), побывавшего на полуострове в 1769 г.⁴¹⁶ Итон вынужден был оправдываться, и в том же году опубликовал новую книгу, призванную доказать неправоту Торнтонна. В этот раз проблему Крыма он обошёл стороной⁴¹⁷.

Эта дискуссия привлекла внимание Байрона, когда тот работал над «Паломничеством Чайльд-Гарольда» и изучал материалы о Турции и Греции. Вопросом, волновавшим его современников, было – следовало ли всеми силами, не останавливаясь даже перед войной, добиваться для греков свободы от власти османов? В комментариях к поэме Байрон отметил, что европейские интеллектуалы по-разному оценивали происхождение современных греков и по-разному видели их политическое будущее. Если бы удалось доказать преемство современных греков от античных эллинов, это стало бы дополнительным аргументом в пользу того, что их освобождение от власти турок было моральным долгом европейцев. По словам Байрона, Итон был среди тех филэллинов, которые ввели европейцев в заблуждение, рассуждая о высоких моральных достоинствах греков и о необходимости освободить их от власти османов. Удивителен контраст с другими авторами, отказавшими грекам как в древнем происхождении, так и в высоких моральных качествах и политической поддержке⁴¹⁸. А вот по поводу

⁴¹⁵ *Thornton Th.* The Present State of Turkey; or a Description of the Political, Civil, and Religious Constitution, Government, and Laws, of the Ottoman Empire. London : Joseph Mawman, 1807. P. 81–88.

⁴¹⁶ *Ibid.* P. 376–377; ср.: [Клееман Н.-Э.] Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым / пер. с нем. И. Одинцова. СПб. : Государственная военная коллегия, 1783. С. 141–143.

⁴¹⁷ *Eton W.* A Letter to the Right Honourable the Earl of D***, on the Political Relations of Russia, in Regard to Turkey, Greece, and France. London: T. Cadell and W. Davies, 1807. 135 p.

⁴¹⁸ [Byron G.] The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition. Vol. 2 : Poetry / ed. E. N. Coleridge. London: John Murray; New York : Charles Scribner's Sons, 1899. P. 191–194; о влиянии Итона на Байрона см.: *Gephardt K.* The Idea of Europe in British Travel Narratives, 1789–1914. Farnham ; Burlington : Ashgate, 2014. P. 68–71; *Cardwell R. A.* Byron and the Orient : Appropriation or Speculation? // *Byron and Orientalism* / ed. P. Cochran. Newcastle : Cambridge Scholars Press, 2006. P. 152–153.

сочинения Торнтон Байрон сделал следующий иронический комментарий. Обосновывая своё право делать политические прогнозы относительно Османской империи и будущего греков, Торнтон отметил, что он 14 лет прожил в Константинополе и 15 месяцев – в Одессе, а потому накопил достаточный опыт для понимания проблемы⁴¹⁹. Байрон же писал: «Г-н Торнтон вбил себе в голову, что может рассчитывать на доверие публики, раз уж прожил в Пере четырнадцать лет; вероятно, он может рассчитывать на него, когда говорит о турках, но это способно дать ему такое же представление о настоящем положении Греции и её жителей, как столько же проведённых в Уоппинге лет – о Горной Шотландии»⁴²⁰. Уоппинг – это один из районов Лондона, а высокогорная северо-западная часть Шотландии находится на противоположном конце Великобритании. Лондон, естественно, считали центром английской жизни, прогресса и культуры, тогда как шотландских горцев – полной противоположностью англичанам: они отличались суровой простотой нравов и долго боролись за свою независимость. Итак, по мнению Байрона, в Пере, районе Константинополя на северном берегу бухты Золотой рог, можно было собирать сведения о греках с тем же успехом, что в Лондоне – о шотландских горцах. Как отметил поэт, сочинения Итона и Торнтон «стоило бы издать вместе и сравнить», ведь «на одной стороне – парадокс, на другой – предрассудок»⁴²¹. Впрочем, он считал, что обоим авторам свойственны заблуждения.

Интересно, что противопоставление древних греков современным возникло и в русской культуре XVIII – начала XIX вв. Кажется, причины его были теми же, что и на Западе. Русских наблюдателей поражал контраст между воображённым ими по книгам прошлым Греции и наблюдаемым в реальности настоящим: благородство древних эллинов разительно отличалось от торгашества современных греков, былое величие византийской православной церкви – от жалкого состояния её современной наследницы, а героизм и самоотречение античных

⁴¹⁹ *Thornton Th.* The Present State of Turkey... P. iv.

⁴²⁰ [*Byron G.*] The Works of Lord Byron... Vol. 2. P. 194.

⁴²¹ *Ibid.*

героев – от стяжательства и приспособленчества греков-фанариотов, занявших важные посты в Османском государстве и его провинциях⁴²².

Идеи Итона привлекли внимание не только на родине путешественника, но и в России, где издали переведённые отрывки из его трактата 1807 г.⁴²³ Эти публикации появились после победы над Наполеоном и во время Венского конгресса, когда европейские державы решали вопрос о послевоенном устройстве мира. Очевидно, издатели оценили лестную оценку русских, которых Итон включил в число «цивилизованных наций», а также его призывы освободить греков от османской власти совместными усилиями России и Англии.

Можно констатировать, что наблюдательность Итона, оригинальность его суждений и влияние его книги на общественную мысль делают его труд очень интересным источником. Записки Итона можно использовать для изучения последнего этапа жизни Крымского ханства, ставшего независимым в 1774 г., но продержавшегося в этом состоянии очень недолго. Попытки элиты крымского государства лавировать между Россией и Турцией привели к бесконечному внутреннему кризису, в результате чего «покоренье Крыма» в 1783 г. прошло относительно безболезненно. Записки Итона позволяют увидеть в этом логичный результат развития исторической ситуации, а не козней российского правительства, как считали некоторые его современники. Его записки, как будет показано ниже, оказали влияние на некоторых других путешественников.

⁴²² Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М. : НЛЮ, 2017. С. 224–229.

⁴²³ [Итон У.] О характере русских / пер. с англ. Сп. Д[е]ст[у]н[ис] // Сын Отечества. 1814. № XIV. С. 41–51; № XV. С. 103–108; [Итон У.] О характере и положении нынешних греков / пер. с англ. С[п]. Д[е]стунис // Сын Отечества. 1815. № IV. С. 140–150; № VII. С. 17–25.

2.3. Элизабет Крейвен

Леди Элизабет Крейвен (Elizabeth Craven, 1750–1828) – одна из самых известных и одновременно противоречивых фигур в ряду путешественников XVIII в., отправившихся на восток Европы. Урождённая графиня Беркли, она происходила из знатного английского рода и приходилась праправнучкой королю Карлу II (1630–1685, правил с 1660 г.). Прославили её амурные приключения, склонность к авантюрам и литературная деятельность (Приложение А, рис. 3). Яркая жизнь леди Крейвен не раз становилась предметом изучения западной историографии⁴²⁴. Отечественные исследователи интересовались, прежде всего, её пребыванием в Крыму в 1787 г.⁴²⁵

Считается, что леди Элизабет Беркли отличалась красотой и острым умом. В

⁴²⁴ *Paston G.* Little Memoirs of the Eighteenth Century. New York ; London : E. P. Button and Co.; Grant Richards, 1901. P. 119–201; *Broadley A. M., Melville L.* Editors' Note // [Craven E.] The Beautiful Lady Craven : The Original Memoirs of Elizabeth Baroness Craven afterwards Margravine of Anspach and Bayreuth and Princess Berkeley of the Holy Roman Empire (1750–1828). Vol. 1. London ; New York ; Toronto : John Lane ; Bell & Cockburn, 1914. P. xiii–cxxxvi; *Кросс Э.* Британцы в Петербурге... С. 382–386; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу... С. 190–199, 231, 233; *Franke S.* Die Reisen der Lady Craven durch Europe und Türkei, 1785–1786 : Text, Kontext und Ideologien. Trier : Wissenschaftlicher Verlag Trier, 1995. 224 S.; *O'Loughlin K.* 'Strolling Roxanas' : Sexual Transgression and Social Satire in the Eighteenth Century // Spaces for Feeling : Emotions and Sociabilities in Britain, 1650–1850. Abingdon : Routledge, 2015. P. 112–136; *O'Loughlin K.* Women, Writing, and Travel in the Eighteenth Century. Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 2018. P. 65–94; *Palma H.* Elizabeth Craven: From London to Constantinople, from Escape to Emancipation // Imaginaires. 2017. No. 21 : Féminisme et Orientalisme. P. 21–39; *Gasper J.* Elizabeth Craven : Writer, Feminist and European. Wilmington : Vernon Press, 2017. 334 p.

⁴²⁵ *Медведева И. Н.* Таврида. Л. : Лениздат, 1956. С. 170–179; *Колупаев Д. В.* Путешествие леди Крейвен. Из истории международного шпионажа в Крыму // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1994. № 6. С. 80–82; *Деремедведь Е. Н.* Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь : СОНАТ, 2008. С. 9–19; *Каушлиев Г. С.* Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма (конец XVIII – начало XIX века) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2010. Т. 23. № 1. С. 102–103; *Калашников В. М.* Британский взгляд на Крым... С. 75–78; *Храпунов Н. И., Гинькут Н. В.* Визит знатной дамы : Элизабет Крейвен в Крыму // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 2. № 2. С. 122–136; *Храпунов Н. И.* Как англичане «открыли» Крым...

16 лет её выдали замуж за барона Уильяма Крейвена (1738–1791)⁴²⁶. Вскоре она унаследовала состояние одного из родственников и смогла вести яркую светскую жизнь в Лондоне, общаясь не только с аристократией, но и с ярчайшими деятелями искусства, вроде актёра Дейвида Гаррика (1717–1779), художника Джошуа Рейнолдса (1723–1792) или писателя Хораса Уолпола (1717–1797). Хотя в браке родилось семеро детей, баронесса Крейвен не была верной женой. Впрочем, в своих мемуарах она обвинила в изменах самого барона. Последней же каплей, поставившей точку в этом супружестве, очевидно, стал роман баронессы с французским послом графом Адрианом-Луи де Гюином (1735–1806), подробности которого попали в прессу. В итоге супруги решили разъехаться, причём обстоятельства скандального расставания попали в светскую хронику. Леди Крейвен убыла во Францию, откуда и началось её европейское путешествие. Помимо любопытства и жажды экзотики, она хотела избежать слухов о супружеской неверности, которые достигли Парижа. К тому же англичанка собиралась выйти замуж за очередного возлюбленного – маркграфа Христиана-Фридриха-Карла-Александра Бранденбург-Ансбахского (1736–1806). Проблема заключалась в том, что они оба состояли в браке, и нужно было чем-то занять себя, дожидаясь момента, когда время освободит пару от законных супругов (Приложение А, рис. 4).

В 1785–1786 гг. Крейвен отправилась в Италию, оттуда – в Австрию и Польшу, затем в Петербург. Посетив Москву, она добралась до Крыма, на корабле переправилась в Константинополь, а оттуда через Болгарию и Валахию поехала в Вену. Крейвен издала отчёт об этой поездке в форме писем, адресованных возлюбленному («Путешествие через Крым в Константинополь в серии писем достопочтенной леди Крейвен его светлости маркграфу Бранденбургскому,

⁴²⁶ В 1780 г. барон выстроил загородный дом (*cottage*) в лесу на берегу Темзы к западу от Лондона, который получил название Крейвен-коттедж. Впоследствии эта местность стала частью Большого Лондона, а землю выкупил футбольный клуб «Фулхэм», нынешний стадион которого Крейвен-Коттедж сохранил историческое название, связанное с домом барона Крейвена (*Мелвин М. История Крыма и Севастополя. От Потемкина до наших дней / пер. с англ. Ю. Я. Гольдберга. М. : Колибри, 2020. С. 91, прим. 1).*

Ансбахскому и Байрёйтскому, написанных в 1786 году»), которого в книге предпочла называть своим «братом», а себя – его «сестрой»⁴²⁷. Впрочем, эта наивная маскировка вряд ли ввела читателей в заблуждение. Интересно, что спутником (и не только спутником) Крейвен в путешествии был другой мужчина – её соотечественник Генри Вернон.

Сочинение Крейвен изначально представляло собой подборку из 68 писем⁴²⁸. Столько же было и во втором издании⁴²⁹. Зато через четверть века, когда маркграф уже не было в живых, Крейвен опубликовала более полный отчёт о путешествии, получивший новое название («Письма достопочтенной леди Крейвен его светлости маркграфу Ансбахскому во время её поездки через Францию, Германию и Россию в 1785 и 1786 гг.»), новое предисловие и дополнительные письма, так что всего их стало 109⁴³⁰.

Существует предположение, что свои письма Крейвен писала, держа в уме будущую публикацию⁴³¹. Нельзя исключить и того, что эти письма были написаны уже после возвращения из поездки, на основе дневника, который Крейвен вела в пути, и который она упомянула в переписке⁴³², а также и других источников. Так, письмо XXXV / LIV (Москва, 3 марта 1786 г.) приводит различные сведения по истории Крыма⁴³³. Источником послужило сочинение шведского кабинетного исследователя Иоганна Тунманна⁴³⁴. В «крымских» письмах Крейвен отметила: «Могу легко вообразить людей, ревнующих к достоинствам Потёмкина; его правление Тавридой или командование [размещёнными] в ней войсками могли вызвать тысячу злобных небылиц об этой новой стране, целью которых было

⁴²⁷ [Craven E.] A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters. London : G. G. J. and J. Robinson, 1789. 327 p.

⁴²⁸ Ibid.

⁴²⁹ [Craven E.] A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters. Vienna : R. Sammer, 1800. 468 p.

⁴³⁰ [Craven E.] Letters from the Right Honorable Lady Craven, to His Serene Highness the Margrave of Anspach, during Her Travels through France, Germany, and Russia in 1785 and 1786. 2nd ed. London : A. J. Valpy, 1814. 316 p.

⁴³¹ Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 383.

⁴³² Broadley A. M., Melville L. Editors' Note. P. li.

⁴³³ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 143–151; [Craven E.] Letters... P. 147–152.

⁴³⁴ Ср.: Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство. С. 17–21.

уменьшить размеры полагающейся ему славы за её приобретение и сохранение»⁴³⁵. Создаётся впечатление, что эти слова навеяны более поздними событиями – возникшими во время южного путешествия Екатерины II в 1787 г. слухами о том, что императрица утратила доверие к своему фавориту, а также о «потёмкинских деревнях», то есть искусном обмане, призванном ввести императрицу в заблуждение относительно истинных масштабов преобразовательной деятельности, предпринятой Григорием Потёмкиным на Юге России⁴³⁶.

Во введении к первому изданию своего эпистолярного травелога Крейвен не без кокетства сообщила, что публикация предпринята по просьбе друзей, заинтересовавшихся её «долгим и необыкновенным путешествием». Кроме того, англичанка желала таким оригинальным способом восстановить свою репутацию, рассказывая о действительно посещённых ею местах. Якобы некая самозванка, называвшая себя супругой барона Крейвена, ездила по Европе за несколько лет до того. Та же мысль появляется в предисловии ко второму изданию писем⁴³⁷. Впрочем, нет никаких доказательств того, что самозванка не была плодом вымысла самой баронессы Крейвен.

В философских и публицистических произведениях эпохи Просвещения был распространён приём, когда книге искусственно придавали форму писем, в реальности никогда не отправленных адресату. Так авторы пытались создать у читателя впечатление особой достоверности своего сочинения. Можно привести пример итальянца Франческо Альгаротти с его популярнейшим «Очерком в письмах о России» (или «Русские путешествия»)⁴³⁸. В английской литературе этот

⁴³⁵ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 163; [Craven E.] Letters... P. 161.

⁴³⁶ Подробнее см.: Панченко А. М. Русская история и культура. Работы разных лет. СПб. : Юна, 1999. С. 462–475; Елисеева О. И. Граница России – Черное море. Геополитические проекты Григория Потемкина. М. : Эксмо ; Яуза, 2017. С. 222–236.

⁴³⁷ [Craven E.] A Journey... 1789. P. ii–iii; [Craven E.] Letters... P. iii–viii.

⁴³⁸ Альгаротти Ф. Русские путешествия. Письма о России / пер. с ит. М.Г. Талалая. СПб. : Крига, 2006. 176 с.; Альгаротти Ф. Путешествие в Россию / пер. с ит. В. В. Зельченко. СПб. : Наука, 2014. 400 с.; Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. Крым в сочинении итальянского исследователя и путешественника Франческо Альгаротти // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Материалы конференции. Керчь : [б. м.], 2016. С. 531–535; Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. Известия о Крыме у Франческо Альгаротти // ЗО. 2017. Т. 5. № 3. С. 612–628.

приём возник в начале XVII в. К числу популярных произведений, использовавших эту форму, было «Путешествие по всему острову Великобритания» Даниэля Дефо (1724–1726), использовавшего «письма» как аналог глав, чтобы структурировать свою работу. В дальнейшем «псевдоэпистолография» стала весьма популярной формой оформления рассказов о путешествиях⁴³⁹.

До поездки Крейвен пыталась добиться успеха на литературном поприще, так что определенный опыт писательства у неё был. «Письмам» англичанки свойственен живой, увлекательный стиль. Автор примерила образ очаровательной, несколько взбалмошной путешественницы, центра всеобщего притяжения, которой никто из встречных офицеров и дворян не мог ни в чем отказать. Крейвен – светская дама, потому её мало интересовали, например, полезные ископаемые или ботаника Крыма. Зато книга наполнена рассказами о неизменных успехах автора в обществе.

Образцом для Крейвен были «Письма из посольства в Турцию» леди Мери Уортли-Монтегю (1689–1762), супруги британского посланника в Константинополе в 1716–1718 гг., создавшие живую картину жизни Балканских провинций, а также нравов и быта общества столицы Османской империи⁴⁴⁰. Это обстоятельство не укрылось от современников Крейвен, в частности, неизвестного по имени автора ироничной рецензии на её книгу в популярном журнале *The Gentleman's Magazine*⁴⁴¹. Крейвен отнеслась к мадам Монтегю как к сопернице, попытавшись всячески принизить значение её труда: «Я убеждена не только в том, что леди Мери Уортли-Монтегю не писала этих писем, но и что большая их часть составлена *мужчиной*, имитировавшим изящество женского стиля, а факты в

⁴³⁹ The Cambridge History of Travel Writing / ed. N. Das, T. Youngs. Cambridge (UK) ; New York ; Port Melbourne ; New Delhi ; Singapore : Cambridge University Press, 2019. P. 408–414.

⁴⁴⁰ См.: *Eisner R.* Travelers to an Antique Land : The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1993. P. 64–66; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу... С. 80–87; *Melman B.* Women's Orients : English Women and the Middle East, 1718–1918 : Sexuality, Religion and Work. Houndmills ; Lonson : MacMillan, 1992. P. 59–98; *Бернштейн Р.* Восток, Запад и секс. История опасных связей / пер. с англ. Т. Азаркович. М. : АСТ, 2015. С. 118–120; *O'Loughlin K.* Women, Writing, and Travel... P. 30–64; The Cambridge History of Travel Writing. P. 410–412.

⁴⁴¹ [Review:] A Journey into the Crimea // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1789. Vol. 59. Pt. 1 (March). P. 237.

большинстве вымышлены...»⁴⁴² Итак, Крейвен претендовала на то, что её травелог был первым подлинным дамским сочинением о Турции. Хотя современные исследователи не относятся к процитированным словам серьёзно, некоторые из них говорят о различных интересах и замыслах, авторской стратегии и стилях леди Монтегю и Крейвен⁴⁴³. Кроме того, у леди Монтегю были и другие критики из числа путешественниц, заявлявших о том, что именно им открылись тайны турецких гаремов. Предполагают, что подобные заявления вызваны не только и не столько любовью к истине, но литературным соперничеством⁴⁴⁴. Несомненно, Крейвен ориентировалась также на знаменитое «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768) английского классика Лоренса Стерна (1713–1768), построенное на описании чувств и переживаний, охватывавших автора в чужой стране. Это обстоятельство отметили современники, в частности уже упоминавшийся автор рецензии в популярном журнале. Впрочем, он не сомневался, что сочинение его соотечественницы найдёт спрос у читателя⁴⁴⁵.

Существует гипотеза, что Крейвен была шпионкой, собиравшей сведения о Крыме по заданию своего правительства. Она аргументируется интересом путешественницы к русской армии, флоту и разного рода картам⁴⁴⁶. Показательно, что трактовка Крейвен как шпионки возникла только в русскоязычной историографии. Отметим, что англичанка интересовалась, прежде всего, светской жизнью, а в Крыму европеизированное общество представляли в основном российские военные, отсюда и специфические темы для разговоров. Наконец, с XV в. традиция западноевропейского путешествия была связана с картами, которые путешественники составляли сами или приобретали на стороне⁴⁴⁷. В эпоху

⁴⁴² [Craven E.] Letters... P. 289.

⁴⁴³ Turner K. S. H. From Classical to Imperial : Changing Visions of Turkey in the Eighteenth Century // Travel Writing and Empire : Postcolonial Theory in Transit. London; New York : Zed Books, 1999. P. 113–128; ср.: Melman B. Women's Orients... P. 59–98.

⁴⁴⁴ Бернстайн Р. Восток, Запад и секс... С. 120–122.

⁴⁴⁵ [Review:] A Journey into the Crimea P. 287–288.

⁴⁴⁶ Медведева И.Н. Таврида. С. 170–179; Колупаев Д.В. Путешествие леди Крейвен... С. 80–82; Деремедведь Е.Н. Крымская Ривьера... С. 11–18.

⁴⁴⁷ The Cambridge History of Travel Writing. P. 420–432.

Просвещения интерес к географии маркировал человека цивилизованного⁴⁴⁸. Потому Крейвен имела основания гордиться тем, что собрала несколько прекрасно оформленных карт Крыма. Впоследствии она показывала свои карты (вероятно, не только крымские) австрийскому императору Иосифу II⁴⁴⁹. В «век географии» образованная европейская дама не могла не увлечься картами новых земель. Как минимум одна такая карта действительно существовала – её выполнили для англичанки местные чиновники⁴⁵⁰. Вероятно, эту карту Крейвен воспроизвела на вклейке в своем травелогге.

Рассказывая о плавании из Крыма в Константинополь⁴⁵¹, Крейвен утверждала, что однажды штурман-грек напился пьян и потому «не мог даже говорить, не то что править судном». По словам англичанки, у неё единственной была карта Чёрного моря и входа в Босфорский пролив. Тогда, нарядившись в костюм для верховой езды, со шкатулкой в одной руке и зонтиком в другой, она поднялась на палубу и убедила капитана войти в пролив, указав необходимые приметы на берегу⁴⁵². Показательно, что в дневнике путешественницы эта невероятная история отсутствует⁴⁵³, так что она почти наверняка вымышлена. Однако из неё следует, что карты для Крейвен были символом образованности и интеллекта, а также мужества, позволившей путешественнице оказаться более

⁴⁴⁸ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 226–294.

⁴⁴⁹ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 189, 323; [Craven E.] Letters... P. 178, 261.

⁴⁵⁰ Присоединение Крыма к России, 1783–1796 гг.: сборник документов / сост. Н. Ю. Болотина. М. : Кучково поле, 2019. С. 230, № 143; [Коховский В. В.] Письма правителя Таврической области В.В. Коховского правителю канцелярии В.С. Попову для доклада Е. С. князю Г. А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 253.

⁴⁵¹ Интересно, что в письмах и в мемуарах Крейвен утверждала, что отправилась из Севастополя в Константинополь на «фрегате», который приготовило для неё командование российского Черноморского флота ([Craven E.] A Journey... 1789. P. 194, 196; [Craven E.] Memoirs of the Margravine of Anspach. Written by Herself. Vol. 1. London : Henry Colburn, 1826. P. 164, 171; [Craven E.] The Beautiful Lady Craven : The Original Memoirs of Elizabeth Baroness Craven. Vol. 1 / ed. A. M. Broadley, L. Melville. London ; New York ; Toronto : John Lane; Bell & Cochrane, 1914. P. 100, 105). Однако из российских документов следует, что это был не фрегат, а шхуна – то есть корабль меньшего размера и, очевидно, не настолько «престижный» (Присоединение Крыма... С. 235, № 147; 384, прим. 334). Эта история вполне характеризует «метод преувеличения», которым широко пользовалась англичанка.

⁴⁵² [Craven E.] A Journey... 1789. P. 196–198.

⁴⁵³ [Craven E.] Memoirs of the Margravine of Anspach... P. 164; [Craven E.] The Beautiful Lady Craven... P. 100–101.

пригодной к мужской роли спасителя корабля, чем его капитан и судовые офицеры.

Как бы то ни было, Крыму Крейвен провела около месяца весной 1786 г. Хотя описание полуострова занимает меньшую часть объёма книги писем, отнюдь не случайно Крым попал на титул её первого издания («Путешествие через Крым в Константинополь»). Вероятно, в 1789 г. писательница хотела использовать всеобщий интерес к новому владению России. К моменту дополненного издания писем в 1814 г. этот интерес угас, потому нужды в появлении Крыма в титуле книге больше не было («Письма достопочтенной леди Крейвен [...] во время её поездки через Францию, Германию и Россию»). Интересно, что в написанных на склоне лет мемуарах она вообще не упомянула Крым⁴⁵⁴.

Эпистолярный травелог Крейвен быстро стала знаменитым – быть может, не только из-за литературных талантов автора, но и из-за её скандальной репутации. «Путешествие» сразу же перевели на нидерландский, французский и русский языки, причём русский перевод Д. Рунича был выполнен не с оригинала, а по французскому изданию⁴⁵⁵. Несколько лет назад свой вариант русского перевода «крымских писем» Крейвен опубликовал В. М. Калашников, также использовавший в качестве источника французский перевод, а не английский оригинал⁴⁵⁶. Результат значительно уступает переводу Д. Рунича, будучи скорее неточным пересказом, содержащим многочисленные погрешности, пропуски и ошибки.

Планировать поездку на юг Крейвен начала в Петербурге. Нужно отметить, что она оказалась не первой англичанкой с подмоченной репутацией, побывавшей в российской столице времени Екатерины Великой. В 1777 г. в Петербурге объявилась Элизабет Чадли (1720–1788), называвшая себя леди Кингстон по фамилии второго мужа, брак с которым, впрочем, считали незаконным, поскольку её первый муж был ещё жив. Это не помешало ей вступить во владение

⁴⁵⁴ [Craven E.] *Memoirs of the Margravine of Anspach...* P. 164; [Craven E.] *The Beautiful Lady Craven...* P. 100–101.

⁴⁵⁵ [Крейвен Э.] Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году милади Кравен / пер. с франц. Д. Рунича. М. : Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1795. 524 с.

⁴⁵⁶ Калашников В.М. Британский взгляд на Крым... С. 78–107.

имуществом, оставшимся после «второго» супруга. Остаться в Англии после суда с родственниками, также претендовавшими на богатое наследство, было невозможно, и «леди Кингстон» отправилась в Россию, надеясь добиться расположения императрицы и получить от неё соответствующие статусу англичанки поместья. Авантюра не удалась, но благодаря Кингстон коллекция Эрмитажа пополнилась несколькими шедеврами западноевропейского искусства, в частности, серебряной посудой и роскошными часами⁴⁵⁷.

Себя саму Крейвен представила в образе аристократичной дамы, пользовавшейся неизменным успехом у окружающих. В Петербурге она получила аудиенцию у Екатерины II⁴⁵⁸. Англичанку удивило, что лишь императрица и княгиня Дашкова носили русское платье, все же остальные одевались не европейский манер⁴⁵⁹. Крейвен, конечно, жаждала экзотики и предпочла бы видеть петербуржцев в оригинальных нарядах. Сложно назвать это иначе, чем проявлением колониализма. Получила она и аудиенцию у супруги наследника престола – Марии Федоровны (1759–1828). Случившийся здесь известный государственный деятель и коллекционер предметов прошлого Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744–1817) якобы сказал, что «не знает другой мысли о счастье, кроме как возвратиться в Англию частным лицом и купить там ферму»⁴⁶⁰. Достоверность этих слов проверить невозможно – но она должна была польстить чувству английского превосходства читателей и ещё раз подчеркнуть недостаточную цивилизованность России.

По словам Крейвен, в Петербурге её отговаривали от поездки на юг: «Мне говорили, что воздух [в Крыму] нездоров, что вода ядовита, и что я, конечно, умру, если туда поеду»⁴⁶¹. Вспоминаются слова известного критика Екатерининской политики князя Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790), среди «прегрешений» императрицы, якобы порождённых её тщеславием, назвал и такое:

⁴⁵⁷ С берегов Темзы... С. С. 132–133; *Кросс Э.* Британцы в Петербурге... С. 251, 389–392.

⁴⁵⁸ [*Craven E.*] *A Journey...* 1789. P. 123; [*Craven E.*] *Letters...* P. 133, 306–308.

⁴⁵⁹ [*Craven E.*] *A Journey...* 1789. P. 125; [*Craven E.*] *Letters...* P. 134.

⁴⁶⁰ [*Craven E.*] *A Journey...* 1789. P. 127; [*Craven E.*] *Letters...* P. 136.

⁴⁶¹ [*Craven E.*] *A Journey...* 1789. P. 137; [*Craven E.*] *Letters...* P. 143.

«Приобрели, или, лучше сказать, похитили Крым, страну, по разности своего климата служащую гробницею россиянам»⁴⁶². Возможно, Крейвен намеренно преувеличивала трудности поездки, но не исключено, что её слова отразили позицию кого-то из круга противников южных проектов Потемкина, например, того же князя Щербатова или Александра Романовича Воронцова (1741–1805)⁴⁶³. Во втором издании травелога появилось письмо, якобы отправленное из Петербурга, в котором англичанка описала беседу с неким соотечественником, который только что вернулся из Крыма. Он «посоветовал мне увидеть его (Крым. – Н. Х.) и уверил меня в том, что все те ужасы, которые русские пытались мне внушить, чтобы удержать от предполагаемого путешествия, вымышлены ими самими. Люди, ревнующие к Потёмкину, как говорят, если смогут, не дадут императрице реализовать намерение его увидеть»⁴⁶⁴.

В этом же письме Крейвен сформулировала своё представление о России. Она отметила, что русские умны и восприимчивы, потому в перспективе способны усвоить достижения западной цивилизации. Представители русской знати, те, кто путешествовал по Европе, «настолько же утончённы и элегантны, как путешествовавшие французы» (но, заметим, не англичане!). Со временем Россия может занять подобающее место в Европе. Для полного успеха российскому правительству многое предстоит сделать – но сделать это возможно, ведь «страны подобны детям – неграмотное дитя обучить гораздо легче, чем дитя испорченное»⁴⁶⁵. Таково было обычное отношение к России в эпоху Просвещения, когда её считали молодой страной, учеником, готовым приобщиться к цивилизации Запада – но именно в силу этого иногда и угрозой⁴⁶⁶. Разумеется, азиатские культуры стояли в этой иерархии ступенью ниже.

Крейвен получила приглашение отобедать у правителя Юга России в его

⁴⁶² [Щербатов М.М., Радищев А.И.] О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева : факсимильное издание. М. : Наука, 1983. Приложение, с. 127.

⁴⁶³ См.: Елисеева О. И. Граница России – Черное море... С. 229–233; Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 26, 261.

⁴⁶⁴ [Craven E.] Letters... P. 314.

⁴⁶⁵ Ibid. P. 315.

⁴⁶⁶ Нойманн И. Б. Использование Другого... С. 111–125.

петербургской резиденции. Разговора не получилось: «Если не считать предложения еды и питья, не могу сказать, что слышала звук его (Потёмкина. – Н. Х.) голоса»⁴⁶⁷. Зато читатель первого издания травелога Крейвен должен был помнить, что через год после англичанки в Крым прибыла Екатерина II, южное путешествие которой готовилось с 1784 г.⁴⁶⁸ Англичанка сознательно могла копировать образ императрицы, намекая на то, что стала её предшественницей. Крейвен вообще любила подчёркивать, что не раз бывала при дворах коронованных особ. Так, уже оказавшись в Крыму, путешественница не без радости сообщила, что приехав ночью в Карасубазар (Белогорск) она, в ночном чепце, «оказалась в окружении напудренных мужчин с таким количеством звёзд и лент, как будто я была на дне рожденья [английского короля] в Сент-Джеймском дворце»⁴⁶⁹.

Крейвен, несомненно, пользовалась покровительством Потёмкина. Возможно, тот был заинтересован в рекламе своих южных начинаний у западной публики. В личном письме англичанка просила у светлейшего князя помощи в организации путешествия, в частности, сведений о неизвестной стране, рекомендательных писем, паспортов и так далее⁴⁷⁰. Подчинённые Потёмкину чиновники считали своим долгом донести ему о прибытии англичанки на юг. Правитель Екатеринославского наместничества Иван Максимович Синельников (1741–1788) отметил скандальность её визита: «Госпожа пересса миледи Кравен в препровождении полковника Вериона [sic], прискакала сюда к нам на переменных ямских кибитках, не имея при себе ни одной души женского пола, и в таком экипаже скачет сегодня в Херсон и Тавриду, не желая ни кареты, ни коляски; и сказывая, что она сию курьерскую гоньбу исполняет по совету Его Светлости.

⁴⁶⁷ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 128–129; [Craven E.] Letters... P. 137.

⁴⁶⁸ Елисеева О. И. Граница России – Черное море... С. 200; Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины Великой по России : от Ярославля до Крыма. М. : Эксмо, 2014. С. 256, 259; Петрова М. А. Екатерина II и Иосиф II... С. 330–331.

⁴⁶⁹ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 166; [Craven E.] Letters... P. 163.

⁴⁷⁰ Присоединение Крыма... С. 222, № 135.

Кажется мне, что она остряк-молодица»⁴⁷¹. Позднее правитель Таврической области Василий Васильевич Коховский (Каховский, 1738–1795), организовавший пребывание англичан в Крыму с объездом разных достопримечательных мест полуострова, утверждал, что действовал по указанию светлейшего князя. Коховский заподозрил Крейвен в неискренности, ведь «при изречении похвал чувствуется зло и зависть»⁴⁷². Тем не менее, он хорошо исполнил роль хозяина, а англичанка «положила твёрдое намерение окончить дни свои в здешней области и просить Светлейшего князя о даче ей земель»⁴⁷³.

Заметим, что Синельников и Коховский в тех же самых документах упомянули о прибытии в Крым графа Строганова со своим губернёром (или воспитателем)⁴⁷⁴. Речь идёт о 12-летнем Павле Александровиче Строганове (1774–1817), которого сопровождал французский губернёр Жильбер Ромм (1750–1795), одновременно собиравший сведения о Юге России для своего правительства⁴⁷⁵. Результатом их путешествия стал очень любопытный тревелог Ромма, к некоторым наблюдениям которого в сравнении с рассуждениями Крейвен обратимся чуть дальше.

«Крымских писем» Крейвен всего семь⁴⁷⁶. В отличие от, например, «турецких писем», их число во втором издании тревелога не изменилось.

Путешественница описала переезд из Херсона в Крым так, что он напоминает читателю известный из этнографии (культурной антропологии) обряд перехода. Путь в буквальном смысле шёл через пустоту: «я пересекла Перекопские равнины, где нет ничего, кроме массы грубой травы, выгорающей в определенное время года.

⁴⁷¹ [Синельников И. М.] Письма правителя Екатеринославского наместничества И. М. Синельникова правителю канцелярии, для доклада светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому (1783–1788 г.) // ЗООИД. 1875. Т. 9. С. 269.

⁴⁷² [Коховский В. В.] Письма... С. 252.

⁴⁷³ Там же. С. 253.

⁴⁷⁴ [Синельников И. М.] Письма... С. 269; Присоединение Крыма... С. 234–235, № 147.

⁴⁷⁵ Чудинов А. В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М. : РГГУ, 2001. С. 202–243; Чудинов А. В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М. : НЛО, 2010. С. 202–207.

⁴⁷⁶ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 160–195, № XXXVIII–XLIV; [Craven E.] Letters... P. 160–182, № LVII–LXIII.

Вся эта страна, как и та, что лежит между Херсоном и Кременчугом, называется Степью, а я бы назвала её пустыней...»⁴⁷⁷. В соответствии с представлениями эпохи Просвещения, численность населения была мерилom развития страны⁴⁷⁸, а потому читатель Крейвен должен был понять, что путешественница оказалась в месте, максимально далёком от «цивилизации». Справиться с непривычным окружением помогла английская ирония. Достигнув укреплений на Перекопском перешейке, отделяющем Крым от материка, путешественница заметила, что здешний ров «кажется, рассчитан более на то, чтобы там скапливался неприятель, чем для защиты»⁴⁷⁹.

Впрочем, и в северном Крыму степь никуда не исчезла – но зато появились селения и огромные стада скота. Хотя ещё в Петербурге путешественница сменила европейский экипаж на азиатскую кибитку, в багаже она везла чайные принадлежности. Крейвен с удовольствием описывала, как пила чай на отдыхе⁴⁸⁰. Исследователи отмечали, что в этой поездке чайник для Крейвен был символом принадлежности к английской культуре и, следовательно, цивилизации⁴⁸¹. Чайник появлялся и в других произведениях Крейвен, очевидно, играя для автора важную символическую роль⁴⁸². Но если путешественница использовала образ чайника как показатель своего аристократизма, то её соотечественники обыграли его совсем другим образом. «Чайник леди Крейвен» стал основной частью карикатуры начала 80-х гг. XVIII в., высмеявшей любвеобилие англичанки (Приложение А, рис. 5). На рисунке он представлен как фигура мужчины, а носик имеет вид возбуждённого фаллоса⁴⁸³.

Нужно сказать, что приём пищи и набор блюд считался одним из критериев, отделявших «цивилизованного европейца» от «местного жителя – варвара и азиата». Так, например, Павел Иванович Сумароков (1767–1846), прославившийся

⁴⁷⁷ [Craven E.] *A Journey...* 1789. P. 160–161; [Craven E.] *Letters...* P. 159.

⁴⁷⁸ Мезин С. А. Дидро и цивилизация России. М.: НЛЮ, 2018. С. 64.

⁴⁷⁹ [Craven E.] *A Journey...* 1789. P. 161; [Craven E.] *Letters...* P. 160.

⁴⁸⁰ [Craven E.] *A Journey...* 1789. P. 163; [Craven E.] *Letters...* P. 161.

⁴⁸¹ Вульф Л. Изобретая Восточную европу... С. 197.

⁴⁸² O'Loughlin K. 'Strolling Roxanas'... P. 124.

⁴⁸³ Ibid. P. 124–125; cf.: O'Loughlin K. *Women, Writing, and Travel...* P. 92, note 20.

описаниями своих путешествий по Крыму в модном «сентиментальном» духе, в целом хорошо относился к крымским татарам, которых описывал как «благородных дикарей» в традициях Жан-Жака Руссо. Однако некоторые местные обычаи его шокировали: «Восточный обычай есть по-братски из одной чашки мне очень не понравился; а когда по снятии чорбы, их супа, появились другие блюда то способ брать всякое кушанье голыми руками мне также показался отвратительным. Я межевался со своими товарищами чересполосно, отгораживал свою долю в уголок, и ел вилкой по-европейски»⁴⁸⁴.

Ещё одним символом «английскости» было английское дамское (боковое) седло, которое Крейвен также возила с собой⁴⁸⁵. Во время поездки из Севастополя в Байдарскую долину карета не смогла проехать по горной дороге, и англичанке предложили пересесть на верховую лошадь. Но «я не взяла с собой своего бокового седла. Я сказала <...>, что мне невозможно ездить по-мужски, и я не могу сидеть в казацких сёдлах, так что мы вернулись обратно в Севастополь»⁴⁸⁶. Дамское седло подчёркивало не только цивилизованность, но и гендер путешественницы, а потому заменить его казацким было, конечно, невозможно. Пришлось переносить поездку на другой день и седлать дамским седлом казацкого конька. Англичанка не упускала возможности подчеркнуть, что она – прекрасная наездница. В другой раз генерал Михаил Васильевич Коховский (Каховский, 1734–1800), брат губернатора, дал ей для прогулки лошадь из свой конюшни, которая, правда, никогда не ходила под дамским седлом. Но это не смутило англичанку. «Старый командир казаков с величайшим восхищением наблюдал за тем, как я ездил верхом, а затем, когда, по возвращении домой, я соскочила с лошади, он поцеловал край моей нижней юбки и произнёс на своём языке нечто, что я не поняла, но генерал пояснил, что тот сделал мне высший из возможных комплиментов, а именно что я достойна быть казачкой»⁴⁸⁷. Так представительница европейской

⁴⁸⁴ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М. : Университетская типография, 1800. С. 50.

⁴⁸⁵ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 162; [Craven E.] Letters... P. 161.

⁴⁸⁶ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 190; [Craven E.] Letters... P. 178–179.

⁴⁸⁷ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 170; [Craven E.] Letters... P. 165.

цивилизации доказала своё превосходство над природой в лице лошади, над «Азией» в лице казаков, и вообще над мужчинами.

Третьим символом были изящные перчатки Крейвен. По её словам, татарских дам смущала эта деталь туалета. Потому путешественнице, оказавшейся в обществе татарок, приходилось снимать перчатки, чтобы показать: её руки ничем не отличались от их. Так произошло в доме одной знатной дамы в Карасубазаре. «Поскольку мои перчатки, кажется, вызывали у неё большое неудобство, я их сняла, после чего она приблизилась, улыбнулась, взяла одну из моих рук в свои, и подмигивала, и кивала головой, как бы в знак похвалы, но оцупала мою руку до локтя, до середины плеча, подмигивая и кивая. Я начала интересоваться, когда же закончится это необычное исследование...»⁴⁸⁸. Эта деталь подчёркивала культурное различие между двумя цивилизациями.

В сочинении Крейвен Крым напоминает природный рай, где жили простодушные, добрые и не особенно цивилизованные жители. Это впечатление возникло у неё сразу же после прибытия на полуостров. «На закате я приехала в татарское селение, состоявшее из домов или скорее хижин разбросанных по кругу без всякой ограды. В разных местах на этих холмистых равнинах большие стада лошадей, коров и овец медленным шагом подходили к селению – создавая одновременно простой и величественный пейзаж, наполненный миром и изобилием, которым, вероятно, наслаждался свет в начале истории»⁴⁸⁹.

Первое издание книги украшено различными гравюрами. К Крыму относится лишь одна, достаточно оригинальная на фоне корпуса рисунков полуострова конца XVIII – начала XIX в. Это «Вид истока реки Карасу в Крыму, апрель 1786 г.»⁴⁹⁰ (Приложение А, рис. 6). Эта река (Бюк-Карасу, Большая Карасу) берет начало в Крымских горах, у массива Караби-Яйла, южнее Белогорска (Карасубазара). Описывая свою ознакомительную поездку к её истокам, путешественница обошлась без подробностей, характеризующих конкретную местность. «Я никогда

⁴⁸⁸ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 172; cf.: p. 182; [Craven E.] Letters... P. 167; cf.: p. 174.

⁴⁸⁹ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 162–163; [Craven E.] Letters... P. 161.

⁴⁹⁰ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 169 (нумерация по указателю; реально вклеена между страницами 160 и 161).

не видела столь живой сцены, как в этой поездке, – здесь было около сорока человек верхом, – [так что] различные одежды и цвета на зелёном ковре [казались] весёлыми и живописными. Мы продолжали подъем наверх к истоку, пока не увидели скал, но их склоны были такими отвесными, что нам пришлось спешиться и карабкаться изо всех сил. Этот родник не похож на Воклюз, величественный и ужасный, – он красив и романтичен, и его можно воспроизвести в парке, где имелись бы большие обломки камня»⁴⁹¹. Воклюз – область на юге Франции, где находится одноименный карстовый источник. Но в целом, описанный Крейвен исток реки почти лишён индивидуальных черт – таким же могло быть описание, скажем, истоков Нила или Темзы. Сравним его с весьма подробным и индивидуализированным рассказом Ромма. «27-го [марта 1786 г.] мы ездили осматривать так называемый исток Карасу Проехав вверх по довольно широкой долине, где он извивается с большой стремительностью, мы добрались до закрытого ущелья, окружённого высокими обрывистыми скалами, из которых, как мы увидели, и бьёт эта речка, однако без особого шума, так как воды стало значительно меньше. <...> Наибольшее впечатление получаешь на высоте в 40 или 50 туазов⁴⁹² над нынешним течением реки. На этом возвышении находится отвесная скала около 4 туазов высотой и 9 шириной, лицевая сторона которой обращена к долине или, вернее, к истоку Карасу. Эта скала, расположенная на правом берегу, изрезана, изобрывлена и изрыта водой самым изумительным образом. На её боках заметны округлые полости значительной глубины. Рядом с этой скалой имеется другая на той же высоте, пробитая насквозь»⁴⁹³. Как видно, описание француза более точное и индивидуализированное. Интересно, что описанная им пробитая водой скала представлена в центре рисунка из книги Крейвен.

По словам Крейвен, российские офицеры и чиновники всячески пытались ей угодить – «губернатор Коховский» (правитель Таврической области

⁴⁹¹ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 169; [Craven E.] Letters... P. 165.

⁴⁹² Туаз – старинная французская мера длины, равная 1,949 м.

⁴⁹³ Romme Ch.-G. Voyage en Crimée... P. 70–71; ср.: Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. с фр. К. И. Раткевич. Л. : Издательство ЛГУ, 1941. С. 43.

В. В. Каховский) показывал ей Крым, офицеры подарили ей несколько карт, а командир албанского (то есть греческого) полка в Балаклаве устроил смотр солдат⁴⁹⁴. В личном письме к Потёмкину она отдельно отметила, что российские чиновники окружили её всевозможной любезностью⁴⁹⁵. Ромм же писал, что для развлечения Крейвен российские власти в Карасубазаре организовали смотр казачьих отрядов, которые произвели на путешественников яркое впечатление⁴⁹⁶. Если леди Монтегю путешествовала с мужем, то Крейвен всячески подчёркивала свою самостоятельность. По существу, она тщательно создавала образ первой англичанки, предпринявшей путешествие независимо от мужчин⁴⁹⁷. Потому Вернон, вне зависимости от его роли в жизни Крейвен, не играл особой роли в её записках.

Для путешествия по неведомым краям требовалась определенная смелость – и Крейвен подчёркивала это своё качество. Так, в Перекопе англичанка и её спутники впервые увидели «татар». Крейвен отправила одного из слуг за «пропуском» в их селение, и тот вернулся «бледный как смерть». Его «забавные страхи на протяжении всего путешествия немало развлекали меня», – писала Крейвен⁴⁹⁸. Отсутствие страха перед татарами, который выказала Крейвен, заставляет вспомнить поступок Екатерины II, которая через год в Перекопе заменит свой казачий конвой на отряд крымских татар. Это способствовало завоеванию доверия к императрице у новых подданных, но заставило понервничать её спутников-европейцев. Вот что писал, например, французский посланник граф Луи-Филипп де Сегюр (1753–1830), впрочем, осмотрительно сославшийся на своего товарища – прославленного остроумца принца Шарля де Линя: «Согласитесь, любезный Сегюр, – сказал мне, смеясь, принц де Линь, – что случилось бы удивительное происшествие, которое наделало бы шуму в Европе, если бы окружающие нас двенадцать сотен татар решили бы увезти нас, скача во

⁴⁹⁴ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 184–185, 192–193; [Craven E.] Letters... P. 163–164, 180.

⁴⁹⁵ Присоединение Крыма... С. 229, № 143.

⁴⁹⁶ Romme Ch.-G. Voyage en Crimée... P. 72; Ромм Ж. Путешествие в Крым... С. 39.

⁴⁹⁷ Palma H. Elizabeth Craven ... 30]

⁴⁹⁸ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 161; [Craven E.] Letters... P. 160.

весь опор, к небольшому порту по соседству, и там посадить августейшую Екатерину [II], а также могущественного римского императора Иосифа II на корабль и доставить в Константинополь, к радости и удовольствию его высочества [султана] Абдул-Хамида, верховного правителя правоверных! И этакий фокус вовсе не был бы бесчестным [с их стороны], ведь они вполне могли бы, без всяких угрызений совести, похитить двух монархов, которые, пренебрегая правом народов [jus gentium] и всеми [международными] договорами, похитили их страну, свергли их князя и уничтожили их независимость”. К счастью, эта безумная мысль не пришла в голову честным сынам Магомета»⁴⁹⁹.

Крейвен подчёркивала стойкость, с которой она переносила тяготы пути в закрытом экипаже. Так, после ночного переезда в Карасубазар сопровождавшие англичанку казаки решили было, что та умерла. А когда дама показалась из окна, то с испугу подняли такой крик, что перепугали окрестные стада и животных, запряжённых в повозки, так что те едва не перевернули кибитку англичанки⁵⁰⁰.

На страницах травелога Крейвен блистала не только храбростью, но и остроумием. Так, в Бахчисарае один русский острослов произнёс каламбур (очевидно, по-английски или по-французски, ведь русского Крейвен не знала), в котором назвал знатного татарина «сливками Тартара». Это выражение (*cream of Tartar*, или *crème de Tartare*) обыгрывало созвучие этнонима и преисподней античных мифов. Крейвен же предпочла смягчить ситуацию, чтобы не обидеть знатного крымчанина, и ловко обратила фразу в *cream of the Tartars*, сравнив своего собеседника со сливками татарского общества, что тому пришлось по нраву⁵⁰¹. По мере того, как Причерноморье становилось известным на Западе, Тартар на воображаемых «картах цивилизации» смещался дальше к востоку, в незнакомый край Земли. В 1843 г. знаменитый французский живописец Орас Верне (1789–1863), получив в подарок от Николая I упряжку великолепных лошадей, писал жене, что справиться с ними мог только кучер-татарин, родившийся «в глубинах

⁴⁹⁹ *Ségur [L.-Ph.] de. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3me éd. T. 3. Bruxelles : X. Renaudière, 1827. P. 192–193.*

⁵⁰⁰ *[Craven E.] A Journey... 1789. P. 165; [Craven E.] Letters... P. 162–163.*

⁵⁰¹ *[Craven E.] A Journey... 1789. P. 178, note *; [Craven E.] Letters... P. 170, note I.*

Тартара, неподалёку от Китая»⁵⁰².

Впрочем, англичанка не высоко оценила интеллектуальные способности своего нового знакомого. «Каймакан и двое других знатных татар отужинали с нами, и оказалось, на свете не найти того, что превзошло бы невежество и простоту этих людей. Каймакан – первый министр хана. Он совершенно ничего не смыслит в географии собственной страны, и говорит, что Англия и Петербург – одно и то же»⁵⁰³. Как тут не вспомнить рассуждения Уильяма Итона о том, что крымские татары совсем не знали географии: «Как у большинства варваров, их собственная страна кажется им одновременно образцом совершенства и пределом познания – и даже главные государственные служащие не знают географии или взаимного расположения всех остальных стран»⁵⁰⁴. Как было сказано выше, по представлениям западноевропейцев географические знания маркировали человека цивилизованного, а их отсутствие, следовательно, говорило о крымских татарах как о людях симпатичных, но варварах.

Крейвен дважды посещала знатных крымских татарок. Англичанку изумляли пышные одежды собеседниц, их украшения и необычный макияж. Она отметила, что татаркам и турчанкам, в отличие от европейек, совершенно не свойственна женская зависть. Потому они могут сделать комплимент представительницам своего пола, тем самым сыграв роль, которая в Европе принадлежала мужчинам⁵⁰⁵. Крейвен не понравился татарский обычай покрывать лицо обильными румянами, скрывавшими его подлинные черты: «как можно судить о выражении лица, когда оно скрыто дурной раскраской, а брови соединены в одну прямую линию, нанесённую поперёк носа»⁵⁰⁶. Очень близки описания турецких дам, с которыми Крейвен позже познакомится в Константинополе. Они в целом соответствовали европейским представлениям о восточных гаремах и замкнутом образе жизни

⁵⁰² Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга, 1842–1843 / пер. с фр. Д. Васильева. М. : РОССПЭН, 2008. С. 70.

⁵⁰³ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 179; [Craven E.] Letters... P. 171–172.

⁵⁰⁴ Eton W. A Survey... 4th ed. P. 320–321.

⁵⁰⁵ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 171–173; [Craven E.] Letters... P. 166–167.

⁵⁰⁶ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 182; [Craven E.] Letters... P. 174.

мусульманок. Быть может, вспоминая собственный опыт конфликта со светским обществом, путешественница сделала парадоксальный вывод, что жизнь турчанок абсолютно счастлива. Но именно поэтому Крейвен, на самом деле, не воспринимала мусульманок как равных себе, а потому отказывала им в праве на интерес к внешнему миру и свободное существование – вроде того, которое вела она сама⁵⁰⁷.

По словам Крейвен, татарские дамы «свои рубашки, как и рубашки мужчин, сделанные главным образом из шелка или шелка смешанного с хлопком, переменяют редко; но то, что они очень часто ходят в баню, делает этот обычай менее противным, чем он был бы в других обстоятельствах»⁵⁰⁸. Она не раз обращала внимание на грязь, царившую на улицах, в домах мусульман разного социального статуса и даже на стенах мечетей⁵⁰⁹. Очевидно, чистоту считали одним из критериев, отделяющих цивилизацию от варварства и подчёркивающим инаковость другого народа – об этом свидетельствуют, например, записки путешественников по Балканам⁵¹⁰. Эту мысль восприняла и русская культура. В 1825 г. Александр Сергеевич Грибоедов, проехав по южному берегу Крыма с запада на восток, отметил в дневнике разницу между крымскими церквями и мечетями: «Уезжаем из Балаклавы назад к верху бухты, налево в гору, вправо внизу Кадикой, церковь беленькая, приятный вид после запачканных мечетей...»⁵¹¹. Причём данный принцип могли обратить и против людей Запада. В конце XVIII в. Николай Михайлович Карамзин удивлялся тому, что римские бани в Лионе превращены местными монашками в помойку. «Изрядное уважение к древностям! Вместо того, чтобы путь к ним усыпать цветами, почтенные сестры льют туда из окон своих всякую нечистоту! и так, господа Французы, вы не должны бранить Азиатских варваров, которыми великолепные храмы древности превращаются в

⁵⁰⁷ *Palma H. Elizabeth Craven...* P. 32.

⁵⁰⁸ [*Craven E.*] *A Journey...* 1789. P. 183; [*Craven E.*] *Letters...* P. 174.

⁵⁰⁹ [*Craven E.*] *A Journey...* 1789. P. 162, 174, 181; [*Craven E.*] *Letters...* P. 160, 168, 173.

⁵¹⁰ *Езерник Б. Дикая Европа...* С. 33.

⁵¹¹ *Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений : В 3 т. Т. 2. СПб. : Нотабене, 1999. С. 328.*

хлевы!»⁵¹². Русские путешественники следующего поколения писали о невероятной грязи и антисанитарии в Париже второй четверти XIX в., вызывавших у них отвращение⁵¹³.

Как и многие другие путешественники, Крейвен не избежала искушения посмотреть на «танцы» дервишей, которые посчитала проявлением примитивности и фанатизма. «Представление такого рода вызывает у этих людей (татар. – *Н. Х.*) огромное почтение и уважение к тем, кто его исполняет. Я же вернулась домой сильно раздосадованной от этой нелепицы...»⁵¹⁴. Ей вовсе не пришло в голову то, что отметил француз Ромм, бывший очевидцем этого зрелища. Дервишам «велено было собраться на молитву для удовлетворения любознательности именитой путешественницы. Дервиши повиновались, но как приняли они подобное приказание, с каким удовольствием выполняли его перед многочисленным обществом собак и неверных, один из которых приказывает им молиться богу и Магомету ради его забавы?»⁵¹⁵. Знавший не понаслышке, что такое зависимость от власти вышестоящих, наёмный гувернёр Ромм куда острее чувствовал несправедливость, унижительность происходящего, тогда как благородной англичанке оно представлялось само собой разумеющимся.

В западноевропейской мысли XVII–XVIII вв. представление о «детскости» аборигенов делало благородной миссию их «цивилизаторов», обучавших туземцев ремёслам, а также обосновывало необходимость привлечения колонистов из Европы, способных завести передовое хозяйство, промышленность и торговлю. Объектом подобных взглядов могли быть и западноевропейские страны, находившиеся на «окраине цивилизации», например, Ирландия⁵¹⁶. Важным орудием «цивилизации» выступала колонизация – переселение западноевропейцев на новые земли. Например, Дени Дидро (1713–1784) предлагал основать в России

⁵¹² Карамзин *Н. М.* Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1984. С. 204.

⁵¹³ Таньшина *Н. П.* Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М.: РОССПЭН, 2018. С. 250–251.

⁵¹⁴ [*Craven E.*] *A Journey...* 1789. P. 173–174; [*Craven E.*] *Letters...* P. 173.

⁵¹⁵ Ромм *Ж.* Путешествие в Крым... С. 39; *Romme Ch.-G.* *Voyage en Crimée...* P. 72–73.

⁵¹⁶ Годжи *Д.* Колонизация и цивилизация... С. 215–226.

колонию швейцарцев, которая стала бы средством приобщения её к «цивилизации»⁵¹⁷. Иногда в качестве потенциальных колонистов рассматривали различные антисоциальные элементы. Так, когда начавшаяся война североамериканских колоний за независимость сделала невозможной высылку туда английских каторжников (обычный метод английского правительства), между империями Романовых и Габсбургов едва не возникла «конкуренция» за этот ценный ресурс. Иосиф II собирался заселить английскими уголовниками Галицию, полученную по итогам первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., а в России Потёмкин и де Линь попытались было перевезти каторжников в Крым. Впрочем, этот проект не удалось реализовать из-за сопротивления ряда представителей российской политической верхушки, усмотревших в нём позор для империи⁵¹⁸.

Неудивительно, что в книге Крейвен можно встретить рассуждения о пользе колонизации для Крыма. «Признаюсь, что хотела бы увидеть здесь (в Крыму. – *Н. Х.*) колонию честных английских семейств, учреждающих мануфактуры и возвращающих продукцию этой страны в нашу; учреждающих честную и свободную торговлю из этих мест, и обучающих трудолюбию и честности вероломных но угнетённых греков на их островах, пробуждая праздного турка из его позолоченного оцепенения, и приносящих честную Свободу на раздутых парусах по пути через [Эгейский] Архипелаг и Средиземноморье на наш опасный (к счастью для нас опасный) берег». Разумеется, все это оправдывалось соображениями общего блага для всего человечества⁵¹⁹

Крейвен не ограничилась теоретическими рассуждениями. Общаясь с губернатором Коховским, она заявила, что «положила твёрдое намерение окончить дни свои в здешней области и просить светлейшего князя о даче ей земель»⁵²⁰. Англичанка действительно обратилась к Потёмкину с личным письмом, в котором сообщала о желании принять российское подданство. Отбросив ложную

⁵¹⁷ Мезин С. А. Дидро и цивилизация России. С. 142.

⁵¹⁸ *Себаг-Монтефиоре С.* Потемкин / пер. с англ. Н. Сперанской, С. Панова. М. : Вагриус, 2003. С. 280–281.

⁵¹⁹ [Craven E.] *A Journey...* 1789. P. 188–189; [Craven E.] *Letters...* P. 177–178.

⁵²⁰ [Коховский В.В.] *Письма...* С. 253.

скромность, Крейвен писала: «Я бы хотела иметь два владения в разных уголках Тавриды, одна на Салгире в нескольких верстах от Акмечети, на берегу реки <...> второе владение, где я построю дом, это Байдарская долина...»⁵²¹. Как видно, англичанка практически подошла к выбору поместий – одно из них она хотела получить близ административного центра новой провинции, другое же в плодородной и романтической местности на юго-западе Крыма. Крейвен побывала в тех местах и была восхищена увиденным: «Байдарск[ая] долин[а] – это восхитительнейший и величественнейший уголок, предназначенный природой для какой-нибудь трудолюбивой и счастливой нации, которая могла бы мирно ею наслаждаться. Немногие татарские селения уменьшают дикость этой сцены, но в таком месте луговая часть должна быть заполнена стадами крупного скота, а горная – овцами»⁵²². Тем не менее, Потёмкин сделал вид, что не понял намёка англичанки, и та осталась без столь желанного подарка. Между прочим, раздача иностранцам (а также и российским помещикам) земель, освободившиеся в результате эмиграции крымских татар, была важным элементом российской государственной политики по освоению и развитию Крыма. Одновременно пытались восполнить убыль населения и запустить экономику при помощи привлечения переселенцев из внутренних губерний России и из-за рубежа⁵²³. Так что в целом рассуждения Крейвен соответствовал практике российского правительства и самого князя Потёмкина.

«Представляется невероятным – писала Крейвен Потёмкину, – чтобы, побывав в такой прекрасной стране, увидев её плодородные почвы и насладившись её чудным климатом, не возникло желание вновь и вновь сюда возвращаться»⁵²⁴. Эта иллюзия свойственна была большинству путешественников, которые,

⁵²¹ Присоединение Крыма... С. 230, № 143.

⁵²² [Craven E.] A Journey... 1789. P. 190–191.

⁵²³ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье... С. 117–132; Болотина Н. Ю. Деятельность Г. А. Потемкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России. М. : Изд-во РАГС, 2010. С. 92–100; Конкин Д. В. Переселенческая политика и хозяйственные проекты в Крыму // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 231–243.

⁵²⁴ Присоединение Крыма... С. 230, № 143.

оказавшись в плену «крымского миража», игнорировали перманентные эпидемии малярии, нашествия саранчи, нехватку воды и другие природные проблемы, хорошо известные старожильческому населению региона⁵²⁵. Многим русским помещикам и зарубежным переселенцам довелось убедиться в том, что сложная внешнеполитическая обстановка и нехватка рабочих рук, особое отношение мусульман к предпринимательству, отсутствие инфраструктуры и дешёвого кредита способны разрушить любые иллюзии и планы⁵²⁶. Примером может быть судьба Артура Янга-младшего (1769–1827), английского агронома, который в начале XIX в. приобрёл поместье в Восточном Крыму, рассчитывая применить здесь свои знания передовых технологий и заработать денег. Однако жестокая реальность привела к краху всех его начинаний и вынудила в конечном итоге выставить поместье на продажу⁵²⁷. Постепенно служившие в Крыму российские чиновники и эксперты стали понимать, насколько ошибочными были первые, чересчур оптимистичные оценки хозяйственного потенциала края. К тому же прибывшие на полуостров помещики и предприниматели страдали от нехватки средств, коррупции и конфликтов с местными жителями⁵²⁸.

Путешественники по Крыму не могли не оценить его богатое прошлое, отражённое многочисленными памятниками археологии и архитектуры⁵²⁹. Символом минувшего в Крыму казался ханский дворец в Бахчисарае. В состав обширного комплекса входили постройки разного назначения. Крейвен, в частности, заметила «род купола, возбудившего мой интерес, и мне поведали, что

⁵²⁵ См.: Прохоров Д. А. О стихийных бедствиях на Крымском полуострове // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 57–73.

⁵²⁶ См.: Конкин Д. В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная и торговая практика в Крыму в первые десятилетия после присоединения к Российской империи // БИ. 2018. Вып. 37. С. 166–186.

⁵²⁷ *Gazley J. G. The Reverend Arthur Young, 1769–1827 : Traveller in Russia and Farmer in the Crimea // Bulletin of the John Rylands Library. 1956. Vol. 38. Iss. 2. P. 360–405; подробнее об этом – в параграфе 4.1.*

⁵²⁸ Конкин Д. В. Оценки экономического потенциала Крыма... С. 50–52; Конкин Д. В. Экономические «открытия» академика П. С. Палласа в Крыму: «дефект описания» // МАИЭТ. 2017. Вып. 22. С. 451–453.

⁵²⁹ См.: Храпунов Н. И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 21–33.

этот памятник построен в память о жене-христианке, которую хан любил так нежно, что остался безутешен после её смерти, и что он похоронил её в том месте, чтобы сам мог довольствоваться видом постройки, где покоятся её останки. Полагаю, этот татарский хан должен был иметь душу, достойную любви христианки»⁵³⁰. Англичанка описала мавзолей (дюрбе) Диляры бикеч (1763/64 г. н. э.), имя которой известно из надписи. Никаких сведений о том, кем была эта дама, в источниках не сохранилось⁵³¹. В комплекс бахчисарайского ханского дворца входит кладбище, где сохранилось несколько увенчанных куполом мавзолеев, а также многочисленные погребения ханов, их родственников и приближенных⁵³², но внимание Крейвен привлекло только дюрбе Диляры, построенное на некотором расстоянии от ханского некрополя. Очевидно, причина в романтической истории, связанной с памятником. Вид отдельно стоящего мавзолея, в котором похоронили даму, очевидно, стимулировал фантазию европейских путешественников. Записки Крейвен отразили начало формирования легенды. Впоследствии Диляру назвали не просто христианской возлюбленной хана Крым-Гирея, но дали ей имя Марии Потоцкой. В реальности о Диляре неизвестно почти ничего, и её христианство – вымысел европейских авторов. Классики русской и польской литературы Александр Пушкин и Адам Мицкевич сделали эту версию общеизвестной. В легенду добавился один из фонтанов ханского дворца, надпись на котором была (неверно) прочитана в том смысле, что она якобы говорит о горе безутешного хана⁵³³. Записки Крейвен отразили, вероятно, начальную стадию формирования возникшей в российскую эпоху легенды.

В литературе путешествий Крым традиционно был тем местом, которое позволяло не сдерживать фантазию. Неудивительно поэтому, что Крейвен

⁵³⁰ [Craven E.] *A Journey...* 1789. P. 180; [Craven E.] *Letters...* P. 172.

⁵³¹ *Ибрагимова А.М.* Бахчисарайский ханский дворец XVI–XVIII вв. Киев : Олег Філюк, 2015. С. 175–176.

⁵³² Там же. С. 166–175.

⁵³³ *Бронштейн А. И.* Трансформация легенды Фонтана слез // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 475–486; *Балакин А. Ю., Бодрова А. С.* «Полицейское послание яко материал»: (к творческой истории «Бахчисарайского фонтана») // *Временник Пушкинской комиссии.* 2013. № 31. С. 5–16; *Кошелев В. А.* Таврическая мифология Пушкина. Литературно-исторические очерки. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород : Растр, 2017. С. 80–119.

поверила и другому рассказу, который услышала в Бахчисарае. Город лежал в узкой долине между отвесными склонами гор. По словам Крейвен, «вершины этих скал имеют странный вид, в местах, где, несомненно, проходили и привязывались огромные канаты. По этому поводу татары утверждают, что некогда их подножья достигало море, и к ним привязывали корабли»⁵³⁴. Очевидно, англичанке рассказали о том, что когда-то уровень Черного моря был, якобы, много выше, и на месте Крыма находился образованный вершинами гор архипелаг. Именно поэтому знаменитые загадочные «пещерные города» оказались на большой высоте. Такие предания были распространены у крымских татар. Европейские путешественники, как правило, относились к этим историям с доверием⁵³⁵. Например, Ромм собирал известия о «всемирных потопах» на протяжении всего путешествия из Киева в Крым, иногда относясь к рассказам местных жителей скептически, но все же завершил свой травелог сводной таблицей потоков, реконструированных им по данным Библии и античных мифов⁵³⁶.

В отличие от большинства травелогов, главный герой записок Крейвен – вовсе не неведомые страны, а она сама. Экзотические люди и пейзажи – всего лишь сцена, на которой разворачиваются приключения бесстрашной дамы. Поэтому её сочинение выделяется из ряда записок иностранцев о Крыме конца XVIII – начала XIX в. Пожалуй, ближе всего к травелогу Крейвен сочинение принца де Линя, который ездил в Крым в 1787 г. в свите Екатерины II⁵³⁷. Как и в случае с Крейвен, письма де Линя адресованы его возлюбленной – маркизе Луизе-Марте де Куаньи (1759/1760–1832). Они были значительно переработаны или даже полностью написаны в расчёте на публикацию уже после возвращения из поездки⁵³⁸. В

⁵³⁴ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 181–182; [Craven E.] Letters... P. 173.

⁵³⁵ Храпунов Н. И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // ФЕ. 2014. Т. 2. С. 81–82; Храпунов Н. И. Мангупское городище... С. 421–422.

⁵³⁶ Ср.: Romme Ch.-G. Voyage en Crimée... P. 132, 144.

⁵³⁷ [Ligne Ch.-J. de] Lettres et pensées... P. 51–83.

⁵³⁸ Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 17, and note 55; Свирида И. И. Метаморфозы в пространстве культуры. М.: Индрик, 2009. С. 268; Храпунов Н. И. Принц де Линь в Крыму, или как заменить Византию сказками 1001 ночи // XII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Материалы научной конференции. Симферополь: Колорит, 2020. С. 278–279.

письмах де Линя Крым предстал местом фантастическим, где реальность не отличить от иллюзий, где оживают античные мифы и персонажи сказок «Тысячи и одной ночи»⁵³⁹. Литературная слава де Линя была так велика, что, как считается, Пушкин писал «Бахчисарайский фонтан», ориентируясь не только на свои воспоминания, но и под влиянием сочинения бельгийца⁵⁴⁰. Во всяком случае, в его библиотеке было несколько томов сочинений де Линя, в том числе и «крымские письма»⁵⁴¹.

Публикация писем из поездки на Восток принесла Крейвен литературную славу. В 1791 г., скончались барон Крейвен и маркграфиня Ансбахская, и леди Элизабет смогла выйти замуж за любимого маркграфа. Её супруг передал свои владения Пруссии в обмен на денежную ренту. Это оказалось весьма предусмотрительным делом, учитывая, что в начавшихся вскоре Наполеоновских войнах и связанных с ними трансформациях политической карты Европы маркграфство Ансбах стало разменной монетой. Пара поселилась в Англии, где Крейвен смогла предаться театральным и литературным занятиям. После смерти мужа Крейвен переехала в Неаполь, где и провела остаток жизни. И хотя скандальная слава преследовала её до последних дней, она, в отличие от большинства соотечественниц, добилась свободы, независимости и славы литератора и покровителя искусств. Вероятно, тщеславию леди Крейвен польстило бы то обстоятельство, что до сих пор её считают образцом дамы, изменившей представления о роли женщины в английском обществе.

⁵³⁹ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 204–218; Храпунов Н. И. Принц де Линь в Крыму...

⁵⁴⁰ Dickinson S. Russia's First "Orient"... P. 18.

⁵⁴¹ Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 9–10. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1910. С. 274–275, № 1102, 1103.

2.4. Ричард Уэрсли

История баронета Ричарда Уэрсли (Richard Worsley, 1751–1805) редко становилась предметом исследований. Возможно, дело в том, что путевые дневники англичанина до сих пор не опубликованы, в отличие от вещей из его богатой коллекции, собранной в путешествиях. К счастью, издан каталог этого собрания, где натурные рисунки мест, которые посетил англичанин, и изображения приобретённых им редкостей сопровождаются пояснительными текстами. История пребывания Уэрсли в России описана Э.-Г. Кроссом⁵⁴². А. Л. Бертъе-Делагард провёл образцовое исследование одного из крымских видов из собрания Уэрсли в связи с его пребыванием на полуострове, а также предложил перевод отрывка из книги англичанина⁵⁴³. Автор диссертации опубликовал несколько статей о травелоге Уэрсли⁵⁴⁴.

Богатый аристократ Ричард Уэрсли (Приложение А, рис. 7) провёл много лет в путешествиях по Восточному Средиземноморью⁵⁴⁵. Всеми виной – несчастливая личная жизнь. В 1775 г. баронет женился на юной Сеймур-Дороти Флеминг (1758–1818), но брак оказался неудачным. Вскоре выяснилось, что леди Уэрсли (Приложение А, рис. 8) не собиралась быть верной женой. В 1781 г. она родила девочку, отцом которой был хороший знакомый супругов, сосед и подчинённый её

⁵⁴² Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 382–383.

⁵⁴³ Бертъе-Делагард А. Л. К истории христианства в Крыму // ЗООИД. 1910. Т. 28. С. 49–51, 76–77.

⁵⁴⁴ Храпунов Н. И. Ричард Уэрсли и Крым // БИ. 2019а. Вып. 39. С. 378–403; Храпунов Н. И. Как англичане «открыли» Крым...; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Археологические памятники Крыма на рисунках из собрания британского путешественника Ричарда Уэрсли // X Международный византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : Империя и полис. Материалы научной конференции. Севастополь ; Симферополь : [б. и.], 2018. С. 159–166.

⁵⁴⁵ См.: Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 382–383; McCreery C. Breaking All the Rules : The Worsley Affair in Late-Eighteenth-Century Britain // Orthodoxy and Heresy in Eighteenth-Century Society / ed. R. Hewitt, P. Rogers. Lewisburg (PA) ; London : Bucknell University Press, 2002. P. 69–88; Rubenhold H. Lady Worsley's Whim : An Eighteenth-Century Tale of Sex, Scandal and Divorce. London : Chatto & Windus, 2008. 320 p.

мужа армейский капитан Джордж-Морис Биссетт (1757–1821). Хотя сэр Уэрсли признал ребёнка, надеясь избежать скандала, его жена вскоре сбежала вместе с Биссеттом. Сэр Ричард возбудил против них процесс, потребовав огромную компенсацию в 20 000 фунтов стерлингов. В английском обществе того времени замужняя дама фактически считалась «собственностью» мужа, а потому вполне естественным казалось потребовать денег за ущерб, нанесённый адюльтером. 21 февраля 1782 г. состоялся суд, установивший, что поведение леди Уэрсли никогда не было таким, «какое приличествовало бы скромной замужней женщине», и что её муж потворствовал многочисленным изменам. В итоге присяжные присудили истцу смехотворную компенсацию в один шиллинг. Скандальный процесс вызвал большой интерес у публики: стенограмма суда издавалась не менее пяти раз⁵⁴⁶. Между прочим, это свидетельствует о вкусах английской публики, готовой потратить шиллинг (цена, обозначенная на титульном листе) за хронику скандала в высшем обществе.

Были напечатаны карикатуры. Например, одна из них высмеивала всеобщий интерес к подробностям семейной жизни четы Уэрсли (Приложение А, рис. 9). Здесь представлена группа хорошо одетых джентльменов, стоящих в очереди на лестнице, чтобы взглянуть на происходящее в спальне леди Уэрсли. Над дверью висит портрет Лукреции – символ добродетели. Однако сама дама, едва отпустив одного любовника, бросилась в объятия другого. Подпись гласит: «Подглядывание в сераль леди У–и». Другая карикатура основана на утверждении стороны защиты, что сэр Ричард показывал Биссетту свою купающуюся жену, делая это с её ведома (Приложение А, рис. 10). Автор изобразил Уэрсли, который заботливо взял Биссетта на плечи, чтобы позволить тому через отдушину вверху стены увидеть леди, собирающуюся принять ванну. Подпись превратила фамилию *Worsley* в оскорбительное, но созвучное прозвище *Worse-than-sly*. Она гласит: «Сэр Ричард

⁵⁴⁶ The Trial with the Whole of the Evidence, Between the Right. Hon. Sir Richard Worsley, Bart. Comptroller of His Majesty's Household, Governor of the Isle of Wight, Member of Parliament for Newport in that Island, & c., & c. Plaintiff, and George Maurice Bisset, Esq. Defendant, for Criminal Conversation with the Plaintiff's Wife. 5th ed. London : G. Kearsley, 1782. 20 p.

Хуже-чем-проньера показывает зад своей жены – тьфу!». В итоге репутация всех участников процесса была погублена.

Судьба их сложилась по-разному. Сэр Уэрсли на несколько лет уехал за границу. Он побывал в Италии и Греции, на Родосе и в Египте, в Турции и России. Вернувшись на родину, в 1790 г. был избран в парламент от Ньютауна на острове Уайт, где находилось его родовое поместье. В 1794–1797 гг. Уэрсли был английским послом в Венеции, но после того, как в республику вторглись войска Наполеона, дипломату пришлось бежать. Значительная часть собранной им коллекции предметов искусства попала в руки французов. В 1801 г. Уэрсли вышел в отставку и поселился на острове Уайт, где и умер через несколько лет. Биссетт бросил леди Уэрсли после того, как стало ясно, что муж не даст ей развод, а потому она не сможет претендовать на часть его состояния. В 1787 г. он женился на некоей Харриат Мордант. Леди Уэрсли жила на содержании богатых любовников. Она родила ещё двоих внебрачных детей и, наконец, получив наследство в 70 000 фунтов после смерти мужа, в возрасте 47 лет снова вышла замуж за 26-летнего Джона-Льюиса Кашета (1779–1836). После победы над Наполеоном они уехали в Париж, где леди скончалась четыре года спустя.

Небольшой эпизод в жизни баронета Уэрсли связан с Тавридой. Отсюда началось его путешествие по России через Херсон, Киев и Москву до Петербурга⁵⁴⁷. В Крым он прибыл из Константинополя и провёл здесь месяц с 29 мая по 27 июня 1786 г. Половину этого времени путешественник находился в севастопольском карантине, куда обычно помещали экипажи и пассажиров судов, прибывших из мест, где зафиксированы вспышки чумы. Введение так называемой «марсельской карантинной системы» стало одним из элементов, привнесённых в Крым новыми властями⁵⁴⁸. У Уэрсли были рекомендательные письма от российского посланника в османской столице Я. И. Булгакова. Поэтому правитель Таврической области Василий Коховский сократил карантинный срок для знатного

⁵⁴⁷ Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 382–383; Бертъе-Делагард А. Л. К истории христианства... С. 49–51.

⁵⁴⁸ King Ch. The Black Sea : A History. Oxford : Oxford University Press, 2004. P. 168–172.

иностранца до 15 дней против обычных 40. Затем Уэрсли совершил поездку по предгорному Крыму, осмотрев Инкерман, Байдары, Бахчисарай, Чуфут-Кале, Карасубазар (ныне Белогорск), Старый Крым, Судак и Феодосию⁵⁴⁹.

В поездках Уэрсли собрал богатую коллекцию предметов древности и живописных видов дальних стран. Французский посол в России граф де Сегюр рассказал в своих мемуарах следующий анекдот. Однажды в конце 1786 г. Екатерина II, вызвав к себе английского посла Аллейна Фицхерберта (1753–1839) и всесильного фаворита Григория Потёмкина, провела наедине с ними более часа. Разумеется, это вызвало пересуды у западных дипломатов, увидевших во встрече предвестие политических событий. «Бог знает, сколько зашифрованных депеш с несбыточными предположениями и догадками отправили в европейские кабинеты!» Однако дело было в другом: императрица и её собеседники «рассматривали любопытную коллекцию рисунков, недавно доставленных из Египта кавалером Уэрсли»⁵⁵⁰.

Дневники, которые Уэрсли вёл в путешествиях, пока не опубликованы. Зато он издал небольшим тиражом каталог своего собрания, предназначенный для близких друзей⁵⁵¹. Книга вызвала большой интерес, а потому наследники Уэрсли приняли решение о втором издании⁵⁵². В названии книги первая часть была написана по-латыни, а вторая – по-английски: «Музеум Ворслейанум [Музей Уэрсли], или собрание античных барельефов, статуй и гемм, с видами местностей Леванта, снятых непосредственно с натуры в 1795, -6 и -7 гг.». Очевидно, сюда вошло то, что уцелело после бегства из Венеции. Среди рисунков – два вида Египта, возможно, из тех, что так понравились российской императрице⁵⁵³.

⁵⁴⁹ Присоединение Крыма... С. 240, 385, прим. 339.

⁵⁵⁰ *Séjour [L.-Ph.] de. Mémoires ou souvenirs et anecdotes*. 2me éd. T. 2. Paris : Alexis Eymery, 1826. P. 424.

⁵⁵¹ *Museum Worsleyanum ; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems*. [Vol. 1–2] London : [From the Shakespeare Press, by W. Bulmer and Co.], 1794 [1798–1803]. 103 + 120 p.

⁵⁵² *Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems*. Vol. 1–2. London : Septimus Prowett, 1824. 160 + 65 p.

⁵⁵³ *Museum Worsleyanum...* 1824. Vol. 2. P. 33, 35.

Интересно, что хотя Уэрсли собрал превосходную коллекцию античных барельефов, статуй и гемм⁵⁵⁴, среди них не было происходивших из Северного Причерноморья. Зато в каталог Уэрсли включены четыре гравюры, сделанные с оригинальных рисунков, на которых представлены виды Крыма – Георгиевский монастырь в окрестностях Севастополя, Балаклавская бухта, города Старый Крым и Феодосия (Каффа). Ещё в начале XX в. акварели хранились в Англии, в родовом замке графов Ярборо⁵⁵⁵. Рядом с рисунками в каталоге опубликованы более или менее подробные справки об истории этих мест, подготовленные самим Уэрсли. Эти изображения, во-первых, сохранили облик археологических памятников, впоследствии пострадавших от антропогенных и природных факторов, а во-вторых, сыграли важную роль в формировании представлений о Крыме в зарубежном общественном сознании. Однако определить авторство изображений не так уж просто.

В Константинополе Уэрсли виделся с Элизабет Крейвен, которая утверждала, что именно она получила для Уэрсли разрешение отправиться в Крым на том же русском корабле, что доставил её в Константинополь. Впоследствии Крейвен вспоминала, что Уэрсли «имел при себе человека, рисовавшего виды»⁵⁵⁶. В предисловии к каталогу сказано, что «виды и руины древних построек в Леванте и Малой Татарии гравированы в основном с натуральных рисунков, сделанных с большой точностью искусным живописцем г-ном Ривли»⁵⁵⁷. Вероятно, поэтому А.Л. Бертъе-Делагард считал, что автором видов Крыма был Уилли Ривли (1760–1799), прежде сопровождавший эксцентричного коллекционера в его странствиях, а впоследствии ставший известным архитектором⁵⁵⁸. Однако Э.-Г. Кросс и А.-Р. Кристи, работавшие с неопубликованными дневниками Уэрсли, полагают, что

⁵⁵⁴ *Museum Worsleyanum...* 1824. Vol. 1; Vol. 2. P. 3–16.

⁵⁵⁵ *Бертъе-Делагард А. Л.* К истории христианства... С. 50–51.

⁵⁵⁶ [*Craven E.*] *A Journey...* 1789. P. 194, 214; [*Craven E.*] *Letters...* P. 170–171.

⁵⁵⁷ *Museum Worsleyanum...* 1824. Vol. 1. P. 2.

⁵⁵⁸ *Бертъе-Делагард А. Л.* К истории христианства... С. 50.

художник за ним в Россию не последовал⁵⁵⁹. Зато обращает на себя внимание сходство гравюр из альбома Уэрсли и акварелей, выполненных знаменитым русским пейзажистом Михаилом Матвеевичем Ивановым (1748–1823), который в 80-х гг. XVIII в. побывал на Юге России⁵⁶⁰. Ныне эти рисунки хранятся в коллекции Государственного Эрмитажа⁵⁶¹. Виды даны практически с одного места, различаясь лишь декоративными деталями, такими как изображения людей на переднем плане или парусников в море (Приложение А, рис. 11–13, 16–21). Уэрсли мог приобрести у Иванова вторые экземпляры его крымских рисунков или заказать копии для своей коллекции. Известно, что Иванов тиражировал крымские акварели: сохранились выполненные им более поздние версии, которые можно назвать копиями с незначительными изменениями⁵⁶².

Другое, менее вероятное объяснение предполагает, что Иванов срисовал картины, выполненные каким-то художником для Уэрсли. Известно, что русский живописец делал копии с пейзажей Турции и Швейцарии других авторов⁵⁶³. Художники конца XVIII в. нередко копировали крымские виды по чужим оригиналам. Например, в собрании Академии художеств в Петербурге хранилась копия с рисунка из коллекции Уэрсли с видом Георгиевского монастыря⁵⁶⁴. Рисунок внутреннего двора ханского дворца в Бахчисарае кисти художника Уильяма Хадфилда (1761 – до 1818) стал прототипом для двух рисунков прославленного архитектора Джакомо Кваренги (1744–1817)⁵⁶⁵. Как минимум два

⁵⁵⁹ Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 383; [Bentham J.] Correspondence of Jeremy Bentham. Vol. 3: January 1781 to October 1788 / ed. I.R. Christie. London : UCL Press, 2017. P. 407, note 18; 415, note 1.

⁵⁶⁰ Федоров-Давыдов А. А. Михаил Матвеевич Иванов. 1748–1823. М. : Искусство, 1950. 28 с.; Капарулина О. А. Художник-академик при светлейшем князе. Путевые альбомы М.М. Иванова в собрании Русского музея // Наше наследие. 2008. № 86. С. 126–135.

⁵⁶¹ Ср.: Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова (к 270-летию со дня рождения художника) / сост. М. Р. Мальгина. Симферополь : Н. Орианда, 2017. С. 58–59, № 20; с. 82–83, № 32; с. 120–123, № 51–52; с. 126–127, № 54.

⁵⁶² Там же. С. 4–12.

⁵⁶³ Капарулина О. А. Художник-академик при светлейшем князе... С. 133–134.

⁵⁶⁴ Бертъе-Делагард А. Л. К истории христианства... С. 49.

⁵⁶⁵ Ориентализм. Турецкий стиль в России... С. 129–131, № 126; ср.: Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II : опыт «освоения» имперского пространства. Казань : Казанский государственный университет, 2006. С. 242, рис. 39 (вклейка).

пейзажа Иванова, изображающих внутренний двор медресе в Старом Крыму и постройки на морском берегу в Феодосии, скопировал живший в России француз Жан-Бальтазар де ля Траверс (1752–?)⁵⁶⁶.

Наконец, возможен и общий источник, который воспроизвели Иванов и художник, работавший по заказу Уэрсли. Против предположения о связи между рисунками Иванова и картинами из коллекции Уэрсли говорит то, что первые выполнены в технике акварели, а вторые – сепии. Размеры двух акварелей Иванова (виды Феодосии и Старого Крыма) больше, чем у рисунков из коллекции Уэрсли⁵⁶⁷. Потому нельзя полностью исключить, что автором последних был Ривли или какой-то другой живописец. Нужно отметить, что в конце XVIII – первой половине XIX в. копирование рисунков с видами Крыма, в ходе которого они иногда несколько изменялись, приобретая новое качество, было чрезвычайно распространено и в России, и за рубежом⁵⁶⁸.

Первый рисунок из собрания Уэрсли называется «Вид мыса и монастыря св. Георгия» (Приложение А, рис. 11). В описании сказано следующее: «Вид мыса и монастыря св. Георгия, построенного на развалинах храма Дианы Таврической, расположенного на юго-западном берегу Крыма, на расстоянии приблизительно в триста пятьдесят миль от Константинополя. Горы между мысом св. Георгия и Балаклавой состоят из плотного известкового камня с внутренним блеском: со стороны моря они перпендикулярны, в некоторых местах разрушены внизу; в других, как кажется, они испытали какие-то сильные удары; бесчисленные куски камня скатились с [самого] верха в море, где их можно увидеть лежащими вдоль берега; подобным образом, они образуют основания такой же перпендикулярной скалы, а также имеются заметные следы подземного огня. Почти повсеместно на

⁵⁶⁶ Ср.: Виды Крыма из путевого альбома М.М. Иванова... С. 64, 65, рис 23; 86, 87, № 34; *Александрова Н.* Жан Балтазар де ла Траверс. «Путешествующий по России живописец». М. : Жираф, 2000. С. 115, № 95; с. 103, № 56.

⁵⁶⁷ Ср.: *Бертъе-Делагард А. Л.* К истории христианства... С. 50–51; Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова... С. 129–130, № 20, 33.

⁵⁶⁸ *Філас В. М.* Візуальне освоєння Північного Причорномор'я останньої чверті XVIII – середини XIX ст. : джерелознавчий аналіз. Запоріжжя : Видавництво Хортицької національної академії, 2018. С. 333–346.

поверхности можно увидеть глину красноватого цвета, а камни, кажется, имеют большое содержание железа. В некоторых расщелинах скал находятся кубические кристаллы полупрозрачного шпата, некоторые из которых полшестигранной формы. В некоторых местах также можно встретить известковый камень, делящийся наподобие шифера, серого цвета с примесью белого, но в этих камнях совсем нет окаменелостей; но раковины находят в скалах глинистой структуры, даже на вершинах гор»⁵⁶⁹. Геологические сведения, очевидно, взяты из сочинения Карла Габлица, автора одного из первых описаний природы Крыма⁵⁷⁰, по его французскому переводу⁵⁷¹. Гораздо любопытнее рассуждение о храме таврической Дианы, демонстрирующее, как записки путешественников способствовали возникновению феномена «виртуальных» памятников, в реальности не существовавших, но ставших частью образа Крыма.

Данные слова имеют в виду античный миф об Ифигении, дочери царя Агамемнона, предводителя греков в Троянской войне, которую богиня Артемида (Диана) перенесла в Таврику (в античной традиции – Крым или его южная часть) и сделала жрицей в своём святилище. Хотя этот сюжет неоднократно описывали древние авторы, например, Еврипид в пьесе «Ифигения в Тавриде», большинство путешественников конца XVIII – начала XIX в. знали о нём из популярных переложений Нового времени, в частности, поэмы Иоганна-Вольфганга фон Гёте и оперы Кристофа фон Глюка⁵⁷². По современным представлениям, античный миф не стоит понимать буквально и потому вряд ли можно обнаружить соответствующие археологические остатки⁵⁷³. Однако путешественники и

⁵⁶⁹ *Museum Worsleyanum...* 1824. Vol. 2. P. 57.

⁵⁷⁰ [Габлиц К. И.] Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб. : Императорская типография у Ивана Вейтбрехта, 1785. С. 23–25.

⁵⁷¹ [Hablitz C.-L.] *Description physique de la contrée de la Tauride, relativement aux trois règnes de la nature / tr. du russe [par D.A. Golicyn].* La Haye : J. van Cleef, 1788. P. 31–35.

⁵⁷² Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М. : Наука, 1986. С. 94; Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 111–112; *Stroev A. Des voyages en Antiquité // La lettre de voyage. Actes du colloque de Brest novembre 2004.* Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2007. P. 75.

⁵⁷³ Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев : Наукова думка, 1991. С. 122–129; Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М. ; Берлин : Палеограф, 2005. С. 85–97; Подосинов А. В.,

кабинетные исследователи конца XVIII – начала XIX в. пытались отыскать развалины «храма Дианы» в разных местах на южном берегу Крыма⁵⁷⁴.

Одним из тех, кто привлёк внимание к этому памятнику, была Екатерина II. Ещё в 1771 г. Вольтер в письме к императрице упомянул о приключениях Ифигении в Тавриде, сделав этот сюжет отличительным признаком Крыма⁵⁷⁵. Екатерина II воспользовалась подсказкой, не раз обыграв тему античного святилища. Образ святилища Артемиды-Дианы и его жрицы Ифигении стал важным элементом «актуализации античности» в российской государственной идеологии, интерпретировавшей русских как потомков и наследников древних греков. Тем самым они оказывались в числе «европейцев», а «покоренье Крыма» – не захватом чужого, но возвращением некогда утраченных владений⁵⁷⁶. Например, гравёр Карл Александрович Леберехт (1755–1827) использовал на гемме, выполненной в честь присоединения Крыма, и медали, отметившей крымское путешествие императрицы, девиз *OLIM DIANAЕ NVNC MINERVAЕ* – «[то, что] прежде [принадлежало] Диане, ныне [принадлежит] Минерве»⁵⁷⁷. Иначе говоря, русская императрица уподоблялась богине-воительнице Минерве (Афине) и оказывалась преемницей таврической Дианы.

Задумав пригласить на юг принца Шарля де Линя, Екатерина II пообещала ему царский подарок – имение в местах, где некогда совершались обряды в языческом храме. Разумеется, де Линь принял эту игру и в одном из писем к русской императрице сообщил, что предвкушает путешествие в Тавриду, и даже

Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г. Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков. М. : Аквилон, 2016. С. 50.

⁵⁷⁴ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. С. 93–95; Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 534–535; Храпунов Н. И. Христианские памятники Херсонеса и окрестностей в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. // Климентовский сборник. Севастополь : Телескоп, 2013. С. 375.

⁵⁷⁵ *Voltaire. Oeuvres complètes*. Т. 58. Paris : Exneaux, 1821. P. 152; [Екатерина II] Переписка российской императрицы Екатерины Второй с г. Вольтером. Ч. 2 / пер. с фр. М. Антоновского. СПб. : Императорская академия наук, 1802. С. 8–9.

⁵⁷⁶ Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 33–64; Проскурина В. Империя пера Екатерины II. Литература как политика. М. : НЛО, 2017. С. 160–194; Dickinson S. Russia's First "Orient"... P. 12–14, 23.

⁵⁷⁷ Путешествие в Крым : каталог выставки / сост. Э. Е. Пияева, Р. Н. Зеленков. СПб. : АРС, 2016. P. 25.

планирует в небольшом саду – «Ифигениополе» (то есть «городе Ифигении») установить статую своей покровительницы, которую предпочитает изваянию Дианы⁵⁷⁸. Позднее, напоминая принцу о необходимости присоединиться к путешествию, Екатерина II писала: «...месяц май [1787 г.] я употреблю на посещение страны, где, как говорят, некогда жила Ифигения. И правда, одно название этой страны пробуждает воображение, и потому нет таких вымыслов, которые не распускали бы по поводу моего путешествия и пребывания в Тавриде. Верно и то, что я рада буду увидеть вас снова»⁵⁷⁹. Де Линь присоединился к свите российской императрицы и, как уже говорилось, впоследствии издал мемуары об этой поездке, разошедшиеся огромным тиражом.

Во время путешествия на юг тема Ифигении не покидала спутников. Императрица писала своему многолетнему confidentу, немецкому публицисту и дипломату Фридриху-Мельхиору Гримму (1723–1807), что «храм Дианы принадлежит принцу де Линю», который направляется на полуостров в её обществе, а вот турецкий султан более не сможет посетить Тавриду⁵⁸⁰. Подобные слова в очередной раз выражали идеологию императрицы. Но, помимо этого, образ Ифигении позволил царице сыронизировать над репутацией де Линя – известного ловеласа. Как писал сам принц, «в угоду склонности моей к Ифигениям, она даровала мне местность, где находился храм, в котором дочь Агамемнона была жрицей»⁵⁸¹. Кажется, собеседники не знали, что жрицы Артемиды давали обет безбрачия.

Как бы то ни было, де Линь пришёл в искренний восторг от Крыма и от своего поместья, которое называл «Партеницкой» (*Partenizza*). Это название, очевидно, происходит от греческого *παρθένος* – «девица». Обычно думают, что оно

⁵⁷⁸ *Ligne Ch.-J. de. Correspondances russes / éd. A. Stroev, J. Vercausse. Paris : Honoré Champion, 2013. P. 140–142.*

⁵⁷⁹ *Ibid.* P. 145.

⁵⁸⁰ [Екатерина II] Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) // СИРИО. 1878b. Т. 23. С. 396.

⁵⁸¹ [Ligne Ch.-J. de] *Lettres et pensées...* P. 69.

находилось в селении Партенит близ Аю-Дага⁵⁸². Но записки самого де Линя и его товарищей по путешествию позволяют предложить и другую локализацию – близ Балаклавы и Георгиевского монастыря. К сожалению, архивных документов, способных дать однозначный ответ на этот вопрос, пока не обнаружено⁵⁸³.

По словам де Линя, он послал императрице рисунок Партеницы с видом на море и скалу, где он якобы начертал имена её императорского величества и одной из своих возлюбленных⁵⁸⁴. Не та ли эта акварель, которую написал упомянутый выше художник де ла Траверс, работавший у Потёмкина и даже сопровождавший в Крым российскую императрицу? Среди его рисунков есть один, названный «Мыс Партильон (на котором по преданию был храм Дианы, где Ифигения была жрицей), подаренный Екатериной II принцу де Линю»⁵⁸⁵. Гримму же бельгиец сообщил – по-видимому, скорее шутя, чем всерьёз – что соорудил на живописном утёсе, где некогда исполняла обряды Ифигения, храм, посвящённый российской императрице, а также жертвенник в честь дружбы князя Потёмкина⁵⁸⁶.

Впоследствии, вспоминая об этой поездке, де Линь писал, что задумывается о том, как бы поселиться в Крыму, построив здесь дворец, а также восемь домов для виноградарей, украшенных колоннами и балюстрадой⁵⁸⁷. В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся рисунки Хадфилда, который, очевидно, находился в свите российской императрицы во время южного путешествия 1787 г.⁵⁸⁸ На одном из них («Приморский вид в Крыму», инв. № ОР–3839) представлены окрестности Георгиевского монастыря на мысе Фиолент – лежащий в километре к северо-западу мыс, который в наше время носит имя Лермонтова, с пробитым волнами отверстием, которое именуют «гротом Дианы» (Приложение А, рис. 14). На берегу расположен дворец в ориентальном стиле и здание с колоннами,

⁵⁸² См.: Брагина Т. А., Васильева Н. В. Путешествие по дворянским имениям Крыма: краткий исторический путеводитель. Симферополь : Доля, 2005. С. 12–45; Краснолуцкий А. Ю. Южный берег Крыма. История имений и дач с 1783 по 1920 год. СПб : Крига., 2020. С. 823–824.

⁵⁸³ Храпунов Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»... С. 333–334.

⁵⁸⁴ *Ligne Ch.-J. de. Correspondances russes.* P. 245.

⁵⁸⁵ Александрова Н. Жан Балтазар де ла Траверс... С. 101, № 45; ср.: с. 11–12.

⁵⁸⁶ *Ligne Ch.-J. de. Correspondances russes.* P. 449.

⁵⁸⁷ [*Ligne Ch.-J. de*] *Lettres et pensées*... P. 70.

⁵⁸⁸ Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 336–337.

очевидно, символизирующее античный храмик. Выше по склону – татарское селение, а за ним – восемь странных построек в виде башенок с колоннадой между ними⁵⁸⁹. Создаётся впечатление, что Хадфилд дополнил реальный пейзаж фантазиями де Линя.

Где бы ни находилось поместье де Линя, российским властям Екатерининской эпохи не впервой было двигать древние названия по карте Северного Причерноморья. Не случайно Херсон и Севастополь, Одесса и Никополь оказались за сотни километров от своих древних мест. Француз Шарль де Пейссоннель, который в 1754–1757 гг. служил консулом в Крымском ханстве⁵⁹⁰, опубликовал исследование древностей Причерноморья, где попытался локализовать античные топонимы. В частности, он отождествил известный древним авторам мыс Парфений (греч. «девичий») с мысом Фиолент⁵⁹¹. Летом 1783 г. Потёмкин написал Екатерине II восторженное письмо, расхваливающее новое приобретение России: «В какие приятные стечения обстоятельств Бог Вам дал внуку Александру Павловну. <...> для неё взойдёт роща маслин у мыса, что в древности назывался Парфенион, то есть – девичий. Урочище сие при Балаклаве, тут был в древности Храм Дианин. Там Ифигения была жрицей»⁵⁹². Светлейший князь поручил изучение Крыма Габлицу, который решил (как и Пейссоннель, но не ссылаясь на француза), что древний храм должен был находиться там, где сейчас Георгиевский монастырь, т. е. на мысе Фиолент⁵⁹³. Исследованиями Крыма занимался и друг Габлица академик Петер-Симон Паллас. Он поместил место древнего храма по соседству, на выступающем в море скалистом гребне, в котором море проделало живописное сквозное отверстие. П.-С. Паллас полагал, что к этой локализации

⁵⁸⁹ Храпунов Н. И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь : Альбатрос, 2022. С. 255. Рис. 14.

⁵⁹⁰ Mézin A. Les consuls de France... P. 490–492.

⁵⁹¹ Peyssonnel [Cl-Ch.] de. Observations historiques et géographiques... P. 91.

⁵⁹² Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка... С. 181.

⁵⁹³ [Габлицу К. И.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних времен писателей, с тремя картами. СПб. : Типография Государственной медицинской коллегии, 1803. С. 17–18 и карта 1.

«ещё лучше применяется указание Страбона»⁵⁹⁴. Впрочем, античный географ ничего о «мысе с отверстием» не писал (*Strabo Geogr. 7.4.2*)⁵⁹⁵. Как бы то ни было, предложенная П.-С. Палласом локализация – это то самое место, которое зарисовал Хадфилд, дополнив его вымышленными постройками из фантазий де Линя.

Вероятно, красота и уединённость данной местности способствовали тому, что с этого времени описания и изображения окрестностей Георгиевского монастыря становятся чрезвычайно популярны. Большая их часть собрана в работе А.Л. Бертье-Делагарда⁵⁹⁶. Они парадоксальным образом утверждали в сознании читателей и зрителей мысль о связи христианского монастыря и языческой святыни, способствуя тому, что эта местность стала одной из важнейших крымских достопримечательностей. Путешественники старались связать с античным храмом встреченные поблизости развалины античных или средневековых построек.

Нередко при этом возникали фантастические истории. Пирс-Балтазар фон Кампенгаузен (1746–1808), состоявший секретарём для иностранной переписки при Потёмкине, писал: «На мысу, где Ифигения, дочь Агамемнона, совершала богослужения как жрица храма Дианы, находятся несколько разломанных мраморных колонн, капителей и других украшений, и прекрасный кусок мрамора, украшенный барельефами самой совершенной работы; этот блок составлял часть алтаря, и к нему ещё крепится большое бронзовое кольцо, к которому приковывали несчастных, предназначенных в жертву. Эти развалины лежат в запустении, не

⁵⁹⁴ Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / пер. с нем. А. Л. Бертье-Делагарда, С. Л. Белявской. М. : Наука, 1999. С. 43.

⁵⁹⁵ Страбон. География в 17 книгах / пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. М. : Наука, 1964. С. 282.

⁵⁹⁶ Бертье-Делагард А. Л. К истории христианства... С. 48–51, 72–108; см. также: Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig : Gottfried Martini, 1801. S. 89; Pl. 7; Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 2. СПб. : Императорская типография, 1805. Вид Георгиевского монастыря (литография); Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey. London : T. Cadell and W. Davies, 1810. P. 500–501; Гончарова Н. Н. Е. М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. М. : Искусство, 1987. С. 115, № 111; Александрова Н. Жан Балтазар де ла Траверс... С. 97, № 25; с. 101, № 45; с. 104, № 58; Храпунов Н. И. Христианские памятники Херсонеса... С. 373–376, 382–383, рис. 3–5; Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова... С. 118–123, № 50–52.

защищённые от непогоды...»⁵⁹⁷.

Не остались в стороне и монахи. На рисунке начала XIX в. (автором которого, вероятно, был художник Карл Кюгельхен, 1772–1831) представлена следующая сцена (Приложение А, рис. 15): монахи Георгиевского монастыря показывают путешественнику колонну, очевидно, местную достопримечательность⁵⁹⁸. По словам Павла Сумарокова и англичанина Эдварда Кларка (см. параграф 3.2), эту колонну нашли где-то поблизости и сочли частью античного капища Дианы⁵⁹⁹. Кларк в свойственной ему поучительной манере даже написал, что именно наличие монастыря указывает на прежде существовавший здесь языческий храм: «Ранние христиане, разрушив языческие постройки, почти всегда возводили новые здания, посвящённые своей собственной религии, на том же месте, и часто из материалов старых»⁶⁰⁰. По-видимому, знаменитый путешественник гордился тем, что ему удалось «отыскать» место древнего святилища. Во всяком случае, в письме к своему другу Уильяму Оттеру (1768–1840) он сначала укорил предшественников, изучавших древнюю топографию Причерноморье в тиши своих кабинетов, в том, что те, не видев местности собственными глазами, допустили множество ошибок, а затем с гордостью перечислил свои заслуги по «нанесению на карту» древних городов и храма Дианы⁶⁰¹.

Заметим, что почти любые старые колонны, которые в немалом количестве находили в Крыму, заставляли приезжих воображать какие-то древние храмы. Например, автор сентиментального путешествия (1815) Владимир Богданович

⁵⁹⁷ *Campenhausen B. von. Bemerkungen über Rußland. Besonders einige Provinzen dieses Reichs und ihre Naturgeschichte betreffend, nebst einer kurzgefaßten Geschichte der Zaporoger Kosaken, Bessarabiens, der Moldau und der Krimm. Leipzig : Friedrich Christian Dürr, 1807. S. 112; Храпунов Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // МАИЭТ. 2013. Вып. 18. С. 468.*

⁵⁹⁸ *Мальгина М. Р. Виды Крыма первой половины XIX в. Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь : СОНАТ, 2006. С. 33, 69, № 20.*

⁵⁹⁹ *Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 1. СПб. : Императорская типография, 1803. С. 201–202.*

⁶⁰⁰ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 216.*

⁶⁰¹ *Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke ; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge. New York : J & J Harper, 1827. P. 300.*

Броневский (1784–1835) сначала сообщил, что «время истребило и малейшие <...> приметы» святилища Дианы на Фиоленте, а затем, добравшись до горы Аюдаг, расположенной километров на 70 восточнее, обнаружил там мраморные столбы: «учёные полагают, что они принадлежат славному Парфенитскому Минервиному храму». Далее сообщается, что из близлежащей крепости «Фаос, жестокосердный царь Тавриды, низвергал всех иноплеменных в море»⁶⁰². Путешественник перепутал Артемиду (Диану) и Афину (Минерву), заставил приносить в жертву чужестранцев не в храме, а в крепости, принадлежавшей персонажу легенды об Ифигении – царю тавров Фоанту, и смешал упомянутое Страбоном святилище Парфений близ Херсонеса со средневековым селением Партенит у подножья Аюдага.

В любом случае, «фиолентовская» локализация Дианина храма осталась самой популярной. В 1824 г. Пушкин вспоминал о поездке в Крым: «К чему холодные сомненья? / Я верю: здесь был грозный храм, / Где крови жаждущим богам / Дымились жертвоприношенья...»⁶⁰³. Поэт не был согласен с учёным скептицизмом автора популярного описания полуострова Ивана Матвеевича Муравьёва-Апостола (1762–1851). Его рассказ о путешествии в Тавриду в 1820 г. по сути дела представляет собой исследование прошлого полуострова – по меткому выражению А.А. Формозова, автор «кроме руин, не замечает ничего»⁶⁰⁴. В отличие от большинства современников, Муравьёв-Апостол не просто цитировал древние источники, но подверг их критическому анализу. В итоге он заключил, «что хотя бы и не совсем отвергать басню об Ифигении, так по крайней мере признать должно в ней такие темноту и противоречие, что стараться извлечь из оной какую-нибудь историческую истину в отношении к нашей Тавриде есть дело совершенно невозможное»⁶⁰⁵.

⁶⁰² Броневский В. Обзорение южного берега Тавриды в 1815 г. Тула : Типография губернского правления, 1822. С. 23–24, 83–84.

⁶⁰³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : В 10 т. Т. 2. М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 213.

⁶⁰⁴ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. С. 41.

⁶⁰⁵ [Муравьёв-Апостол И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб. : Типография при особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. С. 86–92.

Однако романтическая вера де Линя и Пушкина оказалась куда устойчивее учёного скепсиса. Представление о связи между Ифигенией и российским Причерноморьем утвердилось в общественном сознании. Об этом свидетельствует даже то, что в составе Черноморского флота в 1834–1848 гг. был корвет «Ифигения»⁶⁰⁶. Сложно удержаться от следующего предположения. В общественном сознании закрепились мысль о том, что мыс Фиолент был сакральным центром начиная с глубокой древности. Параллельно утверждалась «виртуальная связь» языческого храма и христианского монастыря, проявлявшаяся не только через «единство места», но и через «языческие» колонны, которые монахи показывали заезжим посетителям. В итоге во второй половине XIX в. Георгиевский монастырь (как «преемник» античного храма) был без всяких на то оснований был отнесён к глубокой древности⁶⁰⁷.

На втором рисунке из коллекции Уэрсли изображён «Вид гавани и порта Балаклавы» (Приложение А, рис. 17). Подпись сообщает, что это «Вид города, порта, гавани и замков Балаклавы, расположенных на Чёрном море, в Таврике, напротив Синопа в Азии»⁶⁰⁸. Возможно, это описание навеяно словами де Пейссоннеля, рассуждавшего о положении Балаклавы относительно малоазиатских географических объектов⁶⁰⁹. Данный рисунок без указания авторства («С английской гравюры прошлого века») был воспроизведён на иллюстрации к классической монографии А. Г. Брикнера об истории Екатерининского царствования⁶¹⁰.

Балаклава – один из самых популярных сюжетов не только в описаниях путешественников, но и на рисунках конца XVIII – начала XIX в.⁶¹¹ Рисунок из

⁶⁰⁶ Чернышов А. А. Российский парусный флот : Справочник. Т. 2. М. : Военное издательство, 2002. С. 35.

⁶⁰⁷ Бертъе-Делагард А. Л. К истории христианства...

⁶⁰⁸ Museum Worsleyanum... 1824. Vol. 2. P. 59.

⁶⁰⁹ [Peyssonnel [Cl-Ch.] de. Observations historiques et géographiques... P. 92–93.

⁶¹⁰ Брикнер А. История Екатерины Второй. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1885. С. 423.

⁶¹¹ Pallas P. S. Bemerkungen... Pl. 9; Сумароков П. Досуги... Ч. 2. Балаклава (литография); Clarke E. D. Travels in Various Countries... 1810. P. 506–507; Гончарова Н. Н. Е. М. Корнеев... 115–116, № 110; Мальгина М. Р. Виды Крыма... С. 33, 71, № 22; с. 35, 93, № 46; Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова... С. 126–127, № 54; Храпунов Н. И. Прошлое Крыма глазами путешественников конца XVIII – начала XIX вв.: некоторые наблюдения // XX Боспорские

коллекции Уэрсли доказывает, что после присоединения Крыма к России сохранность средневековой крепости Чембало значительно превосходила современную. Кроме того, по изображениям жилых домов и мечетей в приморской части можно сделать определенные выводы об исторической топографии османской Балаклавы. В этом и заключается его источниковое значение для исследований генуэзского и османского периода в жизни городского центра.

Третий рисунок из собрания Уэрсли показывает «Вид Эски-Крыма, древней столицы Крымской Татарии, с Азовским морем» (Приложение А, рис. 18). Пояснение говорит: «На этой гравюре представлен вид Эски-Крыма, древней столицы Таврики, с Азовским морем на заднем плане. Повсюду в горах в окрестностях Эски-Крыма почва состоит из глинистого вещества, жирного и рыхлого, смешанного с кремнем; между горами расположена богатая, обширная долина, где находятся сады, луга и плодородная земля. Месторасположение прекрасно, по крайней мере для обозрения [окрестностей]; помимо разнообразных объектов, открывающихся взгляду в долине и горах, можно обнаружить расположенные между ними Черное море, Азовское [море] и [море] Сиваш, а между ними расположен Керченский полуостров»⁶¹².

Сведения о геологии и плодородии почв взяты, вероятно, из французского издания «Физического описания» Крыма Габлица⁶¹³. На гравюре представлен вид на край города, с холмами на заднем плане. Самое приметное изображение находится в левой части – это армянская церковь, посвящённая Богородице, с восьмигранным куполом на октагональном барабане, который покоится на четырёхугольном основании⁶¹⁴. Поскольку церковь до наших дней не сохранилась,

чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований : Материалы конференции. Симферополь ; Керчь : [б. и.], 2019. С. 603, рис. 2.

⁶¹² Museum Worsleyanum... 1824. Vol. 2. P. 61.

⁶¹³ [Hablitz C.-L.] Description physique de la contrée de la Tauride... P. 15–16, 42–43; ср.: [Габлиц К. И.] Физическое описание Таврической области... С. 12, 29.

⁶¹⁴ Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь : Бизнес-Информ, 2014. С. 44, 160–167; Кирилко В. П. Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. Симферополь : Феникс, 2008. С. 37–41.

любые её изображения представляют интерес для архитектурно-археологических исследований.

Вопреки названию рисунка и пояснению, на его заднем плане изображено не море, а равнина – точно также, как и на параллельной акварели Иванова⁶¹⁵. Очевидно, тексты написаны в Англии, когда реальные особенности старокрымского пейзажа позабылись. Отметим, что город, который ныне называется Старый Крым, лежит в ложбине между горами. Если оттуда и можно увидеть море, то одно – Чёрное. Зато приложенные к гравюре тексты позволяют проанализировать формирование стереотипов восприятия Крыма, нередко существенно искажавших реальность.

Традицию «видеть» из Старого Крыма три моря заложило сочинение де Линя, которое, как уже говорилось в главе 3, имеет форму писем к одной из возлюбленных принца. Старый Крым он упомянул один-единственный раз, причём, судя по дате и месту отправки письма, побывать там к тому времени ещё не успел: «В Старом Крыму, где [для Екатерины II] соорудили дворец, чтобы провести там одну-единственную ночь, передо мной открылось все самое интересное, что только есть в обеих частях света, почти до самого Каспийского моря – думаю, что это пародия на искушение Сатаны, который никогда не показывал ничего столь прекрасного Господу нашему. Выйдя из своей комнаты, я вижу с одного и того же места Азовское море, Чёрное море, море Сиваш и Кавказ»⁶¹⁶.

Эти мысли посетили путешественника в Бахчисарае, где он мог услышать (и плохо понять) чей-то рассказ о другом городе. Вероятно, от де Линя это описание попало к учёному поляку Станиславу Сестренцевичу-Богушу (1731–1826), католическому архиепископу могилёвскому, писавшему историю Крыма по поручению Потемкина⁶¹⁷. Сестренцевич лично побывал на полуострове, и,

⁶¹⁵ Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова... С. 58–59, № 20.

⁶¹⁶ [*Ligne Ch.-J. de*] *Lettres et pensées*... Р. 53, 51; ср.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб. : [б. и.], 1886. С. 463–471, 492–493, 496–497.

⁶¹⁷ *Попов М. А., Ганчар А. И.* Митрополит С. Богуш-Сестренцевич: формирование правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских

рассказывая о Старом Крыме, отметил: «Со второго этажа⁶¹⁸ епископского дворца видны три моря, Сиваш, Чёрное море, и море Азовское»⁶¹⁹. Неясно, пытался ли он сам осматривать окрестности или доверился предшественникам, а также откуда он мог вести наблюдения. По словам П.-С. Палласа, до 1800 г. резиденцией православного епископа в Старом Крыму было здание, некогда служившее дворцом крымских ханов⁶²⁰. По мнению В. Д. Смирнова, развалины, известные жителям Старого Крыма (а от них, надо думать, и П.-С. Палласу) как ханский дворец, на самом деле были остатками караван-сарая, но об их истинной функции со временем позабыли⁶²¹. Это было обширное строение, имевшее два яруса помещений – внизу находились животные и грузы, вверху жили люди. Имелось и несколько башен⁶²². Вполне возможно, что Сестренцевича сбил с толку не только слова де Линя, но и текст П.-С. Палласа, в котором говорится о видах с одной из вершин близ Карасубазара, причём в этом отрывке упомянут и Старый Крым, хотя гора находилась много западнее его⁶²³. Таким образом, проанализированные цитаты из каталога Уэрсли и истории Сестренцевича показывают, что путешественники нередко больше доверяли суждениям предшественников, чем собственным глазам, и в итоге накапливали и передавали ошибочные суждения.

Следует отметить, что из всех объектов, изображения которых попали в альбом Уэрсли, Старый Крым был наименее популярным сюжетом у

землях (конец XVIII – первая четверть XIX в.). Гродно : Гродненский государственный аграрный университет, 2012. С. 139–141; Храпунов Н. И. История о Гикий в истории изучения Херсонеса // АРХОИТ. Античные реликвии Херсонеса : открытия, находки, теории. Материалы научной конференции. Севастополь : [б. и.], 2019. С. 310–313; Храпунов Н. И. Легенда о Гикий, Станислав Сестренцевич-Богущ и Екатерина II // Stratum plus. 2021d. № 4. С. 321–331.

⁶¹⁸ Во французской традиции второй этаж (*second étage*) обычно соответствует нашему третьему. Однако переводчик сочинения могилевского архиепископа на русский язык по каким-то причинам поставил здесь «из второго жилья» (*Сестренцевич-Богущ С. История о Таврии [История царства Херсонеса Таврийского]*. Т. 1. СПб. : Типография Шнора, 1806. С. 32–33). Если верно, что епископский дворец находился в развалинах караван-сарая, о чём речь ниже, то этаж, скорее всего, был вторым и по русской мерке.

⁶¹⁹ *Sestrenczewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride*. Т. 1. Brunswick : Pierre-François Fauche et Comp., 1800. P. 22.

⁶²⁰ *Pallas P. S. Bemerkungen...* S. 257; *Паллас П. С. Наблюдения...* С. 115.

⁶²¹ *Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества*. 1886. Т. 1. Вып. 4. С. 283.

⁶²² *Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым...* С. 150–159.

⁶²³ *Pallas P. S. Bemerkungen...* S. 250–251; *Паллас П. С. Наблюдения...* С. 112.

путешественников и художников той эпохи. Немногие делали его зарисовки⁶²⁴. Описания же города весьма фрагментарны. Вероятно, связано это с тем, что город в буквальном смысле лежал в развалинах, а история его была почти забыта⁶²⁵.

Четвёртый рисунок из собрания Уэрсли представляет «Вид Каффы, или Феодосии» (Приложение А, рис. 20). Пояснения к нему сообщают следующее: «Вид Каффы, построенной в виде амфитеатра. С тех пор, как ею овладели русские, она вернула своё древнее имя Феодосия. Каффа построена греками в V веке на развалинах Феодосии; генуэзцы взяли её у татар в 1226 г., а спустя семьдесят один год венецианцы отобрали её у генуэзцев, которые вскоре во второй раз получили над ней власть и укрепили её. В 1474 году она попала в руки турок, после чего, разумеется, утратила и свою торговлю, и коммерцию, [до того] бывшие [весьма] значительными. В 1774 году турки уступили её России. Она находится на 44 градусах 58 минутах широты, на Эвксинском море⁶²⁶, недалеко от границ Черкесии»⁶²⁷. В основе этой не вполне точной исторической справки, вероятно, лежат сокращённые и искажённые сведения, собранные шведским учёным Иоганном Тунманном⁶²⁸.

Подобно Балаклаве и Бахчисараю, Каффа-Феодосия была одним из самых популярных объектов, которые описывали путешественники и рисовали художники⁶²⁹. Рисунок из собрания Уэрсли – вид с северо-востока на приморские укрепления генуэзского и османского времени, а также жилые кварталы с многочисленными мечетями – ценен для археологических, архитектурных и

⁶²⁴ См.: *Александрова Н. Жан Балтазар де ла Траверс...* С. 99, № 35; с. 102, № 52; с. 107, № 78–79; с. 115, № 95; с. 120, № 127; *Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова..* С. 10–11, 56–67, № 19–24.

⁶²⁵ *Храпунов Н. И. Старый Крым и его памятники...*

⁶²⁶ Эвксинское море или Эвксин – античное название Чёрного моря.

⁶²⁷ *Museum Worsleyanum...* 1824. Vol. 2. P. 63.

⁶²⁸ Ср.: *Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство.* С. 35.

⁶²⁹ *Pallas P. S. Bemerkungen...* Pl. 14; *Сумароков П. Досуги...* Ч. 2. [Рис.] Кафа; Остатки крепости в Кафе (литографии); *Гончарова Н. Н. Е. М. Корнеев...* С. 118, 119, № 114, 122; *Александрова Н. Жан Балтазар де ла Траверс...* С. 97, № 27; с. 103, № 56; *Мальгина М. Р. Виды Крыма...* С. 34, 75, № 28; *Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова...* С. 4, 6, 82–89, № 32–35; *Храпунов Н. И. Прошлое Крыма глазами путешественников...* С. 603, рис. 1; *Храпунов Н. И. О крымских акварелях Андрея Воронихина // БИ. 2020. Вып. 40. С. 235–236, рис. 1–5.*

топографических исследований, ведь многие зафиксированные им постройки до наших дней не сохранились.

Гравюры из каталога Уэрсли демонстрируют характерное для европейской живописи той эпохи стремление к идеализации и символизации реального мира. Потому на переднем плане показаны фигуры рыбаков и крестьян в идиллических позах, по морю плывут корабли с распущенными парусами, а утёсы и обрывы на южном берегу Крыма стали более отвесными, чем в действительности, приобретая тем самым куда более «выразительный» облик. Фигуры зрителей в экзотичных одеждах появляются и на некоторых изображениях памятников Греции, Египта и Константинополя из коллекции Уэрсли⁶³⁰. Ясно, что это общий принцип, которому следовал(и) художник(и).

Рисунки из собрания английского путешественника являются ценным источником как для изучения археологических памятников крымского средневековья, так и для понимания того, как воспринимали Крым иностранные путешественники, оказавшиеся здесь после присоединения полуострова к России в 1783 г. Известно, что Таврида существует не только как физическая реальность, но и как феномен коллективного воображения. Формирование её образов, актуальных до наших дней, но различающихся в разных культурах, началось после присоединения к России. Исследователи исторической имагологии обычно опираются на тексты⁶³¹, но рисунки также сыграли важную роль в закреплении определенных черт Крыма в общественном сознании. Они не просто рассказывали о неизвестном мире, но задавали зрителю и читателю правила восприятия этого мира. Картины, в том числе иллюстрировавшие путевые записки, способствовали превращению изображённых мест в туристические достопримечательности.

Феодосия, Балаклава и окрестности Георгиевского монастыря были очень популярны у художников, рисовавших их с разных ракурсов. На «таврических» рисунках из альбома Уэрсли всегда есть море. Даже если его нет на картине, как в

⁶³⁰ Museum Worsleyanum... 1824. Vol. 2. P. 17, 21, 23, 33, 35, 37, 55.

⁶³¹ Зорин А. Кормя двуглавого орла...; Sasse G. The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 2007. P. 35–81.

случае со старокрымским пейзажем, оно присутствует в описании. Наряду с горами, людьми в «восточных» одеждах, тонкими башнями минаретов и разрушающимися древними постройками, море стало неотъемлемой частью образа Крыма. Можно отметить близость этих тем с изображениями Турции, например, в русской культуре⁶³². Таким образом, рисунки способствовали формированию представлений о Крыме как части Востока в историко-культурном смысле⁶³³.

Для путешествующих живописцев основными достопримечательностями Крыма были приморские памятники восточной и юго-западной части полуострова, а также ханская столица в Бахчисарае. Фактически, они находились в границах той природной зоны, черты которой по принципу *pars pro toto* постепенно сформировали в общественном сознании образ Крыма. В этом образе фактически нет унылой степи, занимающей три четверти полуострова. Это хорошо понимал уже Дмитрий Борисович Мертваго (1760–1824), служивший таврическим губернатором в начале XIX в., человек здравомыслящий и хорошо разбиравшийся в крымской специфике: «Всякого звания, всякой нации люди, осматривая его (Крыма. – Н. Х.) красы в самое лучшее время года, описывали нагорные места, где, проезжая верхом по десяти вёрст в день, не упоминали о тех степях, чрез кои двести вёрст в сутки проскакивали»⁶³⁴. Так живопись способствовала формированию стереотипов, в той или иной степени далёких от реальности.

Следует отметить особую роль древних развалин на рисунках Крыма в конце эпохи Просвещения – начале эпохи Романтизма. Интерес к руинам памятников прошлого пробудился в России во второй половине XVIII в. под влиянием западной культуры. Этот процесс проходил медленно, причём интересом пользовались прежде всего греко-римские памятники, а ценность отечественной старины поначалу не воспринималась. По-видимому, присоединение Крыма с его богатейшим античным наследием (пусть до раскопок следующего столетия остававшегося в значительной мере виртуальным) сыграло свою роль в том, что

⁶³² См.: Ориентализм. Турецкий стиль в России...

⁶³³ Об этом см.: *Dickinson S. Russia's First "Orient"...*; *Храпунов Н. И.* «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»...; *Храпунов Н. И.* «Восток в Европе»...

⁶³⁴ *Мертваго Д. Б.* Записки (1760–1824). СПб. : Русская симфония, 2006. С. 125.

образованное русское общество стало интересоваться археологией⁶³⁵. Художники рубежа XVIII–XIX в. практически не рисовали крымские памятники античной и византийской эпохи, которые были популярной темой созданных путешественниками текстов. Вероятно, виной тому – плохая сохранность этих объектов, когда видневшиеся на поверхности земли остатки не казались достаточно выразительными и романтическими. Показательно отсутствие изображений Херсонеса – возможно, в том числе и потому, что он ещё не воспринимался как религиозная святыня⁶³⁶.

Известно, что зарубежные путешественники конца XVIII – первой половины XIX вв. были склонны обвинять русских в бессмысленном уничтожении археологических памятников Крыма. Зачастую это было «общее место» путевых записок, которые следовали книжной традиции, а не наблюдаемым реалиям. Иногда такого рода выводы использовали как «идеологическое оружие», направленное против России⁶³⁷. Визуальные источники, из каталога коллекции Уэрсли, в частности, доказывают, что подобные обвинения имели под собой некоторую почву, ведь сохранность представленного на рисунках значительно превосходит то, что можно увидеть сегодня. Есть и вполне объективные рассказы очевидцев, свидетельствующие о разрушении памятников древности, например, в Херсонесе⁶³⁸. Несмотря на то, что российское правительство и частные лица

⁶³⁵ *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. С. 17–114; *Шёнле А.* Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени / пер. с англ. А. Степанова. М. : НЛО, 2018. С. 10–77.

⁶³⁶ *Храпунов Н. И.* Как Херсонес стал центром русского православия...; *Храпунов Н. И.* Христианизация Крыма и превращение Херсонеса в православную святыню // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 305–326.

⁶³⁷ *Орехов В. В.* В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород : Растр, 2017. С. 84–252; *Храпунов Н. И.* Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3. С. 116–132; *Храпунов Н. И.* Эдвард Кларк, Реджинальд Хебер и формирование представлений о Крыме в культуре Запада // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 224–225, 231–236; подробнее см. параграф 3.2.

⁶³⁸ *Храпунов Н. И.* Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. 17. С. 598, 601–604.

предпринимали меры к изучению и сохранению культурного наследия региона⁶³⁹, множество памятников было разобрано на строительные материалы или просто обветшало и разрушилось от времени⁶⁴⁰.

В определенном отношении древности Крыма стали настолько важной составляющей его образа, что оттеснили на второй план многие современные путешественникам реалии. Это было ясно уже Мертваго: «История Крыма в отдалённых временах довольно известна всем, кто читать умеет. Надобно только заметить, что древние писатели говорили о нем слегка; а новейшие бумагомаратели, вытаскивая из пыли лоскутья Страбона и прочих и раздувая каждое слово, увеличивая хорошее, умалчивая худое, затмили истину»⁶⁴¹. Таврический губернатор имел в виду вещи практические. Например, создавая проекты развития полуострова, путешественники предпочитали апеллировать к делам давно минувших дней, то есть к успехам древних греков и средневековых генуэзцев, позабыв о том, что времена изменились⁶⁴². В ту эпоху записки путешественников были основным источником сведений о дальних странах, нередко определявшим действия политиков или предпринимателей. Но довольно быстро выяснилось, что хотя жители античных городов процветали благодаря земледелию и торговле, а понтийский царь Митридат VI Евпатор (ок. 132–63 до н. э.) и средневековые генуэзцы извлекали из своих крымских владений существенные доходы, исторический опыт не работал в Новое время. Фантастической становилась и история Крыма. К уже перечисленным сюжетам добавилась, например, история о могиле Митридата VI в Керчи, порождённая не источниками, а словами трагедии Жана Расина⁶⁴³, или же представление о том, что

⁶³⁹ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 39–54.

⁶⁴⁰ Маркевич А. И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич. Страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 274–276.

⁶⁴¹ Мертваго Д. Б. Записки. С. 124.

⁶⁴² См.: Храпунов Н. И. Зарубежные путешественники о будущем Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 75–91.

⁶⁴³ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. С. 85–87; Храпунов Н. И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. //

«пещерные города» являются свидетелями потопа, когда большая часть полуострова лежала на дне моря⁶⁴⁴. Публикация каталога Уэрсли, очевидно, сыграла свою роль и в популяризации Тавриды, и в превращении её отдельных памятников в туристические достопримечательности, и в популяризации мифов об отдельных объектах.

Российская империя и Крым / ред. Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 245–247.

⁶⁴⁴ Храпунов Н. И. Мангупское городище в трудах путешественников... С. 421–422; Храпунов Н. И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников... 2020. С. 250–251.

ГЛАВА 3. СОЧИНЕНИЯ УЧЕНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

3.1. Маттью Гатри

Доктор медицины Маттью Гатри (Matthew Guthrie, 1743–1807), шотландец по происхождению, большую часть жизни провёл в России и совершенно обрусел. Искренне полюбив новую родину, он посвятил ей несколько книг и множество журнальных статей. Это был человек уникального кругозора и обширных интересов, включавших не только медицину, но и археологию, историю, этнографию, музыку и многое другое. Среди прочего, Гатри принадлежит одно из первых масштабных описаний Северного Причерноморья и Крыма. Оно стало путеводителем и справочником по истории и археологии региона, по меньшей мере, для целого поколения российских и иностранных подданных. Различные аспекты жизни Маттью Гатри и, особенно, его разнообразных научных трудов не раз становились предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей⁶⁴⁵.

⁶⁴⁵ Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших о России. Т. I. М. : Московитянин, 1845. С. 155–156; Азадовский М. К. История русской фольклористики. М. : Институт русской цивилизации, 2014. С. 99–103; Sweet J. M. Matthew Guthrie (1743–1807): An Eighteenth-Century Gemmologist // *Annals of Science*. 1964. Vol. 20. No. 4. P. 245–302; Papmehl K. A. Matthew Guthrie – The Forgotten Student of 18th Century Russia // *Canadian Slavonic Papers*. 1969. Vol. 11. No. 2. P. 167–181; Papmehl K. A. An Eighteenth-century English Translation of a Ukrainian Folk Song // *Canadian Slavonic Papers*. 1982. Vol. 24. No. 2. P. 175–180; Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи... С. 135–136; Наливайко Д. Очима Заходу: рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. Київ : Основи, 1998. С. 502–504; Гункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 50, 52, 379, 427–428, 473, 476, 502, 504, 534; Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 163–169; Gassner F. Imagining Russia : A Scottish Perspective // *Journal of Irish and Scottish Studies*. 2011. Vol. 5. Iss. 1. P. 41–42; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки*. 2015. № 4. С. 157–170; Храпунов Н. И. Прошлое, настоящее и будущее Крыма глазами «русского шотландца» Маттью Гатри // *Новое прошлое / The New Past*. 2019. № 2. С. 20–35.

Биография шотландского врача изучена достаточно хорошо⁶⁴⁶. Гатри родился в Эдинбурге, в семье профессионального писателя, происходившего из известного шотландского рода – сведения об их предках встречаются в анналах истории с начала XVI в. Гатри учился на врача в Эдинбургском университете, но во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. принял решение перебраться в Россию, ещё не закончив образования. Степень доктора медицины он получил через несколько лет в родной Шотландии, в Эдинбурге или в Сент-Эндрюсском университете. Во время упомянутой войны с турками Гатри побывал в Крыму. Поездка в Причерноморье, изобиловавшее памятниками античности, вероятно, стимулировало интерес молодого врача к археологии и коллекционированию. После окончания войны Гатри оказался в Петербурге, где с 1778 г. до самой смерти занимал пост главного врача Кадетских корпусов. В 1797 г. Павел I даровал Гатри чин статского советника (дававший права потомственного дворянства) и дополнительное ежегодное содержание в 500 рублей (Приложение А, рис. 22).

Служба при Кадетских корпусах оставляла достаточно времени для светской жизни, коллекционирования и научных занятий. Уильям Кокс оставил пространное описание опытов Гатри по замораживанию ртути⁶⁴⁷, а француз Альфонс Форсия де Пилес (1758–1826) рассказал о собранной шотландцем коллекции сибирских минералов⁶⁴⁸. Истинный человек эпохи Просвещения, Гатри обладал разносторонними интересами, энциклопедическими познаниями и невероятной энергией. Помимо профессиональных занятий медициной, он изучал ботанику и геммологию, естественную историю и археологию, музыку и фольклористику, историю и этнографию. Опубликованные книги и статьи принесли ему известность в научных кругах и позволили стать членом нескольких российских и английских учёных обществ. Когда в 1790 г. в Эдинбурге начал выходить популярный журнал

⁶⁴⁶ *Sweet J. M. Matthew Guthrie...* P. 245–250; *Papmehl K. A. Matthew Guthrie...* P. 168–170; *Кросс Э. Британцы в Петербурге...* С. 163–169.

⁶⁴⁷ *Coxe W. Travels in Poland, Russia, Sweden, and Denmark. 5th ed. Vol. 2. London : T. Cadell, Jun. and W. Davies, 1802. P. 180–195.*

⁶⁴⁸ [*Fortia de Piles A.*] *Voyage de deux français en Allemagne, Danemarck, Suède, Russie et Pologne, fait en 1790–1792. T. 3 : Russie. Paris : Desenne, 1796. P. 48–50.*

The Bee («Пчела»), Гатри стал его корреспондентом, снабжая редакцию статьями на самые разные темы. Это были исторические и биографические очерки, литературные опыты и критика, научные новости, заметки по российской этнографии и минералогии, записки об охоте и многое другое. Статьи свои он подписывал латинским псевдонимом *Arcticus* («северный» или «медвежий»), очевидно, намекая на беспокоивший его современников вопрос, к какой географической области принадлежит Россия – к Северу или Востоку Европы?⁶⁴⁹

В 1781 г. доктор Гатри женился на овдовевшей француженке Мари Дюнан (?–1800), урождённой Ромо-Сюрвен⁶⁵⁰. Издатели словаря «Французы в России в эпоху Просвещения» предположили, что её первым мужем был секретарь британского посольства в Петербурге. Ещё до брака с доктором Гатри француженка служила в Смольном институте (Императорском воспитательном обществе) благородных девиц. Не вполне понятно, какую должность она занимала. По словам Е. Лихачёвой, в 1775 г. г-жа Дюнан в течение нескольких месяцев была «правительницей», то есть заместителем начальницы Института, но затем сама отказалась от этой должности⁶⁵¹. На титульном листе посвящённой её памяти сочинения Маттью Гатри фигурируют слова *formerly acting directress* («в прошлом исполнявшая обязанности директрисы») – быть может, это перевод звания «правительницы»⁶⁵². Митрополит Евгений (Болховитинов) назвал другую должность – «главная надзирательница»⁶⁵³. Наконец, не исключено, что она исполняла должность «инспектрисы», или «надзирательницы возраста», отвечавшей за класс девиц-одногодок, которой подчинялись преподаватели

⁶⁴⁹ Нойманн И. Б. Использование «Другого»... С. 111–124; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 241–245.

⁶⁵⁰ О ней см.: *Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier* / éd. A. Mézin, V. Rjéputski. T. 2 : Notices. Ferney-Voltaire : Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2011. P. 721.

⁶⁵¹ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). Ч. 1 (1086–1796). СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. 209.

⁶⁵² *Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, or Crimea, the Antient Kingdom of Bosphorus, the Once-Powerful Republic of Tauric cherson, and All the Other Countries on the North Shore of the Euxine, Ceded to Russia by the Peace of Kainargi and Jassy* / ed. M. Guthrie. London : T. Cadell, jun., and W. Davies, 1802. 446 p.

⁶⁵³ Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей... С. 156.

отдельных предметов⁶⁵⁴. Брак оказался удачным. У супругов Гатри родились три дочери, одна из которых рано умерла, а две вышли замуж за иностранцев и впоследствии покинули Россию.

В своём доме супруги Гатри гостеприимно принимали оказавшихся в Петербурге европейцев. Хозяева всегда были готовы оказать оказавшимся на чужбине моральную и материальную поддержку⁶⁵⁵. Уроженец Венесуэлы Франсиско де Миранда (1750–1816), не раз бывший у них в гостях, назвал мадам Гатри «лучшей в мире женщиной»⁶⁵⁶. Ему было с чем сравнивать: дневники де Миранды полны циничных описаний великосветских дам и любовных походов автора, кажется, предпочитавшего простолюдинок. Но семейное счастье не уберегло мадам Гатри от роковой болезни (туберкулёза?). Покинув мужа, она отправилась для поправки здоровья на юг России – сначала в Крым, а затем в Таганрог. Поездку она совершила в компании прославленного учёного, академика П.-С. Палласа, его супруги и дочери, отправлявшихся в Крым на постоянное жительство в 1795 г. Сохранился официальный документ – письмо правителя Таврической области Семёна Семёновича Жегулина (ок. 1733–1823) Екатеринославскому, вознесенскому и таврическому генерал-губернатору и фавориту Екатерины II Платону Александровичу Зубову (1767–1822) от января 1796 г., из которого следует, что всесильный временщик приказал оказать «госпоже докторше Гутри <...> всевозможные вежливости при приёме её, так и всякое <...> пособствование»⁶⁵⁷. Из этого письма следует, что в Крыму мадам Гатри провела немного времени в сентябре 1795 г., а затем отправилась в Николаев, причём вместе с ней приезжал вице-адмирал и главный командир Черноморского флота Николай Семёнович Мордвинов (1754–1845). Указанный документ свидетельствует о том, что супруги Гатри пользовались покровительством высших

⁶⁵⁴ См.: *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914. Т. 1. СПб. : Государственная типография, 1914. С. 233.

⁶⁵⁵ *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской империи / пер. с исп. М. С. Альперовича, В. А. Капанадзе, Е. Ф. Толстой. М. : Наука/Интерпериодика, 2001. С. 260–301.

⁶⁵⁶ Там же. С. 310.

⁶⁵⁷ Присоединение Крыма... С. 340, № 258.

сановников империи. Однако поездка на юг не смогла помочь мадам Гатри, которая скончалась 31 марта 1800 г.⁶⁵⁸

В 1802 г. Маттью Гатри опубликовал посвящённое памяти супруги «Путешествие, предпринятое в 1795-6 годах, по Тавриде, или Крыму, древнему Боспорскому царству, некогда могущественной республике Таврический Херсон и всем остальным странам на северном берегу Эвксина, уступленных России по Кайнарджийскому и Ясскому миру»⁶⁵⁹. Доктор Гатри назвал себя «редактором» книги, основу которой якобы составили письма его покойной жены, переведённые с французского на английский, отредактированные и снабжённые обильными иллюстрациями, комментариями и приложениями. Книга посвящена императору Александру I. Она состоит из редакторского введения, 93 писем от имени Марии Гатри, семи дополнительных писем, написанных её мужем (таким образом, всего в книге писем 100), и семи приложений, рассказывающих о различных археологических находках, сделанных в Причерноморье. Маттью Гатри утверждал, что перевёл письма своей супруги с французского на английский, отредактировал и снабдил иллюстрациями и приложениями⁶⁶⁰.

Разумеется, во время длительной поездки на юг мадам Гатри вполне могла писать оставшемуся в Петербурге мужу, рассказывая о своих дорожных впечатлениях. Однако характер опубликованных писем оставляет мало сомнений в том, что их истинным автором был сам доктор Гатри⁶⁶¹. «Письма» в этой книге являются аналогом глав – они дробят повествование на фрагменты приблизительно одинаковой длины. Это вымышленное путешествие, основанное главным образом на материалах, собранных доктором Гатри в Петербурге. Как уже говорилось в главе 3, в XVIII в. книгам путешествий нередко умышленно придавали форму писем, чтобы вызвать у читателя большее доверие к автору. Но подобный приём

⁶⁵⁸ *Sweet J. M. Matthew Guthrie...* P. 249, note 16a.

⁶⁵⁹ *Guthrie M. A Tour...*

⁶⁶⁰ *Ibid.* P. v–viii.

⁶⁶¹ *Papmehl K. A. Matthew Guthrie...* P. 174; *Татаринцева Р. И.* Из истории британско-русских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 595; *Храпунов Н. И.* Херсонес в описаниях европейских путешественников... С. 604–605; ср.: *Кросс Э.* Британцы в Петербурге... С. 166.

использовали и «кабинетные» авторы философских и литературных произведений, персонажи которых были полностью вымышленными, например, Шарль де Монтескьё («Персидские письма», 1721), Оливер Голдсмит («Гражданин мира, или письма китайского философа», 1760), Самьюэл Ричардсон («Памела, или Вознагражденная добродетель», 1740), Иоганн-Вольфганг Гёте («Страдания юного Вертера», 1774) и Пьер Шодерло де Лакло («Опасные связи», 1782). Существовал и ряд вымышленных путешествий в Россию эпохи Екатерины II, авторам которых иногда удавалось вводить в заблуждение современников⁶⁶². Таким образом, Гатри продолжил эту традицию в книге, призванной призванному рассказать публике о далёком малоизвестном регионе, который благодаря российской экспансии привлёк всеобщее внимание. С помощью мистификации он, очевидно, хотел почтить память любимой жены. Использованный шотландцем литературный приём – маскировка собственного творчества под перевод из другого писателя – до сих пор сохраняет актуальность. Достаточно вспомнить, что автор знаменитого современного романа якобы читал французский перевод записок Адсона из Мелька, который «непроизвольно» перевёл на итальянский – и тем самым укрылся за образами нескольких «посредников»⁶⁶³.

Бросается в глаза, что в книге Гатри почти совершенно отсутствуют бытовые детали, которые являются необходимой частью путевых записок, например, рассказы о трудностях путешествия, гостиницах, найме лошадей, дорогах, проводниках, сложностях перевода, разного рода приключениях и пр. Нет ни слов о болезнях автора, ни вопросов о положении дел дома, ни приветов знакомым и пр. Язык приглажен и отредактирован, тем самым мало напоминая письма, сочинённые в краткие моменты отдыха в дороге. Разделение на письма условное, потому повествование может неожиданно обрываться в самых необычных местах, например, посреди рассказа об истории древнего города – Херсонеса, Феодосии или Пантикапея. Хотя в книге иногда встречаются ссылки на якобы виденное

⁶⁶² Cross A. G. The Armchair Traveller “in” Catherine II’s Russia // Россия, Запад, Восток : встречные течения. СПб. : Наука, 1996. С. 313–321.

⁶⁶³ Эко У. Имя розы / пер. с ит. Е. Костюкевич. Воронеж : Фолиант, 1993. Р. 3–7.

собственными глазами, но эти фрагменты слишком литературны, а потому вполне могли быть сочинены в Петербурге. Отмеченные моменты станут особенно ясны, если сравнить «письма» Гатри с отправленными примерно в то же время письмами Эдварда Кларка и Реджинальда Хебера, также побывавшими в Крыму (подробнее см. параграфы 3.2 и 3.3). Стиль и язык последних отличаются настолько сильно, что всякие сомнения должны исчезнуть⁶⁶⁴. Наконец, только «кабинетным» характером травелога можно объяснить появление в нем ряда неточностей, которых наверняка избежал бы реальный путешественник. Так, между Николаевом и Херсоном рассказчица оказалась в Овидиополе и Одессе, сделав ненужный крюк, который, однако, позволил описать эти города и археологические находки в окрестностях⁶⁶⁵. В дальнейшем дважды сказано, что Бахчисарай стоит на реке Каче⁶⁶⁶, хотя в реальности через город протекает правый приток Качи – речка Чурук-Су. Ну а средневековый город Мангуп оказался на вершине горы над долиной греческого селения Марианполь, близ Успенского монастыря, то есть километрах в 20 по прямой линии от его реального места⁶⁶⁷. Итак, «Путешествие, предпринятое в 1795-6 годах, по Тавриде, или Крыму», представляет собой псевдо-травелог, сочинённый в петербургском кабинете Маттью Гатри по материалам опубликованных источников, описаний Крыма и путевых записок, быть может, с использованием некоторых, тщательно переработанных писем покойной Марии.

Уже говорилось, что об очень популярном травелоге в письмах англичанки Мери Уортли-Монтегю, письма которой рассказали соотечественникам (и не только им) о жизни османской столицы в начале XVIII в. Гатри должен был знать и об этой книге, и о записках взявшей её за образец Элизабет Крейвен, имя которой встречается в сочинении шотландца⁶⁶⁸. Таким образом, образованный читатель должен был поместить «сочинение мадам Гатри» в небольшую группу дамских

⁶⁶⁴ Ср., например: *Otter W. The Life and Remains...; [Heber A.] The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his widow. Vol. 1. New York : Protestant Episcopal Press, 1830a. 638 p.*

⁶⁶⁵ *Guthrie M. A Tour... P. 9–32.*

⁶⁶⁶ *Ibid. P. 72, 76.*

⁶⁶⁷ *Ibid. P. 86.*

⁶⁶⁸ *Ibid. P. 61.*

травелогов. Следует отметить и то, что предметом особого интереса Маттью Гатри было античное прошлое. Шотландец читал знаменитое «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию» (1788) французского историка и археолога Жан-Жака Бартеlemi (1716–1795), в котором жизнь древней Эллады была показана глазами вымышленного героя, прибывшего из Скифии. Эта книга была популярна не только на Западе, но и в России⁶⁶⁹. Имя Бартеlemi не раз появляется на страницах книги Гатри⁶⁷⁰. Интересно, что Греции и греческой античности лучшую рекламу создали современники Гатри, антиквары, искусствоведы и литераторы, в реальности там никогда не бывавшие – например, Иоганн Винкельман (1717–1768), Готтольд Лессинг (1729–1781), Иоганн-Вольфганг Гёте (1749–1832), Фридрих Шиллер (1759–1805), Фридрих Гёлдерлин (1770–1843)⁶⁷¹. Предпринятая Гатри мистификация и написанная им книга вполне укладывается в современную ему традицию.

Вводя фигуру рассказчика, оказавшегося в неведомой стране, автор мог с одной стороны оживить повествование, а с другой – завладеть доверием читателя. Хотя героиня Гатри перемещается в пространстве, на самом деле встречающиеся на её пути географические пункты – лишь повод обратиться к истории того или иного города или микрорегиона. Например, пять писем «из Керчи» почти ничего не говорят о состоянии города в конце XVIII в., а описание средневековой церкви Иоанна Предтечи, очевидно, взято из сочинения П.-С. Палласа⁶⁷². Зато в этих письмах подробно рассказывается об античной географии и истории Керченского полуострова, о правлении понтийского царя Митридата VI и его войнах с римлянами, а также о жизни Боспора в византийское время⁶⁷³.

Гатри удалось сбить с толку современников. Хотя ссылки на эту работу легко отыскать в большинстве записок путешественников начала XIX в., никто из них,

⁶⁶⁹ Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М. : НЛЮ, 2006. С. 112.

⁶⁷⁰ Guthrie M. A Tour... P. 29–30, 337, 338, 344.

⁶⁷¹ Eisner R. Travelers to an Antique Land... P. 76.

⁶⁷² Guthrie M. A Tour... P. 172; ср.: Паллас П. С. Наблюдения... С. 121, 123.

⁶⁷³ Guthrie M. A Tour... P. 158–174.

кажется, не догадывался, кто был её истинным автором. Например, Бальтазар фон Кампенгаузен увидел в книге Гатри излишний романтизм, свойственный женской натуре, но искажающий картину вещей: «Описание Крыма, которое сделала г-жа Гатри, написано в развлекательном стиле, но оно ни в коем случае не верно; воспользуюсь же правом сделать несколько комментариев ко многим её наблюдениям. Не собираюсь намекать на то, что она умышленно исказила факты; но всё то, что романтично, имеет особое очарование в женских глазах; тогда как я, будучи старым кавалерийским офицером, надо полагать, буду менее восприимчив к иллюзорным явлениям»⁶⁷⁴. Не всегда делая отсылку к сочинению Гатри, фон Кампенгаузен несколько раз её процитировал, иногда дискутируя с ней, а иногда уточняя соответствующие описания⁶⁷⁵. Но обманываться продолжают и многие наши современники, считающие Марию Гатри реальными автором «Путешествия»⁶⁷⁶. Так, М.-С. Андерсон, автор монографии, посвящённой изучению России в английской культуре, назвал именно мадам Гатри автором важнейшим из всех описаний Крыма конца XVIII – начала XIX в.⁶⁷⁷.

Впрочем, это не самая удивительная трактовка анализируемого сочинения. В статье о «крымских» травелогах конца XVIII–XIX вв. А.А. Непомнящий, видимо,

⁶⁷⁴ *Campenhausen B. von. Bemerkungen über Rußland...* S. 100; *Храпунов Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России...* С. 459.

⁶⁷⁵ Ср: *Campenhausen B. von. Bemerkungen über Rußland...* S. 108–111; *Guthrie M. A Tour...* P. 83, 91–92, 116–118, 202–203; см. также: *Храпунов Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России...*

⁶⁷⁶ *Тункина И.В. Русская наука о классических древностях...* С. 50, 52, 379, 427–428, 473, 476, 502, 504, 534; *Kizilov M. Karaites through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites according to the Descriptions of the Travelers.* New York : Centre for the Promotion of Karaite Studies, 2003. P. 66, 72, 158; *Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.). // БИАС. 2006. Вып. 3. С. 223; Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера...* С. 20–32; *Герардини О. Н. Описание Судака в записках Гутри М. (перевод писем) // Материалы II научной конференции «Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и этнологии Юго-Восточного Крыма. Новый Свет : Афинейон, 2009. С. 116; Каушлиев Г. С. Вклад английских путешественников...* С. 104–106; *Авсенева С. Н. Керчь, ее округа и достопримечательности в сочинениях путешественников конца XVIII – первой половины XIX века.* Барнаул : Си пресс, 2015. С. 8–9, 51, 142, 157, 221; *Тимиргазин А. Д. Судак. Хроника российского периода (1783–1917).* Симферополь : СГТ, 2015. С. 38–40; *Непомнящий А. А. Записки путешественников о Крыме // История Крыма. Т. 2. М. : Кучково поле, 2018. С. 376–377; Мелвин М. История Крыма и Севастополя...* С. 105, 126.

⁶⁷⁷ *Anderson M. S. Britain's Discovery of Russia...* P. 84, note 1.

желая подчеркнуть значение «мемуаров Марии Гатри», пишет: «в Карасубазаре миссис Гатри, основываясь на свидетельствах Птолея и византийца Маврия Кастроны, сделала предположение, что город стоит на месте древнего селения Портакра»⁶⁷⁸. Излишне говорить, что человек по имени Маврий Кастрон неизвестен византологам. Он появился в результате безграмотного перевода следующей фразы из источника, характеризующей татарский город Карасубазар (ныне Белогорск): *It was the Mavron Kastron of the Byzantine writers, and then a city of the first rank in the (Crimean. – N. K.) peninsula...*⁶⁷⁹ На самом деле она означает: «Это был Маврокастрон византийских писателей, в то время город первого класса на (Крымском. – Н. Х.) полуострове...». Греческое *μαυρόν κάστρον* или *μαυρόκαστρον* означает «чёрный замок» или «чёрная крепость». Достоверно известно два средневековых города с таким названием – один находился в устье Днестра⁶⁸⁰, второй в Малой Азии⁶⁸¹. Ошибочную информацию о крымском Маврокастроне Маттью Гатри, нужно думать, позаимствовал у Иоганна Тунманна. Шведский же учёный, вероятно, использовал сочинение Луки Уоддинга (1588–1657) об истории францисканцев, где среди миссий этого ордена в Золотой Орде на рубеже XIV–XV вв. перечислены подряд *Maurum* и *Castrum*⁶⁸². Далее в указанной статье сообщается, что «книги» (?) Марии Гатри впоследствии переиздавались, а «в Лондоне в 1874 г. была опубликована оригинальная переработка её писем»⁶⁸³. Разумеется, эта «переработка» – такая же фикция, как и «византиец Маврий

⁶⁷⁸ *Непомнящий А. А.* Записки путешественников о Крыме. С. 377.

⁶⁷⁹ *Guthrie M.* A Tour... P. 196.

⁶⁸⁰ *Ševčenko I.* The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. Vol. 25. P. 158.

⁶⁸¹ *Ramsay A. W.* The Historical Geography of Asia Minor. Amsterdam : Adolf M. Hakkert, 1962. P. 267.

⁶⁸² *Ševčenko I.* The Date and Author... P. 157–160; ср.: *Wadding L.* *Annales Minorum seu Trium Ordinum a S. Francisco Institutorum*. Т. 9. 2 ed. Roma : Typis Rochi Bernabo, 1734. P. 233; *Тунманн [И.-Э.]*. Крымское ханство. С. 34. Гатри мог воспользоваться одним из нескольких изданий работы Тунманна (*Thunmann [J. E.]*. *Der Krimische Staat*. 1777. S. 1913; [*Thunmann J. E.*] *Der Krimische Staat* // A. F. Büschings große Erdbeschreibung. Bd. 4 : Das asiatische Rußland und die krimische Tartarei. Troppau : Joseph Georg Traßler, 1784. S. 348; [*Thunmann J. E.*] *Der Krimische Staat* // A. F. Büschings große Erdbeschreibung. Bd. 4 : Das asiatische Rußland und die krimische Tartarei. Troppau : Joseph Georg Traßler, 1785. S. 348; *Thunmann [J. E.]*. *Description de la Crimée* / tr. d'all. Strasbourg : J. G. Treuttel, 1786. P. 43).

⁶⁸³ *Непомнящий А. А.* Записки путешественников о Крыме. С. 377.

Кастрон»: речь идёт о сочинении однофамилицы Марии Гатри – Катрин-Бланч Гатри⁶⁸⁴. Помимо рассказа о поездке в Крым, она издала описание путешествий по Индии⁶⁸⁵. Из содержания книги Катрин-Бланч Гатри о поездке в Россию следует, что она не имеет отношения к травелогу, изданному в 1802 г.

Как бы то ни было, травелог Марии/Маттью Гатри действительно оказался одним из самых подробных и самых цитируемых современниками и потомками рассказов о Тавриде. Учитывая это обстоятельство, не удивительно, что отдельные его фрагменты переводились на русский язык⁶⁸⁶.

Хотя формально это сочинение посвящено путешествию, главный интерес доктор Гатри испытывал к истории Причерноморья. Он прямо сказал во Введении: «это путешествие, вероятно, будет принято публикой, ведь оно рассказывает о странах, веками скрытых от образованных путешественников варварской политикой невежественных туток, но некогда прекрасно известных древним, так что их можно назвать классической землёй, подобно греко-римской истории со дней Геродота до падения Восточной Римской империи, особенно же знаменитый Таврический Херсонес; но таковым было забвение, в котором оказались эти интереснейшие страны Европы с той поры по указанной выше причине, что, как полагают, древнегреческие колонии расположенные на северном берегу с торговой республикой Таврического Херсона, древним царством Киммерийского Боспора и прочими...»⁶⁸⁷. Можно вспомнить, помимо всего прочего, что Гатри состоял в Шотландском обществе древностей⁶⁸⁸. В эпоху Просвещения античность постепенно входила в моду в Западной Европе. Были опубликованы классические

⁶⁸⁴ *Cross A. G.* In the Land of the Romanovs... P. 255, no. 1113.

⁶⁸⁵ *Guthrie [K. B.]*. Through Russia : from St. Petersburg to Astrakhan and the Crimea. 2 vols. London : Hurst and Blackett, 1874. 324 + 287 p.; *Guthrie [K. B.]*. My Year in an Indian Fort. 2 vols. London : Hurst and Blackett, 1877. 313 + 285 p.; *Guthrie [K. B.]*. Life in Western India. 2 vols. London : Hurst and Blackett, 1881. 320 + 292 p.

⁶⁸⁶ *Деремедведь Е. Н.* Крымская Ривьера... С. 87–91; *Герардини О. Н.* Описание Судака... С. 117–120; *Одесса глазами британцев* : М. Гутри, М. Холдернесс, Р. Лайялл, Р. Пинкертон, Д. Стефенс. Одесса : Optimum, 2012. 284 с.; *Тимиргазин А. Д.* Судак... С. 38–40; *Авсенева С. Н.* Керчь... С. 51–52, 142–143, 221.

⁶⁸⁷ *Guthrie M.* A Tour... P. vi.

⁶⁸⁸ *Кросс Э.* У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб. : Гуманитарное агентство; Академический проект, 1996. С. 164.

произведения древнегреческой литературы с необходимыми примечаниями и комментариями; древнегреческий язык стали широко преподавать в университетах. Путешественники рассказали читателям о замечательных памятниках античной архитектуры и искусства; были собраны богатые коллекции древностей. В результате Грецию стали воспринимать как исток европейской цивилизации⁶⁸⁹, что, конечно же, способствовало популярности травелога Гатри. Концентрация на прошлом облегчала автору труд над вымышленным путешествием: и действительно, можно было сокращать описания современных крымских городов, описания заведомо неточные и потому могущие подставить Гатри под упрёки побывавших там читателей, ведь куда важнее понять, что происходило на полуострове за много столетий до того.

И. В. Тункина подметила, что Гатри не смог локализовать ни одного древнего поселения в Восточном Крыму и на Тамани, а сведения о местоположении древних Керкинитиды и Евпаториона (Евпатории) в западной части полуострова взяты из сочинения Шарля де Пейссоннея⁶⁹⁰. Справедливо и другое наблюдение: информация о древних надписях, описываемых Маттью Гатри в дополнительных письмах, позаимствована из двух статей Фридриха-Августа (Фридриха Кондратьевича) Маршала фон Биберштейна (1768–1826), который в Крыму как раз бывал и камни эти видел собственными глазами⁶⁹¹. Другие надписи в книге Гатри не упомянуты – но трудно было бы ожидать иного, учитывая «кабинетный» характер её написания. Следовательно, «Путешествие» Гатри интересно не как рассказ об исчезнувших или повреждённых археологических памятниках, но как характерный набор познавательных практик и разного рода ментальных «штампов» своего времени, позволяющих современному исследователю реконструировать особенности восприятия прошлого в эпоху, когда история,

⁶⁸⁹ *Eisner R. Travelers to an Antique Land... P. 63–88; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М. : Кучково поле, 2016. С. 139–140.*

⁶⁹⁰ *Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 379, 473, 476.*

⁶⁹¹ Там же. С. 50, 52; ср.: *Guthrie M. A Tour... P. 311–327.*

археология и этнография только становились науками в современном смысле, а изучение Крыма находилось на начальном этапе.

Сочинению Гатри нельзя отказать во внутренней логике. Его стиль местами слишком многословный и тяжеловесный, местами лёгкий и увлекательный, хаотичный и страдающий повторами. Книга читается не как единое произведение, а как набор очерков. Это вызвано, прежде всего, особенностями жанра – раз уж речь идёт о путешествии, то история вынужденно фрагментируется, причём отдельные эпизоды «привязываются» к прибытию героини в то или иное место. Но истории древних крымских городов зачастую тесно связаны между собой, и потому сложно говорить о Херсонесе, избегая Пантикапея и других центров Боспора, и наоборот. В итоге, например, сведения о боспорских древностях оказываются в самых разных местах. Впервые об истории Боспорского царства в первых веках нашей эры героиня книги рассказывает, находясь далеко за его пределами – в юго-западном Крыму, близ развалин Херсонеса, с которым, по свидетельству византийского автора Константина Багрянородного (905–959), боспорские цари некогда вели неудачные войны. Затем автор надолго «забыл» о Боспоре, обратившись к нему лишь тогда, когда его героиня оказывается в одном из городов восточного Крыма – в Феодосии. Здесь оказался фрагмент о более ранней истории Боспорского государства, повествующий о его начальной истории в V–IV вв. и о присоединении Феодосии. Связная же история Боспора от античности до средневековья и сведения о соответствующих памятниках приводятся в рассказе о посещении Керчи и Тамани, причём здесь из неё «выпадает» описанная выше позднеантичная часть. В дальнейшем же автор вновь говорит о Боспоре в особом очерке истории греческих колоний в Северном Причерноморье, в размышлениях о причерноморской торговле, а также рассматривая памятники эпиграфики и скульптуры, отрытые фон Биберштейном⁶⁹².

В приложениях опубликованы монеты правителей Боспора, в том числе из собственной коллекции доктора. Гатри одним из первых оценил информационный

⁶⁹² *Guthrie M. A Tour...* P. 100–103, 139–141, 158–192, 282–289, 311–327.

потенциал нумизматических памятников и на их основе постарался выстроить оригинальную хронологию боспорских царей – на современный взгляд во многом фантастическую⁶⁹³. В XVIII в. первые боспорские монеты были изданы в составе каталогов античной нумизматики, выпущенных европейскими исследователями и коллекционерами⁶⁹⁴, Гатри же дополнил эти публикации материалами собственного собрания. Здесь следует отметить богатый иллюстративный материал, которым Гатри украсил своё сочинение – это не только карты, но и изображения различных археологических находок, например, статуй, а также множества монет. Но нумизматикой список его источников, конечно же, не ограничился.

В тексте Гатри встречается множество имён древних авторов и современных ему историков, по которым можно реконструировать весьма разнообразный круг источников и литературы, переработанный шотландцем. Известия античных (Скилак, Геродот, Страбон, Птолемей, Плиний, Плутарх, Помпоний Мела) и византийских (Константин Багрянородный, Георгий Кедрин) авторов он мог изучать или в подлиннике, или, когда речь шла о греках и византийцах, в латинском переводе. Их дополняют ссылки на сочинение Бартелеми и историю Римской империи Эдварда Гиббона, исследования и нумизматические каталоги Клода-Гро де Боза, Феликса Кари и Жозефа Пеллерена, а также собственное собрание монет. Сведения о средневековых кочевниках он черпал из труда Жозефа Дегиня, по истории России – у Василия Никитича Татищева и Пьера-Шарля Левека, а её древней и современной географии – у Жана-Батиста д'Анвиля. Гатри хорошо знал и работы своих современников – путешественников и исследователей де Пейссоннеля, Николауса-Эрнеста Клеемана, Палласа, Биберштейна, Егора Егоровича Кёлера, внимательно изучал журналы, издаваемые Российской академией наук и её английским аналогом – Королевским обществом. Проанализировав труд Гатри по русской этнографии («Диссертация о древностях России», 1795), М. К. Азадовский отметил, что его творческий метод объединял

⁶⁹³ Ibid. P. 350–401.

⁶⁹⁴ См.: *Callataÿ F. de. Early Numismatic Research...*

широкий кругозор с компилятивностью, причём оригинальные сведения появляются в тех немногих местах, где Гатри пользовался собственными наблюдениями или устной информацией, полученной от знакомых⁶⁹⁵. По-видимому, точно также он действовал и при написании «Путешествия». Оригинальные суждения, которых в тексте не так уж и мало, встречаются, например, там, где Гатри размышлял о хронологии античных царей, о монетах, в том числе из собственного собрания, и об интерпретации надписей и скульптур, опубликованных фон Биберштейном.

Гатри воспринимал историю как непрерывность, в характерной для своего времени манере сочетая научнообразные рассуждения с причудливыми фантазиями в стиле эпохи Просвещения. Этнические процессы и классификация языков ещё не были открыты, потому важнейшим свойством народа считалось его название⁶⁹⁶. Предполагалось, что одни и те же люди тысячелетиями жили в одних и тех же местах, менялись лишь их наименования. Нужно было упорядочить мешанину этнонимов, не делая разницы между названиями античной, средневековой и новой эпохи, но выявляя между ними связи и объединяя все известные названия народов в рамках единой картинки, подобно фрагментам одной головоломки. При этом этнографические представления нередко неотделимы от литературных метафор⁶⁹⁷. Не существовало исторической лингвистики, а потому важнейшим показателем «родства» народов или городов казалось созвучие имён. Символом этих представлений были картины западноевропейских живописцев на античные сюжеты. Например, на знаменитом полотне Петера-Пауля Рубенса (1577–1640) «Томирис перед головой Кира» (Приложение А, рис. 23) скифская царица VI в. до

⁶⁹⁵ Азадовский М. К. История русской фольклористики. С. 100–103; ср.: *Parthehl K. A. Matthew Guthrie...* P. 177.

⁶⁹⁶ Слёзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М. : Новое издательство, 2005. С. 124–128.

⁶⁹⁷ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 422–428.

н. э. и её приближенные изображены в одежде польских шляхтичей – современников художника⁶⁹⁸.

Гатри полагал, что название Крыма происходит от его древних жителей – киммерийцев. Основанный ими город Киммерий был в византийское время известен как Кареополь, а позднее татары превратили его в Эски-Крым (нынешний Старый Крым). Потому одно из писем его жены было, якобы, отправлено «из города, который некогда дал своё имя, Крымская Татария или Крым, всему Таврическому полуострову, после того, как под именем Киммерия (Пейссоннель показал, что “Крым” суть всего лишь его татарское искажение) он занимал первенствующее положение столицы знаменитого народа, в древности давшего законы лучшей части Европы и ставшего – ведь мне неизвестно ничего, что бы противоречило этому – не только вашими собственными предками, но равно и таковыми для вашей галльской супруги»⁶⁹⁹. Гатри решил, что киммерийцы – это же самое, что кимвры, кельты и галлы, то есть (воображаемые) предки и шотландца Маттью, и его жены француженки Марии⁷⁰⁰. Нужно отметить, что представления о тождестве киммерийцев и кимвров были характерны для той эпохи⁷⁰¹. Вероятно, причиной такого вывода было созвучие названий. Но писатели рубежа XVIII–XIX вв. могли опираться и на античную традицию – о том, что киммерийцы и кимвры это одно и то же, писал Страбон (*Strabo Geogr. 7.2.2*)⁷⁰², а согласно Диодору, «некоторые говорят», что галлы это и есть киммерийцы (*Diod. Bibl. 5.32.4*)⁷⁰³.

Среди современников Гатри были и те, кто высмеивал подобные поиски далёких предков. Как писал Байрон, «Какого англичанина волнует, датской он, саксонской, норманнской, или троянской крови? и кто, кроме валлийца,

⁶⁹⁸ Шевченко І. Україна між Сходом і Заходом. Нариси з історії культури до початку 18 століття / пер. з англ. М. Габлевич. 2-ге вид. Львів : Видавництво Українського католицького університету, 2014. С. 5.

⁶⁹⁹ Guthrie M. A Tour... P. 195.

⁷⁰⁰ Ibid. P. 52, 178, 192–195.

⁷⁰¹ Ср.: *Sestrenczewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride*. P. 102–115.

⁷⁰² Страбон. География... С. 268–269.

⁷⁰³ Диодор. Историческая библиотека. Греческая мифология / пер. с др.-гр. О. П. Цыбенко. М. : Лабиринт, 2000. С. 100.

переживает из-за желания быть потомком Каратака?⁷⁰⁴». Но Гатри пошёл гораздо дальше: его вывод позволил сделать Крым органичной частью истории «лучшей части Европы», тем самым отыскав место полуострову на «карте цивилизации». Галлов же он отождествил со сторонниками Старого порядка во Франции, тогда как деятели французской Революции оказались франками: «Помните, что ваша нынешняя война направлена лишь против франков, но не нас, галлов, которых они завоевали и угнетали». В этом контексте войны против новой Франции оказывались борьбой цивилизации против угрожавшей ей новых варваров⁷⁰⁵.

Нужно сказать, что в самой Франции история галлов и франков использовалась в несколько ином ключе. До начала Революции король и аристократия (второе сословие) претендовали на роль отпрысков франков, покоривших и поработивших галлов, которые, в свою очередь, стали предками крестьян и горожан (третьего сословия). На этом основании «потомки завоевателей» отказывали в политических правах «потомкам рабов»⁷⁰⁶. Впоследствии Наполеон Бонапарт использовал образ раннесредневековой франкской державы Карла Великого (правил в 768–814 гг.) в идеологии и пропаганде, представляя себя в качестве продолжателя и даже преемника франкского императора⁷⁰⁷. Потому мысль шотландского врача, обыгравшего параллели между современными и древними народами, была актуальной и для времени войны Первой коалиции против Франции в 1792–1797 гг., когда произошло путешествие Марии Гатри в Крым, и позже, во время войн Второй коалиции 1799–1802 гг., когда готовилась к выходу книга. Одновременно Гатри отказался от одного из стереотипов эпохи Просвещения. В представлениях европейцев XVIII в. Россия была северной державой, а киммерийцы в античной

⁷⁰⁴ [Byron G.] *The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition.* P. 194. Каратак – вождь кельтов, живших на территории нынешнего Уэльса, отчаянно сопротивлявшихся римским завоевателям при императоре Клавдии, в сер. I в. н. э. (Тас. *Ann.* 12. 33–40; *Корнелий Тацит. Сочинения* : В 2 т. [в одной книге]. 2-е изд. / пер. с лат. СПб. : Наука, 1993. С. 198–201).

⁷⁰⁵ *Guthrie M. A Tour...* P. 178, 195.

⁷⁰⁶ *Geary P. J. The Myth of Nations : The Medieval Origins of Europe.* Princeton; Oxford : Princeton University Press, 2002. P. 20.

⁷⁰⁷ *Европейская дипломатия и международные процессы эпохи Наполеоновских войн* / ред. А. В. Торкунов, М. М. Наринский. М. : Аспект Пресс, 2012. С. 83.

традиции как раз и были жителями холодного севера. Потому Вольтер в повести «Царевна Вавилонская» вывел Россию под именем страны киммерийцев⁷⁰⁸. Гатри использовал этот древний этноним не как символ, но как материал для этногенетических исследований, позволяющий определить происхождение современных народов.

С точки зрения Гатри, народы в ходе истории не исчезали бесследно, но как бы «перетекали» один в другой, потому скифы и татары – «всего лишь разные имена одного народа», а Татария – это новое имя Скифии⁷⁰⁹. Разумеется, в название страны и народа он добавил лишнюю букву «р», получив «Тартарию» и «тартар», следуя западной традиции, выражавшей страх перед обитателями этой страны (см. предисловие). Скифов же европейские авторы XVIII в. обнаруживали их повсюду в Восточной Европе и отождествляли с самыми разными современными народами. Способствовало этому и то, что свидетельства древних не очень конкретны: они могли называть «скифами» любые северные народы⁷¹⁰. Помимо скифов, Гатри добавил в генеалогию татар гуннов («по сравнению с которыми готы, вандалы и пр. были цивилизованными нациями») и хазар⁷¹¹.

Иногда Гатри интерпретировал как «скифское наследие» то, что казалось ему архаичным. Например, рассказывая о бывшей ханской столице, он писал: «Всё, что мы увидели в Бахчисарае, если не считать [ханского] дворца, это несколько лавок со скудным выбором товаров для немногих нужд тамошних жителей и примитивное производство ножей, знаменитых как качеством клинков, так и простотой формы, очевидно, предназначенных для нации пастухов, давая представление о глубокой древности и скифском происхождении, как у евпаторийских ковров...»⁷¹². Об этих шерстяных коврах он писал несколько раньше, заметив, что «на первый взгляд они кажутся остатком скифского ремесла.

⁷⁰⁸ Нойманн И. Б. Использование «Другого»... С.111–125; Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины Великой... С. 205.

⁷⁰⁹ Guthrie M. A Tour... P. 9, 406.

⁷¹⁰ См.: Подосинов А. В., Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г. Скифия...

⁷¹¹ Guthrie M. A Tour... P. 213–214.

⁷¹² Ibid. P. 73.

Не могу и предположить, чтобы их придумали первые иностранные поселенцы – греки, так как те даже в то старое время были более развитыми, чем это патриархальное искусство...»⁷¹³. «Короче говоря, эти примитивные ковры, прародители знаменитых *гобеленов*, дают интересный материал для сравнения искусства в его младенчестве, которое до сих пор можно видеть в Евпатории, и знаменитых французских товаров. Кроме того, стоит отметить, что их до сих пор делают точно тем же способом, что и толстую шерстяную ткань, называемую “войлоком”, которым в Геродотово время покрывали круглые скифские шатры, известные до сего дня под именем “кибиток”»⁷¹⁴. Итак, даже местные ремесла доказывали глубокую архаичность традиционной крымской культуры, которую предстояло преобразовать по западным прогрессивным лекалам.

Описания причерноморских городов иллюстрируют одну из важнейших идей Гатри – представление о непрерывности истории, в которой мало что меняется. Потому всякий современный город находится на месте античного, упомянутого Старбоном или Птолемеем. Неизменны также степь и её жители, оставшиеся такими же, как во времена Геродота. Значит, русская баня происходит от бани скифской, и от скифской же бани ведут своё происхождение бани турок и татар⁷¹⁵. Зато идею покрывать дома черепицей татары переняли у древних греков⁷¹⁶.

Ещё один пример подобной логики связан с описанием караимов – не признающих Талмуд крымских иудаистов, чей язык и быт испытал огромное влияние крымских татар. Караимы жили в необычном месте – на безлесной и безводной вершине горы, в крепости Чуфут-Кале. Этноним, в народной этимологии переводившийся как «чёрные евреи», натолкнул Гатри на следующее размышление. Если название караимов, по-видимому, связано с тёмным цветом их одежд, стоит поискать в источниках народ, обитавший где-то поблизости и имевший подобный наряд. Этим народом оказываются меланхлены, «чёрные плащи» античных историков. «Не может ли это изолированное племя чёрных

⁷¹³ Ibid. P. 63.

⁷¹⁴ Ibid. P. 64.

⁷¹⁵ Ibid. P. 199, 292.

⁷¹⁶ Ibid. P. 68.

евреев, – писал Гатри, – быть остатком древнего народа, называвшегося меланхленами и упомянутого всеми античными авторами среди живших на <...> Азовском море, но ныне потерянного, которые отличались от всех остальных наций в этих краях тем, что, даже во времена Геродота носили чёрный наряд, столь же необычный сейчас, как и тогда, в этой части мира?»⁷¹⁷. В реальности, конечно, этногенез караимов прошёл без участия столь древних компонентов⁷¹⁸.

Интересный эпизод связан с описанием готов, которые, согласно современным историко-археологическим исследованиям, переселились в Крым в III в. н. э. Гатри несколько раз упомянул причерноморских готов и оставленные ими археологические памятники, используя сведения, почерпнутые из других книг⁷¹⁹. Лишь в одном случае он пришёл к совершенно оригинальному выводу, решив, что средневековый готический стиль европейской архитектуры не оригинален, но заимствован у арабов. Основанием для этого стали «наблюдения» над дворцом крымских ханов в Бахчисарае: «...в самом дворе вы найдёте красивую мечеть с высоким и гибким шпилем, колеблющемся, словно дерево, когда вы осматриваете город с его высокой верхушки. Кажется, это то самое украшение, которое принесли в Европу сарацины, столь обыкновенное у средневековых соборов, [известных] под названием “готских”, но по какой причине [оно дано] – не могу и представить, разве что желание добиться трепетной лёгкости арабского минарета означает готического архитектора»⁷²⁰. При всей фантастичности этого вывода, он, как представляется, передаёт особенности мышления шотландского энциклопедиста.

Удивительно, но этим связь «готской» темы с книгой Гатри не ограничивается. Через несколько лет травелог стал одним из источников для мистификации. Знаменитый франко-немецкий византинист Карл-Бенедикт Газе (1780–1864), хранитель рукописей в Национальной библиотеке в Париже,

⁷¹⁷ Ibid. P. 84.

⁷¹⁸ См.: Прохоров Д. А. Караимы в Российской империи в конце XVIII – начале XX века. Симферополь : Антиква, 2019. С. 9–12.

⁷¹⁹ Guthrie M. A Tour... P. 86, 178, note 111; с. 247, 379–381.

⁷²⁰ Ibid. P. 75.

использовал книгу Гатри для создания так называемой «Записки готского (или греческого) топарха» (1819). Этот документ рассказывает о путешествии византийского офицера (наместника провинции, «топарха») по северным странам и о мирных и враждебных взаимоотношениях империи с северными варварами. Это происходило, как полагали, в X в. Оригинальной рукописи не сохранилось, так что современным исследователям приходится пользоваться публикацией Газе. Текст породил обширную историографию, причём сторонники его подлинности так и не пришли к единому мнению о том, где именно (в Крыму или Болгарии) разворачивались события, и кто из древнерусских князей (от Игоря до Владимира) принял в них участие. Однако подлог был выявлен выдающимся канадско-украинским византинистом И. И. Шевченко, который доказал, что Газе самостоятельно создал греческий текст, используя разные источники, в том числе книгу Гатри, а также воспоминания неизвестного офицера армии Наполеона о позорном отступлении Великой армии из России холодной зимой 1812 г.⁷²¹ Позднее русский исследователь И. П. Медведев установил, что среди источников Газе был и Вольтеров «Кандид»⁷²². Так выжимки из сочинений Нового времени превратились в рассказ о приключениях византийца X в. в контексте сложных взаимоотношений между империей и Русью. Эта история свидетельствует не только о популярности книги Гатри, но и о её влиянии, пусть и косвенном, на последующую историографию.

Размышляя о местоположении древних городов, исчезнувших с лица Земли задолго до его рождения, Гатри действовал так же, как и в случае с древними народами. Для него тексты источников всегда объективны и достоверны, вопрос лишь в том, как их правильно истолковать. А так как история непрерывна, древние города не исчезли, но продолжили существовать под другим названием. Следовательно, нужно свести разрозненные сведения источников в единую систему, причём созвучие названий было не последним аргументом. Потому, по

⁷²¹ Ševčenko I. The Date and Author... P. 155–157, 159, 171, 176–177.

⁷²² Медведев И. П. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана. СПб. : Алетейя, 2003. С. 160–172.

представлениям Гатри, современный ему Бахчисарай оказался древним *Палакием*, информация о котором встречается у Страбона, Карасубазар (Белогорск) – *Портакрой* Клавдия Птолемея, а Чуфут-Кале – *Фуллами* средневековых авторов⁷²³.

Иногда рассуждения Гатри на темы прошлого напоминали причудливую фантазию – но именно таковы были особенности исследовательского мышления его эпохи. Например, ему удалось «обнаружить» следы всемирного потопа в крымских горах, а затем «подтвердить» их свидетельствами древних авторов. Как уже говорилось в главе 3 настоящего исследования, этот сюжет был весьма популярен в записках путешественников. «Нам показали несколько железных колец в скалах на большой высоте, согласно традиции, некогда служивших для привязывания кораблей», – утверждал Гатри в описании Севастополя⁷²⁴. В этой связи он припомнил слова античного историка Диодора о том, что Чёрное море в далёком прошлом было замкнутым водоёмом и «настолько переполнилось от изливавшихся в него рек, что избыточные воды бурным потоком излились в Геллеспонт (Мраморное море. – *Н. Х.*), затопив значительную часть приморской Азии»⁷²⁵ (Diod. *Bibl.* 5. 47. 3–5; По-видимому, сказался авторитет знаменитого французского естествоиспытателя Жоржа-Луи де Бюффона (1707–1788), увидевшего в рассказе Диодора рациональное зерно⁷²⁶. Впоследствии, выяснив, что крымские скалы сложены осадочными породами, Гатри также усмотрел в этом свидетельство того, что некогда уровень моря был существенно выше⁷²⁷. Слова Гатри заставляли читателя представить следующую картину: в прошлом Крым лежал на дне моря, и лишь вершины гор образовывали архипелаг, поднимаясь над водой. Передвигаясь между этими островками, местные жители привязывали лодки к кольцам, до сих пор сохранившимся в крымских горах. Во многом легенде о «всемирном потопе» в Крыму способствовал облик давно оставленных жителями средневековых «пещерных городов», находившихся на склонах или вершинах гор.

⁷²³ Guthrie M. A Tour... P. 72, 83, 196.

⁷²⁴ Ibid. P. 92–93.

⁷²⁵ Диодор. Историческая библиотека... С. 111; Guthrie M. A Tour... P. 92–93.

⁷²⁶ Ср.: Людольф [K. de]. Письма о Крыме // РО. 1892. Март. С. 200–201.

⁷²⁷ Guthrie M. A Tour... P. 126.

Там действительно были элементы, напоминавшие кольца, но их назначение было куда более прозаическим – они использовались как пазы для крепления строительных элементов или для привязывания животных⁷²⁸.

В другой раз, рассказывая о «пещерном городе» Бакла, который находится близ современного села Скалистое, между Бахчисараем и Симферополем, Гатри провёл параллель между жителями крымских «пещерных городов» и обитателями искусственных пещер в верховьях Нила, которых описал знаменитый шотландский путешественник Джеймс Брюс (1730–1794). По словам Гатри, Бакла «иссечена жилищами, подобно горам в египетских Фивах или в *Мероз*, ныне Атбара, на Ниле – в колыбели астрономии, наук и искусств, которые прежде развивали одни только троглодиты [пещерные жители], жившие в этих пещерах, бывшие расой *курчавых негров*, которых Брюс-абиссинец назвал “хушитами” или “шангала”, самым образованным и утончённым народом древнего мира, пока их не захватили и почти полностью не истребили библейские варвары-пастухи во главе с царями, как сказано в Писании, причём эти кочевники-пастухи и владыки пустынь были, да и сейчас остаются, людьми длинноволосыми, с *европейскими чертами* при смуглой наружности; так что *курчавые волосы* и *чёрная кожа* не всегда являются признаком глупости и нехватки ума, а длинные волосы и европейская внешность – признаком умственного превосходства.

Надеюсь, углубившись в тему о многочисленных горах с [искусственными] пещерами на этом полуострове, простительным будет отступление, что [во времена], когда это были, возможно, единственные в Тавриде жилища, из этого никак не следует, что местные жители пребывали в совершенном варварстве, проживая в пещерах подобно диким зверям, как могло бы показаться при первом взгляде на предмет. Предупреждая этот опрометчивый вывод, напомню читателю, что черные и курчавые троглодиты [пещерные жители] Мероз, были первыми философами, а [пещерные жители] египетских Фив – первыми архитекторами,

⁷²⁸ Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 35–36; о стереотипе всемирного потопа см.: Храпунов Н. И. Записки Жильбера Ромма о Крыме... С. 81–82; Храпунов Н. И. Мангупское городище в трудах путешественников... С. 421–422.

построившими этот величественный город, пусть и жили в пещерах»⁷²⁹. Мероэ – древний город (VII в. до н. э. – IV в. н. э.), столица государства Куш, расположенный на восточном берегу Нила в современном Судане. Размышляя о древней истории африканского памятника, Брюс предположил, что там некогда жили «хушиты» (*Cushites*) – потомки Хуша, внука библейского Ноя (Бт. 10:6–8). Он сочинил в равной степени поэтический и фантастический очерк истории хушитов, в котором, со ссылками на Библию и античную историю, пытался объяснить, откуда эти люди взялись, почему стали строить пещеры, об их необычной цивилизации и её гибели⁷³⁰. На эти рассуждения и ссылался Гатри. Его параллель между Баклой и Мероэ позволяло поместить Крым на «ментальной карте» среди колыбелей мировой цивилизации.

Западноевропейские философы и писатели Нового времени пришли к выводу, что уровень развития народа, его культура и «национальный характер» зависят от природно-климатических условий, в которых проходит его развитие⁷³¹. Сегодня этот подход называется «географическим детерминизмом». Разумеется, его использовали и для того, чтобы обосновать превосходство собственной цивилизации (Запада) над её противоположностью – Востоком. Пожалуй, ярче всего это сформулировал Монтескьё в трактате «О духе законов» (1748). По словам философа, свойством Северной и Центральной Азии является холодный климат, делающий земледелие невозможным. Лишь в Бухаре, Туркестане и Хиве есть несколько городов. Зато в окружающих странах (Турции и Персии, Индии и Китае) климат, наоборот, очень жаркий. В Азии нет умеренного пояса, характерного для Европы. Потому борьба азиатских народов между собой – это борьба сильных северян с изнеженными южанами, тогда как в Европе сильный воюет с сильным, и эта борьба равных даёт возможность для прогресса. В результате, в отличие от европейцев, Азия слаба и не имеет свободы⁷³². «Народы Северной Европы

⁷²⁹ *Guthrie M.* A Tour... P. 71.

⁷³⁰ *Bruce J.* Travels to Discover the Source of the Nile, In the Years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772, and 1773. Vol. 1. Edinburgh : J. Ruthven ; London : G. G. J. and J. Robinson, 1790. P. 376–410.

⁷³¹ *Zacharasiewicz W.* Imagology Revisited. Amsterdam ; New York : Rodopi, 2010. P. 67–83.

⁷³² *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов / пер. с фр. А. В. Матешука. М. : Мысль, 1999. С. 235–237.

покорили её как свободные люди; народы Северной Азии покорили её как рабы и одержали победы лишь для своего господина. Причина тут в том, что татарский народ⁷³³ – естественный завоеватель Азии – сделался сам рабом». Потому татары перенимали культуру порабощённых ими китайцев⁷³⁴. В отличие от европейцев, татарским державам свойственна тирания. «Татары, разрушив греческую империю (т. е. Византию. – *Н. Х.*), установили в завоёванных странах рабство и деспотизм, а готы, покорившие Римскую империю, основали повсюду монархии и свободу». Бескрайние равнины Азии способствуют тому, что возникшие там государства очень протяжённые. Управлять ими можно только деспотичным образом – в отличие от небольших государств Европы. Потому на Западе царит дух свободы, а на Востоке – дух рабства⁷³⁵. Сутью история была коммерция: «История торговли есть история общения народов. <...> Торговля ведёт к богатству, богатство ведёт к роскоши, а роскошь – к усовершенствованию ремёсел»⁷³⁶.

Имя Монтескьё лишь раз встречается в трактате Гатри⁷³⁷, зато шотландец не скрывал восхищения своим соотечественником Адамом Смитом, которого назвал «бессмертным», а его трактат «о богатстве народов» (1776) – «драгоценной работой»⁷³⁸. Смит, в частности, писал, что водный транспорт, будучи самым дешёвым и эффективным средством доставки грузов, способствует расширению рынков сбыта и экономическому развитию. Из этого следовало, что значительная часть Востока была экономически и культурно неразвита по географическим причинам: «Вся внутренняя часть Африки и вся та часть Азии, которая отстоит далеко к северу от Чёрного и Каспийского морей, древняя Скифия, современная Татария и Сибирь во все века находились, по-видимому, в таком же варварском и диком состоянии, в каком они находятся и в настоящее время. Единственным

⁷³³ Западные интеллектуалы обычно называли «та(р)тарами» жителей огромного пространства, занимавшего большую часть Азиатского материка – Дальний Восток, Сибирь, Центральную Азию, Урал, Поволжье, Кавказ и Причерноморье.

⁷³⁴ *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов. С. 238.

⁷³⁵ Там же. С. 239.

⁷³⁶ Там же. С. 297.

⁷³⁷ *Guthrie M.* A Tour... P. 380, note 380.

⁷³⁸ *Ibid.* P. 175, 338.

морем Татарию являлся ледовитый океан, который не допускает судоходства; и хотя несколько величайших рек в мире протекает по этой стране, они находятся на слишком большом расстоянии друг от друга, чтобы можно было поддерживать сношения и вести торговлю с большей частью страны»⁷³⁹.

Неудивительно, что Гатри размышлял о влиянии климата и природных условий на историю Крыма, которая представлялась ему непрекращающимся противостоянием степи и моря, варварства и цивилизации. По словам писателя, природа разделила Крымский полуостров на две очень не похожие части: «солончаковую, покрытую травой степь, или равнину, на севере... [и] горную страну на юге, отраду и убежище цивилизованных торговых наций на протяжении более двух тысячелетий, которые наполняли [крымские] порты судами и товарами, пока варварские турки не перекрыли Фракийский Боспор и не обратили оживлённый Эвксин в водную пустыню». Севером же владели «пастушеские орды, которые, кажется, занимались лишь тем, что [поочерёдно] изгоняли друг друга с травянистых равнин полуострова»⁷⁴⁰. Следовательно, Крымские горы и побережье в прошлом относились к «цивилизации», тогда как за ними начиналась бескрайняя «скифская глушь». Кажется, автор не допускал и мысли о том, что жители тех мест могли самостоятельно преодолеть влияние природной среды, – а потому они вечно пребывали «в варварстве».

Когда в конце XV в. османский султан Мехмед II Завоеватель покорил сначала Константинополь, затем Крым и закрыл европейцам доступ в Чёрное море, история всего региона, как сказал бы классик, «прекратила течение свое»⁷⁴¹. Но в отличие от города Глухова, истории Причерноморье в версии Гатри суждено было возобновление. Это случилось через триста лет благодаря Екатерине II. «После падения [крымских] генуэзцев их соперники, венецианцы, просили [разрешить им] торговлю в Эвксине; каковое преимущество даровал им Мехмет [II] на том

⁷³⁹ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. В. С. Афанасьева. М. : Эксмо, 2007. С. 82.

⁷⁴⁰ *Guthrie M.* A Tour... P. 52–55.

⁷⁴¹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений : В 20 т. Т. 8. М. : Художественная литература, 1969. С. 423.

недвусмысленном условии, что огнестрельное оружие и порох должны составлять часть всякого груза; таким образом он вскоре накопил достаточное количество и того, и другого, чтобы закрыть Фракийский Босфор для Венеции и всех остальных наций; 300 лет этой системы придерживались его преемники, пока недавно Россия вновь не открыла его (Босфорский пролив. – *Н. Х.*) тем же ключом, которым воспользовался Мехмет [II], чтобы её закрыть»⁷⁴². Этим ключом была сила оружия. Следовательно, российские завоевания исторически прогрессивны. Намеренно или нет, Гатри не упомянул о том, что, хотя османы закрыли Чёрное море для европейцев, торговля с Центральной Азией через причерноморские порты продолжалась – просто она перестроилась и целиком перешла в руки мусульман⁷⁴³.

Глубокий кризис Крымского ханства в последние годы его существования, смуты и восстания, вторжения русских войск, массовая эмиграция населения привели край в запустение. После присоединения Крыма к России крымские татары продолжали переселяться в Османскую империю. По данным современных демографов, к концу века население полуострова сократилось втрое⁷⁴⁴. Для многих западных путешественников причиной кризиса было насилие, которое чинили русские завоеватели. Ханскую эпоху они считали ушедшим в прошлое «золотым веком»⁷⁴⁵. А вот Гатри полагал, что Крым пришёл в упадок задолго до этого, когда как власть над ним перешла к «нецивилизованным» татарам и туркам, которые не смогли сохранить уже существовавшие хозяйственные достижения. Например, фруктовые рощи на южном берегу «были садами древних цивилизованных жителей, пришедших в запустение в руках пастушеских орд, незнакомых с этой культурой и слишком ленивых, чтобы ей обучиться»⁷⁴⁶. А «варварские татарские

⁷⁴² *Guthrie M. A Tour... P. 266–267.*

⁷⁴³ *Васильев А. Д.* «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М. : Пробел-2000, 2014. С. 80, 260–263.

⁷⁴⁴ *Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма... С. 85–91, 120–122.

⁷⁴⁵ *Храпунов Н. И., Храпунова С. Н.* «Золотой век» Крымского ханства : к истории формирования стереотипа // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы IV Международной научной конференции. Т. 2. М. : ИВ РАН, 2020. С. 250–255.

⁷⁴⁶ *Guthrie M. A Tour... P. 136.*

орды, которые конечно имели немного уважения к трудам своих цивилизованных предшественников», не просто привели в жалкое состояние Керчь (античный Пантикапей), но и уничтожили большую часть находившихся здесь остатков греческой цивилизации⁷⁴⁷. Похожей была судьба Феодосии, некогда процветавшего порта, ныне лежавшего в развалинах. Этот порт «мог, при определенных затратах, стать достойным своей великолепной гавани, если бы когда-нибудь русское покровительство вернуло бы его некогда процветавшую торговлю»⁷⁴⁸.

Книга Гатри оправдывала российскую экспансию на юг. Это сочинение антиосманское и антимусульманское, в котором выражалась приверженность идеям просвещения, справедливости и развития торговли. Оно утверждало, что российские завоевания исторически прогрессивны. Набеги крымских татар попросту вынудили Россию расширять свои владения на юге: цари «были совершенно правы, <...> подчинив этих жестоких мародёров и тем самым позволив землепашцу жать посеянный им хлеб в мире и безопасности»⁷⁴⁹. В конце концов, жизнь татар значительно улучшилась под властью России, но религия не давала им сполна насладиться этим: «я сильно ошибусь, если они не предпочтут находиться под железным скипетром владыки одной с ними веры жизни под наимягчайшим управлением христианского князя»⁷⁵⁰. Шотландец транслировал идеи, бывшие в то время на слуху. Негативное отношение к туркам и татарам было характерно для европейского мышления, рассматривавшего их если не как экзистенциальную угрозу, то как «нормообразующих Других», образ которых позволял лучше понять особенности собственной культуры. Впрочем, эту позицию могли корректировать под влиянием политического момента⁷⁵¹.

⁷⁴⁷ Ibid. P. 173.

⁷⁴⁸ Ibid. P. 148.

⁷⁴⁹ Ibid. P. 197.

⁷⁵⁰ Ibid. P. 66.

⁷⁵¹ Нойманн И. Б. Использование «Другого»... С. 83–89; Кардини Ф. Европа и ислам... С. 235–263.

Русофил Гатри оказался восприимчив к ряду идей, выработанных идеологией Екатерины II. Не случайно он занялся переводом некоторых трудов императрицы⁷⁵², в том числе пьесы «Начальное управление Олега»⁷⁵³. Она рассказывала об идеальном просвещённом монархе, мудром законодателе, трудившемся на благо своих подданных и своей страны – иначе говоря, о политическом идеале императрицы⁷⁵⁴. Как уже говорилось, предметом особого интереса Гатри были резные камни – геммы⁷⁵⁵. Немаловажно, что Екатерина II увлекалась геммами и приобрела несколько соответствующих коллекций⁷⁵⁶. Возможно, это не простое совпадение.

Гатри посвятил российской царице свою книгу «Рассуждение о русских древностях», в которой он «обнаружил» значительное сходство между народной культурой русских (а также украинцев) и древних греков, касавшееся, в частности, музыки, песен, танцев, языческих верований и праздников⁷⁵⁷. Эту идею шотландец мог позаимствовать у русского архитектора, антиквара и сочинителя Николая Александровича Львова (1753–1803), значительно разнообразив его аргументацию⁷⁵⁸. Интерес к фольклору был не только элементом общеевропейской интеллектуальной моды, но и доказывал «цивилизованность» России, «открывая» её народное прошлое⁷⁵⁹. Помимо посвящения, книге было предпослано стихотворное посвящение на греческом языке (с французским переводом), написанное Евгением Вулгарисом (Булгарисом; см. о нем в параграфе 2.1). В нем Гатри недвусмысленно сравнивался с Плутархом: если римский писатель провел

⁷⁵² С берегов Темзы... С. 32.

⁷⁵³ *Cronin V. Catherine, Empress of All the Russias. New York : William Morrow and Company, Inc., 1978. P. 318.*

⁷⁵⁴ *Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 / пер. с англ. С. В. Житомирской. М. : ОГИ, 2002. С. 189–190.*

⁷⁵⁵ *Sweet J. M. Matthew Guthrie...*

⁷⁵⁶ С берегов Темзы... С. 30, 138–149; *Кросс Э. У темзских берегов... С. 234.*

⁷⁵⁷ *Guthrie M. Dissertations sur les antiquités de Russie. Saint-Petersbourg : Imprimerie du Corps Impérial des Cadets Nobles, 1795. 239 p.; Papmehl K. A. An Eighteenth-century English Translation... P. 178.*

⁷⁵⁸ Ср.: *Львов Н. А. Избранные сочинения. Кельн ; Веймар ; Вена : Бёлау-Ферлаг ; СПб. : Пушкинский дом ; Русский христианский гуманитарный институт ; Акрополь, 1994. С. 311–314.*

⁷⁵⁹ *Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М. : НЛО, 2011. С. 119.*

параллели между греческими и римскими героями, то шотландский доктор показал сходство между русскими и греками с точки зрения близости их происхождения, традиций, одежды и пр.⁷⁶⁰ Греческий интеллектуал Евгений Вулгарис, занимавший «идеологический» пост архиепископа Славянского и Херсонского (учреждая эту кафедру, Екатерина II декларировала «возвращение» Юга России от ислама к христианству и «возрождение» времен византийского Херсона и князя Владимира), очевидно, хорошо понимал политическую актуальность размышлений шотландца. Помимо всего прочего, из находок Львова и Гатри следовало ещё одно важное обстоятельство.

Шотландец объяснил связь русской и эллинской культур тем, что известные Геродоту гипербореи были греческим племенем, населявшим верхнее течение Днепра: «народ, исповедовавший языческую религию греков, жил в то время в античных владениях великих князей России, пока они не стали владыками Москвы; так что несложно обнаружить, что русские приобрели множество изумительных параллелей с обычаями древних греков»⁷⁶¹. Об этом сходстве он писал и в корреспонденциях для журнала *The Bee*, и в рукописях, пока остающихся неопубликованными⁷⁶². Данный вывод позволял дать положительный ответ на актуальный на Западе вопрос о том, стоило ли относить Россию к числу цивилизованных наций⁷⁶³. К тому же он соответствовал идеологии Екатерины II. По представлениям эпохи, каждая цивилизованная страна должна была обладать какой-то частью античного наследия – одни, как Италия, по праву местонахождения, другие, как Германия или Австрия, по принципу *translatio imperii*, а третьи, как Британия, играя роль исследователя и коллекционера древних артефактов. Объявив, что русские являются потомками греков, императрица получала «доказательства» древности Российского государства. Теперь завоевание Крыма можно было представлять не как захват чужого, но как возвращение прародины, истока русской веры и «европейскости». Античность же предоставляла

⁷⁶⁰ Guthrie M. Dissertations... (нумерованные страницы между Посвящением и Предисловием).

⁷⁶¹ Guthrie M. A Tour... P.: 327–335.

⁷⁶² Papmehl K. A. Matthew Guthrie... P. 173; Gassner F. Imagining Russia... P. 41–42.

⁷⁶³ См.: Нойманн И. Б. Использование «Другого»... С. 111–125.

материал для создания целого ряда аллегорических титулов императрицы⁷⁶⁴. Но, конечно, российскую увлечённость античностью нельзя сводить только к идеологическим экспериментам Екатерины II. Со времён Петра I памятники старины стали элементом престижной культуры⁷⁶⁵. Потому открытие античных памятников Крыма упало на подготовленную почву⁷⁶⁶.

Подобно Итону, с книгой которого он мог быть знаком (впрочем, подтверждений этому предложению нет), Гатри считал, что присоединение Крыма к России способно сделать полуостров важным торговым центром. Через этот плацдарм можно было, используя уроки древних греков и средневековых генуэзцев, открыть новый путь к «богатствам Азии» – Индии и Китая. Как писал Гатри, «я ни в коем случае не считаю невозможным, чтобы однажды Россия, которая доставляет грузы из Китая по суше, не смогла бы восстановить торговлю с Индией по древним каналам, [через] Каспийское море и Фасис, особенно поскольку её победоносные знамёна ныне реют во всех тех странах, через которые обычно проходили богатые товары, и, вероятно, сделать этот путь безопасным в будущем благодаря дружественному обращению с местными [жителями]»⁷⁶⁷. Вполне возможно, эти слова навеяны рассуждениями Монтескьё о некогда развитой торговле «древних народов» Азии⁷⁶⁸. В подтверждение своей мысли Гатри ссылался на исторический опыт того, как торговля с Востоком обогащала античные цивилизации и средневековые генуэзские колонии. Он рассчитывал, что успехи России будут способствовать доставке на Запад «предметов восточного искусства» через Крым, а сухопутный торговый путь в Индию через Россию может составить конкуренцию морскому пути вокруг мыса Доброй Надежды⁷⁶⁹. Книга завершается пространным очерком истории торговли на Чёрном и Азовском морях, где

⁷⁶⁴ Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 33–64, 97–122; Проскурина В. Империя пера Екатерины II... С. 163–179.

⁷⁶⁵ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии... С. 126–129.

⁷⁶⁶ См.: Лейбенсон Ю. Т. «Русская античность»: древности Крыма в записках путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 369–382.

⁷⁶⁷ Guthrie M. A Tour... P. 156; cf. p. 147.

⁷⁶⁸ Монтескьё Ш. Л. О духе законов. С. 297–298.

⁷⁶⁹ Guthrie M. A Tour... P. 156–157.

античные, генуэзские и золотоордынские реалии переплетены с описанием настоящего, вероятно, в качестве урока для политиков и чиновников⁷⁷⁰. Например, подробно описано, какие разнообразные и экзотичные товары некогда привозили в Каффу из Бухары тамошние «татары»⁷⁷¹.

Интересно, что эти мысли соответствуют размышлениям Екатерины II – среди её памятных заметок в бытность великой княгиней сохранилась следующая, датированная 1760–1762 гг. и, очевидно, характеризующая её планы на будущее: «Соединить Чёрное море с Каспийским, и оба – с Северным; направить торговлю Китая и Восточной Индии через Татарию значило бы возвысить Россию в степень могущества, высшую чем прочие государства Европы и Азии»⁷⁷². Конечно, о Крыме в данном случае речи не идёт, но показательно сходство шаблонов мышления, стремление найти альтернативный путь к «богатствам Азии». После присоединения Крыма к России многие западные интеллектуалы предполагали, что полуостров мог бы стать опорным пунктом для торгового проникновения в центр Азии – Индию и Китай⁷⁷³. В 1817 г. министр финансов России граф Дмитрий Александрович Гурьев (1751–1825) предложил воспользоваться опытом средневековых генуэзцев и «возродить» торговлю с Персией через Крым в качестве альтернативы традиционному морскому пути вокруг Африки⁷⁷⁴. В 1839 г. Николай I утвердил проект акционерного общества для торговли с Востоком через Тавриду, который, судя по всему, не дал результата. А в годы Первой мировой войны в Германии обсуждались планы «воссоздания» Крымского ханства и торгового проникновения через него на Восток⁷⁷⁵. Как видно, желание использовать Крым как плацдарм в якобы чрезвычайно выгодной торговле «с Азией» возникало в разные эпохи и у разных деятелей.

⁷⁷⁰ Ibid. P. 282–308.

⁷⁷¹ Ibid. P. 288–289.

⁷⁷² [Екатерина II] Собственноручные записки великой княгини Екатерины Алексеевны // СИРИО. 1871. Т. 7. С. 99–100.

⁷⁷³ Храпунов Н. И. «Азиатский мираж» и будущее Крыма... С. 58–71.

⁷⁷⁴ Regemorter J.-L. Van. Le mythe génois en mer Noire... P. 494.

⁷⁷⁵ Храпунов Н. И. «Азиатский мираж» и будущее Крыма... С. 71–72.

На страницах книги Гатри живописные долины крымских гор и субтропическое побережье неоднократно сравнивались с земным раем. Подобная ассоциация не раз возникала у путешественников⁷⁷⁶. Разумеется, её объектом были горные долины юго-западной части Крыма и субтропики южного берега, а отнюдь не степь, занимающая северную, центральную и восточную часть полуострова. На юге путешественники восхищались буйной растительностью, живописными скалами и морскими пейзажами, идиллическими татарскими селениями, мусульманскими мечетями и руинами средневековых городов и крепостей. Все это напоминало земной рай в стилистике руссоистских фантазий. Но чтобы достичь этого живописного края, путешественникам нужно было пересечь несколько сот километров бесплодной и унылой южнорусской степи. Долгий и утомительный способствовал тому впечатлению, которое производил юг полуострова. Это хорошо понял даже такой не склонный к сентиментальности автор как П.-С. Паллас: «После долгого путешествия по однообразным и скучным степям трудно себе представить что-нибудь более приятное, чем снова увидеть горы и местность, усеянную холмами, лесами, пересечённую извилистой речкой»⁷⁷⁷. Джон Туэдделл (1766–1799) в 1797 г. писал: «Крым, это, конечно, одна из самых упоительных стран мира <...> Я провёл десять дней в горах среди татар и был очарован их бескорытием и гостеприимством»⁷⁷⁸. Поль Гибаль же утверждал: «В Сарабузе⁷⁷⁹ окружающая местность резко меняется. Здесь берега реки Салгир, пересекающей степь, покрыты деревьями, садами, усыпаны довольно симпатичными домами, белизна стен которых приятно контрастирует с зеленью деревьев. <...> Столь резкая перемена, появление которой ничто не предвещало, производит самое приятное впечатление, так что этот край, не отличающийся по сути своей красотой, представляется земным раем для путников, которые едут со

⁷⁷⁶ Храпунов Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»... С. 335–336; Храпунов Н. И. «Восток в Европе»... С. 67–68.

⁷⁷⁷ Паллас П. С. Наблюдения... С. 24.

⁷⁷⁸ [Tweddell J.] Remains of the Late John Tweddell. London : J. Mawman, 1815. P. 201–202.

⁷⁷⁹ Ныне посёлок городского типа Гвардейское, находится в 15 км к северу от Симферополя.

стороны Перекопа»⁷⁸⁰. В 1831 г. Адольфус Слейд (1804–1877) подметил, что впечатление от Крыма зависит от того, откуда прибыл наблюдатель. Сам он приплыл из Турции: «её подобные Эдему виды не следует опошлять сравнением с суровым обликом Крыма»⁷⁸¹.

Вероятно, культурные механизмы осмысления Крыма близки тем, которые заставляли испанских конкистадоров увидеть в Америке упованную землю, рай – новый мир, неиспорченный пороками старого, в котором предстояло обрести счастье⁷⁸². Нужно отметить, что путешественники склонны были видеть «земной Эдем» в очень разных регионах – главное, чтобы те были не похожи на их собственную страну. Поиски рая в экзотических краях были популярным свойством литературы путешествий. Его чертами наделяли, например, Швейцарию⁷⁸³ и Скандинавию⁷⁸⁴, греческие острова⁷⁸⁵, Таити и Амазонию⁷⁸⁶.

Гатри увидел «земной парадиз» на берегах реки Альма между Бахчисараем и Симферополем⁷⁸⁷, назвал Судакскую долину достойной кисти величайших пейзажистов⁷⁸⁸, а Байдары, что на юго-западе полуострова, уподобил воспетым античными поэтами Аркадии и Темпейской долине⁷⁸⁹. «Отправляю это письмо из восхитительной Байдарской долины, которую местные называют *Таврической Аркадией, Крымской Темпи* и т. д., и всяким нежным именем, которое только может предложить любовь к сельской жизни восхищённым посетителям этого волшебного уголка. Со своей стороны, я признаю, что отношусь к числу тех,

⁷⁸⁰ Гибаль П. Обзорение Крыма, Новороссии и Кавказа... С. 45.

⁷⁸¹ Slade A. Records of Travels in Turkey, Greece, &c. Vol. 1. London : Saunders and Otley, 1832. P. 495.

⁷⁸² Земсков В. Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. М. : Гнозис, 2015. С. 232–233, 254–255.

⁷⁸³ Смекалина В. В. Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в. М. : Языки русской культуры, 2015. С. 163–255.

⁷⁸⁴ Barton H. A. Northern Arcadia : Foreign Travelers in Scandinavia, 1765–1815. Carbondale : Southern Illinois University Press, 1998. 223 p.

⁷⁸⁵ Eisner R. Travelers to an Antique Land... P. 218–238.

⁷⁸⁶ The Cambridge Companion to Travel Writing / ed. P. Hulme, T. Youngs. Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 2002. P. 128–129, Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. С. 44.

⁷⁸⁷ Guthrie M. A Tour... P. 70.

⁷⁸⁸ Ibid. P. 130.

⁷⁸⁹ Ibid. P. 116–118.

предпочитает Таврическую Темпи Фессалийской, даже отмечая цветистые описания Плиния и Элиана, без неестественного их противопоставления трудам Ливия и Овидия; это будет излишне суровым в случае Байдар, чьи реальные красоты намного превосходят поэтическое очарование классической Темпи, если бы мне пришлось скрыть существенное между ними различие; а именно то, что в первой из них грохочет резкий и шумный *Пиньос*, не вызывающий ничего кроме ужаса, а Байдары орошают две нежно шепчущих ручья, дарующих удовольствие и наслаждение»⁷⁹⁰. Мода на античность, укоренившаяся в сознании эпохи Просвещения и начала Романтизма, позволила автору воспользоваться классическими образами Аркадии – области в центральной части Пелопонесского полуострова, пользовавшейся репутацией страны райской невинности, патриархальной простоты нравов и мирного счастья, а также расположенной на севере Греции живописной Темпи, или Темпейской долины, пробитой в горах рекой Пиньосом. Нужно сказать, что образ Темпейской долины в описаниях Крыма появился ещё до книги Гатри: его использовал Луи де Сегюр в переписке с Потёмкиным, причём не ясно, в отношении какого природного объекта⁷⁹¹. Возможно, данная параллель была на слуху в Петербурге, в том числе в тех кругах, где вращался Гатри – а может быть, этот образ был слишком очевиден, и шотландец применил его к крымским реалиям вполне самостоятельно.

Как бы то ни было, некоторые современники иронизировали над этими словами Гатри, представлявшими собой расхожий штамп и потому мало что говорящим об истинном облике данной местности. Так, фон Камепенгаузен заметил: «Овальная Байдарская долина <...> весьма поэтически описана в “Путешествиях” Гатри; но своим пленительным обликом она во многом обязана бесплодию окружающей страны и ни в коей мере не заслуживает сравнения с

⁷⁹⁰ Ibid. P. 116.

⁷⁹¹ Заборов П. Р. Из эпистолярного наследия Луи-Филиппа де Сегюра: пять писем к Г. А. Потемкину // Дипломаты – писатели; писатели – дипломаты. СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга, 2001. С. 116, 118.

долинами Швейцарии...»⁷⁹². Иван Муравьев-Апостол не отказал себе в возможности продемонстрировать скепсис практика-рационалиста, заодно в очередной раз подчеркнув ценность своего труда в сравнении с записками предшественников. «Ты, конечно, мой друг много слышался о Байдарской долине, которую путешественники взапуски превозносят; я сам по этой причине нетерпеливо желал видеть её, ожидая найти в ней красоту необыкновенную; и – весьма ошибся в ожиданиях моих. Долина <...> могла показаться Аркадией, Темпейской долиной г-же Гатри, одаренной столь пылким воображением, что и в татарской дудке ей слышится Феокритова свирель; мне, напротив того, ничто во всей Тавриде не показалось так скучно и пустынно, как это место»⁷⁹³. В качестве «оправдания» для Гатри можно лишь сказать, что если он и видел Байдарскую долину, то лет за тридцать до того, как стал писать книгу. Вероятно, он ориентировался не столько на свои воспоминания, сколько на труды других путешественников, например, Крейвен⁷⁹⁴.

В гармонии с природой жили крымские татары, облик которых напоминал «благородных дикарей» Руссо. Картины Эдема в крымских горах похожи на рассказы европейских путешественников о Швейцарии, которую также называли «Аркадией»⁷⁹⁵. Сближению образов столь разных стран, по-видимому, способствовало известное сходство пейзажей (горы, реки, растительность), усиленное усвоенными из античной культуры представлениями о пасторальном счастье. Показательно, что следующее поколение русских путешественников по Крыму сравнивало полуостров со Швейцарией⁷⁹⁶. В этой связи весьма интересна поэма «Тоска по Тавриде» швейцарского врача Самуэля Бруннера, побывавшего в Крыму в 1831 г. Бруннер увидел в Крыму земной рай, приют для тех, кто

⁷⁹² *Campenhausen B. von.* Bemerkungen über Rußland... S. 109; *Храпунов Н. И.* Крымский полуостров после присоединения к России... С. 460.

⁷⁹³ [Муравьев-Апостол И.М.] Путешествие по Тавриде... С. 174–175.

⁷⁹⁴ [Craven E.] A Journey... 1789. P. 190–191; подробнее см. в параграфе 2.3.

⁷⁹⁵ *Смекалина В.В.* Русские путешественники в Швейцарии... С. 168–184.

⁷⁹⁶ Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников / ред. В. А. Кошелев. Великий Новгород ; Симферополь ; Нижний Новгород : Растр, 2017. С. 78, 129.

разочаровался в «лживом Западе». Крымские горы он прямо сравнил с родными Альпами⁷⁹⁷. Впрочем, сравнение живописной территории со Швейцарией было расхожим штампом. В XIX в., помимо Крыма, русские путеводители называли так южный Урал и Поволжье⁷⁹⁸. «Швейцарией» нередко именовали также Финляндию⁷⁹⁹.

Для Гатри образ земного рая часто связан с мыслями о том, что девственную землю только предстоит освоить, и о выгодах от применения передовых научных знаний и технологий. Например, на южном берегу можно было бы заниматься сельскохозяйственным производством, выращивать овец на шерсть, ловить большое количество рыбы и вести внешнюю торговлю, как во времена античности⁸⁰⁰. Прекрасными пастбищами, подобным альпийской Австрии, могли стать плоские вершины крымских гор⁸⁰¹. Ссылаясь слова на П.-С. Палласа, он писал о возможном разведении в Крыму новых видов растений – от апельсинов и лимонов до кермесовых и пробковых дубов⁸⁰². Гатри не привёл здесь ссылки; не исключено, что он руководствовался личным сообщением прославленного энциклопедиста. В любом случае, показательно сходство логики двух учёных – иногда расходясь в деталях, они оба исходили из необходимости развития Крыма с помощью передовых западных технологий, введение в культуру новых растений, разведение новых пород скота, развития торговли и обрабатывающей промышленности⁸⁰³. Интерес шотландца к проблемам крымского земледелия не случаен – экономика была одним из его увлечений. Он был членом учреждённого

⁷⁹⁷ Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX вв. Л.: Наука, 1984. С. 39–40.

⁷⁹⁸ Руцинская И. И. Путеводитель как феномен массовой культуры. Образы российских регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX – начала XX века. М. : URSS, 2019. С. 106.

⁷⁹⁹ Науменко В. Г. «Здесь, на конце России исполинской...»: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII – начала XX века. Ярославль : Ремдер, 2010. С. 77, 648; Латин И. С. Путешествие в ближнюю Финляндию : Выборг, Кексгольм и Карельский перешеек глазами русских путешественников XVIII – начала XX веков. СПб. ; Viipuri : Гйоль, 2021. С. 86.

⁸⁰⁰ Guthrie M. A Tour... P. 119–120.

⁸⁰¹ Ibid. P. 122–123.

⁸⁰² Ibid. P. 137–138.

⁸⁰³ Ср.: Паллас П.С. Наблюдения... С. 155 слл.

Екатериной II Вольного экономического общества, объединявшего землевладельцев и учёных, заинтересованных в повышении эффективности сельского хозяйства, английского Общества для поощрения искусств, ремёсел и торговли, занимавшегося вопросами экономики, а также состоял в переписке с английским Сельскохозяйственным комитетом⁸⁰⁴. Представления Гатри об экономике соответствовали направлению мысли «прогрессистов» эпохи Просвещения.

Иногда Гатри говорил об особенностях местной, экзотичной культуры. Крым, благодаря своей «восточной» составляющей, казался страной, где не действовали привычные нормы морали⁸⁰⁵. Установленные исламом для женщин правила поведения западные интеллектуалы интерпретировали как показатель чрезмерной мужской ревности. Потому, например, в татарских домах не было окон на улицу: «полигамия и её естественное следствие, ревность, обратили фасад таврических жилищ во внутренний двор»⁸⁰⁶. Татарки вынуждены были наслаждаться обществом скота, а не мужчин, и скрываться под покрывалом, так что муж нередко получал возможность увидеть лицо жены лишь после брачной церемонии⁸⁰⁷. По-видимому, стереотип чрезмерной ревности был важной частью Западных представлений о мусульманском Другом. Например, солдаты Наполеоновской армии приписывали это свойство жителям Египта⁸⁰⁸.

По словам Гатри, крымско-татарские дамы были полной собственностью своих мужей. Их можно было покупать, а в прошлом действовали невольничьи рынки, где торговали выходцы из разных стран и народов⁸⁰⁹. Даже англичане не могли удержаться от соблазна – один поселившийся в Крыму оригинал приобрёл себе жену-татарку за корову и несколько овец, с которой и жил на лоне спокойной

⁸⁰⁴ Кросс Э. У темзских берегов... С. 75, 97.

⁸⁰⁵ Храпунов Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»... С. 339–342; Храпунов Н. И. «Восток в Европе»... С. 71.

⁸⁰⁶ Guthrie M. A Tour... P. 215.

⁸⁰⁷ Ibid. P. 217–218.

⁸⁰⁸ Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет... С. 82, 108–109.

⁸⁰⁹ Guthrie M. A Tour... P. 151–152.

и живописной природы⁸¹⁰. Этот анекдот напоминает историю о том, как австрийский император Иосиф II, путешествовавший по Крыму в обществе Екатерины II в 1787 г., вызвал немалый переполох в российской администрации, оставив одному офицеру известную сумму, чтобы тот отправился на Кавказ и приобрёл там красавицу-черкешенку⁸¹¹. Другая история, быть может, услышанная автором от кого-то из знакомых, утверждала, что однажды крымские татары приняли прекрасную гречанку – супругу русского генерала, за мусульманку, взятую в плен христианами, и даже собрали существенную сумму денег на её выкуп. Некий «татарский джентльмен», внёсший на благое дело тысячу дукатов, собирался впоследствии «открыть врата рая перед этой прекрасной гурией»⁸¹². Понятно, что подобные рассказы рассчитаны были на успех у читателя, знавшего о Востоке главным образом из переложений арабских сказок или европейских опер.

Как и Крейвен, Гатри считал грязь символом культурной отсталости. Потому, доказывая моральное превосходство караимов над родственными им евреями, он указал не только на караимское трудолюбие, но и на свойственную им опрятность. Впрочем, шотландец заметил, что удивительная чистота города Чуфут-Кале могла быть результатом того, что его регулярно омывали дожди⁸¹³.

Считая крымско-татарское воплощением старого, отжитого, неспособного к прогрессу, а русское, наоборот, прогрессивным и способным принести процветание в край, Гатри иллюстрировал эту мысль даже когда описывал крымские города. Вот, например, что говорится в рассказе о Севастопольском порте: «Старые татарские дома здесь, как и повсюду на полуострове, маленькие и дурно построенные; но вдоль пристани мы обнаружили несколько новых построек в куда лучшем вкусе – естественное следствие того, что здесь разместился великий Эвксинский флот, и, конечно, резиденция его командира и других морских

⁸¹⁰ Ibid. P. 210.

⁸¹¹ [Коховский М. В.] Донесение генерала М. В. Коховского для доклада князю Г. А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 268.

⁸¹² Guthrie M. A Tour... P. 65–66.

⁸¹³ Ibid. P. 83.

офицеров»⁸¹⁴. Заметим, что никаких «старых татарских домов» в реальном Севастополе быть никак не могло, ведь он строился на пустынном берегу морской бухты⁸¹⁵. Виртуальному путешественнику позволительно было о том не знать – но в данном случае важно, что регулярная планировка и «европейские» здания очевидным образом символизировали будущее, а «дурно построенные» татарские домики – прошлое. Интересно, что впоследствии противопоставление старой и новой части города как олицетворения отсталости и прогресса стали использовать путеводители по Крыму⁸¹⁶. Очевидно, дело тут не во влиянии книги Гатри, а в общих культурных установках авторов.

Не будет преувеличением сказать, что травелог Гатри занимает особое место в обширном корпусе известий путешественников о новых владениях России. Шотландский врач был автором множества печатных трудов, но, без сомнения, самым известным из них стало именно «Путешествие», волею «редактора» приписанное его супруге. Эту книгу высоко оценили современники. По словам самого Гатри, император Александр I наградил его перстнем с бриллиантами⁸¹⁷. Книга пользовалась популярностью и в Западной Европе, и в России, для многих став ценным источником сведений о Причерноморье, а для путешественников – ещё и путеводителем. Собранный автором обильный материал, литературные достоинства текста и вымышленная фигура путешественницы, оказавшейся в чужой стране, сделали этот источник одним из самых цитируемых современниками и потомками. Хотя Гатри не считал Крым частью России в историко-культурном смысле, его труд оправдывал российскую экспансию, считая правление царей благом для новых провинций и их жителей. Именно в России он видел залог блестящего будущего полуострова, которого следовало достичь через реализацию торговых и хозяйственных проектов.

Доктор Маттью Гатри скончался 7 августа 1807 г. и был похоронен рядом с супругой на Смоленском кладбище Петербурга. Перед этим он работал над новым

⁸¹⁴ Ibid. P. 93.

⁸¹⁵ Паллас П. С. Наблюдения... С. 36–37.

⁸¹⁶ Руцинская И. И. Путеводитель... С. 178–179.

⁸¹⁷ Sweet J. M. Matthew Guthrie... P. 248, note 16; Papmehl K. A. Matthew Guthrie... P. 173.

изданием «Путешествия», планируя прибавить к нему второй том, включавший разнообразные текстуальные и изобразительные материалы. Публикации книг помешала размолвка с лондонским издателем, задержавшим средства, полагавшиеся автору за первую версию «Путешествия». Не была издана и сочинённая Гатри «Естественная история Тавриды»⁸¹⁸. Удивительное совпадение, но так и осталась в рукописи посвященная Гатри монография, подготовленная в 70-х гг. XX в. К.-А. Папмелем⁸¹⁹. Думается, фигура шотландского врача, который, без преувеличения, сумел «стать русским», и был одним из тех, кто «открыл» Крым и его прошлое для читающей публики, заслуживает особого внимания со стороны историков науки и общественной мысли.

⁸¹⁸ *Sweet J. M. Matthew Guthrie... P. 249, 294; Papmehl K. A. Matthew Guthrie... P. 174; Papmehl K. A. An Eighteenth-century English Translation... P. 175.*

⁸¹⁹ *Cronin V. Catherine, Empress of All the Russias. P. 15.*

3.2. Эдвард Кларк

12 июля 1800 г. через Керченский пролив переправились двое англичан – губернёр и его воспитанник. Оказавшись в Ени-Кале (ныне часть города Керчи), они остановились в доме грека, «по рождению спартанца из Мистры», жена которого была уроженкой Пароса. Путешественников умилило то, что даже дети хозяев читали книги по греческой истории⁸²⁰. Англичане прекрасно знали, что в античности Керченский пролив считался границей между Европой и Азией. Они считали себя «цивилизованными европейцами», а потому азиатские реалии вызывали у них нескрываемое раздражение. В Крым они прибыли, осмотрев Петербург и Москву, а также российские владения на юге – в Подонье и на Кубани. Пребывание «в Азии» разочаровало путешественников. Старший из них писал своему близкому другу: «Наше мнение об Азии, составленное по той её части, что мы пересекли, можно передать в нескольких словах – дурной воздух, дурная вода, дурная пища, дурной климат, дурные люди»⁸²¹. Зато в Крыму, «в Европе», увидев развалины античных городов, англичанин преисполнился энтузиазма и решил создать самое лучшее описание археологических памятников полуострова. «Карту крымских древностей очень ждали, и, бесконечными трудами, я выполнил эту работу, исправляя ошибки предшественников, отмечая достоверное и добавляя новое. Пусть другие, которые придут после, сочтут мой труд избыточным»⁸²². Английских путешественников звали Эдвард-Даньел Кларк (Приложение А, рис. 24) и Джон-Мартен Криппс. Через десять лет Кларк опубликовал рассказ о

⁸²⁰ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 98–100.*

⁸²¹ *Otter W. The Life and Remains... P. 295.* Помимо всего прочего, эти слова опровергали принятое в России понимание границ между Европой и Азией, которое должно было подчеркнуть её «европейскость». Василий Никитич Татищев (1686–1750) предлагал провести границу между частями света по Кавказскому хребту, побережью Каспия, реке Яик (Урал) и Уральским горам (*Бассин М. Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства / пер. с англ. О. Леонтьевой // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М. : Новое издательство, 2005. С. 284–285).*

⁸²² *Otter W. The Life and Remains... P. 299.*

путешествии, которому суждено было стать едва ли не самым известным крымским травелогом и во многом определить суждения англичан и других «людей Запада» о полуострове и России в целом⁸²³. Позднее были изданы его письма⁸²⁴.

Биография и творчество Кларка (Edward Daniel Clarke, 1769–1822) не раз становились предметом изучения⁸²⁵. Фрагменты из книги Кларка несколько раз переводили на русский язык. Была издана глава, рассказывающая о Бахчисарае и его окрестностях⁸²⁶. Значительно хуже русский вариант «Керченской» главы, выполненный в двойном переводе с французского издания⁸²⁷. Его правильнее будет назвать пересказом. Достаточно отметить, что переводчики умудрились принять французскую *M.*, стоящую перед именем Кларка и, очевидно, означающую *Monsieur* – «господин», за инициал автора, а *E* – *Edward* (англ.) или *Edouard* (франц.) – в русской версии превратилось в «Е.», хотя следовало бы «Э.» («Эдвард», «Эдуард»). Наконец, недавно опубликован перевод «крымских писем» Кларка⁸²⁸.

⁸²³ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816.

⁸²⁴ Otter W. The Life and Remains...

⁸²⁵ Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 415–418; Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. 2-е изд. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2014. С. 254–260; Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 56–57, 583, 589, 603; Каушлиев Г. С. Вклад английских путешественников... С. 103–104; Храпунов Н. И. Другая николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн. : Дж. Александер. Россия глазами иностранца // АИ. 2011. № 2. С. 399–404; Храпунов Н. И. Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // ПИФК. 2014b. № 4. С. 141–153; Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка : от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3. С. 116–132; Храпунов Н. И. Крымские письма Эдварда-Даньела Кларка // МАИЭТ. 2019. Вып. 24. С. 470–510; Храпунов Н. И. Эдвард Кларк, Реджинальд Хебер и формирование представлений о Крыме в культуре Запада // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 219–239; Khrapunov N. I. The Image of Crimea among British Travelers Edward Clarke and Reginald Heber at the Turn of the 18th–19th Centuries // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. 2019. Vol. 18. No. 4. P. 883–903.

⁸²⁶ Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Бахчисарай и его памятники глазами Эдварда-Даньела Кларка // Материалы к истории Причерноморья в Новое время. Симферополь : [б. и.], 2016. С. 157–190.

⁸²⁷ Кларк М. Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / пер. с франц. Н. Иванкевич, Н. Бусаревой // Археология и история Боспора. Вып. 3. Керчь : [б. м.], 1999. С. 11–38.

⁸²⁸ Храпунов Н. И. Крымские письма Эдварда-Даньела Кларка // МАИЭТ. 2019. Вып. 24. С. 470–510.

Подробности жизни Кларка хорошо известны⁸²⁹ Знаменитый путешественник происходил из небогатой семьи. Его предки были англиканскими священниками, занимавшимися литературными и научными трудами. Имея несомненные способности к учёбе, но непростой характер, Кларк получил степень бакалавра в Кембриджском университете. Он занимался самыми разными вещами, в том числе древними языками, поэзией, химией, минералогией и ботаникой. В результате из Кларка вышел довольно характерный для той эпохи «универсальный учёный». Отсутствие средств побудило его оставить университет и стать гувернёром. В обществе своего воспитанника Криппса (1780–1853) Кларк в 1799–1802 гг. совершил длительную образовательную поездку по Северной Европе, России, Балканам, Ближнему Востоку и Египту. В Крыму Кларк и Криппс находились с июля по октябрь 1800 г. В дороге путешественник вёл подробные дневниковые записи, делал зарисовки экзотических мест, собрал обширные коллекции гербариев, минералов, древних рукописей, статуй и надписей. После возвращения на родину дела Кларка постепенно наладились. За вывезенную из Элевсина в Греции и подаренную Кембриджскому университету античную статую он получил степенью доктора права⁸³⁰. Кларк удачно женился и принял сан англиканского священника, что, наряду с продажей коллекций рукописей и монет, принесло ему достаточный доход. В 1807 г. он начал читать в Кембридже лекции

⁸²⁹ См.: *Otter W.* The Life and Remains...; The Georgian Era : Memoirs of the Most Eminent Persons, Who Have Flourished in Great Britain, from the Accession of George the First to the Demise of George the Fourth. Vol. 3. London : Vizetelly, Branston and Co., 1834. P. 52–55; *Lower M. A.* The Worthies of Sussex : Biographical Sketches of the Most Eminent Natives or Inhabitants of the County, from the Earliest Period to the Present Time. Lewes : Geo. P. Bacon; Steam Printing Offices, 1865. P. 267–274; *Roller D. W.* Edward Daniel Clarke : The First Professor of Mineralogy at Cambridge // *Earth Sciences History*. 1988. Vol. 7. No. 2. P. 146–150; *Кросс Э.* Британцы в Петербурге... С. 415–418.

⁸³⁰ Сам Кларк очень гордился этой «находкой» и называл её «статуей Цереры», богини плодородия (*Clarke E. D.* Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge. Cambridge (UK): University Press, 1809. P. 12–37). На деле же это была кариатида, то есть колонна в виде женской фигуры, I в. до н.э. (*Hamilakis Y.* Decolonizing Greek Archaeology : Indigenous Archaeologies, Modernist Archaeology, and the Post-colonial Critique // *A Singular Antiquity : Archaeology and Hellenic Identity in Twentieth-Century Greece*. Athens : Benaki Museum, 2008. P. 276–277). Эта ошибка характерна для путешественника, склонного преувеличивать значение своих открытий.

по минералогии, в следующем году став первым в университете профессором по этой дисциплине.

Одновременно Кларк готовил к изданию описание увиденных стран и народов. В 1810 г. он начал публиковать «Путешествия по разным странам Европы, Азии и Африки». Работа над этим трудом потребовала массы времени и сил, причём последний, шестой том вышел уже после смерти автора, в 1822 г. – работу над ним завершил друг Кларка, путешественник, антиковед, писатель и редактор Роберт Уолпол (1781–1856). «Путешествия» Кларка выдержали множество изданий на разных языках и принесли автору не только мировую славу, но и внушительные гонорары. Для нескольких поколений англичан записки Кларка стали важным источником сведений о прошлом и настоящем России и Крыма, Греции и Турции, Палестины и Египта.

В английских изданиях менялись количество томов, формат, подбор иллюстраций. Но изменения текста касались непринципиальных вещей: автор попросту добивался большей ясности стиля. Сведения о Крыме помещены в первом из трех разделов травелога («Часть первая: Россия, Татария и Турция»; также изданы: «Часть вторая: Греция, Египет и Святая земля»; «Часть третья: Скандинавия»). Только при жизни автора «крымский» том выдержал пять изданий на языке оригинала, не считая французского и немецкого переводов. В дальнейшем мы будем использовать, в основном, 4-е издание (в 11 томах), последнее, коррективы в которое вносил автор (1816–1824). Оно малоформатное; здесь отсутствуют полностраничные гравюры, часть которых сделана по рисункам самого Кларка. Эти изображения, включавшие десяток видов Крыма, опубликованы в первом издании⁸³¹ (Приложение А, рис. 25–39).

Благодаря своему трудолюбию, энциклопедическим знаниям и разнообразным интересам, Кларку удалось подготовить сочинение, повествующее о физической географии, флоре и фауне, населении и городах, экономике и военном состоянии, истории и археологии виденных им стран. Это, вероятно,

⁸³¹ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... 1810.*

самый большой по объёму английский травелог, повествующий о Крыме того времени, и несомненно – самый масштабный по задумке и авторским амбициям. Конечно, многие суждения Кларка за прошедшие два века утратили научное значение – но они важны для понимания того, как развивалось изучение Крыма, стереотипов и приёмов английского и, шире, западного мышления, а также для характеристики творческой биографии автора.

Сравнение писем Кларка и его книги показывает, что набор обсуждаемых тем в них достаточно близок, хотя книга значительно масштабнее с точки зрения замысла и использованных материалов. Очевидно, автор вёл дорожный дневник, местонахождение которого неизвестно. Его книга сочетает в себе элементы путевого дневника, исследований по археологии, истории, минералогии, ботанике, а также политического памфлета. Ещё в Крыму, в Ени-Кале, он писал своему другу (впоследствии ставшему его биографом) Уильяму Оттеру: «Без книг влачусь я, как сова на солнце, а без Плиния был бы и вовсе слеп. О, если бы здесь оказались даже немногие из тех записей, что лежат без всякого смысла в моем кабинете»⁸³². Том Плиния был куплен по случаю в Таганроге, став единственным путеводителем англичанина и его воспитанника⁸³³. Неподготовленность Кларка и Криппса к путешествию в Крым была вызвана тем, что поездка эта оказалась спонтанной. Проехав от Петербурга до Москвы, путешественники только там приняли решение далее следовать на юг, через землю Войска донского⁸³⁴.

При подготовке описания Крыма Кларк не просто опирался на собственные наблюдения, но изучил разнообразные источники, прежде всего труды древних и средневековых авторов, а также работы современных ему исследователей и путешественников. На страницах «Путешествий» можно обнаружить ссылки на классические труды древнегреческих и римских писателей – Геродота, Еврипида, Страбона, Овидия, Плиния, анонимное описание (лоцию) Чёрного моря VI в., сочинения средневековых путешественников Гильома де Рубрука, Михалона

⁸³² *Otter W. The Life and Remains...* P. 293.

⁸³³ *Ibid.* P. 292.

⁸³⁴ *Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 1. London : T. Cadell and W. Davies, 1816. P. 228.*

Литвина, Мартина Броневского, записки побывавших при ханском дворе франко-венгерского инженера и дипломата Франсуа де Тотта и английского коммерсанта и авантюриста Уильяма Итона, травелоги Элизабет Крейвен, Луи де Сегюра, Шарля де Линя, которые оказались на полуострове уже после присоединения его к России, а также работы «кабинетных» авторов Мишеля Ле Кьена, Виченцо Формалеони, Гаспаро-Луиджи Одерико, Маттью Гатри и многих других.

Особым уважением Кларка пользовались труды знаменитого натуралиста П.-С. Палласа, с которым англичанин познакомился в Симферополе. Кларк писал матери: «Вы должно быть слышали о знаменитом профессоре Палласе, <...> одном из величайших *scavans*⁸³⁵ Европы, которому принадлежит множество прекрасных публикаций. Это у него мы сейчас живём... <...> С нами обоими он нежен, как отец; всё, что находится в его доме, теперь принадлежит нам. Когда мы встретились, у меня не было сил от усталости, и я страдал трёхдневной малярией. Г-н Паллас ухаживал за мною, выхаживал, а затем снабдил всякого рода подарками, книгами, рисунками, насекомыми, растениями, минералами и пр. Стоило проделать весь этот путь из Англии, чтобы иметь счастье поговорить с таким человеком, и это не считая превосходных качеств его сердца»⁸³⁶. Впоследствии подобным образом он высказывался о немецком учёном и в основном своих путевых записках⁸³⁷.

Кларка покорили не только научные знания, но и душевные качества П.-С. Палласа. В знак уважения англичанин поместил профиль академика, нарисованный своей рукой, на виньете в книге⁸³⁸. П.-С. Паллас сопровождал Кларка в одной из его поездок в юго-западный Крым, консультировал его по самым разным вопросам, подарил часть своих коллекций и даже вылечил от малярии. Крымский том Кларковых «Путешествий» демонстрирует очевидную зависимость от сочинения П.-С. Палласа. Англичанин читал «крымское» сочинение своего

⁸³⁵ Учёных (*устар. франц.*).

⁸³⁶ *Otter W.* The Life and Remains... P. 295–296.

⁸³⁷ *Clarke E. D.* Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 161–162.

⁸³⁸ *Ibid.* P. 143.

немецкого наставника – возможно, не в немецком оригинале⁸³⁹, а в английском переводе⁸⁴⁰. Кларк утверждал, что уговаривал П.-С. Палласа переехать в Англию, где он смог бы завершить работу над своими учёными трудами в комфортных условиях, но академик отказался по причине своего преклонного возраста, а также опасаясь, что в этом случае его имущество в России будет конфисковано⁸⁴¹. Как уже говорилось в предыдущей главе, П.-С. Паллас оказал большое влияние на Гатри. Кроме того, он много помогал и другому учёному путешественнику – французу Жану Рёйи. По-видимому, П.-С. Палласа можно назвать человеком, наиболее повлиявшим на изучение полуострова на рубеже XVIII–XIX вв.⁸⁴². В свою очередь, российское правительство использовало П.-С. Палласа как ведущего эксперта по региону⁸⁴³.

Вторым автором, сочинение которого широко цитировал Кларк, был его университетский знакомый Реджинальд Хебер (1783–1826), побывавший в Крыму в 1806 г. и позволивший Кларку воспользоваться своими неопубликованными тогда дневниками и рисунками (подробнее о нем в параграфе 3.3).

Кларк увлекался ботаникой и имел большие научные амбиции в этой дисциплине. В путешествии он собирал гербарии, которые отправлял на родину. Например, его мать получила в одном из писем следующую инструкцию: «Вероятно, к этому времени вы [уже] получили большой сундук из Лондона, с плодами в стеклянных банках и пр. Когда бы его не привезли, прошу, позаботьтесь о нем как можно лучше. Мы отправили его вам, так как боялись, чтобы они не скисли или не разлились. В нем будут два сорта лапландской земляники, сваренные в сахаре. Но так как делали их разные люди, в одних сахара больше, чем в других;

⁸³⁹ *Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise...*

⁸⁴⁰ *Pallas P. S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794. 2nd ed. Vol. 2. London : John Stockdale, 1812. 523 p.*

⁸⁴¹ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 163–164.*

⁸⁴² *Храпунов Н. И. Изучение Крыма как пример научного сотрудничества учёных путешественников на рубеже XVIII–XIX вв. // Российская наука в европейском контексте во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / сост. Н. М. Сперанская. СПб. : Российская национальная библиотека, 2021. С. 125–145.*

⁸⁴³ *Конкин Д. В. Оценки экономического потенциала Крыма в трудах ученых-путешественников...; Конкин Д. В. Экономические «открытия» академика П. С. Палласа...*

сварите их ещё раз в свежем сахаре, и сделайте все, что можно, ради их сохранения; но не смешивайте сорта или испорченную с хорошей. Это фрукт, который никогда не видели в Англии. Там будут две маленькие бутылочки с растением и его плодами в винном спирте – сохраните все как есть. Известно, что вы умеете хранить такие вещи, а потому, рассчитывая на вашу заботу, мы приказали доставить их вам»⁸⁴⁴. Кажется, путешественник совсем не задумывался о том, что подобные распоряжения могли не слишком понравиться его родным.

Ботаника была одним из тех предметов, на почве которой возникли его тёплые отношения с Палласом. В письмах Кларк утверждал, что академик поручил ему завершить свой труд о растениях России *Flora Rossica*⁸⁴⁵. Правда, других доказательств не сохранилось. Наоборот, известно, что Паллас продолжал работать над трудом о растениях в последние годы своей жизни в Крыму⁸⁴⁶. Академик подарил англичанину богатую коллекцию гербариев, собранных им в различных частях России. В одном из писем Кларк хвастался: «В моем распоряжении весь гербарий профессора Палласа... <...> Есть у меня и подарок от него сэру Джозефу Банксу. Он снабдил нас семенами растений, собранных в Сибири, Персии, Тибете, на Камчатке, Американских островах и [Американском] континенте, и т. д. и т. п.»⁸⁴⁷ Джозеф Банкс (Бэнкс, 1743–1820) – знаменитый английский ботаник, бывший спутником капитана Джеймса Кука в его первом кругосветном путешествии 1768–1771 гг., президент Королевского общества. Паллас переписывался с ним, делясь дубликатами ценных растений из своей коллекции. В итоге уникальная ботаническая коллекция Палласа была утрачена для России. После возвращения на родину Кларк выгодно продал гербарий (вместе с образцами, предназначавшимися для Банкса?), который теперь рассеян по европейским и североамериканским музеям⁸⁴⁸. Даже изображение открытого Палласом шалфея скабиозолистного (*Salvia hablitziana*) впервые было

⁸⁴⁴ Otter W. The Life and Remains... P. 297.

⁸⁴⁵ Ibid. P. 299, 301.

⁸⁴⁶ Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. С. 267–268.

⁸⁴⁷ Otter W. The Life and Remains... P. 301–302.

⁸⁴⁸ Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. С. 259–261.

опубликовано в книге Кларка⁸⁴⁹. Впоследствии «ботанические подарки» Палласа вызвали пересуды коллег, осуждавших немецкого учёного за столь свободное распоряжение бесценными образцами. Любопытно, что английский ботаник Элмер Ламберт (1761–1842), выкупивший коллекцию Палласа – Кларка, назвал в честь академика крымскую сосну *Pinus pallasiana*, которую тот отыскал в окрестностях Мангупа⁸⁵⁰.

Амбиции Кларка-ботаника могли приводить к конфузам. Англичанин с гордостью писал своему другу, что «нашёл близ Дона одно растение – замечательную разновидность колокольчика: цветы этого колокольчика синего цвета, с чашечкой, но между каждым боковым цветоносным ответвлением и основным стеблем имеется маленький белый цветок без чашечки; цветы колокольчика – *Pentandria trigynia*, а белые цветы – *Tetrandria digynia*. Паллас сказал, что прежде никогда не видел и не слышал о таком»⁸⁵¹. По-видимому, Кларк «обнаружил» на одном растении цветы, принадлежавшие к двум различным классам по системе Линнея, не распознав сезонно-экологическую аномалию, характерную для видов *Campanula*, когда появившиеся в начале цветения цветки окрашены в один цвет, а поздние цветки – в другой⁸⁵². В другой раз Кларк решил накормить бедняков своей родины, введя в культуру крымские огурцы «такой огромной длины и толщины, что нашим утверждениям об их размерах, вероятно, не поверят»⁸⁵³. «Этот плод – белый как снег и несмотря на то, что достигает непомерного размера и длины, имеет такой же резкий и свежий вкус, как у молодого огурца. Он стал бы ценным растением для бедняков, если бы получилось акклиматизировать его в других регионах Европы»⁸⁵⁴. Нужно сказать, что в Англии XVIII в. огурцы были основной пищей бедняков, ткачей и портных,

⁸⁴⁹ Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. С. 223; Clarke E. D. Travels... 1810. P. 568.

⁸⁵⁰ Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. С. 258–261.

⁸⁵¹ Otter W. The Life and Remains... P. 300.

⁸⁵² Я благодарен канд. биол. наук Владимиру Викторовичу Назарову (Крымский федеральный университет, Симферополь) за консультацию по этому вопросу.

⁸⁵³ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 169.

⁸⁵⁴ Ibid. P. 262.

в летний сезон⁸⁵⁵. Правда, этот план Кларка так и остался теоретическим, ведь семена крымских огурцов в Англии не проросли⁸⁵⁶. Интересно, что Паллас невысоко ценил сорт крупных огурцов, понравившихся Кларку – по его мнению, он уступал по качеству маленьким русским огурцам⁸⁵⁷. Кроме того, есть основания считать, что Кларк ошибся, приняв за огурцы кабачки, которые в Крыму называли «турецкими огурцами» и фаршировали мясом и рисом⁸⁵⁸. Как бы то ни было, благодаря Кларку в Англии, вероятно, стали выращивать крымскую лунную морковь⁸⁵⁹.

Второй страстью Кларка было прошлое, особенно античные древности. Путешественников поразило богатство греко-римского наследия Крыма. Он писал Оттеру: «Мы стоим по колено в древностях, обломав ноги о поучительные мраморы, которые многие годы, вплоть до нашего прибытия, беседовали лишь с жабами и ящерицами. Никогда я не был настолько очарован путешествием, как сейчас. Может ли Греция быть интересней тех стран, где сохранились основы её первых колоний, в которых мы роемся?»⁸⁶⁰. По мнению Кларка, археологическое наследие Киммерийского Боспора превосходит памятники Италии: «Почему же просвещённые путешественники не едут в эти края, где земля вымощена мраморными надписями, где историю можно поднять из могилы, и где скифы, бóльшие варвары, чем их предки – антропофаги, погребают ценнейшие свидетельства в фундаментах своих крепостей? О, если бы турки и татары снова стали хозяевами этой земли!»⁸⁶¹. Под «скифами» здесь он разумел русских.

Кларк понял, что история Крыма является белым пятном. Из Симферополя он писал Оттеру: «Крым – почти неизведанная земля для антиквара. История станет

⁸⁵⁵ *Акройд П.* История Англии. Революция: от битвы на реке Бойн до Ватерлоо / пер. с англ. Н. В. Никитиной. М. : Колибри, 2021. С. 330.

⁸⁵⁶ *Clarke E. D.* Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 262.

⁸⁵⁷ *Паллас П. С.* Наблюдения... С. 167.

⁸⁵⁸ *Гейслер Х. Г. Г.* Быт и нравы русского народа на рубеже XVIII–XIX веков / пер. с нем. В. В. Акунова, М. Д. Булычевой, Т. А. Граблевской. М. : Кучково поле, 2015. С. 311.

⁸⁵⁹ *Сытин А. К.* Ботаник Петр Симон Паллас. С. 223.

⁸⁶⁰ *Otter W.* The Life and Remains... P. 292.

⁸⁶¹ *Ibid.* P. 292–293.

сильной, когда будет изучена. Страбон точнее Паттерсоновой “Книги дорог”⁸⁶². Современные географы, желавшие проиллюстрировать древних, испытали его в своих кабинетах. Всем им свойственны известные ошибки и известная точность»⁸⁶³. Позднее, в книге путешествий, Кларк намекнул на то, что именно его сочинение станет лучшим исследованием античной топографии Крыма, ведь его предшественники были либо кабинетными учёными, либо путешественниками, плохо понимавшими в классических древностях. «Если бы нашёлся уроженец России, со страстью к литературе, который к знанию татарского языка приложил бы знание новогреческого (а многие русские бегло говорят на них обоих), древняя топография Крыма недолго пребывала бы в неизвестности. К сожалению, все те люди, которым Екатерина [II] поручала путешествия по своим владениям с научными целями, либо занимались исключительно изучением естественной истории, или же создавали, в более политических целях, великолепные статистические описания наибогднейших провинций. Почти все они лишены информации о классической [античности]. Первым и любимым занятием Палласа была зоология; после того он возделывал поле минералогии, ботаники и энтомологии. Проживая в Крыму, он был слишком стар годами и слишком слаб здоровьем, чтобы посвящать своё время иным занятиям; в противном случае, он смог бы многое прибавить к имеющейся у нас информации. Все, что до сих пор опубликовано в отношении географии и древностей Крыма, написано людьми, которые никогда не видели эту страну. Те же, кто здесь побывали, к сожалению, не были ни географами, ни антикварами»⁸⁶⁴. Как видно, Кларк принизил заслуги Палласа, о котором с таким уважением отзывался в других местах. Проигнорировал он и книгу Гатри, которая рассказывает прежде всего о прошлом полуострова. Возможно, всё дело в том, что Гатри был русофилом, а Кларк относился к России

⁸⁶² Многократно переиздававшаяся книга английского военного топографа Даньела Патерсона (1739–1825), представляющая собой описание дорог Великобритании с указанием точных расстояний между пунктами (*Paterson D. A New and Accurate Description of All the Direct and Principal Cross Roads in Great Britain. 3rd ed. London : T. Carnan, 1776. 238 col.*).

⁸⁶³ *Otter W. The Life and Remains... P. 299.*

⁸⁶⁴ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 127–129.*

негативно. Не упомянул он и о сочинении Шарля де Пейссоннеля, которое использовали многие другие путешественники.

Итак, Кларк собрался создать самое полное, точное и эрудированное описание античных древностей Тавриды. Он действительно проделал большую работу, осмотрев развалины многих древних городов и поселений и изучив известия древних авторов. Это позволило ему опровергнуть некоторые легенды. Так, в Керчи он услышал от местных жителей рассказ о том, что в большом кургане недалеко от города находилась гробница легендарного царя Митридата VI Евпатора, который в конце II – середине I до н. э. правил государством Понт в Малой Азии. Ему удалось подчинить своей власти значительную часть Крымского полуострова, в том числе занимавшее берега Керченского пролива Боспорское царство. Митридат VI бросил вызов Риму, но потерпел поражение и покончил с собой в Пантикапее – нынешней Керчи. Его история вдохновила знаменитого французского драматурга Жана Расина на создание трагедии «Митридат» (1673), которая, в свою очередь, была использована Вольфгангом-Амадеем Моцартом как основа для оперы «Митридат, царь понтийский» (1770). Расин изучал работы древних авторов – Аппиана и Плутарха. Место действия пьесы он определил как «Нимфей, морской порт на Киммерийском Боспоре, в Таврическом Херсонесе»⁸⁶⁵. Последний акт драмы разворачивается в царском дворце: не желая попасть в руки врагов, Митридат совершает самоубийство⁸⁶⁶. Зритель (или читатель) мог заключить, что великий царь был погребён где-то поблизости – хотя, как известно из древних авторов, римляне решили похоронить своего благородного противника в семейном склепе в Синопе, на противоположном берегу моря. Тем не менее, в конце XVIII – начале XIX в. жители Керчи неоднократно пытались отыскать могилу Митридата в окрестностях современного города⁸⁶⁷. Вероятно, идея начать эти поиски принадлежит кому-то из образованных русских офицеров или

⁸⁶⁵ *Racine J. Oeuvres complètes / éd. L. Aimé-Martin. T. 3. Paris : Lefèvre, 1825. P. 8.*

⁸⁶⁶ *Ibid. P. 112–115.*

⁸⁶⁷ [*Heber A.*] *The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 312; Romme Ch.-G. Voyage en Crimée... P. 105; Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России / пер. с франц. А. Ельницкого. СПб.: [б.и.], 1912. С. 201.*

чиновников. Кларк же писал: «Керченские предания прямо противоположны истории – они утверждают не просто что здесь умер Митридата, но что его похоронили на небольшом расстоянии от города, где до сих пор показывают его якобы могилу. <...> Среди живущих в Керчи греков она носит имя “гробницы Митридата”. <...> Татары называют её Алтын-Оба»⁸⁶⁸. По современным представлениям, величественный Золотой курган (по-тюркски «Алтын-Оба») насыпан над каменной гробницей, которая гораздо древнее понтийского царя (IV – начало III в. до н. э.) и, вероятно, принадлежала членам правившей на Боспоре династии⁸⁶⁹.

В иных случаях Кларку повезло меньше. Кажется, его искренняя увлечённость античностью заставляла искать древнее наследие там, где того в действительности не было. Так, огромные и громкие барабаны крымских татар и цыган заставили его вспомнить слова Страбона о барабанах древних кимвров⁸⁷⁰. Осмотрев постройки мусульманского времени в городе Старый Крым, он написал, что архитектура местного каменного моста напоминает работу этрусков – стены итальянского города Кротоны, а общественной бани – римские купальни. Из этих наблюдений он сделал вывод, что Старый Крым возник в античности и может отождествляться, например, с эллинской Феодосией или Киммериком⁸⁷¹. Удивительнее всего то, что по данным цитированных самим Кларком в примечаниях древних географов, и Феодосия, и Киммерик находились на морском берегу, в отличие от Старого Крыма.

В другой раз, оказавшись на юго-западной оконечности Крыма – Гераклейском полуострове, Кларк постарался локализовать Херсонес и крепость Евпаторий согласно указаниям Страбона (*Strabo Geogr.* 7. 4)⁸⁷². В итоге путешественник запутался, так что разобраться в древней топографии с помощью

⁸⁶⁸ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 111.*

⁸⁶⁹ *Виноградов Ю. А. Золотой курган (Алтын-Оба) // БИ. 2007. Вып. 17. С. 5–17.*

⁸⁷⁰ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 138, 295.*

⁸⁷¹ *Ibid.* P. 150–151, note 1; p. 154–156, and notes 1, 3; cf. p. 142.

⁸⁷² *Страбон. География... P. 281–285.*

его текста вряд ли получится⁸⁷³. На нумерованной карте Ахтиарской (Севастопольской) бухты из книги Кларка Херсонес оказался восточнее своего реального положения⁸⁷⁴. Конечно, нельзя требовать от путешественника конца XVIII в. современных знаний античной топографии – но следует отметить, что Паллас абсолютно точно локализовал Херсонес⁸⁷⁵.

Рассказывая о Херсонесе⁸⁷⁶, Кларк упомянул различные греческие надписи, обнаруженные на городище. Большое впечатление на него произвёл надгробный памятник Ульпии и Феагена, который англичанин даже собирался вывезти на родину, но не получил разрешения от властей⁸⁷⁷. Это замечательное произведение каменной пластики II в.н.э. ныне хранится в собрании Государственного Эрмитажа⁸⁷⁸. Хотя в полностью сохранившейся на надгробии надписи сведений о профессии погребённого нет, Кларк назвал его «философом», видимо потому, что тот изображён со свитком в левой руке. Англичанина провели к могиле, вход в которую якобы украшало это надгробие. «Это был семейный склеп, высеченный в скале с наружной стороны стен древнего города Херсонеса. Внутри были ниши для тел умерших. Вскрыв её, солдаты обнаружили несколько костей в непо потревоженном состоянии, которые они теперь разбросали среди развалин. Здесь было много других усыпальниц того же рода, в той части скалы, где была найдена “Гробница Феагена”, все вырубленные таким же образом, каждую закрывал большой камень. Так что, видимо, херсонесским обычаем было хоронить, а не сжигать умерших»⁸⁷⁹. Пожалуй, Кларк стал первым исследователем погребального обряда Херсонеса. Он понял, что к юго-востоку от городища находился некрополь, где «под стенами города находятся античные усыпальницы херсонеситов, в большом количестве, расположенные в совершенно правильном порядке»⁸⁸⁰.

⁸⁷³ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 210–212.

⁸⁷⁴ См.: Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников... С. 609.

⁸⁷⁵ Паллас П. С. Наблюдения... С. 40–49, 116.

⁸⁷⁶ Подробнее см.: Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников... С. 608–610.

⁸⁷⁷ Otter W. The Life and Remains... P. 298–299.

⁸⁷⁸ IOSPE I², p. 413–415, № 453.

⁸⁷⁹ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 207–209.

⁸⁸⁰ Ibid. P. 211.

Во время второй поездки на Геракле́йский полуостров, когда англичан сопровождал Паллас, близ Георгиевского монастыря какие-то крестьяне принесли путешественникам необычные медные монеты, которые путешественник связал с киевским князем Владимиром. «Спереди на них русское “В”, а на обороте – распятие, символизирующее его обращение к христианской религии»⁸⁸¹. Кларк использовал этот эпизод как повод, чтобы в очередной раз упрекнуть русских в незнании своей истории, и в частности – в непонимании того, где именно находится Херсонес, место крещения Владимира. Данное рассуждение характеризует логику Кларка, но оно неверно. Монеты эти херсонесские, и литера на них не русская, а греческая. Она скрывает имя византийского императора Василия I (867–886)⁸⁸². Однако это, по-видимому, была довольно типичная ошибка. Например, неаполитанский дипломат Константин де Людольф (Ледольф), побывавший в Крыму в 1787 г., заметил, что на Херсонесском городище находили монеты «русского царя Владимира Первого, явившегося сюда в 988 году, чтобы креститься»⁸⁸³. По-видимому, это были находки из той же серии, что видел Кларк. Наконец, в первой четверти XIX в. эти монеты вызвали дискуссию российских исследователей – следует ли считать их древнерусскими, и почему?⁸⁸⁴. Как видно, рассуждения Кларка вполне соответствовали уровню нумизматических знаний его времени.

Ещё один пример того, как далеко иногда заводили Кларка фантазии, связан с легендами о всемирном потопе в Крыму. Как уже говорилось, многие путешественники, в том числе Элизабет Крейвен, поверили местным легендам, согласно которым некогда море покрывало большую часть Крыма, а люди жили на вершинах гор, образывавших архипелаг. Остатки их жилищ – это «пещерные

⁸⁸¹ Ibid. P. 290.

⁸⁸² *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в.н.э.). Киев : Наукова думка, 1977. С. 116.

⁸⁸³ *Людольф [К.] де.* Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Т. 2 (март). С. 157.

⁸⁸⁴ *Зверев С. В.* Херсоно-византийские монеты в истории поиска в начале XIX в. древнейших русских монет // VIII международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка». Материалы научной конференции. Симферополь : Ариал, 2021. С. 105–110.

города» Мангуп, Эски-Кермен, Инкерман (Каламита) и другие. Передвигались между ними на лодках, которые привязывали к высеченным в камне или укрепленным там кольцам. Доверяя этой истории, путешественники нередко соединяли крымско-татарские предания с известиями античных географов, а ветхозаветные легенды с представлениями географов Просвещения об истории Земли⁸⁸⁵. Кларк услышал её в Бахчисарае и попытался опровергнуть, предложив «более рациональную» интерпретацию каменных колец. Город находится в узкой долине, между высокими скалистыми склонами: «нам показали железное кольцо на самом верху скал, к которому в прошлом якобы привязывали корабельные концы, хотя оно находится на сотни футов⁸⁸⁶ выше нынешнего уровня Чёрного моря. Эту традицию, однако, можно или даже следует отбросить в пользу куда более рационального объяснения для того же самого кольца, а именно, что в дни праздников сюда прикрепляли канат, шедший поперёк теснины к подобному кольцу на противоположной его стороне, и ханы развлекались, наблюдая за человеком, перебиравшимся через долину по этому канату, от одного склона до другого...»⁸⁸⁷. Заметим, что высота скал над долиной достигает 70 м, а расстояние между ними вряд ли менее 700 м. Потому объяснение Кларка плохо согласуется не только с историческими реалиями, но и с законами физики⁸⁸⁸. О представлениях акробатов в ханском Бахчисарае ничего не известно. Реальное назначение «каменных колец» было куда прозаичнее – жители горных вершин, укрывавшиеся там от врагов, привязывали к кольцам скотину или использовали их для крепления деревянных конструкций.

Как уже говорилось в предыдущей главе, большинство и западных, и русских путешественников сравнивали Крым с райским садом⁸⁸⁹. Кларк высмеял подобные представления о Байдарской долине, уточнив, что раем был не весь Крым, а лишь

⁸⁸⁵ См.: Храпунов Н. И. Мангупское городище в трудах путешественников... С. 421–422.

⁸⁸⁶ Английский фут равен 30,49 см.

⁸⁸⁷ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 187.

⁸⁸⁸ Я признателен за консультацию д-ру физ.-мат. наук Алимю Сеит-Аметовичу Мазинову (Крымский федеральный университет, Симферополь).

⁸⁸⁹ Храпунов Н.И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»... С. 332–335.

его южный берег: «Если и существует парадиз на земле, то его следует искать в районе, расположенном между Кучук-кюем и Судаком, вдоль южного берега Крыма»⁸⁹⁰. И действительно, северная и центральная часть Крымского полуострова заняты безводной равниной, состоящей из участков полупустыни и степи. Южнее находятся покрытые лесом горы, разделённые плодородными долинами, а ещё дальше, между обрывами Главной гряды и морем, тянется узкая полоса южного берега со средиземноморским климатом и живописными пейзажами. В начале российской эпохи это была труднодоступная зона, куда можно было добраться разве что верхом, переправившись с севера через горные перевалы, или двигаясь с востока вдоль морского берега. Постепенно эта местность (наряду с флотским Севастополем и ориентальным Бахчисараем) вытеснила из популярных представлений о Крыме степи, занимающих три четверти полуострова.

Тем не менее, в Крыму можно было встретить немало вещей, опасных для жизни или же представлявших угрозу для ведения хозяйства. Кларк подробно описал и зарисовал опасных насекомых – саранчу, сколопендру, тарантула и фалангу; к тому же он едва не стал жертвой крымской малярии⁸⁹¹. Лихорадки были бичом Крыма, потому, как считал путешественник, избежать их в принципе было невозможно. «Если выпьешь воды после того, как поешь фруктов, случится лихорадка; если поешь молока, яиц или масла – лихорадка; если, во время испепеляющей дневной жары, позволишь себе самое обычное небрежение одеждой – лихорадка; если рискнёшь выйти на улицу, чтобы насладиться приятнейшим вечерним ветерком, – лихорадка...»⁸⁹². Англичанин, очевидно, понимал, что эти сведения разрушают представления о «крымском рае». Поэтому он решил, что в Крыму могут жить только его «природные обитатели» – татары; для русских же завоевателей он смертелен⁸⁹³. В XVIII в. Крым действительно периодически охватывали эпидемии, жертвами которых становились и местные жители, и

⁸⁹⁰ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 252.*

⁸⁹¹ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 135–137, 196–198, 205, 206 and note 1; p. 221, 257, 296, 297, 303, note 2.*

⁸⁹² *Ibid. P. 296–297.*

⁸⁹³ *Ibid. P. 297.*

российские военнослужащие⁸⁹⁴. Даже смерть Г. А. Потёмкина, по одной из версий, была вызвана последствиями болотной лихорадки, подхваченной светлейшим князем в Крыму⁸⁹⁵.

По словам Кларка, опыт татар позволял избегать опасностей крымского климата – подходящая одежда и головные уборы уберегали их от внезапной смены погоды⁸⁹⁶. Тем не менее, и им не всегда удавалось избежать лихорадки, особенно в городах с дурным климатом – Симферополе, Севастополе, Евпатории и Белогорске. Лучшим средством от болезни, по его мнению, была хинная корка – но далеко не все местные жители, даже из числа состоятельных, могли её себе позволить. Он особо отметил, что в Крыму нет ни единой аптеки. «Поэтому медицина здесь почти неизвестна, за исключением нескольких лекарств, к которым прибегают татары; вместе с немногими лечебными травами, они в основном состоят, как и во всех варварских странах, в использовании амулетов и суеверий»⁸⁹⁷. Известно, что одной из особенностей «нецивилизованных» народов интеллектуалы XVIII в. считали экзотические болезни и отсутствие квалифицированных врачей⁸⁹⁸. Потому данное наблюдение Кларка подтверждало представление о Крыме как месте на окраине цивилизации.

Путешественник утверждал, что присоединение к России испортило даже крымский климат – зимы стали очень суровыми⁸⁹⁹. Некий татарин пожаловался Кларку, что его сад был разорён жестокими морозами: «Мы никогда не знали такой суровой непогоды – но когда пришли русские, то, кажется, принесли с собой и свою зиму»⁹⁰⁰. Паллас осторожно предположил, что дело было либо в погодной аномалии, либо к изменению климата привела вырубка лесов завоевателями и самими татарами, а также «сокращение очагов» из-за татарской эмиграции⁹⁰¹.

⁸⁹⁴ Прохоров Д. А. О стихийных бедствиях на Крымском полуострове... С. 57–65.

⁸⁹⁵ Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М. : Наука, 1992. С. 242.

⁸⁹⁶ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 297.

⁸⁹⁷ Ibid. P. 206, note I.

⁸⁹⁸ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 273–274.

⁸⁹⁹ Otter W. The Life and Remains... P. 304.

⁹⁰⁰ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 180.

⁹⁰¹ Паллас П. С. Наблюдения... С. 161.

Кларк же склонен поверить татарам: зиму принесли с собой русские⁹⁰². Читатели же могли придавать этим словам символическое значение. Они соответствовали известному западному представлению о России как о северной стране с исключительно холодным климатом⁹⁰³. Из Петербурга Кларк писал матери о том, что русский холод «превосходит пределы английского воображения»⁹⁰⁴. Потому похолодание в Тавриде говорило о её новом политическом статусе, символически смещая Крым с Востока на Север на «ментальных картах». Но и суровость русской зимы иногда приносила пользу: жители Крыма зимой «замораживают вино, чтобы удалить воду и получить концентрат»⁹⁰⁵.

В Крыму Кларк поддался обаянию Востока – хоть прежде ему, как уже говорилось, «в Азии» очень не понравилось. Особенное впечатление произвела на него бывшая ханская столица – Бахчисарай. «Это один из замечательнейших городов в Европе, во-первых, из-за новизны здешних нравов и обычаев – они совершенно восточные и не проявляют ничего европейского, во-вторых, из-за местоположения самого города, занимающего изборождённые склоны длинного естественного ущелья между двумя высокими горами», – писал Кларк⁹⁰⁶. Путешественник уловил парадоксальность положения города – островка «Востока» в географической Европе.

Одним из свойств Востока считалось разнообразие этнических типов. Например, во время путешествия в Поволжье (1767) Екатерина II писала Вольтеру из Казани: «Вот теперь я в Азии, по желанию своему, которую я хотела увидеть своими глазами! В сём городе находятся двадцать различных народов, не имеющих между собою ни малейшего сходства. Надобно однако же иметь им свойственную

⁹⁰² *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 180.*

⁹⁰³ *Нойманн И. Б. Использование «Другого»... С. 111–124; Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М. : РОССПЭН, 2016. С. 219, 226–238; Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь : СГТ, 2008. С. 154–159; Королева С. Б. Миф о России... С. 58, 69, 78.*

⁹⁰⁴ *Otter W. The Life and Remains... P. 268.*

⁹⁰⁵ *Ibid. P. 304.*

⁹⁰⁶ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 170.*

каждому одежду!»⁹⁰⁷. Через сто лет (1868), русский писатель Глеб Иванович Успенский (1843–1902) в очень похожих словах характеризовал Северный Кавказ: «То, что в России надобно изучать по отдельным областям Великороссии, Малороссии, Волыни или казанской татарщины, – всё это можно видеть здесь как бы в образчиках, сгруппированных на незначительных пространствах места, точно в музее»⁹⁰⁸. Важно отметить, что многонародность воспринималось и как свойство самой России и её столицы⁹⁰⁹.

В многонародности, конечно, была дополнительная привлекательность российских регионов. Кларк отмечал, что «[м]ногообразие различных наций, обнаруживаемых в Крыму, каждая из которых живёт в своей особенной стране, практикует свои особые обычаи и сохраняет свои религиозные обряды, является одним из тех замечательных обстоятельств, делающих полуостров интересным иностранцу: в Бахчисарае – татары и тюрки, над скалах над ними – колония евреев-караимов; в Балаклаве – греческая орда; русская армия в Акмечети; в других городах – анатолийцы и армяне; в степях – ногайцы, цыгане и калмыки; так что на маленьком клочке земли, словно в зверинце, чудесным образом объединены противоположные виды живых редкостей»⁹¹⁰. Отметим сходство его слов с процитированным выше отрывком Успенского.

Путешественника заинтересовали караимы, жившие в уединении в городе Чуфут-Кале на вершине горы в окрестностях Бахчисарая, где не было источников воды. Кларка привлекла «сама уникальная ситуация, в которой оказалось это еврейское поселение, вероятно, единственное на Земле, где этот народ существует в уединении от прочего человечества, свободно практикуя свои древние обычаи и

⁹⁰⁷ [Екатерина II]. Переписка российской императрицы Екатерины Второй с г. Вольтером с 1765 до 1778 года. Ч. 1 / пер. с фр. М. Антоновского. СПб. : Императорская академия наук, 1802. С. 31–32.

⁹⁰⁸ Успенский Г. И. Собрание сочинений. Т. 7. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 327.

⁹⁰⁹ Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XVIII вв. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2018. С. 18–19; Курукин И. В. Бирон. М. : Молодая гвардия, 2014. С. 273.

⁹¹⁰ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 221–222.

причуды»⁹¹¹. Англичанин подчеркнул отличия караимов от евреев, касавшиеся не только веры (отрицание Талмуда и связанной с ним традиции толкования Ветхого Завета), но также нравов и обычаев. Так, характер караимов он считал исключительно порядочным: «Их честность вошла в поговорку в Крыму, а слово караима считается равным клятве»⁹¹². Кроме того, они заботились об образовании своих детей, были гостеприимными и благочестивыми⁹¹³. «Караимы считают актом благочестия раз в жизни переписать Библию или обширные комментарии к её тексту. Все их рукописные копии Ветхого Завета начинаются с Книги Иисуса Навина; даже в самых из них древних нет Пятикнижия»⁹¹⁴. Кларк приобрёл экземпляр «караимской Библии», написанной на пергаменте, которому, по его словам, было около 400 лет. Но этот манускрипт потерялся во время пересылки⁹¹⁵. Интерес англичанина к караимским рукописям вполне понятен, ведь в путешествии ему удалось собрать большую коллекцию древних манускриптов. Каталог рукописей, переданных Кларком после возвращения на родину в Бодлианскую библиотеку Оксфордского университета, включает два тома, в первом из которых описаны греческие рукописи⁹¹⁶, а во втором – арабские⁹¹⁷.

Интересен рассказ о поездке почтенного караимского священника в российскую столицу, где он с честью выдержал «публичное испытание» перед Екатериной II⁹¹⁸. Похожий рассказ о встрече с караимским раввином в 1816 г. изложил русский путешественник Дмитрий Баранов. В его записках имеется важное уточнение – караим убедил императрицу отличить его сородичей от «прочих евреев» и сохранить «наши (т. е. караимские. – *Н.Х.*) права и

⁹¹¹ Ibid. P. 191.

⁹¹² Ibid. P. 193.

⁹¹³ Ibid. P. 193–194.

⁹¹⁴ Ibid. P. 191.

⁹¹⁵ Ibid. P. 192.

⁹¹⁶ [*Gaisford Th.*] *Catalogus sive notitia manuscriptorum qui a cel. E. D. Clarke comparati in bibliotheca Bodleiana adservantur. Pars prior.* Oxford : Clarendon Press, 1812. 153 p.

⁹¹⁷ [*Nicoll A.*] *Catalogus sive notitia manuscriptorum qui a cel. E. D. Clarke comparati in bibliotheca Bodleiana adservantur. Pars posterior.* Oxford : Clarendon Press, 1815. 22 p.

⁹¹⁸ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2.* 1816. P. 190.

преимущества, которыми мы пользовались при ханах»⁹¹⁹. Очевидно, речь шла о прощении, которое крымские караимы подали императрице в 1795 г., с просьбой вывести их из-под дискриминационных антиеврейских мер, в частности, двойного налогообложения, и предоставлении ряда льгот. Прощение было удовлетворено⁹²⁰.

В живописной долине под склонами Чуфут-Кале находилось караимское кладбище, очаровавшее путешественника. По его словам, «[н]евозможно представить место, лучше приспособленное для священной медитации»⁹²¹. Здесь Кларк обнаружил, что часть религиозных представлений и обычаев караимов и мусульман перекликалась с христианскими. Караимские дамы, которые, подобно мусульманкам, обычно заключены в стенах дома, регулярно посещали кладбище, где оплакивали умерших: «в этом отношении их обычай подобен обычаям татар и турок. <...> Невозможно наблюдать за мусульманами и евреями в этих обстоятельствах, не чувствуя чего-то, очень похожего на желание разделить с ними по крайней мере этот аспект их веры»⁹²².

В противоположность караимам, русских Кларк нарисовал самыми чёрными красками. Во введении к «русской» части описания своих путешествий Кларк дал понять, что граница Российской империи была одновременно границей между двумя мирами – цивилизацией и варварством: «Не так хорошо известно, как следовало бы, что переправа через маленькую речушку, разделяющую две страны, Швецию и Россию, <...> простое пересечение моста приводило путешественника от всего того, что украшает и облагораживает человеческое сознание, туда, где находилось все то наиподлейшее, что его унижает»⁹²³. Эти слова – не просто литературный приём, но реальное ощущение автора. Так, в письмах он жаловался на русское воровство, так контрастирующее со шведской порядочностью⁹²⁴.

⁹¹⁹ Б[аранов] Д. Отрывок из путешествия по Крыму. Письмо XVIII // Сын Отечества. 1817. № 8. С. 49.

⁹²⁰ Присоединение Крыма... С. 334–336, № 251–252; Прохоров Д. А. Караимы в Российской империи... С. 62–64.

⁹²¹ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 188–189.

⁹²² Ibid. P. 189.

⁹²³ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 1. 1816. P. i–ii.

⁹²⁴ Otter W. The Life and Remains... P. 265.

В первой части своего сочинения, рассказывающей о путешествии от Петербурга до Тамани, Кларк не стеснялся в выражениях, приводя многочисленные примеры, доказывающие, по его мнению, дикость и варварство русских⁹²⁵. Пожалуй, полнее всего он выразил своё отношение, рассказывая о русской знати: «Некоторые из них преувеличивают богатство и счастье англичан и имеют на то серьёзные основания, всё, что у них есть как полезного, так и сколько-нибудь ценного, поступает из Англии. Книги, карты, гравюры, мебель, всякого рода металлическая утварь, лошади, экипажи, шляпы, кожа, лекарства, почти всё то, что приносит пользу, комфорт или роскошь, должно поступать из Англии, иначе его сочтут не имеющим ценности. Некоторые представители знати гораздо богаче самых богатых наших английских лордов, а подавляющее большинство, можно предполагать, [наоборот] очень бедны. Эти бедняки и эти богачи имеют общую черту, свойственную и русскому князю, и русскому крестьянину: все они равным образом являются варварами»⁹²⁶. Итак, русские для Кларка – полная противоположность англичанам. А так как свою культуру он считал воплощением цивилизации, то русские олицетворяли самое худшее, что есть в человеке.

Рассказ Кларка о путешествии по России напоминают описание другого, вымышленного путешествия, которое некий англичанин предпринял много лет спустя, правда, направившись не на север, а на юг. Его автором был Джозеф Конрад, или Юзеф Коженёвский (1857–1924), поляк по происхождению и классик английской литературы. Капитан Марлоу, герой повести Конрада «Сердце тьмы» (1899), рассказывает о путешествии по безымянной реке вглубь Африки, в места, которых не достигла цивилизация, о погружении вглубь вековой тьмы, где европейцы теряли налёт высокой культуры. Обстановка первобытной глуши действовала угнетающе. Слова Марлоу напоминают ночной кошмар: «Мне кажется, что я пытаюсь рассказать вам сон – делаю тщетную попытку, ибо нельзя передать словами ощущение сна, эту смесь нелепицы, удивления, недоумения и

⁹²⁵ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 1. 1816. P. 4–11, 22, 23, 26–28, 46, 47, 56, 101, 102, 116–118, 190, 235, 236, 272–275, 290–292, 385–387, 431, 432.*

⁹²⁶ *Ibid. P. 115–116.*

нарастающего возмущения, когда вы чувствуете, что стали добычей невероятного, каковое и является самой сущностью сновидения...»⁹²⁷. Охватившее литературного героя настроение напоминает чувство, которым пронизан травелог Кларка и его письма родным и близким. Как и Марлоу, Кларк не понимал логики происходящего, воспринимая многие окружающие явления как бред и тщетно пытаясь отыскать в них хоть каплю здравого смысла. Считается, что на мировосприятии Джозефа Конрада сказалось пережитое Юзефом Коженёвским в детстве, которое прошло в России. Его отец был сослан за связь с польскими повстанцами. Мальчик рано потерял родителей, в чём мог винить, справедливо или нет, российские власти. Впоследствии он эмигрировал, сначала во Францию, затем в Англию⁹²⁸. Очевидно, в силу этой травмы Конрад искренне ненавидел Россию, воспринимая её как что-то вроде порождения больного сознания. В ней он не видел ни силы, ни единой позитивной черты, ни возможности для прогресса, а потому считал, что Российское государство должно исчезнуть. «В могиле не может быть развития», – писал он в посвящённом Русско-японской войне эссе, которое можно без особых преувеличений назвать «катехизисом русофоба»⁹²⁹. Хотя Конрад вряд ли читал травелог Кларка, мысли о России у них были схожими.

Используя противопоставление между чистотой и грязью, символизирующими цивилизацию и варварство, Кларк показывал разницу между крымскими татарами и русскими. «Дома татар, даже избы бедняков, очень чисты...», – писал он, хотя их обитатели страдали от чесотки, а вместе с людьми жили тарантулы, тараканы, муравьи и тому подобные насекомые⁹³⁰. «При всех этих неудобствах, мы тем не менее полагаем смену *русского дворца* на *татарскую избу* очень приятной. В домах *русских* вельмож омерзительная грязь плохо скрыта внешней роскошью; но пол и стены жилища *татарина*, даже если это всего лишь

⁹²⁷ Конрад Дж. Сердце тьмы и другие повести / пер. с англ. А. Кривцовой, М. Богословской. СПб. : Азбука, 2018. С. 44.

⁹²⁸ Урнов Д. М. Джозеф Конрад. М. : Наука, 1977. С. 74–86; Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / пер. с англ. В. Макаров. 3-е изд. М. : НЛЮ, 2016. С. 334–344.

⁹²⁹ Conrad J. Autocracy and War // The North American Review. 1905. Vol. 181. No. 584. P. 45.

⁹³⁰ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 235.

изба, выбелены и чисты»⁹³¹. О сочетании у русской знати внешнего богатства и удивительной нечистоплотности писали и другие иностранцы, например, Христоф-Герман фон Манштейн, прослуживший в русской армии около восьми лет при императрице Анне Иоанновне⁹³². По словам Кларка, народы отличались даже внешне: крымским татарам свойственно изящество, а русским грубость, первым – гибкость леопарда, вторым – медвежья неуклюжесть⁹³³.

Русских путешественник называл то «скифами», то «антропофагами» (людоедами), иначе говоря, подчёркивал их разрушительное, варварское начало⁹³⁴. Он специально отметил, что так поступали и жившие в Крыму греки. «Позднее мы обнаружили, – пишет Кларк, – что это было обычное бранное слово, ведь хотя греки исповедуют ту же веру, что и русские, первые ненавидят вторых так же искренне, как турок и татар»⁹³⁵. Здесь путешественник демонстрирует владение риторическими приёмами своей эпохи. Как уже говорилось в главе 5, тогда этнографические представления были наивными, а потому учёные и писатели проводили довольно вольные параллели между древними и современными народами. В античности и средневековье скифы считались жителями севера; со временем их именем стали называть самые разные племена, жившие к северу от Средиземноморья – например, готов, русов, печенегов, половцев и других⁹³⁶. В эпоху Кларка Россию традиционно отождествляли с севером. Называя «скифами» русских, Кларк имел в виду не только географию, но и культуру, ведь многие древнегреческие и римские авторы рассматривали скифов как архетипичных варваров. Варварство это заключалось не только в воинственности, грубых нравах, особенностях повседневной жизни, но и в политическом строе. Древние писатели противопоставляли демократическое устройство греческих городов-государств

⁹³¹ Ibid.

⁹³² [Манштейн Х.-Г. фон]. Записки Манштейна о России, 1727–1744 / пер. с фр. СПб. : Типография В.С. Балашева, 1875. С. 181–182.

⁹³³ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 297–298.

⁹³⁴ Otter W. The Life and Remains... P. 292–293.

⁹³⁵ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 145.

⁹³⁶ Подосинов А. В., Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г. Скифия... С. 198–228.

скифской царской власти, «тирании»⁹³⁷, Кларк же обличал деспотизм Российской империи. Считая себя знатоком античности, путешественник, однако, понимал её явления однозначно, в категориях «черный-белый», без полутонов. Так, многие древние авторы, например, Эфор (IV в. до н. э.), придавали образу скифов риторические черты, но не негативные, а идеализирующие, в частности, позволявшие им на этом примере продемонстрировать недостатки своей, греческой культуры⁹³⁸. Для писателей XVIII в. образ скифов был хорош тем, что каждый мог увидеть в нем что-то своё. Так, Вольтер, например, уподоблял русских скифам как варварам, готовым приобщиться к европейской цивилизации⁹³⁹. Этот же образ он использовал, когда восхищался благородством Екатерины II (в качестве правительницы России воплощавшей в себе всех скифов) – покровительницы французских философов⁹⁴⁰. Для Кларка же русская «скифскость» являлась разрушительной дикой стихией, образом настолько негативным, что это само по себе заставляет усомниться в его реальности.

Признавая, что «[п]окорение Крыма пробудило внимание всей Европы»⁹⁴¹, Кларк выработал свою интерпретацию событий 1783 г. Он не мог согласиться с Уильямом Итоном, считавшим экспансию России на юг делом исторически закономерным и прогрессивным. Кларка возмутили слова соотечественника о том, что Россия имела «священное право» на завоевание полуострова, и что с последним крымским ханом поступили гуманно, ведь он просто «удалился на покой» и уехал из Крыма⁹⁴². Кларк был одним из тех, кто создал представление о «золотом веке» Крымского ханства, безжалостно уничтоженном русскими завоевателями. Присоединение Крыма к России он считал катастрофой для региона и местных

⁹³⁷ Там же. С. 120.

⁹³⁸ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор: критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л. : Российская Академия Истории Материальной Культуры, 1925. С. 6, 85, 88–91, 101–104.

⁹³⁹ *Нойманн И. Б.* Использование «Другого»... С. 119–120; *Строев А. Ф.* «Россиянин в Париже» Вольтера и «Русский парижанец» Д. И. Хвостова // *Вольтер и Россия*. М. : Наследие, 1999. С. 33–34.

⁹⁴⁰ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу... С. 330.

⁹⁴¹ *Clarke E. D.* *Travels...* Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 173.

⁹⁴² *Ibid.* P. 178, note 1; p. 179, note 2.

жителей. Это представление совпадает с интерпретацией в национальном нарративе крымских татар⁹⁴³, которую сегодня зачастую заимствует западная историография⁹⁴⁴.

Рассказ Кларка о присоединении Крыма к России тенденциозен и неполон. Это событие он интерпретировал как продукт ловкой интриги, задуманной и осуществлённой Потёмкиным, «первосвященником интриги и коварства». Последний хан Шагин-Гирей описан как наивный и непрактичный человек, игрушка в руках коварных русских, которые сначала спровоцировали междоусобицу в Крыму, а потом воспользовались её результатами⁹⁴⁵. В этом сюжете несложно увидеть характерное для последователей Руссо противопоставление наивного варварства испорченной цивилизации. Сочувствуя крымским татарам, Кларк, тем не менее, не склонен наделять их качествами, присущими западноевропейским нациям. Осознано или нет, они придал татарам (в лице их последнего хана) черты детей, которые не способны самостоятельно решать свою судьбу. Рисуя образ Потёмкина самыми чёрными красками, Кларк следовал традиции, сложившейся в западноевропейской общественно-политической мысли после смерти светлейшего князя в 1791 г. Его стремительный карьерный взлёт и необыкновенные манеры, удивительно смелые проекты и блестящие достижения, титанические амбиции и громкие неудачи вызвали у западных наблюдателей непонимание и страх, и в результате были осмыслены как нечто противоположное цивилизации и потому глубоко порочное⁹⁴⁶. Так, например, рассказывая, что Шагин-Гирей не получал обещанную ему после отречения пенсию, Кларк, быть может, использовал слухи о том, что эти средства присвоил себе Потёмкин. Их распускали противники князя при дворе – впрочем, интрига провалилась⁹⁴⁷. Тем не менее, нужно отметить, что современники не знали

⁹⁴³ *Williams B. G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden ; Boston ; Köln : Brill, 2001. P. 67–69; Sasse G. The Crimea Question... P. 60, 75–78.*

⁹⁴⁴ См. *Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. «Золотой век» Крымского ханства...*

⁹⁴⁵ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 173–179.*

⁹⁴⁶ *Лопатин В. С. Потемкин и его легенда... С. 22–149.*

⁹⁴⁷ *Себаг-Монтефиоре С. Потемкин. С. 319–321.*

многих подробностей присоединения Крыма. Например, сербский монах Герасим Зелич (1752–1828), который в 1783 г. находился на юге России, в написанных на склоне лет мемуарах украсил рассказ о Потёмкине и присоединении Крыма совершенно фантастическим, по нынешним представлениям, деталями⁹⁴⁸. На фоне подобных свидетельств рассказ Кларка удивляет, скорее, агрессивной антироссийской направленностью, чем вымышленными подробностями.

Из сказанного Кларком следовал вывод, что российские власти ответственны за жалкое положение Крыма, которое наблюдал путешественник. Причиной кризиса было насилие, которое чинили завоеватели: «Если бы нам пришлось рассказать о половине тех жестокостей, вымогательств, грабежей и варварства, которые русские обрушили на обречённых жителей Крыма и их обманутого хана (Шагин-Гирея. – *Н. Х.*), то этому рассказу никто бы не поверил»⁹⁴⁹. Тем не менее, путешественник подробно перечислил «злодеяния» новых хозяев полуострова. «Если же сегодня спросят о том, как вели себя русские в отношении Крыма после той безнравственности, жестокости и убийств, посредством которых он был приобретён, ответ можно дать в немногих словах. Они опустошили страну, вырубали деревья, снесли дома, сломали священные постройки местных жителей и все их общественные здания, разрушили общественные водопроводы, ограбили население, оскорбляли татар во время их публичных богослужений, извлекли из могил тела их предков, бросив их останки в выгребные ямы и сделав их гробы кормушками для свиней, уничтожили все памятники древности, разломав гробницы и святых, и язычников, и развеяв их прах по ветру»⁹⁵⁰. По словам Кларка, совершённые русскими преступления превосходили даже зверства Наполеоновских солдат в Испании. Оккупанты обращались с татарами с крайней и бессмысленной жестокостью.

Кларк склонен приписывать русским то, что они не совершали. Так, он

⁹⁴⁸ *Зелић Г.* Житіє сирѣчь рождениє, воспитаніє, странствованія, и разлчина по свѣту и у отечеству приключенія и страданія. Будим : Писмены Крал. Універсітета Унгарскаго, 1823. С. 92–94.

⁹⁴⁹ *Clarke E. D.* Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 173.

⁹⁵⁰ *Ibid.* P. 179–180.

рассказал шокирующую историю о солдатах, из развлечения стрелявших по мусульманским священникам, поднимавшимся в час молитвы на минареты, и однажды даже убивших муллу⁹⁵¹. Это была городская легенда, которую передавали жители Бахчисарая на протяжении XIX – начала XX вв., в разных вариантах и не всегда обвиняя в убийстве русских. Не существует никаких доказательств того, что в её основе лежали реальные факты; более того, впоследствии представители российских властей обвиняли Кларка во лжи⁹⁵². Очевидно, этот сюжет отражал, прежде всего, коллективную травму крымских татар из-за ликвидации ханства и установления власти христиан⁹⁵³. В данном случае важно, что Кларк был готов поверить в антирусскую легенду.

Рассказ о завоевании Крыма Кларк завершил латинской фразой, которая в переводе означает «отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовётся господством; и создав пустыню, они говорят, что принесли мир»⁹⁵⁴. Это цитата из сочинения древнеримского историка Корнелия Тацита «Агрикола» – её якобы произнёс вождь бриттов Калгак, возглавивший восстание против римлян в I в.н.э. (Тас. *Agr.* 30)⁹⁵⁵. Таким образом, путешественник уподобил события в Крыму покорению Британии римлянами, тем самым обнаружив определённое сходство между свободолюбивыми бриттами и крымскими татарами. Этот риторический приём вообще характерен для Кларка, который был склонен превращать реальные явления античной истории и этнографии в риторические элементы, важные лишь постольку, поскольку они подчёркивали те или иные его выводы. Но Кларк, кажется, не заметил, что перевернул с ног наголову традиционные представления о цивилизации и варварстве, уподобив отрицательных русских нёшим цивилизацию римлянам, а крымских татар – свободолюбивым, но все же

⁹⁵¹ Ibid. P. 173.

⁹⁵² *Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt ; Performed during the Years 1825–1828 : Including Particulars of the Last Illness and Death of the Emperor Alexander, and of the Russian Conspiracy in 1825. Vol. 1. London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. P. 85.

⁹⁵³ Подробнее см.: *Храпунов Н. И.* О легенде мечети Ешиль-джами в Бахчисарае // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 12. Ч. 1. URL: <https://history.jes.su/s207987840018451-5-1>

⁹⁵⁴ *Clarke E. D.* Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 179–180.

⁹⁵⁵ *Корнелий Тацит.* Сочинения... С. 328.

варварским жителям Британских островов.

Из книги Кларка совершенно ясно, какой именно народ он ставил на верхнюю ступень «цивилизационной лестницы». Разумеется, это были его соотечественники. Характерно описание Николаева, куда Кларк прибыл после Крыма. Он назвал этот город третьим в России после Москвы и Петербурга – но интересно объяснение, с чем это связано: «Английские офицеры и английские инженеры, также живущие здесь прочие иностранцы на русской службе, ввели [в обращение] учтивость и опрятность, силой [своего] примера послужили исправлению варварства здешних жителей»⁹⁵⁶. Впрочем, как справедливо отметил Э.-Г. Кросс, Кларку стоило бы «приписать это благотворное воздействие» русскому адмиралу Николаю Мордвинову и его жене – англичанке Генриетте (урождённой Кобли, 1764–1843)⁹⁵⁷.

Если Уильям Итон, Элизабет Крейвен и Маттью Гатри связывали будущее Крыма с Российской державой и различными экономическими проектами, Кларк полагал, что долгом Великобритании является завоевание полуострова и «возвращение» его туркам. Это могло стать «лёгким и приятным» делом, с которым справился бы всякий опытный генерал с тысячей солдат. Расквартированные в Крыму русские войска не слишком боеспособны, а жители южного и юго-восточного побережья будут встречать освободителей «со слезами радости». Эта операция, по его мнению, нужна была не в политических или экономических интересах Великобритании, но по соображениям морали, для спасения несчастных от российской «тирании»⁹⁵⁸. Парадоксально, но взгляды Кларка оказались созвучны настроениям традиционных противников Британии – французов. В 1799 г. глава французского внешнеполитического ведомства Шарль де Талейран (1754–1838) выдвинул план войны с Россией, предусматривавший, в частности, «разрушение Херсона и Севастополя» и помощь Османской империи в «отвоевании» Крыма⁹⁵⁹. Позднее, накануне вторжения в Россию, в окружении

⁹⁵⁶ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 350.*

⁹⁵⁷ *Кросс Э. У темзских берегов... С. 183.*

⁹⁵⁸ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 268–270.*

⁹⁵⁹ *Митрофанов А. А. Французская политическая элита... С. 173–174.*

Наполеона обсуждался проект создания на границах России барьера из зависимых от Франции стран, одним из которых должно было стать возрождённое крымско-татарское государство⁹⁶⁰.

Показательно, что Кларк отказывал крымским татарам в праве на политическую субъектность, решив, что их судьбу должны решить «просвещённые европейские нации», а предполагаемая передача Крыма под власть Османской империи, очевидно, говорила о том, что местные жители не способны к самостоятельной политической жизни. Прежде Кларк назвал одной из причин падения последнего крымского хана Шагин-Гирея попытки провести в своих владениях реформы по «русскому» (то есть в реальности вестернизированному) образцу, и даже счёл это отдельной русской интригой, призванной подорвать ханскую власть⁹⁶¹. Из всего этого следовало бы заключить, что между «европейской цивилизацией» и крымскими мусульманами лежит непреодолимая пропасть, попытки переправиться через которую бессмысленны и способны привести лишь к печальным последствиям.

Очевидно, на эту особенность крымских татар как наивных и непрактичных полудикарей указывали слова Кларка об их склонности к безделью: «...они считают величайшим счастьем спокойно сидеть, курить или спать, не имея ничего, чем можно было бы занять ум, и чем меньше дел – тем лучше»⁹⁶². Мысль о пасторальной праздности крымских татар, в особенности живших на южном берегу, встречается у многих западноевропейских и российских авторов⁹⁶³, среди которых Уильям Тук, Мери Хоулдернесс и Джеймс Уэбстер (см. параграфы 2.1, 4.1 и 4.3).

Как уже говорилось, в Западной Европе на протяжении столетий в название

⁹⁶⁰ Ададуров В. В. «Наполеонида» на сходу Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку ХІХ століття. Львів : Видавництво Українського католицького університету, 2007. С. 286–287, 290–291, 500–501, 508; Храпунов Н. И. «Крымские проекты» приближенных Наполеона // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 97–118.

⁹⁶¹ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 175.

⁹⁶² Ibid. P. 248.

⁹⁶³ Храпунов Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»... С. 337–338.

татар добавляли лишнюю букву «р», чтобы подчеркнуть их связь с преисподней – Тартаром. К концу XVIII в. это сопоставление казалось уже неуместным. Однако привычка произносить долгое «а» в первом слоге осталось. Видимо, поэтому Кларк заменил лишнюю *r* на *h*, получив в сочетании с предшествующей буквой *a* дававшее долгий звук [a:] в словах *Tahtars* и *Tahtary*.

Описывая крымских татар, Кларк, разумеется, особое внимание уделил обычаям, показавшихся ему экзотическими. Так, носившие белоснежные покрывала мусульманки напомнили путешественнику призраков. Их стремление укрыться от мужских взглядов заставило Кларка рассказать анекдот об одном английском слуге, который счёл это неуважением и, в свою очередь, стал прятать лицо от татарских женщин. Удивлённые таким поведением, те, в конце концов, отбросили покрывала и потребовали у чужеземца объяснений⁹⁶⁴. Путешественники традиционно воспринимали восточные страны как место, где действовали иные этические нормы, в частности, регламентировавшие любовные и брачно-семейные отношения, а потому были возможны самые невероятные романтические приключения в стиле сказок цикла «Тысячи и одной ночи». Отсюда и большое внимание, которое они проявляли к поведению и образу жизни мусульманок и караимок⁹⁶⁵. Правда, в отличие от многих искателей чувственных удовольствий, Кларк был подчёркнуто целомудрен.

В Бахчисарае путешественник, как и подавляющее большинство иностранцев, посетил бывший ханский дворец. Но архитектура резиденции ханов разочаровала Кларка. «Его (дворца. – Н. Х.) внутренняя часть представляет собой род декораций, описанных в восточных романах, которые пытаются воспроизвести наши театры, в виде совокупности залов, галерей и переходов, настолько

⁹⁶⁴ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 185–186.*

⁹⁶⁵ *Храпунов Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»... С. 340–342; Храпунов Н. И. О похождениях спутников Екатерины II в 1787 г. // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма : материалы конференции. Симферополь : Антиква, 2019. С. 128–130. По-видимому, дело не только в представлениях европейцев о Востоке. Точно также интерес к прекрасному полу стимулировало ощущение дороги (Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М. : Молодая гвардия, 2010. P. 186–189). Очевидно, дело в самом отъезде из дома, позволявшим путешественникам чувствовать себя свободнее от условностей и не опасаться осуждения знакомых.*

запутанных и нерегулярных, что невозможно ни составить их план, ни представить себе цель, ради которой они сооружены. В целом, для резиденции монарха – это довольно незначительная постройка», – писал англичанин⁹⁶⁶. Путешественник, очевидно, полагал, что монарху пристало жить в здании правильной планировки, ведь «упорядоченность» была синонимом «цивилизованности», а достойный правитель должен был заниматься упорядочиванием хаоса. Таковы были представления, типичные для европейцев XVIII в.⁹⁶⁷

Даже привычные Кларку архитектурные элементы имели в ханском дворце другое назначение. Так, некоторые окна вели не на улицу, а из одной комнаты в другую. К тому же они были «предназначены скорее для украшения, чем для удобства», а потому оказались столь плотно забраны решётками, что не позволяли ничего увидеть. По словам путешественника, главная функция турецких и татарских жилищ – скрывать их обитателей от посторонних глаз. Согреться зимой во дворце было невозможно – «но татарин, которому в эту пору года делать нечего, кроме как сидеть и курить, завернувшись в просторную шубу, точно также образом счёл бы комнаты неудобными, если бы там было теплее»⁹⁶⁸.

Разумеется, Кларка заинтересовал гарем, доступ к которому в прежние времена был весьма затруднён. Вход вёл «по извилистому коридору, такому узкому, что пройти здесь мог только один человек за раз, причём ему приходилось ступать так близко к стражнику, что он разбудил бы его, даже если бы тот заснул. В этот проход хан спускался по особой лестнице, предназначенной для него одного»⁹⁶⁹. Однако жизнь ханских жён показалась ему в высшей степени скучной: «Лишённые доступа к чтению, заточенные здесь женщины проводили время, <...> за рукоделием и питием очень плохого кофе, иногда с шербетом, и лимонадом дурного сорта. В турецких гаремах женщинам позволялось величайшая роскошь – курение: для человеческих существ, оказавшегося в таких условиях, оно должно

⁹⁶⁶ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 181.

⁹⁶⁷ См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 297, 305 слл.

⁹⁶⁸ Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 181–182.

⁹⁶⁹ Ibid. P. 184.

было служить важной радостью жизни»⁹⁷⁰. Видимо, если восточная экзотика и показалась Кларку удивительной, то скорее в негативном смысле. Это отличает его записки от многих других: так, например, спутники Екатерины II принц де Линь и граф де Сегюр, поселившиеся в ханском дворце, восторгались восточной негой и дополняли свои реальные переживания потоком ничем не сдерживаемых фантазий⁹⁷¹. Идеализированный образ гарема играл важную роль в фантазиях европейцев о загадочном Востоке⁹⁷², так что подобные рассуждения не должны вызывать удивление.

Кларк стал одним из создателей устойчивого стереотипа, согласно которому русские безжалостно и бессмысленно уничтожали памятники культурного наследия Крыма. Здесь нужно в очередной раз указать на глубокий интерес путешественника к памятникам археологии, который делал особенного убедительным подобные суждения. Отметив, что «нигде в Крыму путешественник не встретит столько древностей, как в Керчи», и рассказав о движимых и недвижимых памятниках Европейского Боспора, Кларк заметил, что, хотя бурная история Крыма сказалась на сохранности свидетельств его прошлого, самый страшный вред археологии нанесли именно русские. В частности, они уничтожили около 500 домов в Керчи, соорудив на их месте три десятка жалких лавок. Сюда переселили греков с островов Эгейского моря, которым русское правительство пообещало щедрую поддержку, но на деле подвергло жесточайшему обращению. Это позволило Кларку объявить лицемерие обычным свойством русской политики, а «просвещённую» политику Екатерины II – обманом, скрывающим жалкое состояние империи⁹⁷³. Кларк сослался на знаменитое сочинение француза Жана Шаппа д’Отроша (1722–1769), своими глазами видевшего Екатерининскую Россию в 1761–1762 гг. и вынесшего ей суровый приговор – который, впрочем, в известной

⁹⁷⁰ Ibid. P. 183–184.

⁹⁷¹ [*Ligne Ch.-J. de*] *Lettres et pensées...* P. 59–60, 66–70; *Ségur [L.-Ph.] de. Mémoires...* Т. 3. P. 199–201.

⁹⁷² *Бернштейн Р.* Восток, Запад и секс... С. 105–129; *Гладышев А. В.* Мушка в паутине. Мир глазами французской феминистки XIX века. М. : РОССПЭН, 2021. С. 75.

⁹⁷³ *Clarke E. D. Travels...* Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 110–126.

мере основывался на типичных европейских предубеждениях и передёргивании фактов⁹⁷⁴. Однако если для француза нравы татар и русских не слишком отличались (и были, конечно, показателем их «варварства»), то Кларк противопоставил дикость и жестокость русских кротости и порядочности татар.

Новые доказательства трагичной судьбы античных памятников, оказавшихся в руках у «новых скифов», Кларк получил, осмотрев древности Гераклейского полуострова. «Когда они (русские. – *Н. Х.*) поселились в этой стране, остатки города Херсонеса были настолько велики, что сохранялись все его ворота. Вскоре они их разрушили и, следуя своему любимому занятию – разорять, они снесли, сломали, срыли и разрушили всякий памятник, способный осветить его былую историю...»⁹⁷⁵. Развалины Херсонеса и его хоры стали каменоломней, откуда брали материалы для строительства Севастополя. Таково обычное поведение русских, заключает Кларк, которые точно также поступили бы с эллинскими древностями Средиземноморья. «Если [Эгейский] Архипелаг когда-нибудь попадёт во власть русских, прекрасные остатки Древней Греции будут разрушены, Афины будут снесены до основания, не останется и камня, показывающего, где стоял город. По сравнению с русскими турки обладают вкусом и глубокой учёностью»⁹⁷⁶.

Как уже говорилось выше (см. введение и параграф 3.1), в XVIII в. античность постепенно входила в моду в Западной Европе, в том числе и в Англии, а начало европейской цивилизации стали связывать с древней Грецией. Отсюда стремление современников Кларка «приобщиться» к античному наследию. Таким образом, обвинение в пренебрежении к памятникам античности и их уничтожении было ещё одним доказательством варварства русских. Характерно, что, рассказывая об османской крепости в Керчи, Кларк обнаружил там «прекрасный мраморный фонтан, сложенный из античных материалов, где видны не только

⁹⁷⁴ *Стенник Ю. В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб. : Наука, 2004. С. 150–156; *Karrer d'Ankoss Э.* Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. с франц. О. А. Павловской. М. : Олма-Пресс, 2005. 463 с.

⁹⁷⁵ *Clarke E. D.* Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 207.

⁹⁷⁶ *Ibid.* P. 207.

турецкие буквы, но и греческая надпись с более древней датой»⁹⁷⁷, но такое использование древних фрагментов для строительства у него осуждения не вызвало, ведь это было сделано турками. Не возмутило его и то, что пещерные церкви в Инкерманских скалах сделались обиталищем татарских пастухов и их коз, а высеченные в камне гробницы превратились в поилки для скота⁹⁷⁸. Очевидно, Кларк прекрасно понимал, когда нужно выдвигать обвинения в уничтожении памятников прошлого, а когда закрывать на это глаза.

По словам англичанина, русские не ограничивались уничтожением античных древностей, сделав жертвой своего варварства и средневековые поселения. Почти до основания разрушена была османская Каффа (ныне Феодосия) – русские солдаты ломали мечети, валили минареты, уничтожали водопроводы и фонтаны, переплавив свинцовые архитектурные детали на пули, а камни взяв для собственных построек⁹⁷⁹. В Карасубазаре на строительство пошли надгробия с татарских кладбищ, хотя вокруг имелись залежи превосходного известняка⁹⁸⁰. Фактически стёрли с лица земли некогда цветущий торговый порт Кёзлев, заменив даже его имя на совершенное неуместную Евпаторию, хотя древний город с таким названием находился в другом месте⁹⁸¹. В руинах лежала столица Крымского ханства – Бахчисарай: две трети города превратились в развалины⁹⁸². Однако несколькими страницами ниже Кларк указал, что ханский дворец в Бахчисарае сохранялся в порядке по указанию Екатерины II⁹⁸³. Он, кажется, не понял (или предпочёл не заметить), насколько это противоречит его инвективам в адрес русских.

Обвиняя русских в неумеренной страсти к разрушению, Кларк иногда чересчур увлекался. Так, например, по его словам, завоеватели стёрли с лица земли загородный дворец ханов (Ашлама-Сарай), «так что без помощи проводника не

⁹⁷⁷ Ibid. P. 122.

⁹⁷⁸ Ibid. P. 205.

⁹⁷⁹ Ibid. P. 144–147.

⁹⁸⁰ Ibid. P. 159.

⁹⁸¹ Ibid. P. 305–306.

⁹⁸² Ibid. P. 173.

⁹⁸³ Ibid. P. 180–184.

удастся даже понять, где он находился»⁹⁸⁴. Последнее обвинение показывает то, как Кларк использовал судьбу памятников для обвинения русских в варварстве. На самом деле, ещё в 1783 г. Потёмкин приказал крымским властям «привести [Ашламу-Сарай] в то состояние, в котором он был прежде, и испорченное все исправить...»⁹⁸⁵. Реставрация потребовала значительной суммы в 6000 рублей. То ли она показалась чрезмерной, то ли проведённые изыскания показали плачевное состояние дворца, но в конечном итоге от ремонта отказались, решив употребить камень Ашламы для строительства в Симферополе. В любом случае, и через 30 лет после Кларка путешественники осматривали развалины этого дворца, которые не смог или не захотел отыскать англичанин⁹⁸⁶.

По словам Кларка, в Крыму уцелели те памятники прошлого, естественной защитой которых стала самая природа. Так, Успенский монастырь близ Бахчисарая сохранился потому, что русским не удалось разрушить скалу, в которой он был высечен⁹⁸⁷, а памятники Мангупа остались неповреждёнными из-за труднодоступности плато, где располагался город⁹⁸⁸. Акмечеть (нынешний Симферополь) был спасён благодаря заступничеству Палласа, едва ли не единственного, по мнению Кларка, достойного человека в тех краях⁹⁸⁹. Возникает вопрос, насколько справедливы подобные упрёки.

Поверхностность в принципе характерна для суждений путешественников. Хрестоматийный пример – искренне увлечённый Англией Николай Карамзин, описывая эту страну в «Письмах русского путешественника», допустил немало необдуманных и просто ошибочных оценок⁹⁹⁰. Важно понять, были ли подобные

⁹⁸⁴ Ibid. P. 172–173.

⁹⁸⁵ Мурзакевич Н. Распоряжения светлейшего князя Георгия Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 281, № 100.

⁹⁸⁶ Там же. С. 301–302, № 130; *Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée.* Т. 6. Paris : Librairie de Gide, 1843. P. 338.

⁹⁸⁷ *Clarke E.D. Travels...* Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 188.

⁹⁸⁸ Ibid. P. 279.

⁹⁸⁹ Ibid. P. 164–165

⁹⁹⁰ *Кросс Э. У темзских берегов...* С. 282–283.

суждения добросовестными, или же predetermined идеологическими установкам автора.

Действительно, источники не раз фиксируют случаи разрушения памятников античной, византийской, гунуэзской и мусульманской археологии и архитектуры после присоединения Крыма к России⁹⁹¹, несмотря на то, что российское правительство и частные лица предпринимали различные меры к изучению и сохранению культурного наследия региона⁹⁹². Исследователи отмечают, что до определенного момента русской культуре было свойственно особое отношение к памятникам прошлого, заметно отличавшееся от взглядов Запада. Несмотря на большой интерес к классической античности, расположенные на территории России древности интереса не вызывали. Возможно, причина тому в том, что до блестящих завоеваний Екатерины II у русских не было «своих» античных памятников⁹⁹³. Подобное пренебрежительное отношение могли переносить и на крымские древности. Что до записок Кларка, в данном случае возникает неразрешимая проблема, характерная для всех травелогов: можно констатировать субъективность, а иногда и тенденциозность авторского взгляда, но нельзя определить степень этой субъективности⁹⁹⁴. Очевидно, Кларк склонен был сгущать краски и использовать археологию как «идеологическое оружие», направленное против России. Рассказывая о судьбе археологических памятников, Кларк превращался в публициста, злоупотреблявшего эмоциональными оценками, избирательно подходившего к фактам и использовавшего их не для выявления объективной картины событий, но как иллюстрацию к своим представлениям об исторической роли народов, о границах между цивилизацией и варварством, и о

⁹⁹¹ Паллас П. С. Наблюдения... С. 47; Казначеев А. И. Партикулярные письма графу М. С. Воронцову, 1828–1837 гг. М. : Новый хронограф, 2015. С. 188; Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса. Николаев : Типография М. В. Рюмина. 1879. Предисловие (без пагинации); Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников... С. 598, 601, 603–604, 615.

⁹⁹² Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 39–54.

⁹⁹³ Шёнле А. Архитектура забвения... С. 13–15; Формозов А. А. Страницы истории русской археологии... С. 129–137.

⁹⁹⁴ Миллер А. И. Предисловие // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу : карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : НЛЮ, 2003. С. 7–8.

перспективных направлениях внешней политики Британского королевства. Использование античного и византийского наследия в идеологических играх – приём, достаточно распространённый в XVIII в. Уместно будет вспомнить, например, идеологические модели, созданные Екатериной II и её окружением⁹⁹⁵, которые находили понимание и отклик в культуре Запада⁹⁹⁶. Но Кларк оказался едва ли не первым, кто применил для этих целей проблему сохранения археологических памятников.

Заметим, что русские путешественники по Западной Европе первой половины XIX в. не раз писали о печальном состоянии тамошних памятников культурного наследия⁹⁹⁷. Очевидно, привычные сегодня представления о необходимости охраны памятников тогда ещё не были выработаны и усвоены обществом. Потому обвинение в уничтожении памятников искусства и культурного наследия в XVIII–XIX в. становилось универсальным аргументом, доказывающим «варварство» и «враждебность цивилизации» того или иного народа. В этом регулярно упрекали турок – достаточно вспомнить слова знаменитого немецкого философа Иоганна-Готфрида Гердера (1744–1803): «Как много творений искусства было разрушено невежественными турками! Сколь многое погибло, чего уже никогда не восстановишь»⁹⁹⁸. Гердеровский аргумент освоили русские интеллектуалы, стремившиеся показать «нецивилизованность» Турции⁹⁹⁹. Позднее, в Первую мировую войну российская пресса безжалостно высмеивала немцев за подобные действия¹⁰⁰⁰. Какими бы ни были реальные факты, данный стереотип становился «идеологическим оружием».

⁹⁹⁵ См.: Уортман Р. С. Сценарии власти... С. 168–199; Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 33–64, 97–122; Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М. : НЛЮ, 2006. С. 11–104.

⁹⁹⁶ Гардзонио С. Образ Российской империи в итальянской поэзии конца XVIII – начала XIX в. // Казань, Москва, Петербург : Российская империя взглядом из разных углов. М. : ОГИ, 1997. С. 110.

⁹⁹⁷ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. С. 119.

⁹⁹⁸ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. с нем. А. В. Михайлова. 2-е изд. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 503.

⁹⁹⁹ См.: Таки В. Царь и султан... С. 196.

¹⁰⁰⁰ Филиппова Т., Баратов П. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М. : АИРО–XXI, 2014. С. 173.

Ещё одним свойством русского варварства Кларк считал запрет на вывоз за границу памятников древней скульптуры и эпитафии, на что неоднократно жаловался в своих записках и письмах¹⁰⁰¹. И если ему удалось доставить в Англию несколько надписей и рельефов, добытых в Тамани¹⁰⁰², то в Керчи, Феодосии и Севастополе русские власти категорически запретили вывозить продававшиеся здесь по бросовой цене мраморы¹⁰⁰³. Правда, в конечном итоге в Англии оказалась средневековая армянская надпись из Феодосии¹⁰⁰⁴, а также древнегреческая, которую, по словам Кларка, вывез из Анапы и затем подарил ему Паллас¹⁰⁰⁵. Возможно, немецкий учёный помог путешественнику с доставкой этих находок. Ныне эти вещи находятся в коллекции Кембриджского университета. По мысли Кларка, вывоз в Англию археологических находок был единственным путём их «спасения» от «русских варваров». Но можно задаться вопросом: не были ли рассуждения путешественника о том, как «новые скифы» разрушали древние памятники, оправданием задуманного им предприятия?

Отметим и то, что описанные Кларком античные надписи Крыма, вроде надгробия Феагена, о котором речь шла выше, ныне находятся в собраниях российских музеев, то есть его страхи оказались напрасными. Вспомним и о том, что продажа коллекций принесла Кларку существенный доход, а подаренная Кембриджу греческая статуя – докторскую степень. Продажа древних рукописей дала внушительную сумму в 1000 фунтов стерлингов – тогда как до поездки годовой доход Кларка составлял менее 100 фунтов. Для сравнения, за издание путевых записок (всех томов за все годы) он получил более 6500 фунтов¹⁰⁰⁶. Вероятно, Кларк планировал такого рода сделки заранее, а потому заботился не только о «спасении» памятников, но и о собственных кармане и карьере. Заметим,

¹⁰⁰¹ *Otter W. The Life and Remains...* P. 293, 294, 298, 299; *Clarke E. D. Travels...* Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 119, 149, 207, 208.

¹⁰⁰² *Clarke E. D. Greek Marbles...* P. 1–3, no. 1; p. 4–5, nos. III–VI; p. 46–47, no. XXIV.

¹⁰⁰³ *Otter W. The Life and Remains...* P. 293–294, 298–299; *Clarke E. D. Travels...* Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 119, 149, 207–208.

¹⁰⁰⁴ *Clarke E. D. Greek Marbles...* P. 8, no. VIII.

¹⁰⁰⁵ *Ibid.* P. 6–7, no. VII.

¹⁰⁰⁶ *The Georgian Era...* P. 52, 54.

что в то время путешественники по Италии или Греции с удовольствием приобретали античные монеты, вазы и другие памятники¹⁰⁰⁷. Английский исследователь Э.-Г. Кросс даже назвал своих соотечественников, правдами и неправдами собиравших предметы искусства во время путешествий, «просвещёнными клептоманами»¹⁰⁰⁸. Выделялся задуманный Кларком масштаб предприятия, амбиции путешественника и идеологическое осмысление скупки древностей. Кроме того, нежелание крымских властей дать разрешение на вывоз памятников археологии, несомненно, стимулировало русофобию Кларка.

Любопытен следующий момент. В 1801 г. Кларк видел, как в Афинах по приказу британского посла лорда Томаса Элгина (1766–1841) демонтировали мраморные статуи Парфенона, чтобы отправить их в Англию. Это вызвало у путешественника сожаление: «стоило больших трудов выполнить эту часть предприятия из-за привязанности, которую турки испытывали к постройке, к которой они привыкли относиться с религиозным почтением, превратив её в мечеть. Мы сознались, что в данном случае разделяли чувства мусульман, и с удовольствием посмотрели бы на то, как исполняется приказ о сохранении, а не разрушении столь прославленного здания»¹⁰⁰⁹. Но он, разумеется, не стал делать из этой истории выводов о «скифской природе» своих соотечественников. Нетрудно представить, сколько гнева и сарказма вызвали бы подобные действия, предпринятые по указанию русского, а не английского посла. Более того, отыскав поблизости две античные статуи, Кларк прибавил их к собственной коллекции¹⁰¹⁰.

Показательно, что здесь путевой дневник был отредактирован, а оценки смягчены, ведь в письмах к другу Кларк куда резче оценил действия своего соотечественника. «Под предлогом спасения предметов искусства от турецких рук сносили храмы, которые на протяжении веков сопротивлялись действию времени,

¹⁰⁰⁷ Например: *Eisner R. Travelers to an Antique Land...* P. 71; *Roćko A. Polski Grand Tour 'dam modnych' // Polski Grand Tour w XVIII i początkach XIX wieku.* Warszawa : Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2014. S. 145–149.

¹⁰⁰⁸ Кросс Э. У темзских берегов... С. 233.

¹⁰⁰⁹ *Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 2 : Greece, Egypt and the Holy Land. Sect. 2. 4th ed. Vol. 6.* London : T. Cadell and W. Davies, 1818. P. 223–224.

¹⁰¹⁰ *Ibid.* P. 218–219, 223–227.

войны и варварства – чтобы украсить жалкую шотландскую виллу»¹⁰¹¹. Впрочем, внимательное чтение писем Кларка показывает, что он возмущался действиями Элгина прежде всего потому, что увидел в нем конкурента по поиску древностей. Само намерение вывезти памятники в Англию осуждения не вызвало. Впоследствии адресат этих писем и биограф Кларка Уильям Оттер заметил, что его друг жаловался зря, ведь ко всеобщему удовольствию «мраморы Элгина» оказались не в поместье лорда, а в Британском музее¹⁰¹².

Отметим и то, что многие англичане поддерживали действия Элгина, считая их «спасением искусства» от «турецкого фанатизма», к тому же сделавшими Британский музей лучшим хранилищем древностей в мире¹⁰¹³. Поступок Элгина вызвал вал «подражаний» – путешественники стали буквально по камешку растаскивать Парфенон¹⁰¹⁴. Очевидно, европейцы считали именно себя «наследниками греков», которые могли оценить историческую и эстетическую ценность памятников прошлого и сохранить их.

Однако нашлись и те, кто осудил поступок лорда-посланника, и среди них, пожалуй, самый знаменитый англичанин той эпохи – лорд Байрон. В 11-м стихе 2-й песни «Паломничества Чайльд-Гарольда» есть такие строки: «Но кто же, кто к святилищу Афины / Последним руку жадную простёр? / Кто расхищал бесценные руины, / Как самый злой и самый низкий вор? / Пусть Англия, стыдясь, опустит взор!»¹⁰¹⁵. В русском поэтическом переводе Вильгельма Левика исчезло указание на шотландское происхождение Элгина – очевидно, указывая на него, Байрон пытался отчасти отвести «клеймо позора» от англичан: *Blush, Caledonia! such thy son could be! / England! I joy no child he was of thine...* («Стыдись, Каледония! Таким смог быть твой сын! / Англия! Я рад, что твоим сыном он не был...»)¹⁰¹⁶. Этот сюжет поэт сделал темой сатирической поэмы «Проклятие Минервы». Байрон

¹⁰¹¹ *Otter W.* The Life and Remains... P. 347.

¹⁰¹² *Ibid.* P. 349.

¹⁰¹³ *Езерник Б.* Дикая Европа... С. 257–258.

¹⁰¹⁴ *Eisner R.* Travelers to an Antique Land... P. 94.

¹⁰¹⁵ *Байрон Дж. Г.* Сочинения в трёх томах / пер. с англ.. Т. 1. М. : Художественная литература, 1974. С. 180.

¹⁰¹⁶ [*Byron G.*] The Works of Lord Byron. Complete in One Volume. London : J. Murray, 1842. P. 17.

сравнил Элгина с готским королём Аларихом, символом варварства, который в 410 г. разграбил Рим: «Пусть вечно будут пользоваться равной славой / Готский монарх и пиктский пэр...»¹⁰¹⁷. И далее он вновь говорит о неанглийском происхождении Элгина: «Дочь Юпитера! В поруганном имени Британии / Урождённый британец смог бы отвергнуть обвинение. / Гневайся не на Англию; Англии он не принадлежал: / Афина, нет! Твой грабитель был шотландцем». Байрон объясняет богине, что Шотландия для англичан была тем же, что Беотия для афинян – «землёй незаконнорождённых», лишённой природных благ, которая никогда не была владением богини мудрости¹⁰¹⁸. Итак, для Байрона, в отличие от Кларка, в образе Другого, воплощающем варварство, выступают шотландцы. Но важно и то, что деятельность Элгина поэт оценил в высшей степени негативно. Конечно, одно дело – разрушать храмы в Афинах ради добычи статуй и рельефов, и совсем другое – собирать мраморные обломки на далёких берегах Чёрного моря. Тем не менее, неясно, как оценил бы Байрон деяния Кларка.

По мнению Э.-Г. Кросса, Кларк способствовал возрождению многих стереотипов о России, берущих начало в XVI–XVII в.¹⁰¹⁹. Представление о «русском варварстве» в Западной Европе никуда не делось и в XVIII в., хотя детали этого образа у разных писателей, конечно же, различались, иногда весьма существенно¹⁰²⁰. Английская же общественная мысль была настроена к России, пожалуй, наиболее радикально. Несмотря на короткие периоды уменьшения русофобии и увеличению позитивных отзывов о России в связи с деятельностью Петра I, Анны Иоанновны и Екатерины II, к концу столетия, во многом благодаря совершенно изменившейся политической ситуации в Европе и на Ближнем Востоке, англичане, как правило, воспринимали Россию как варварскую державу, угрожавшую балансу сил и своим национальным интересам¹⁰²¹. Прижизненных

¹⁰¹⁷ Ibid. P. 454.

¹⁰¹⁸ Ibid.

¹⁰¹⁹ Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 416–417.

¹⁰²⁰ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу...; Нойманн И. Б. Использование «Другого»... С. 111–125.

¹⁰²¹ Anderson M. S. Britain's Discovery of Russia... P. 49–213.

издания «российской» части Кларкова травелога выходили в период, когда отношения между Россией и Британией были крайне противоречивы. В начале Россия была вынужденным союзником Франции, и, следовательно, противником Лондона, а затем, после периода сотрудничества с Англией во время войны с Наполеоном 1812–1814 гг., отношения снова усложнились¹⁰²². На рубеже XVIII–XIX вв. в связи с обострением международных противоречий в Западной Европе актуализировались страхи «русской угрозы»¹⁰²³. Таким образом, антирусские высказывания Кларка упали на подготовленную почву. Конечно, общественное мнение вряд ли было однородным, и иногда некоторые англичане поступали иначе. Так, оказавшиеся в китайском порту Кантон в 1805–1806 гг. участники первой русской кругосветной экспедиции Ивана Фёдоровича Крузенштерна (1770–1846) и Юрия Фёдоровича Лисянского (1773–1837) встретили тёплый приём со стороны представителя Британской Ост-Индской компании Джеймса Драммонда, который оказал русским ряд важных услуг, причём в ущерб собственным интересам. По-видимому, Драммонд почувствовал солидарность с русскими офицерами, представителями европейской культуры, оказавшихся в экзотических условиях Восточной Азии¹⁰²⁴. На Кларка же восточное окружение действовало иначе, катализируя его антирусские настроения.

Сочинение Кларка оказалось одним из самых известных английских описаний России и Крыма. Как уже говорилось, оно выдержало множество переизданий, в том числе на французском и немецком языках. В популярном журнале *The Edinburgh Review* («Эдинбургское обозрение») вышла анонимная рецензия, автор которой превозносил Кларка «не только за здравый смысл, продемонстрированный им просто и ясно – рассказывая обычные вещи в обычной манере; избегая красноречия и шуток во всех описаниях; записывая то, что полезно читателю, вне зависимости от того, может ли оно продемонстрировать его собственные способности; но также за мудрость, которую он продемонстрировал,

¹⁰²² Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона... С. 124–291.

¹⁰²³ Мезин С. А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // ВИ. 2002. № 10. С. 154–155.

¹⁰²⁴ Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона... С. 84–98.

отобрав по большей части самые интересные детали из весьма обширных запасов, и за учёность, которую он выказал, рассматривая и комментируя свои факты»¹⁰²⁵.

Однако в другой рецензии, в североамериканском журнале *The American Review of History and Politics* («Американское обозрение истории и политики»), напротив, указывалось, что Кларк значительно исказил российские реалии¹⁰²⁶. Издатель не открыл имени рецензента, указав только, что это был проживавший в то время в североамериканских штатах русский дворянин¹⁰²⁷. Это мог быть Павел Петрович Свиньин (1787–1839), впоследствии ставший известным журналистом и издателем, который в то время служил в русской дипломатической миссии в Филадельфии¹⁰²⁸. В 1813 г. Свиньин опубликовал книгу, во втором издании 1814 г. получившую название «Очерков о России», где не раз критиковал Кларка за пристрастность и недостоверность его суждений. Во введении же Свиньин отметил, что англичанину мешало незнание русского языка: «Некоторые путешественники, проехав через обширную Российскую империю за три месяца, как, например, д-р Кларк, написали историю этой страны, критикуя её язык, не поняв в ней ни единого слова. Воспользовавшись русским гостеприимством, они присвоили себе право клеветать на русский народ и [тем самым] обманывать своих читателей»¹⁰²⁹. Неизвестный по имени переводчик книги Кларка на французский язык не просто заявил о пристрастности путешественника (впрочем, свойственной, по его мнению, всем англичанам), но и позволил себе в подстрочных примечаниях указать на ошибки автора¹⁰³⁰. Не заметить критику Кларк не мог, и потому в четвёртом издании его травелога появилось предуведомление, объявившее критику недобросовестной, в первом случае – кознями агентов российского правительства,

¹⁰²⁵ Review of: *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*, Pt. 1 // *The Edinburgh Review*. 1810. Vol. 16. P. 335.

¹⁰²⁶ *Observations on the first volume of Dr. Clarke's Travels in Russia, Tartary and Turkey* // *The American Review of History and Politics*. 1812. Vol. 3. P. 70–120.

¹⁰²⁷ *Ibid.* P. 74.

¹⁰²⁸ См.: *Русский биографический словарь* / ред. А. А. Половцов. [Т. 18 :] Сабанеев – Смыслов. СПб. : Типография В. Демакова, 1904. С. 218–219.

¹⁰²⁹ *Svinine P. Sketches of Russia*. P. ii–iii.

¹⁰³⁰ *Clarke É.-D. Voyages en Russie, en Tartarie, et en Turquie* / tr. de l'ang. T. 2. Paris : Buisson ; Arthus Bertrand, 1813. P. iii, note 1; passim

а во втором – происками Наполеона¹⁰³¹.

Нужно сказать, что французская пропаганда времени Наполеона была склонна не критиковать Кларка, но наоборот, использовать его инвективы в адрес русских. Так, во время Русского похода 1812 г. французские газетчики перепечатывали из английской прессы цитаты из Кларка с уничижительными характеристиками российских дворян¹⁰³². При этом они не упустили возможность съязвить: сейчас англичане идеализируют русских, сравнивая их армию с древними спартанцами и македонянами, описывая счастливую жизнь крепостных и блага российской власти для поляков, финнов и молдаван, тогда как еще два года назад (когда отношения с Россией были иными) «та же газета использовала совсем другой язык», цитируя Кларка¹⁰³³.

Украинский исследователь В. В. Ададуrow обратил внимание на сходство антироссийской риторики Кларка и политической пропаганды Наполеона. В обоих случаях использовался дискурс «русского варварства», противостоящего западноевропейской цивилизации¹⁰³⁴. Впрочем, эта риторика не помешала французскому императору инициировать ограбление соборов Московского кремля¹⁰³⁵. Отметим и цитированную выше публикацию во французской газете от 26 ноября 1812 г., где среди цитат из Кларка значительное место занимали обвинения в адрес русских в том, что те разрушали памятники культурного наследия в Крыму, в частности, в Бахчисарае и Каффе¹⁰³⁶. Можно утверждать, что подобные особенности мышления были свойственны западному сознанию. Представители разных держав были уверены в своём превосходстве над другими и считали себя наследниками великих цивилизаций древности. Поэтому французы во время Египетского похода Наполеона «спасали» археологические памятники от

¹⁰³¹ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 1. 1816. Advertisement, note 1.*

¹⁰³² *Постникова А. А. Русская компания Наполеона и Франция: историко-антропологическое измерение. М. : РОССПЭН, 2022. С. 88.*

¹⁰³³ *Journal de l'Empire. 1812. 26 novembre. P. 1.*

¹⁰³⁴ *Ададуrow В. В. Война цивилизаций. Социокультурная история русского похода Наполеона. Т. 1. Киев : Laurus, 2017. С. 22–32.*

¹⁰³⁵ Там же. С. 213–223.

¹⁰³⁶ *Journal de l'Empire. 1812. 26 novembre. P. 1–2.*

«варваров»-египтян, якобы «недостойных» великих предков¹⁰³⁷. В середине XIX в. французы Ксавье (1812–1848) и Адель Омер де Гелль (1819–1883) издали описания своих путешествий по югу России, в которых не раз говорили о разрушении русскими памятников культурного наследия. Они, очевидно, следовали уже полностью сформировавшимся в западной культуре (во многом под влиянием записок Кларка) представлениям о «русском варварстве» и прикрывали показной заботой о судьбе крымских древностей желание вывезти на родину ценные артефакты¹⁰³⁸.

Несколько другой, но всё равно показательной, была ситуация в Юго-Восточной Азии (Индокитае). Когда в XIX в. европейцы обратили внимание на монументальные памятники культурного наследия древних цивилизаций региона, они начали амбициозные проекты археологических раскопок, реставрации и музеефикации. При этом идеология интерпретировала современных туземцев либо как недостойных великих пращуров, либо как вообще не имевших отношения к местным древностям («другая раса»). Таким образом, европейские колонизаторы принимали на себя роль «хранителей прошлого»¹⁰³⁹. Это свидетельствует о сходных приёмах осмысления и идеологического использования археологии представителями европейского Запада, оказывавшихся в очень разных регионах.

Топос «русского варварства» по отношению к прошлому оказался весьма живучим. В 1843 г. француз Астольф де Кюстин (1790–1857) издал знаменитый антироссийский памфлет, текст которого временами заставляет вспомнить о Кларке: «...в этой стране (России. – *Н. Х.*) с историческою правдой считаются не больше, чем с клятвенным обещанием; здесь так же невозможно определить подлинность священных камней, как и достоверность слов и документов. В каждое новое правление исторические здания преобразуются заново, словно бесформенная глина, по воле государя; и благодаря нелепой страсти, громко именуемой прогрессивным развитием цивилизации, ни одно здание не остаётся

¹⁰³⁷ Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет... С. 160–161.

¹⁰³⁸ Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа.

¹⁰³⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 290–294.

стоять на том месте, где было поставлено при основании; даже могилы не защищены от бурь императорской прихоти»¹⁰⁴⁰.

Нелегко будет найти английское описание путешествия в Крым в XIX в., автор которого не обратился бы к тексту Кларка как к авторитетному источнику сведений о регионе и его прошлом. Например, издатель писем Филипа-Йорка Ройстона (1784–1808), ездившего по Крыму в 1807 г.¹⁰⁴¹, цитировал сочинение Кларка в подтверждение слов о безветвормом климате Крыма и о том интересе, который представляет уединённое поселение караимов¹⁰⁴². Позднее на Кларка не раз ссылался другой путешественник, известный критик русских нравов Роберт Лайалл (1789–1831), осмотревший Тавриду в 1821 г. Вот какими словами он описал бедствия, которым подверглись крымские татары, сославшись на авторитет Кларка: «К тому же они претерпели самые жестокие оскорбления: их мечети, их минареты, их дворцы, их бани, их водопроводы, их фонтаны и даже их гробницы были низвергнуты, разрушены и стёрты с лица земли. Я от всего сердца присоединяюсь к благородному негодованию и великодушному сочувствию, которые Кларк выказывал везде, где [перед читателем] представляли эти сцены разрушения и почти полного уничтожения»¹⁰⁴³. Лайалл пошёл даже дальше Кларка, и начал строить планы: «В случае революции, которая раньше или позже, как кажется, ниспровергнет всеобъемлющее и деспотичное правление Российской империи и разрушит её на несколько меньших государств, Крым, несомненно, сразу же попадёт в руки одной из сторон, будь то татары, турки, греки или даже русские...»¹⁰⁴⁴. Высоко оценив стратегическое значение полуострова, путешественник предложил направить в Черное море английский флот, дабы

¹⁰⁴⁰ *Кюстин А. де.* Россия в 1839 г. 3-е изд. / пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб. : Крига, 2008. С. 575–576.

¹⁰⁴¹ См.: *Храпунов Н. И.* К истории британских путешественников по Крыму на рубеже XVIII–XIX вв. // III Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» : Материалы. Т. 1. М. : Пробел-2000, 2019. С. 279–280.

¹⁰⁴² *Peypys H.* The Remains of the Late Viscount Royston: A Memoir of His Life. London : John Murray, 1838. P. 168, note *; p. 170, note *.

¹⁰⁴³ *Lyall R.* Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. Vol. 1. London : T. Cadell, 1825. P. 361–362.

¹⁰⁴⁴ *Ibid.* P. 224.

контролировать как русских, так и татар, если те, получив свободу, вернуться к прежнему разбойному образу жизни¹⁰⁴⁵.

Но были и те (Лайалл в том числе!), кому на собственном опыте пришлось убедиться: далеко не всегда приведённые Кларком сведения были точны¹⁰⁴⁶. Самой яркой фигурой в этом ряду был королевский офицер, шотландец Джеймс-Эдвард Александер (1803–1885), который провёл в России и в Крыму несколько месяцев в 1829–1830 гг. Ему удалось выявить ряд причин, вызвавших у его соотечественника «припадки русофобии»¹⁰⁴⁷. В частности, Кларк демонстративно нарушал принятые в Павловской России предписания к одежде, из-за чего оказывался в полиции. По мнению Александера, это было странное поведение: «во время его пребывания в этой стране, отказываясь соблюдать её обычаи, он (Кларк. – Н. Х.), естественно, испытал множество унижений, которых избежал бы человек мира, меняющий свои привычки и приспособляющийся их к обществу, в котором оказался»¹⁰⁴⁸. Не соответствовала амбициям Кларка и роль гувернёра. Британский посол не удостоил его приглашением в гости¹⁰⁴⁹. Русские дворяне основное внимание уделяли Криппсу, тогда как к его воспитателю относились с пренебрежением. Кларку приходилось есть в дальнем конце стола, в окружении людей низшего звания, где ему подавали не лучшие блюда и вина. «Знаменитому путешественнику захотелось отомстить за подобный приём, и его добродетели уступили место злым чувствам. Непостижимо, сколько вреда приносят подобные путешественники. Давая волю дурным страстям в своих трудах, они не только ставят под подозрение тех, кто последовал за ними, но и провоцируют вражду между народами, взаимные интересы которых в том, чтобы оставаться в мире»¹⁰⁵⁰.

¹⁰⁴⁵ Ibid. P. 224–225.

¹⁰⁴⁶ Ibid. P. 44, 244–245, 303–305, 326, 359; *Webster J. Travels through the Crimea...* Vol. 1. P. 60, 100; *Dubois de Montpéroux F. Voyage...* Т. 5. P. 285; *Dubois de Montpéroux F. Voyage...* Т. 6. P. 170–171.

¹⁰⁴⁷ Подробнее см.: *Храпунов Н. И. Другая николаевская Россия...* С. 399–400, 403–404.

¹⁰⁴⁸ *Alexander J. E. Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829.* Vol. 1. London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. P. 63–64.

¹⁰⁴⁹ Ibid. P. 63.

¹⁰⁵⁰ *Alexander J. E. Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829.* Vol. 2. London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. P. 244–245.

Тем не менее, антироссийские пассажи Кларка пришлись по нраву некоторым из тех, кто отправился по его следам. Так, например, Эдмунд Спенсер, осматривавший Крым в 1836 г., пересказал историю о варварском разрушении Бахчисарая и Ашламы-Сарая со слов Кларка, явно доверяя авторитету соотечественника больше, чем собственным глазам¹⁰⁵¹. Новый виток интереса к травелогу Кларка вызвала Крымская война 1853–1856 гг. Накануне этих событий риторика английского истеблишмента напоминала антироссийские инвективы Кларка. Так, Генри Палмерстон (в годы войны ставший премьер-министром) считал необходимым отторжение от России ряда территорий, расположенных вдоль её западных границ, включая Крым¹⁰⁵². «Кабинетный» исследователь Крыма Энтони Грант, пересказавший яркие и эмоциональные слова Кларка о бесчинствах, которые русские якобы творили на полуострове, призвал возродить роль Крыма как бастиона, «защищающего благородную утончённость Юга от беспощадного неистовства Севера». В этом, по его мнению, были заинтересованы «все цивилизации», в число которых Россия не входила¹⁰⁵³.

Автор исторического описания Тавриды Томас Милнер также негативно оценил роль России в её истории. Он не раз цитировал Кларка (зачастую не называя по имени), например, рассказывая о том, как русские обманули несчастного хана Шагин-Гирея, или как они варварски разрушили загородный дворец ханов Ашлама-Сарай¹⁰⁵⁴. Иногда Милнер шёл дальше Кларка в своих антирусских пассажах. Так, известная история о том, как Екатерина II заменила свой казачий конвой на татарский, чтобы продемонстрировать доверие новым подданным¹⁰⁵⁵, превратилась в рассказ о грандиозном обмане, который придумал «князь плутов» Потёмкин. «Преданные мурзы, беи, имамы, аги и солдаты были цыганами, евреями,

¹⁰⁵¹ *Spencer Ed. Travels in Circassia, Krim-Tartary, & c., Including a Steam Voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople and round the Black Sea, in 1836. Vol. 2. London : Henry Colburn, 1837. P. 19–20.*

¹⁰⁵² История внешней политики России. Первая половина XIX века. М. : Международные отношения, 1999. С. 376.

¹⁰⁵³ *Grant A. An Historical Sketch of the Crimea. London : Bell & Dadly, 1855. P. 105–111.*

¹⁰⁵⁴ *Milner Th. The Crimea... P. 236–239, 243–250, 268, 269; ср.: Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 172–179.*

¹⁰⁵⁵ Например: *Séguir [L.-Ph.] de. Mémoires... Т. 3. P. 192–193; см. также параграф 2.3.*

армянами и казаками, обряженными по случаю в костюмы татарской знати, чиновников и солдат»¹⁰⁵⁶.

В годы Крымской войны англичане и французы, прикрываясь риторикой о необходимости «спасения» памятников археологии, очень напоминавшей Кларкову, вели раскопки в Херсонесе, на Керченском полуострове и на Тамани и вывозили находки на Родину¹⁰⁵⁷. Сожжение союзниками Керчи и уничтожение местного музея древностей произвело тягостное впечатление даже на американского шкипера Джона Кодмана (1814–1900), командира зафрахтованного французами транспортного судна. По его словам, действия союзников ничем не отличались от Наполеона, ограбившего музеи Италии¹⁰⁵⁸. Сложнее пришлось врачу Данкану Макферсону, занимавшемуся «раскопками» близ Керчи. С одной стороны, в своё оправдание, он повторил рассуждения о «русском вандализме», который якобы «стёр с лица земли все следы величественных развалин, некогда здесь существовавших». С другой, не смог не согласиться с тем, что разграбление города и убийства жителей были варварством, а уничтожение музея и его уникальной коллекции – делом «почти святотатственным». Пришлось перекладывать ответственность на союзников англичан – турок и радостно встречавших их татар. В конце концов, заключил доктор, «вероятно даже к лучшему, что все это произошло», ведь город погиб в пожаре¹⁰⁵⁹.

Авторитет Кларка, его яркие, эмоциональные описания влияют даже на современную историографию. Исследователи, в особенности настроенные критично по отношению к России, нередко используют его книгу как абсолютно достоверный источник, без должной источниковедческой критики, не подвергая сомнению

¹⁰⁵⁶ *Milner Th. The Crimea...* P. 259–260.

¹⁰⁵⁷ *Шаманаев А. В.* Вывоз из Крыма археологических находок за рубеж в XVIII – начале XX века: перспективы исследования проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета. Исторические науки. 2016. Т. 2. № 2. С. 163–173; *Орехов В. В.* В лабиринте крымского мифа... С. 231–236.

¹⁰⁵⁸ *Codman J. An American Transport in the Crimean War.* New York : Bonnell, Silver & Co., 1897. P. 76–77.

¹⁰⁵⁹ *McPherson D. Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus.* London : Smith, Elder & Co., 1857. P. 32, 40–43; ср.: *Milner Th. The Crimea...* P. viii.

авторитет «очевидца»¹⁰⁶⁰. В любом случае, Кларка нельзя не признать не только амбициозным, но и талантливым и эрудированным писателем, чем и объясняется успех его книги у читателей и исследователей. Несмотря на субъективизм автора, записки Кларка предлагают массу разнообразных сведений о Крыме, его жителях, властях и памятниках культурного наследия. Их можно использовать для анализа начального этапа изучения прошлого полуострова, и в ещё большей степени для понимания того, как формировались стереотипы восприятия Крыма, России и русских в английской культуре. Некоторые из созданных Кларком стереотипов сохранили актуальность до нашего времени. Почти через сто лет после Кларка Редьярд Киплинг (1865–1936) издал свою книгу путешествия «От моря до моря» – из Индии через Северную Америку в Англию. В ней собраны многие шаблоны западных представлений о путешествии, о дальних странах и о других культурах. В письме XXV Киплинг говорит о том, что почти у каждой страны и культуры есть исторический соперник, образ которого позволяет продемонстрировать собственные достоинства. Для англичан этим Другим были русские: «У Франции есть Германия; у нас есть Россия; для Италии создана Австрия; и даже у самого смиренного пуштуна имеется наследственный враг»¹⁰⁶¹. В этих словах Киплинг выразил то, о чём впоследствии неоднократно будут писать исследователи. В силу устройства человеческой психики, Другой необходим, поскольку он позволяет осознать и оценить собственную культуру. «Иметь врага важно не только для определения собственной идентичности, но ещё и для того, чтобы был повод испытать нашу систему ценностей и продемонстрировать их окружающим. Так что, когда врага нет, его следует сотворить»¹⁰⁶². Кларк создал, возможно, один из самых ярких и убедительных образов «русского врага» в английской культуре.

¹⁰⁶⁰ *Fisher A. W.* The Crimean Tatars. Stanford : Hoover Institution Press, 1978. P. 95; *Williams B. G.* The Crimean Tatars... P. 108; *O'Neill K.* Constructing Imperial Identity in the Borderland : Architecture, Islam, and the Renovation of the Crimean Landscape // *AI.* 2006. Vol. 2. P. 176–177; *Воззрин В. Е.* История крымских татар. Т. 2. 3-е изд. Симферополь : Тезис, 2013. P. 401, 406, 413, 417–420.

¹⁰⁶¹ *Kipling R.* From Sea to Sea : Letters of Travel. Vol. 2. New York : Doubleday & McClure Company, 1899. P. 15.

¹⁰⁶² *Эко У.* Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю / пер. с ит. Я. Арьковой, М. Визеля, Е. Степанцовой. М. : Corpus, 2014. С. 6–7.

3.3. Реджинальд Хебер

Покидая Крым в мае 1806 г., Реджинальд Хебер записал в дневнике: «мы с большим сожалением оставили Крым и его приятных жителей; это и правда напоминало изгнание из рая, когда мы покинули эти прекрасные горы и вновь оказались в обширной зелёной пустыне, что прежде столь основательно нас утомила; когда мы сменили оливки и кипарисы, чистую воду и свежее молоко на камыши, высокую траву и болотные стоки, которые становились не ядовитыми лишь помешавшись с коньяком; и когда от чистого ковра на ночь и ужина из яиц, масла, мёда и засахаренных фруктов мы вернулись на сиденье своего экипажа и к остаткам нашего старого сыра»¹⁰⁶³. Несомненно, полуостров очень понравился молодому англичанину.

Реджинальд Хебер (Reginald Heber, 1783–1826) прославился как религиозный поэт и миссионер. Его биография хорошо изучена – прежде всего, благодаря двухтомному изданию, подготовленному его вдовой Амелией, куда вошли пространные фрагменты дневников, писем и других сочинений Хебера¹⁰⁶⁴. На этом источнике основано большинство биографий Хебера¹⁰⁶⁵. Его известия о Крыме рассмотрены в нескольких статьях автора диссертации¹⁰⁶⁶.

¹⁰⁶³ [Heber A.] The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his widow. Vol. 1. New York : Protestant Episcopal Press, 1830. P. 261–262.

¹⁰⁶⁴ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1; [Heber A.] The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his widow. Vol. 2. New York : Protestant Episcopal Press, 1830. 564 p.

¹⁰⁶⁵ Montefiore A. Reginald Heber, Bishop of Calcutta, Scholar and Evangelist. New York ; Chicago ; Toronto : Fleming H. Revell Company, [1894]. 160 p.; Smith G. Bishop Heber, Poet and Chief Missionary to the East, Second Lord Bishop of Calcutta, 1783–1826. London : John Murray, 1895. 370 p.; Hughes D. Bishop Sahib : A Life of Reginald Heber. Worthing : Churchman Publishing, 1986. 204 p.; Cook J. 'From India's Coral Strand' : Reginald Heber and the Missionary Project // International Journal of Hindu Studies. 2001. Vol. 5. No. 2. P. 131–164.

¹⁰⁶⁶ Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. 14. С. 645–697; Храпунов Н. И. Путеводитель по Восточной Европе начала XIX века // БИАС. 2008. Вып. 3. С. 299–315; Храпунов Н. И. Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. // КИО. 2015. № 3. С. 252–273; Храпунов Н. И. Зарубежные путешественники о будущем Крыма. С. 84–86; Храпунов Н. И. Эдвард Кларк, Реджинальд Хебер...; Khrapunov N. I. The Image of Crimea among British Travelers...

Хебер (Приложение А, рис. 40) родился в семье священника в городе Мальпас, графство Чешир, что на западе Англии. Его предки вели свой род от Вильгельма Завоевателя. В ноябре 1800 г. подававший немалые надежды юноша был отдан в Брейзнууз-колледж Оксфордского университета. Здесь он продемонстрировал свой талант, завоевав ряд литературных призов за произведения в различных жанрах поэзии и прозы. Хебер писал не только на родном языке, но и по-латыни. В 1800 г. университетской премии был удостоен латинский «Гимн столетних игр» (*Carmen saeculare*), в 1803 г. – сочинённая по-английски поэма «Палестина» (*Palestine*), которая считается лучшим поэтическим произведением, когда-либо написанным в стенах Оксфорда. В ноябре 1804 г. Хебера избрали членом оксфордского Колледжа всех душ. В следующем году он получил очередную университетскую награду, на этот раз за прозаическое эссе «Чувство чести» (*The Sense of Honour*).

В 1805–1806 гг. Хебер в компании своего друга Джона Торнтона (1783–1861) отправился в образовательную поездку на континент. Путешественник вёл дневник и делал акварельные зарисовки дальних стран, столь непохожих на его любимую Англию. Сначала они направились на север – в Швецию и Норвегию, а затем в Петербург. Хебера интересовал не только императорский двор, но и жизнь рядового населения города. Например, целые пассажи его путевых заметок посвящены артельщикам и прачкам. Затем англичане отправились в Москву, а оттуда – на юг, в «землю казаков», через Харьков на Дон, в Таганрог и Тамань. Путешественники ехали верхом, зачастую в сопровождении охраны, любезно предоставленной им российскими чиновниками; за ними следовали две повозки, нагруженные разнообразной поклажей. Обогнав их, англичане делали остановки для занятий рисованием. Поездка проходила достаточно медленно – в дневнике Хебер жаловался на незапланированные остановки и задержки. Весной 1806 г. они переправились через Керченский пролив и оказались в Крыму. Вслед за тем, побывав в Херсоне и Одессе, Хебер и Торнтон покинули пределы Российской империи. В дальнейшем их путешествие проходило по Венгрии, Австрии, Чехии и Германии; в Гамбурге друзья погрузились на корабль и отплыли на родину.

В следующем, 1807 г. к Хеберу обратился за советом его знакомый Роберт-Уильям Хей (1786–1861), впоследствии ставший ответственным чиновником в королевском морском ведомстве и в администрации по делам колоний. Хей собирался отправиться в Восточную Европу и просил у Хебера совета. В ответ тот написал ему письмо с подробным изложением особенностей путешествия в дальних странах, где важная роль отводилась Крыму. Это письмо рассказывает о полуострове в эпоху, когда он ещё не был центром курортов и туризма, потому путешественникам приходилось преодолевать самые разные трудности. Однако возможность осмотреть природные достопримечательности и памятники культурного наследия Тавриды искупала потенциальные неудобства. По словам Хебера, «можно бесконечно распространяться о каждой из тех красот, что встретятся вам [на пути]»¹⁰⁶⁷.

Приехав в Симферополь, следовало предпринять несколько действий, чтобы путешествие прошло с минимумом неприятностей. Во-первых, нужно было «обратиться к губернатору за фирманом, адресованным к татарам, чтобы обеспечить вас лошадьми; вы заплатите им по две копейки за милю с лошади, ведь в горах третья копейка не берётся, так как там нет почты. Убедитесь в том, что очень чётко объяснили, что хотите фирман, который проведёт вас через горы от Севастополя до Феодосии (Каффы), поскольку в противном случае русский секретарь, без сомнения, сделает грубую ошибку»¹⁰⁶⁸. Этот фирман, аналог русской подорожной, был необходим всем путешественникам. Павел Сумароков, впервые приехав в Крым в 1799 г., также получил подобный документ в Симферополе. «Потом я направился пешком к капитану-исправнику, и сей мурза вручил мне на гербовой бумаге по-татарски кеят, или приказ, предписывавший старшинам во всех селениях давать мне за прогоны лошадей, квартиры, проводников по приморским городам и всякое при том пособие»¹⁰⁶⁹. Документ составляли на татарском языке, очевидно потому, что других языков жители крымской глуши не знали, и

¹⁰⁶⁷ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 310.

¹⁰⁶⁸ Ibid. P. 309.

¹⁰⁶⁹ Сумароков П. Путешествие... С. 48.

занимался этим чиновник из крымских татар на русской службе. Данный принцип организации частных поездок по Крыму просуществовал достаточно долго, до постройки шоссейных дорог и учреждения регулярных рейсов общественного транспорта. В первом крымском путеводителе 1834 г. путешественникам рекомендовалось «обратиться в Симферополе к г. таврическому губернатору, который даёт распоряжение о выдаче фирмана, где оговорены количество лошадей, каким сможет располагать путешественник, и местность, по которой проляжет путь. <...> Приезжая в деревню, обыкновенно останавливаются у мечети или у первой повстречавшейся группы татар. Они принимаются громко звать он-баши (десятского), которому следует показать фирман, чтобы получить свежих лошадей и нового суруджи (проводника. – *Н. Х.*)»¹⁰⁷⁰.

Во-вторых, следовало обменять валюту, поскольку «[с]реди татар ходят только турецкие деньги»¹⁰⁷¹. Сложно сказать, что было тому причиной – пассивный протест местного населения против российского статуса Крыма, или же обусловленное религиозными причинами нежелание мусульман брать монеты с изображениями людей (царей). Любопытно, что подобное неприятие денег, чеканенных за рубежом (и что ещё более важно – иноверцами) наблюдалось в разных культурах. Так, за полтора века до Хебера жители Москвы отказывались брать иностранную монету как «еретическую»¹⁰⁷².

В-третьих, путешественнику предстояло нанять переводчика, он же проводник. Профессионалов тогда в Крыму не было, а потому: «помните, что он (переводчик. – *Н.Х.*) должен быть физически здоров. Однако возьмите за правило платить за лошадей и пр. самостоятельно, или же переводчик надует и бедных татар, и вас»¹⁰⁷³. Как следует из дневника Хебера, ему пришлось нелегко из-за того, что он доверился не тому человеку. В Феодосии был нанят польский еврей,

¹⁰⁷⁰ *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму / пер. с фр. В. В. Орехова. Киев : Стилос, 2011. С. 98–99.

¹⁰⁷¹ [*Heber A.*] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. 315.

¹⁰⁷² *Черникова Т. В.* Россия и Европа. «Век новшеств». М. : Культура; Академический проект, 2019. С. 407.

¹⁰⁷³ [*Heber A.*] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. 310.

который несколько лет прожил в Константинополе. Но, когда путешественники оказались в окрестностях Алушты, он умудрился пропустить подъем на Чатырдаг, куда хотели подняться его клиенты. В другой раз утомлённый дорогой переводчик «совсем поглупел» и не смог подробно перевести заинтересовавшую англичан легенду о скале, которую, «благодаря её воображаемому сходству с кораблём, считают судном, что было обращено в камень вместе с командой»¹⁰⁷⁴.

В-четвертых, поскольку хороших дорог в горной и южнобережной части Крыма не было, экипаж нужно было или оставить в Симферополе, или отправить в сопровождении слуги по дороге к северу от гор в Феодосию, пока сам Хей будет верхом осматривать южную часть полуострова¹⁰⁷⁵. Отвратительные крымские дороги – один из постоянных сюжетов в рассказе путешественников конца XVIII – начала XIX вв. Пушкин, вспоминая о путешествии с южного берега в Бахчисарай в 1820 г., писал: «По Горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших»¹⁰⁷⁶. В записках француза Виктора-Луи-Шарля де Рике (1762–1839), позднее ставшего герцогом де Караманом, о его поездке в Тавриду весной 1784 г., имеется следующий эпизод. Где-то на горной дороге между Судаком и Феодосией, которая размокла от прошедшего дождя, экипаж путешественника перевернулся и рухнул вниз, в обрыв, увлекая за собой седоков; доставать их пришлось с помощью верёвок¹⁰⁷⁷. Впрочем, излишне говорить, что дороги считались бедой не только Крыма, но и всей России. Регулярные жалобы путешественников подтверждались вполне реальными инцидентами, в том числе с членами царской фамилии¹⁰⁷⁸.

¹⁰⁷⁴ Ibid. P. 255–256. Это предание зафиксировано и другими источниками: его рассказывали греки и связывали с Коктебельским заливом в восточном Крыму. В камень якобы превратился корабль язычников, преследовавших св. Варвару (*Маркс Н.* Легенды Крыма. Вып. 1. М.: [б. и.], 1913. С. 1–3, 33).

¹⁰⁷⁵ [*Heber A.*] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 310–312.

¹⁰⁷⁶ *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962. С. 280.

¹⁰⁷⁷ [*Caraman V. L. Ch. duc de.* Journal d'un voyage en Crimée] / éd. X. Raymond // Journal des débats politiques et littéraires. Samedi 23 septembre. 1854. P. 3; об этом путешествии см.: *Храпунов Н. И.* Крымское путешествие Виктора де Карамана // МАИЭТ. 2021. Вып. 26. С. 498–527 (с библиографией).

¹⁰⁷⁸ *Борисов Н. С.* Повседневная жизнь русского путешественника... С. 100–104.

Интересно, что Хебер, по-видимому, воспринял с доверием рассказ Гатри о путешествии его супруги, а потому отметил, что «маршрут из Одессы до Каффы (Феодосии. – *Н. Х.*) вы найдёте в путешествии Гатри»¹⁰⁷⁹. Среди пунктов, которые стоило посетить, Хебер назвал Акмечеть (Симферополь), Бахчисарай, Инкерман и Херсонес; из Севастополя в Феодосию следовало ехать через южный берег, где можно было посетить «два прекраснейших в вашей поездке места» – Партенит и Ялту; в дальнейшем он советовал осмотреть также Карасубазар и истоки реки Карасу (где некогда побывала Крейвен), а также Старый Крым, где «есть много замечательных развалин, которые, к тому же, рассеяны по всей стране. Самые знаменитые находятся в Балаклаве и Алуште». В Феодосии можно было нанять лошадей и совершить экскурсию по окрестностям, в частности, осмотрев Керчь – «маленький город с гарнизоном и несколькими любопытными следами древних греков. На большой курган возле него по традиции указывают как на могилу Митридата»¹⁰⁸⁰.

Путешественником приходилось жить и питаться в спартанских условиях – так, постоялый двор в Феодосии Хебер назвал «нищим», трактир в Симферополе – «ужасным», а «лучшую в Севастополе пивную» – «исключительно отталкивающей»¹⁰⁸¹. Как и в случае с дорогами, скверные гостиницы были одной из примет всей империи, а жалобы на них – общим местом в записках путешественников по Европейской России¹⁰⁸². На южном берегу Хебер рекомендовал воспользоваться гостеприимством местных жителей: «Остерегайтесь всех русских, греков, евреев и армян, ведь вы питаете отвращение к плутовству и низости. Комфорта можно ожидать лишь в тех домах, что принадлежат магометанам. Мне нет необходимости, однако, советовать вам быть очень осторожным, чтобы не затронуть их предрассудков в отношении женщин и собак...». Потому собаку в поездку лучше не брать – а в ревности по отношению к

¹⁰⁷⁹ [*Heber A.*] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. 309.

¹⁰⁸⁰ *Ibid.* P. 309–311.

¹⁰⁸¹ *Ibid.* P. 310–311.

¹⁰⁸² *Борисов Н. С.* Повседневная жизнь русского путешественника... С. 156–169.

своим жёнам «татары заходят даже дальше турок»¹⁰⁸³. Как и многие другие (см. параграф 3.1), Хебер интерпретировал исламские нормы женского поведения как проявление ревности. Нужно отметить, что интерес к восточным дамам Хебер сохранил и впоследствии. В Индии он наблюдал за купальщицами, отметив, что их смуглая кожа приятнее для взгляда, чем бледность его соотечественниц¹⁰⁸⁴.

Хебер считал крымский климат не слишком здоровым, а потому советовал Хею не пренебрегать несколькими правилами. В частности, писал он, «будьте осторожны с фруктами и жирной пищей, или вы узнаете, что жёлтая лихорадка, или что-то очень на неё похожее, не ограничивается [пределами] Вест-Индии»¹⁰⁸⁵. Кроме того, «[е]сли пришлось спать на открытом воздухе, вам следует аккуратно прикрыть лицо и рот; марлевый полог для вашего экипажа будет не самой плохой вещью, так как москиты очень досаждают; но его вы можете приобрести где угодно...»¹⁰⁸⁶. В Крыму Хебер подхватил какое-то кожное заболевание, по его мнению, вызванное ночёвками на открытом воздухе. Несмотря на многочисленные курсы лечения, в том числе минеральной водой, ртутью и морскими ваннами, окончательно избавиться от болезни, вызывавшей у пациента сильные боли, так и не удалось¹⁰⁸⁷. Известно, что Хей отправился в Крым в 1807 г. и, нужно думать, оценил по достоинству указания, полученные от своего друга.

Вскоре после возвращения на родину Хебер, по примеру отца, стал священником Англиканской церкви (1807 г.), поселившись в небольшом городке Ходнет в графстве Шропшир в западной Англии. В том же году Оксфордский университет присвоил Хеберу магистерскую степень. Он не оставил поэтических занятий, опубликовав ряд произведений, в том числе принёсших ему славу религиозных гимнов – их переиздают до сих пор. Одновременно Хебер был заместителем редактора и постоянным автором *The Quarterly Review* («Ежеквартальное обозрение») – журнала английских консерваторов, к созданию

¹⁰⁸³ [Heber A.] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. 310.

¹⁰⁸⁴ Бернстайн Р. Восток, Запад и секс... С. 159.

¹⁰⁸⁵ [Heber A.] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. 314.

¹⁰⁸⁶ Ibid. P. 314–315.

¹⁰⁸⁷ Ibid. P. 355.

которого приложил руку знаменитый писатель Вальтер Скотт. Хебер постоянно писал для теологического журнала *The Christian Observer* («Христианский наблюдатель»). Он издал политический трактат о состоянии Европы перед лицом Наполеоновских войн¹⁰⁸⁸, а также свои поэтические произведения¹⁰⁸⁹. Хебер состоял в переписке со многими видными деятелями европейской культуры, читал проповеди и лекции в Оксфордском университете, трудился над словарём Библии и историей казаков (в основу её были положены наблюдения, сделанные в поездке по югу России).

В 1809 г. он женился на Амелии Шипли (1789–1870). Первым подарком ей стала, разумеется, Библия. Много лет спустя, в Индии, он напишет посвящение жене «Если бы ты была рядом со мной, любовь моя!» (*If Thou Wert By My Side, My Love!*), которое считается одним из лучших лирических стихотворений своего времени. Впоследствии Амелия станет редактором, издателем и первым биографом своего мужа. У Реджинальда и Амелии было три дочери, старшая из которых умерла в младенчестве. Одновременно он продолжал публиковать свои религиозные и биографические сочинения¹⁰⁹⁰. В 1819 г. Хебера приняли в лондонский Клуб путешественников – он стал одним из четырёх лиц, которым, за их выдающиеся заслуги, было даровано членство в клубе без исполнения обязательного для остальных требования жить в английской столице.

Хебер был знаком с Эдвардом Кларком, который готовил к публикации описание своей поездки по России. Кларк получил возможность ознакомиться с рукописным дневником Хебера, пространными цитатами из которого дополнил собственные наблюдения. В предисловии Кларк писал: «Препо[д]обному]

¹⁰⁸⁸ *Heber R. Europe : Lines on the Present War. London : J. Hatchard, 1809. 32 p.*

¹⁰⁸⁹ *Heber R. Palestine : A Poem. Recited in the Theatre, Oxford, MDCCCIII. To Which is Added, The Passage of the Red Sea. A Fragment. London : Longman, Hurst, Rees, and Orme ; and John Hatchard, 1809. 32 p.; Heber R. Poems and Translations. London : Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1812. 180 p.*

¹⁰⁹⁰ *Heber R. The Personality and Office of the Christian Comforter Asserted and Explained, in a Course of Sermons on John XVI.7. Preached before the University of Oxford, in the Year MDCCCXV, At the Lecture Founded by the Late Rev. John Bampton, M.A., Canon of Salisbury. Oxford : Oxford University Press for J. Hatchard, 1816. 589 p.; Heber R. The Life of the Right Rev. Jeremy Taylor, D.D., Lord Bishop of Down, Conner, and Dromore, with a Critical Examination of His Writings. Vol. 1–2. London : J. Duncan and R. Priestley, 1824. 304 + 296 p.*

Реджинальду Хеберу, позднее ставшему членом Колледжа всех душ в Оксфорде, я признателен за ценный рукописный дневник, послуживший источником цитат в примечаниях. В дополнение к привычной аккуратности г-на Хебера, можно отметить статистические данные, придающие особую ценность его наблюдениям; они обогатили эти тома сведениями, которые сам автор собрать не смог»¹⁰⁹¹. В предисловии ко второй части своих путешествий, рассказывающих о Турции и Греции, Египте и Святой земле, Кларк вновь вспомнил о Хебере, использованных им в «русской» части своего травелога: «Интересные сообщения препод[обного] Реджинальда Хебера придали прежней публикации значение, которого без того она бы не получила...»¹⁰⁹². Итак, Кларк высоко ценил записки своего знакомого.

Французский переводчик книги Кларка отметил: «В целом г-н Хебер показывает в своих заметках столько же аккуратности, сколько и таланта в манере их изложения. Нужно поздравить г-на Кларка с тем, что он имел в своём распоряжении источник столь же драгоценный из-за удачных наблюдений; но досадно, что полный дневник г-на Хебера не опубликован... <...> Автор, человек просвещённый, кажется достойным всякого доверия...»¹⁰⁹³. Публикация отрывков из дневника в книге Кларка сделали имя Хебера известным путешественникам по Крыму. Так, например, Мери Хоулдернесс (см. параграф 4.1), рассказывая об армянском монастыре в восточном Крыму, близ города Старый Крым¹⁰⁹⁴, сослалась на Хебера, очевидно, по одному из изданий Кларка¹⁰⁹⁵.

Впоследствии Хебер пожалел о своей щедрости. В 1812 г. он писал одному из друзей: «поскольку д-р Кларк выбрал из моих дневников все, что он счёл самым любопытным, мои бумаги так сильно рассеяны, что я совершенно потерялся – не знаю, как и вернуться к какой бы то ни было их части»¹⁰⁹⁶. Хебер не стал

¹⁰⁹¹ *Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 1. 1816. P. iv–v.*

¹⁰⁹² *Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 2 : Greece, Egypt and the Holy Land. 4th ed. Vol. 3. London : T. Cadell and W. Davies, 1817. P. xxii.*

¹⁰⁹³ *Clarke É.-D. Voyages en Russie... P. 449, note A.*

¹⁰⁹⁴ Хотя англичанка и не назвала его, ясно, что это средневековый Сурб-Хач.

¹⁰⁹⁵ *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia. 2nd ed. London : Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. P. 196.*

¹⁰⁹⁶ [*Heber A.*] *The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 359.*

публиковать свой путевой дневник, хотя такое издание соответствовало бы как моде его времени, так и тому, что первые читатели рукописи признали её значение. Возможно, он посчитал, что Кларк издал все самое интересное, или полагал, что ему нечего прибавить к объёмному сочинению своего товарища. А может быть, просто не хватило времени.

Во втором издании «Путешествий» Кларка появились гравюры, выполненные по рисункам не только самого автора, но и Хебера. Интересно, что названия их в списке иллюстраций в начале книги и непосредственно на листах немного отличаются: «Дворец крымских ханов» («Сераль, или дворец крымских ханов, с видом на гарем»), «Вид гавани и города Балаклавы» («Вид гавани Балаклавы, Порты символов, с развалинами крепости и частью города») и «Развалины греческой молельни на южном берегу Крыма» («Развалины греческой молельни и монастыря на южном берегу Крыма, близ Дерекоя»)¹⁰⁹⁷ (Приложение А, рис. 44–46).

Последняя гравюра использована в недавней статье Н. П. Туровой, причём исследователь по ошибке назвала автором рисунка самого Кларка¹⁰⁹⁸. Согласно предложенной интерпретации, здесь изображена средневековая церковь Рождества Иоанна Предтечи, находившаяся на территории современного посёлка городского типа Массандра близ Ялты¹⁰⁹⁹.

Сопоставление гравюры, изображающей ханский дворец, из книги Кларка с оригинальным рисунком Хебера (Приложение А, рис. 43–44) показывает, что при изготовлении клише гравёр изменил целый ряд мелких деталей – изображение крыш дворцовых помещений, добавил новые окна, убрал полумесяц с верхушки Соколиной башни и т.д.¹¹⁰⁰ Подобная «корректировка» рисунка при его

¹⁰⁹⁷ Clarke E. D. Travels... 1810. P. xvi, 472, 506, 534.

¹⁰⁹⁸ Турова Н. П. Храм Рождества Иоанна Предтечи в Верхней Массандре (по материалам археологических разведок 2002 г.) // История и археология Крыма. 2012. Вып. 12. С. 337, 341, рис. 12.

¹⁰⁹⁹ Там же. С. 333–337.

¹¹⁰⁰ Храпунов Н. И. Изображения крымских памятников, оставленные путешественниками конца XVIII – начала XIX в.: некоторые предварительные наблюдения // Уваровский Таврический сборник «Древности Юга России». М. : ГПИБР, 2020. С. 178 и рис. 3.

тиражировании – дело достаточно обычное. Известно, например, что при изготовлении литографии с рисунка Огюста Раффе (1804–1860), изобразившего семью крымских караимов, литографы придали фигуре служанке негроидные черты, чего не было на оригинальном рисунке, чтобы придать ей сходство с привычной французам африканской прислугой¹¹⁰¹. Разумеется, слуг-африканцев у караимов не было, но подобные случаи доказывают, насколько осторожно следует подходить к использованию литографий и гравюр в качестве источников для исторических, этнографически и архитектурных реконструкций.

Гравюра по рисунку Хебера, изобразившего ханский дворец в Бахчисарае, представленная в книге Кларка, впоследствии была скопирована в популярном французском издании о России, подготовленном журналистом Бретоном де ла Мартиньером (1777–1852). Она стала заглавной иллюстрацией – фронтисписом тома 6. Но если у Кларка гравюра монохромна, то во французском издании её раскрасили, явно произвольно, согласно представлениям работавшего над книгой художника¹¹⁰².

Украинский исследователь В. М. Филас ошибочно приписал Хеберу другие гравюры, изданные в книге Кларка, с видами мыса Фиолент, горы Чатырдаг, «пещерного города» Мангуп-Кале и пр.¹¹⁰³ На самом деле, они выполнены с рисунков Кларка, о чём свидетельствует имя последнего в нижнем левом углу. Однажды украинскому исследователю удалось совершенно запутать ситуацию: по его словам, во французском этнографическом справочнике 1838 г. опубликована гравюра, выполненная по рисунку Хебера, на котором показан вид южного берега¹¹⁰⁴. Заметим, что, вопреки мнению Филаса, французская подпись *Cap de la Vierge* никак не может означать «Буря близ мыса Партенит в Крыму». Это всего-навсего «Мыс Девы», предположительно связанный с античным храмом богини

¹¹⁰¹ Филас В. М. Візуальне освоєння Північного Причорномор'я... С. 270–271.

¹¹⁰² Breton [J.-B.]. La Russie, ou mœurs, usages, et costumes des habitants de toutes les provinces de cet empire. Т. 6. Paris : Neveu, 1813. Frontispice.

¹¹⁰³ Филас В. М. Візуальне освоєння Північного Причорномор'я... С. 169, 230, 423, 424.

¹¹⁰⁴ Там же. С. 333; ср.: Famin C. Crimée // L'Univers. Histoire et description de tous les peuples, de leurs religions, mœurs, coutumes, etc. Т. 10 : Chopin [J.-M.]. Russie, t. 2 : La fin de la Russie d'Europe. Paris : Firmin Didot frères, 1838. [Fig.] Tauride. Cap de la Vierge.

Артемиды-Дианы (подробнее см. параграф 2.4). В английском издании биографии Хебера, на которое ссылается Филас, подобного рисунка при всем желании обнаружить не получится. Зато английская подпись, которую приводит Филас как якобы взятую из этого издания, в действительности помещена в книге Кларка под гравюрой, выполненной с его собственного рисунка, изображающего окрестности Георгиевского монастыря в юго-западном Крыму, который не имеет никакого отношения ни к Хеберу, ни к иллюстрации во французском издании¹¹⁰⁵. Ничуть не более убедительно предположение Филаса, что гравюры с изображением Севастополя и Керчи во французской книге также выполнены по рисункам Хебера, поскольку им свойственны «готические мотивы»¹¹⁰⁶. Как видим, поиск, корректная атрибуция и публикация «крымских рисунков» Хебера может стать темой отдельного исследовательского проекта.

1823 г. ознаменовал крутой поворот в жизни Хебера: после долгих сомнений он принял назначение на пост епископа Калькутты. Этот диоцез англиканской церкви был основан незадолго до того – в 1813 г. и включал все земли, подчинённые Британской Ост-Индской компании, то есть современные Пакистан, Индию, Бангладеш и Мьянму. Первым калькуттским епископом был Томас Миддлтон (1814–1822), вторым же предстояло стать Хеберу. Незадолго до отплытия в Индию Хебер получил диплом доктора богословия Оксфордского университета.

Считается, что в Индии Хебер продемонстрировал благородство, бескорыстие и чувство долга, занимаясь не только христианизацией, но просвещением и образованием местных жителей. Деятельность епископа была проникнута чувством терпимости и уважения к другим религиям; он рассчитывал, что в перспективе удастся преодолеть культурную дистанцию между англичанами и жителями Индии¹¹⁰⁷. Однако довольно быстро выяснилось, что Калькуттская епархия была слишком велика для одного предстоятеля. Не случайно вдова Хебера,

¹¹⁰⁵ *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 510.

¹¹⁰⁶ *Филас В. М. Візуальне освоєння Північного Причорномор'я...* С. 334; *Famin C. Crimée. [Fig.] Crimée. Sebastopol; Crimée. Kertch ancienne Panticapée.*

¹¹⁰⁷ *Cook J. 'From India's Coral Strand'...*

Амелия, в предисловии к жизнеописанию мужа призвала разделить диоцез на несколько церковных округов. «Он сам (епископ Хебер. – *Н. Х.*) со всей своей пылкостью в том, чтобы исполнить все эти обязанности как можно лучше за счёт семейного счастья, здоровья и самой жизни, был глубоко убеждён в необходимости этого раздела. Он никогда не жаловался, даже собственной жене, на недомогание или усталость; но он очень нуждался в помощи, так как понимал, что ничто, кроме его собственной огромной энергии, кроме его полной преданности работе, не могло бы сделать всё то, или почти всё то, что должно было быть сделано на том великом поле пользы которое представляла собой индийская епархия; на поле, которое, к славе божьей, расширяется каждый день»¹¹⁰⁸. Епископ совершил ряд поездок по стране, во время которых он не только проповедовал, освящал новые церкви и открывал школы, но и находил время для этнографических наблюдений, ведения дневников, занятий поэзией и живописью. Заняв пост вице-президента Королевского Азиатского общества (ассоциации исследователей культуры Азии), он оказывал разнообразную помощь учёным-индологам и способствовал изданию их работ.

Эта ноша оказалась непосильной для человека, не обладавшего крепким здоровьем. Хебер скоропостижно скончался 3 апреля 1826 г., не дожив 18-ти дней до своего сорокатрёхлетия (Приложение А, рис. 41). Тело его похоронили в церкви св. Иоанна в индийском Тируччираппале, где Хебер прочёл свою последнюю проповедь. В этом городе действует Колледж епископа Хебера – учреждение высшего образования, выросшее из школы, которую некогда посещал епископ. В знак признания его заслуг перед родиной, статую епископа Хебера установили в крипте кафедрального соборе св. Павла в Лондоне, рядом с погребениями многих выдающихся англичан, в том числе национальных героев – победителей Наполеоновской Франции Горацио Нельсона и Артура Веллингтона (Приложение А, рис. 42). Деньги на кенотаф собрали друзья епископа по подписке. Автором памятника стал знаменитый скульптор сэра Франсис Чантри (1781–1841). Он

¹¹⁰⁸ [*Heber A.*] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. vi.

изобразил «фигуру коленопреклонённого епископа на пьедестале, в молитвенной позе; одна рука на груди, вторая лежит на Библии»¹¹⁰⁹. Ещё один памятник стоит в церкви св. Луки в Ходнете, настоятелем которой служил Хебер. На родине Хебера, в Мальпасае, в церкви св. Освальда, ректором которой был его отец, находятся витражи, рассказывающие о жизни епископа.

Остался большой и неупорядоченный архив, включающий дневники, переписку, рисунки и неопубликованные литературные произведения епископа. Первым издателем и биографом Хебера стала его вдова. За несколько лет Амелии удалось издать большую часть наследия своего мужа: рассказ о путешествиях по Индии и Цейлону¹¹¹⁰, сборники религиозных гимнов¹¹¹¹, а также проповедей, прочитанных на родине и в Индии¹¹¹². Считается, что Хебер мог бы стать выдающимся поэтом, если бы ему удалось уделять стихам больше времени и сил. Критики отмечают присущие ему талант и чувство стиля. Хебера относят к числу «малых поэтов» (*lesser poets*) романтического периода английской литературы, работавших в начале XIX в., названных так по контрасту с их великими и куда более известными современниками: Вальтером Скоттом, Джорджем Байроном, Джоном Китсом и Перси-Бишем Шелли¹¹¹³. Интересно, что в современной Англии больше всего известны религиозные гимны Хебера.

В 1829 г. вышла краткая биография покойного епископа¹¹¹⁴. Её автор не указан, но им вполне могла быть Амелия. На следующий год появилось подготовленное ею двухтомное «Жизнеописание Реджинальда Хебера, доктора богословия, лорда-епископа Калькутты», составной частью которого стали

¹¹⁰⁹ [Heber A.] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 2. P. 459.

¹¹¹⁰ Heber R. *Narrative of a Journey through the Upper Provinces of India, from Calcutta to Bombay, 1824–1825 (With Notes upon Ceylon), An Account of a Journey to Madras and the Southern Provinces, 1826, and Letters Written in India.* Vol. 1–2. London : John Murray, 1828. 631 + 515 p.

¹¹¹¹ Heber R. *Hymns : Written and Adapted to the Weekly Church Service of the Year.* London : John Murray, 1827. 153 p.

¹¹¹² Heber R. *Sermons Preached in England.* London : John Murray, 1829. 392 p.; Heber R. *Sermons Preached in India.* London : John Murray, 1829. 310 p.

¹¹¹³ *The Cambridge History of English Literature* / ed. A. W. Ward, A. R. Waller. Vol. 12 : *The Nineteenth Century.* – Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 1915. – P. 138–139.

¹¹¹⁴ *Some Accounts of the Life of Reginald Heber, D. D., Bishop of Calcutta.* Boston : Crocker and Brewster ; New York : J. Leavitt, 1829. 240 p.

дневники и письма епископа, его избранные стихотворения, а также начатая, но незаконченная «История казаков». Одновременно вышли два издания книги – американское¹¹¹⁵ и английское¹¹¹⁶. Амелия посвятила эту книгу «ближайшему другу» своего покойного мужа – Джону Торнтону.

В июле 1830 г. Амелия Хебер вышла замуж за графа Дмитрия Вальсамаки (1789–1870), грека по происхождению, принявшего британское подданство. Брак был заключён в греческой (православной) церкви в Венеции. В дальнейшем супруги отправились в Грецию, где жили то на Кефалонии, то на Корфу. Граф Вальсамаки работал в правительстве Ионической республики – небольшого островного государства, бывшего протекторатом Великобритании. Вскоре у них родилась дочь. Дочери Амелии от первого брака вышли замуж и вернулись в Великобританию. Интересно, что супругом младшей стал друг епископа Хебера, ездивший вместе с ним в Крым, – Джон Торнтон. Амелия периодически приезжала в Англию навестить дочерей, хотя её брак с Вальсамаки вызвал осуждение многих знакомых, очевидно, видевших в нём предательство памяти Хебера. Тем не менее, второй брак Амелии продлился сорок лет. В 1864 г. Ионическая республика вошла в состав Греции. После скоропостижной смерти мужа в 1870 г. Амелия вернулась на родину, где через несколько месяцев умерла в городке Ходнет, там, где Реджинальд Хебер когда-то был священником.

Благодаря Амелии Хебер в нашем распоряжении имеется ценный, но малоизученный источник по истории России – путевые дневники и письма Реджинальда Хебера, позволяющие не только реконструировать жизнь российских столиц и провинций в начале царствования Александра I, но и понять, как её воспринимал образованный и религиозный англичанин. Имеющиеся материалы довольно обширны – рассказ о европейском путешествии Хебера занимает восемь из семнадцати глав первого тома книги (России посвящены пять с половиной глав). Если жизнеописание епископа до и после поездки построено в классическом

¹¹¹⁵ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1...; [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 2...

¹¹¹⁶ [Heber A.] The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his widow. Vol. 1–2. London : John Murray, 1830. 684 + 636 p.

биографическом жанре, то путешествие описывается одной сплошной цитатой из дорожного дневника Хебера, с добавлением его писем к матери и брату, так что здесь, в отличие от других глав, повествование ведётся от лица путешественника. Лишь деление на главы и аннотации к ним выполнены Амелией¹¹¹⁷. Кроме того, обрывки воспоминаний о Крыме и южной России разбросаны по тексту незавершённой «Истории казаков», над которой Хебер работал после возвращения в Англию, очевидно, под влиянием впечатлений от поездки¹¹¹⁸.

Хебер и Торнтон были в Крыму в конце апреля – начале мая 1806 г. Они прибыли восточным путём, переправившись через Керченский пролив. Из Керчи поехали в Феодосию, Старый Крым и Судак, а оттуда по берегу – в Алушту, Ялту, Севастополь. Далее, повернув на северо-восток, вглубь полуострова, Посетили Бахчисарай и Симферополь, и затем через Евпаторию направились в Перекоп, где и покинули Крым. Таким образом, путешественникам удалось посетить наиболее интересные природные памятники и населённые пункты, ознакомившись с жизнью представителей разных народов.

Примечательно, что собранные Хебером данные не образуют системы, но являются мозаикой наблюдений, отражающей непосредственные впечатления автора, не искажённые последующей редакцией. Дневнику Хебера не свойственны пышная образность и эмоциональная выразительность, которыми отличались его гимны. Это сухой, лапидарный отчёт об увиденном, составленный любознательным и критически мыслящим, вдумчивым, образованным и объективным человеком.

Хебер хорошо подготовился к поездке в Россию, изучив сочинения предшественников – Элизабет Крейвен, Маттью Гатри, а также краткое физико-географическое описание полуострова Петера Палласа. Явные¹¹¹⁹ и скрытые отсылки к этим текстам обнаруживаются на страницах дневника Хебера. Путешественник интересовался древней географией Крыма. Он читал сочинение

¹¹¹⁷ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 40–303; «русские» главы: p. 91–268.

¹¹¹⁸ Ibid. P. 531–638.

¹¹¹⁹ Ibid. P. 217, 249, 250, 257, 313; ср.: Pallas P. S. Tableau physique et topographique de la Tauride tire de journal d'un voyage fait en 1794. St. Petersburg : J. Z. Logan, 1796. 148 p.

античного географа Страбона, на которое один раз сослался¹¹²⁰, и, не исключено, труды Клавдия Птолемея, Псевдо-Арриана и других авторов. В отличие от многих современников, он мог читать и по-древнегречески, и по-латыни. Хебер интересовался не только прошлым полуострова, но и его настоящим, собирая информацию как у представителей имперской администрации, так и у местных жителей. Правда, общение с последними представляло проблему, ведь они не знали ни английского, ни французского. Потому Хеберу и Торнтону приходилось прибегать к услугам непрофессиональных переводчиков, которые, как уже говорилось, иногда разочаровывали англичан.

В отличие от многих путешественников, Хебер доброжелательно относился к представителям других народов. Например, для Кларка русские являются варварами, воплощением всех самых худших черт – жестокости, невежественности, бесчувственности, грубости, лживости и, разумеется, пьянства. Хебер же, наоборот, полагал, что если где-то в России и процветает пьянство, то лишь среди «чрезмерного распутства» Санкт-Петербурга. «Не думаю, что люди в других частях России более привержены пьянству, чем в Англии», – писал он¹¹²¹. Некоторые российские чиновники, конечно, склонны к вымогательству, однако другие – весьма порядочные люди. Так, например, в Керчи «русский майор, который согласился обеспечить нас лошадьми и открытой кибиткой до Каффы, настаивал на столь кабальных условиях, что другие офицеры назвали это “позором”...»¹¹²² Другой случай имел место в Екатеринодаре (ныне Краснодар), где Торнтон потерял ружьё. «Однако к нашему большому удивлению, когда мы прибыли в Тамань, нам привезли ружьё. Вслед за нами был отправлен посыльный, который проехал весь путь от Екатеринодара, чтобы вернуть ружьё владельцу; человек, которому было поручено доставить его, отказался принять какое-либо вознаграждение за свой труд»¹¹²³. Точно также он подходил и к традиционным обвинениям в адрес крымских татар. Хебер отметил, что слова его почтенного

¹¹²⁰ [Heber A.] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. 257.

¹¹²¹ *Ibid.* P. 232.

¹¹²² *Ibid.* P. 251.

¹¹²³ *Ibid.* P. 245.

учёного Палласа контрастировали с увиденным. «Паллас жаловался на их (татар. — *Н. Х.*) нелояльность и много говорил об их лени. Но их виноградники весьма искусно обрабатываются и аккуратно поливаются. И, что вряд ли является признаком праздности, одинаково чисты и их дома, и одежда, и они сами»¹¹²⁴.

Хебер считал Крым частью великой евразийской степи. Это местность сколь протяжённая, столь и однообразная. Не случайно свою историю казаков он начал со следующей мысли: «Пространные земли, образующие южную часть Российской империи, которые древние объединяли под общим названием Европейской и Азиатской Скифии, выказывают на протяжении многих тысяч квадратных лиг так мало разнообразия как в почве, так и в ландшафте, что тот, кто пересёк даже малую часть этой обширной зелёной глуши, не сможет составить ошибочного представления о ней в целом»¹¹²⁵.

Степь хранила памятники долгой и богатой истории: «Ни в одной части мира нет более обильных или более ясных свидетельств длительного господства человечества, чем в тех пустынях, через которые мы только что провели читателя. <...> древние владыки этой страны сохранили память о себе благодаря монументальным сооружениям в самой стойкой форме и материале. Всё то обширное безлюдное пространство от Днепра до Донца и от Бахмута до золотых ворот Крыма подобно одному бескрайнему кладбищу, плотно усеянному гробницами. Ни города, ни деревни, ни уединённые фермы, ни купола московитов, ни тюркские минареты не отвлекут внимания от этих грубых памятников забытой расы; и стада скота, кажется, не имевшие владельца; сурки, которые свистят у нас под ногами; орлы, которые вряд ли заметили наше приближение; и гробницы всех форм, возвышающиеся со всех сторон, поражают путешественника время от времени жутким и необычным ощущением, как если бы из всех людей лишь мёртвые были жителями Скифии»¹¹²⁶. Он, конечно же, имел в виду курганы.

Богатое, но забытое прошлое, постепенно разрушающиеся памятники былого

¹¹²⁴ Ibid. P. 263.

¹¹²⁵ Ibid. P. 531.

¹¹²⁶ Ibid. P. 543–544.

величия – об этом не раз говорит Хебер, рассказывая о крымских городах Каффе (Феодосии), Судаке и Акмечети (Симферополе)¹¹²⁷. Вот, например, что записал он в дневнике, проезжая через Керченский полуостров: «В этой части страны есть много развалин и другие следы древнего населения; мы миновали два или три небольшие, но прочные и хорошо построенные моста, [переброшенные] через речушки, как оказалось, магометанской работы; здесь же было несколько отмеченных тюрбанами могил. Поражает количество курганов близ Керчи»¹¹²⁸.

Историю казаков Хебер начал со скифов, киммерийцев и тавров¹¹²⁹. Однако, в отличие от, например, Гатри, легко обнаруживавшего в современности представителей древних народов, Хебер понимал, что более поздние источники могли произвольно использовать скифский этноним, описывая последующие волны завоевателей, занявших равнины нынешней Украины и Крыма, где некогда жили скифы. «Тем не менее, это имя (скифы. – *Н. Х.*) по прежнему применялось греками и римлянами к любым последующим племенам, занявшим равнины, где некогда скиф правил своей повозкой; и не только готы, но и сарматы, гунны, печенеги и авары названы “скифами” у византийских историков, точно также, как готские племена Англии и Шотландии унаследовали от своих кельтских предшественников имя “британцев”; как французов часто называют “галлами”; и как потомки Алариха в Испании взяли себе имя “испанцев”»¹¹³⁰. Отсюда следовал вывод: «Одно имя скифов тогда или совсем ничего не доказывает, или доказывает слишком многое, ведь вряд ли есть хоть один азиатский народ, к которому его таким образом не прилагали...»¹¹³¹ Итак, пишет Хебер, «мы должны отказаться от несостоятельной гипотезы, выводящей столь многие оседлые нации Западной Европы от кочевых племён Скифии»¹¹³². К сожалению, он не закончил историю казаков, которая по сути дела была историей народов северопричерноморских степей, доведя её лишь

¹¹²⁷ Ibid. P. 252–253, 255, 260.

¹¹²⁸ Ibid. P. 251.

¹¹²⁹ Ibid. P. 546.

¹¹³⁰ Ibid. P. 560.

¹¹³¹ Ibid. P. 561.

¹¹³² Ibid. P. 560–562.

до начала XVI в.¹¹³³, а потому историко-этнографическая концепция англичанина в полной мере не ясна. Но, кажется, в его представлении степь обеспечивала стабильность кочевого образа жизни (или, как сказали бы мы сегодня, «хозяйственно-культурного типа»). «В описании скифских ремёсел, – пишет Хебер – нельзя не упомянуть о том, что татарские города Бахчисарай и Карасубазар по-прежнему знамениты производством кожи и стали»¹¹³⁴. В другой раз, описывая кибитки кочевавших в Северном Приазовье ногайцев, Хебер отметил в дневнике: «я не мог удержаться от фантазии, что ногайцы поставили монгольский шатёр (т. е. юрту. – *Н. Х.*) на скифскую кибитку»¹¹³⁵.

В путевом дневнике Хебера встречается несколько параллелей между современными явлениями и глубоким прошлым, причём не только античным, но и библейским. Например, оказалось, что татарские мечети на южном берегу Крыма имели двускатные крыши в отличие от плоских кровель жилых домов. Такая особенность позволяла различать сакральные и светские здания: «у построек плоские крыши, за исключением мечетей, которые покрыты черепицей, обычно имеют щипцы и окружены деревянным портиком». Это напомнило путешественнику слова древнегреческого комедиографа Аристофана о том, что в античных Афинах заострённые (щипцовые) крыши возводились над храмами – домами богов¹¹³⁶. Вспомним, что, по мнению Гатри, татары переняли традицию покрывать дома черепицей «вероятно, у древних греческих колонистов приморских городов»¹¹³⁷. Близ Козлова (Кёзлева, Евпатории) Хебер наблюдал ногайские телеги, которые тащили верблюды: «некоторые из встреченных нами [верблюдов] были запряжены в двухколёсные повозки <...> – служба, к которой, надо думать, они приспособлены не так хорошо, как к ношению тяжестей; и хотя “верблюжья колесница” упомянута Исайей, не припомню, чтобы я слышал о

¹¹³³ Ibid. P. 531–638.

¹¹³⁴ Ibid. P. 538.

¹¹³⁵ Ibid. P. 204.

¹¹³⁶ Ibid. P. 256.

¹¹³⁷ Guthrie M. A Tour... P. 68.

подобной практике где бы то ни было»¹¹³⁸. «Верблюжья колесница» – отсылка к книге пророка Исаяи (Ис. 21:7) в английском переводе «Библии короля Якова» (1611). В других английских переводах, как правило, фигурирует «отряд верблюдов», а в русском синодальном – «всадники на верблюдах». Библейская параллель, конечно же, говорила об архаичности культуры крымских ногайцев. Любопытно, что Гатри также счёл использование верблюдов в качестве тягловой силы признаком старины, назвав верблюжью повозку крымских татар «скифской колесницей»¹¹³⁹.

Оказавшись в Перекопе, городке на одноименном перешейке, соединявшем Крым с материком, Хебер осмотрел остатки укреплений, некогда прикрывавших доступ на полуостров. «“Золотые ворота” узки и чересчур низки для английского фургона. “Золотой” у татар, кажется, синоним “царскому”, а потому мы слышим о “золотой орде”, “золотом шатре” и пр. Полковник Саймс упоминает подобную манеру выражаться в Аве; так что, полагаю, это в обычая повсюду на востоке»¹¹⁴⁰. Под «золотыми воротами» (именно так, со строчной буквы) он имел в виду проезд в укреплениях, через который шла дорога в Крым. Возможно, данный отрывок навеян словами Гатри: «Были ли эти ворота некогда вызолочены, что дало им имя *Золотых ворот*, или же они получили его, когда Тавридой владела Золотая орда, я не могу определить»¹¹⁴¹. Его источником, возможно, была книга Жозефа Дегиня, где сказано следующее: «[у] входа на перешеек [Крымского] полуострова, ширина которого составляет всего пол-льё¹¹⁴², находится дурной город без [крепостных] стен, где из укреплений есть лишь полузасыпанный ров 20 футов¹¹⁴³ шириной и от шести до семи [футов] глубиной и вал такой же высоты толщиной около 15 футов. Этот город турки и местные жители называют “Ор-капы”, или “золотые ворота”, а

¹¹³⁸ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 261.

¹¹³⁹ Guthrie M. A Tour... P. 225.

¹¹⁴⁰ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 261.

¹¹⁴¹ Guthrie M. A Tour... P. 50, note 41.

¹¹⁴² Лъё – старинная французская мера длины. Морское лъё равно 5555,5 м, сухопутное лъё – 4444,4 м.

¹¹⁴³ Французский фут – устаревшая мера длины. Королевский фут равен 32 см, парижский фут – 30 см.

поляки – “Прекоп”, то есть “выкопанная земля”»¹¹⁴⁴. По современным же представлениям, тюркское название крепости – Ор (реже Ор-Капу) – обозначало, вероятно, «ров» («ворота во рву»), то есть то же самое, что и русское Перекоп¹¹⁴⁵. Об этом знали некоторые путешественники, например, Паллас¹¹⁴⁶. Дегиня, а вслед за ним и остальных, могло сбить с толку ложное сходство тюркского *or* с французским *or* («золото»). Упомянутый Хебером Майкл Саймс (1753?–1809) – известный английский путешественник, дважды возглавлявший посольства от генерал-губернатора Индии ко двору короля Бирмы (Мьянмы) и издавший описание своих странствий¹¹⁴⁷. Ава – древняя столица центральной Бирмы, столица одноименного государства, находилась на реке Иравади. В данном случае важно, что подобная интерпретация увиденного в Перекопе характеризует способ мышления Хебера, в частности – его эрудицию и попытки отыскать аналогии далеко за пределами Крымского полуострова. Последнее для него было характерно, когда речь заходила о «восточных» феноменах. Так, осмотрев «пещерный город» Чуфут-Кале, единственными жителями которого в его время оставались караимы, он заметил: «кажется необыкновенным, что такие крепости должны были оказаться во владении у такого народа; но даже в Абиссинии [народ] фалаша, как оказалось, живёт в подобном положении, а Джексон упоминает Еврейскую скалу в Марокко»¹¹⁴⁸. Фалаша – негроиды, жившие вокруг озера Тана в Абиссинии (ныне Эфиопия) и исповедовавшие неталмудический иудаизм, имевшие специфические обрядовые практики и говорившие на языке амхара. Ныне большая часть фалаша переселилась в Израиль¹¹⁴⁹. Джеймс Грей Джексон – английский путешественник, автор описания Марокко¹¹⁵⁰.

¹¹⁴⁴ *Deguignes [J.]*. Histoire générale des Huns... Т. 3. Р. 390.

¹¹⁴⁵ *Jankowski H.* A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. Leiden ; Boston : Brill, 2006. Р. 748–750.

¹¹⁴⁶ *Паллас П. С.* Наблюдения... С. 21.

¹¹⁴⁷ *Symes M.* An Account of an Embassy to the Kingdom of Ava, Sent by the General-Governor of India, in the Year 1795. London : W. Bulmer and Co., 1800. 503 p.

¹¹⁴⁸ [*Heber A.*] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. Р. 260.

¹¹⁴⁹ The Jewish Encyclopedia. Vol. 5: Dreyfus – Brisac – Goat. New York; London : Funk and Wagnalls Company, 1903. Р. 327–330; Народы и религии мира: энциклопедия / ред. А. В. Тишков. М. : Большая российская энциклопедия, 1999. С. 26, s. v. Aгау.

¹¹⁵⁰ *Jackson J. G.* An Account of the Empire of Marocco, and the District of Suse ; Compiled from

Крымских татар Хебер разделил на «две расы» – горцев и ногаев. Первые показались ему «светлыми и красивыми людьми». Их женщины «имеют очень красивый, светлый цвет лица, тёмные глаза и волосы, а также орлиные носы». Фигуры некоторых мужчин-горцев «могли служить моделями для изображений Геркулеса». Что же до «монгольского племени» ногайцев, в Крыму они «значительно улучшили свою породу благодаря смешанным бракам с [его] первоначальными жителями, став красивее и выше ростом, чем те, [кто живёт] к северу от Золотых ворот». Старики-горцы носили окладистые бороды, тогда как у ногайцев на подбородке вырастает лишь несколько тонких волос; горцы – скверные наездники, а ногайцы с детства превосходно ездили верхом¹¹⁵¹.

Хебера восхитило хлебосольство крымских татар. «И горцы, и пастухи дружелюбны, кротки и гостеприимны, за исключением тех [мест], где они озлоблены своими русскими хозяевами. Не было ни одного случая, когда, приблизившись в сумерках к какому-нибудь селению, мы не получили бы приглашения остановиться на ночь, днём же – чтобы нас не позвали поесть и попить; и, будучи столь внимательными, они, казалось, никогда не беспокоились об оплате, даже за снаряжённых ими лошадей, никогда не пересчитывали денег и часто предлагали обойтись без них»¹¹⁵². В гостеприимстве отказывали лишь русским, которых считали угнетателями: «в одном селении нас удивила скудная пища и нерасположение, которым обставлялась всякая услуга, пока не выяснилось, что они приняли нас за российских чиновников. Когда обнаружилось, что мы иностранцы, [на столе] в изобилии появились яйца, топленое масло, нардек и бекмисс»¹¹⁵³. В другом месте путешественник указал, что нардек – это виноградный мармелад, а бекмисс – сироп из разных фруктов, сваренных с мёдом¹¹⁵⁴.

Miscellaneous Observations Made During a Long Residence in and Various Journies trough These Countries. Philadelphia : Nichols, Fry and Kammerer, 1810. 242 p.

¹¹⁵¹ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 262–263.

¹¹⁵² Ibid. P. 262.

¹¹⁵³ Ibid. P. 263.

¹¹⁵⁴ Ibid. P. 206; Паллас П. С. Наблюдения... С. 154–155.

Крымские татары казались Хеберу детьми природы, которые редко умели читать и писать, хотя «в каждом селении есть имам, который носит зелёный тюрбан, и который также обычно является школьным учителем»¹¹⁵⁵. По его словам, татары не доверяли медицине. «На вопрос, какие у них есть средства от болезней, они дали замечательный ответ: “Мы кладём заболевшего человека на кровать; и, если Бог даст, он выздоравливает. Аллах керим!”¹¹⁵⁶»¹¹⁵⁷. Можно вспомнить цитированные в главе 6 слова Кларка о том, что медицина крымским жителям почти неизвестна. Люди Запада традиционно воспринимали отсутствие профессиональных врачей и лекарств в той или иной стране как признак её отсталости, «варварства». Так, французский наёмник Жак Маржерет (Маржерет), служивший в русской армии в начале XVII в., в мемуарах отмечал, что русские в массе своей не просто не пользуются услугами врачей, но даже считают лекарства «нечистыми»¹¹⁵⁸. А французская феминистка Сюзанна Вуалькен, наблюдавшая эпидемию чумы в Египте в 30-х гг. XIX в., удивлялась фатализму мусульман, с покорностью встречавших болезни или голод и всё повторявших слова про величие и милость бога¹¹⁵⁹.

Есть в дневнике Хебера и некоторые интересные этнографические наблюдения. Так, например, описывая пребывание на южном берегу, он отметил там великолепные ореховые деревья. «По весне, когда их наполняет сок, татары прокалывают грецкие орехи и вставляют [в них] на некоторое время пробку; когда её вынимают, течёт чистый сладкий сок; в свернувшимся виде его используют как сахар»¹¹⁶⁰. В Партените путешественники «встретили старого татарина, имевшего огромную практику в качестве строителя лодок, который своими собственными руками и при помощи двух своих сыновней только что закончил прекрасную шхуну, как мне кажется, в тридцать тонн [водоизмещения], для одного купца в

¹¹⁵⁵ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 263.

¹¹⁵⁶ Аллах милостив! (*араб.*).

¹¹⁵⁷ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 263.

¹¹⁵⁸ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 138.

¹¹⁵⁹ Гладышев А.В. Мушка в паутине... С. 91; V[oilquin] S. Souvenirs d'une fille du peuple, ou La Saint-Simonienne en Égypte, 1834 à 1836. Paris : E. Sauzet, 1866. P. 310–311.

¹¹⁶⁰ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 257–258.

Каффе. Обычные суда в этой стране напоминают турецкие – с латинскими парусами, высоким носом и очень сильно выгнутой кормой»¹¹⁶¹. Эта оценка показательна тем более, что её сделал подданный «владычицы морей» – Британии. Русские путешественники о татарских судах говорили редко и ценили их невысоко. Например, Владимир Броневский указал на то, что «татарские лодки» непригодны к плаванию в ветренную погоду – они слишком узкие и несут мало груза, а обширная парусность приводит к тому, что «при малейших порывах ветра (что близ гор часто случается), легко их может опрокинуть»¹¹⁶².

Невзирая на то, что ислам традиционно запрещает алкогольные напитки, крымские татары производили и потребляли вино¹¹⁶³. Хебер познакомился с крымскими виноградниками в окрестностях Судака, но если их внешний вид ему понравился, то вкус вина разочаровал. Англичанин назвал крымское вино не просто плохим, но «голодным» (*hungry*), то есть недостаточно ферментированным, недоделанным, слабым. Со ссылкой на беседу с Палласом, он объяснил это обстоятельство тем, что татары излишне поливают виноградники¹¹⁶⁴. В фундаментальном описании Крыма Паллас не раз обращался к теме виноделия, и действительно писал, что, пытаясь получить бóльший урожай на менее плодородных почвах Судакской долины, «[т]атары думают этому помочь, сильно поливая виноградники, не только осенью и зимой, но и весной, сейчас после цветения, для его они везде проводят канавы из ручьёв и источников, и так заливают виноградники, что они превращаются в болота. Но этот способ очень вредит качеству вина...»¹¹⁶⁵. В итоге не только Хебер, но и другие иностранцы отмечали невысокое качество слабых (*faible*) крымских вин, которые делали из судакского винограда¹¹⁶⁶. Однако другие, менее взыскательные, крымские и

¹¹⁶¹ Ibid. P. 257.

¹¹⁶² Броневский В. Обзорение южного берега Тавриды. С. 178.

¹¹⁶³ Зайцев И. Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве (XIV–XVIII вв.) // *Orientalistica Juvenile* : Сборник статей аспирантов и молодых сотрудников ИВ РАН. Вып. 2. М. : ИВ РАН, 2001. С. 100–137.

¹¹⁶⁴ [Heber A.] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. 255.

¹¹⁶⁵ Паллас П. С. Наблюдения... С. 170.

¹¹⁶⁶ *Romme Ch.-G. Voyage en Crimée...* P. 85; *Dubois de Montpéroux F. Voyage...* T. 5. P. 333.

судакские вина хвалили¹¹⁶⁷. В 1792 г. немец на русской службе Иоганн-Кристиан фон Струве (1768–1812) отметил в дневнике превосходное качество судакского вина: «Подобно большинству крымских вин, оно имеет сладкий вкус и, должно быть, чрезвычайно полезно. Природа его скорее освежающая, чем согревающая»¹¹⁶⁸. Уезжая из Крыма, он захватил с собой «шесть бутылок лучшего крымского вина и две фляги ликёров», то есть крепких ликёрных вин¹¹⁶⁹, очевидно, потому что оценил их качество и вкус.

Несмотря на любовь к античности, Хебер оценил красоту и необычность бывшей резиденции крымских ханов в Бахчисарае: «самая поразительная вещь – дворец, который невелик и несимметричен, но благодаря живописному стилю своей архитектуры, резьбе и позолоте, арабским и турецким надписям, и фонтанам прекрасной воды в каждом [внутреннем] дворе заинтересовал меня сильнее, чем это можно выразить»¹¹⁷⁰. Очевидно, архитектурный и декоративный стиль ханского дворца весьма отличались от привычного англичанину.

Хебер оказался в Крыму в эпоху кризиса, когда жизнь на полуострове перестраивалась коренным образом и на совершенно новых началах. Повсеместно наблюдались следы разрухи – последствия глубокого кризиса Крымского ханства в последние годы его существования, смут и восстаний, вторжений русских войск, массовой эмиграции местных жителей. Активные действия российского правительства, направленные на строительство городов, стимулирование традиционных и введение новых отраслей хозяйства, привлечение иностранных колонистов и переселение помещиков и крестьян из внутренних губерний ещё не дали результата. Становление новой системы управления, перестройка хозяйственных связей, земельные конфликты между местными жителями, прибывшими с материка русскими помещиками и иностранными колонистами

¹¹⁶⁷ *Dubois de Montpéroux F. Voyage...* Т. 5. Р. 331–332.

¹¹⁶⁸ *Храпунов Н. И.* Крым в 1792 году в описании Иоганна-Кристиана фон Струве // *Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Симферополь : Антика, 2012.* С. 44.

¹¹⁶⁹ Там же. С. 48.

¹¹⁷⁰ [*Heber A.*] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. 259–260.

способствовали кризису. Потому многие наблюдатели сделали вывод: увиденные им разруха на фоне развалин некогда величественных городов и крепостей и свидетельств письменных источников говорят о том, что в прошлом Крыма был «золотой век», когда регион процветал. Вопрос заключался в том, когда именно была эта ушедшая в прошлое эпоха. Итон и Гатри связывали её с древними греками, римлянами и средневековыми генуэзскими колонистами, принёсших европейскую «цивилизацию» в этот край. Хебер и Кларк считали «золотым веком» эпоху Крымского ханства¹¹⁷¹.

Описание Феодосии в записках Хебера показывает разительный контраст между прошлым города, который в его лучшие дни называли «маленьким Константинополем», и печальным настоящим. «Теперь Каффа лежала по нашей левой руке, и, по мере приближения с этой стороны, оказалась мрачайшим зрелищем. В северо-восточной части залива находятся замечательные развалины, которые раньше были монетным двором, а стены и башни, пусть и разобранные, весьма хороши. Город поднимается, словно театр, от границы воды, занимая значительное пространство, но практически полностью разрушен»¹¹⁷². В этих разрушениях виновны были российские власти. «Все татары связывают её (Каффы. – *Н.Х.*) запустение с несчастьями, принесёнными [солдатами] русского гарнизона, которые сорвали крыши с домов, где они были расквартированы, на дрова»¹¹⁷³. Варварское поведение солдат имело, впрочем, рациональное объяснение: «дерево в основном доставлялось из Старого Крыма, и было очень дорогим...»¹¹⁷⁴ Впрочем, дороговизна и дефицит вообще были свойственны местному рынку: «[з]ерно очень дорого и поступает в основном с Дона. Корм для скота не так обилён...»¹¹⁷⁵ Страдали от разрухи не только местные жители, но и фермеры-иностранцы, прибывшие в Крым, польстившись на посулы российских властей. «Примерно в трёх милях от Каффы находится деревушка немецких колонистов, которые были

¹¹⁷¹ Подробнее см.: *Храпунов Н. И., Храпунова С. Н.* «Золотой век» Крымского ханства...

¹¹⁷² [*Heber A.*] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. 252.

¹¹⁷³ *Ibid.* P. 253.

¹¹⁷⁴ *Ibid.*

¹¹⁷⁵ *Ibid.*

очень бедными и отчаявшимися; их было, наверное, двенадцать семей, которые тогда оставались на своих фермах, остальные же ушли на службу или в море»¹¹⁷⁶.

Интересно, что представления о ханской эпохе как «золотом веке» Крыма поддерживали и некоторые русские путешественники. Александр Христофорович фон Бенкендорф (1782–1844), в будущем ставший главой тайной полиции Николая I, будучи молодым офицером, прибыл в Крым в 1804 г. в составе секретной миссии, направленной Александром I для изучения российских провинций. В дневнике, не предназначавшемся для печати, он записал следующее: «вечным позором для завоевателей и для царствования Екатерины [II] будет то, что эта прекрасная область, когда-то житница Константинополя и всей Малой Азии, покрытая городами с цветущими садами и питавшая более миллиона трудолюбивых жителей, была превращена в пустыню. <...> Мы направились <...> в Кафу, или Феодосию, огромные руины которой ещё говорят о её прежнем размере и былом великолепии. Этот город некогда именовался Маленьким Константинополем, имел более 100 тысяч жителей, обширнейшую торговлю, мечети, общественные бани и множество других зданий, даже незначительными остатками которых восхищаются до сих пор; <...> его весьма просторный порт был некогда заполнен судами; теперь нет и 150 жалких лачуг, ни тени торговли; разруха и нищета овладели этим городом с того момента, как он перешёл под власть великой Екатерины. Находясь в Кафе, испытываешь стыд; татары здесь были искусны, русские все разрушили»¹¹⁷⁷. Похожи слова Грибоедова, осматривавшего Феодосию в 1825 г.: «На этом пепелище господствовали некогда готические нравы генуэзцев; их сменили пастырские обычаи мунгалов с примесью турецкого великолепия; за ними явились мы, всеобщие наследники, и с нами дух разрушения; ни одного здания не уцелело, ни одного участка древнего города не взрытого, не перекопанного»¹¹⁷⁸. В дневнике, рассказывая о поездке по Южному берегу, он

¹¹⁷⁶ Ibid. P.254.

¹¹⁷⁷ Бенкендорф А. Х. Воспоминания 1802–1837 / пер. с фр. О. В. Маринина. М. : Российский фонд культуры, 2012. С. 80–81.

¹¹⁷⁸ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений : В 3 т. Т. 3. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. С. 101.

заметил: «Нет народа, который бы так легко завоёвывал и так плохо умел пользоваться завоеваниями, как русские»¹¹⁷⁹.

Одной из причин наблюдаемой разрухи была массовая эмиграция населения – сначала христиан, выехавших с территории ханства в российское Северное Приазовье в 1778 г., а затем и крымских татар, которые после 1783 г. устремились в Османскую империю. Эти люди были прекрасно знакомы с местными природно-климатическими условиями и умели вести хозяйство в соответствии с ними. По-видимому, аналогичные проблемы возникли через сто лет к востоку от Крыма, за Керченским проливом – в Черкесии. Выселение её жителей на территорию Османской державы привело в запустение некогда богатый край, знаменитый своими садами. Внимательные российские наблюдатели называли причиной упадка западного Кавказа: «Исчезли горцы, но вместе с ними исчезло их знание местных условий, их опытность, та народная мудрость, которая у беднейших народов составляет лучшее сокровище и которой не должен брезговать даже самый культурный европеец»¹¹⁸⁰.

Понятно, что оставлять некогда цветущий город в столь печальном положении не желали ни правительство, ни местные жители. Будущее Феодосии собеседники Хебера, местные купцы, связывали с инициативами её военного губернатора, также англичанина родом, Андрея Семёновича Феньша (1757–1828): «Его целью было учредить в Каф[ф]е банк, и, наконец, устроить сообщение с Доном через Арабат»¹¹⁸¹. Предполагалось наделить Каффу статусом «свободного порта» (порто-франко), где не взимались торговые пошлины, и устроить здесь карантин для борьбы с чумой. Таким образом, Каффа стала бы важнейшим звеном в торговой цепочке, связывающей Причерноморье и Средиземноморье с внутренними губерниями России по водной дороге – Дону. Хебер отметил, что до Арабата при необходимости можно было провести даже железную дорогу (которых тогда в Российской империи не было вообще). Товары из Каффы

¹¹⁷⁹ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений... Т. 2. С. 327.

¹¹⁸⁰ Урушадзе А. Т. Кавказская война. Семь историй. М. : НЛЮ, 2018. С. 290.

¹¹⁸¹ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 254.

предполагалось перевозить в Арабат на быках, а оттуда на лихтерах (плоскодонных судах) через Азовское море – в Ростов-на-Дону. Размышляя о будущем Каффы, Хебер припомнил разговоры, которые вёл с купцами в городе Таганроге. Эти города соперничали между собой как в вопросах торговли, так и за право иметь карантин и статус порто-франко. Таганрогские купцы указывали на ряд практических препятствий к осуществлению «Каффинского проекта», а главное, утверждали, что возвышение Кафы уничтожит их собственный город. Правительство же, судя по словам Хебера, склонялось к компромиссному решению¹¹⁸². Нужно сказать, что проекты учреждения режима беспошлинной торговли во всем Крыму или в некоторых его портах рассматривались российскими властями в правление и Екатерины II, и Павла I, но проводимые эксперименты сложно назвать последовательными. Оценки их результатов в литературе разнятся. В конечном итоге, проекты были свёрнуты¹¹⁸³. Думается, Хебер уловил известную непоследовательность решений российских властей. Интересно, что одним из его информаторов в Феодосии был «молодой человек, занимавшийся закупкой [товаров] для складов подрядчика г-на Итона»¹¹⁸⁴. Хотя фамилию он записал явно со слуха как *Eaton*, это, очевидно, был тот самый Уильям Итон (*Eton*), о деятельности которого в Крыму речь шла в параграфе 2.2.

Хебер отметил ряд других проблем, связанных с постепенной интеграцией Крыма в Российскую империю. В частности, это касалось конфликтов из-за собственности на землю, которые возникали между крымскими и вновь прибывшими русскими помещиками. Об одном из таких споров Хебер узнал, когда ездил по южному берегу и общался с находившимися там русскими дворянами. «Из Балаклавы мы поехали смотреть Байдарскую долину. Эта знаменитая долина принадлежит адмиралу Мордвинову; но, когда мы там были, его владение

¹¹⁸² Ibid. P. 208–210, 254.

¹¹⁸³ Гончарук Т. Спроби впровадження порто-франко на Кримському півострові наприкінці XVIII – у першій половині XIX ст. в контексті боротьби за «вільну торгівлю» міст південної України // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії. Київ : Інститут історії України НАН України, 2014. С. 335–339.

¹¹⁸⁴ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 254.

оспаривали, а ренту платили правительству, в залог. Многие из русских собственников в Крыму находились в том же положении, из-за следующих обстоятельств <...>. При ужасах завоевания татарские собственники слабо сопротивлялись раздам, которые делались [российским правительством] из их земель; но теперь, когда они снова до некоторой степени восстановлены в своих правах, те, кто по существу не подпадают под определение эмигрантов, начали процессы, чтобы получить обратно конфискованное, что было очень неожиданным ударом по их господам»¹¹⁸⁵. Николай Мордвинов действительно владел обширными поместьями в Крыму, а земельный конфликт заключался в следующем. После присоединения Крыма российские власти начали массовые раздачи земель, прежде принадлежавших хану и выехавшим в Османскую империю, в пользу помещиков, чиновников и лояльных представителей татарской элиты, чтобы тем самым стимулировать экономическое развитие края. В результате возникли многочисленные конфликты между крымскими татарами и новыми собственниками поместий, порождённые злоупотреблениями чиновников, непониманием ими специфики мусульманского землевладения, а также махинациями, к которым прибегали сами крымские татары¹¹⁸⁶.

Англичанину было сложнее понять новый статус рядового крымского населения. Хебер писал: «Русские после завоевания установили свой омерзительный кодекс рабства, пусть и не настолько жестокий, как в их собственной стране. Два дня в неделю, как мы поняли от Палласа, – вот и вся работа, которую татарин обязан выполнять даром для своего господина; а русские сильно жалуются на их леность»¹¹⁸⁷. «Рабством» (*slavery*) Хебер, как и большинство иностранцев, называл крепостное право. Хотя между положением

¹¹⁸⁵ Ibid. P. 258.

¹¹⁸⁶ Конкин Д. В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в. // МАИЭТ. 2007. Вып. 13. С. 484–499; Конкин Д. В. Исламские формы земельных отношений в Крыму в новых условиях: вакуфный вопрос // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 207–215; Конкин Д. В. Землеустроительные комиссии // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 121–134.

¹¹⁸⁷ [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 258.

рабов и положением крепостных существовала большая юридическая разница, иностранцы её, как правило, не замечали. К числу редких исключений относился Уильям Итон, который назвал крепостных «вассалами»¹¹⁸⁸. Российские же идеологи, и прежде всего сама Екатерина II, акцентировали различия между крепостными и рабами, указывая на «счастливую жизнь» крепостных¹¹⁸⁹. Не случайно императрица запретила использовать в официальных бумагах слово «раб», которое со времён Петра I характеризовало отношения подданного и монарха. Очевидно, это решение диктовалось её желанием продемонстрировать «просвещённость» (прогрессивность и гуманность) своего правления¹¹⁹⁰. Тем не менее, сравнение российских крепостных с североамериканскими рабами стало общим местом даже в русской литературе¹¹⁹¹, не говоря уже про западную¹¹⁹². Западные интеллектуалы полагали, что «рабский» статус русских крестьян, даже если хозяева к ним относились мягко, не оставлял возможности для развития («достижения цивилизованности») ни им самим, ни государству в целом¹¹⁹³. Можно вспомнить и о том, что европейские путешественники и писатели начала Нового времени связывали с Россией историю, рассказанную Геродотом, о том, как жёны ушедших в многолетний поход скифов вступили в связь с рабами, так что их мужьям по возвращении пришлось сражаться с детьми, родившимися в результате адюльтера (Herod. *Hist.* 4. 1–4)¹¹⁹⁴. Эту историю интерпретировали как произошедшую в Великом Новгороде¹¹⁹⁵. Понятно, что описание русских как «потомков скифских рабов»¹¹⁹⁶ противопоставляло их «европейцам» и не

¹¹⁸⁸ Eton W. A Survey... 4th ed. P. xxvii.

¹¹⁸⁹ Богданов К. А. О крокодилах в России... С. 42–43.

¹¹⁹⁰ Марасинова Е. Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М. : РОССПЭН, 2008. С. 100–102.

¹¹⁹¹ Эткин А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : НЛО, 2001. С. 73–75.

¹¹⁹² Гладышев А. В. Мушка в паутине... С. 152–155.

¹¹⁹³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 113–116.

¹¹⁹⁴ Геродот. История в девяти книгах / пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. Л. : Наука, 1972. С. 187–188.

¹¹⁹⁵ Храпунов Н. И. Происхождение известий о походах древнерусских князей на Крым во второй половине XI в. // МАИЭТ. 2018. Вып. 23. С. 648.

¹¹⁹⁶ Митрофанов А. А. Французская политическая элита... С. 71–72.

позволяло считать их «цивилизованной нацией». Справедливости ради, отметим, что данный Геродотов сюжет иногда связывали и с поляками, которым пришлось сражаться с неверными жёнами и их любовниками после похода на Украину¹¹⁹⁷.

О том, что русские закрепили крымских татар, писали и другие иностранцы. Например, принц де Линь, получивший от Екатерины II имение в Партените на южном берегу, к которому были приписаны татарские крестьяне, утверждал, что задал им следующий вопрос: «счастливы ли они, и могу ли я пользоваться ими, и знают ли они, что императрица подарила их мне? Они же сказали мне, что, в общем, знают, что их роздали, но не вполне понимают, что это означает; что до сей поры они были счастливы; но, ежели перестанут быть [счастливыми], то сядут на два корабля, которые построили сами, и укроются среди турок...»¹¹⁹⁸. Вполне возможно, этот разговор был лишь фантазией. Во всяком случае, татарского языка принц не знал, а переводчика не упомянул. Как бы то ни было, путешественники не поняли специфики Крыма, большинство жителей которого остались лично свободными, правда, обязанными нести отработки за пользование помещичьей землёй¹¹⁹⁹. Впрочем, зачастую эти повинности вызывали негативную реакцию у крымско-татарских крестьян¹²⁰⁰.

По мнению Хебера, экономика и население Крыма страдали от неразумных запретов, введённых российским правительством. Среди них – воспрещение рубить лес на южном берегу¹²⁰¹. Правительственные чиновники бесстыдно распродавали товары, хранившиеся на общественных складах Севастополя – но для борьбы с этим позорным явлением правительство не придумало ничего лучше, чем закрыть вход в этот порт всем без исключения торговым судам. «Даже продовольствие нельзя доставлять по морю без специального разрешения». Последствия были вполне предсказуемы: «[в] результате процветание этого города

¹¹⁹⁷ Стефанс Дж. Л. Записки из путешествия по России и Польше в 1835 году / пер. с англ. Т. О. Новиковой. М. : Кучково поле; Икс-Хистори, 2018. С. 65.

¹¹⁹⁸ [Ligne Ch.-J. de] *Lettres et pensées...* P. 68.

¹¹⁹⁹ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье... С. 97–98, 158–159.

¹²⁰⁰ Конкин Д. В. Некоторые аспекты земельных отношений... С. 491–492; Конкин Д. В. Землеустроительные комиссии. С. 123–124.

¹²⁰¹ [Heber A.] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. 258.

всячески ограничивалось, а цены на всякий импортный товар поднялись до самых непомерных величин»¹²⁰². Англичанин не понял, что это диктовалось особенностями порта, задуманного как закрытая военная база. Решение объявить Севастополь «закрытым портом» лоббировал главный командир Черноморского флота Жан-Батист (Иван Иванович) де Траверсе (1754–1831), опасавшийся французских и английских шпионов¹²⁰³.

Строившийся Севастополь стал символом перемен, происходящих в Крыму. Хебер не мог не оценить превосходных качеств местных бухт, «предоставляющих убежище [для кораблей] при всяком ветре, удобных для ремонтов, судостроения и всего прочего»¹²⁰⁴. Однако помимо неразумных запретов и коррупции город страдал из-за отсутствия необходимого сырья и материалов. Старые пушки приходилось разбивать на части и отправлять на переплавку в Луганск, а строительный лес в результате перевозки настолько поднимался в цене, что «построить корабль на берегах Чёрного моря стоит в полтора раза больше, чем сконструировать его в Кронштадте»¹²⁰⁵. Любопытно, что через много лет, в 1818 г., Хебер опубликовал в *The Quarterly Review* рецензию¹²⁰⁶ на один антироссийский трактат, в которой утверждал, что военная и финансовая слабость России не позволяет считать её угрозой как для Европы, так и для британской Индии. Поэтому он выступал за сохранение союза с Россией, который приносил его родине значительные выгоды¹²⁰⁷.

Таким образом, рассказ Хебера о поездке Крым свободен от большинства предрассудков и предубеждений своего времени, достаточно объективен и независим в суждениях. Путешественник описал регион с богатым прошлым,

¹²⁰² Ibid. P. 259.

¹²⁰³ Шатне М. дю. Жан Батист де Траверсе, министр флота российского / пер. с франц. М. Л. Андреева. М. : Наука, 2003. С. 187; Конкин Д. В. Французский след в региональной политике // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. С. 89.

¹²⁰⁴ [Heber A.] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P 259.

¹²⁰⁵ Ibid. P. 259, 202.

¹²⁰⁶ О её атрибуции см.: Anderson M. S. *Britain's Discovery of Russia...* P. 231, and note 3.

¹²⁰⁷ Heber R. Art. [Review of :] *A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the Year 1817. Fourth Edition* // *The Quarterly Review*. 1818. April. Vol. 19. No. 37. P. 131–177.

который в его время пришёл в упадок и запустение отчасти в силу исторических обстоятельств, отчасти из-за нерадения и злоупотреблений властей, действия которых не всегда подвластны здравому смыслу англичанина. Хебер счёл Крым местом, в высшей степени достойным посещения, и рекомендовал отправиться туда, даже несмотря на отсутствие привычной инфраструктуры, чтобы насладиться природными красотами южного берега, живописными развалинами старинных городов и крепостей, а также увидеть представителей малоизвестных на Западе народов. Невозможно не согласиться с выводом, который сделал Э.-Г. Кросс: «Хебер – здравомыслящий, не склонный к сенсационности автор дневника; его путевые записки и письма, до сих пор малоизвестные, лишены предубеждений и эмоциональных выплесков, свойственных, например, Кларку, и бесценны во многих отношениях, не в последнюю очередь благодаря описаниям его знакомых, русских и британцев»¹²⁰⁸.

¹²⁰⁸ Cross A. G. From the Assassination of Paul I to Tilsit: The British in Russia and Their Travel Writings (1801–1807) // *Journal of European Studies*. 2012. Vol. 42/1. P. 12.

ГЛАВА 4. НОВЫЕ ГРАНИ ОБРАЗА КРЫМА В ЗАПИСКАХ МИССИОНЕРОВ, НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТНОГРАФОВ, УЧАСТНИКОВ GRAND TOUR

4.1. Мери Хоулдернесс

В списке путешественников по России и Крыму особое место занимает Мери Хоулдернесс. Все путешественники описывали местные «экзотические» народы, но именно Хоулдернесс сделала этнографию центром повествования. Об обстоятельствах жизни этой дамы известно очень мало. Даже крупнейший знаток англо-русских культурных связей Э.-Г. Кросс не смог сказать о Хоулдернесс больше, чем она сама сообщила в своих книгах¹²⁰⁹. «Крымские записки» Хоулдернесс проанализированы в ряде книг и статей¹²¹⁰, причём реконструкция обстоятельств жизни и взглядов автора нередко зависит от фантазии исследователя. Изданы переводы отдельных глав¹²¹¹ и всей книги Хоулдернесс по

¹²⁰⁹ Cross A. G. In the Land of the Romanovs... P. 134.

¹²¹⁰ Маркевич А. З культурної минувшини в Криму ХІХ в. Короткі нариси // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич. Страницы истории крымского краеведения. Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. С. 359; Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера... С. 33–39; Каушлиев Г. С. Вклад английских путешественников... С. 106–109; Калашиников В. М. Британский взгляд на Крым... С. 136–139; Voloshkova N. On Terrains of the Other Empire : Mary Holderness' Account of Her Residence in Early 19th-Century Crimea // British Women Travellers : Empire and Beyond, 1770–1870. New York : Routledge, 2019. P. 70–85; Храпунов Н. И. Как описать этнографию имперской провинции: Мери Хоулдернесс в Крыму // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4. С. 174–189; Сейтхалилова Л. С., Алиева А. Ю. Крым и крымские татары начала ХІХ столетия глазами английской путешественницы Мэри Холдернесс // КИО. 2021. № 1. С. 228–237.

¹²¹¹ Холдернес М. Замечания о крымских татарах // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильского населения Крыма. Ч. 1 : Мусульмане : крымские татары, крымские цыгане / ред.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен. Симферополь : Таврия-Плюс, 2004. С. 204–207; Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера.. С. 92–96; Одесса глазами британцев... С. 65–66; Холдернесс М. Заметки о нравах и обычаях крымских татар (написано в течение четырёх лет проживания среди этих людей) / пер. с англ. А.Ю. Алиевой // КИО. 2021. № 1. С. 238–260; 2021. № 2. С. 257–279.

первому изданию¹²¹² – впрочем, качество последнего перевода ниже всякой критики.

Путешествие Хоулдернесс в Крым связана с деятельностью протестантской церкви. Миссионеры, представлявшие различные протестантские конфессии, появились в России во второй половине царствования Александра I. В Крыму они пытались вести просветительскую и миссионерскую деятельность среди мусульман и караимов, а также прибывших после присоединения к России молокан и духоборцев и переселившихся из Центральной Европы протестантов. Манифесты Екатерины II гарантировали крымским мусульманам свободу вероисповедания¹²¹³. Переходы крымских мусульман в христианство (или возвращение к православию христиан по рождению, принявших ислам в силу разных обстоятельств) случались иногда, однако правительство не только не форсировало ситуацию, но, наоборот, внимательно рассматривало протесты со стороны мусульманской общины¹²¹⁴. Деятельность мусульманского духовенства ограничивалась лишь там, где власти усматривали угрозу интересам государства – например, пропаганду эмиграции в Османскую империю¹²¹⁵.

В Крыму зарубежные религиозные деятели появились после победы над Наполеоном. Почти все они пользовались покровительством российских властей, в чём проявилось изменение религиозной политики Александра I по сравнению с действиями его предшественников на троне. Император отличался либерализмом в религиозных вопросах и поддерживал разнообразные проекты западноевропейских протестантов. О причинах его покровительства миссионерам можно лишь догадываться. Вероятно, дело не только в личном стремлении Александра I к нравственному совершенствованию и его религиозных исканиях, а также уважении к трудам представителей разных направлений в

¹²¹² Калашников В. М. Британский взгляд на Крым... С. 140–319.

¹²¹³ ПСЗ. Т. 21. С. 898, № 15708; с. 985, № 15798.

¹²¹⁴ Маркевич А. И. К вопросу о положении противомусульманской миссии в Тавриде. Симферополь : Таврическая губернская типография, 1911. 31 с.

¹²¹⁵ Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. С. 105.

протестантизме¹²¹⁶. Полагают, что император видел в деятельности протестантов средство для решения сразу нескольких задач в рамках его «большого проекта» государственного строительства. Распространение протестантской этики должно было способствовать ускорению экономического развития страны. Предполагалось, что протестантское миссионерство послужит популяризации новой идеологии, предусматривавшей создание идеального государства, основанного на нравственности, справедливости, самосовершенствовании и отсутствии произвола. В этот утопический проект включалось и нехристианское население империи, религии которого признавались достойными уважения, пусть и стоящими на более низкой ступени по сравнению с христианством¹²¹⁷. Обращаясь к опыту различных религиозных деятелей и доктрин, Александр I искал универсальный язык, способный донести эту идеологию до представителей разных культур, составлявших его империю¹²¹⁸. В рамках данной логики деятельность миссионеров среди мусульман должна была способствовать ускорению интеграции последних в российское общество и государство. Протестанты основали миссии не только в Крыму, но и на Северном Кавказе¹²¹⁹. Разумеется, цели, которые ставили перед собой западноевропейцы, не обязательно совпадали с целями российского императора.

Среди прибывших в Крым протестантов были те, кто занимался по преимуществу хозяйственными проектами, в частности – английский священник и агроном Артур Янг-младший (о нем см. параграф 2.3). Он приехал в Россию в 1805 г. по приглашению правительства, заинтересованного в развитии передовых хозяйственных технологий. В 1809 г. Янг отправился в Крым, где приобрёл поместье в селении Карагоз (ныне с. Первомайское Кировского района) близ

¹²¹⁶ *Пытин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб. : Академический проект, 2000. С. 343–346, 414–415.

¹²¹⁷ *Вшленкова Е. А.* Религиозная политика в России (первая четверть XIX в.). Дисс... д-ра ист. наук. Казань : Казанский государственный университет, 1998. С. 102–155.

¹²¹⁸ *Герасимов И., Могильнер М., Глебов С., Семенов А.* Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2. Казань : Ab imperio, 2017. С. 167–170.

¹²¹⁹ *Kırımlı H.* Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries. The Story of Katti Geray and Other Baptised Descendants of the Crimean Khans // *Cahiers du Monde Russe*. 2004. Vol. 45. No. 1/2. P. 61–108.

города Феодосии¹²²⁰. Прежним владельцем его был русский генерал немецкого происхождения Антон Шиц (фон Шютц), осевший в этих краях не позднее 1784 г.¹²²¹ Академик Паллас с восторгом отзывался об этом поместье и внедрённых его первым хозяином усовершенствованиях, упомянув большие виноградники, пасеку, огороды и цветники, а также старые татарские плодовые сады. Проблемой была нехватка дров, потому окрестные татары топили навозом¹²²².

Нужно сказать, что с Россией был тесно связан отец помещика, Артур Янг-старший (см. параграф 2.2). Талантливому агроному и популяризатору научных знаний было лестно внимание к его идеям, а потому он стал членом русского Вольного экономического общества, занимался обучением прибывших в Англию русских студентов, а также выступал экспертом в проектах организации земледельческой школы в России¹²²³. Екатерина II интересовалась английским опытом ведения сельского хозяйства и пыталась применить его достижения в своих владениях, особенно в южных губерниях¹²²⁴. Например, в 1787 г. Г. А. Потёмкин направил в Крым двух учившихся в Англии русских агрономов, которые должны были наладить передовое хозяйство на казённых землях¹²²⁵. По-видимому, излишнее доверие к иностранцам вообще и англичанам в частности привело к тому, что в числе выписанных Потёмкиным в Крым специалистов оказались и жулики. Например, некто Иоганн Гендерсон (Джон Хендерсон?) вместе со своими племянницами («племянницами»?) должен был развести в Старом Крыму ботанический сад и устроить сыроварню. Регулярно получая жалование и требуя от властей построить им усадьбу, англичане так и не приступили к оговорённой работе¹²²⁶.

¹²²⁰ *Gazley J. G. The Reverend Arthur Young...* P. 389.

¹²²¹ См.: Присоединение Крыма... С. 145, № 73; с. 148, № 75; *Romme Ch.-G. Voyage en Crimée...* P. 86.

¹²²² *Паллас П. С. Наблюдения...* С. 116.

¹²²³ *Кросс Э. У темзских берегов...* С. 66, 76, 82–83, 90, 97, 106–107.

¹²²⁴ Там же. С. 73–108.

¹²²⁵ Там же. С. 88; Присоединение Крыма... С. 47.

¹²²⁶ *Конкин Д. В. Переселенческая политика...* С. 237.

Опубликованные письма Янга-младшего из Крыма к английским родственникам, отправленные касаются, главным образом, хозяйственных вопросов. Янг считал инвестиции в крымские поместья делом исключительно выгодным, способным принести до 17% годового дохода на вложенный капитал (в четыре раза больше, чем дали бы вложения на родине), а если разводить скот – то и 20%¹²²⁷. В 1815 г. он поместил в «Таймс» и других газетах объявление, в которой приглашает соотечественников отправиться в Крым, «прекраснейшую из провинций Российской Империи, где помещик (т. е. сам Янг. – Н. Х.) за пять лет своего там жительства ни разу не видел сборщика налогов»¹²²⁸. Желаящим он обещал продать или сдать в аренду соответствующие наделы. Свою жену он просил прислать из Англии сельскохозяйственные орудия, инструменты, семена овощей, чертежи солодовни и пивоварни, а также «самый лучший справочник садовода» (*the very best Gardeners Calendar*)¹²²⁹. Практические руководства для земледельцев регулярно публиковали на родине Янга: автором одного из них был его отец¹²³⁰. Интересно, что один из виднейших русских англофилов Николай Мордвинов, пытавшийся завести на юге России (на территории нынешней Украины) образцовое хозяйство по английскому образцу, читал английские земледельческие справочники (в том числе Янга-старшего) и выписывал из Англии различные семена. Его письма полны энтузиазма и этим очень напоминают писания Янга-младшего¹²³¹. Ни одному, ни другому, кажется, не приходила в голову мысль о том, что природные и климатические условия в Причерноморье отличаются от английских, а потому следование справочникам могло дать обратный эффект. Жизнь показала, что Янг-младший недооценил крымскую специфику – отсутствие внутреннего рынка для аграрной продукции, дорог, связывающих Крым с

¹²²⁷ *Gazley J. G. The Reverend Arthur Young... P. 388.*

¹²²⁸ *Ibid. P. 394; The Monthly Magazine; or, British Register. 1815. Vol. 39. P. 476.*

¹²²⁹ *Gazley J. G. The Reverend Arthur Young... P. 390.*

¹²³⁰ [*Young A.*] *The Farmer's Kalendar ; or, A Monthly Directory for All Sorts of Country Business ; Containing, Plain Instructions for Performing the Works of Various Kinds of Farms, in Every Season of the Year. London : Robinson and Roberts; J. Knox, 1771. 399 p.*

¹²³¹ *Кросс Э. У темзских берегов... С. 92–93.*

материком, портовой инфраструктуры, нехватку рабочей силы и пр.¹²³². Примечательны слова Андрея Михайловича Фадеева (1790–1867), служившего в Причерноморье и познакомившегося с Янгом в его крымском поместье. «Этот крымский [Я]нг был человек с большими познаниями, но, также, как и многие его соотечественники, своего рода чудак. Поселившись в Судакской долине, он купил участок земли с виноградным садом, не с тою целью, чтобы улучшить виноделие, заниматься им и производить вино, а для того, чтобы откармливать виноградными отжимками отличной породы свиней; убил на это многие тысячи рублей и, увидев, что в Крыму такое дело не даёт ожидаемых доходов, продал за бесценок своё заведение и уехал в Англию»¹²³³. Данный анекдотический эпизод, по-видимому, прекрасно передаёт суть сельскохозяйственных экспериментов Янга.

Уже в 1818 г. зашла речь о продаже поместья. Кандидатом в покупатели выступил другой англичанин Льюис Уэй (1772–1840), знаменитый миссионер, путешественник и филантроп¹²³⁴. В 1817 г. он встречался с Александром I и рассказывал о своих проектах по обращению евреев в христианство. Под влиянием этой встречи и других обстоятельств император разрешил учредить «Общество израильских христиан», в которое должны были вступать решившие креститься иудаисты. Предполагалось создавать для них особые поселения на юге России. Цели, который преследовал Александр I, очевидно, не отличались от тех, которых он хотел добиться, поддерживая проекты крещения российских мусульман. Однако деятельность Общества не принесла никакого результата¹²³⁵.

Уэй решил устроить в Карагозе колонию крещёных евреев, но сделка между ним и Янгом в итоге не состоялась¹²³⁶. В 1820 г., получив наследство после смерти

¹²³² *Gazley J. G. The Reverend Arthur Young...* P. 384–405; *Храпунов Н. И. Западноевропейские миссионеры в Крыму // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 291–293.*

¹²³³ *Фадеев А. М. Воспоминания в двух частях. Одесса : Типография Южно-Русского общества печатного дела, 1897. С. 56–57.*

¹²³⁴ См.: *Henderson G. Lewis Way : A Biography. [n. pl.] : HTS Media, 2015. 186 p.*

¹²³⁵ *Вишленкова Е. А. Религиозная политика в России... С. 312–315; Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи... С. 134–135.*

¹²³⁶ *Gazley J. G. The Reverend Arthur Young...* P. 398–400.

отца, Янг вернулся в Англию¹²³⁷. В 1827 г. он отправился в новое путешествие в Россию с целью все-таки продать поместье, но решение оказалось роковым. В Крыму путешественник заболел и умер¹²³⁸. Шотландец Джеймс Александер рассказал следующую историю. Поместьем в Карагозе управлял некий грек, а интересы наследников Янга представлял купец-немец из Феодосии, выдававший себя за англичанина. «Хотя, на первый взгляд, поместье показалось мне превосходным, однако, как я понял, что после смерти г-на Янга-младшего посредник не выплатил наследникам, жившим в этой стране (Англии. – *Н.Х.*), ни рубля, полученного с доходов имения, чему есть простое объяснение»¹²³⁹. Объяснение заключалось в том, что поместье попало в руки жуликов, ничуть не заботившихся о его процветании. Далее Александер рассказал историю, которую ему поведали в Севастополе. Однажды посредник-немец вместе со своим знакомым англичанином появился в Карагозе, выдав этого знакомого за наследника имения, чтобы тем самым вынудить грека-управляющего приготовить им хороший обед. Не удовлетворившись этим, немец решил пошутить и уговорил своего спутника приказать греку вырубить разросшиеся вокруг усадьбы деревья, чтобы дать доступ воздуху. В результате управляющий уничтожил бесценный фруктовый сад и продал срубленное на дрова. Александер счёл своим долгом «сообщить» эту важную информацию ближайшему наследнику г-на Янга сразу после своего возвращения в Англию – тогда и стало совершенно ясно, почему до сих пор имение не приносило ничего»¹²⁴⁰.

Из корреспонденции Янга следует, что Хоулдернесс решила примкнуть к колонии и отправилась в Крым осенью 1815 г. вместе с мужем, взяв с собой четверых детей, один из которых был ещё младенцем, двух служанок и огромное количество багажа. Её муж «по паспорту» значился капитаном (впрочем, и сам Янг

¹²³⁷ Ibid. P. 401.

¹²³⁸ Obituary // *The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle*. 1828. Vol. 98. Pt. 1. P. 274; *Gazley J. G. The Reverend Arthur Young...* P. 402.

¹²³⁹ *Alexander J.E. Travels...* Vol. 2. P. 200.

¹²⁴⁰ Ibid. P. 200–202.

– полковником), но отец Янга назвал его попросту «бродягой»¹²⁴¹. В Крым ехали кружным путём – из Англии морем до Риги, а оттуда в экипажах на юг через Полоцк, Могилев, Чернигов, Киев и Одессу. В 1821 г. англичанка выпустила свою первую книгу, представляющую собой этнографическое описание крымских татар («Заметки, относящиеся к нравам и обычаям крымских татар, написанные во время четырёхлетнего проживания среди этого народа»). В предисловии она сообщала, что жила в Карагозе с 1816 по март 1820 г.¹²⁴². Через два года появилось новое издание («Новороссия. Путешествие из Риги в Крым через Киев, с некоторыми известиями о колонизации и нравах и обычаях колонистов Новороссии. К которым прибавлены заметки о крымских татарах»), дополненное рассказом о путешествии автора из Риги в Крым, а также известиями о южнорусских губерниях и других крымских народах¹²⁴³. Затем Хоулдернесс издала сборник религиозных размышлений и гимнов на каждый день месяца. Эта книга свидетельствует об искренности её религиозных чувств. Издание посвящено английскому королю Георгу IV, а деньги на него собирали по подписке, что может говорить об ограниченных доходах автора¹²⁴⁴. Ещё через два года вышло второе издание «крымского путешествия» («Путешествие из Риги в Крым, с некоторыми известиями о нравах и обычаях колонистов Новороссии»)¹²⁴⁵. После этого о Хоулдернесс нет никаких данных.

По словам англичанки, некий друг снабдил её материалами о жителях юга России, – возможно, этим человеком был Янг-младший¹²⁴⁶. Кроме того,

¹²⁴¹ *Gazley J. G. The Reverend Arthur Young...* P. 395–398.

¹²⁴² *Holderness M. Notes Relating to the Manners and Customs of the Crim Tatars; Written during a Four Years' Residence among that People.* London : John Warren, 1821. P. v.

¹²⁴³ *Holderness M. New Russia : Journey from Riga to the Crimea, by Way of Kiev ; with Some Account of the Colonisation, and the Manners and Customs of the Colonists of New Russia. To Which Are Added, Notes Relating to the Crime Tatars.* London : Sherwood, Jones & Co., 1823. 316 p.

¹²⁴⁴ *Holderness M. A Manual of Devotion; Being Meditations and Hymns for Every Day in the Month.* London : James Duncan ; Edinburgh : Waugh and Innes; Glasgow : M. Oglel; Dublin : R. M. Tims, 1825. 152 p.

¹²⁴⁵ *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia.* 2nd ed. London : Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. 316 p.

¹²⁴⁶ *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea...* 2nd ed. P. iii; *Gazley J. G. The Reverend Arthur Young...* P. 397, note 2.

Хоулдернесс изучила труды путешественников по Крыму в ханское и российское время – Франсуа де Тотта, Элизабет Крейвен, Петера Палласа, Станислава Сестренцевича-Богуша, Жана Рёйи, Эдварда Кларка и Реджинальда Хебер¹²⁴⁷. Последняя версия травелога Хоулдернесс состоит из трёх частей, что объясняется историей создания книги. Первая рассказывает о путешествии из Риги в Крым¹²⁴⁸. Во второй систематизированы сведения об экономике, администрации, армейских подразделениях, социальной системе и отдельных народах, живших в Крыму и к северу от него¹²⁴⁹. Наконец, в третьей части говорится о разных аспектах жизни крымских татар¹²⁵⁰. Впрочем, избежать повторов автору все равно не удалось.

Личный опыт позволил Хоулдернесс как опровергнуть некоторые поспешные суждения её предшественников, так и согласиться с другими. Например, Элизабет Крейвен писала, что в долинах центрального Крыма выращивали рис¹²⁵¹. Хоулдернесс же справедливо отметила, что на полуострове в принципе нет подходящих для рисоводства земель¹²⁵². Хебер упомянул постройку близ дороги из Феодосии в Судак, которая, по словам его проводника, прежде была армянским женским монастырём (*convent*)¹²⁵³. Хоулдернесс уточнила, что это был небольшой действующий монастырь (*priory*), «где живут несколько монахов-армян», к которому приписаны 3 000 десятин¹²⁵⁴ прекрасной земли¹²⁵⁵. Армянский монастырь Сурб Хач пришёл в упадок и запустение после переселения крымских христиан в российское Приазовье в 1778 г., а потому не удивительно, что проводник Хебера счёл его необитаемым. В описываемое время шёл судебный процесс по поводу владения монастырскими землями, часть которых стали обрабатывать колонисты-болгары. В конце концов, власти оставили земли

¹²⁴⁷ *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea...* 2nd ed. P. 105–106, 128, 136, 175, 193, 195–196.

¹²⁴⁸ *Ibid.* P. 1–104.

¹²⁴⁹ *Ibid.* P. 105–207.

¹²⁵⁰ *Ibid.* P. 211–316.

¹²⁵¹ [*Craven E.*] *A Journey...* 1789. P. 222.

¹²⁵² *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea...* 2nd ed. P. 195.

¹²⁵³ [*Heber A.*] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1. P. 255; [*Clarke E. D.*] *Travels...* Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 127, note 3.

¹²⁵⁴ Десятина – старинная русская мера площади, равная 2 400 кв. саженьям или 1,09 гектара.

¹²⁵⁵ *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea...* 2nd ed. P. 196.

болгарам, а монастырю выделили другие земли¹²⁵⁶. Другой пример: Эдвард Кларк описал множество прекрасных фонтанов в Бахчисарае – наследие ханской эпохи¹²⁵⁷. Хоулдернесс же заметила, что эти фонтаны укрылись от взгляда всех остальных путешественников; они «сохранились там до сей поры, хотя почти во всех остальных городах они разрушены»¹²⁵⁸.

Вероятно, семейство Хоулдернесс отправилось на чужбину в поисках лучшей жизни. Поэтому путешественницу увлекали не история Крыма или романтика Востока, а реалии современной жизни. Её основными интересами были экономика Юга России и потенциальные возможности для развития новых или интенсификации старых отраслей хозяйства; особенности российской системы государственного управления регионом; этнография различных этноконфессиональных общин. В частности, её волновали возможные прибыли от крымских поместий. По оценкам англичанки, «тот, кто поселился здесь, сможет трудолюбием и усердием добиться, чтобы его поместье приносило от пяти до восьми, а иногда и до десяти процентов годового дохода...»¹²⁵⁹. Как видно, это близко к приведённым выше расчётам Янга. Подобное мнение было свойственно и многим российским авторам, подготовившим описания полуострова по заданию правительства и преисполнившихся излишним оптимизмом по поводу его хозяйственных перспектив. Итогом стали многочисленные ошибки властей при разработке планов экономического развития региона, а также крах частных предприятий и неудачи иностранных колонистов¹²⁶⁰.

Хоулдернесс была образованной и глубоко религиозной женщиной. Интересно, что к православным священникам Хоулдернесс относилась без уважения. Ещё до прибытия в Крым, осмотрев Киево-Печерскую лавру, она заметила: «прискорбно видеть дурное влияние религии, возведённой на таком

¹²⁵⁶ *Саргсян Т., Петросян М.* Крым. Монастырь Сурб Хач. Симферополь : Медиациентр им. И. Гаспринского, 2017. С. 137–140.

¹²⁵⁷ *Clarke E. D.* Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 170–171.

¹²⁵⁸ *Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed. P. 196.

¹²⁵⁹ *Ibid.* P. 281–282.

¹²⁶⁰ *Конкин Д. В.* Оценки экономического потенциала Крыма... С. 37–52; *Конкин Д. В.* «Экономика и жизнь»... С. 170–179.

прекрасном основании и так постыдно извращённой в практической нравственности и доктринах её исповедующих»¹²⁶¹. Очевидно, подлинными праведниками она считала англикан. Её собственная вера казалась признаком цивилизованности, и только постепенное приобщение к западным ценностям способно было привести косное русское общество к идеалу «всеобщего блага». «Кто может усомниться в том, что цивилизация не поднимет русского мужика на более достойный уровень по шкале человеческого бытия? Он таков, каков есть, из-за нехватки знаний, а не потому, что не способен их получить»¹²⁶².

По мнению Хоулдернесс, важнейшую роль в этом благородном деле должны были сыграть западные миссионеры, деятельность которых заставляла вспомнить пророчества Исайи о том, что в будущем в языческой земле воссияет свет (Ис. 9:2; 32:16). Русские мужики должны были стать объектом миссионерской деятельности не в меньшей степени, чем нехристианское население. По мнению англичанки, хотя её современники-миссионеры явились ко «многим нецивилизованным ордам, подчинённым России», меньше всего трудностей ожидает тех, кто находится «в Крымской Татарии»¹²⁶³. Хоулдернесс не скрывала оптимизма в отношении вестернизации и просвещения России, которую она связывала с деятельностью миссионеров, ведь «не только сам монарх (Александр I. – *Н. Х.*), но также и самые влиятельные князья его державы и церковные иерархи <...> с благороднейшей ревностью одобряют и помогают тем, кто, сознавая и понимая важность религиозной истины, желает широко распространить её блага и раздать её дары в тёмном и грешном мире»¹²⁶⁴. Как видим, взгляды Хоулдернесс в целом соответствовали описанным выше целям религиозной политики российского императора.

Хоулдернесс отличалась наблюдательностью и умела добиться расположения соседей – это позволило ей подробно описать их дома и одежду, пищу и утварь, приёмы и отрасли хозяйства, традиционные свадьбы и религиозные

¹²⁶¹ *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed. P. 67.*

¹²⁶² *Ibid. P. 126.*

¹²⁶³ *Ibid. P. 127–128.*

¹²⁶⁴ *Ibid. P. 127.*

посты, игры и суеверия, музыку и преступления, обряды и пр. По словам путешественницы, её отъезд из Крыма весьма опечалил соседей, татар и поляков¹²⁶⁵. В другой раз она подробно описала похороны пожилой татарской дамы. Англичанка, помимо своей воли, даже стала участником поминального обряда: «сын умершей передал присутствующим небольшую сумму денег, которую один из его друзей разносил по кругу. Со мною был маленький сын; как и остальные, он получил несколько копеек. Поначалу я не хотела, чтобы он их брал, но разносивший [деньги] мужчина настоял на том, чтобы он их принял; когда я поинтересовалась целью, ради которой их давали, он ответил: “Дабы те, кто здесь находятся, помолились за умершую, чтобы её взяли на небеса”»¹²⁶⁶. Удивительно, что Хоулдернесс так и не сказала, на каком языке (или языках) она общалась с соседями. Возможно, ей удалось выучить бытовой крымско-татарский и русский языки.

Англичанка подробно описала быт и нравы жителей Тавриды – крымских татар, греков, армян, болгар, караимов, русских и переселенцев из Германии. По её мнению, всем этим людям мешали различные негативные качества – леность, нечистоплотность, нежелание пользоваться достижениями медицины и пр. Этот подход, который можно назвать генерализацией или типизацией, свойственен был большинству иностранных путешественников. По нескольким примерам, известным из собственного опыта, они выводили общие свойства национального характера, которым давали моральную оценку, исходя из собственных ценностей. Можно вспомнить, например, слова Хебера о «плутовстве и низости» всех крымских жителей, за исключением магометан.

Греков Хоулдернесс охарактеризовала как стяжателей. «Характер греков – чересчур сутяжнический; они ревностно относятся к богатству друг друга и чрезвычайно озабочены погоней за прибылью. Живут они в глубокой скупости; я видела, как, занимаясь повседневными делами, они питались одним луком или

¹²⁶⁵ Ibid. P. 215–217.

¹²⁶⁶ Ibid. P. 246.

чесноком с хлебом»¹²⁶⁷. Путешественница понимала разницу между греками, покинувшими Крым в 1778 г. при поддержке российского правительства и поселившимися в Северном Приазовье, и греками – выходцами из османских владений, прибывшими в Крым после его присоединения к России¹²⁶⁸. По современным представлениям, первая группа называлась «греками» в ханское время, что подчёркивало их православие; в реальности они были потомками готов, алан и других средневековых этнических групп. А вот описанное англичанкой стяжательство было свойственно азиатским грекам (переселенцам из Турции). Греки – соседи Хоулдернесс имели консервативные взгляды и, что шокировало англичанку, не хотели использовать достижения западной цивилизации. Так, несмотря на начавшуюся эпидемию оспы, они наотрез отказывались делать прививки. Англичанка попыталась убедить их собственным примером, сделав прививку своему младшему сыну – но если греческие мужчины были готовы с ней согласиться, то гречанки наотрез отказались от вакцинации детей. «Причина этого обнаружилась, конечно же, в их вере в предопределение: «То, что предназначено богом, – говорят они, – то и сбудется»»¹²⁶⁹.

По мнению Хоулдернесс, немецкие колонисты «туго соображают» и «имеют грубые манеры», хотя они трудолюбивы, искусны в садоводстве, хлебопечении и выделке хмеля¹²⁷⁰. Армяне же – это «народ лавочников, не имеющий иной цели, кроме купли-продажи, в которых они проявляют изворотливость, гораздо чаще позволяющую им провести других, чем самим оказаться в проигрыше»¹²⁷¹. Более всего они гордятся паломничеством в Иерусалим, знаком чего служит соответствующая татуировка. «Я не могла не подумать о том, сколь невелика истинная стоимость этого титула, который все они так высоко ценят, если он не удостоен возвышенным и благородным характером»¹²⁷². Ничуть не лучше

¹²⁶⁷ Ibid. P. 144.

¹²⁶⁸ Ibid. P. 142–143.

¹²⁶⁹ Ibid. P. 153–154.

¹²⁷⁰ Ibid. P. 161–162.

¹²⁷¹ Ibid. P. 175–176.

¹²⁷² Ibid. P. 176–177.

описание русских и украинцев. «Моральный облик крымских крестьян чрезмерно развращён и порочен; за исключением татар, я никогда не могла вызвать у них с помощью всяких добрых услуг и добрых дел ту привязанность, которую всегда порождал вид рюмки коньяку...»¹²⁷³. Крымские татары – прирождённые лодыри: «их естественное отвращение к труду так велико, что многие из них скорее будут покупать хлеб для прокормления своих семей, чем станут пахать и сеять; другие собирают урожай, которого хватает всего на несколько месяцев, остальное же выменивают на шерсть, овец и пр.»¹²⁷⁴. Наконец, крымские цыгане, подобно своим английским братьям, «живут, главным образом, воровством»¹²⁷⁵.

На высших ступенях в своей «иерархии» жителей Крыма Хоулдернесс поместила болгар и караимов. Болгары, бежавшие в Крым от деспотичного турецкого правительства, отличались «возвышенным характером, будучи трезвым, трудолюбивым и достойным сословием»¹²⁷⁶. Англичанка не раз подчеркнула, что болгары были «самыми лучшими земледельцами и самыми трудолюбивыми жителями полуострова»¹²⁷⁷. Помимо этого, они отличные скотоводы, превосходившие в этом ремесле даже крымских татар¹²⁷⁸. Пожалуй, их единственным недостатком можно было назвать суеверность. Например, перед своим домом они укрепляли конский череп в качестве оберега против сглаза¹²⁷⁹. Хоулдернесс пересказала услышанную от своих соседей легенду о том, как одному болгарскому селению удалось избежать губительной чумы 1812–1813 гг. Чума явилась к ним в образе ночного странника, которого хозяева щедро накормили и напоили; в благодарность за это он, открывшись своим гостеприимным хозяевам, пообещал сохранить их селение нетронутым¹²⁸⁰.

¹²⁷³ Ibid. P. 205.

¹²⁷⁴ Ibid. P. 217.

¹²⁷⁵ Ibid. P. 291–292, note *.

¹²⁷⁶ Ibid. P. 163.

¹²⁷⁷ Ibid. P. 216.

¹²⁷⁸ Ibid. P. 165.

¹²⁷⁹ Ibid. P. 173, 255.

¹²⁸⁰ Ibid. P. 172–173.

По словам Хоулдернесс, крымские караимы «повсеместно пользуются большим уважением»¹²⁸¹. Караимы очень богаты – некоторых из них называют «миллионщиками» (это слово англичанка передала в транслитерации с русского как *Million Tcheks*), ведь они владеют состоянием в миллион рублей¹²⁸². Однако ей не понравились свойственные караимам тяга к наживе, а также религиозное лицемерие, формальное следование предписаниям своей веры: Хоулдернесс вспомнила человека из Динабурга (ныне Даугавпилс в Латвии), который, дабы не осквернить рук прикосновением к деньгам в день субботы, завернул их в платок¹²⁸³. Англичанка осудила то, что караимы не готовы самостоятельно рассуждать о религиозных вопросах: «они основывают своё мнения в делах религии более на вере и поступках своих предков, чем на собственном разуме и убеждениях»¹²⁸⁴. Как и другим жителям Крыма, караимам свойственны некоторые нелепые обычаи. Так, вступая в брак в первый раз, мужчина надевал особую рубаху, которую потом снимал и хранил до самой смерти – тогда рубаха становилась саваном. «По их мнению, эта рубаха имеет такую цену и является неотъемлемой частью имущества, что в денежных делах, когда нужно взять займы, а золота или жемчугов на залог нет, они часто закладывают эту рубаху, которая для заимодавца всегда была надёжным обеспечением, ведь, не выкупив её, еврей не сможет спокойно умереть»¹²⁸⁵. Не исключено, что Хоулдернесс обманул её информатор – поляк. Во всяком случае, сведений о подобном обряде нет в современных этнографических справочниках¹²⁸⁶. Но в глазах читателей этот рассказ экзотизировал людей, с которыми общалась путешественница.

Караимам было не в первой становиться «жертвами» подобных ложных описаний. В 1784 г. Виктор де Караман осматривал караимский город Чуфут-Кале. По его словам, в предшествующую эпоху караимы иногда становились палачами,

¹²⁸¹ Ibid. P. 216.

¹²⁸² Ibid. P. 178.

¹²⁸³ Ibid. P. 179.

¹²⁸⁴ Ibid. P. 179–180.

¹²⁸⁵ Ibid. P. 181.

¹²⁸⁶ Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. М. : Наука, 2003. С. 65–85.

уничтожавшими врагов крымских ханов. Последние посылали в Чуфут-Кале «тех, от кого хотели избавиться, так что евреи, кормившие их на протяжении известного времени, [затем] отравляли их в назначенный день или же сбрасывали с вершины скал. Братья и ближайшие родственники ханов не были застрахованы от печальной судьбы тех, кто оказавшихся под подозрением, а при каждом внезапном перевороте кровь жертв тирании и узурпации текла ручьями»¹²⁸⁷. Нужно ли говорить, что в источниках сведений о подобных жестоких казнях не сохранилось, хотя тюрьма в городе действительно была¹²⁸⁸. Очевидно, до путешественника дошла какая-то местная легенда.

Можно вспомнить и слова Иосифа II, который посетил Чуфут-Кале и, в частности, отметил следующую традицию его жителей: «Они обязаны довольствоваться одной [женой] так долго, пока она не подурнеет и пока зрение жены не ухудшится; только в двух этих случаях им разрешается жениться на другой. Будь такой закон введён в Вене, посмотрели бы мы, сколько женщин надели бы очки, дабы избавиться от своих мужей»¹²⁸⁹. Вероятно, или император чего-то не понял, или над ним подшутил кто-то из его (русских?) спутников. Во всяком случае, в реальности подобного обычая не существовало¹²⁹⁰.

Большое впечатление на Хоулдернесс произвело крепостное право. Как и Хебер, крепостных она называла «рабами». Правда, Хоулдернесс оговорила, что, в отличие от Новороссии, «в крымских поместьях нет приписанных к ним рабов»¹²⁹¹. Парадоксальным был вывод: «Свободнорождённому британцу, наверное, покажется невозможным то, что освобождение [крестьян] не сделает счастливым момент, когда это осуществится; к тому же, очевидно, что русский крестьянин

¹²⁸⁷ [Caraman V. L. Ch. duc de. Journal d'un voyage en Crimée]... P. 2.

¹²⁸⁸ Герцен А. Г., Могаричёв Ю. М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь : Антиква, 2016. С. 225–232.

¹²⁸⁹ Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel / Hrsg. A. von Arneth. Wien : Wilhelm Braumüller, 1869. S. 362.

¹²⁹⁰ См.: Прохоров Д. А. Гендерная ситуация в караимских общинах Российской империи и процессы социокультурной трансформации патриархального общества (XIX – начало XX вв.) // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Симферополь : Антиква, 2013. С. 102–103; Тюркские народы Крыма... С. 72–73.

¹²⁹¹ Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed. P. 199.

счастливее и имеет меньше неудовлетворенных желаний, чем крестьянство страны, гордящейся своей свободой (т. е. Англии. – *Н. Х.*)»¹²⁹².

Крымские татары оставались лично свободными, но, по словам Хоулдернесс, рабский статус имели женщины – рабыни своих мужей. Даже если мужа «проявляли искреннюю привязанность к жёнам», неполноправный статус последних поддерживали религиозные догматы и общественные традиции, подчинявшие себе чувства людей¹²⁹³. Кажется, можно уловить намёк на покупку рабыни в рассказе о свадьбах, требующих огромных расходов. «Крайности, до которых этот обычай доводят татарские крестьяне, превышают всякое правдоподобие». Выкуп за жену, подарки гостям и затраты на свадебный пир нередко разоряли татарина¹²⁹⁴. Некоторым приходилось, подобно библейскому Иакову, наниматься в услужение, чтобы тем самым получить возможность купить жену¹²⁹⁵. Зато он получал не просто супругу, но рабыню. «Татарская жена является абсолютной рабыней своего мужа, а о том, что мужчина считает её таковой, я слышала из уст одного из самых уважаемых людей. Потому она нужна лишь для удовлетворения его страстей, или чтобы породнить его с другим татаринном, принадлежащим к семье, которая знатнее или богаче, чем он сам. Однако у крестьян, которые меньше знати связаны жёсткими нормами или меньше их придерживаются, я часто видела проявления искренней привязанности; но догматы религии, а также давно установившийся обычай учат их подавлять и подчинять чувства, а не потворствовать им»¹²⁹⁶. Таким образом, рабство в его разных проявлениях было важнейшим свойством российского и крымского общества, свидетельствовавшим о его недостаточной цивилизованности. «Мне рассказывали, что по татарскому закону о делах о супружеской измене признанную виновной помещали в могилу, выкопанную специально для этой цели; собирались жители

¹²⁹² Ibid. P. 125.

¹²⁹³ Ibid. P. 225.

¹²⁹⁴ Ibid. P. 239.

¹²⁹⁵ Ibid. P. 218.

¹²⁹⁶ Ibid. P. 225.

окрестных селений на много вёрст вокруг, каждый из которых бросал камень, чтобы таким образом принести преступницу в жертву оскорблённым чувством.

Однако сейчас крымские татары, живущие под властью российского правительства и подчиняющиеся российским законам, больше не могут следовать своим обычаям, так что среди прочих и этот пришёл в забвение»¹²⁹⁷. Как видно, российское завоевание смягчило нравы крымских татар, и в этом смысле оценивалось Хоулдернесс положительно. Если у девушки была старшая сестра, она не могла выйти замуж раньше её, даже если сама отличалась красотой и добрым нравом, а претендент предлагал отцу богатый выкуп. Потому в большой семье младшие дочери могли в итоге остаться без мужей¹²⁹⁸. Интересно, что, в отличие от супружеской неверности, татары не осуждали ситуацию, когда невеста сбегала с женихом. Этот брак считался имевшим ту же силу, что и освящённый муллой. «За ними не видят другого стыда, кроме отказа от великолепных [свадебных] ритуалов и празднества. Женщина считает себя точно также крепко связанной с мужчиной, а он точно также преданно соединяется с ней, как если бы они прошли долгое испытание татарской свадьбой»¹²⁹⁹.

Смертная казнь за прелюбодеяние, принятая у крымских мусульман, соответствовала правилам, установленным Ветхим Заветам (Лев. 20:10), о чём глубоко религиозная англичанка не могла не знать. Очевидно, наряду с рядом других особенностей жизни крымских татар, это обстоятельство позволило ей сравнить их с людьми библейских времён. По словам путешественницы, «[в] простой жизни татар можно обнаружить многие черты сходства с тем, что сказано в Писании о начале истории. И сейчас, как и тогда было в обычае, их богатство заключается в стадах, отарах и численности их семейства. Таковы и многие из их семейных обычаев: не так удивительно то, что при таком простом образе жизни [сегодняшних и древних людей в них] обнаруживается так много общего, как то, что народ, который провёл несколько столетий в контакте с более

¹²⁹⁷ Ibid. P. 243.

¹²⁹⁸ Ibid. P. 242.

¹²⁹⁹ Ibid. P. 241.

цивилизированными нациями, до сих пор сохраняет нравы, которые были присущи человечеству ещё до того, как знание просветило мир, а торговля его обогатила»¹³⁰⁰. Пребывая в патриархальной невинности, татары смогли сохранить «высшее достоинство» своей природы – «трезвость и целомудрие, за которые их повсеместно превозносят»¹³⁰¹. Англичанка описала крымско-татарскую одежду, женские украшения и макияж, брачные обычаи и обряды, поведала о принципах воспитания и обучения детей, особенностях хозяйства и отдыха. Её интересовали жилые дома и их убранство, бани и традиционная пища крымских татар, их музыка, развлечения и игры, скачки, охота, отношение к алкоголю. Немало места уделено религии, постам, пирам и суевериям, болезням, амулетам и оберегам, погребальным церемониям и постпогребальным обрядам¹³⁰².

Со ссылкой на своего знакомого – крымского татарина, служившего заседателем в земском суде и знавшего результаты последней ревизии, Хоулдернесс оценила численность живших на полуострове крымских татар мужского пола в 186 000 человек. Среди них осталось не более 60 знатных семейств, включавших 600 мурз («дворян»). Общее число жителей Крыма, включая все классы и сословия, она сочла равным 260 000 человек¹³⁰³. Эти цифры, кажется, завышены – по данным современных демографов, VII ревизия 1815–1816 гг. выявила в Крыму 212 600 человек, в том числе 113 100 мужчин¹³⁰⁴. Впрочем, неточные подсчёты численности населения в работах путешественников – явление обычное. Они использовали сомнительные источники, иногда могли перепутать данные, и, наконец, в публикациях встречаются опечатки¹³⁰⁵.

По словам Хоулдернесс, крымские татары пользовались многочисленными льготами, в отличие от греков или русских крестьян. По решению Александра I они не платили налогов, как прочие подданные империи, но должны были поставлять

¹³⁰⁰ Ibid. P. 217–218.

¹³⁰¹ Ibid. P. 243.

¹³⁰² Ibid. P. 209–316.

¹³⁰³ Ibid. P. 213–214.

¹³⁰⁴ Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма... С. 93, 123.

¹³⁰⁵ См.: Тур В. Г. Религиозные общины Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 248–250.

дрова российским властям, нести постоянную повинность в отношении отрядов русской армии, а также формировать два национальных полка. Во время войны с Наполеоном полков было четыре, по 800 человек в каждом¹³⁰⁶. По современным представлениям, эти сведения не вполне верны – в 1817 г. все четыре нерегулярные «конно-татарские» полка были с почётом расформированы¹³⁰⁷. Зато информация о привилегированном статусе крымских татар, положение которых в смысле налогов и повинностей было значительно лучше, чем у православных крестьян внутрироссийских губерний и самого Крыма, подтверждается результатами исследований. Впрочем, во время Хоулдернесс ситуация стала меняться: российские власти постепенно вводили налоги для «татар-поселян»¹³⁰⁸.

Несмотря на то, что русские чиновники притесняли крымских татар, последние совершенно утратили боевой дух, присущий их предкам. Потому, по мнению Хоулдернесс, властям не следует опасаться бунтов и возмущений: «слишком безвластны эти люди, чтобы выступить против растущей, гигантской силы своих хозяев; <...> ведь отважный характер, который отличал их во время правления ханов, сейчас, кажется, присутствует лишь у худших представителей их общества»¹³⁰⁹, – иначе говоря, у уголовных преступников. К числу совершённых ими злодеяний относилось убийство еврейской семьи в Карагозе в 1816 г.¹³¹⁰. Виновных российские власти приговаривали к наказанию кнутом, которое, по мнению шокированной им Хоулдернесс, должно было приводить к мучительной смерти преступника¹³¹¹. Это обычное для её соотечественников отношение к порке, которой в России подвергали виновных в тяжких преступлениях¹³¹². В западной

¹³⁰⁶ *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed. P. 192.*

¹³⁰⁷ *Сакович А. Крымские татары на военной службе Российской империи. М. : Русские витязи, 2016. С. 39–71.*

¹³⁰⁸ *Конкин Д. В. Налогообложение мусульман Крыма: традиции и новации // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 189–201.*

¹³⁰⁹ *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed. P. 194.*

¹³¹⁰ *Ibid. P. 269.*

¹³¹¹ *Ibid. P. 267–269.*

¹³¹² Ср.: *Орлов А. А. «Теперь я вижу англичан вблизи...». Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). М. : Гиперборея ; Кучково поле, 2008. С. 256, прим. 147.*

культуре образ востока Европы был традиционно связан с насилием и, в частности, телесными наказаниями, потому многие путешественники по России с любопытством наблюдали публичную порку¹³¹³. Те же, кому наказания кнутом видеть не доводилось, нередко помещали его описание в пересказе со ссылкой на видевших, всячески подчёркивая жестокость и варварство этой картины¹³¹⁴. Вероятно, телесные наказания связывали с распространёнными в эпоху Просвещения представлениями о том, что жители холодных северных стран обладают меньшей чувствительностью, чем южане. «Чтобы пробудить в москвителе чувствительность, надо с него содрать кожу», – писал Монтескьё¹³¹⁵. Публичная порка, другие наказания и даже казни были популярным сюжетом на рисунках иностранцев, которые впоследствии тиражировались в виде гравюр¹³¹⁶. Стереотип был очень стойким – например, в середине XIX в. французский журналист Жермен де Ланьи объявил кнут символом России¹³¹⁷. Сюзанна Вуалькен сравнивала русский кнут с орудием «из мастерской средневекового палача»¹³¹⁸, что, конечно, говорило читателю её мемуаров об отсталости империи. В это же время в Германии «русский кнут» воспринимали как символ государственной системы России, основанной на жестокости и деспотизме¹³¹⁹.

Нужно отметить следующий парадокс: в российской культуре ещё во второй половине XVIII в. варварская жестокость стала считаться важнейшим свойством английского национального характера. Русские люди были шокированы широтой применения смертной казни в Англии, тогда как в их собственной стране эту меру использовали лишь в самых крайних случаях, а также жестоким обращением англичан с животными; возможно, сказалось и влияние сочинений традиционных

¹³¹³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 105–106, 116–117, 124–135, 141.

¹³¹⁴ Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат... С. 177–178.

¹³¹⁵ Монтескьё Ш. Л. О духе законов. С. 200.

¹³¹⁶ Гейслер Х. Г. Г. Быт и нравы русского народа... С. 250–255.

¹³¹⁷ Таньшина Н. П. Русофилы и русофобы. Приключения французов в николаевской России. СПб. : Евразия, 2020. С. 271–281.

¹³¹⁸ Гладышев А. В. Мушка в паутине... С. 153, 155.

¹³¹⁹ Заиченко О. В. Европа или Азия: образ России в процессе формирования национальной идентичности у немцев (1830–1853 гг.) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 2006. М. : Наука, 2007. С. 97–98.

соперников англичан – французов¹³²⁰. Как видно, стереотип «жестокости» того или иного народа служил, прежде всего, маркером инаковости. Он использовался в разных культурах как эффективный способ продемонстрировать специфику Другого, его противоположность привычному и «правильному».

Появление в Крыму колонистов – выходцев из других регионов Европы стало для мусульман негативным соблазном. «Хотя в целом это спокойная и честная раса (крымские татары. – *Н. Х.*), не склонная к насилию или открытому грабежу, они не могут не соблазниться возможностью совершить кражу. В результате исключительной лени своего характера они всегда больше ценят то, что приобретено ценой небольшой хитрости, чем то, за что приходится платить собственным трудом. Потому украсть фрукты или дрова из сада по соседству куда больше соответствует татарским нравам, чем отправиться рубить дрова в лес, отстоящий на несколько миль, хотя разрешение на это будет стоить ему сущую мелочь...»¹³²¹. Жертвами подобных преступлений их становились члены других этноконфессиональных групп. Впрочем, и представители других народов не брезговали грабежом: например, казаки воровали сено, овёс и другое зерно с татарских полей¹³²². Вполне возможно, речь идёт о межконфессиональных конфликтах, принимавших форму краж. О том, что слова Хоулдернесс не были вымыслом, свидетельствуют, например, жалобы на поведение крымских татар, которые получал от помещиков-христиан наместник юга России Михаил Семёнович Воронцов (1782–1856) в 30-е гг. XIX в.¹³²³

Хоулдернесс описала жизнь живших в причерноморских степях ногайцев («ногайских татар»). Путешественники традиционно отделяли их от других «татар», населявших южную горную часть Крыма¹³²⁴. По словам Хоулдернесс, российское правительство заставило ногайцев отказаться от кочевого образа

¹³²⁰ Орлов А. А. «Теперь я вижу англичан вблизи...»... С. 59–63, 254, 255, прим. 145; с. 258, прим. 153.

¹³²¹ Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed. P. 274.

¹³²² Ibid. P. 272.

¹³²³ Медведева И. Н. Таврида. С. 335.

¹³²⁴ Ср.: Паллас П. С. Наблюдения... С. 148; [Heber A.] The Life of Reginald Heber... Vol. 1. P. 262.

жизни, основать селения и заняться земледелием. Для этой цели ногайцам предоставили земли к северу от Крыма – на побережье Азовского моря. Этот проект удался – ногайцы освоили агрикультуру и не только сами себя снабжали хлебом, но ежегодно привозили большое количество зерна на продажу в прибрежные города. Тем не менее, по словам англичанки, ногайцы сохранили самые дурные черты национального характера: «вряд ли найдётся такое преступление, которое бы они не совершили»¹³²⁵. Они использовали новую имперскую ситуацию для создания своеобразного «бизнеса»: воровали лошадей у своих соседей и перегоняли их в Крым для продажи; затем крали уже крымских лошадей, которых сбывали на материке¹³²⁶.

Крымские татары были гостеприимными хозяевами, что особенно важно на южном берегу, где пейзажи прекрасны, но нет постоянных дворов. Приют можно найти в домах живших там татар, которые с удовольствием разделяли с путешественниками свою простую пищу и не требовали оплаты. А когда выяснялось, что их гость не относился к числу российских чиновников, радушие хозяев ещё возрастало¹³²⁷. Эти слова напоминают рассказ Хебера о том, как им с Торнтону однажды пришлось столкнуться с демонстративным нерасположением обычно гостеприимных крымских татар, принявших англичан за русских официальных лиц.

Как уже говорилось, путешественники создали стереотипное представление о лених крымских татар, характеризовавшее их как вообразённых Просвещением «благородных дикарей», не знавших цивилизации и неиспорченных её пороками, но живших на лоне природы, не зная забот и довольствуясь минимумом материальных благ (см. параграф 2.1). Это представление было одним из маркеров инаковости и не принимало во внимание ни особое отношение ислама к предпринимательству, ни специфику экономической ситуации в Крыму. Книги Хоулдернесс внесли свой немалый вклад

¹³²⁵ *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed. P. 141.*

¹³²⁶ *Ibid. P. 142.*

¹³²⁷ *Ibid. P. 188.*

в формирование данного образа. Но, исходя из того, что она четыре года прожила в Крыму, в сельской глубинке, в окружении крымских татар, можно заключить, данные наблюдения отражали действительно виденное путешественницей, её наблюдения за жизнью соседей, а не взятый из книг стереотип. По словам писательницы, одним из проявлений лени было примитивное хозяйство крымских татар. Они не хотели заниматься усовершенствованием орудий труда и транспортных средств; откладывали сенокос на возможно более поздний срок, а также оставляли в полях свежесжатое сено и хлеб в ожидании, когда спадёт жара, что приводило к порче урожая; приверженность коллективизму в сельскохозяйственных работах ставила крестьян в зависимость от наименее трудолюбивых членов общины; неумение обращаться с овцами испанской породы негативно сказывалось на качестве шерсти; а беспечное отношение к заготовкам фуража приводило к регулярной гибели татарских овец в зимнее время¹³²⁸. Иногда нарисованная англичанкой картина напоминает анекдот: «Из-за этого свойства характера можно заключить, что они – самые плохие работники в мире; и, конечно, английский хозяин не станет терпеливо смотреть на ту медлительность, неохоту и незаинтересованность, с которой почти все они относятся к своей работе. Вероятно, самый лучший пример татарского трудолюбия – то, что они копают землю сидя. Очень часто можно наблюдать, как они рубят дрова, не выпуская изо рта трубки, и даже в тёплую погоду эту двойную операцию дополнительно усложняет тяжёлый кафтан»¹³²⁹. Даже если предположить, что некоторые из этих оценок объясняются непониманием основ крымско-татарского хозяйства, «леность» татар указывала на их «недостаточную цивилизованность». В любом случае, практические наблюдения Хоулдернесс, имевшей опыт жизни в окружении крымских татар, хорошо согласовывались с устоявшимся стереотипом «татарской лени».

По мнению англичанки, несмотря на большие потенциальные возможности для развития экономики, время Новороссия и Крым не могли похвастаться особыми успехами. Частично причины этого были связаны с неэффективным

¹³²⁸ Ibid. P. 270–275, 302, 303.

¹³²⁹ Ibid. P. 275.

государственным управлением. Во-первых, общероссийская «феодалная система» приводила к тому, что крестьян селили не хуторами, но скученно в деревнях, сельскохозяйственные работы велись коллективно, проводились регулярные переделы земли внутри общины¹³³⁰. Хоулдернесс была приверженицей индивидуализма, и считала подобные коллективные практики вредными. Во-вторых, злоупотребления чиновников – англичанка привела даже несколько соответствующих русских поговорок, например «суд любит золото, а стряпчие серебро» или «небо высоко, государь далеко», то есть управы на коррупционеров было не найти¹³³¹. В-третьих, нежелание многих помещиков вникать в тонкости хозяйства: «Известный факт: здесь есть владельцы поместий стоимостью в миллион рублей, которые никогда не получают с него и копейки дохода. Проживая вдалеке, они доверяют управляющим, у которых нет ни знаний, ни склонности к тому, чтобы зарабатывать больше, чем достаточно, чтобы просто содержать себя самих в комфорте и достатке...»¹³³². Как же здесь не вспомнить слова Палласа: «Обстоятельством, препятствующим процветанию Крыма, служит также наделение лучшими казёнными землями после завладения страной, не живущих там владельцев, или слишком мало состоятельных или не имеющих никакой охоты к новым заведениям или устройствам...»¹³³³. В-четвертых, особенности культуры местных жителей. Крымские татары предпочитали скотоводство земледелию; поскольку стада были предметом гордости (и, вероятно, маркером социального статуса), а не экономического расчёта, они не торговали животными для извлечения прибыли¹³³⁴. Местные жители традиционно ориентировались на обеспечение собственных потребностей и не проявляли интереса к извлечению прибыли через продажу излишков на рынке. «Обычай и способы ведения сельского хозяйства у татар – грубые и простые. У них недостаточно трудолюбия, чтобы заставить их усердно работать ради получения богатства, и даже само богатство по

¹³³⁰ Ibid. P. 110–114.

¹³³¹ Ibid. P. 115, 118–121.

¹³³² Ibid. P. 282.

¹³³³ Паллас П. С. Наблюдения... С. 156.

¹³³⁴ Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed. P. 217, 293–294, 303–304.

причине вызываемой им зависти едва ли может считаться желанным. Радость покоя и лени при любых условиях для них является верхом счастья, а тот, кто может воспользоваться этим блаженством, не имеет больше ни мотива, ни стимула к труду»¹³³⁵. В результате внутренняя торговля Крыма была, главным образом, меновой. Некоторые ремесла, такие как прядение и ткачество, ориентированы на домашние потребности, а не на рыночный сбыт¹³³⁶. Всё это свидетельствует о том, что Крым ещё не был включён в общеимперскую экономическую систему.

Англичанка была критичной по отношению не только к мусульманам. Рассказывая о греках, она перечислила их занятия – торговлю, ремесло (в особенности каменщицкое и плотницкое дело), лавочничество и сельское хозяйство. При этом оговорила, что «основное внимание греки-селяне уделяют выращиванию и разведению табака и капусты...», а пахотной земли возделывают немного, чтобы урожая хватило для личного потребления. «Но они плохие земледельцы и не очень искусны в разведении скота...», – заключила Хоулдернесс¹³³⁷. Немецкие колонии, получившие от российского правительства многие льготы, в частности, лучшие земли для поселения, денежные ссуды, особую администрацию, 20-летнюю свободу от налогообложения и рекрутских наборов, тем не менее, не дали выдающихся экономических результатов. Первое поколение эмигрантов приходилось даже «исправлять» с помощью порки – шла ли речь о лентяях, пьяницах или аморальных женщинах¹³³⁸. Нужно отметить, что иностранцы, порицая крымских жителей за леность и неэффективное хозяйствование, зачастую не принимали во внимание практические соображения – неразвитость дорожной инфраструктуры и портов, отсутствия кредита и наличие таможенных барьеров. Крах «крымского проекта» Янга наглядно демонстрирует, что одного английского трудолюбия и технологий в то время было недостаточно для получения прибылей с крымского поместья.

Ревностная англичанка, Хоулдернесс считала религиозные воззрения

¹³³⁵ Ibid. P. 270.

¹³³⁶ Ibid. P. 293, 303–304, 218, 221–222.

¹³³⁷ Ibid. P. 145–148, 287.

¹³³⁸ Ibid. P. 157–160.

крымских татар примитивными, их священников необразованными, но оценила благочестие мусульман. «Язык, на котором говорят в мечетях, арабский – священнослужителей учат на нем читать, но переводить они не могут, имея лишь общее представление о направленности каждой из молитв. Несомненно, эфенди (высший класс священников) более образованны, но для муллы маленьких селеньиц достаточным считается умение читать и понимать немногие таинства своей религии. Самая крошечная деревушка не обходится без священника, и, несмотря на все заблуждения этих бедных людей в вопросах веры и соблюдении её бессмысленных законов, они, по крайней мере, обладают достоинством искренности своих молитв и строгого следования правилам, предписанным их религией»¹³³⁹. В общем, это традиционный для Запада взгляд на ислам: например, в конце XVIII в. то же самое писали наполеоновские солдаты о Египте¹³⁴⁰. Лишь через сто лет знаменитый социолог Эмиль Дюркгейм (1858–1917) признает: «люди не могут проводить (религиозные. – *Н. Х.*) церемонии, если не видят причин для их существования, и они не могут принять веру, если совершенно её не понимают»¹³⁴¹.

Важно, что Хоулдернесс считала примитивной не только исламскую религиозность. Как уже говорилось, она не высоко ценила благочестие русских или армян. Помимо всего прочего, русские посты она назвала ханжеством, тем более что была знакома с «либеральным священником», нарушавшим пост в компании англичан. Поклонение иконам она, по-видимому, считала примитивным и подчёркивала, что русским недоступна благодать коллективного богослужения протестантов¹³⁴². Рассказывая о колонистах-немцах, англичанка отметила, что «[в] каждом селении у них есть церковь, где один из прихожан, наилучшим образом пригодный к тому, чтобы взять на себя священное служение, каждое воскресенье дважды читает молитву...»¹³⁴³. Дважды в год каждую колонию посещал

¹³³⁹ Ibid. P. 219.

¹³⁴⁰ *Прусская Е. А.* Французская экспедиция в Египет... С. 146, 156–157.

¹³⁴¹ *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / пер. с франц. А. Аполлонова, Т. Котельниковой. М. : Дело, 2018. С. 707.

¹³⁴² *Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed. P. 184–186.

¹³⁴³ Ibid. P. 161–162.

лютеранский священник из Судака, который совершал таинства, но истинной пользы для паствы его визиты практически не несли. Все дело в грубых нравах и тугом уме немцев: «характер этого народа таков, что лишь чудо или долгая усердная забота сможет произвести на них хоть какое-то впечатление»¹³⁴⁴. На подобных оценках сказывалась её приверженность нормам и формам собственной религии и культуры.

По словам англичанки, искренняя религиозность сочеталась у крымских жителей с разнообразными суевериями. «Татары носят огромное количество оберегов и амулетов, хранящих их от болезни и других напастей. Обычно они представляют собой бумагу с написанным текстом, купленную у муллы и тщательно зашитую в кусок хлопка или шёлка. Их вешают на шнурке на шею, женщины цепляют к волосам, мужчины же носят посреди спины, пришив к верхней одежде. Этим средством они пользуются, чтобы излечить болезни лошадей и свои собственные...»¹³⁴⁵ Интересно, что подобные обереги предлагали и «неверным». Когда заболел ребёнок англичанки, сосед предложил ей обратиться к мулле за соответствующей бумагой, которую надо было сжечь, заставив больного вдохнуть дым, либо зашить в его одежду¹³⁴⁶. Амулеты «помогали» не только людям, но и лошадям – их подвешивали к уздечке, а на шею коня привязывали мешочек с просом, «хранивший» животное от болезней. В морду больного коня бросали сырые яйца – как не без иронии заметила англичанка, «это средство помогает не всегда, как следует из моего собственного опыта»¹³⁴⁷. Бичом татар, главным образом женщин, Хоулдернесс назвала чесотку, «когда кисти рук, ступни и щиколотки зачастую представляют собой одну сплошную язву»¹³⁴⁸. Можно вспомнить, что на западе Европы суеверия и отсутствие квалифицированной медицины считались свойством «нецивилизованных» стран, например, Восточной

¹³⁴⁴ Ibid. P. 162.

¹³⁴⁵ Ibid. P. 252–253.

¹³⁴⁶ Ibid. P. 253–254.

¹³⁴⁷ Ibid. P. 253.

¹³⁴⁸ Ibid. P. 223.

Европы¹³⁴⁹ или Египта¹³⁵⁰.

По мнению Хоулдернесс, различным крымским народам было свойственно разное отношение к выпивке, скрашивавшей тяготы их жизни. «Чтобы вернуться к жизни, татарин обращается к своей трубке; его жена – к праздничным нарядам и походу в гости; русский – к пьяным проказам, которые, однажды начавшись, могут продолжаться неделю или две <...>. Немец пойдёт тем же путём, но не с тем же успехом, ведь электрическая энергия имеет на него гораздо меньшее влияние; он от природы слишком глуп, чтобы возбудиться даже и от таких средств. Грек также поднимает заздравную чашу <...>; он пьёт, пока не развеселится, а потом танцует, пока снова не почувствует жажду. Русский пьёт коньяк; грек – вино; русский пьёт до беспамятства – он засыпает, просыпается и вновь обращается к выпивке. Грек пьёт, пока не поднимет себе настроение...»¹³⁵¹. Желание выпить алкоголь побуждало крымских татар обходить религиозные запреты. «Они всегда отвергают вино, и даже при болезни требуют согласия своего священника перед тем, как его выпьют. <...> Многие из них пьют коньяк без всяких угрызений совести, ссылаясь на то, что Магомет запрещал лишь использование перебродивших алкогольных напитков. <...> Я видела, как они пьют пиво, что должно было бы быть не менее предосудительно при этом взгляде на закон, чем вино, но им не сообщили, каким образом оно сделано»¹³⁵².

Янг в письмах к жене, которая осталась в Англии, не раз касался этого вопроса. Однажды (8 июля 1810 г.?) он отметил с горечью: «Увы, за эти два года мне не довелось попробовать портвейна! Ничего, кроме отвратительного крымского пойла, и ни капли пива, что, как мне кажется, является причиной, почему то там, то тут возникает цинга. <...> Я хорошо питаюсь и много пью, особенно мёд. К коньяку я не прикасаюсь, а вина здесь не достать...»¹³⁵³. В

¹³⁴⁹ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 273–274.

¹³⁵⁰ Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет... С. 104–105; Гладышев А. В. Мушка в паутине... С. 91–92.

¹³⁵¹ Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed. P. 202.

¹³⁵² Ibid. P. 251.

¹³⁵³ Gazley J. G. The Reverend Arthur Young... P. 390–391.

следующем письме, от 7 августа 1810 г., он говорит о своём отличном здоровье, «ведь я купаюсь, и совершаю моцион, и рано встаю, и пью умеренно, и никогда воду, но всегда смешивая [её] с вином или коньяком...»¹³⁵⁴. Янг просил жену нанять в Англии пахаря, который будет готов приехать в Карагоз вместе с семьёй: «требуемые качества – хороший характер, и ПРЕЖДЕ ВСЕГО – ВОЗДЕРЖАНИЕ. Ведь коньяк здесь так дешёв, что не только русские колонисты проживают в пьянстве всю свою жизнь, но даже и привезённые из-за рубежа немцы следуют этому делу ко всеобщему упадку этой страны...»¹³⁵⁵. Пьянство – традиционный маркер инаковости. Уже говорилось, как по-разному интерпретировали это свойство в описаниях русских Кларк и Хебер (см. параграф 3.2 и 3.3). Но следует отметить, что русские тревелогии осмыслили этот порок как отличительную черту английского простонародья¹³⁵⁶.

Книги Хоулдернесс сопровождаются рисунками (на нумерованных вклейках). В первой опубликованы изображения внутреннего двора и построек ханского дворца в Бахчисарае, а также крымских татар и татарок разного социального происхождения в традиционной одежде¹³⁵⁷. В других – сцена в татарской общественной бане, грек-арнаут в боевом снаряжении, анатолийский грек и русский крестьянин в повседневных костюмах¹³⁵⁸. Авторство неизвестно: возможно, гравюры сделаны с набросков англичанки (Приложение А, рис. 47–52).

Таким образом, Хоулдернесс удалось создать уникальное описание жизни Крыма во второй половине правления Александра I. Опыт четырёхлетней жизни в маленьком крымском селении позволил собрать сведения об экономике региона и этнографии населявших его народов. Путешественница поместила англичан на вершину «цивилизационной иерархии», а жители Крыма располагались ниже на её «ступенях», отличаясь разными комбинациями таких черт, как примитивная

¹³⁵⁴ Ibid. P. 391.

¹³⁵⁵ Ibid.

¹³⁵⁶ Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М. : Наука, 1982. С. 224–225.

¹³⁵⁷ Holderness M. Notes Relating to the Manners and Customs of the Crim Tatars...

¹³⁵⁸ Holderness M. New Russia : Journey from Riga to the Crimea...; Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed...

религиозность и суеверия, дурные моральные качества и несклонность к труду и бизнесу по принципам протестантской этики, лень и вороватость. Но, в то же время, им были свойственны некоторые позитивные черты – добродушие, гостеприимство, сопереживание и пр. Собранные англичанкой этнографические сведения представляют большой интерес для изучения культурной антропологии крымских и не только крымских этноконфессиональных общин.

4.2. Эбенезер Хендерсон

В жаркий безветренный день 24 июня 1821 г. к полуразрушенным укреплениям на Перекопском перешейке, соединяющем Крым с материком, прибыл экипаж, пассажирами которого было несколько иностранцев. Проехав через ров по мосту и осмотрев крепостные стены, они проследовали дальше на юг, по дороге на Симферополь. Степные пейзажи северного Крыма разочаровали путешественников, которым доводилось читать труды своих предшественников, не раз сравнивших полуостров с земным раем. Один из них записал в дневнике: «Первое впечатление от Крыма мало отвечало сложившимся у нас прежде представлениям о его райской красоте. Эта страна представляла собой сплошную степь, где не было ни дерева, ни ручейка, ни холма, которые смогли бы придать разнообразие виду...»¹³⁵⁹ Это был Эбенезер Хендерсон (Ebenezer Henderson, 1784–1858), шотландский религиозный деятель и автор одного из любопытных описаний России в эпоху Александра I (Приложение А, рис. 53).

Жизнь Хендерсона описана его дочерью Тулией Хендерсон, использовавшей, в частности, отрывки из дневников, переписки и других материалов личного архива своего отца¹³⁶⁰. Впоследствии Дж.-Х. Глассман сделал биографию Хендерсона темой для диссертации¹³⁶¹. Пребывание Хендерсона в России неоднократно становилось предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей¹³⁶².

¹³⁵⁹ *Henderson E.* Biblical Researches and Travels in Russia, Including a Tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus. London : James Nisbet, 1836. P. 291.

¹³⁶⁰ *Henderson Th. S.* Memoir of the Rev. E. Henderson, D. D., Ph. D. Including His Labours in Denmark, Iceland, Russia, etc., etc. London : Knight, 1859. 476 p.

¹³⁶¹ *Glassman J. H.* Ebenezer Henderson (1784–1858) : Missionary, Traveler, Teacher, Biblical Scholar. His Life and Work in the North of Europe, with Special Reference to the Great Missionary Awakening. PhD thesis. Edinburgh : University of Edinburgh, 1957. 273 p.

¹³⁶² *Баталден С.* Мусульманский и еврейский вопросы в России эпохи Александра I глазами шотландского библеиста и путешественника // ВИ. 2004. № 5. С. 46–63; *Прохорова Т. А.* Изучение древностей Северного Причерноморья путешественниками первой половины XIX века: Эбенезер

Хендерсон родился в деревне Сейлин близ города Данфермлин на юго-востоке Шотландии, в семье крестьянина. Предки Хендерсона были связаны с Шотландской церковью, а потому не удивительно, что в молодости он примкнул к миссионерскому движению и провёл около 20 лет за границей – в Дании, Швеции, Исландии, Германии и России. Не получив серьёзного регулярного образования (отучившись несколько лет в школе, он закончил Эдинбургскую теологическую семинарию, где готовили миссионеров), но обладая выдающимися способностями, Хендерсон самостоятельно выучил полтора десятка древних и современных языков. Эти знания позволили ему заняться вопросами перевода Библии на финский, татарский и другие более или менее экзотические языки.

В это время в России действовало Российское библейское общество, возникшее в Петербурге в 1812–1813 гг. В нескольких регионах империи были основаны свои библейские общества. Эти организации можно назвать детищем Британского и иностранного библейского общества – организации, целью которой был перевод Библии на языки народов мира и распространение печатных экземпляров Священного писания среди разных слоёв населения, в том числе мусульман, иудаистов и других нехристиан. Библиисты были вполне искренни в своих начинаниях: как и подобало миссионерам, они рассчитывали «спасти души» тех, кто прочтёт Библию и обратится к истинному христианству. В России их деятельность пользовалась поддержкой высших сановников империи и самого Александра I, очевидно, усматривавшего в нем полезный инструмент для реализации собственной политики, и в частности – просвещения «инородцев» (мусульман и иудаистов) и приобщения их к «европеизированным» ценностям¹³⁶³.

Гендерсон // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2012. Вип. 32. С. 124–131; Храпунов Н. И. Западноевропейские миссионеры в Крыму. С. 298–300; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Прошлое Крыма в восприятии британского миссионера Эбенезера Хендерсона // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 4. С. 99–112.

¹³⁶³ Вишленкова Е. А. Религиозная политика в России... С. 312, 317–318.

Общество за короткий срок издало и распространило сотни тысяч Библий на разных языках¹³⁶⁴.

В 1816 г. Крым посетил старший агент Общества, миссионер и переводчик Роберт Пинкертон (1780–1859). Его письма, отправленные из поездки, рассказывают об основании новых филиалов Общества и налаживании работы старых в российских городах. Кажется, Пинкертон был излишне оптимистичен касательно своих проектов. Так, он сообщил, что договорился о распространении 4000 экземпляров Священного писания на разных языках среди жителей юга России, включая Крым. В Феодосии местное Библейское общество устроило книгохранилище на рыночной площади, где бойко шла торговля полученными из Петербурга книгами. Пинкертон встретился с представителями городов южного и восточного Причерноморья (то есть с территории Османской империи), которые поддержали цели Общества и выразили готовность распространять его издания¹³⁶⁵.

В Симферополе миссионер принял участие в торжественном открытии Таврического отделения Российского библейского общества, членами которого стали представители местной элиты. Он с гордостью сообщает, что количество подписчиков, то есть тех, кто пожертвовал средства на нужды Общества, «уже превысило 200, из которых 76 магометан и 5 караимских евреев!». А один из новых знакомых – католический священник – сообщил Пинкертону о желании крымских мусульман иметь Священное писание на тюркском языке, причём только жители Бахчисарая нуждались в 200 экземплярах¹³⁶⁶. У живших на Чуфут-Кале караимов англичанин приобрёл за 200 рублей перевод Ветхого завета на «татарский» (караимский?) язык, который планировал использовать как основу для издания тюркской Библии Обществом. Манускрипт был написан «на прекрасной веленовой бумаге, еврейскими буквами, и состоял из четырёх томов в четвертую долю

¹³⁶⁴ *Пытин А. Н.* Религиозные движения... С. 20–303; *Тихомиров Б. А.* Начало истории русского перевода Библии и Российское библейское общество // *Христианское чтение.* 2007. № 28. С. 111–146.

¹³⁶⁵ [*Pinkerton R.*] *Rev. R. Pinkerton's Letters on His Late Tour in Russia, Poland, and Germany* // *The Thirteenth Report of the British and Foreign Bible Society.* London : Oliphant, Wauge, and Innes, 1817. P. 71.

¹³⁶⁶ *Ibid.* P. 72–73.

листа»¹³⁶⁷. Интерес миссионера к караимскому переводу Ветхого завета вполне объясним, ведь его Общество могло использовать как основу для типографского издания Библии, предназначавшейся для мусульман. Кстати, это была не первая караимская Библия, вывезенная из Крыма иностранными путешественниками. Как уже говорилось, в 1800 г. Эдвард Кларк купил на Чуфут-Кале экземпляр Священного писания, начинавшийся с Книги Иисуса Навина¹³⁶⁸.

Хендерсон впервые приехал в Россию в 1816–1817 гг. по делам Библейского общества. Он должен был заменить заболевшего сотрудника и стать помощником Джона Патерсона (1776–1855), с которым сдружился ещё в Скандинавии. В России Хендерсон работал над подготовкой изданий Библии на разных языках. Он собирался отправиться в Сибирь и даже учил монгольский и маньчжурский языки, но отказался от этого плана. После того, как поправившийся Патерсон вернулся в Россию, задача Хендерсона была выполнена, и он отправился сначала в Норвегию, где трудился в местном библейском обществе, а затем и на родину. В 1819 г. он вернулся в Россию, где собирался распространять библии в «русской Татарии». В 1821–1822 гг. Хендерсон и Патерсон отправились в длительную поездку на юг, чтобы познакомиться с жизнью российских мусульман, иудаистов и протестантов в Северном Причерноморье, на Кавказе и в Крыму, а также подготовить мероприятия, призванные расширить дальнейшую деятельность Общества.

Однако в конце правления Александра I – начале правления Николая I Библейское общество и иностранные миссионеры прекратили свою деятельность в России¹³⁶⁹. Дело было не только в интригах противоборствующих придворных группировок или общем повороте к более консервативной государственной политике, но и в плачевных результатах работы зарубежных религиозных деятелей. Сказалось взаимное непонимание миссионеров и их слушателей. Мусульмане почитали Моисея и Иисуса как пророков, чем и объяснялся их интерес к христианскому Священному писанию и готовность его обсуждать. Миссионеры же

¹³⁶⁷ Ibid. P. 75.

¹³⁶⁸ *Otter W.* The Life and Remains... P. 359.

¹³⁶⁹ *Пытин А. Н.* Религиозные движения... С. 236–288; *Вишленкова Е. А.* Религиозная политика в России... С. 155–174; *Kırımlı H.* Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries... P. 93–95.

воспринимали этот интерес как базу для будущего крещения. Когда эти намерения становились ясны мусульманам, то в большинстве случаев вызывали естественный протест¹³⁷⁰.

В итоге деятельность иностранных миссионеров в разных районах России закончилась неудачей. Так, в Казани отделение Российского библейского общества возникло в 1818 г., то есть на два года позже, чем в Крыму. Вскоре в Поволжье стали действовать его многочисленные отделения. Велась работа по переводу Священного писания на языки местных жителей – мордовский, чувашский, марийский и пр. Однако итоги этой деятельности были более чем скромными. Так, привлечённые в качестве переводчиков православные священники плохо знали церковнославянский язык. В типографиях не хватало литер, нужных для передачи нерусских языков. Большая часть книг на религиозную тему, напечатанных в Казани, так и осталась лежать в приходах, в частности потому, что их потенциальные читатели были неграмотны¹³⁷¹. Немногим отличались результаты деятельности шотландских миссионеров в Астрахани. Правда, в 1823 г. им удалось склонить к христианству Александра Касимовича Казем-Бека (1802–1870), в дальнейшем ставшего известным востоковедом и профессором Казанского и Петербургского университетов¹³⁷².

Не увенчалась особенными успехами и работа шотландцев на Северном Кавказе, начавшаяся ещё в 1802 г. Крестить удавалось главным образом выкупленных из рабства детей¹³⁷³. Самым известным их воспитанником стал потомок крымских ханов Александр Иванович Кати-Гирей Султан-Крым-Гирей (1788/1789–1847), перешедший в христианство в 1807 г.¹³⁷⁴ Крёстное имя Султан-

¹³⁷⁰ *Kırmılı H.* Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries... P. 91–92.

¹³⁷¹ *Таймасов Л. А., Денисов П. В.* Казанский комитет Российского библейского общества и переводы Священного писания на языки народов Среднего Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 92–95.

¹³⁷² *Мазитова Н. А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в казанском университете. Казань : Издательство Казанского университета, 1972. С. 163–216.

¹³⁷³ *Kırmılı H.* Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries... P. 67–70, 76–79, 94, 95.

¹³⁷⁴ Известный русский мемуарист Филипп Филиппович Вигель (1786–1856) обвинял Султан-Крым-Гирея в самозванстве (*[Вигель Ф. Ф.]* Воспоминания Ф. Ф. Вигеля. Ч. 7. М. : Университетская типография, 1865. С. 101–102). Однако Таврическое губернское дворянское депутатское собрание внесло Султан-Крым-Гирея в родословную книгу (*Соболевская Т. В.*

Крым-Гирея, полученные им от Александра I подарки, а также то, что император стал крёстным дочери Александра Ивановича – Александрины, очевидно, получившей это имя в честь воспреемника¹³⁷⁵, показывают: российский император, очевидно, рассчитывал, что потомок крымских ханов будет способствовать реализации его планов по распространению христианства у своих соплеменников. После нескольких лет службы в российской армии и образовательной поездки на Британские острова Султан-Крым-Гирей вышел в отставку и переехал в Крым. Ему было поручено начать миссионерскую деятельность в Тавриде. Этот проект пользовался покровительством лично императора Александра I, а подготовкой занимался Патерсон¹³⁷⁶. Судя по дневнику последнего, крымские мусульмане и «евреи» (непонятно, ортодоксальные иудаисты или караимы) повсеместно проявляли большой интерес к переводам из Священного писания. Потому руководители шотландских миссионеров «выразили горячую надежду на то, что Кати-Гирей станет благословением для своих соплеменников, и что Общество окажет надлежащую поддержку его растущим планам»¹³⁷⁷. В 1821 г. в Бахчисарае появилась постоянная шотландская миссия во главе с Джоном Каррадерзом¹³⁷⁸.

Забытые имена: Александр Иванович и Николай Александрович Султан-Крым-Гирей (по архивным документам) // XVII Таврические научные чтения. Сборник материалов. Симферополь : Антиква, 2016. С. 217–218). По словам исследователя Крыма Петра Ивановича Кёппена (1793–1864), вероятно, знакомого с Султан-Крым-Гиреем, его имя до крещения было «Кати Гирей» (*Кёппен П.* Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор таврических. СПб. : Императорская академия наук, 1837. С. 380). В эпоху Крымского ханства титул «султан» получали родственники правившего хана. Например, об это писал Уильям Итон: «[в]се сыновья из рода Гиреев именуется *султанами*» (*Eton W.* A Survey... 4th ed. P. 299). В российскую же эпоху он стал частью фамилии Александра Ивановича. Судя по сохранившемуся в фондах Феодосийского музея древностей экслибрису, он писал своё имя как *Sultan Alex[ander] Katte-Ghery Krim-Ghery & of Caucasus*, что приблизительно можно перевести как «султан Алекс[андр] Катти-Гирей, Гирей Крымский и Кавказский» (*Лайелл Р.* Симферополь и его окрестности. Из «Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии» / пер. с англ. О. Корчевской // Крымский альбом 2002. Феодосия; М. : Коктебель, 2003. С. 18).

¹³⁷⁵ См.: *Соболевская Т. В.* Забытые имена... С. 217.

¹³⁷⁶ *Kırmılı H.* Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries... P. 67–74, 79–84.

¹³⁷⁷ Report of the Edinburgh Missionary Society // The Missionary Register for MDCCCXVII. London: L. B. Seeley, 1817. P. 497.

¹³⁷⁸ *Chapin W.* The Missionary Gazetteer, Comprising a View of the Inhabitants, and a Geographical Description of the Countries and Places, where Protestant Missionaries Have Labored. Woodstock : David Watson, 1825. P. 28.

Хендерсон и Патерсон встречались с ним во время пребывания в городе¹³⁷⁹. Однако и этот миссионерский проект закончился полной неудачей¹³⁸⁰. Интересно, что план Александра I, несмотря на его современный характер, можно считать продолжением традиционной политики России – начиная с XVI в. российские власти поощряли переход мусульман, живших на окраинах государства, в христианство, не только насильственными методами, но и путём раздачи различных подарков и льгот. Подобную практику продолжал и Пётр I и его наследники. Особую роль играло обращение в христианство представителей Чингизидов – а ведь крымские Гиреи претендовали на родство с Чингисханом¹³⁸¹.

В 1825 г. Хендерсон окончательно вернулся в Англию. Здесь он преподавал богословие и восточные языки в миссионерском колледже Госпорт и конгрегационалистском колледже Хайбери в Лондоне, пока в 1850 г. не вышел в отставку. Одновременно миссионер работал над рядом произведений на религиозные темы. В 1836 г. Хендерсон издал описание своего путешествия в Россию под названием «Библейские исследования и путешествия по России, включая путешествие в Крым и переход через Кавказ»¹³⁸². Недавно эту книгу перевели на русский язык¹³⁸³.

Хендерсон был не только миссионером, но и человеком, интересовавшимся историей. Его книга представляет собой совершенно особый опыт осмысления прошлого эрудированным автором, имевшим разносторонние филологические знания и потому обладавшего редчайшей возможностью читать античные, византийские и восточные источники в подлиннике. Это нехарактерно для эпохи,

¹³⁷⁹ *Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 304–305.*

¹³⁸⁰ *Kırmılı H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries... P. 97.*

¹³⁸¹ *Трепавлов В. В. Символы и ритуалы... С. 109–113.*

¹³⁸² *Henderson E. Biblical Researches and Travels...*

¹³⁸³ *Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи / пер. В. Л. Вихновича, А. А. Алексеева. СПб. : Российское библейское общество, 2006. 349 с.; ср.: Храпунов Н.И. Рец. на книгу: Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи // АИ. 2010. № 1. С. 242–255.*

когда о сюжетах античной истории и мифологии нередко узнавали из оперных и театральных представлений¹³⁸⁴. Знание языков помогало и при общении с современниками – так, с караимами Чуфут-Кале Хендерсон говорил на иврите и татарском¹³⁸⁵. Это обстоятельство выгодно отличало его от многих других миссионеров и вообще путешественников (см. параграфы 2.2 и 3.3). Но, к сожалению, в большинстве современных работ, рассматривающих историю изучения прошлого Северного Причерноморья, имя Хендерсона не упомянуто.

Название книги говорит о том, что целью путешествия Хендерсона и его товарищей были, прежде всего, «библейские исследования», в частности, изучение перевода Ветхого завета на тюркский язык, имевшегося в собрании караимов Чуфут-Кале¹³⁸⁶. Во введении путешественник говорил, главным образом, об интересах библеистов, причём заявил о нежелании повторять соответствующие отчёты Общества. Однако его интересы были гораздо шире, и понимая это, он сделал следующую оговорку: «О многих вещах из тех, что здесь описаны, уже рассказывали британские путешественники – обстоятельство, которое для некоторых умов может сделать излишними наблюдения, содержащиеся в этом томе. Но так как от разных людей, преследующих разные цели и привыкших к своему собственному способу наблюдения, следует ожидать, что одни и те же вещи они увидят в разном свете, пусть не покажется самонадеянным утверждение, что и здесь публике будет представлено, по крайней мере, некоторое количество нового»¹³⁸⁷.

Крым занимает сравнительно небольшое место в тревелогe – 92 из 538 страниц основного текста. То, что Хендерсону и его спутникам удалось подробно познакомиться с краем, стало результатом случая: заседание таврического отделения Библейского общества в Симферополе отложили на восемь дней, и эту паузу заполнила ознакомительная поездка по юго-западной части полуострова¹³⁸⁸.

¹³⁸⁴ *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. С. 87, 94.

¹³⁸⁵ *Henderson E.* Biblical Researches and Travels... P. 310.

¹³⁸⁶ *Ibid.* P. 306.

¹³⁸⁷ *Ibid.* P. vi.

¹³⁸⁸ *Ibid.* P. 294.

Путешественники посетили Бахчисарай и Севастополь, далее направились в Георгиевский монастырь и Балаклаву, и затем проехали по южному берегу до Алушты, откуда возвратились в Симферополь. Уезжая из Крыма, они не стали возвращаться по той же дороге, что приехали – через Перекоп, но отправились в Карасубазар (Белогорск) и Феодосию, а оттуда в Арабат и далее, по одноимённой стрелке (косе) к Геническу. Им не удалось побывать в окрестностях Керчи, где Хендерсон, несомненно, смог бы дать волю своему увлечению античностью, ведь именно там находится множество соответствующих памятников.

Хотя путевой дневник стал основой травелога Хендерсона, очевидно, он был значительно расширен автором после возвращения на родину с использованием разнообразных материалов по истории провинций, в которых побывал англичанин. Исследователь русских травелогов А. Шёнле назвал «межжанровым диалогом» попытку ряда писателей, и в частности, Александра Александровича Бестужева-Марлинского (1797–1837) и Ивана Муравьёва-Апостола, соединить путевые записки с историческим исследованием. Путешествие стимулировало интерес к истории увиденных мест, а непосредственный осмотр достопримечательностей способствовал пониманию древних текстов¹³⁸⁹. Подобные черты имели и записки Хендерсона. Исторические экскурсы, как правило, разбивают рассказ о путешествии – когда автор добирается до какого-либо места, вызывающего историческую ассоциацию, он тут же переключается на описание соответствующего сюжета из истории. У. Эко называл такой подход «сальгаризмом» – от имени итальянского писателя Эмилио Сальгари (1862–1911). «Герои Сальгари бегут по лесу, спасаясь от погони, и налетают на корень баобаба. Тут повествователь откладывает в сторону сюжет и начинает ботаническую лекцию о баобабе»¹³⁹⁰. Впрочем, при избранной путешественником форме повествования подобных эпизодов трудно было бы избежать. Иногда для такого экскурса был нужен только повод. Так, Хендерсон и его товарищи не добрались до

¹³⁸⁹ Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском сознании русской литературы путешествий. 1790–1840 / пер. с англ. Д. Соловьёва. СПб. : Академический проект, 2004. С. 125–151.

¹³⁹⁰ Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / пер. с ит. Е. Костюкевич. СПб. : Symposium, 2007. С. 44–45.

Керчи, на месте которой находился центр античного Боспорского царства, но даже того, что они оказались у его западных границ, хватило, чтобы сообщить читателю сведения о древней столице – Пантикапее, о подчинившем Боспор Митридате VI Евпаторе и многие другие подробности¹³⁹¹.

Судя по встречающимся в травелоге цитатам, в распоряжении Хендерсона были описания Крыма, опубликованные Карлом Габлицем и Петером Палласом, травелог Эдварда Кларка, цитировавший дневник Хебера, и исторические сочинения Станислава Сестренцевича-Богуша и Николая Карамзина¹³⁹². Описания полуострова, буквально наполненного памятниками культурного наследия, дают возможность проанализировать взгляды Хендерсона на историю, археологию и этнографию. Об интересе путешественника к прошлому говорит, например, то, что описание современного Севастополя занимает всего страницу, тогда как лежащему поблизости древнему Херсонесу и его прошлому посвящены шесть страниц¹³⁹³.

Как показывает изучение травелога, Хендерсон прекрасно знал труды древних и средневековых авторов, рассказывавших об истории и древней географии Северного Причерноморья. Но если к сочинениям античных и византийских писателей он склонен относиться с полным доверием, очевидно, полагая, что они не могли исказить реальность, то современникам, по мнению шотландца, иногда было свойственно ошибаться. Это хорошо видно на примере описаний Перекопа и его окрестностей. Здесь Хендерсон обратился к известиям Страбона, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея и Константина Багрянородного, пытаясь обнаружить им соответствия в пейзаже¹³⁹⁴. Кажется, он не понимал разницы между текстами древних источников и не делил их на жанры, так что все они казались путешественнику одинаково достоверными. По мысли англичанина, с утверждением Плиния о том, что Крым некогда был островом, должен был

¹³⁹¹ *Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 376–377.*

¹³⁹² [Габлиц К. И.] *Физическое описание Таврической области...; Паллас П. С. Наблюдения...; Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816; Sestrenczewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride; Sestrenczewicz de Bohusz 1800; Карамзин Н. М. История государства российского. Т. 1. М.: Наука, 1989. 643 с.*

¹³⁹³ *Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 341–348.*

¹³⁹⁴ *Ibid. P. 288–289.*

согласиться и современный геолог, когда осмотрит окрестности – впрочем, что конкретно об этом свидетельствует, из текста неясно¹³⁹⁵. Хендерсон справедливо критиковал Хебера, связавшего татарское название Перекопской крепости – Ор – с золотом, ведь по-татарски «золото» будет «алтын»¹³⁹⁶. В данном случае Хендерсону помогли его филологические знания. Хебера же, как и многих других западных авторов, ввело в заблуждение созвучие тюркского *or* («ров») и французского *or* («золото») (см. параграф 3.3).

Тем не менее, шотландец нередко использовал созвучие названий, возникших в разных языках, для реконструкции исторической географии Крыма. Этот несколько наивный подход не удивителен для эпохи, когда научная этимология и историческая география делали свои первые шаги. Так, например, рассказывая о поездке в Балаклаву, он решил, что в древности бухта называлась не только «Символон лимен», но и «Калос лимен», хотя в реальности это были два разных пункта. Крепость в Балаклаве он, по созвучию, связал с Палакием древних географов, который также располагался в другом месте¹³⁹⁷. Впрочем, подобная логика присуща большинству современников Хендерсона. Вспомним сложную цепочку, построенную Маттью Гатри для того, чтобы показать связь между древним народом киммерийцев, городом Старый Крым и Крымским полуостровом, а также современными шотландцами и французами.

Поскольку географические названия Хендерсон считал одной из важных характеристик территории, его труд изобилует топонимами, обозначавшими не только крупные и важные места, но и малозаметные ручьи или деревушки. Он пытался подобрать античные соответствия современным тюркским названиям и одновременно искал на карте место для всех древних топонимов. Так, оказавшись на малоизвестном тогда южном берегу путешественник пытался обнаружить следы

¹³⁹⁵ Ibid. P. 288; ср.: Plin. *Nat. hist.* 3. 85; Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты. Перевод. Комментарий. М. : Индрик, 2011. С. 172–173.

¹³⁹⁶ Henderson E. *Biblical Researches and Travels...* P. 289.

¹³⁹⁷ Ibid. P. 354–355; ср.: Качарава Д., Квириквелия Г. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси : Мецниереба, 1991. С. 117–120, 207–208, 620.

«крепостей Климатов» Константина Багрянородного и Харакса Клавдия Птолемея, отождествил Ялту с Птолемеевой Лагирой, гору Аюдаг – со Страбоновым мысом Бараний лоб, а к востоку от Феодосии описал остатки стены, якобы некогда построенной боспорским царём Асандром¹³⁹⁸. Филологические познания позволили Хендерсону проверять «соответствие» значения топонимов и реальной природно-географической ситуации. Так, большое впечатление на миссионера произвёл сад ханского дворца в Бахчисарае, который «состоит из четырёх террас, возвышающихся одна над другой и чудесно украшенных брызжущими фонтанами и виноградными лозами, ветви которых искусно расположены кругом так, что образуют чудеснейшие беседки для отдыха. В нём также имеется множество прекрасных фруктовых деревьев, например, яблоней, груш, абрикосов, шелковиц и вишен...». Из этого, по мнению путешественника, следует, что Бахчисарай справедливо назван «райским дворцом»¹³⁹⁹. В данном случае знания подвели Хендерсона: корректный перевод названия города – «дворец в садах»¹⁴⁰⁰. Топонимы, по мысли Хендерсона, могли скрывать забытые страницы истории Крыма. Например, поскольку расположенная поблизости от Бахчисарая местность называлась «Эски-Юрт», то есть «древнее имение» или «древнее поселение», именно там должна была находиться первая резиденция крымских ханов¹⁴⁰¹.

Доверие, которое Хендерсон питал к древним источникам, становится очевидным там, где речь заходит о местоположении храма таврической Дианы, который античные авторы помещали где-то на южных берегах Крыма. Хендерсон не сомневался в реальности святилища, стены которого «увешаны были черепами её (богини. – *Н. Х.*) жертв, и ни один чужеземец, имевший несчастье потерпеть крушение на этом берегу, не смог избежать её мщениа»¹⁴⁰². Как было сказано в главе 4, это святилище, по-видимому, в реальности никогда не существовавшее на крымских берегах, породило богатую историко-литературную традицию Нового

¹³⁹⁸ *Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 360–361, 376.*

¹³⁹⁹ *Ibid. P. 298.*

¹⁴⁰⁰ *Jankowski H. A Historical-Etymological Dictionary... P. 254–255.*

¹⁴⁰¹ *Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 340.*

¹⁴⁰² *Ibid. P. 354.*

времени, и мало кто из современников Хендерсона избегал соблазна заняться поисками древнего храма.

Сведения, почерпнутые из опубликованных источников, Хендерсон дополнял результатом натурального осмотра соответствующих памятников. Так, оказавшись в Бахчисарае, он занялся чтением надписей на надгробиях крымских ханов, дабы определить древнейшее и позднейшее из них¹⁴⁰³. Шотландец был склонен доверять народным легендам. Потому он завершил экскурс в историю династии Гиреев фразой о том, что в случае пресечения рода османских султанов право на константинопольский трон перейдёт к правителям Крыма¹⁴⁰⁴. Это поверье, не имевшее под собой реальных оснований, было широко распространено у крымских татар и от них заимствовалось западными путешественниками (см. параграф 2.1 и 2.2).

Вероятно, на представления Хендерсона о Крыме более всего повлияло описание полуострова, составленное Палласом. Так, у немецкого исследователя шотландец, судя по всему, позаимствована мысль о том, что крепостью Мангуп некогда владели средневековые генуэзцы¹⁴⁰⁵. Хендерсон до Мангупа не доехал, так что судил «понаслышке». Представление о генуэзских строителях Мангупа и прочих крымских «пещерных городов» и иных старинных построек основано на крымско-татарских преданиях. Генуэзцы были грозным противником, побеждённым в конце XV в. Немудрено, что с ними связывали старинные развалины. Западных путешественников эта традиция, видимо, устраивала, тем более что в этих заброшенных крепостях встречалась христианская символика¹⁴⁰⁶.

Описывая сооружения из искусственных пещер близ Инкермана, Паллас пришёл к выводу, что их построили беглые монахи, искавшие убежища в далёком краю. Исследователь знал, что в ранневизантийское время в Крыму жили племена готов, и что их соплеменники на материке были арианами. Поэтому, по его мнению, пещерные кельи и часовни соорудили ариане – монахи и светские лица –

¹⁴⁰³ Ibid. P. 297.

¹⁴⁰⁴ Ibid. P. 330.

¹⁴⁰⁵ Ibid. P. 312; ср.: Паллас П. С. Наблюдения... С. 63.

¹⁴⁰⁶ Храпунов Н. И. Мангупское городище в трудах путешественников... С. 418–421.

скрывавшиеся от преследований властей¹⁴⁰⁷. Хендерсон с этим согласился, правда, не упомянув об арианах – очевидно, представители этой секты не показались ему достойными. «Почему бы нам не отказать себе в удовольствии надеяться, что посреди полного духовного мрака тех веков, лишь слабым показателем которого был мрак этих пещер, Священная Книга нередко возжигала свой факел, который указывал одинокому сыну скал путь к благословенному спасению?» – писал он¹⁴⁰⁸. Нетрудно заметить, что шотландец видел в древних монахах своих предшественников в деле популяризации Библии.

Записки Хендерсона показывают, насколько за прошедшие два века продвинулось изучение археологии Крыма, в результате чего некоторые моменты, кажущиеся нам очевидными, в глазах шотландца и его современников выглядели совсем по-другому. В главе 1 рассказывалось о том, как путешественники и исследователи Нового времени искали древний Херсонес в Крыму и за его пределами. Развалины городища находятся близ тогдашнего Севастополя (ныне – внутри городской черты), на юго-западной оконечности Крымского полуострова. Осмотрев их, Хендерсон решил: «то, что здесь столь явно открывалось нашему взору, было лишь цитаделью, то есть крепостью, тогда как остальная часть города простиралась за её пределами, где путешественника с изумлением обнаруживает пространство более чем в сорок вёрст, или почти в тридцать британских миль в окружности, где во все стороны открываются следы улиц, мостовых, стен, башен, валов, оград, водопроводов, гробниц, могил и пр.»¹⁴⁰⁹. Иначе говоря, Хендерсон полагал, что Херсонес занимал всю или почти всю юго-западную оконечность Крыма, то, что ныне называется «Герacleйским полуостровом», к западу от линии Балаклава – Инкерман. В этом он не был оригинален: к такому же выводу пришёл, например, Габлиц¹⁴¹⁰. Иоганн Тунманн, сочинение которого широко использовали Уильям Тук, Элизабет Крейвен и авторы каталога коллекции Ричарда Уэрсли, также считал, что Херсонес простирался далеко за пределы сохранившихся

¹⁴⁰⁷ Паллас П. С. Наблюдения... С. 50.

¹⁴⁰⁸ Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 350.

¹⁴⁰⁹ Ibid. P. 347.

¹⁴¹⁰ [Габлиц К. И.] Географические известия... С. 11.

крепостных стен – «по всему северо-западному берегу того полуострова, <...> который образуется Херсонским лиманом, или, как его также называют, Ахтиарской бухтой <...>, Балуклавской бухтой и морем»¹⁴¹¹. Но уже другу Габлица – Палласу удалось установить, что этот полуостров, занимающий площадь около 100 км², занимала хора, то есть сельская территория Херсонеса, а замеченные там развалины построек и сооружений были сельскими усадьбами и остатками дорог, а также агротехнических и оборонительных сооружений. Сам древний город находился на берегу современной Карантинной бухты, то есть там, где Габлиц видел «остатки цитадели»¹⁴¹².

Осмотрев руины Херсонеса, Хендерсон описал недошедшие до нашего времени археологические объекты. Одним из них были «ступени лестницы, ведущей от моря к городу. Сегодня они спускаются на три фута от уреза воды и, очевидно, были построены для облегчения торговых операций»¹⁴¹³. Вероятно, это были остатки несохранившихся до наших дней портовых сооружений в Карантинной бухте – гавани Херсонеса. О том, что таковые реально существовали, свидетельствуют и другие путешественники, в частности, Павел Сумароков¹⁴¹⁴. В центре городища Хендерсон обнаружил «огромную насыпь или кучу – развалины какой-то громадной постройки; но был ли то храм Дианы или церковь св. Василия – не обнаружены пока факты, позволившие бы рассудить»¹⁴¹⁵. Путешественник не знал о существовании стратиграфии, а потому для него один объект может оказаться или античной святыней, или отстоящим от неё почти на тысячелетие христианским храмом, в котором, по некоторым сведениям, крестился киевский князь Владимир. На визуальных источниках конца XVIII – начала XX в. действительно фигурирует насыпь в западной части Херсонесского городища. Вероятно, она была уничтожена в ходе строительства артиллерийских батарей в

¹⁴¹¹ Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство. С. 29–30.

¹⁴¹² Паллас П. С. Наблюдения... С. 40–49; Храпунов Н. И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников... 2020. С. 244–245.

¹⁴¹³ Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 346.

¹⁴¹⁴ Сумароков П. Путешествие... С. 117; Сумароков П. Досуги... Ч. 1. С. 205.

¹⁴¹⁵ Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 346.

российскую эпоху. Потому сущность этого объекта, вероятно, навсегда останется загадкой¹⁴¹⁶.

По словам Хендерсона, «[п]редметом особенного интереса, который мы надеялись удовлетворить во время посещения Крыма, и с которым мы в течение долгого времени связывали приятные ожидания, было личное общение с евреями-караимами, населяющими древнюю крепость на расстоянии в несколько вёрст от Бахчисарая»¹⁴¹⁷. Как справедливо отметил С. Баталден, если к евреям-ортодоксам Хендерсон относился весьма критично, описывая их с язвительной иронией, то в караимах он обнаружил многочисленные достоинства. Очевидно, это связано с тем, что караимское отрицание религиозных новшеств и приверженность букве Ветхого завета показались ему близкими к идеологии западноевропейских протестантов¹⁴¹⁸. Хендерсон, общавшийся с караимами не только в Крыму, но и в волыньском Луцке, считал их сектой иудаизма. Но, в отличие от собратьев, караимам, по его мнению, свойственно было известное благородство. «Раввинисты относятся к ним с полным отвращением. <...> Караимы же, наоборот, пусть и питают отвращение к традициям раввинистов, никогда не говорят о тех лично с презрением, но обычно называют их по-братски <...> “нашими собратьями раввинистами”»¹⁴¹⁹. Перечисляя религиозные и бытовые особенности крымских караимов, Хендерсон показал понимание процесса, которые современные этнологи называют «аккультурацией»: «их (крымских караимов. – *Н. Х.*) сходство с татарами в отношении языка и обычаев легко объясняется длительностью проведённого под их властью времени»¹⁴²⁰.

Под стенами Чуфут-Кале находится караимское кладбище. Национальная караимская историография утверждает, что некоторые надгробия датированы первым тысячелетием н.э., свидетельствуя о долгой истории крымских караимов.

¹⁴¹⁶ Храпунов Н. И. Джеймс Уэбстер и Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : империя и полис. Севастополь : Арефьев, 2013. С. 356.

¹⁴¹⁷ Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 306.

¹⁴¹⁸ Баталден С. Мусульманский и еврейский вопросы... С. 52–53.

¹⁴¹⁹ Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 323–324.

¹⁴²⁰ Ibid. P. 314.

Однако большинство современных исследователей полагает, что «ранние» даты подделаны во второй половине XIX в.¹⁴²¹, а караимы появились в Крыму в XIII–XIV вв.¹⁴²² Хендерсон интересовался вопросом о происхождении караимской общины в Крыму, а кроме того, обладал достаточными языковыми знаниями, чтобы прочесть надпись на древнееврейском языке. Спутник путешественников – караимский священник – показал им древнейшую на кладбище могилу. Дату на ней Хендерсон определил как 5004 г. иудаистской эры, то есть, в его пересчёте, 1364 г. н. э.¹⁴²³ Подсчёт можно скорректировать: иудаистская эра началась в 3761/60 г. до н. э., а значит, указанная на памятнике дата будет 1243/4 г. н. э. Отметил Хендерсон и следующую информацию, полученную от самих караимов: «единственное распространённое у них традиционное предание заключается в том, что их предки прибыли из Дамаска и поселились здесь около 500 лет назад под защитой крымских ханов»¹⁴²⁴. Следовательно, в начале XVIII в. сами караимы не вели свою историю глубже XIII столетия н.э.

Эту информацию подтверждают и другие свидетельства. В 1795 г. караимы ходатайствовали перед российскими властями о получении налоговых и иных льгот, утверждая, в частности, что их предки поселились в Крыму «тому назад около 450 лет», то есть в середине XIV в.¹⁴²⁵ Жан Рёйи видел на том же самом кладбище древнейшую могилу с датой 5204 г. иудаистской эры, т. е. 1445 г. н. э. по версии путешественника, или 1443/4 г. н. э. по более точному счёту. Рёйи не знал древнееврейского, а потому доверился словам своего спутника – главы караимской общины¹⁴²⁶. Пинкертону показали караимское надгробие, которому было 570 лет (т. е. 1246 г. н. э.) – «уникальное свидетельство древнего жительства караимов на Чуфут-Кале»¹⁴²⁷. Эти свидетельства, вероятно, отражают представления лидеров

¹⁴²¹ Федорчук А. Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Евроазиатский еврейский ежегодник 5768 (2007/2008). М. : Паллада, 2008. С. 212–227.

¹⁴²² Прохоров Д. А. Караимы в Российской империи... С. 10–11.

¹⁴²³ Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 312–314.

¹⁴²⁴ Ibid. P. 315.

¹⁴²⁵ Присоединение Крыма... С. 334, № 251.

¹⁴²⁶ Reuilly J. Voyage en Crimee... P. 133, note I.

¹⁴²⁷ [Pinkerton R.] Rev. R. Pinkerton's Letters... P. 75.

караимской общины рубежа XVIII–XIX в. об истории своего народа. Справедливости ради, другие авторы зафиксировали предания, согласно которым история караимов в Крыму была куда более древней. Балтазар фон Кампенгаузен писал, что «евреи» жили на Чуфут-Кале с VII в.¹⁴²⁸ Филипп Ройстон слышал, что караимы «населяют Крымскую Татарию с незапамятных времён и утверждают, что поселились здесь до вавилонского плена»¹⁴²⁹, т. е. до VI в. до н. э. Стивен Греллет зафиксировал слова караимов о том, что их предки прибыли в Крым «когда Тит пошёл походом на Иерусалим», то есть после подавления Иудейского восстания римлянами и разрушения Иерусалимского храма в 70 г. н. э.¹⁴³⁰ Похоже, сами караимы не имели точных сведений о начале своей истории, отсюда и возникали подобные легенды.

Как и многие другие, Хендерсон не смог противостоять обаянию восточной культуры. В Крыму воплощением Востока был, конечно же, Бахчисарай. Оказавшись в бывшей ханской столице, путешественник записал в дневнике: «Всё вокруг нас наполняло сознание совершенно новыми мыслями и чувствами, более напоминавшими те, что происходят от чтения лёгких фантазия романов, чем любая из тех, что мы испытывали когда-либо, раздумывая над предметами природной или искусственной реальности. Переход был почти столь же велик, как тот, что испытал бы человек, перенесённый в один момент из любого европейского города в центр Бухары или Самарканда – настолько совершенно азиатский вид имела [здесь] всякая вещь»¹⁴³¹.

Хотя Хендерсон вполне искренне считал мусульман «последователями лжепророка»¹⁴³², он смог увидеть в их религиозности и обрядах достоинства, которых были лишены многие христиане. Посетив богослужение в главной мечети Бахчисарая, путешественник заметил: «риску сказать, что весь ослепительный блеск внешних церемоний, добавляемый христианской системой, никогда не

¹⁴²⁸ *Campenhausen B. von. Bemerkungen über Rußland... S. 108.*

¹⁴²⁹ *Peypys H. The Remains of the Late Viscount Royston... P. 171.*

¹⁴³⁰ *Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета. С. 670.*

¹⁴³¹ *Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 296.*

¹⁴³² *Ibid. P. 371.*

создаёт торжественности, сравнимой с той, что порождена простым поклонением, исполняемым здесь в магометанской мечети»¹⁴³³. Очевидно, Хендерсон оценил близкое ему отрицательное отношение к внешней стороне религиозных обрядов. Он писал об искреннем благочестии муллы, противопоставив ему формальную религиозность многих христиан: «нельзя было не отметить разницы между этим магометанским священником и поведением тысяч и десятков тысяч тех, кто носит имя Христа, из которых множество вовсе никогда не молятся, а многие используют малейший повод, чтобы отбросить свой религиозный долг...»¹⁴³⁴. Хендерсон рассказал о встрече с крымским муфтием, который читал турецкое издание Нового завета, а кроме того, с удовольствием принял у путешественников турецкий перевод псалмов и арабский – Нового завета¹⁴³⁵. Это свидетельствует о том, что лидер крымских мусульман был готов к контактам с европейскими миссионерами.

В целом, критическое мышление не всегда было свойственно Хендерсону. Рассказывая о гареме ханского дворца в Бахчисарае, миссионер заметил, что некогда в его стенах «были замурованы многие тысячи христианок, похищенных из лона своих семейств и обречённых служить удовлетворению чувственных желаний»¹⁴³⁶. Подобное представление о гареме игнорирует его социальную функцию в угоду свойственным европейскому ориентализму представлениям о восточном сладострастии¹⁴³⁷.

К числу поэтических преувеличений относится мысль о том, что с южного берега между Гурзуфом и Партенитом можно увидеть грандиозную панораму, на заднем плане которой оказываются Кавказские горы¹⁴³⁸. В реальности, конечно, такая картина недоступна человеческому взгляду. Но подобные оптические иллюзии нередко возникают в трудах путешественников. Как уже было сказано, в описании одного из рисунков из коллекции Ричарда Уэрсли утверждалось, что из

¹⁴³³ Ibid. P. 302–303.

¹⁴³⁴ Ibid. P. 303.

¹⁴³⁵ Ibid. P. 371–372.

¹⁴³⁶ Ibid. P.: 297.

¹⁴³⁷ См.: *Сайд Э. В. Ориентализм...* С. 263, 286, 295–299, 321–322; *Бернстайн Р. Восток, Запад и секс...* С. 105–125.

¹⁴³⁸ *Henderson E. Biblical Researches and Travels...* P. 363.

города Старый Крым можно было увидеть сразу «три моря» – Чёрное, Азовское и залив Сиваш. Эта панорама была бы не менее величественной, чем представившаяся воображению Хендерсона на южном берегу. Беда только в том, что в реальности её увидеть нельзя. В начале XIX в. Крым оставался страной иллюзий – этот образ вошёл в культуру Запада благодаря южному путешествию Екатерины II в 1787 г.¹⁴³⁹ Не удивительно, что воображение путешественников рисовало фантастические картины.

Учитывая религиозность Хендерсона, не удивительно, что в его тексте много отсылок к Священному писанию. Так, в Бахчисарае он стал свидетелем похорон по «греческому», то есть православному обряду. Тело покойного не положили в гроб, но «просто обернули белой тканью, положили на носилки, то есть доску, и четыре человека понесли его к могиле. Этот способ исполнения погребальных обычаев в этих краях используют и евреи, и христиане, и магометане, за исключением европейских семейств, которые, естественно, следуют обряду своих предков». Путешественник увидел в архаичном погребальном отряде жителей Крыма отголосок обрядов, о которых шла речь в Ветхом завете¹⁴⁴⁰. Подъём на бахчисарайские скалы, где находился православный Успенский монастырь, заставил путешественников спешится – и Хендерсон припомнил в этой связи «скалу горы»¹⁴⁴¹, то есть горную вершину пророка Иеремии (Ир. 18:14). Во время поездки на Чуфут-Кале он видел у подножья горы, на вершине которой стоял город, источники питьевой воды, Путешественник немедленно вспомнил загородные колодцы, к которым ходили за водой библейские Ревекка и Рахиль (Быт. 24:11–20; 29:10). Правда, воду в крымский город доставляли не в кувшинах на плечах караимок, но на спинах вьючных ослов и лошадей¹⁴⁴².

Когда усталых путешественников по южному берегу Крыма радушно принял у себя в доме татарский крестьянин, Хендерсон вспомнил о гостеприимстве библейского Авраама (Быт. 18:1–8). Очевидно, автор и два его спутника должны

¹⁴³⁹ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... С. 209–218.

¹⁴⁴⁰ Henderson E. Biblical Researches and Travels... P. 304.

¹⁴⁴¹ Ibid. P. 307.

¹⁴⁴² Ibid. P. 308–309, and note *.

были напомнить читателю трёх мужей, в виде которых патриарху явился Господь, а принесённая ими добрая весть в данном случае была связана с оптимистичными ожиданиями от деятельности Библейского общества¹⁴⁴³. Так на страницах травелога Крым приобрёл связь с библейской историей и был осмыслен как земля, где можно было встретить ожившие картины прошлого.

Тем не менее, положение дел в крымских филиалах Библейского общества оказалось отнюдь не столь оптимистичным. Хендерсон не без иронии заметил, что за прошедшие пять или шесть лет в Феодосии «вряд ли было сделано что-то помимо учреждения Хранилища Библий, где присланные сюда экземпляры Писания аккуратно сберегались в изящных пристенных витринах из дерева»¹⁴⁴⁴. Иначе говоря, Феодосийское библейское общество к работе так и не приступило, а книги бесцельно лежали на складе.

Изучив приобретённый Пинкертоном у караимов перевод Ветхого завета, Хендерсон пришёл к выводу, что его язык неестественен и потому будет непонятен представителям тюркских народов¹⁴⁴⁵. Хендерсон изучал караимский перевод, используя ряд принципов современного источниковедения – описывал физические характеристики рукописи, её состав, способы передачи важнейших религиозных терминов. Он пытался понять особенности манеры перевода, показав отличия от «караимской школы» и сходство с халдейскими и раввинистическими переводами. Вывод оказался неутешителен: перевод оказался слишком буквальным, а потому «хотя он частично записан арабскими буквами, он останется тайной за семью печатями для всякого татарина или турка, в руки к которому попадёт»¹⁴⁴⁶. Правда, нужно сказать, что в это время в Библейском обществе велась дискуссия о том, какой из нескольких переводов Священного писания брать за основу тюркского издания, которое планировали библеисты. Хендерсон был активным её

¹⁴⁴³ Ibid. P. 357–358.

¹⁴⁴⁴ Ibid. P. 373.

¹⁴⁴⁵ Ibid. P. 332–339.

¹⁴⁴⁶ Ibid. P. 335.

участником¹⁴⁴⁷, а значит, на его суждении могли сказаться субъективные обстоятельства.

Если деятельность протестантских миссионеров в Тавриде в религиозном отношении закончилась провалом, то в других аспектах она принесла несколько неожиданный результат. Сочинение Хендерсона является важным материалом для понимания того, как проходил начальный этап изучения Крымского полуострова и его жителей. Травелог Хендерсона – это мозаика, составленная из научных и религиозных, сентиментальных и благочестивых, реалистических и иллюзорных фрагментов. Потому история вообще и история Крыма в частности в источнике не составляет единой картины, по крайней мере, композиционно. Это набор разрозненных сюжетов и наблюдений, иногда повторяющихся, и, как правило, привязанных к конкретном виденному автором объекту – Перекопским укреплениям или ханскому дворцу в Бахчисарае, развалинам Херсонеса или Балаклавской крепости. При этом в роли триггера, вызывающего исторические ассоциации, выступают не только археологические памятники, но и просто географические пункты, которые могли быть связаны с безвозвратно утерянными следами прошлого. Хотя путешественник прямо не раскрыл своё понимание истории, некоторые отрывки из травелога позволяют об нём догадаться. Описания крещения князя Владимира в Херсонесе, и в меньшей степени – пещерных сооружений Инкермана¹⁴⁴⁸ намекают на то, что история для Хендерсона – это рассказ о постепенном триумфе христианства, в центре которого находится Священное писание, а потому различия между разными христианскими течениями не столь принципиальны. История Крыма делится на две эпохи – в античное время полуостров населяли народы местного происхождения, но начиная с IV в. он стал игрушкой в руках нескончаемых волн завоевателей вплоть до того, как в 1783 г. попал под власть России¹⁴⁴⁹. Потому ханский дворец в Бахчисарае стал для путешественника символом безвозвратно ушедшего прошлого: «воздействие

¹⁴⁴⁷ *Баталден С.* Мусульманский и еврейский вопросы... С. 49–50.

¹⁴⁴⁸ *Henderson E.* Biblical Researches and Travels... P. 344–345, 350–351.

¹⁴⁴⁹ *Ibid.* P. 290–291.

времени неоспоримо ощущается во многих его частях, и весь его вид производит на рассудок впечатление исчезнувшего величия Азиатского двора»¹⁴⁵⁰. Подобные мысли посещали его и на памятниках древнего христианства. Так, развалины Херсонеса побудили Хендерсона вспомнить о бессмертии души и о том, что деяния человеческие, «даже позабытые на Земле, сохраняются в записях Всеведущего [Бога] вплоть до последнего дня истории мира»¹⁴⁵¹. Впрочем, было бы удивительно, если бы человек с биографией и интересами Хендерсона думал по-иному.

¹⁴⁵⁰ Ibid. P. 299.

¹⁴⁵¹ Ibid. P. 348.

4.3. Джеймс Уэбстер

В 1830 г. в Лондоне были опубликованы два тома записок покойного Джеймса Уэбстера о его путешествии по Восточной Европе, Турции и Египту¹⁴⁵². Нельзя сказать, что эта публикация осталась незамеченной современниками. «Печальный интерес вызывают эти путешествия очень молодого человека – того, кто стремился к признанию, и кто, если бы остался в живых, вероятнее всего добился бы его», – такими словами начинается анонимная рецензия, опубликованная в популярном журнале *The Monthly Review* («Ежемесячное обозрение»)¹⁴⁵³. «Путешествия» Уэбстера представляют собой интересный материал для исследования благодаря собранной автором исторической, этнографической и археологической информации, а также фигуре путешественника – глубоко религиозного человека, склонного оценивать исторические, политические, религиозные явления с точки зрения морали и не стеснявшегося в сомнениях относительно справедливости действий английского правительства. Вероятно, поэтому не так давно появилось несколько публикаций, в которых были проанализированы различные аспекты образов Восточной Европы и Крыма, созданные в записках Уэбстера¹⁴⁵⁴, а также его наблюдения об археологических открытиях и исследованиях¹⁴⁵⁵. Существует три перевода

¹⁴⁵² *Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; Performed during the Years 1825–1828 : Including Particulars of the Last Illness and Death of the Emperor Alexander, and of the Russian Conspiracy in 1825. Vol. 1. London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 162 p.; Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; Performed during the Years 1825–1828 : Including Particulars of the Last Illness and Death of the Emperor Alexander, and of the Russian Conspiracy in 1825. Vol. 2. London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 435 p.*

¹⁴⁵³ *The Monthly Review. 1830. Vol. 14. No. 59: July. P. 434.*

¹⁴⁵⁴ Храпунов Н. И. Восточная Европа в дневнике шотландского путешественника Дж. Уэбстера (1827) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 85–97; Крымские путешествия : Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году / пер. с англ. Т. А. Прохоровой, О. В. Широкова. Симферополь : Бизнес-Информ, 2016. С. 5–79.

¹⁴⁵⁵ Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников... С. 617–620; Храпунов Н. И. Джеймс Уэбстер и Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : империя и полис. Севастополь : Арэфьев, 2013. С. 353–356;

отрывков из данного травелога на русский язык¹⁴⁵⁶.

Биография Уэбстера (James Webster, 1802–1828) подробно изложена во вводном разделе к его книге путешествий¹⁴⁵⁷. Уэбстер был пятым сыном священника из деревни Инвирарити, что на юго-востоке Шотландии. Он учился в колледже древнейшего в Шотландии Сент-Эндрюсского университета, а затем в Эдинбургском университете, основное внимание уделяя математике, юриспруденции и политической экономии. Получив в магистерскую степень, он в 1823 г. отправился в Лондон, где изучал право в юридической ассоциации Иннер-Темпл. На следующий год Уэбстер прервал обучение, после чего совершил ряд поездок по континенту, чтобы познакомиться с жизнью других народов. Как и Хебер, он, очевидно, счёл необходимым это образовательное путешествие, ведь оно было способно дать практические знания о мире, недоступные при теоретических университетских занятиях.

Уэбстер побывал на Мальте, в Италии, во Франции и Нидерландах, в Германии и Австрии. В 1827 г. он, через Краков и Львов, выехал в Южную Россию. Вместе с ним в Россию отправились два англичанина – У.-Х. Ньюнем и Уильям Гринвилл. Путешественники планировали из Одессы отправиться морем в Константинополь, но обстоятельства задержали отплытие, побудив их посетить в Крым. Поездка в Османскую империю и на Ближний Восток завершилось в Египте. Уэбстер уже собирался возвращаться на родину, но заболел скоротечной лихорадкой и через три дня умер. Тело 25-летнего путешественника похоронили на

Храпунов Н. И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик – предполагаемого скифского Неаполя // *История и археология Крыма*. 2015. Вып. 2. С. 464–465; *Храпунов Н. И.* Крымские древности глазами западноевропейских путешественников... 2018. С. 22–23; *Храпунов Н. И.* Крымские древности глазами западноевропейских путешественников... 2020. С. 242–243.

¹⁴⁵⁶ *Вебстер Дж.* Путешествие по Крыму, Турции и Египту (Лондон, 1830. Отрывок) / пер. с англ. О. Н. Герардини // *Воронцовы и русской дворянство между Западом и Востоком*. Симферополь : Н. Орианда, 2012. С. 402–409; *Храпунов Н. И.* Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) // *МАИЭТ*. 2014. Вып. 19. С. 384–416; *Крымские путешествия...* С. 81–174.

¹⁴⁵⁷ *Memoir of Mr. James Webster // Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt ; Performed during the Years 1825–1828 : Including Particulars of the Last Illness and Death of the Emperor Alexander, and of the Russian Conspiracy in 1825. Vol. 1. London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. P. i–схх.*

греческом кладбище за городской стеной Каира.

Дневники Уэбстера доставили в Великобританию, где занялись их подготовкой к печати. К сожалению, редактор, проделавший эту большую работу, не назвал своего имени¹⁴⁵⁸. Свою работу он посвятил г-же Уэбстер – матери путешественника. Рассказывая о жизни Уэбстера, редактор сообщил, что хорошо его знал – они вместе учились в Иннер-Темпле, в 1814 г. вместе путешествовали по Шотландии и впоследствии встретились в Париже¹⁴⁵⁹. В предисловии редактор сожалел о том, что его знакомый не смог сам опубликовать свой тревелог: «Записки г-на Уэбстера, вместе с тем, хотя и пространны, зачастую сложно расшифровать, а потому его редактор заслуживает дополнительного снисхождения. Этот труд, однако, содержит такое количество ценной информации о малоизвестных вещах, что он, несомненно, будет хорошо принят публикой»¹⁴⁶⁰. Очевидно, почерк Уэбстера был далёк от совершенства, а писать ему нередко приходилось в спартанских условиях, при дурном освещении и отсутствии письменного стола. Книге редактор дал длинное название: «Путешествие через Крым, Турцию и Египет, предпринятое в 1825–1828 годах, включающее обстоятельства последней болезни и смерти императора Александра и русского заговора в 1825 г.». Вероятно, он также разбил текст на главы, предпослав каждой аннотацию. Описание Крыма находится в главах IV–VII первого тома. Судя по тексту, на Крымском полуострове путешественники находились в конце августа – начале сентября 1827 г.

В предисловии редактор поблагодарил Ньюнема за разъяснения, очевидно, касавшиеся разных аспектов их совместного с Уэбстером путешествия¹⁴⁶¹. Ньюнем был талантливым художником. Вернувшись из поездки, он издал шесть

¹⁴⁵⁸ Мысль о том, что этим редактором мог быть Ньюнем (*Храпунов Н. И.* Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера... С. 381), пожалуй, не вполне соответствует скудной информации, имеющейся во вводной части книги (Крымские путешествия... С. 14). В этом случае остаётся признать, что имя человека, проделавшего большую и непростую работу, пока остаётся неизвестным.

¹⁴⁵⁹ Memoir of Mr. James Webster. P. xxiv.

¹⁴⁶⁰ Preface // Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt ; Performed during the Years 1825–1828 : Including Particulars of the Last Illness and Death of the Emperor Alexander, and of the Russian Conspiracy in 1825. Vol. 1. London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. P. vii.

¹⁴⁶¹ Ibid. P. viii.

литографированных видов горы Синай, снятых с его натуральных рисунков, сопроводив их описаниями, очевидно, взятыми из дорожного дневника, призванными познакомить читателя с библейскими пейзажами¹⁴⁶². Он передал редактору «Путешествия» Уэбстера несколько своих рисунков, с которых были сделаны иллюстрации. Восемь иллюстраций представляют различные виды Крыма. На четырёх гравюрах (Приложение А, рис. 54–57) указано, что они выполнены по рисункам Ньюнема. Это «Перевал Мердвень»¹⁴⁶³, «Вид на Балаклаву»¹⁴⁶⁴, «Каверны Инкермана»¹⁴⁶⁵ и «Гробницы крымских ханов» в Бахчисарайском дворце¹⁴⁶⁶. Четырём главам предпосланы виньетки (Приложение А, рис. 58–61) – хотя авторство не указано, а стиль куда примитивнее, чем у гравюр, вероятно, они также сделаны с рисунков (или, точнее, набросков) Ньюнема. Это «Турецкое кладбище»¹⁴⁶⁷, «Татарская усадьба»¹⁴⁶⁸, «Наказание кнутом»¹⁴⁶⁹ и «Развалины Херсонеса»¹⁴⁷⁰. В последнем случае подпись неверна – на рисунке представлена мечеть, очевидно, располагавшаяся на южном берегу Крыма. Видимо, или Ньюнем основательно позабыл подробности поездки и потому решил, что мечеть могла находиться на руинах христианского города, или что-то перепутал анонимный редактор травелога, или же рисунок (виньетка) с Херсонесом действительно был, но потерялся по вине издателей.

В предисловии редактор поблагодарил «д-ра Ли за ценнейшую информацию»¹⁴⁷¹. Речь идёт о Роберте Ли (1793–1877), лечащем враче Михаила Воронцова, который находился на юге России в 1825–1826 гг. Очевидно, он предоставил редактору рукопись, на основании которой тот подготовил

¹⁴⁶² *Newnham W. H. Illustrations of the Exodus Consisting of Six Views, from Drawings Taken on the Spot, during a Journey in Arabia Petraea, in the Year 1828. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 6 pl.*

¹⁴⁶³ *Webster J. Travels... Vol. 1. P. iii.*

¹⁴⁶⁴ *Ibid. P. 68.*

¹⁴⁶⁵ *Ibid. P. 70.*

¹⁴⁶⁶ *Ibid. P. 80.*

¹⁴⁶⁷ *Ibid. P. 42, 164.*

¹⁴⁶⁸ *Ibid. P. 59, 164.*

¹⁴⁶⁹ *Ibid. P. 92, 164.*

¹⁴⁷⁰ *Ibid. P. 75, 164.*

¹⁴⁷¹ *Preface. P. vii–viii.*

приложение ко второму тому¹⁴⁷². Впоследствии Ли издал свои «русские дневники»¹⁴⁷³. Сопоставление их с приложением к «Путешествию» Уэбстера показывает, что редактор последнего почерпнул у доктора Ли рассказ о путешествии в Крым императора Александра I, его болезни и смерти, а также описание Одессы и её окрестностей. Он довольно существенно переработал тексты доктора Ли, дабы деиндивидуализировать рассказ и сделать его более логичным. Кроме того, в приложение к книге Уэбстера опубликован перевод «Донесения следственной комиссии» 1826 г.» по делу декабристов¹⁴⁷⁴. Вероятно, этот документ также был предоставлен редактору доктором Ли, который мог получить доступ к русской публикации или её переводу, когда служил у Воронцова, но впоследствии не стал включать этот материал в свои мемуары.

Редактор травелога Уэбстера иногда смещал акценты в повествовании, взятом из записок доктора Ли, придавая ему известную театральность и изменяя отдельные детали. Примером может быть описание встречи Александра I с крымскими татарами во время его последней поездки по южному берегу Крыма осенью 1825 г. (Таблица 1). Кажется, редактор книги Уэбстера, смотревший на представителей других народов, особенно восточных, с позиции английского превосходства, выразил это своё отношение, перерабатывая дневник Ли.

¹⁴⁷² *Webster J. Travels... Vol. 2. P. 333–435.*

¹⁴⁷³ *Lee R. The Last Days of Alexander, and the First Days of Nicholas (Emperors of Russia). 2nd ed. London : Richard Bentley, 1854. 210 p.*

¹⁴⁷⁴ *Webster J. Travels... Vol. 2. P. 348–435; ср.: Донесение Следственной Комиссии. СПб. : Военная типография Главного штаба Его Императорского Величества, [1826]. 95 с.; Восстание декабристов. Документы. Т. 17 : Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии / под ред. М. В. Нечкиной. [М. :] Наука, 1980. С. 24–61.*

Таблица 1. Отрывок о встрече Александра I с крымскими татарами в мемуарах Роберта Ли и травелоге Джеймса Уэбстера

Мемуары Роберта Ли ¹⁴⁷⁵	Травелог Джеймса Уэбстера ¹⁴⁷⁶
<p><i>Отобедав у Воронцова в Алушке, Александр I выразил своё удовлетворение присутствующим.</i></p> <p>«Затем он вышел на улицу и поднялся по лестнице на плоскую крышу дома, вокруг которого собралось немало татар. Посмотрев на эти толпы сквозь лорнет, он заметил: “Какие красивые восточные лица! Какая прекрасная раса людей! Одна из самых поразительных особенностей Крыма была бы утрачена, если бы татар изгнали – надеюсь, их убедят остаться”. Его Величеству представили одного эфенди, который должен был подать прошение, что тот и проделал, склонившись долу и вздымая руки к голове, но не снимая своего тюрбана».</p>	<p><i>С этого абзаца начинается Приложение.</i></p> <p>«В то время, когда император оказался в Крыму незадолго до своей смерти, т. е. в ноябре месяце, он пребывал в наилучшем здравии и получил величайшее удовольствие, разглядывая поразительный пейзаж южных берегов Крыма и наблюдая за местными татарами, к которым он был очень сильно расположен. Однажды видели, как он стоял на плоской крыше татарского дома, окружённый более чем сотней местных жителей в восточных костюмах, которых он внимательно разглядывал в лорнет с большим вниманием и симпатией, а затем, удовлетворившись увиденным, воскликнул: “Какие поразительные лица, какая прекрасная раса людей! Их не следует изгонять из страны”, – намекая на то, чего так пылко желало большинство русских, дабы расселить здесь людей своей расы. Покидая усадьбу, он роздал толпе деньги и позволил им целовать свои руки и ноги, что они и проделали с энтузиазмом, он же обращался с ними, как отец с детьми».</p>

Не вполне понятно, планировал ли сам Уэбстер издание путевых записок. Его травелог имеет важное достоинство – он отразил непосредственные впечатления самого автора, нескорректированные в результате последующих размышлений.

¹⁴⁷⁵ Lee R. The Last Days of Alexander... P. 34.

¹⁴⁷⁶ Webster J. Travels... Vol. 2. P. 333.

Стиль текста прост и ясен. Иногда рассказ о путешествии прерывают рассуждения на темы политики и морали, религии и мироустройства. Свои личные, внутренние переживания Уэбстер описывал не без доли романтизма. Например, где-то в одесской степи путешественник стал свидетелем необыкновенного заката и восхода полной луны. Восхищённый, он вспомнил подходящие к случаю стихи Байрона, что и отметил в дневнике¹⁴⁷⁷. Но язык записок становится другим – сухим, реалистичным, пожалуй, что и с некоторой долей цинизма – когда речь заходила о наблюдениях над «внешним» миром.

Уэбстер считал своих соотечественников «первой нацией в Европе». Именно с ними другие народы связывали надежду на будущее. Потому, когда крымский знакомый путешественника генерал-лейтенант и сенатор Андрей Михайлович Бороздин (1765–1838), в прошлом гражданский губернатор Тавриды, проявил интерес к фигуре покойного премьер-министра Джорджа Каннинга (1770–1827), Уэбстер не упустил возможности отметить, что последнего повсеместно считали «величайшим человеком и первым оратором своего времени; его смерть привела в уныние либерально-настроенных представителей всех народов. Как кажется, опасались того, что свобода и счастье человечества должны будут непременно отступить, когда первый человек в первой из наций ушёл, не исполнив до конца свои широко и далеко идущие планы»¹⁴⁷⁸. Таким образом, Британия казалась путешественнику авангардом человечества, а её роль воплощалась в фигуре Каннинга как политического лидера. Но и смерть последнего не повлияла на роль его страны: несмотря на всеобщую скорбь, «мир увидел, как поднимаются другие защитники того дела, за которое пал бессмертный государственный деятель»¹⁴⁷⁹.

Уверенность в превосходстве англичан как нации не мешало Уэбстеру констатировать недостатки отдельных англичан. Ему несколько раз приходилось

¹⁴⁷⁷ *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 40.* Помимо этого, Байрон, вероятно, дважды стал «виртуальным оппонентом» Уэбстера, когда тот рассуждал о «греческом вопросе» (*Webster J. Travels... Vol. 1. P. 24, 154–155*). Непонятно, возил ли юный шотландец с собой книгу великого современника или цитировал по памяти, но очевидно, что творчество Байрона занимало важное место в его размышлениях.

¹⁴⁷⁸ *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 61.*

¹⁴⁷⁹ *Ibid.*

слышать жалобы на Эдварда Кларка, в травелоге которого русские были окрашены самыми тёмными красками. Так, по словам генерала Бороздина, Кларк несправедливо обвинил русских в бессмысленных жестокостях, совершённых над крымскими татарами¹⁴⁸⁰. Впоследствии, уже после отъезда из Крыма, в Николаеве, «[с]нова говорили о книге Кларка, когда один джентльмен заметил, что он, Кларк, промчался через всю страну и нарисовал [с неё] карикатуру»¹⁴⁸¹. Это вовсе не удивительно, если вспомнить особенности метода Кларка, описанные в параграфе 3.2.

Уэбстер регулярно обращался к теме противостояния христианства и ислама, то есть европейских держав и Османской империи. Кажется, он искренне полагал, что политика должна подчиняться требованиям морали, и поэтому осуждал разделы Польши. В Кракове, осмотрев могилу польского короля Яна III Собеского (1629–1696, правил с 1674), который в 1683 г. разгромил османов под Веной и тем самым остановил продвижение ислама на север, Уэбстер писал о неблагодарности австрийцев. «Тем более печально, что [Священной римской] империи, спасённой в трудный час, которая обязана безопасностью и, можно сказать, самим своим нынешним существованием Польше, довелось стать одним из первых пособников и участников расчленения этого некогда богатого и славного королевства – расчленения, которое навечно должно остаться в списке самых чудовищных и бесстыдных нарушений политического доверия и национального закона»¹⁴⁸². Нужно сказать, что прежнее равнодушно-скептическое отношение к «польскому вопросу» в Англии в целом изменилось после победы над Наполеоном¹⁴⁸³. Таким образом, Уэбстер выражал мнение ряда своих современников. По его словам, несправедливость, явленная европейскими державами, тем более велика, если сравнить их разное отношение к полякам и грекам. «Если первые оказались в системе непрерывной слежки и принуждения, и, в ответ на их рыцарственное служение делу христианства и европейской свободы, брошены на произвол

¹⁴⁸⁰ Ibid. P. 60.

¹⁴⁸¹ Ibid. P. 100.

¹⁴⁸² Ibid. P. 23–24.

¹⁴⁸³ Anderson M. S. Britain's Discovery of Russia... P. 195–197.

безжалостного деспотизма, вторые, те, кто своими интригами и малодушием проложили путь для турецкого вторжения, кто склонил крест перед полумесяцем и пал в пыль к ногам османской власти, кто равен завоевателям в фанатизме и превосходит их порочностью, не обладая ни единым проблеском той чести и доблести, которые всегда отличали турецкий характер, – о них говорят как о наследниках того высокого духа и патриотизма, которые подарили древней Греции её бессмертную славу»¹⁴⁸⁴. Пожалуй, любопытнее всего, что в тот момент Уэбстер ещё не обладал личным опытом общения с греками и турками. Он писал эти слова в то время, когда на Балканском полуострове шла война за независимость Греции, которую поддержали Великобритания, Франция и Россия. По Лондонской конвенции 1827 г. державы обязались добиваться автономии Греции от Османской империи на условии уплаты дани. Соединённые эскадры трёх держав разгромили османский флот в Наваринском сражении. В Греции высадился французский экспедиционный корпус. Россия начала наступление на Балканах и Кавказе. Несмотря на значительные противоречия между союзниками и регулярные неудачи греческих повстанцев, перед греками открывались многообещающие перспективы.

В последствии, осмотрев Константинополь и ознакомившись с ситуацией на месте, Уэбстер убедился в правоте своих суждений. В Наваринской бухте путешественник увидел жалкие остатки сожжённого османского флота¹⁴⁸⁵. В связи с этим он писал, что современные греки оказались недостойны памяти своих великих предков, а потому их поддержка – страшная ошибка, не только моральная, но и способная необратимо сместить баланс сил в мировой политике. «Никогда английский народ не был так невероятно одурачен в смысле как общественных настроений, так и политической деятельности, как в рассматриваемом случае, когда разрушили единственный барьер, противостоящий России на Востоке...»¹⁴⁸⁶ Греки, ради которых проливалась кровь союзников, воплощали в себе самые

¹⁴⁸⁴ *Webster J. Travels...* Vol. 1. P. 24.

¹⁴⁸⁵ *Webster J. Travels...* Vol. 1. P. 150.

¹⁴⁸⁶ *Ibid.* P. 151.

дурные качества, в том числе неблагодарность, лживость и склонность к грабежу и убийствам. Уэбстер сокрушался, что лорд Байрон, много путешествовавший по Греции, из собственного опыта понимал, что нынешние греки были, прежде всего, разбойниками и пиратами. «А между тем, зная об этом, он разрешил использовать своё благородное имя, великие таланты и собственные силы для продвижения фарса греческой свободы!»¹⁴⁸⁷ Можно вспомнить, что прежде, Кракове, Уэбстер вспоминал о «бедном искателе приключений и филэллине», который ввёл в заблуждение соотечественников, никогда не покидавших родину, рассказав им о греках, «воспользовавшись преимуществом ложных впечатлений, насыщенных античными ассоциациями»¹⁴⁸⁸. Быть может, и здесь скрывался намёк на Байрона.

Заочная дискуссия между Уэбстером и Байроном напоминает спор между Уильямом Итоном и Томасом Торнтоном, о чем речь шла в параграфе 2.2. Итон был последовательным сторонником эмансипации греков и изгнания османов из Европы, Торнтон же – османофилом. Байрон знал об этих противоположных мнениях, но, кажется, не очень доверял обеим сторонам. «Имело бы смысл опубликовать совместно и сравнить работы господ Торнтон и де Пау¹⁴⁸⁹, Итона и Соннини¹⁴⁹⁰; парадокс с одной стороны и предубеждение с другой»¹⁴⁹¹. Вероятно, поэтому, а может быть, исходя из собственного опыта, он считал греков недостойными полной независимости. В комментариях к первым песням «Паломничества Чайльд-Гарольда» (1809–1812) он писал: «Грекам никогда не быть свободными; им никогда не быть суверенными, как прежде, и бог не даст им этого никогда! Но они могут стать подданными, не будучи рабами. Наши колонии не являются независимыми, но они свободны и работающи, и такими же могут стать

¹⁴⁸⁷ Ibid. P. 154–155.

¹⁴⁸⁸ Ibid. P. 24.

¹⁴⁸⁹ Корнелиус де Пау (1739–1799) – нидерландский историк, философ и дипломат, автор трактата об исторических судьбах греков (*Pauw [C.] de. Recherches philosophiques sur les Grecs*. Т. 1–2. Berlin : George-Jacques Decrir et Fils ; Liege : C. Plomteux, 1788. 395 + 452 p.).

¹⁴⁹⁰ Шарль-Николя-Сижисбер Соннини де Манонкур (1751–1812) – французский натуралист, автор записок о путешествии по Греции и Турции (*Sonnini C. S. Voyage en Grèce et en Turquie, fait par ordre de Louis XVI, et avec l'autorisation de la cour ottomane*. Т. 1–2. Paris : F. Buisson, 1801. 460 + 464 p.).

¹⁴⁹¹ [Byron G.] *The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition...* P. 194.

в будущем греки». Пороки греческого характера он связал с угнетённым статусом этого народа. В будущем же он мог исправиться¹⁴⁹². Как видим, великий поэт первоначально не был сторонником независимости Греции – хотя, очевидно, согласился бы избавить её от османского гнёта.

Однако ко времени путешествия Уэбстера отношение к греко-османскому конфликту на Западе изменились. Поскольку Грецию считали «истоком европейской цивилизации», возникла мысль об ответственности «европейцев» за судьбы греков. Филэллинизм, то есть увлечённость греческими темами, из течения в искусстве превратился в политическую доктрину, сторонники которой выступали за создание независимого государства. Интенсификация борьбы за независимость Греции и ответные османские репрессии против греческого населения окончательно склонили общественное мнение Запада на сторону «потомков эллинов». Некоторые интеллектуалы-филэллины не ограничивались моральной поддержкой греков, боровшихся против османского господства, но помогали им материально, а иногда даже принимали непосредственное участие в национально-освободительном движении. В этой истории важнейшую роль сыграл Байрон – и не только благодаря «греческим стихам» своих поэм, передавших его личный опыт путешествия по Балканам. Поэт стал символом борьбы за свободу Греции, когда в 1823 г. отправился туда, чтобы лично принять участие в восстании, и через год умер в Месолонгионе¹⁴⁹³. На этом фоне Уэбстер казался исключением из правил. Поэтому его грекофобия немало удивляла современников, как видно из уже упоминавшейся рецензии на книгу его путешествий¹⁴⁹⁴.

Поскольку Уэбстер был полонофилом, не удивительно, что переезд через границу между австрийской Польшей и Россией, по дороге из Лемберга (ныне Львов) в Одессу в его записках выглядит как «обряд перехода». Уэбстеру и его спутникам пришлось потратить немало времени, денег и нервов. Чтобы преодолеть три кордона российской пограничной стражи и таможенников, подвергаясь

¹⁴⁹² Ibid. P. 191.

¹⁴⁹³ *Eisner R.* Travelers to an Antique Land... P. 105–122; *Spencer T. J. B.* Fair Greece! Sad Relic : Literary Philhellenism from Shakespeare to Byron. London : Weidenfeld & Nicolson, 1954. Ch. X–XII.

¹⁴⁹⁴ The Monthly Review. P. 434–435.

унизительному досмотру, давая объяснения и взятки. Все это заняло целый день, а отдохнуть на постоялом дворе тоже не удалось. Путешественники «до пяти утра тщетно пытались заснуть в неравном сражении с огромной армией блох. В пять утра мы признали своё поражение, а в шесть – выехали, в крайнем неудовольствии проклиная коллизии предыдущей ночи...»¹⁴⁹⁵. Коррупция и антисанитария – две важные особенности жизни на юге России, с которыми англичанину не раз предстоит столкнуться в дальнейшем. Эти обстоятельства, очевидно, считались маркерами «нецивилизованности». Как уже говорилось, Кларк с отвращением описывал различных насекомых, живших в домах крымских татар. На тараканов и клопов в гостиницах постоянно жаловались ездившие по России¹⁴⁹⁶. Впрочем, не только по России: француженку Сюзанну Вуалькен шокировали огромные полчища блох, населявших жилища египетских крестьян¹⁴⁹⁷.

По мере продвижения на юг, англичане оказывались во все более необычном окружении. Добравшись до Бахчисарая, Уэбстер понял, что попал в другой мир – мир ислама. Он с восторгом описывал, с одной стороны, живописность, а с другой, экзотичность пейзажа. «Вероятно, это самое красивое в Крыму место, с минаретами, тополями, скалами и белыми домами деревень, а также странным разнообразием костюмов местных жителей. Бахчисараяю недостаёт лишь бегущей по долине реки, чтобы сделать его одной из самых живописных сцен, которую только можно представить. Но и таким, какой он есть, город сильнейшим образом поражает чужестранца»¹⁴⁹⁸. Путешественник обратил внимание на двойственность положения местных жителей. Присоединение к России сделало возможным изучение Крыма; но оно же в будущем приведёт к изменению местных нравов, их вестернизации. «Это новый мир; и по той причине, что обитатели его находятся во власти христиан, у путешественника есть возможность для изучения, которой ему неплохо было бы воспользоваться. Татары покорены, но воспоминания об их древней связи с Портой и их религиозное сознание пока сохранились. Придёт

¹⁴⁹⁵ *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 32–35.*

¹⁴⁹⁶ *Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника... С. 159, 186.*

¹⁴⁹⁷ *Гладышев А. В. Мушка в паутине... С. 102.*

¹⁴⁹⁸ *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 89.*

время, да оно уже почти пришло, когда новые хозяева будут лепить их по собственной мерке и древние привычки должны будут выйти из употребления»¹⁴⁹⁹.

Уэбстер противопоставлял «цивилизованность» «варварству», причём у первой существовал ряд градаций. Путешественник считал преступлением, несовместимым с цивилизованностью, разрушение памятников культурного наследия. Занимались этим и крымские татары, и русские, тем самым обращаясь в «варваров». Так, в Инкермане Уэбстер видел древнюю пещерную церковь, пострадавшую от человеческих рук: «[е]ё разрушенный, изуродованный вид – достаточное свидетельство неистовства и фанатизма завоевавших Крым магометан»¹⁵⁰⁰. В Симферополе он обнаружил, что русские используют скульптуру и каменные надписи, взятые из развалин скифской столицы, для мощения дорог. «Можно ли вообразить что-то более варварское?»¹⁵⁰¹.

Уэбстеру было свойственно глубокое, искреннее христианское чувство. Но он интересовался и другими религиями, их догмами и обрядами. Отторжение у шотландца вызывала не столько чужая вера, сколько «примитивные» обряды и невежество священнослужителей. Так, из Бахчисарая он отправился на Чуфут-Кале, где попытался разузнать у местных религиозных лидеров об истории их народа и об особенностях вероучения. «Мы посетили синагогу и узнали от раввина¹⁵⁰², что евреи живут в этом месте в течение тысячи лет»¹⁵⁰³. Как видим, он столкнулся с ситуацией, известной многим путешественникам: караимы позабыли о начале своей истории (см. параграф 4.2). Слова собеседника Уэбстера удревели её по меньшей мере на 500 лет по сравнению с тем, что известно современным исследователям¹⁵⁰⁴. Шотландец был разочарован, когда собеседник не смог ответить на его вопросы: «Мы сочли этого раввина невежественным сверх меры;

¹⁴⁹⁹ Ibid.

¹⁵⁰⁰ Ibid. P. 70.

¹⁵⁰¹ Ibid. P. 94.

¹⁵⁰² Сегодня крымские караимы избегают слов «синагога» и «раввин», чтобы избежать возможных параллелей с ортодоксальными евреями. Свои молитвенные дома они называют «кенассами», а религиозных лидеров – «гахамами» или «газзанами».

¹⁵⁰³ *Webster J. Travels...* Vol. 1. P. 81.

¹⁵⁰⁴ См.: *Прохоров Д. А. Караимы в Российской империи...* С.10–11.

когда мы захотели узнать о тех моментах, которыми его секта отличается от других евреев, он не смог нам об этом рассказать...»¹⁵⁰⁵

Наблюдая за молитвой мусульман в большой ханской мечети в Бахчисарае, Уэбстер воспринял происходившее как грубое, примитивное и нелепое кривляние, оскорбительное для эстетического чувства¹⁵⁰⁶. «Здесь нет упражнения для ума; воображением и страстью движет повторение одинаковых звуков и одинаковых жестов, а также присутствие толпы, занятой тем же загадочным волхованием»¹⁵⁰⁷. Голос муллы, призывавшего верующих на молитву, показался путешественнику «мерзким воем». Разве можно было сравнить этот звук с благородным перезвоном колоколов итальянских церквей, выполнявших ту же функцию, но порождавших «в умах людей стремление к благочестию и созерцанию?»¹⁵⁰⁸ Подобный взгляд на исламское богослужение был свойственен многим путешественникам по Востоку. В Крыму подобные мысли, как уже говорилось, высказывали Мери Хоулдернесс и Эбенезер Хендерсон.

Между прочим, Уэбстеру принадлежит интересное наблюдение об особенностях мусульманского молитвенного цикла в Крыму. Также, как и Эдвард Кларк, он отметил, что этот цикл состоит из четырёх ежедневных молитв¹⁵⁰⁹. Как известно, традиционно мусульмане молятся не четыре, а пять раз в день. Возможно, из-за короткой летней ночи крымские мусульмане вынуждены были совмещать последний и предпоследний намаз – такие случаи фиксировались и в других регионах России, в частности, в Поволжье¹⁵¹⁰.

Путешественник размышлял о способах, которыми разные религии воздействуют на верующих. Несмотря на отличия между христианскими и исламскими молитвами, он увидел в них некоторые общие черты. Хотя исламский обряд, по его мнению, воздействовал на верующего через повторение ритуальной

¹⁵⁰⁵ *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 81.*

¹⁵⁰⁶ *Ibid. P. 82–85.*

¹⁵⁰⁷ *Ibid. P. 85.*

¹⁵⁰⁸ *Ibid. P. 82, 85.*

¹⁵⁰⁹ *Ibid. P. 84; ср.: Clarke E. D. Travels... Pt. 1... Vol. 2. 1816. P. 171.*

¹⁵¹⁰ *Мухаметшин Р. М. Ислам в Татарстане : между прошлым и будущим // Казань, Москва, Петербург : Российская империя взглядом из разных углов. М. : О. G. I., 1997. С. 266–267.*

формулы, апеллируя к страстям, а не к мыслям, но и католичеству, и англиканству свойственна тенденция к упрощению, к повторению привычного. Как и христианство, ислам преуспел, и преуспел «благодаря скорее посулам, чем угрозам»¹⁵¹¹.

По мнению Уэбстера, общие черты свойственны были не только религиозным практикам, но и поведению религиозных деятелей. Чтобы посмотреть на мистический «танец» дервишей в Бахчисарае, путешественники заплатили известную сумму денег. Характерно, что это не вызвало обвинений в адрес мусульман в сутяжничестве или корыстолюбии: «дух торговли свойственен не только магометанам. В Харлеме, Люцерне и Катании для нас играл орган по той же причине, которая заставила выступать этих бедных дервишей». Но следует ли выставлять веру на показ любопытствующим приезжим, тем более за деньги? Это вполне понятно, но достойно сожаления¹⁵¹².

Сам обряд Уэбстера скорее разочаровал, пусть и немало удивил: «Назвать это действие странным, страшным и невероятным – это не сказать о нём ничего; для того, чтобы составить себе хоть какое-нибудь представление о его внушающей отвращение нелепости, нужно самому его увидеть»¹⁵¹³. «Жесты дервишей доказывают всего лишь силу их внутренней веры; они могут сравниться с обильными и нелепыми движениями, которые совершают немые, чтобы выразить свои мысли. Тем, кто умеет говорить, такие движения покажутся абсурдными, но они доказывают, что и у немых есть мысли, которые им хочется выразить»¹⁵¹⁴. Тем не менее, путешественник признал, что ритуал дервишей был куда более «цивилизованным» проявлением религиозного чувства по сравнению с «жестоким бичеванием», свидетелем которого он был в Риме¹⁵¹⁵. Уэбстер имел в виду флагеллантов – католических фанатиков, «умерщвлявших плоть» путём самобичевания, зачастую публичного. Точно также, ещё во Львове, Уэбстер

¹⁵¹¹ *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 84–85.*

¹⁵¹² *Ibid. P. 88.*

¹⁵¹³ *Ibid. P. 87.*

¹⁵¹⁴ *Ibid. P. 88.*

¹⁵¹⁵ *Ibid.*

осмотрел одну «чрезвычайно вызолоченную» церковь, по поводу которой заметил с осуждением, что позолота – «отличительная черта польских церквей, где блеск, дурной вкус и замысловатые украшения вечно используют, чтобы доказать набожность этого народа»¹⁵¹⁶. Иначе говоря, он признавал «варварством» и некоторые проявления христианства. Кажется, на подобных суждениях сказалась его принадлежность к протестантству и уверенность в превосходстве этой конфессии над другими христианскими течениями.

Нужно сказать, оценки такого рода типичны для западноевропейцев той эпохи. Так, например, Элизабет Крейвен сочла обряд дервишей, который наблюдала в Крыму, нелепым (см. параграф 2.3). Описания дервишей в записках французов – участников Египетского похода Наполеона (1798–1801) близки рассказам крымских путешественников¹⁵¹⁷. Подобные оценки представители «цивилизованного Запада» давали не только мусульманам, но и православным. Так, в записках Жозефа де Местра (1753–1821), знаменитого философа и посланника Сардинского королевства при дворе Александра I, русские православные и раскольники воплощали всевозможные отрицательные качества, а некоторые эпизоды травелога кажутся порождением больной фантазии¹⁵¹⁸.

В Крыму Уэбстер получил возможность обсудить не только экзотические – с его точки зрения – народы, но и традиционных соперников англичан, французов. Так, например, в Симферополе он записал в дневник услышанные от новых русских знакомых анекдоты об одной их ярких персон того времени – французской писательнице мадам де Сталь (1766–1817), поведение которой было не менее вызывающе нелепо, чем обряды дервишей¹⁵¹⁹.

Как и на подавляющее большинство путешественник, большое впечатление на Уэбстера произвели субтропические пейзажи южного берега Крыма. Даже созданные русскими помещиками парки показались ему куда более органичными,

¹⁵¹⁶ Ibid. P. 31.

¹⁵¹⁷ Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет... С. 156–157.

¹⁵¹⁸ Местр Ж. де. Религия и нравы русских / пер. с франц. А. П. Шурбелёва. СПб. : Владимир Даль, 2010. С. 23–68.

¹⁵¹⁹ Webster J. Travels... Vol. 1. P. 52–53.

чем те, что он видел во Франции, в том числе в прославленном Версале – резиденции французских королей. По мнению путешественника, парк в Алушке «можно спокойно величать не имеющими себе равных! В Версальском парке есть скалы, для соединения которых в одном месте потребовались огромные расходы; тамошние гроты и нависающие обрывы показывают как выдающиеся объекты – они и являются таковыми, демонстрируя, насколько далеко могут зайти каприз и богатство в попытках имитировать природу. В Алушкинском парке вы на каждом шагу встретите скалы, куда как более внушительные, чем версальские чудеса, такие, что не собрать и тысяче *grands monarques*¹⁵²⁰»¹⁵²¹. Так Уэбстер высмеивал французских королей, искусственно создававших «природные чудеса» – но к чему были труды архитекторов и садовников, если их потуги в любом случае уступали творениям природы. Возможно, это свидетельствует о том, что вкусы путешественника эпохи Романтизма изменились по сравнению с модой предшествующего времени. В конце XVII–XVIII вв. парки, подобные Версале, были важным элементом идеологии, не только демонстрируя статус монарха, но и символизируя его стремление к упорядочиванию мира¹⁵²².

Необычная природа, своеобразный облик и одежда местных жителей, их странные религиозные обряды – вот общие черты, роднившие между собой восточноевропейские народы. «Других» отличала не только внешность, но и черты характера. «Инакость» Уэбстер зачастую показывал через негативные свойства. Например, русским, по его мнению, свойственны антисанитария в крестьянских домах, невежество, склонность тех, кто добился определённого положения, к злоупотреблениям¹⁵²³. Наоборот, в татарских домах было опрятно и уютно, хотя на улицах татарских кварталов – грязно. Татары показались путешественнику радушными хозяевами. Как и евреи, они придерживались некоторых ограничений в пище, а их женщины укрывались от взглядов посторонних. Но более всего им

¹⁵²⁰ Великих монархов (*франц.*).

¹⁵²¹ *Webster J. Travels...* Vol. 1. P. 65–66.

¹⁵²² *Кинан П.* Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761 / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М. : НЛО, 2020. С. 203–204.

¹⁵²³ *Webster J. Travels...* Vol. 1. P. 48, 54–55, 94, 97–98.

была свойственна беззаботность и фатализм. Если, например, у телеги отваливалось колесо, татарин не только не приступал к починке, но даже не распрягал быков, усаживаясь рядом в надежде, что проблема решится сама собой, «с величайшей безмятежностью ожидая земной или небесной помощи»¹⁵²⁴.

Разумеется, у местных жителей были популярны экзотические суеверия. Например, к магическим обрядам прибегали для борьбы с бичом южных степей – саранчой. «Суеверие побудило татар пригласить дервишей из Малой Азии, ведь саранча приходит из Азии. Эти дервиши молились вокруг мечетей, приказав вывесить на минаретах воду в качестве оберега – чтобы таким образом, вместе с молитвами, привлечь черных дроздов определенного вида, которые должны были явиться во множестве и пожрать крымскую саранчу. Собранная таким образом вода до сих пор сохраняется в мечетях. По этому случаю дервиши собрали восемьдесят тысяч рублей, причём даже самые бедные пастухи давали по полтине»¹⁵²⁵. Между прочим, существование этого необычного обряда подтверждают и другие свидетельства иностранцев¹⁵²⁶.

В Симферополе, Уэбстер оказался свидетелем публичной порки, которой по приговору суда были подверглись преступники, пытавшиеся бежать из тюрьмы и ради этого «замучили священника и убили нескольких сопротивлявшихся им стражников»¹⁵²⁷. Как уже говорилось, наказание кнутом шокировало иностранцев, причём телесные наказания вообще считались свойством востока Европы, свидетельствующем о варварстве тамошних жителей. Например, Мери Хоулдернесс была в ужасе от бичевания, которое, по её мнению, приводило к мучительной смерти преступника. Нельзя не отметить, что англичане вольно или невольно забывали о том, что наказания за различные преступления, применявшиеся у них на родине, были ничуть не менее жестокими. Так, в первой половине XIX в. в Лондоне осуждённых за различные преступления ставили у

¹⁵²⁴ Ibid. P. 49–50, 54–57, 65, 67–68.

¹⁵²⁵ Ibid. P. 93–94.

¹⁵²⁶ The Crimea : Its Towns, Inhabitants, and Social Customs. London : Partridge, Oakey, and Co., 1855. P. 139–140.

¹⁵²⁷ Webster J. Travels... Vol. 1. P. 95.

позорного столба, причём разъярённая толпа могла забить его на смерть. Популярным развлечением лондонской публики стали публичные казни через повешение. Случалось, собравшаяся толпа затаптывала зрителей, которым не удалось удержаться на ногах¹⁵²⁸. Публичные казни были запрещены в Англии только в 1868 г.¹⁵²⁹ Это свидетельствует, что маркеры «варварства», используемые путешественниками, были глубоко субъективным феноменом.

Показательно что, несмотря на отвращение, которая сцена наказания вызвала у Уэбстера, этому жуткому эпизоду уделено без малого три печатные страницы¹⁵³⁰, что сопоставимо с рассказами о таких крупных и интересных городах, как Краков или Одесса¹⁵³¹. Путешественник заключил: битьё кнутом достигает цели лучше, чем традиционная английская виселица. Перетерпев мучения и оправившись от ран, преступник сможет изменить свою жизнь, тогда как зрители получили надлежащее внушение. «Хотя это наказание может считаться варварским, тем не менее, поразмыслив, можно прийти к выводу, что оно лучше, чем повешение, достигает цели, которую оба они преследуют. Конечно, с точки зрения страданий преступника первое является более суровым наказанием; но после выздоровления, которое случится через несколько дней, у него будет шанс изменить свою жизнь, которым он скорее воспользуется, если вспомнит о своих недавних страданиях. Его воздействие на преступников ещё до того, как те ему подвергнутся, как мы уже говорили, оказывается даже большим, чем само наказание, а предупреждение, которое оно посылает зрителям, кажется, производит на них впечатление, что, как хорошо известно, редко случается при казнях в Олд-Бэйли¹⁵³²»¹⁵³³.

Интересен рассказ Уэбстера о легенде Кизилташа – утёса, расположенного

¹⁵²⁸ *Акройд П.* Лондон. Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылёва. М. : Издательство Ольги Морозовой, 2005. С. 336–337, 345–350.

¹⁵²⁹ См.: *Gatrell V. A. C.* The Hanging Tree : Execution and the English People, 1770–1868. Oxford : Oxford University Press, 1996. 634 p.

¹⁵³⁰ *Webster J.* Travels... Vol. 1. P. 95–97.

¹⁵³¹ *Ibid.* P. 22–25, 41–45.

¹⁵³² Центральный уголовный суд Англии, который находится в Лондоне и рассматривает важнейшие уголовные дела по преступлениям, совершенным в этом городе, а иногда и в других районах Англии.

¹⁵³³ *Webster J.* Travels... Vol. 1. P. 97.

на южном берегу Крыма, близ Гурзуфа, к востоку от Ялты. По словам путешественника, «Существует связанная с этой скалой легенда, которой татары всецело верят. Она такова: некая молодая дама, обручённая против собственной воли с соседним вождём, в день своей свадьбы находилась посреди брачного торжества, когда явился её истинный возлюбленный и подал знак; получив его, она пришла в отчаяние, громко закричала и раскрыла свою тайную привязанность. Она молила Аллаха укрыть её от мира и похоронить заживо в центре Кизилташа. Эта молитва была исполнена, и невидимая рука увлекла её прочь. Говорят, она живёт в скале; но рассказывают, что каждое полнолуние, в полночь скала раскрывается, и из неё выходит дама в подвенечном платье, и в эти моменты в её власти – предсказывать события»¹⁵³⁴. Интересно, что Грибоедов также упомянул «деву утёса в Кизилташе»¹⁵³⁵. Кизилташ по-татарски означает «красная скала» – и действительно, утёс имеет красноватый оттенок. По-видимому, легенда основывалась на народной этимологии этого названия, в которой перепутались близкие по звучанию тюркские слова, означавшие «красный» и «девушка». Впоследствии были записаны несколько вариантов предания, в которых фигурировала девица, не то спасшаяся здесь от преследования и хранившая в скале сокровища для возлюбленного, не то обратившаяся в утёс из-за «сделанной во всеуслышание неловкости»¹⁵³⁶.

Как было сказано в параграф 2.1 и 4.1, многие путешественники отмечали праздность и безынициативность крымских татар. Это представление возникло в результате смешения эмпирических наблюдений с разработанным писателями просвещения стереотипом «природного человека», неиспорченного цивилизацией дикаря, жившего в гармонии с природой и довольствовавшегося минимумом материальных благ. Такие факторы как выработанное исламской теологией специфическое отношение к предпринимательству, ограниченность крымского рынка и объективные сложности с доставкой продукции в внутренние губернии

¹⁵³⁴ Ibid. P. 63–64.

¹⁵³⁵ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений... Т. 2. С. 326.

¹⁵³⁶ Dubois de Montpéreux F. Voyage... Т. 6. P. 39–41; Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 1. Николаев : Типография В.М. Краевского, 1873. С. 232.

России или же в средиземноморские страны путешественники просто не принимали во внимание.

Уэбстер попытался отыскать рациональное объяснение «татарской лени». По его мнению, дело было в природном изобилии, снабжающем крымских татар всем необходимым, и свойственному им умению наслаждаться простыми радостями сельской жизни. «Может показаться, что жизнь не оставляет татарину возможности иметь какие-нибудь мечты. Он и правда ленив и беден; но его желания также ограничены, как и его возможности. Он подбирает упавший рядом плод и, сидя на крыше своего дома, в тени старого грецкого ореха, под которым укрывался ещё отец его отца, целиком отдаётся наслаждению тихим счастьем отдыха. Русские возмущаются ленью татар – но почему они должны работать? Они и без того – счастливейшие из крестьян, и, естественно, не желают превращаться в обычных тружеников»¹⁵³⁷. Конечно, не зная языка и не понимая этих людей, путешественник мог принять видимость счастья за само счастье. Но следует отметить, насколько близки слова Уэбстера размышлениям французских философов. Например, Руссо противопоставлял отношение к труду на юге и севере: «На севере люди много потребляют, живя на неблагоприятной почве; на юге они на плодородной потребляют мало; отсюда порождается новая разница, которая делает одних трудолюбивыми, других – созерцательными»¹⁵³⁸. А вот очень похожие слова Монтескье: «Одним природа дала много, а они требуют от неё немногого; другим природа дала мало, а они требуют от неё многого. Равновесие между этими народами поддерживается ленью, которой природа наделила южные народы, и изобретательностью и энергией, которыми она наделила народы севера»¹⁵³⁹. Понятно, что в подобной конструкции «леность», помимо всего прочего, маркировала культурную принадлежность.

«Леность» как отличительный признак Другого фигурировала в сочинениях Западных авторов о самых разных странах, от Ирландии и Греции до Египта и Юго-

¹⁵³⁷ *Webster J. Travels... Vol. 1. P.: 90–91.*

¹⁵³⁸ *Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения / пер. с франц. Т. 1. М. : Педагогика, 1981. С. 44.*

¹⁵³⁹ *Монтескье Ш. Л. О духе законов. С. 295–296.*

Восточной Азии. В свою очередь, русские интеллектуалы усвоили этот стереотип и стали применять его к жителям таких разных регионов, как Украина, Грузия, Испания и Русская Америка. Он позволял говорить о благородной миссии тех, кто осваивал новые земли, описывая их как «учителей» инфантильных местных жителей¹⁵⁴⁰. В иных случаях помещики, экономисты и социологи Нового времени использовали представление о лениности зависимого населения, например, европейских крестьян или североамериканских рабов, для объяснения того, почему сельское хозяйство в соответствующем регионе приносит низкие доходы¹⁵⁴¹. В этом контексте интересно описание в русских травелогах финнов, которым зачастую приписывали лень и нечистоплотность. То, что этот народ жил на севере, а не на юге, в очередной раз показывает, как «леность» использовали в качестве маркера инаковости¹⁵⁴².

На Западе лень атрибутировали жителям регионов, представлявшихся природным раем. Как уже говорилось, в описаниях Крыма нередки сравнения плодородной южной, прибрежной и нагорной, части полуострова с «земным раем»¹⁵⁴³. Именно здесь и обнаруживали «ленивых» жителей. Но три четверти полуострова занимает бесплодная степь – потому вместе с изменением ландшафта могли изменяться и оценки местного населения. Примером может быть сочинение Павла Сумарокова. Описывая восточную оконечность Тавриды – Керченский полуостров, писатель заметил, что вся эта местность «есть ровная площадь, где редко увидишь какое-либо возвышение, и на ней нет ни речки, ни родника, ни малейшего признака леса. Куда не обратишь взор, везде представляется степь с засохшею от зноя травой, деревни лишены колодезей, садов

¹⁵⁴⁰ Храпунов Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»... С. 337–339; Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М. : Институт мировой литературы Российской академии наук, 2017. С. 165; Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. С. 40–45; Alatas S. H. The Myth of the Lazy Native : A Study of the Image of the Malays, Filipinos and Javanese from the 16th to the 20th Century and Its Function in the Ideology of Colonial Capitalism. London : Frank Cass, 1977. 267 p.; Ellingson T. The Myth of the Noble Savage. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 2001. 467 p.

¹⁵⁴¹ Эткин А. Природа Зла. Сырьё и государство. М. : НЛО, 2020. С. 45, 52, 62, 280, 369, 370.

¹⁵⁴² Лапин И. С. Путешествие в ближнюю Финляндию... С. 115.

¹⁵⁴³ Храпунов Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»... С. 332–337.

и огородов, так что одна сиротствующая ветла делает уже необычайную здесь красу...»¹⁵⁴⁴. Природная скудость изменила характер местных жителей: «Таковой недостаток в необходимых вещах превозмогает лень татар, и они здесь, где другой народ может быть обитать бы не согласился, заменяют трудолюбием бедность природы»¹⁵⁴⁵. Так крымский контекст показывает связанность стереотипа лени и природных условий, в которых жили люди, ставшие объектом наблюдения.

Отношение наблюдателей к (воображаемой) лени крымских татар могло быть и положительным, и отрицательным¹⁵⁴⁶. В первом случае, очевидно, сказывалось влияние руссоизма, декларировавшего преимущества простой сельской жизни перед испорченным соблазнами цивилизации суетным бытом столиц. Как уже говорилось в главе 1, одним из тех, кто с восторгом отзывался о беспечной жизни крымских татар, был принц де Линь. Характерны и слова Поля Гибалья: «Горные татары носят азиатскую одежду, умеют хорошо обрабатывать землю, но по характеру своему ленивы и живут, наслаждаясь жизнью, как они это понимают, не беспокоясь о том, как бы разбогатеть. В этом отношении они, возможно, мудрее европейцев»¹⁵⁴⁷. Другие путешественники, и среди них Мери Хоулдернесс, осуждали «татарскую лень», поскольку она не соответствовала моральным установкам европейцев. Сумароков, получивший опыт работы в Крыму в землеустроительной комиссии, увидев в этом обстоятельстве причину упадка края. «От чего же (случился этот упадок. – *Н. Х.*)? – От лени избалованных мусульман, которые, находя у ног своих размётанный бисер, не желают уклониться для собирания оногo. Их можно уподобить развращённому сыну, расточающему отцовские сокровища без разбора, и который не помышляя о будущем, часами беспечности распределяет свой век»¹⁵⁴⁸. Под «сокровищами» писатель, конечно,

¹⁵⁴⁴ Сумароков П. Досуги... Ч. 2. 95.

¹⁵⁴⁵ Там же.

¹⁵⁴⁶ См.: Храпунов Н. И. К пониманию крымского мифа: образ «ленивого татарина» в отечественном и зарубежном сознании и его использование // Миф в истории, политике, культуре : сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции. Севастополь : Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 404–411.

¹⁵⁴⁷ Гибаль П. Обзорение Крыма... С. 57.

¹⁵⁴⁸ Сумароков П. Досуги... Ч. 1. С. 164–165; ср.: Сумароков П. Досуги... Ч. 2. 10–11, 198–199.

имел в виду природные богатства Крыма. Строгим критиком «татарской лени» был Петер Паллас, чьё описание Крыма стало руководством для следующих поколений путешественников, исследователей и администраторов. Паллас предложил выселить «ленивых» крымских татар из плодородных долин южного берега¹⁵⁴⁹. Для него это была универсальная мера рационализации использования ресурсов, которую следовало бы применить и к нерадивым русским помещикам¹⁵⁵⁰. За много лет до того Паллас аналогичным образом оценил одну французскую колонию на Волге, заметив, что её ленивых обитателей следовало бы заменить более трудолюбивыми жителями¹⁵⁵¹. Наконец, воображаемая лень Других могла побудить путешественника сделать оскорбительные замечания. В 1846 г. Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848) писал о том, что видел в крымских степях «три новые для нас нации: крымских баранов, крымских верблюдов и крымских татар. Я думаю, что это разные виды одного и того же рода, разные колена одного племени: так много общего в их физиономии. Если они говорят и не одним языком, то, тем не менее, хорошо понимают друг друга»¹⁵⁵². Эти резкие, если не сказать шовинистические слова явно подразумевали отсталость, неподвижность и лень крымских жителей, характеризующие их принадлежность к Востоку.

Стереотип «татарской лени» иногда превращался в «идеологическое оружие». Так, российские помещики, прибывшие в Крым после присоединения, использовали его в качестве одного из аргументов, доказывающих их право на владение спорными землями, на которые претендовали также крымские татары¹⁵⁵³. В 1818 г. таврический губернатор Александр Степанович Лавинский (1776–1844), обосновывая свой план обложить татар налогом, также использовал стереотипное представление об их праздности. Новый налог должен был способствовать

¹⁵⁴⁹ Паллас П. С. Наблюдения... С. 115–116.

¹⁵⁵⁰ Там же. С. 156.

¹⁵⁵¹ Ржеуцкий В. С. Французы на русских дорогах: иммиграционная политика Екатерины II и формирование французских землячеств в России // Европейское просвещение и цивилизация России. М. : Наука, 2004. С. 242.

¹⁵⁵² Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М. : Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 316.

¹⁵⁵³ Конкин Д. В. Российские помещики в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.) : новые люди со старыми взглядами // МАИЭТ. 2018. Вып. 23. С. 760, 762–763.

личностному совершенствованию, принудительному развитию склонности к «трудолюбию и хлебопашеству»¹⁵⁵⁴. Когда зимой 1833–1834 гг. в Крыму разразился голод, таврический губернатор Александр Казначеев организовал общественные работы, чтобы дать местным жителям дополнительный заработок. В этой мере он усмотрел пользу для «исправления нравов» крымских татар. «Хотя татары не охотники работать, но нужда приучит их к труду если не настоящему, так временному. Надобно удивляться праздноту этих людей: когда они пристают с просьбами о помощи, стоит им указать на готовую работу, чтобы отвязаться от них»¹⁵⁵⁵. Тогда и разобрали полуразрушенные общественные бани османской эпохи, некогда принадлежавшие Уильяму Итону¹⁵⁵⁶.

О том, что стереотип «татарской лени» надолго закрепился в общественном сознании, свидетельствуют сочинения путешественников и писателей середины – второй половины XIX в.¹⁵⁵⁷ Это предполагаемое свойство атрибутировали не только крымским жителям, но и мусульманам как таковым, что следует из широкого использования данного топоса в образе турка из русских публикаций времени Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.¹⁵⁵⁸

1827 г. – важная дата в истории археологического изучения Крыма. В этом году начались исследования двух важнейших памятников – Херсонесского городища и столицы позднескифского государства. Свидетелем этих раскопок оказался Уэбстер, а его дневник содержит важные сведения для истории археологической науки.

¹⁵⁵⁴ Конкин Д. В. Налогообложение мусульман Крыма... С. 214.

¹⁵⁵⁵ Казначеев А. И. Партикулярные письма... С. 188.

¹⁵⁵⁶ См. параграф 2.2; *Dubois de Montpéroux F. Voyage...* Т. 5. Р. 292–295.

¹⁵⁵⁷ Таньшина Н. П. Русофилы и русофобы... С. 283–284; [Шишкина О. П.] Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г. Ч. 2. СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848. С. 183; Семёнов Д. Д. Отечественное, Россия по рассказам путешественников и учёным исследованиям. Т. 2 : Южный край. Малороссия, Новороссия, Крым и земли Донского и Черноморского войска. 2-е изд. М. : Салаев, 1879. С. 196–197; Чистяков М. Б. Из поездок по России. М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2015. С. 222; Марков Е. Л. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. Киев : Стило, 2006. С. 44.

¹⁵⁵⁸ *Parpei K. "This Battle Started Long Before Our Days..." The Historical and Political Context of the Russo-Turkish War in Russian Popular Publications, 1877-78 // Nationalities Papers. 2020. P. 10–13.*

Вероятно, в течение III в. до н. э. скифы, прежде известные как грозные кочевники, не имевшие ни городов, ни крепостей, начали переходить к оседлому образу жизни. Возникшую тогда культуру современные исследователи называют «позднескифской», чтобы подчеркнуть, с одной стороны, её связь с классическими скифами, а с другой, глубокие изменения, вызванные радикальной сменой образа жизни. Крупнейшее поселение – крепость и столица позднескифского государства – возникло на Петровских скалах на месте нынешнего Симферополя. Его название достоверно неизвестно; поскольку в античных источниках упоминается скифская крепость Неаполь, многие исследователи думают, что именно так и называлась столица скифов. После того, как в середине III в. н. э. позднескифское государство пало под ударами вторгнувшихся в Крым германцев, крепость была заброшена, и люди на этом месте никогда больше не жили¹⁵⁵⁹. Треугольное плато, возвышавшееся над долиной реки Салгир, лежало к югу от средневекового крымско-татарского города Акмечеть и строившегося рядом с ним российского Симферополя (Приложение А, рис. 62).

Оказавшись в Крыму, Уэбстер очень хотел познакомиться с Александром Султан-Крым-Гиреем, необычная история которого возбудила его любопытство. Султан-Крым-Гирей был потомком крымских ханов, но принял христианство при посредстве миссионеров-шотландцев, побывал в Эдинбурге (см. параграф 4.2), где слушал лекции в университете и женился на шотландской даме, Энн (Анне Яковлевне) Нилсон (?–1855)¹⁵⁶⁰. Уэбстер слышал о поверье, распространённом у крымских татар, согласно которому, если род правителей Османской империи пресечётся, власть над ней перейдёт к крымским Гиреям. Хотя об этом писали, в частности, Уильям Тук и Уильям Итон, на самом деле легенда не имела под собой оснований (см. параграф 2.1 и 2.2). Однако Уэбстер подивился иронии судьбы,

¹⁵⁵⁹ Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь : Универсум, 2003. 212 с.; Храпунов И. Н. Новый взгляд на столицу позднескифского государства (к публикации книги: Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.) // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 596–602.

¹⁵⁶⁰ Kırımlı H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries...; Соболевская Т. В. Забытые имена...

способной сделать «правителем неверных» христианина и потомка его соотечественницы-шотландки: «Поскольку он (Султан-Крым-Гирей. – *Н. Х.*) является прямым потомком древних ханов Крыма, трон нынешнего [османского] султана Махмуда [II] перейдёт к нему, если угаснет правящее семейство. У него есть сыновья и, если кто-нибудь из них впоследствии взойдёт на османский престол, возникнет необычайная ситуация, когда князь британского происхождения и христианского исповедания будет править империей неверных турок»¹⁵⁶¹.

Султан-Крым-Гирей выстроил в Симферополе дом в английском стиле и прекрасно говорил по-английски. По словам Роберта Лайалла, потомок крымских ханов «не только стал христианином, но и почти полностью превратился в британца, говоря по-английски с той же лёгкостью, что и на родном языке. Его дом в Симферополе был обставлен в английском вкусе, где почти все движимое имущество было британской работы, и бытовали британские нравы и обычаи. К тому же образование, религия, принципы, поведение и сам образ мысли Султана были настолько истинно-британскими, что я часто забывался, осуждая и даже браня татар, как если бы разговаривал с соотечественником»¹⁵⁶².

Это значило, что Уэбстер и его товарищи также не испытывали проблем, беседуя с Султан-Крым-Гиреем. Путешественник утверждал, что его собеседник «показал нам грубо исполненный рельеф скифского воина верхом на коне. Возле него была надпись, где упоминался царь Скилур. По словам Султана, её нашли в миле от Симферополя. Он полагает, что соседний холм – это место, где была третья крепость Скилура. Там есть много очень древних и интересных развалин, которым, однако, русские выказывают немного уважения, употребляя рельефы и камни с надписями для ремонта дорог. Чтобы убедить нас в этом, Султан выехал на участок дороги и, указывая на камни, сказал: “Они лежали там”. Можно ли вообразить что-то более варварское?»¹⁵⁶³

¹⁵⁶¹ *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 51.*

¹⁵⁶² *Lyall R. Travels in Russia... P. 238–239.*

¹⁵⁶³ *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 94.*

Рассказ Уэбстера раскрыл некоторые прежде неизвестные подробности открытия скифской столицы¹⁵⁶⁴. Камни из развалин древнего города использовались российскими властями для дорожного строительства – мощения симферопольских улиц или прокладки шоссе на южный берег Крыма. Как следует из надписи на памятнике строителям, установленном на Ангарском перевале, шоссе строилось в 1824–1826 гг.¹⁵⁶⁵ Его начало проходило под склонами плато, на вершине которого находились развалины городища. Султан-Крым-Гирей, увидев среди строительных материалов греческую надпись и остатки рельефа, опросил рабочих о том, где они взяли эти камни, затем поднялся на холм и отыскал развалины древнего города. Он сопоставил находку со словами античного географа Страбона о том, что на Крымском полуострове «есть также укрепления, который построил Скилур и его сыновья. Эти укрепления – Палакий, Хаб и Неаполь...» (*Strabo Geogr. 7. 4. 7*)¹⁵⁶⁶. Скилур – скифский царь, правивший во второй половине II в. до н. э. Получается, что именно Султан-Крым-Гирей решил, что открытое им городище – это «третья крепость Скилура», Неаполь. Гордившийся своей находкой Султан-Крым-Гирей рассказывал о ней и другим своим знакомым, в частности, Джеймсу Александеру¹⁵⁶⁷.

Из других источников известно, что Султан-Крым-Гирей сообщил о своём открытии директору Одесского городского музея древностей (ныне – Одесский археологический музей Национальной академии наук Украины) Ивану Павловичу Бларамбергу (1772–1831). В Симферополе археологического музея и компетентных специалистов тогда просто не было. В Одесский музей были переданы и первые находки с предполагаемого Неаполя. Бларамберг провёл раскопки скифской столицы и опубликовал их результаты¹⁵⁶⁸. Любопытно, что он

¹⁵⁶⁴ Храпунов Н. И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик...

¹⁵⁶⁵ Ср.: Монтандон Ш. Путеводитель... С. 322, прим. 1.

¹⁵⁶⁶ Страбон. География... С. 285.

¹⁵⁶⁷ Alexander J. E. Travels... Vol. 1, p. 250.

¹⁵⁶⁸ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 537–544; Тункина И. В. Позднескифские памятники Симферополя (открытия на Керменчике в 1784–1831 гг.) и их интерпретация в современной археологии // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева. Курск : Издательство КГМУ, 2014. С. 298–321.

никогда не упоминал имени первооткрывателя памятника. Возможно, дело в ревности учёного мужа к дилетанту, случайно совершившему блестящее открытие¹⁵⁶⁹. Известно, что именно так повёл себя Бларамберг в отношении исследователя керченских древностей Поля дю Брюкса (Павла Александровича Дюбрюкса, 1770–1835). Бларамберг пользовался рукописями дю Брюкса и сделанными им планами археологических объектов, не указывая имени автора¹⁵⁷⁰.

Ещё до знакомства с Султан-Крым-Гиреем Уэбстер побывал в Севастополе, где совершил поездку к развалинам Херсонеса. Как уже говорилось в параграф 2.1, местоположение этого древнего города было забыто после того, как его оставили жители. В XVIII в. Херсонес искали в разных местах, не только в Крыму, но и за его пределами. Лишь после присоединения Крыма Григорий Потёмкин организовал изыскания, доказавшие, что древний город находился на юго-западной оконечности Крыма, близ строившегося Севастополя¹⁵⁷¹. Почти сразу на городище стали искать древние монеты и другие артефакты. Например, по словам Жильбера Ромма, поиск древних монет вёлся по указанию командира черноморской эскадры Фомы Фомича Мекензи (Томаса Маккензи, 1740–1786)¹⁵⁷². О том, что при «раскопках» на развалинах Херсонеса найдено множество древних монет, писал Константин де Людольф¹⁵⁷³. Однако историю научных археологических исследований Херсонесского городища принято начинать с 1827 г., когда по инициативе командира Черноморского флота адмирала Алексея Самуиловича Грейга (1775–1845) были предприняты первые более или менее документированные раскопки под руководством военного инженера Карла Крузе¹⁵⁷⁴.

¹⁵⁶⁹ Храпунов Н. И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик... С. 462; Храпунов Н. И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников... 2020. С. 243.

¹⁵⁷⁰ Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1: Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия, 2014. С. 194.

¹⁵⁷¹ Храпунов Н. И. Как Херсонес стал центром русского православия. С. 322–326; Храпунов Н. И. Византийский Херсон и Екатерина Великая. С. 239–246; Храпунов Н. И. Христианизация Крыма и превращение Херсонеса в православную святыню. С. 305–313.

¹⁵⁷² Ромте Ш.-Г. Voyage en Crimée... Р. 124.

¹⁵⁷³ Людольф [К. де]. Письма о Крыме. С. 157.

¹⁵⁷⁴ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 511–514.

Уэбстер провёл в Херсонесе всего один день. К тому времени раскопки Крузе длились уже около четырёх месяцев¹⁵⁷⁵. Путешественник зафиксировал в дневнике результаты увиденного¹⁵⁷⁶. По его словам, остатки древнего города представляли собой печальное зрелище: «С двух сторон (от города. – *Н. Х.*) находится море, а с двух других фрагменты массивных высоченных стен окружают поле обвалившихся камней, иногда громоздящихся курганами, иногда полускрытых длинной травой и кустами»¹⁵⁷⁷. По мнению путешественника, исследования вряд ли могли отыскать что-то ценное: «поддающиеся обнаружению памятники и остатки едва ли могли вознаградить усилия и затраты по их поиску. Все остатки древнего Херсонеса до крайности разрушены; те из них, что открыты в настоящее время, в основном относятся к средним векам»¹⁵⁷⁸.

Уэбстер внимательно осмотрел панораму городища и описал её в следующих словах. «Рабочие раскапывали развалины, скрывавшие древнюю молельню, но их труды не открыли ничего, кроме немногих плохих ионийских колонн с крестами, вырезанными на стволах и капителях. В центре находится длинная и высокая зелёная насыпь, с которой вид на серые кучи можно обозреть целиком. Стены прослеживаются от моря и до моря, причём некоторые их части имеют высоту от двадцати до двадцати пяти футов. На поворотах имеются следы круглых башен. <...> Имеющиеся в раскопах грубые столбы с крестами и другие остатки такого рода, вероятно, относятся к сравнительно недавнему времени»¹⁵⁷⁹. Из отчёта Крузе известно, что проведённые им работы открыли остатки трёх церквей¹⁵⁸⁰. Они показаны на чертеже, выполненном Захаром Андреевичем Аркасом (1793–1866)¹⁵⁸¹. Современные исследования точно локализовали эти памятники. Уэбстер

¹⁵⁷⁵ Там же. С. 512, прим. 154.

¹⁵⁷⁶ См.: *Храпунов Н. И.* Джеймс Уэбстер и Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе. С. 353–356.

¹⁵⁷⁷ *Webster J. Travels...* Vol. 1. P. 75–76.

¹⁵⁷⁸ *Ibid.* P. 76.

¹⁵⁷⁹ *Ibid.*

¹⁵⁸⁰ *Айналов Д. В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1905. С. 48–51.

¹⁵⁸¹ *Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова... [Рис.] План развалин нового Херсонеса; [Шушкина О. П.] Заметки и воспоминания... [Рис.] План развалин нового Херсонеса.

упомянул «молельню» (*chapel*) и колонны с крестами – это описание более всего соответствует раскопанному Крузе храму, который сейчас известен как «базилика № 17»¹⁵⁸². Он находится центральной части городища, западнее построек бывшего монастыря, ныне музея. Насыпь же, о которой писал путешественник, находилась ещё западнее и до наших дней не сохранилась – вероятно, её уничтожили при строительстве современных артиллерийских батарей. Что это было такое, достоверно не известно¹⁵⁸³. Ну а циклопические крепостные стены Херсонеса, строившиеся в несколько этапов в античную и средневековую эпоху, до сих пор могут осматривать посетители городища.

Выехав из Крыма в Одессу, Уэбстер и его товарищи заехали в Николаев, где осмотрели Черноморское депо карт, «или небольшой музей: один большой торс с ногами, греческой работы; несколько капителей; барельеф; небольшие статуи, головы и пр., а также значительное число медалей (т. е. монет. – *Н.Х.*), обнаруженных или в окрестностях, или в Крыму»¹⁵⁸⁴. В Кабинет редкостей при этом Депо были переданы, в частности, некоторые находки из первых раскопок Херсонеса¹⁵⁸⁵.

Рассуждениям Уэбстера об археологических памятниках свойственен скепсис и рационализм, что отличало их от романтического взгляда большинства современников. Так, путешественник подробно описал скалы Инкермана, в которых имеются десятки искусственных пещер, некогда служивших церквями и монастырскими помещениями. «В Инкермане есть гавань и крутые, белые, мягкие утёсы, в которых высечено множество пещер. Отверстия в передней части скалы на правильном расстоянии друг от друга доказывают, что эти углубления должны быть жилыми помещениями, причём большие использовались для кроватей и пр., а меньшие для прессов, полок, ламп и пр. Кажется, некоторые [конструкции] были отчасти вырублены [в скале] и отчасти достроены – это доказывают отметки балок

¹⁵⁸² Храпунов Н. И. Джеймс Уэбстер и Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе. С. 355–356.

¹⁵⁸³ Там же. С. 356.

¹⁵⁸⁴ *Webster J. Travels...* Vol. 1. P. 99.

¹⁵⁸⁵ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 514.

в скалах, а также то, что в некоторых случаях их снова заселили или перестроили татары. Уже упомянутая молельня расположена примерно в середине ряда пещер; она целиком высечена в скале, вместе с алтарём, полукруглыми скамьями, арками, которые поддерживали столбы (ныне разрушенные), местами для святой воды и маленькой смежной комнатой, которую использовали в качестве ризницы. Над алтарём находится высеченный в скале очень большой трёхфутовый крест»¹⁵⁸⁶.

По современным представлениям, искусственные пещерные сооружения построены, вероятно, в византийское время, в X–XV вв.¹⁵⁸⁷ Однако в конце XVIII – первой половине XIX в. об их создателях строили самые невероятные предположения, считая их то таврами, то готами, то даже доисторическими «пещерными жителями» – троглодитами¹⁵⁸⁸. Уэбстер был далёк от романтических фантазий. Он вспомнил о подобных сооружениях, устроенных в мягких скалах, которые легко поддаются обработке, во Франции и на Мальте, чтобы показать: экзотический облик искусственных пещер не должен вводить в заблуждение. Всему можно отыскать простое, рациональное, обыденное объяснение, далёкое от тайн и мистики. Бедному крестьянину иногда «проще выкопать дом, чем построить его»¹⁵⁸⁹. Пещерные постройки ничуть не более интересны, чем обычные дома. Жили в них обычные люди. «Писатели слишком стремятся воздействовать на воображение своих читателей. Они говорят нам о живших в пещерах людях, которые должны были быть отшельниками, или преследуемыми христианами, или сказочными аборигенами, допотопными дикарями, или героями, греками или римлянами, или ещё кем-то, но только не обычными людьми, которыми двигали обычные мотивы; бедными тружениками, которые, на самом деле, искали ближайшее и простейшее убежище»¹⁵⁹⁰.

¹⁵⁸⁶ Webster J. Travels... Vol. 1. P. 70–71.

¹⁵⁸⁷ Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь : Сонат, 2005. С. 73–88; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Херсон и его округа в конце X–XI вв. «Пещерные города» // Русский исторический сборник. Средневековый Херсон X–XI вв. М. : Киммерийский центр, 2015. С. 450–451.

¹⁵⁸⁸ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Херсон и его округа... С. 434–437.

¹⁵⁸⁹ Webster J. Travels... Vol. 1. P. 72.

¹⁵⁹⁰ Ibid. P. 73.

Крым понравился Уэбстеру больше, чем все остальные регионы Восточной Европы. Уезжая, он сожалел о том, что «эта интересная страна осталась позади уже, наверное, навсегда. Природа её оказалась красивой, а нравы её древних жителей необыкновенными, оправдав наши ожидания. К нам отнеслись с величайшим гостеприимством; теперь же, уезжая навсегда, мы ощутили глубокую грусть при мысли о том, что все пробудившиеся и узнанные недавно добродетели и чувства стали лишь воспоминанием о безвозвратно ушедшем видении»¹⁵⁹¹. Записки Уэбстера нарисовали живую картину «нового мира», непохожего на привычный автору, но имевшего свои достоинства и внутреннюю логику. Ему удалось собрать довольно много любопытных сведений об устройстве экономики и государственного управления, религии и культуре, этнографии и археологических памятниках региона. Путешественник занял позицию христианина-интеллектуала, воспринимавшего жителей Восточной Европы и Крыма благожелательно, но с позиций британского превосходства, как стоявших на более низких ступенях интеллектуального, религиозного и экономического развития.

¹⁵⁹¹ Ibid. P. 98.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование стало первой в историографии попыткой изучения комплекса взглядов англичан на Крым, выработанного в первые десятилетия после присоединения полуострова к России и поставленного в контекст русско-английских политических и культурных взаимоотношений. Проведённый анализ основан на всестороннем рассмотрении нарративных источников (сочинений путешественников) в сравнении с комплексом исторических, археологических, этнографических, юридических материалов, характеризующих различные аспекты жизни Крыма в исследуемое время. Применение общенаучных, специальных исторических, а также имагологических методов и подходов позволило объективно осветить заявленную исследовательскую проблему.

В ходе исследования введены в научный оборот прежде не привлекавшиеся источники, такие как «крымские отрывки» из травелога Уильяма Тука, письма Эдварда Кларка, каталог собрания Ричарда Уэрсли. Важным аспектом работы было установление авторства ряда работ. Так, продемонстрировано, что основным источником сведений о Крыме для Тука, вопреки его заявлению о рассказе «капитана-соотечественника», было сочинение русского путешественника Василия Зуева. Установлено, что автором псевдоэпистолярного травелога, изданного под именем Марии Гатри, был ее супруг, шотландский врач на русской службе Маттью Гатри, почтивший таким образом память умершей жены и подведший итоги своему многолетнему увлечению историей и древностями Северного Причерноморья. Впервые показана связь между видами Крыма из собрания Уэрсли и работами русского художника Михаила Иванова, означающая, что последний либо предоставил англичанину вторые экземпляры своих акварелей, либо позволил скопировать последние. Травелоги Мери Хоулдернесс поставлены в контекст деятельности англиканских миссионеров на территории Крыма и

одновременно – особенностей этнографических представлений, бытовавших в исследуемое время в Западной Европе. В работе широко использованы подготовленные автором исследования и опубликованные в ведущих научных журналах аннотированные переводы «крымских отрывков» травелогов Уильяма Итона, Джона Паркинсона, Уэрсли и Кларка, «крымских писем» последнего, а также переводы сочинений французских (Стивена Греллета / Этьена дю Грелле, Шарля де Бара, Виктора де Карамана) и немецких (Балтазар фон Кампенгаузена, Иогнн-Кристиан фон Струве) путешественников.

На этой основе были решены более общие задачи, в частности, показано влияние индивидуального опыта, образовательного уровня и круга интересов путешественника на качество его травелога. Раскрыты индивидуальные авторские стратегии, с помощью которых авторы стремились вызвать у читателя максимальное доверие и донести до него результаты «вовлеченного наблюдения» над жизнью экзотического региона. Среди них – использование «псевдо-эпистографической» формы изложения; рассуждения с позиции английского превосходства; апелляция к распространенным стереотипам, касающимся иностранцев; обращение к «авторитетам» из числа писателей, философов или древних авторов; применение отсылок к Священному писанию. Анализ особенностей путешествия по Крыму, описанных в неотредактированных дневниках и письмах Реджинальда Хебера и других авторов, раскрыл сложности такой поездки и показал, как медленно и сложно складывался начальный этап превращения Крыма в центр отечественного и международного туризма. Поездку затрудняли отсутствие профессиональных гидов, переводчиков и путеводителей, неразвитость туристической инфраструктуры, дорог и гостиниц, предрассудки местных жителей и злоупотребления отдельных чиновников. Однако подавляющее большинство путешественников оценили природные красоты региона, его богатейшее культурное наследие, возможность этнографических наблюдений за жизнью экзотических народов, исповедовавших непривычные религии, а также перспективы обсуждения будущего страны. Эти факты обусловили привлекательность Крыма и включение его в маршрут западного *Grand Tour*.

Формировавшаяся благодаря путевым запискам сетка крымских достопримечательностей охватывала малую часть полуострова – прежде всего его юго-западный регион (в треугольнике Симферополь – Севастополь – Алушта) и отдельные пункты на востоке полуострова (Судак, Феодосия, Керчь). По принципу *pars pro toto* горная и прибрежная части Крымского полуострова постепенно сформировали в общественном сознании образ Крыма, фактически лишённого степной зоны, в действительности занимавшей три четверти его территории.

Как выяснилось, травелоги зависели от философских, научных и идеологических установок конца эпохи Просвещения и начала периода Романтизма. В частности, эти установки и ориентацию на ценности собственной культуры привели к широкому распространению «дефектов восприятия» («дефектов описания»), например, преувеличению хозяйственно-экономического потенциала региона или рассуждениям о необходимости превращения его в центр международной торговли, используя исторический опыт древних греков или средневековых генуэзцев. На примере крымской колонии Артура Янга-младшего показана пагубность подобных идей. Впервые в историографии были проанализированы политико-экономические проекты путешественников, некоторые из которых призывали к изменению государственного статуса Крыма (Кларк и последователи), другие же предлагали интенсивно развивать локальное хозяйство и торговлю с применением передовых западных технологий, при этом игнорируя отсутствие инфраструктуры, кредита, сложную внешнеполитическую ситуацию в Причерноморье и культурные особенности крымских мусульман (Итон и Гатри).

Культурные установки путешественников и ориентация на труды Монтескье и Руссо побудили их создать убедительный и весьма привлекательный образ «крымского рая», якобы расположенного в живописных районах горного и южнобережного Крыма. Романтики мечтали об уединении в этой стране вдали от соблазнов европейских столиц; практики планировали возделывать ее для извлечения высоких прибылей. Живших в регионе крымских татар путешественники осмыслили как «благородных дикарей», которые, согласно идеологии

Просвещения, не имели ни склонности, ни желания трудиться. Эта вымышленная черта не только игнорировала особенности исламской культуры, но и привела некоторых западных и российских авторов к осуждению «татарской лени» и побудила их выдвинуть проекты по замене населения на «трудолюбивое» для повышения эффективности эксплуатации ресурсов. Последствия этого дискурса на практические действия политиков еще предстоит оценить.

Обращаясь к истории, образованные путешественники были поражены контрастом между не лучшим состоянием региона (как мы знаем сегодня, медленно преодолевавшего последствия кризиса последних лет Крымского ханства и слома цивилизационных основ после присоединения к России) и видимыми следами «былого величия», воплотившимися в памятниках мусульманской и средневековой христианской культур. Это привело, во-первых, к формированию представления о Крыме как регионе на границе двух миров – Запада и Востока, христианства и ислама, «цивилизации» и варварства». Во-вторых, путешественники формируют топоним «золотого века», якобы существовавшего в прошлом, но разрушенного завоевателями. В зависимости от личных политических убеждений, его помещали в эпоху древнегреческих и средневековых готских колоний, а «губителями» объявляли турок и татар (Итон и Гатри), или же в период Крымского ханства, обвинив в последующих бедах Россию (Кларк). Наконец, используя характерную для Запада риторику, утверждавшую, что «местные жители недостойны великих предков», Кларк сформулировал долгоживущее и весьма популярное мнение о том, что памятники крымской археологии (монеты и скульптуру, надписи и рукописи) следует «спасать» от «русских варваров», а именно, вывозить на Запад и пополнять ими собрания государственных и частных музеев европейских стран. Этот дискурс был усвоен представителями других стран и впоследствии не раз актуализировался в моменты конфликтов с Россией. Длительность функционирования ряда выявленных стереотипов, а также их сходство с таковыми, возникшими в европейских описаниях других регионов, от Латинской Америки до Полинезии и от Скандинавии до Египта, в очередной раз свидетельствует о том, что восприятие

иных стран зависело, прежде всего, от культурных установок путешественников и их склонности воспринимать мир сквозь призму собственной культуры.

Поэт Эрон Хилл (1685–1750), «первый английский русофил», в молодости совершивший путешествие в Восточное Средиземноморье, посвятил Петру I поэму (1718), в которой были такие строки: «Британец и русский отличаются лишь по названию, / В смысле природы все народы одинаковы»¹⁵⁹². К сожалению или к счастью, его соотечественники, приехавшие в российский Крым, вряд ли согласились бы с этой мыслью. Всякое путешествие в чужую страну актуализирует проблему Иного, ведь путешественнику предстояла встреча с другими народами и культурами. Не только откровенный русофоб Кларк, но и прекрасно относившийся к России и русским Гатри предпочли выстраивать своеобразную иерархию народов от «варварства» к «цивилизации» – вопрос был лишь в том, кого поместить на этой лестнице выше, а кого ниже. Вершиной её всем англичанам виделась собственная страна.

Можно ли говорить о едином образе Крыма, созданном английскими путешественниками, о разных образах региона, или о своеобразном диалоге этих образов? Проанализированные сочинения принадлежат к разным жанрам; их авторы продемонстрировали разнообразие интересов, а их записки – многоплановость литературных приёмов. Книги Кларка и Гатри вполне можно назвать энциклопедическими сочинениями, авторов которых особенно интересовало прошлое Крыма. Гатри скрыл своё авторство за именем супруги и черпал информацию о полуострове из записок других путешественников – в этом сходство его книги с сочинением Тука, также создавшим вымышленный травелог. У Крейвен и Уэбстера доминировали личные переживания и приключения, а весьма информативный дневник Хебера написан лапидарным стилем. Хендерсона интересовала история и религиозные общины, Хоулдернесс – быт и нравы крымских народов, Итона – вопросы международной политики. В каталоге Уэрсли на первом плане – предметы его коллекции, в том числе живописные виды Крыма,

¹⁵⁹² Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи... С. 88.

а текст имел функциональное назначение, поясняя, что изображено на иллюстрациях. И тем не менее эти разные авторы обсуждали много общих тем и выработали ряд близких стереотипов.

Некоторые травелоги завоевали широкую популярность. Ссылки на книги Гатри и Кларка обнаруживаются в большинстве описаний Крыма, созданных следующим поколением английских, и не только английских путешественников. После окончания Наполеоновских войн английское общественное мнение постепенно проникается русофобией под влиянием растущих политических и экономических противоречий между державами¹⁵⁹³. Закономерным итогом этого неприятия стала Крымская война. Неоднократно переиздававшаяся книга Кларка вполне соответствовало антироссийским настроениям публики. А вот сочинения Хебера и Хоулдернесс, Хендерсона и Уэбстера не были русофобскими. Они показывают, что дискурс не был единым, и что многие из тех, кто узнавал Россию на практике, а не со страниц газет, проявляли здравомыслие, терпимость и готовность с уважением воспринимать чужие культуры.

Созданный англичанами образ Крыма обладал яркими и самобытными чертами, возникшими под влиянием культуры путешествий. Английским путешественникам удалось собрать массу сведений о природе, жителях, истории, культурном наследии и экономике Крыма. Они по-разному оценивали присоединение Крыма к России и предлагали разное видение будущего региона, иногда разрабатывая проекты его экономического развития, иногда предлагая изменить его политический статус. Показательно, что несмотря на разницу авторских задач, политических предпочтений и интеллектуального уровня, образ Крыма во всех английских (и не только английских, но и французских, немецких и русских) травелогах имел ряд схожих черт. К ярчайшим относятся картины «земного рая» в южной части полуострова – на морском берегу или в живописных

¹⁵⁹³ Gleason J. H. *The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion.* Cambridge (Mass.) : Harvard University Press ; London : Geoffrey Cumberledge ; Oxford University Press, 1950. 314 p.; Malia M. *Russia under Western Eyes from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum.* Cambridge (Mass.) ; London : Belknap Press of Harvard University Press, 1999. P. 87–159.

горных долинах, населённого «благородными дикарями», они же «татарские ленивцы», не имевшими ни способностей, ни желания трудиться, но зато отличавшихся гостеприимством и добрым нравом. Вероятно, благодаря аналогии с райским садом некоторые путешественники стали ассоциировать Крым с библейскими сценами. Другие «увидели» в древних сооружениях из искусственных пещер с высеченными в скале кольцами убежища людей, переживших всемирный потоп. Парадоксальным образом, представление о «земном рае» сочеталось с пониманием того, что в Крыму распространены опасные насекомые и экзотические болезни. Местные жители не имели лекарств, не желали лечиться или делать прививки, полагаясь на божью волю. Путешественники с интересом описывали живших в Тавриде представителей «экзотических» народов, позволявших порассуждать о «странностях» других культур. В роли «Иного» могли выступать русские или татары, караимы или греки, армяне или болгары, причём все они имели нравы, суеверия и обычаи, казавшиеся странными или нелепыми. Увлечённые классической античностью знали о богатой истории Крыма в греко-римское время. Правда, из-за небольшого количества соответствующих материальных остатков (археологические раскопки крымских памятников ещё не начались) приходилось давать волю фантазии, «отыскивая» на крымской земле храмы и гробницы из греческих мифов, или же связывая с классическим наследием мусульманские здания и караимские одежды. Не мудрено, что современные народы Крыма нередко отождествляли с древними скифами или меланхленами. В античной и средневековой истории путешественники искали вдохновение и аргументацию для глобальных экономических проектов или использовали её для реализации своих научных амбиций. Современный Крым казался им частью манящего и экзотичного Востока, будто сошедшей со страниц «Книги тысячи и одной ночи» или с оперной сцены, где имелся удивительный ханский дворец и необыкновенные мечети, воюющие дервиши и татарские дамы, заточённые в гаремах ревнивыми мужьями. А рядом с этими романтичными видами находились узкие, кривые, покрытые грязью улицы с глухими стенами домов. Но показательно и то, чего путешественники в Крыму не увидели. В их

записках нет традиционных для рассказов о Востоке стереотипов «восточной роскоши» и «восточного красноречия», «восточной мудрости» и «восточного этикета». Видимо, это свидетельствует об определенной специфике образа Крыма.

Записки путешественников способствовали формированию туристических маршрутов. Нетрудно заметить, что, как правило, их авторы описывали одни и те же достопримечательности – природные и археологические памятники. Их большинство находилось в юго-западном Крыму и на южном берегу, то есть в местах, которые одновременно сравнивали с природным раем. Данный субрегион и стал ассоциироваться с Крымом в общественном сознании. Это неудивительно: исследования того, как формировались образы других стран, показали, что травелоги Нового времени через повторение одних и тех же фактов, оценок и интерпретаций утверждали в сознании читателей определённые представления о дальних землях¹⁵⁹⁴.

Сходство идей и интерпретаций у путешественников, обладавших разным интеллектуальным багажом и разными интересами, можно, конечно, объяснить как результат консерватизма литературы путешествий и заимствований друг у друга. Несомненно, случаи заимствования были, и некоторые из них выявлены и продемонстрированы в данном исследовании. Но имеются и многочисленные параллели «крымским топосам» в других регионах. Например, как не раз говорилось выше, земной рай европейцы традиционно искали в странах «на краю Земли» (или, по крайней мере, «на окраине цивилизации») – в Амазонии и на островах Тихого океана, в Норвегии, Греции и даже Малороссии. Не трудно будет отыскать и параллели стереотипу о восточной лени или описанию религиозного обряда как эстетически неприятных кривляний в травелогах, повествующих о мусульманских странах, в частности, Турции или Египте. Ну а грязь, антисанитария и экзотические болезни выступали в качестве маркера «Иного» во множестве стран. Таким образом, подобные параллели были, вероятно, результатом сходных приёмов мышления, способов осмысления наблюдаемых

¹⁵⁹⁴ Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев : Laurus, 2012. С. 66–68.

феноменов, заданных культурой западного Просвещения. Стереотипы и фобии, поспешные суждения и пристрастные оценки, романтические восторги и забавные ошибки, далеко идущие планы и прожекты политического переустройства региона, выработанные путешественниками, нередко больше говорят о них самих, чем о реальном положении дел в Крыму.

В предисловии к «Портрету Дориана Грея» Оскар Уайльд сформулировал знаменитый афоризм об искусстве, которое отражает того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь¹⁵⁹⁵. Записки путешественников вряд ли можно отнести к искусству в том высоком смысле, который вкладывал в это понятие классик. Но его афоризм, как представляется, можно, слегка изменив, обратить на авторов большинства путевых записок: для них чужая страна зачастую оказывалась тем зеркалом, в котором они видели собственное отражение.

Таким образом, проведенное исследование стало вкладом в динамично развивающуюся во всем мире область междисциплинарных исследований – историческую имагологию. Впервые заявленная тема стала предметом комплексного исследования, проведенного с использованием инструментария разнообразных гуманитарных дисциплин. На примере отдельного региона проанализирован сложный, разнонаправленный процесс формирования ментальных карт и стереотипных представлений жителей Западной Европы о «Востоке» и о России. В историографии известен ряд обобщающих работ, реконструирующих формирование образов отдельных регионов (например, Восточной Европы в целом, а также Греции, Балкан, Турции, Украины и др.) в культуре Запада – теперь к ним добавлено исследование образа Крыма в английской культуре. На ряде примерах показано значение перекрестного анализа известий тревелогов и локального контекста: конкретно-исторических, этнографических, географических особенностей региона, установленных анализом других источников. Данный подход практически игнорируется западной историографией (в отличие от отечественной исследовательской традиции), но

¹⁵⁹⁵ Wilde O. The Picture of Dorian Gray. San Diego (Calif.) : ICON Group, 2005. P. 3.

наше исследование показало его обоснованность для выявления особенностей создания того или иного источника, специфики авторского восприятия, формирования стереотипов и заблуждений. Следовательно, использование наработанного инструментария позволит значительно продвинуть изучение травелогов в целом. Найденные многочисленные параллели со стереотипами западного восприятия окраинных территорий от Норвегии до Средиземноморья и от Латинской Америки до Юго-Восточной Азии дает коллегам, изучающим образы этих и других регионов, материалы для сравнительного анализа, а также для изучения шаблонов мышления представителей «западной» культуры эпохи Просвещения и Романтизма. Выявлен ряд стереотипов о России, русских, а также крымских татарах, до сих пор оказывающих существенное влияние на общественное мнение Запада, особенно в периоды обострения международной обстановки; показан искусственный, субъективный характер этих стереотипов, что позволит в будущем эффективно развенчивать их в разноуровневых дискуссиях. Дополнена история англо-русских культурных связей, ныне изучаемых отечественными и английскими коллегами, а также представлены материалы для изучения творческой биографии видных деятелей английской культуры (Кларка и Хебера) и выдающегося деятеля английской церкви (Хендерсона). Реализованное диссертационное исследование создает предпосылки для новых научных штудий в области имагологии, межкультурной коммуникации, международной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авсенева, С. Н. Керчь, ее округа и достопримечательности в сочинениях путешественников конца XVIII – первой половины XIX века / С. Н. Авсенева. – Барнаул : Си пресс, 2015. – 299 с.
2. Ададуrow, В. В. «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття / В. В. Ададуrow. – Львів : Видавництво Українського католицького університету, 2007. – 560 с.
3. Ададуrow, В. В. Война цивилизаций. Социокультурная история русского похода Наполеона. Т. 1 / В. В. Ададуrow. – Киев : Laugus, 2017. – 400 с.
4. Азадовский, М. К. История русской фольклористики / М. К. Азадовский. – М. : Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.
5. Айбабин, А. И. Крымские готы страны Дори / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь : Антиква, 2017. – 368 с.
6. Айбабин, А. И. Изучение центральной части города на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин // Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. 1 : Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / под ред. А. И. Айбабина, Э. А. Хайрединовой. – Симферополь : Антиква, 2021. – С. 5–25.
7. Айналов, Д. В. Развалины храмов / Д. В. Айналов // Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1. – М. : Типография А. И. Мамонтова, 1905. – 143 с.
8. Акройд, П. Лондон. Биография / П. Акройд ; пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылёва. – М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2005. – 896 с.
9. Акройд, П. История Англии. Революция: от битвы на реке Бойн до Ватерлоо / П. Акройд ; пер. с англ. Н. В. Никитиной. – М. : Колибри, 2021. – 576 с.

10. Александер, Дж. Россия глазами иностранца / Дж. Александер ; пер. с англ. А. Базилевича. – М. : Аграф, 2008. – 304 с.
11. Александрова, Н. Жан Балтазар де ла Траверс. «Путешествующий по России живописец» / Н. Александрова. – М. : Жираф, 2000. – 128 с.
12. Алексеев, М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) / М. П. Алексеев. – М.: Наука, 1982. – 863 с.
13. Альгаротти, Ф. Русские путешествия. Письма о России / Ф. Альгаротти ; пер. с ит. М. Г. Талалая. – СПб. : Крига, 2006. – 176 с.
14. Альгаротти, Ф. Путешествие в Россию / Ф. Альгаротти ; пер. с ит. В. В. Зельченко. – СПб. : Наука, 2014. – 400 с.
15. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В.Г. Николаева. – М. : Кучково поле, 2016. – 416 с.
16. Анохин, В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.) / В. А. Анохин. – Киев : Наукова думка, 1977. – 174 с.
17. Аркас, З. [А.] Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса / З. А. Аркас. – Николаев : Типография М. В. Рюмина, 1879. – 29 с.
18. Байрон, Дж. Г. Сочинения в трёх томах / Дж. Г. Байрон ; пер. с англ.. Т. 1. – М. : Художественная литература, 1974. – 461 с.
19. Балакин, А. Ю. «Полицейское послание яко материал» : (к творческой истории «Бахчисарайского фонтана») / А. Ю. Балакин, А. С. Бодрова // Временник Пушкинской комиссии. – 2013. – № 31. – С. 5–16.
20. Б[аранов], Д. Отрывок из путешествия по Крыму. Письмо XVIII / Д. Баранов // Сын Отечества. – 1817. – № 8. – С. 41–51.
21. Барт, Р. Избранные работы: семиотика, поэтика / Р. Барт ; пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
22. Бассин, М. Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства / М. Бассин ; пер. с англ. О. Леонтьевой // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет :

- Антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 277–310.
23. Баталден, С. Мусульманский и еврейский вопросы в России эпохи Александра I глазами шотландского библеиста и путешественника / С. Баталден // ВИ. – 2004. – № 5. – С. 46–63.
24. Батунский, М. Ислам и русская культура XVIII века. Опыт историко-эпистемологического исследования / М. Батунский // *Cahiers du monde russe et soviétique*. – 1986. – Vol. 27. – No. 1. – P. 45–69.
25. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений : В 13 т. / редкол. : Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 12 : Письма. 1841–1848 / подгот. текста и примеч. К. П. Богаевский ; ред. Ю. Г. Оксман. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 595 с.
26. Бенкендорф, А. Х. Воспоминания 1802–1837 / А. Х. Бенкендорф ; пер. с фр. О. В. Маринина. – М. : Российский фонд культуры, 2012. – 761 с.
27. Бернштейн, Р. Восток, Запад и секс. История опасных связей / Р. Бернштейн ; пер. с англ. Т. Азаркович. М. : АСТ, 2015. 448 с.
28. Бертье-Делагард, А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма / А. Л. Бертье-Делагард // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 166–279.
29. Бертье-Делагард, А. Л. К истории христианства в Крыму / А. Л. Бертье-Делагард // ЗООИД. – 1910. – Т. 28. – С. 1–108.
30. Бертье-Делагард А. Л. Память о Пушкине в Гурзуфе / А. Л. Бертье-Делагард. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1913. – 79 с.
31. Бессарабова, Н. В. Путешествия Екатерины Великой по России: от Ярославля до Крыма / Н. В. Бессарабова. – М. : Эксмо, 2014. – 352 с.
32. Бобровников, В. Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида / В. Бобровников // АИ. – 2008. – № 2. – С. 325–344.
33. Богданов, К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов / К. А. Богданов. – М. : НЛЮ, 2006. – 352 с.

34. Болотина, Н. Ю. Документы Российского государственного архива древних актов о жизни и деятельности Евгения Вулгариса в России / Н. Ю. Болотина // Вестник архивиста. – 2007. – № 3. – С. 35–48.
35. Болотина, Н. Ю. Греческий просветитель Е. Вулгарис при дворе Екатерины II / Н. Ю. Болотина // Е. Р. Дашкова и представители века Просвещения / отв. ред. Л. В. Тычинина. – М. : МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2008. – С. 96–110.
36. Болотина, Н. Ю. Деятельность Г. А. Потемкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России / Н. Ю. Болотина. – М. : Изд-во РАГС, 2010. – 140 с.
37. Борисов, Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья / Н. С. Борисов. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 440 с.
38. Брагина, Т. А. Путешествие по дворянским имениям Крыма: краткий исторический путеводитель / Т. А. Брагина, Н. В. Васильева. – Симферополь : Доля, 2005. – 256 с.
39. Брикнер, А. [Г.] История Екатерины Второй / А. Г. Брикнер. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1885. – 801 с.
40. Бродский, И. [А.] Сочинения : в 7 т. Т. 7 / И. А. Бродский ; под ред. Я. А. Гордина. – СПб. : [б. и.], 2001. – 344 с.
41. Броневский, В. [Б.] Обзор южного берега Тавриды в 1815 г. / В. Б. Броневский. – Тула : Типография губернского правления, 1822. – 192 с.
42. Бронштейн, А. И. Трансформация легенды Фонтана слез / А. И. Бронштейн // БИАС. – 1997. – Вып. 1. – С. 475–486.
43. Бэкон, Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / Ф. Бэкон ; пер. с англ. З. Е. Александровой. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. – 243 с.
44. Васильев, А. Д. «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.) / А. Д. Васильев. – М. : Пробел-2000, 2014. – 356 с.
45. Вебстер, Дж. Путешествие по Крыму, Турции и Египту (Лондон, 1830. Отрывок) / Дж. Вебстер ; пер. с англ. О.Н. Герардини // Воронцовы и русское

- дворянство между Западом и Востоком. – Симферополь : Н. Орианда, 2012. – С. 399–410.
46. Вернадский, Г. В. Записки о необходимости присоединения Крыма к России (из Тавельского архива В. С. Попова) / Г. В. Вернадский // ИТУАК. – 1919. – № 56. – С. 111–126.
47. Верне, О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга, 1842–1843 / О. Верне ; пер. с фр. Д. Васильева. – М. : РОССПЭН, 2008. – 175 с.
48. [Вигель, Ф. Ф.] Воспоминания Ф. Ф. Вигеля. Ч. 7 / Ф. Ф. Вигель. – М. : Университетская тип., 1865. – 148 с.
49. Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова (к 270-летию со дня рождения художника) / сост. М. Р. Мальгина. – Симферополь : Н. Орианда, 2017. – 132 с.
50. Виноградов, Ю. А. Золотой курган (Алтын-Оба) / Ю. А. Виноградов // БИ. – 2007. – Вып. 17. – С. 5–20.
51. Вишленкова, Е. А. Религиозная политика в России (первая четверть XIX в.). Дисс... д-ра ист. наук / Е. А. Вишленкова. – Казань : Казанский гос. ун-т, 1998. – 466 с.
52. Вишленкова, Е. [А.] Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому» / Е. А. Вишленкова. – М. : НЛЮ, 2011. – 384 с.
53. Водарский, Я. Е. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение, этнический состав) / Я. Е. Водарский, О. И. Елисеева, В. М. Кабузан. – М. : ИРИ РАН, 2003. – 159 с.
54. Возгрин, В. Е. История крымских татар : в 4 т. Т. 2. 3-е изд. / В. Е. Возгрин. – Симферополь : Тезис, 2013. – 940 с.
55. Вольтер. Избранные произведения / Вольтер ; пер. с франц. – М. : Гос. изд-во художественной лит-ры, 1947. – 641 с.
56. Восстание декабристов. Документы. Т. 17: Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии / под ред. М. В. Нечкиной. – [М.:] Наука, 1980. – 294 с.
57. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф ; пер. с англ. И. И. Федюкина. – М. : НЛЮ, 2003. – 560 с.

58. [Габлиц, К. И.] Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы / К. И. Габлиц. – СПб. : Имп. тип. у Ивана Вейтбрехта, 1785. – 198 с.
59. [Габлиц, К. И.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних времен писателей, с тремя картами / К. И. Габлиц. – СПб. : Тип. Гос. медицинской коллегии, 1803. – 52 с.
60. Гаврилов, А. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым) / А. В. Гаврилов, В. В. Майко. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. – 212 с.
61. Гардзонио, С. Образ Российской империи в итальянской поэзии конца XVIII – начала XIX в. / С. Гардзонио // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / под ред. Б. Гаспарова, Е. Евтухова, А. Осповата, М. фон Хагена. – М. : ОГИ, 1997. – С. 106–116.
62. Гваньїні, О. Хроніка Хроніка європейської Сарматії / О. Гваньїні ; пер. з пол. Ю. А. Мицика. – Київ : Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – 1004 с.
63. Гейслер, Х. Г. Г. Быт и нравы русского народа на рубеже XVIII–XIX веков / Х. Г. Г. Гейслер ; пер. с нем. В. В. Акунова, М. Д. Булычевой, Т. А. Граблевской. – М. : Кучково поле, 2015. – 384 с.
64. Гендерсон, Э. Библейские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи / Э. Гендерсон ; пер. с англ. В. Л. Вихновича, А. А. Алексеева. – СПб. : Российское библейское общество, 2006. – 349 с.
65. Герардини, О. Н. Описание Судака в записках Гутри М. (перевод писем) / О. Герардини // Материалы II научной конференции «Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и этнологии Юго-Восточного Крыма. – Новый Свет : Афинеон, 2009. – С. 116–120.

66. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества. 2-е изд. / И. Г. Гердер ; пер. с нем. А. В. Михайлова. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 760 с.
67. Геродот. История в девяти книгах / Геродот ; пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. – Л. : Наука, 1972. – 599 с.
68. Герцен, А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.). / А. Г. Герцен // БИАС. – 2006. – Вып. 3. – С. 212–256.
69. Герцен, А. Г. Херсон и его округа в конце X–XI вв. «Пещерные города» / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Русский исторический сборник : Средневековый Херсон X–XI вв. – М. : Киммерийский центр, 2015. – С. 433–481.
70. Герцен, А. Г. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Исследование. Путеводитель. Альбом / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Антиква, 2016. – 312 с.
71. Гибаль, П. Обзорение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибаля, 1818–1819 / П. Гибаль ; пер. с франц. Т. П. Петерс. – М. : Русский Мирь, 2017. – 416 с.
72. Гладышев, А. В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов / А. В. Гладышев. – М. : РОССПЭН, 2019. – 407 с.
73. Гладышев, А. В. Мушка в паутине. Мир глазами французской феминистки XIX века / А. В. Гладышев. – М. : РОССПЭН, 2021. – 175 с.
74. Годжи, Д. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро / Л. Годжи ; пер. В. А. Мильчиной // Европейское просвещение и цивилизация России / отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. – М. : Наука, 2004. – С. 212–237.
75. Гончарова, Н. Н. Е. М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века / Н. Н. Гончарова. – М. : Искусство, 1987. – 381 с.
76. Гончарук, Т. Спроби впровадження порто-франко на Кримському півострові наприкінці XVIII – у першій половині XIX ст. в контексті боротьби за «вільну торгівлю» міст південної України / Гончарук Т. // Крим від античності до

- сьогодення : Історичні студії / відп. ред. В. Смолій. – Київ : Інститут історії України НАН України, 2014. – С. 334–346.
77. Грибоедов, А. С. Полное собрание сочинений : В 3 т. Т. 2 / А. С. Грибоедов ; гл. ред. С. А. Фомичев. – СПб. : Нотабене, 1999. – 617 с.
78. Грибоедов, А. С. Полное собрание сочинений : В 3 т. Т. 3 / А. С. Грибоедов ; гл. ред. С. А. Фомичев. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 686 с.
79. Григорьев, А. А. Философская тематизация концепта «путешествие» / А. А. Григорьев // Золотой век Grand Tour : Путешествие как феномен культуры / сост., ред. В. П. Шестакова. – СПб. : Алетейя, 2012. – С. 275–282.
80. Григорьев, С. И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А. В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779) / С. И. Григорьев. – СПб. : Гос. мемориальный музей А. В. Суворова, 2015. – 552 с.
81. Гриффитс, Д. Екатерина II и ее мир : Статьи разных лет / Д. Гриффитс ; пер. с англ. Е. Леменовой, А. Митрофанова. – М.: НЛЮ, 2013. – 536 с.
82. Гуминский, В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте / В. М. Гуминский. – М. : Институт мировой литературы Российской академии наук, 2017. – 608 с.
83. Данилевский, Р. Ю. Россия и Швейцария : Литературные связи XVIII–XIX вв. / Р. Ю. Данилевский. – Л. : Наука, 1984. – 273 с.
84. Деремедведь, Е. Н. Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 43. – С. 163–169.
85. Деремедведь, Е. Н. Крымская Ривьера : Авантюрные приключения англичанок в Тавриде / Е. Н. Деремедведь. – Симферополь : СОНАТ, 2008. – 208 с.
86. Диодор. Историческая библиотека : Греческая мифология / Диодор ; пер. с др.-гр. О. П. Цыбенко. – М. : Лабиринт, 2000. – 224 с.
87. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // СИРИО. – 1876. – Т. 19. – С. 1–547.
88. Донесение Следственной Комиссии. – СПб. : Военная тип. Главного штаба Его Императорского Величества, [1826]. – 95 с.

89. Дружинина, Е. И. Кючук-кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение) / Е. И. Дружинина. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 366 с.
90. Дружинина, Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. / Е. И. Дружинина. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 280 с.
91. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни : Тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм ; пер. с франц. А. Аполлонова, Т. Котельниковой. М. : Дело, 2018. 736 с.
92. Евгений [Болховитинов], митрополит. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших о России : в 2 т. Т. 1 / Митрополит Евгений Болховитинов. – М. : Москвитянин, 1845. – 328 с.
93. Европейская дипломатия и международные процессы эпохи Наполеоновских войн / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 256 с.
94. Езерник, Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников / Б. Езерник ; пер. со словен. Л. А. Кириллиной. – М. : Лингвистика, 2017. – 358 с.
95. [Екатерина II] Переписка российской императрицы Екатерины Второй с г. Вольтером с 1765 до 1778 года : в 2 ч. Ч. 1 / Екатерина II, Вольтер ; пер. с фр. М. Антоновского. – СПб. : Имп. академия наук, 1802. – 245 с.
96. [Екатерина II] Переписка российской императрицы Екатерины Второй с г. Вольтером с 1765 до 1778 года: В 2 ч. Ч. 2 / Екатерина II, Вольтер ; пер. с фр. М. Антоновского. – СПб. : Имп. академия наук, 1802. – 218 с.
97. [Екатерина II] Собственноручные записки великой княгини Екатерины Алексеевны / Екатерина II // СИРИО. – 1871. – Т. 7. – С. 92–101.
98. [Екатерина II] Письма Екатерины Второй к барону Гримму / Екатерина II // РА. – 1878. – Кн. 3. – Вып. 10. – С. 135–240.
99. [Екатерина II] Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) / Екатерина II // СИРИО. – 1878. – Т. 23. – С. 1–734.
100. Екатерина II. Личная переписка, 1769–1791 / Екатерина II, Г. А. Потемкин ; подгот. В. С. Лопатина. – М.: Наука, 1997. – 989 с.

101. Елисеева, О. И. Граница России – Черное море : Геополитические проекты Григория Потемкина / О. И. Елисеева. – М. : Эксмо ; Яуза, 2017. – 384 с.
102. Ена В. Г. Открыватели земли крымской : Очерки 2500-летней истории изучения природы Тавриды / В. Г. Ена, Ал. В. Ена, Ан. В. Ена. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2007. – 520 с.
103. Ерофеев, Н. А. Туманный Альбион : Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. / Н. А. Ерофеев. – М. : Наука, 1982. – 318 с.
104. Заборов, П. Р. Из эпистолярного наследия Луи-Филиппа де Сегюра: пять писем к Г. А. Потемкину / П. Р. Заборов // Дипломаты – писатели ; писатели – дипломаты / сост. В. Е. Багно. – СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга, 2001. – С. 102–126.
105. Заиченко, О. В. Европа или Азия: образ России в процессе формирования национальной идентичности у немцев (1830–1853 гг.) / О. В. Заиченко // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 2006. – М. : Наука, 2007. – С. 92–110.
106. Зайцев, И. [В.] Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве (XIV–XVIII вв.) / И. В. Зайцев // *Orientalistica Iuvenile* : Сб. статей аспирантов и молодых сотрудников ИВ РАН. Вып. 2. – М. : ИВ РАН, 2001. – С. 100–137.
107. Зайцев, И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков : Пути развития : Рукописи, тексты и источники / И. В. Зайцев. – М. : Восточная литература, 2009. – 304 с.
108. Зайцев, Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.) / Ю. П. Зайцев. – Симферополь : Универсум, 2003. – 212 с.
109. Зверев, С. В. Херсоно-византийские монеты в истории поиска в начале XIX в. древнейших русских монет / С. В. Зверев // VIII международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка» : Материалы научной конференции / сост. Н. А. Алексеенко. – Симферополь : Ариал, 2021. – С. 105–110.
110. Зедгенидзе, А. А. О начале исследования Херсонеса Таврического / А. А. Зедгенидзе // Вестник древней истории. – 2014. – № 2. – С. 151–162.

111. Зелић, Г. Житіє сирѣчь рождениє, воспитаніє, странствованія, и разлчина по свѣту и у отечеству приключенія и страданія / Г. Зелић. – Будим : Писмены Крал. Університета Унгарскаго, 1823. – 643 с.
112. Земсков, В. Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты / В. Б. Земсков. – М. : Гнозис, 2015. – 343 с.
113. Зорин, А. [Л.] Крым в истории русского самосознания / А. Л. Зорин // НЛО. – 1998. – № 31. – С. 123–143.
114. Зорин, А. [Л.] Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А. Л. Зорин. – М. : НЛО, 2004. – 416 с.
115. Зубарь, В. М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги изучения / В. М. Зубарь. – Киев : Стилос, 2007. – 318 с.
116. [Зуев, В. Ф.] Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года / В. Ф. Зуев // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. [Ч. 5] – СПб. : Императорская академия наук, 1790. – С. 265–303.
117. Ибнеева, Г. В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства / Г. В. Ибнеева. – Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та, 2006. – 254 с.
118. Ибрагимова, А. М. Бахчисарайский ханский дворец : XVI–XVIII вв. – Киев : Олег Філюк, 2015. – 360 с.
119. Иванчик, А. И. Накануне колонизации : Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: Фольклор, литература и история / А. И. Иванчик. – М. ; Берлин : Палеограф, 2005. – 312 с.
120. История внешней политики России : Первая половина XIX века / отв. ред. О. В. Орлик. – М. : Международные отношения, 1999. – 448 с.
121. [Итон, У.] О характере русских / У. Итон ; пер. с англ. Сп. Д[е]ст[у]н[иса] // Сын Отечества. – 1814. – № 14. – С. 41–51; № 15. – С. 103–108.

122. [Итон, У.] О характере и положении нынешних греков / У. Итон ; пер. с англ. С[п]. Д[естуниса] // Сын Отечества. – 1815. – № 4. – С. 140–150; № 7. – С. 17–25.
123. Йобст, К. Крым как российское *lieu de mémoire* : Истоки в XIX в. / К. Йобст // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века) : Доклады международного коллоквиума. – СПб. : Европейский дом, 2007. – С. 88–93.
124. Казначеев, А. И. Партикулярные письма графу М. С. Воронцову, 1828–1837 гг. / А. И. Казначеев ; сост. А. К. Афанасьев. – М. : Новый хронограф, 2015. – 280 с.
125. Калашников, В. М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия) / В. М. Калашников. – Днепропетровск : [б. и.], 2013. – 349 с.
126. Камер-фурьерский церемониальный журнал : 1787 года. – СПб. : [б. и.], 1886. – 1012 с.
127. Капарулина, О. А. Художник-академик при светлейшем князе. Путевые альбомы М.М. Иванова в собрании Русского музея / О. А. Капарулина // Наше наследие. – 2008. – № 86. – С. 126–135.
128. Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин ; подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. – Л. : Наука, 1984. – 716 с.
129. Карамзин, Н. М. История государства российского : В 12 т. Т. 1 / Н. М. Карамзин ; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М. : Наука, 1989. – 643 с.
130. Кардини, Ф. Европа и ислам. История непонимания. 2-е изд. / Ф. Кардини ; пер. с ит. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. – СПб. : Alexandria, 2016. – 326 с.
131. Каррер д'Анкосс, Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / Э. Каррер д'Анкосс ; пер. с франц. О. А. Павловской. – М. : Олма-Пресс, 2005. – 463 с.

132. Каушлиев, Г. С. Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма (конец XVIII – начало XIX века) / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского : Серия «Исторические науки». – 2010. – Т. 23. – № 1. – С. 100–113.
133. Качарава, Д. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник / Д. Качарава, Г. Квирквелия. – Тбилиси : Мецниереба, 1991. – 655 с.
134. Кёппен, П. [И.] Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор таврических / П. И. Кёппен. – СПб. : Имп. академия наук, 1837. – 409 с.
135. Кизилов, М. Б. Крымская Иудея : Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней / М. Б. Кизилов. – Симферополь : Доля, 2011. – 336 с.
136. Кизилов, М. Б. Крымская Готия : История и судьба. / М. Б. Кизилов. – Симферополь : Наследие тысячелетий, 2015. – 352 с.
137. Кинан, П. Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761 / П. Кинан ; пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. – М. : НЛО, 2020. – 320 с.
138. Кирилко, В. П. Памятники армянской архитектуры Солхата / В. П. Кирилко // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. – Симферополь : Феникс, 2008. – С. 37–43.
139. Кларк, М. Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / М. Е.-Д. Кларк ; пер. с франц. Н. Иванкевич, Н. Бусаревой // Археология и история Боспора. Вып. 3 / ред.-сост. Н. Ф. Федосеев. – Керчь : [б. и.], 1999. – С. 11–38.
140. [Клееман, Н.-Э.] Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым / Н.-Э. Клееман ; пер. с нем. И. Одинцова. – СПб. : Государственная военная коллегия, 1783. – 250 с.
141. Клейн, Л. С. История российской археологии : Учения, школы и личности. Т. 1 : Общий обзор и дореволюционное время / Л. С. Клейн. – СПб. : Евразия, 2014. – 704 с.

142. Ключевский В. [О.] Сказания иностранцев о Московском государстве / В. О. Ключевский. – М. : Университетская типография (Катков и К^о), 1866. – 264 с.
143. Козлов, С. А. Русские люди об англичанах в XIX – начале XX в. / С. А. Козлов. – М. : Новый хронограф, 2015. – 240 с.
144. Колесникова, Н. Забытое свидетельство о Крыме : Путешествие Роберта Лайелла. Год 1822-й / Н. Колесникова, О. Колесникова // Крымский альбом 2002 / сост. Д. Лосева. – Феодосия; М. : Коктебель, 2003. – С. 8–17.
145. Колупаев, Д. В. Путешествие леди Кревен. Из истории международного шпионажа в Крыму / Д. В. Колупаев // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1994. – № 6. – С. 80–82.
146. Кондараки, В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 1 / В. Х. Кондараки. – Николаев : Тип. В. М. Краевского, 1873. – 253 с.
147. Конкин, Д. В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в. / Д. В. Конкин // МАИЭТ. – 2007. – Вып. 13. – С. 483–501.
148. Конкин, Д. В. Оценки экономического потенциала Крыма в трудах ученых-путешественников: «дефект описания» и его практические последствия / Д. В. Конкин // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. – Севастополь : Альбатрос, 2017. – С. 37–56.
149. Конкин, Д. В. Налогообложение мусульман Крыма: традиции и новации / Д. В. Конкин // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. – Севастополь : Альбатрос, 2017. – С. 189–203.
150. Конкин, Д. В. Исламские формы земельных отношений в Крыму в новых условиях: вакуфный вопрос / Д. В. Конкин // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. – Севастополь : Альбатрос, 2017. – С. 205–229.

151. Конкин, Д. В. Переселенческая политика и хозяйственные проекты в Крыму / Д. В. Конкин // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. – Севастополь : Альбатрос, 2017. – С. 231–243.
152. Конкин, Д. В. Экономические «открытия» академика П.С. Палласа в Крыму: «дефект описания» / Д. В. Конкин // МАИЭТ. – 2017. – Вып. 22. – С. 448–456.
153. Конкин, Д. В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная и торговая практика в Крыму в первые десятилетия после присоединения к Российской империи / Д. В. Конкин // БИ. – 2018. – Вып. 37. – С. 166–186.
154. Конкин, Д. В. Российские помещики в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): новые люди со старыми взглядами / Д. В. Конкин // МАИЭТ. – 2018. – Вып. 23. – С. 756–768.
155. Конкин, Д. В. Французский след в региональной политике / Д. В. Конкин // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. – С. 77–96.
156. Конкин, Д. В. Землеустроительные комиссии / Д. В. Конкин // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. – С. 121–163.
157. Конрад, Дж. Сердце тьмы и другие повести / Дж. Конрад ; пер. с англ. А. Кривцовой, М. Богословской. – СПб. : Азбука, 2018. – 416 с.
158. Корнелий Тацит. Сочинения : В 2 т. [в 1 кн.]. 2-е изд. / пер. с лат. – СПб. : Наука, 1993. – 736 с.
159. Королева, С. Б. Миф о России в британской культуре / С. Б. Королева. – М. : Флинта, 2021. – 384 с.
160. [Коховский, В. В.] Письма правителя Таврической области В. В. Коховского правителю канцелярии В. С. Попову для доклада Е. С. князю Г. А. Потемкину-Таврическому / В. В. Коховский // ЗООИД. – 1877. – Т. 10. – С. 235–361.
161. [Коховский, М. В.] Донесение генерала М. В. Коховского для доклада князю Г. А. Потемкину-Таврическому / М. В. Коховский // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 268.

162. Кошелев, В. А. Таврическая мифология Пушкина : Литературно-исторические очерки / В. А. Кошелев. – Великий Новгород ; Симферополь ; Нижний Новгород : Растр, 2017. – 303 с.
163. Краснолуцкий, А. Ю. Южный берег Крыма : История имений и дач с 1783 по 1920 год / А. Ю. Краснолуцкий. – СПб. : Крига, 2020. – 1112 с.
164. [Крейвен, Э.] Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году милади Кравен / Э. Крейвен ; пер. с франц. Д. Рунича. – М. : Университетская тип. у Ридигера и Клаудия, 1795. – 524 с.
165. Кросс, А. Г. «Замечания» сэра Джона Синклера о России / А. Г. Кросс ; пер. с англ. Н. И. Серман // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. – Л. : Наука, 1975. – С. 160–168.
166. Кросс, Э. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / Э. Кросс ; пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. – СПб. : Гуманитарное агентство; Академический проект, 1996. – 387 с.
167. Кросс, Э. Британцы в Петербурге : XVIII век / Э. Кросс ; пер. с англ. Н. Г. Беспятых, Ю. Н. Беспятых. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – 528 с.
168. Крым в истории России [: Каталог выставки] / сост. Н. Ю. Болотина. – М. : Кучково поле, 2016. – 120 с.
169. Крым в развитии России : история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России / под ред. В. Г. Титова, Н. М. Бариновой, Ю. А. Петрова, Е. И. Пивовара, А. В. Юрасова. – Ижевск : [б. и.], 2018. – 600 с.
170. Крымские путешествия : Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году / пер. с англ. Т. А. Прохоровой, О. В. Широкова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2016. – 224 с.
171. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. : Свод малоизвестных свидетельств современников / под ред. В. А. Кошелева. – Великий Новгород ; Симферополь ; Нижний Новгород : Растр, 2017. – 768 с.
172. Курукин, И. В. Бирон / И. В. Курукин. – М. : Молодая гвардия, 2014. – 428 с.

173. Кучумов, И. В. Воображаемое путешествие к народам России / И. В. Кучумов, Э. В. Мельник, Л. Ф. Сахибгареева // Левек П.-Ш. История народов, подвластных России. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2016. – С. 10–64.
174. Кюстин, А. де. Россия в 1839 г. 3-е изд. / А. де Кюстин ; пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. – СПб. : Крига, 2008. – 704 с.
175. Лабутина, Т. Л. Британцы в России в XVIII веке / Т. Л. Лабутина. – СПб. : Алетейя, 2013. – 352 с.
176. Лабутина, Т. Л. Британские дипломаты и Екатерина II : Диалог и противостояние / Т. Л. Лабутина. – СПб. : Алетейя, 2019. – 458 с.
177. Лайелл, Р. Симферополь и его окрестности : Из «Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии» / Р. Лайелл ; пер. с англ. О. Корчевской // Крымский альбом 2002 / сост. Д. Лосева. – Феодосия ; М. : Коктебель, 2003. – С.17–33.
178. Лапин, И. С. Путешествие в ближнюю Финляндию : Выборг, Кексгольм и Карельский перешеек глазами русских путешественников XVIII – начала XX веков / И. С. Лапин. – СПб. ; Viipuri : Гйоль, 2021. – 136 с.
179. Лейбенсон, Ю. Т. «Русская античность»: древности Крыма в записках путешественников / Ю. Т. Лейбенсон // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. – Севастополь : Альбатрос, 2017. – С. 369–382.
180. Лисин, В. П. Античные хозяйства в районе Камышовой бухты (I–IV вв.) / В. П. Лисин. – Севастополь : Альбатрос, 2019. – 278 с.
181. Лихачева, Е. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856) : В 2 ч. Ч. 1 (1086–1796) / Е. Лихачева. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. – 887 с.
182. Лиштенау, Ф. Д. Вольтер: Фридрих или Пётр I / Ф. Д. Лиштенау // Вольтер и Россия / под ред. А. Д. Михайлова, А. Ф. Строева. – М. : Наследие, 1999. – С. 79–89.
183. Лопатин, В. С. Потемкин и Суворов / В. С. Лопатин. – М. : Наука, 1992. 287 с.
184. Лопатин, В. С. Потемкин и его легенда / В. С. Лопатин. – М. : Кучково поле, 2012. – 448 с.

185. Лопатин, В. С. Повесть о Потемкине, князе Таврическом / В. С. Лопатин. – М. : Академический проект, 2018. – 537 с.
186. Людольф, [К.] де. Письма о Крыме / К. де Людольф ; пер. // РО. – 1892. – Т. 2 : Март. – С. 155–201.
187. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе / А. П. Люсый. – СПб. : Алетейя, 2003. – 314 с.
188. Львов, Н. А. Избранные сочинения / Н. А. Львов. – Кельн ; Веймар ; Вена : Бёлау-Ферлаг ; СПб. : Пушкинский дом ; Русский христианский гуманитарный институт ; Акрополь, 1994. – 422 с.
189. Мазитова, Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в казанском университете / Н. А. Мазитова. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 225 с.
190. Майко, В. В. Археологические памятники Судакского региона республики Крым / В. В. Майко, А. В. Джанов. – Симферополь : Ариал, 2015. – 448 с.
191. Мак-Ферсон, Д. Древности Керчи / Д. Мак-Ферсон ; пер. с англ. О. Н. Герардини; комм. А. Д. Тимиргазина. – Симферополь : СГТ, 2008. – 176 с.
192. Мальгин, А. В. Русская Ривьера : Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи : Конец XVIII – начало XX в. / А. В. Мальгин. – Симферополь : Сонат, 2004. – 352 с.
193. Мальгина, М. Р. Виды Крыма первой половины XIX в. : Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея / М. Р. Мальгина. – Симферополь : СОНАТ, 2006. – 260 с.
194. [Манштейн, Х.-Г. фон] Записки Манштейна о России, 1727–1744 / Х.-Г. фон Манштейн ; пер. с фр. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1875. – 378 с.
195. Марасинова, Е. Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. / Е. Н. Марасинова // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» : К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / сост. А. В. Доронин. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 99–118.

196. Маржерет, Ж. Состояние Российской империи / Ж. Маржерет ; под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова ; пер. с франц. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 552 с.
197. Маркевич, А. И. Тагiса: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще / А. И. Маркевич // ИТУАК. – 1894. – № 20. – С. 1–394; 1898. – № 28. – С. 92–185 (1–94); 1902. – № 32–33. – С. 47–128.
198. Маркевич, А. И. К вопросу о положении противомусульманской миссии в Тавриде / А. И. Маркевич. – Симферополь : Таврическая губ-ская тип., 1911. – 31 с.
199. Маркевич, А. И. Из прошлого крымского виноградарства и виноделия : По архивным материалам / А. И. Маркевич // [Отдельный оттиск:] Вестник виноделия Украины. – 1927. – С. 1–32.
200. Маркевич, А. И. Судьбы памятников древности в Тавриде / А. И. Маркевич // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич : Страницы истории крымского краеведения. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – С. 267–315.
201. Маркевич, А. [I.] З культурної минувшини в Криму ХІХ в. Короткі нариси / А. І. Маркевич // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич : Страницы истории крымского краеведения. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – С. 338–413.
202. Марков, Е. Л. Очерки Крыма : Картины крымской жизни, истории и природы / Е. Л. Марков. – Киев : Стилос, 2006. – 512 с.
203. Маркс, Н. Легенды Крыма: В 3 вып. Вып. 1 / Н. Маркс. – М. : [б. и.], 1913. – 40 с.
204. Медведев, И. П. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» / И. П. Медведев // Мир Александра Каждана : К 80-летию со дня рождения / отв. ред. А. А. Чекалова. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 160–172.
205. Медведева, И. Н. Таврида / И. Н. Медведева. – Л. : Лениздат, 1956. – 441 с.
206. Мезин, С. А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века / С. А. Мезин // ВИ. – 2002. – № 10. – С. 148–157.
207. Мезин, С. А. Дидро и цивилизация России / С. А. Мезин. – М. : НЛЮ, 2018. – 272 с.

208. Мелвин, М. История Крыма и Севастополя : От Потемкина до наших дней / М. Мелвин ; пер. с англ. Ю.Я. Гольдберга. – М. : Колибри, 2020. – 880 с.
209. Мертваго, Д. Б. Записки (1760–1824) / Д. Б. Мертваго. – СПб. : Русская симфония, 2006. – 368 с.
210. Местр, Ж. де. Религия и нравы русских / Ж. де Местр ; пер. с франц. А. П. Шурбелёва. – СПб. : Владимир Даль, 2010. – 184 с.
211. Миллер, А. И. Предисловие / А. И. Миллер // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу : Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М. : НЛЮ, 2003. – С. 5–11.
212. Милнер, Т. Крым. Хань, султаны, цари : Взгляд на историю полуострова участника Крымской компании / Т. Милнер ; пер. с англ. И. А. Петровской. – М. : Центрполиграф, 2015.-- 255 с.
213. [Миних, Б.-Х.]. Записки фельдмаршала графа Миниха / Б.-Х. Миних ; пер. с франц. – М. : ГПИБР, 2017. – 384 с.
214. Миранда, Ф. де. Путешествие по Российской империи / Ф. де Миранда ; пер. с исп. М. С. Альперовича, В. А. Капанадзе, Е. Ф. Толстой. – М. : Наука/Интерпериодика, 2001. – 364 с.
215. Митрофанов, А. А. Французская политическая элита периода Революции XVIII века о России / А. А. Митрофанов. – М. : РОССПЭН, 2020. – 247 с.
216. Могаричев, Ю. М. «Пещерные города» в Крыму / Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Сонат, 2005. – 192 с.
217. Монтандон, Ш. Путеводитель путешественника по Крыму / Ш. Монтандон ; пер. с фр. В. В. Орехова. – Киев : Стилос, 2011. – 416 с.
218. Монтескьё, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескьё ; пер. с фр. А. В. Матешука. – М. : Мысль, 1999. – 672 с.
219. Мопассан, Г. де. Полное собрание сочинений : В 12 т. Т. 11. / Г. де Мопассан ; пер. с франц. – М. : Правда, 1958. – 446 с.
220. [Муравьев-Апостол, И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб. : Тип. при особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. – 337 с.

221. Мурзакевич, Н. [Н.] Распоряжения светлейшего князя Георгия Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год / Н. Н. Мурзакевич // ЗООИД. – 1881. – Т. 12. – С. 249–329.
222. Мухаметшин, Р. М. Ислам в Татарстане : между прошлым и будущим / Р. М. Мухаметшин // Казань, Москва, Петербург : Российская империя взглядом из разных углов / под ред. Б. Гаспарова, Е. Евтухова, А. Осповата, М. фон Хагена. – М. : О. G. I., 1997. – С. 265–274.
223. Наливайко, Д. Очима Заходу : Рецепція України в Західній Європі ХІ–ХVІІІ ст. / Д. Наливайко. – Київ : Основи, 1998. – 578 р.
224. Народы и религии мира : Энциклопедия / под ред. А. В. Тишкова. – М. : Большая российская энциклопедия, 1999. – 928 с.
225. Науменко, В. Г. «Здесь, на конце России исполинской...» : Финляндия в творческом наследии русских путешественников ХVІІІ – начала ХХ века / В. Г. Науменко. – Ярославль : Ремдер, 2010. – 840 с.
226. Непомнящий, А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть ХVІІІ – начало ХХ века) / А. А. Непомнящий. – Киев: [б. и.], 1999. – 212 с.
227. Непомнящий, А. А. Записки путешественников о Крыме / А. А. Непомнящий // История Крыма : В 2 т. Т. 2 / отв. ред А. В. Юрасов. – М. : Кучково поле, 2018. – С. 372–383.
228. Николаенко, Г. М. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. – Севастополь : Альбатрос, 2018. – 344 с.
229. Новая имперская история Северной Евразии : В 2 ч. Ч. 2 / И. Герасимов, М. Могильнер, С. Глебов, А. Семенов. – Казань : АІ, 2017. – 630 с.
230. Нойманн, И. Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Б. Нойманн ; пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова. – М. : Новое издательство, 2004. – 336 с.

231. Нольде, Б. Э. История формирования Российской империи. 2-е изд. / Б. Э. Нольде ; пер. с фр. Л. Ф. Сахибгареевой. – СПб. : Издательство Олега Абышко, 2019. – 768 с.
232. Обновление Российской империи и парадоксы ориентализма / [И. Герасимов и др.] // АИ. – 2002. – № 1. – С. 239–321.
233. Одесса глазами британцев: М. Гутри, М. Холдернесс, Р. Лайялл, Р. Пинкертон, Д. Стефенс / М. Гутри, М. Холдернесс, Р. Лайялл, Р. Пинкертон, Д. Стефенс ; пер. с англ. – Одесса : Optimum, 2012. – 284 с.
234. Олливые, Ж. Французский винодел в Екатерининской России (письма Ж. Банка князю Г.А. Потемкину) / Ж. Олливые // Россия и Франция : XVIII–XX века. Вып. 8. – М. : Наука, 2008. – С. 46–63.
235. Орехов, В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века / В. В. Орехов. – Симферополь : СГТ, 2008. – 200 с.
236. Орехов, В. В. В лабиринте крымского мифа./ В. В. Орехов. – Великий Новгород ; Симферополь ; Нижний Новгород : Растр, 2017. – 579 с.
237. Ориентализм vs. ориенталистика / отв. ред. В. О. Бобровников, С. Дж. Мири. – М. : Садра, 2016. – 440 с.
238. Ориентализм : Турецкий стиль в России. 1760–1840-е / сост. О.А. Соснина, А. М. Валькович. – М. : Кучково поле, 2017. – 216 с.
239. Орлов, А. А. Союз Петербурга и Лондона : Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн / А. А. Орлов. – М. : Прогресс-традиция, 2005. – 368 с.
240. Орлов, А. А. «Теперь я вижу англичан вблизи...» : Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) / А. А. Орлов. – М. : Гиперборея; Кучково поле, 2008. – 360 с.
241. Орлов, А. А. «Астреин век» : Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.) / А. А. Орлов. – М. : МПГУ, 2019. – 304 с.

242. Орфелин, З. Житие и славные дела государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского : В 2 ч. Ч. 1 / З. Орфелин. – Венеция : Типография Димитрия Феодосия, 1772. – 367 с.
243. Открытие «братьев-славян» : Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX в. / сост. М. В. Белов. – СПб. : Нестор-История, 2018. – 672 с.
244. Паллас, П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / П. С. Паллас ; пер. с нем. А. Л. Бертье-Делагарда, С. Л. Белявской. – М. : Наука, 1999. – 246 с.
245. Панченко, А. М. Русская история и культура : Работы разных лет / А. М. Панченко. – СПб. : Юна, 1999. – 520 с.
246. Пейссон[н]ель, Ш. де. Записка о Малой Татарии / Ш. де Пейссоннель ; пер. с фр. В. Лотошниковой. – Днепропетровск : Герда, 2009. – 80 с.
247. Петрова, М. А. Екатерина II и Иосиф II : Формирование российско-австрийского союза, 1780–1790 / М. А. Петрова. – М. : Наука, 2011. – 419 с.
248. Пименова, Л. А. Путешественник, «философы» и «добрые дикари»: экспедиция Ж.-Ф. де Лаперуза, 1785–1788 гг. / Л. А. Пименова // Одиссей. Человек в истории. – 2009. – С. 115–129.
249. Подосинов, А. В. Римские географические источники : Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты. Перевод. Комментарий / А. В. Подосинов, М. В. Скржинская. – М. : Индрик, 2011. – 504 с.
250. Подосинов, А. В. Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков / А. В. Подосинов, Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова. – М. : Аквилон, 2016. – 320 с.
251. Пономарев, Л. Ю. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (в источниках и историографии XIV–XX вв.) / Л. Ю. Пономарев, Д. В. Бейлин, С. А. Бейлина // *Sacrum et profanum*. – 2009. – Вып. 4. – С. 129–142.
252. Попов М. А. Митрополит С. Богуш-Сестренцевич : Формирование правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях (конец XVIII – первая четверть XIX в.) / М. А. Попов,

- А. И. Ганчар. – Гродно : Гродненский государственный аграрный университет, 2012. – 278 с.
253. [Портелли д'Асколи, Э.] Описание Черного моря и Татарии составил доминиканец Эмиддио [П]ортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 г. / Э. Портелли д'Асколи ; пер. с ит. Н. Н. Пименова // ЗООИД. – 1902. – Т. 24. – С. 89–190.
254. Постникова А. А. Русская компания Наполеона и Франция : историко-антропологическое измерение / А. А. Постникова. – М. : РОССПЭН, 2022. – 199 с.
255. Предпринимательство и ислам : Российский исторический опыт / М. З. Гибадуллин, А. А. Аюпов, А. Р. Нуриева, А. Р. Шагимарданов. – Казань : Изд-во Казанского федерального ун-та, 2016. – 252 с.
256. Присоединение Крыма к России, 1783–1796 гг. : Сборник документов / сост. Н. Ю. Болотина. – М. : Кучково поле, 2019. – 432 с.
257. Промыслов, Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года / Н. В. Промыслов. – М. : РОССПЭН, 2016. – 254 с.
258. Промыслов, Н. В. Восток в представлениях солдат Наполеона : От Египта до России / Н. В. Промыслов, Е. А. Прусская // ФЕ. – 2013. – С. 127–143.
259. Проскурина, В. [Ю.] Мифы империи : Литература и власть в эпоху Екатерины II / В. Ю. Проскурина. – М. : НЛО, 2006. – 328 с.
260. Проскурина, В. [Ю.] Империя пера Екатерины II : Литература как политика / В. Ю. Проскурина. – М. : НЛО, 2017. – 256 с.
261. Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года : В 4 т. Т. 3: 1771–1785. – СПб. : Тип. Импер. академии наук, 1900. – 976 с.
262. Прохоров, Д. А. Гендерная ситуация в караимских общинах Российской империи и процессы социокультурной трансформации патриархального общества (XIX – начало XX вв.) / Д. А. Прохоров // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму / ред-сост. В. Г. Тур. – Симферополь : Антиква, 2013. – С. 99–113.

263. Прохоров, Д. А. О стихийных бедствиях на Крымском полуострове / Д. А. Прохоров // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. – Севастополь : Альбатрос, 2017. – С. 57–73.
264. Прохоров, Д. А. Караимы в Российской империи в конце XVIII – начале XX века / Д. А. Прохоров. – Симферополь : Антиква, 2019. – 632 с.
265. Прохорова, Т. А. Изучение древностей Северного Причерноморья путешественниками первой половины XIX века : Эбенезер Гендерсон / Т. А. Прохорова // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – 2012. – Вип. 32. – С. 124–131.
266. Прусская, Е. А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг. : Взаимное восприятие двух цивилизаций / Е. А. Прусская. – М. : РОССПЭН, 2016. – 183 с.
267. Путешествие в Крым : Каталог выставки / сост. Э. Е. Пияева, Р. Н. Зеленков. – СПб. : АРС, 2016. – 152 с.
268. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 9–10. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1910. – 442 с.
269. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : В 10 т. Т. 2 / А. С. Пушкин. – М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 462 с.
270. Пушкин, А. С. Собрание сочинений : В 10 т. Т. 7 / А. С. Пушкин. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1962. – 462 с.
271. Пыпин, А. Н. Религиозные движения при Александре I / А. Н. Пыпин. – СПб. : Академический проект, 2000. – 472 с.
272. Равдоникас, В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием северного Причерноморья / В. И. Равдоникас // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8 : Готский сборник. – С. 5–106.
273. Райков, Б. Е. Академик Василий Зуев, его жизнь и труды / Б. Е. Райков. – М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 350 с.
274. Репников, Н. И. Археологические памятники Гераклеийского полуострова. Обзор описаний и исследований памятников Гераклеийского полуострова с конца XVIII столетия и до наших дней / Н. И. Репников // Гераклеийский

- сборник. Вып. 1 / науч. ред. Ю. А. Виноградова, Т. Н. Смекаловой. – СПб. : Алетейя. 2019. – С. 65–123.
275. Ржеуцкий, В. С. Французы на русских дорогах: иммиграционная политика Екатерины II и формирование французских землячеств в России / В. С. Ржеуцкий // Европейское просвещение и цивилизация России отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. – М. : Наука, 2004. – С. 238–254.
276. Романчук, А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1 / А. И. Романчук. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2008. – 720 с.
277. Ромм, Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Ж. Ромм ; пер. с фр. К. И. Раткевич. – Л. : Издательство ЛГУ, 1941. – 78 с.
278. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : Антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – 696 с.
279. Ростовцев, М. И. Скифия и Боспор: критическое обозрение памятников литературных и археологических / М. И. Ростовцев. – Л. : Российская Академия Истории Материальной Культуры, 1925. – 623 с.
280. Русский биографический словарь : В 25 т. [Т. 18:] Сабанеев – Смыслов / под ред. А. А. Половцова. – СПб. : Типография В. Демакова, 1904. – 675 с.
281. Руссо, Ж.-Ж. Педагогические сочинения : В 2 т. Т. 1 / Ж.-Ж. Руссо ; пер. с франц.. – М. : Педагогика, 1981. – 652 с.
282. Руссо, Ж.-Ж. Политические сочинения / Ж.-Ж. Руссо ; пер. с франц. – СПб. : Росток, 2013. – 640 с.
283. Руцинская, И. И. Путеводитель как феномен массовой культуры. Образы российских регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX – начала XX века / И. И. Руцинская. – М. : URSS, 2019. – 288 с.
284. Рыбакин, А. И. Словарь английских фамилий : Около 22 700 фамилий / А. И. Рыбакин. – М. : Русский язык, 1986. – 576 с.

285. С берегов Темзы – на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже / под ред. Б. Аллена, Л. Дукельской. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 1997. – 323 с.
286. Саид, Э. В. Ориентализм : Западные концепции Востока / Э.-В. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – М. : Русский Мирь, 2006. – 638 с.
287. Сакович, А. Крымские татары на военной службе Российской империи / А. Сакович. – М. : Русские витязи, 2016. – 312 с.
288. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений : В 20 т. Т. 8 / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Художественная литература, 1969. – 613 с.
289. Саргсян, Т. Крым : Монастырь Сурб Хач / Т. Саргсян, М. Петросян. – Симферополь : Медиациентр им. И. Гаспринского, 2017. – 304 с.
290. Свирида, И. И. Метаморфозы в пространстве культуры / И. И. Свирида. – М. : Индрик, 2009. – 464 с.
291. Себаг-Монтефиоре, С. Потемкин / С. Себаг-Монтефиоре ; пер. с англ. Н. Сперанской, С. Панова. – М. : Вагриус, 2003. – 558 с.
292. Сейтхалилова, Л. С. Крым и крымские татары начала XIX столетия глазами английской путешественницы Мэри Холдернесс / Л. С. Сейтхалилова, А. Ю. Алиева // КИО. – 2021. – № 1. – С. 228–237.
293. Семёнов, Д. Д. Отечествоведение, Россия по рассказам путешественников и учёным исследованиям. Т. 2: Южный край. Малороссия, Новороссия, Крым и земли Донского и Черноморского войска. 2-е изд. / Д. Д. Семёнов. – М. : Салаев, 1879. – 240 с.
294. Сестренцевич-Богущ, С. История о Таврии [История царства Херсонеса Таврийского]. Т. 1 / С. Сестренцевич-Богущ. – СПб. : Типография Шнора, 1806. – 440 с.
295. Сиволап, И. И. Почему Карамзин поехал в Швейцарию? / И. И. Сиволап // Россия и Европа : Дипломатия и культура / отв. ред. А. С. Намазова. – М. : Наука, 1995. – С. 141–152.
296. [Синельников, И. М.] Письма правителя Екатеринославского наместничества И. М. Синельникова правителю канцелярии, для доклада светлейшему князю

- Г. А. Потемкину-Таврическому (1783–1788 г.) / И. М. Синельников // ЗООИД. – 1875. – Т. 9. – С. 260–282.
297. Скржинская, М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье / М. В. Скржинская. – Киев : Наукова думка, 1991. – 197 с.
298. Слѣзкин, Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия / Ю. Слѣзкин // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 120–154.
299. Смекалина, В. В. Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / В. В. Смекалина. – М. : Языки русской культуры, 2015. – 376 с.
300. Смекалова, Т. Н. Полевая фортификация Крыма в суворовскую эпоху / Т. Н. Смекалова, Ю. Л. Белик. – Симферополь : Феникс, 2013. – 198 с.
301. Смекалова, Т. Н. История археологического изучения и современные исследования Маячного полуострова / Т. Н. Смекалова, Ю. А. Виноградов // Гераклеяский сборник. Вып. 4 / науч. ред. Ю. А. Виноградова, Т. Н. Смекаловой. – СПб. : Независимый альянс ; Алетейя, 2020. – С. 39–54.
302. Смирнов, В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года / В. Д. Смирнов // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. – 1886. – Т. 1. – Вып. 4. – С. 273–302.
303. Смирнов, В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. Т. 1 / В. Д. Смирнов. – М. : Рубежи XXI, 2005. – 540 с.
304. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит ; пер. с англ. В.С. Афанасьева. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с.
305. Соболевская, Т. В. Забытые имена: Александр Иванович и Николай Александрович Султан-Крым-Гирей (по архивным документам) / Т. В. Соболевская // XVII Таврические научные чтения : Сборник материалов / под ред. Е. Б. Вишневской. – Симферополь : Антиква, 2016. – С. 216–221.

306. Сопленков, С. В. Дорога в Арзрум : Российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века) / С. В. Сопленков. – М. : Восточная литература, 2000. – 214 с.
307. Стевен, А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии / А. Х. Стевен // ИТУАК. – 1891. – № 13. – С. 33–54.
308. Стегний, П. В. Еще раз о Греческом проекте Екатерины II : Новые документы из АВПРИ МИД России / П. В. Стегний // Новая и новейшая история. – 2002. – № 4. – С. 100–118.
309. Стенник, Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века / Ю. В. Стенник. – СПб. : Наука, 2004. – 277 с.
310. Стефанс, Дж. Л. Записки из путешествия по России и Польше в 1835 году / Дж. Л. Стефанс ; пер. с англ. Т.О. Новиковой. – М. : Кучково поле; Икс-Истори, 2018. – 352 с.
311. Страбон. География в 17 книгах / Страбон ; пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. – М. : Наука, 1964. – 940 с.
312. Строев, А. [Ф.] «Те, кто поправляет Фортуну» : Авантюристы Просвещения / А. Ф. Строев. – М.: НЛО, 1998. – 398 с.
313. Строев, А. Ф. «Россиянин в Париже» Вольтера и «Русский парижанец» Д. И. Хвостова / А. Ф. Строев // Вольтер и Россия / под ред. А. Д. Михайлова, А. Ф. Строева. – М. : Наследие, 1999. – С. 31–42.
314. Сумароков, П. [И.] Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / П. И. Сумароков. – М. : Университетская типография, 1800. – 238 с.
315. Сумароков, П. [И.] Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Ч. 1. / П. И. Сумароков. – СПб. : Императорская типография, 1803. – 226 с.

316. Сумароков, П. [И.] Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 2 / П. И. Сумароков. – СПб. : Императорская типография, 1805. – 244 с.
317. Схиммельпэннинк ван дер Ойе, Д. Русский ориентализм : Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе ; пер. с англ. П. С. Бавина. – М. : РОССПЭН, 2019. – 287 с.
318. Сытин, А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. 2-е изд. / А. К. Сытин. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2014. – 456 с.
319. Таймасов, Л. А. Казанский комитет Российского библейского общества и переводы Священного писания на языки народов Среднего Поволжья / Л. А. Таймасов, П. В. Денисов // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 2. – С. 92–95.
320. Таки, В. Царь и султан : Османская империя глазами россиян / В. Таки. – М. : НЛО, 2017. – 320 с.
321. Таньшина, Н. П. Самодержавие и либерализм : Эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского / Н. П. Таньшина. – М.: РОССПЭН, 2018. – 334 с.
322. Таньшина, Н. П. Русофилы и русофобы : Приключения французов в николаевской России / Н. П. Таньшина. – СПб. : Евразия, 2020. – 352 с.
323. Татаринцева, Р. И. Из истории британско-русских литературных связей конца XVIII столетия : Путевые записки Марии Гутри / Р. И. Татаринцева // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 590–598.
324. [Тизенгаузен, В. Г.] О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных / В. Г. Тизенгаузен // ЗООИД. – 1872. – Т. 8. – С. 363–403.
325. Тимиргазин, А. Д. Судак : Хроника российского периода (1783–1917) / А. Д. Тимиргазин. – Симферополь : СГТ, 2015. – 576 с.
326. Тихомиров, Б. А. Начало истории русского перевода Библии и Российское библейское общество / Б. А. Тихомиров // Христианское чтение. – 2007. – № 28. – С. 111–146.

327. Тихонов, А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. / А. К. Тихонов. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – 368 с.
328. Толочко, А. [П.] Киевская Русь и Малороссия в XIX веке / А. П. Толочко. – Киев : Laugus, 2012. – 256 с.
329. Толстикова, А. В. Homo viator / А. В. Толстикова, О. Е. Кошелева // Одиссей. Человек в истории. – 2009. – С. 5–10.
330. Тольц, В. «Собственный Восток России» : Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / В. Тольц. – М. : НЛЮ, 2013. – 336 с.
331. Трепавлов, В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XVIII вв. / В. В. Трепавлов. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2018. – 320 с.
332. Трыков, В. П. Имагология и имагопоэтика / В. П. Трыков // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – №3. – С. 120–129.
333. Тункина, И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.
334. Тункина, И. В. Открытие Феодосии : Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы Феодосийского музея древностей. 1771–1871 / И. В. Тункина. – Киев : Болеро, 2011. – 236 с.
335. Тункина, И. В. Позднескифские памятники Симферополя (открытия на Керменчике в 1784–1831 гг.) и их интерпретация в современной археологии / И. В. Тункина // Грани гуманитарного знания : Сб. ст. к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева / сост. Д. П. Кузнецов, О. В. Пыжова. – Курск: Издательство КГМУ, 2014. – С. 295–343.
336. Тунманн, [И.-Э.]. Крымское ханство / И.-Э. Тунманн ; пер. с нем. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской. – Симферополь: Таврия, 1991. – 96 с.

337. Тур, В. Г. Религиозные общины Крыма / В. Г. Тур // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. – Севастополь : Альбатрос, 2017. – С. 247–275.
338. Турова, Н. П. Храм Рождества Иоанна Предтечи в Верхней Массандре (по материалам археологических разведок 2002 г.) / Н. П. Турова // История и археология Крыма. – 2012. – Вып. 12. – С. 333–348.
339. Тюркские народы Крыма : Караимы. Крымские татары. Крымчаки / ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чиждова. – М. : Наука, 2003. – 459 с.
340. Уортман, Р. С. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 / Р. С. Уортман ; пер. с англ. С. В. Житомирской. – М. : ОГИ, 2002. – 608 с.
341. Урнов, Д. М. Джозеф Конрад / Д. М. Урнов. – М. : Наука, 1977. – 128 с.
342. Урушадзе, А. Т. Кавказская война : Семь историй / А. Т. Урушадзе. – М. : НЛО, 2018. – 336 с.
343. Успенский, Г. И. Собрание сочинений : В 9 т. Т. 7 / Г. И. Успенский. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – 664 с.
344. Фадеев, А. М. Воспоминания : В 2 ч. / А. М. Фадеев. – Одесса : Тип. Южно-Русского общества печатного дела, 1897. – 231 с.
345. Федоров-Давыдов, А. А. Михаил Матвеевич Иванов. 1748–1823 / А. А. Федоров-Давыдов. – М. : Искусство, 1950. – 28 с.
346. Федорчук, А. Еврейские некрополи Крыма : История исследования и современное состояние / А. Федорчук // Евроазиатский еврейский ежегодник 5768 (2007/2008). – М. : Паллада, 2008. – С. 212–227.
347. Филиппова, Т. «Враги России» : Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны / Т. Филиппова, П. Баратов. – М. : АИРО–XXI, 2014. – 272 с.
348. Филюшкин, А. И. Как Россия стала для Европы Азией? / А. И. Филюшкин // Изобретение империи : Языки и практики. – М. : Новое издательство, 2011. – С. 10–48.

349. Філас, В. М. Візуальне освоєння Північного Причорномор'я останньої чверті XVIII – середини XIX ст. : Джерелознавчий аналіз / В. М. Філас. – Запоріжжя : Видавництво Хортицької національної академії, 2018. – 460 с.
350. Формозов, А. А. Страницы истории русской археологии / А. А. Формозов. – М. : Наука, 1986. – 237 с.
351. Французы в России : Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России / пер. с франц. А. Ельницкого. – СПб.: [б. и.], 1912. – 209 с.
352. Холдернес, М. Замечания о крымских татарах / М. Холдернес // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1 : Мусульмане : крымские татары, крымские цыгане / ред.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен. – Симферополь : Таврия-Плюс, 2004. – С. 204–207.
353. Холдернесс, М. Заметки о нравах и обычаях крымских татар (написано в течение четырёх лет проживания среди этих людей) / М. Холдернесс ; пер. с англ. А. Ю. Алиевой // КИО. – 2021. – № 1. – С. 238–260; 2021. – № 2. – С. 257–279.
354. Храпунов, И. Н. Новый взгляд на столицу позднескифского государства (к публикации книги: Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.)) / И. Н. Храпунов // МАИЭТ. – 2005. – Вып. 11. – С. 596–602.
355. Храпунов, Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) / Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – 2008. – Вып. 14. – С. 645–697.
356. Храпунов, Н. И. Путеводитель по Восточной Европе начала XIX века / Н. И. Храпунов // БИАС. – 2008. – Вып. 3. – С. 299–315.
357. Храпунов, Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета / Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – 2009. – Вып. 15. – С. 656–681.
358. Храпунов, Н. И. Рец. на кн.: Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи // АІ. – 2010. – № 1. – С. 242–255.

359. Храпунов, Н. И. Другая николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн.: Дж. Александер. Россия глазами иностранца // АИ. – 2011. – № 2. – С. 397–405.
360. Храпунов, Н. И. Рец. на кн.: Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond // АИ. – 2011. – № 1. – С. 346–354.
361. Храпунов, Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. / Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – 2011. – Вып. 17. – С. 595–630.
362. Храпунов, Н. И. Восточная Европа в дневнике шотландского путешественника Дж. Уэбстера (1827) / Н. И. Храпунов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 85–97.
363. Храпунов, Н. И. Крым в 1792 году в описании Иоганна-Кристиана фон Струве / Н. И. Храпунов // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму / ред. В. Г. Тур. – Симферополь : Антиква, 2012. – С. 34–50.
364. Храпунов, Н. И. Джеймс Уэбстер и Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе / Н. И. Храпунов // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : Империя и полис / под ред. Н. А. Алексеенко. – Севастополь : Арефьев, 2013. – С. 351–366.
365. Храпунов, Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена / Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – 2013. – Вып. 18. – С. 456–473.
366. Храпунов, Н. И. Христианские памятники Херсонеса и окрестностей в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. / Н. И. Храпунов // Климентовский сборник / отв. ред. Т. Ю. Яшаева. – Севастополь : Телескоп, 2013. – С. 366–383.
367. Храпунов, Н. И. Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка : Восток, Россия и Крым / Н. И. Храпунов // ПИФК. – 2014. – № 4. – С. 141–153.
368. Храпунов, Н. И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий / Н. И. Храпунов // ФЕ. – 2014. – Т. 2. – С. 63–101.

369. Храпунов, Н. И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) / Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – 2014. – Вып. 19. – С. 379–426.
370. Храпунов, Н. И. Взгляд извне : Британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. / Н. И. Храпунов // КИО. – 2015. – № 3. – С. 252–273.
371. Храпунов, Н. И. Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. / Н. И. Храпунов, С. Н. Храпунова // ЗО. – 2015. – № 4. – С. 146–158.
372. Храпунов, Н. И. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара / Н. И. Храпунов, Н. В. Гинькут // МАИЭТ. – 2015. – Вып. 20. – С. 395–430.
373. Храпунов, Н. И. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма / Н. И. Храпунов, Н. В. Гинькут // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 157–170.
374. Храпунов, Н. И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик – предполагаемого скифского Неаполя / Н. И. Храпунов // История и археология Крыма. – 2015. – Вып. 2. – С. 461–469.
375. Храпунов, Н. И. Бахчисарай Джона Паркинсона (1793 г.) / Н. И. Храпунов // БИ. – 2016. – Вып. 32. – С. 192–202.
376. Храпунов, Н. И. Бахчисарай и его памятники глазами Эдварда-Даньела Кларка / Н. И. Храпунов, Н. В. Гинькут // Материалы к истории Причерноморья в Новое время. – Симферополь : [б. и.], 2016. – С. 157–190.
377. Храпунов, Н. И. Византийский Херсон и Екатерина Великая / Н. И. Храпунов // АДСВ. – 2016. – Вып. 44. – С. 236–251.
378. Храпунов, Н. И. Как Херсонес стал центром русского православия / Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – 2016. – Вып. 21. – С. 317–358.
379. Храпунов, Н. И. Крым в сочинении итальянского исследователя и путешественника Франческо Альгаротти / Н. И. Храпунов, С. Н. Храпунова // XVII Боспорские чтения : Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Материалы

- конференции. – Керчь : [б. и.], 2016. – С. 531–535.
380. Храпунов, Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии / Н. И. Храпунов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 3. – С. 116–132.
381. Храпунов, Н. И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века / Н. И. Храпунов // ЗО. – 2016. – Т. 4. – № 4. – С. 832–860.
382. Храпунов, Н. И. Зарубежные путешественники о будущем Крыма / Н. И. Храпунов // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. – Севастополь : Альбатрос, 2017. – С. 75–91.
383. Храпунов, Н. И. Западноевропейские миссионеры в Крыму / Н. И. Храпунов // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. – Севастополь : Альбатрос, 2017. – С. 289–304.
384. Храпунов, Н. И. Христианизация Крыма и превращение Херсонеса в православную святыню / Н. И. Храпунов // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. – Севастополь : Альбатрос, 2017. – С. 305–326.
385. Храпунов, Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников / Н. И. Храпунов // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунов, Д. В. Конкина. – Севастополь : Альбатрос, 2017. – С. 329–352.
386. Храпунов, Н. И. Известия о Крыме у Франческо Альгаротти / Н. И. Храпунов, С. Н. Храпунова // ЗО. – 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 612–628.
387. Храпунов, Н. И. Культурное наследие Крыма эпохи Золотой Орды и Крымского ханства в описаниях иностранцев рубежа XVIII–XIX вв. / Н. И. Храпунов // ПИФК. – 2017. – № 4. – С. 270–291.
388. Храпунов, Н. И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в. : Исследования и иллюзии / Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – 2017. – Вып. 22. – С. 412–432.

389. Храпунов, Н. И. О деятельности протестантских миссионеров в Крыму в первой четверти XIX в. / Н. И. Храпунов // История и археология Крыма. – 2017. – Вып. 6. – С. 264–277.
390. Храпунов, Н. И. Прошлое Крыма в восприятии британского миссионера Эбenezера Хендерсона / Н. И. Храпунов, Н. В. Гинькут // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 19. – № 4. – С. 99–112.
391. Храпунов, Н. И. Археологические памятники Крыма на рисунках из собрания британского путешественника Ричарда Уэрсли / Н. И. Храпунов, Н. В. Гинькут // X Международный византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : Империя и полис. Материалы научной конференции. – Севастополь ; Симферополь : [б. и.], 2018. – С. 159–166.
392. Храпунов, Н. И. Визит знатной дамы : Элизабет Крейвен в Крыму / Н. И. Храпунов , Н. В. Гинькут // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20. – № 2. – С. 122–136.
393. Храпунов, Н. И. «Восток в Европе» : Крым после присоединения к Российской империи глазами иностранцев / Н. И. Храпунов // Новое прошлое / The New Past. – 2018. – № 1. – С. 63–78.
- а. Храпунов, Н. И. Известия о Крыме и о Крымском Ханстве, собранные Уильямом Туком в 1785 г. / Н. И. Храпунов // ЗО. – 2018. – Т. 6. – № 3. – С. 579–595.
394. Храпунов, Н. И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. / Н. И. Храпунов // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований : Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 2. – С. 21–33.
395. Храпунов, Н. И. Происхождение известий о походах древнерусских князей на Крым во второй половине XI в. / Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – 2018. – Вып. 23. – С. 641–657.
396. Храпунов, Н. И. История о Гикии в истории изучения Херсонеса / Н. И. Храпунов // АРХОНТ. Античные реликвии Херсонеса : Открытия,

- находки, теории : Материалы научной конференции / ред.-сост. Д. А. Костромичев. – Севастополь : [б. и.], 2019. – С. 310–313.
397. Храпунов, Н. И. К истории британских путешественников по Крыму на рубеже XVIII–XIX вв. / Н. И. Храпунов // III Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» : Материалы. Т. 1. – М. : Пробел-2000, 2019. – С. 277–280.
398. Храпунов, Н. И. Крымские письма Эдварда-Даньела Кларка / Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – 2019. – Вып. 24. – С. 470–510.
399. Храпунов, Н. И. Не приметив Византию : Средневековые памятники Крыма глазами иностранных путешественников рубежа XVIII–XIX вв. / Н. И. Храпунов // Византийское «содружество» : Традиции и смена парадигм. Тез. докл. XXII-й всероссийской сессии византинистов / под ред. Т. В. Куш. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2019. – С. 160–162.
400. Храпунов, Н. И. О похождениях спутников Екатерины II в 1787 г. / Н. И. Храпунов // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма : Материалы конференции. – Симферополь : Антиква, 2019. – С. 128–130.
401. Храпунов, Н. И. Прошлое, настоящее и будущее Крыма глазами «русского шотландца» Маттью Гатри / Н. И. Храпунов // Новое прошлое / The New Past. – 2019. – № 2. – С. 20–35.
402. Храпунов, Н. И. Прошлое Крыма глазами путешественников конца XVIII – начала XIX вв.: некоторые наблюдения / Н. И. Храпунов // XX Боспорские чтения : Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы конференции. – Симферополь ; Керчь : [б. и.], 2019. – С. 593–603.
403. Храпунов, Н. И. Ричард Уэрсли и Крым / Н. И. Храпунов // БИ. – 2019. – Вып. 39. – С. 378–403.
404. Храпунов, Н. И. «Азиатский мираж» и будущее Крыма: проекты западных интеллектуалов / Н. И. Храпунов // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020.

– С. 57–74.

405. Храпунов, Н. И. «Крымские проекты» приближенных Наполеона // Российская империя и Крым / Н. И. Храпунов / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. – С. 97–118.
406. Храпунов, Н. И. Эдвард Кларк, Реджинальд Хебер и формирование представлений о Крыме в культуре Запада / Н. И. Храпунов // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. – С. 219–239.
407. Храпунов, Н. И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. / Н. И. Храпунов // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. – С. 241–258.
408. Храпунов, Н. И. «Золотой век» Крымского ханства: к истории формирования стереотипа / Н. И. Храпунов, С. Н. Храпунова // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со средиземноморским регионом и странами Востока : Материалы IV Международной научной конференции. Т. 2. – М. : ИВ РАН, 2020. – С. 250–255.
409. Храпунов, Н. И. Изображения крымских памятников, оставленные путешественниками конца XVIII – начала XIX в. : Некоторые предварительные наблюдения / Н. И. Храпунов // Уваровский Таврический сборник «Древности Юга России». – М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2020. – С. 172–198.
410. Храпунов, Н. И. К пониманию крымского мифа : Образ «ленивого татарина» в отечественном и зарубежном сознании и его использование / Н. И. Храпунов // Миф в истории, политике, культуре : Сб. материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции. – Севастополь : Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. – С. 404–411.
411. Храпунов, Н. И. Как англичане «открыли» Крым в конце XVIII в. [Электронный ресурс] / Н. И. Храпунов // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. – 2020. – Т. 1. – Вып. 3. – Режим

доступа: http://vistory-svgu.ru/?page_id=303.

412. Храпунов, Н. И. Как описать этнографию имперской провинции : Мери Хоулдернесс в Крыму / Н. И. Храпунов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 22. – № 4. – С. 174–189.
413. Храпунов, Н. И. Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона / Н. И. Храпунов // ЗО. – 2020. – Т. 8. – № 1. – С. 147–166.
414. Храпунов, Н. И. Крым между Западом и Востоком в записках британских путешественников конца XVIII – начала XIX в. / Н. И. Храпунов // Взгляд чужеземца : Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / отв. ред. О. В. Хаванова. – М.; СПб. : Нестор-История, 2020. – С. 81–100.
415. Храпунов, Н. И. О крымских акварелях Андрея Воронихина / Н. И. Храпунов // БИ. – 2020. – Вып. 40. – С. 229–238.
416. Храпунов, Н. И. Принц де Линь в Крыму, или как заменить Византию сказками 1001 ночи / Н. И. Храпунов // XII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : Империя и полис. Материалы научной конференции. – Симферополь : Колорит, 2020. – С. 277–282.
417. Храпунов, Н. И. Уильям Итон и его описание Крыма накануне присоединения к России / Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – 2020. – Вып. 25. – С. 560–588.
418. Храпунов, Н. И. Центральная Азия в воображении Запада в XVIII в. / Н. И. Храпунов // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. / ред. Д. В. Васильев. – М. : ОнтоПринт, 2020. – С. 143–163.
419. Храпунов, Н. И. Изучение Крыма как пример научного сотрудничества учёных путешественников на рубеже XVIII–XIX вв. / Н. И. Храпунов // Российская наука в европейском контексте во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / сост. Н.М. Сперанская. – СПб. : Российская национальная библиотека, – 2021. – С. 125–145.
420. Храпунов, Н. И. Крымское путешествие Виктора де Карамана /

- Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – 2021. – Вып. 26. – С. 498–527.
421. Храпунов, Н. И. Легенда о Гикий, Станислав Сестренцевич-Богуш и Екатерина II / Н. И. Храпунов // *Stratum plus*. – 2021. – № 4. – С. 321–331.
422. Храпунов, Н. И. О легенде мечети Ешил-джами в Бахчисарае [Электронный ресурс] / Н. И. Храпунов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 12. Ч. 1. – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840018451-5-1>
423. Храпунов, Н. И. Размышления о необходимости присоединения Крыма к России в трудах отечественных и зарубежных авторов XVI–XVIII вв. / Н. И. Храпунов // *Ислам в России и Евразии XVI–XXI вв. : Памяти Дмитрия Юрьевича Арапова* / отв. ред. Т. В. Котюкова. – СПб. : Алетейя, 2021. – С. 28–51.
424. Храпунов, Н. И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. / Н. И. Храпунов. – Севастополь : Альбатрос, 2022. – 324 с.
425. Храпунов Н. И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX века / Н. И. Храпунов. – Севастополь: Альбатрос, 2022. – 360 с.
426. Храпунов Н. И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX века. Приложение: «Живописное путешествие по Крыму» Реджинальда Хебера и Роберта-Уильяма Хейя / Н. И. Храпунов. – Севастополь: Альбатрос, 2022. – 152 с.
427. Чекин, Л. С. Эсхатологическая география в IX веке : Конец земли и обращение последних народов / Л. С. Чекин // *Историческая география*. – 2012. – Т. 1. – С. 81–109.
428. Чекмарёв, В. М. Россия в английской графике в царствование Екатерины II и Павла I (1762–1801 гг.) / В. М. Чекмарёв. – М. : Издательский дом Тончу, 2019. – 320 с.
429. Черепнин, Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914. Т. 1 / Н. П. Черепнин. – СПб. : Государственная типография, 1914. – 654 с.

430. Черкасов, П. П. Екатерина II и Людовик XVI : Русско-французские отношения, 1774–1792. 2-е изд. / П. П. Черкасов. – М. : Наука, 2004. – 528 с.
431. Черникова, Т. В. Россия и Европа : «Век новшеств» / Т. В. Черникова. – М. : Культура ; Академический проект, 2019. – 665 с.
432. Чернышов, А. А. Российский парусный флот : Справочник. Т. 2 / А. А. Чернышов. – М. : Военное издательство, 2002. – 480 с.
433. Чистяков, М. Б. Из поездок по России / М. Б. Чистяков. – М. : ГПИБР, 2015. – 239 с.
434. Чудинов, А. В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов / А. В. Чудинов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения / под ред. С. Я. Карпа, И. Н. Кузнецова, Г. С. Черткова. – М. : РГГУ, 2001. – С. 202–243.
435. Чудинов, А. В. Жильбер Ромм и Павел Строганов : История необычного союза / А. В. Чудинов. – М. : НЛЮ, 2010. – 344 с.
436. Чудинов, А. В. Об эффективности «текстуального подхода» Бонапарта к завоеванию Египта (полемика с Э.В. Саидом) / А. В. Чудинов // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока : Материалы V международной конференции. – М. : ИВ РАН, 2021. – С. 298–300.
437. Шаманаев, А. В. Вывоз из Крыма археологических находок за рубеж в XVIII – начале XX века : Перспективы исследования проблемы / А. В. Шаманаев // Ученые записки Крымского федерального университета. Исторические науки. – 2016. – Т. 2. – № 2. – С. 162–173.
438. Шатне, М. дю. Жан Батист де Траверсе, министр флота российского / М. дю Шатне ; пер. с франц. М.Л. Андреева. – М. : Наука, 2003. – 412 с.
439. Шевченко, І. Україна між Сходом і Заходом : Нариси з історії культури до початку 18 століття. 2-ге вид. / І. Шевченко ; пер. з англ. М. Габлевич. – Львів : Видавництво Українського католицького університету, 2014. – 288 с.
440. Шёнле, А. Подлинность и вымысел в авторском сознании русской литературы путешествий. 1790–1840 / А. Шёнле ; пер. с англ. Д. Соловьёва. –

- СПб. : Академический проект, 2004. – 272 с.
441. Шёнле, А. Архитектура забвения : Руины и историческое сознание в России Нового времени / А. Шёнле ; пер. с англ. А. Степановой. – М. : НЛЮ, 2018. – 360 с.
442. [Шишкина, О. П.] Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г. Ч. 2 / О. П. Шишкина. – СПб. : Тип. Второго Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848. – 303 с.
443. Щавелев, А. С. Разговор о варваре с римским другом, читая книгу: Kaldellis A. *Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature* / А. С. Щавелев // Европа. Альманах. – 2014. – Т. 13. – № 1–2. – С. 178–184.
444. [Щербатов, М. М.] О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева: факсимильное издание / М. М. Щербатов, А. И. Радищев. – М. : Наука, 1983. – 342 + 174 с.
445. Эвлия Челеби. Книга путешествия : Крым и сопредельные области / Эвлия Челеби ; пер. со староосм. Е.В. Бахревского. – Симферополь : Доля, 2008. – 272 с.
446. Эйдельман, Н. Я. Быть может за хребтом Кавказа (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. : Кавказский контекст) / Н. Я. Эйдельман. – М. : Наука, 1990. – 319 с.
447. Эко, У. Имя розы / У. Эко ; пер. с ит. Е. Костюкевич. – Воронеж : Фолиант, 1993. – 526 с.
448. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко ; пер. с ит. Е. Костюкевич. – СПб. : Symposium, 2007. – 92 с.
449. Эко, У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны / У. Эко ; пер. с ит. А. А. Сабашникова. – М. : Слово, 2014. – 480 с.
450. Эко, У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю / У. Эко ; пер. с ит. Я. Арьковой, М. Визеля, Е. Степанцовой. – М. : Corpus, 2014. – 352 с.
451. Элиаде, М. Мифы, сновидения, мистерии / М. Элиаде ; пер. с англ. – М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1996. – 288 с.

452. Эрнст, Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма / Н. Л. Эрнст // ИТОИАЭ. – 1929. – Т. 3. – С. 15–43.
453. Эткинд, А. Толкование путешествий : Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. Эткинд. – М. : НЛЮ, 2001. – 496 с.
454. Эткинд, А. Внутренняя колонизация : Имперский опыт России. 3-е изд. / А. Эткинд ; пер. с англ. В. Макарова. – М. : НЛЮ, 2016. – 448 с.
455. Эткинд, А. Природа Зла : Сырьё и государство / А. Эткинд. – М. : НЛЮ, 2020. – 504 с.
456. Юрочкин, В. Ю. Готский вопрос / В. Ю. Юрочкин. – Симферополь : Сонат, 2017. – 496 с.
457. Alatas, S. H. The Myth of the Lazy Native : A Study of the Image of the Malays, Filipinos and Javanese from the 16th to the 20th Century and Its Function in the Ideology of Colonial Capitalism / S. H. Alatas. – London : Frank Cass, 1977. – 267 p.
458. Alexander, J. E. Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829. Vol. 1 / J. E. Alexander. – London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. – 308 p.
459. Alexander, J. E. Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829. Vol. 2 / J. E. Alexander. – London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. – 327 p.
460. Anderson, M. S. Samuel Bentham in Russia, 1779–1791 / M. S. Anderson // The American Slavic and East European Review. – 1956. – Vol. 15. – No. 2. – P. 157–172.
461. Anderson, M. S. Britain's Discovery of Russia, 1553–1815/ M. S. Anderson. – London ; New York : Macmillan & Co, 1958. – 245 p.
462. Angelomakis-Tsougarakis, H. The Eve of the Greek Revival : British Travellers' Perceptions of Early Nineteenth-Century Greece / H. Angelomakis-Tsougarakis. – London ; New York : Routledge, 1990. – 289 p.
463. Anville, [J.-B.] d'. Géographie ancienne abrégée. Nouvelle edition / J.-B. d'Anville. – Paris : Merlin, 1769. – 265 p.

464. Barton, H. A. *Northern Arcadia : Foreign Travelers in Scandinavia, 1765–1815* / H. A. Barton. – Carbondale : Southern Illinois University Press, 1998. – 223 p.
465. Batalden, S. K. *Catherine II's Greek Prelate : Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806* / S. K. Batalden. – New York : Columbia University Press, 1982. – 197 p.
466. Becattini, F. *Storia della Crimea piccola Tartaria* / F. Becattini. – Venezia : Pressa Leonardo Bassaglia, 1785. – 142 p.
467. [Bentham, J.] *Correspondence of Jeremy Bentham. Vol. 3: January 1781 to October 1788* / J. Bentham ; ed. I. R. Christie. – London : UCL Press, 2017. – 646 p.
468. Bisaccioni, M. *Historia delle gverre civili di qvesti vltimi tempi. 2da ed.* / M. Bisaccioni. – Bologna : Carlo Zenero, 1653. – 733 p.
469. Black J. *The British and the Grand Tour* / J. Black. – London ; Sidney ; Dover (New Hampshire) : Routledge, 1985. – 196 p.
470. Borenius, T. *Lady Worsley by Sir Joshua Reynolds* / T. Borenius // *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. – 1942. – Vol. 80. – No. 467. – P. 28–30.
471. Breton, [J.-B.]. *La Russie, ou mœurs, usages, et costumes des habitants de toutes les provinces de cet empire. T. 6* / J.-B. Breton. – Paris : Nepveu, 1813. – 198 p.
472. Broadley, A. M. *Editors' Note* / A. M. Broadley, L. Melville // [Craven E.] *The Beautiful Lady Craven : The Original Memoirs of Elizabeth Baroness Craven Afterwards Margravine of Anspach and Bayreuth and Princess Berkeley of the Holy Roman Empire (1750–1828). Vol. 1.* – London ; New York ; Toronto : John Lane ; Bell & Cockburn, 1914. – P. IX–XLIII.
473. Brodsky, J. *Why Milan Kundera Is Wrong About Dostoyevsky* [Электронный ресурс] / J. Brodsky // *The New York Times*. – 1985. – February 17. – Режим доступа:
<https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/00/09/17/specials/brodsky-kundera.html>.
474. Brough, A. *A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia* / A. Brough. – London : G. G. J. and J. Robinson, 1789. – 51 p.
475. Bruce, J. *Travels to Discover the Source of the Nile, In the Years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772, and 1773. Vol. 1* / J. Bruce. – Edinburgh : J. Ruthven; London : G. G. J.

- and J. Robinson, 1790. – 535 p.
476. [Byron, G.] *The Works of Lord Byron : Complete in One Volume* / G. Byron. – London : J. Murray, 1842. – 827 p.
477. [Byron, G.] *The Works of Lord Byron : A New, Revised and Enlarged Edition. Vol. 2 : Poetry* / G. Byron ; ed. E. H. Coleridge. – London : John Murray ; New York : Charles Scribner's Sons, 1899. – 525 p.
478. Callataÿ, F. de. *Early Numismatic Research on Royal Bosphoran Coins (XVIIth–XVIIIth Century)* / F. de. Callataÿ // *Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. – 2015. – Т. 4. – С. 561–592.
479. Campenhausen, B. von. *Bemerkungen über Rußland. Besonders einige Provinzen dieses Reichs und ihre Naturgeschichte betreffend, nebst einer kurzgefaßten Geschichte der Zaporoger Kosaken, Bessarabiens, der Moldau und der Krimm* / B. von Campenhausen. – Leipzig : Friedrich Christian Dürr, 1807. – 199 S.
480. [Caraman, V. L. Ch. de. *Journal d'un voyage en Crimée*] / V. L. Ch. de Caraman ; éd. X. Raymond // *Journal des débats politiques et littéraires*. – 1854. – Samedi 23 septembre. – P. 2–3.
481. Cardwell, R. A. *Byron and the Orient : Appropriation or Speculation?* / R. A. Cardwell // *Byron and Orientalism* / ed. P. Cochran. – Newcastle : Cambridge Scholars Press, 2006. – P. 152–172.
482. Chaney, E. *The Evolution of the Grand Tour : Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance* / E. Chaney. – London ; Portland (Oregon) : Frank Cass, 1998. – 196 p.
483. Chapin, W. *The Missionary Gazetteer, Comprising a View of the Inhabitants, and a Geographical Description of the Countries and Places, where Protestant Missionaries Have Labored* / W. Chapin. – Woodstock : David Watson, 1825. – 420 p.
484. Chase-Levenson, A. *The Yellow Flag : Quarantine and the British Mediterranean World, 1780–1860* / A. Chase-Levenson. – Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 2020. – 318 p.
485. Clarke, E. D. *Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago,*

- and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge / E. D. Clarke. – Cambridge (UK) : University Press, 1809. – 81 p.
486. Clarke, E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey / E. D. Clarke. London : T. Cadell and W. Davies, 1810. – 812 p.
487. Clarke, É.-D. Voyages en Russie, en Tartarie, et en Turquie. T. 2 / É.-D. Clarke ; tr. de l'ang. – Paris : Buisson; Arthus Bertrand, 1813. – 509 p.
488. Clarke, E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 1 / E. D. Clarke. – London : T. Cadell and W. Davies, 1816. – 533 p.
489. Clarke, E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2 / E. D. Clarke. – London : T. Cadell and W. Davies, 1816. – 524 p.
490. Clarke, E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 2 : Greece, Egypt and the Holy Land. 4th ed. Vol. 3 / E. D. Clarke. – London : T. Cadell and W. Davies, 1817. – 453 p.
491. Clarke, E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 2 : Greece, Egypt and the Holy Land. Sect. 2. 4th ed. Vol. 6 / E. D. Clarke. – London : T. Cadell and W. Davies, 1818. – 640 p.
492. Cochran, P. Byron, *Don Juan*, and Russia / P. Cochran // A People Passing Rude : British Responses to Russian Culture. – Cambridge (UK) : Open Book Publishers, 2012. – P. 37–52.
493. Codman, J. An American Transport in the Crimean War / J. Codman. – New York : Bonnell, Silver & Co., 1897. – 198 p.
494. Collins, S. The Present State of Russia. In a Letter to a Friend at London ; Written by an Eminent Person residing at the Great Czars Court at Mosco for the space of nine years / S. Collins ; ed. M. T. Poe. – [Iowa City] : University of Iowa, 2008. – 72 p.
495. Collins, W. The Moonstone / W. Collins. – London : Penguin, 1994. – 463 p.
496. Conrad, J. Autocracy and War / J. Conrad // The North American Review. – 1905. –

- Vol. 181. – No. 584. – P. 33–55.
497. Cook, J. 'From India's Coral Strand' : Reginald Heber and the Missionary Project / J. Cook // *International Journal of Hindu Studies*. – 2001. – Vol. 5. – No. 2. – P. 131–164.
498. [Coxe, W.] *Encouragement of Agriculture by the Empress of Russia* / W. Coxe // *Annals of Agriculture, and Other Useful Arts*. – 1784. – Vol. 2. – P. 233–237.
499. Coxe, W. *Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark*. 2nd ed. Vol. 2 / W. Coxe. – London : T. Cadell, 1785. – 576 p.
500. Coxe, W. *Travels in Poland, Russia, Sweden, and Denmark*. 5th ed. Vol. 2 / W. Coxe. – London : T. Cadell, Jun. and W. Davies, 1802. – 374 p.
501. [Craven, E.] *A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters* / E. Craven. – London : G. G. J. and J. Robinson, 1789. – 327 p.
502. [Craven, E.] *A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters* / E. Craven. – Vienna : R. Sammer, 1800. – 468 p.
503. [Craven, E.] *Letters from the Right Honorable Lady Craven, to His Serene Highness the Margrave of Anspach, during Her Travels through France, Germany, and Russia in 1785 and 1786*. 2nd ed. / E. Craven. – London : A. J. Valpy, 1814. – 316 p.
504. [Craven, E.] *Memoirs of the Margravine of Anspach. Written by Herself*. Vol. 1 / E. Craven. – London : Henry Colburn, 1826. – 430 p.
505. [Craven, E.] *The Beautiful Lady Craven : The Original Memoirs of Elizabeth Baroness Craven*. Vol. 1 / E. Craven ; ed. A.M. Broadley, L. Melville. – London ; New York ; Toronto : John Lane; Bell & Coeburn, 1914. – 141 p.
506. Cronin, V. *Catherine, Empress of All the Russias* / V. Cronin. – New York : William Morrow and Company, Inc., 1978. – 349 p.
507. Cross, A. G. *The Reverend William Tooke's Contribution to English Knowledge of Russia at the End of the Eighteenth Century* / A. G. Cross // *Canadian Slavic Studies*. – 1969. – Vol. 3. – No. 1. – P. 106–115.
508. Cross, A. G. *The Armchair Traveller "in" Catherine II's Russia* / A. G. Cross // *Россия, Запад, Восток : Встречные течения*. – СПб. : Наука, 1996. – С. 313–321.

509. Cross, A. G. From the Assassination of Paul I to Tilsit : The British in Russia and Their Travel Writings (1801–1807) / A. G. Cross // *Journal of European Studies*. – 2012. – Vol. 42/1. – P. 5–21.
510. Cross, A. G. In the Land of the Romanovs : An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917) / A. G. Cross. – Cambridge (UK) : Open Book Publishers, 2014. – 419 p.
511. Davey, J. The Transformation of British Naval Strategy : Seapower and Supply in Northern Europe, 1808–1812 / J. Davey. – Woodbridge : Boydell Press, 2012. – 237 p.
512. Deguignes, [J.]. Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux. T. 1. Pt. 1 / J. Deguignes. – Paris : Desaint & Saillant, 1756. – 471 p.
513. Deguignes, [J.]. Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux. T. 3 / J. Deguignes. – Paris : Desaint & Saillant, 1757. – 542 p.
514. Dickinson, S. Russia's First "Orient" : Characterizing the Crimea in 1787 / S. Dickinson // *Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2002. – Vol. 3. – No. 1. – P. 3–25.
515. Dobry, A. Welcome to Sevastopol : Guide-book / A. Dobry, I. Borisova. – Sevastopol : Art-Print, 2001. – 208 p.
516. Dubois de Montpéreux, F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhasés, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. T. 5 / F. Dubois de Montpéreux F. – Paris : Librairie de Gide, 1843. – 464 p.
517. Dubois de Montpéreux, F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhasés, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. T. 6 / F. Dubois de Montpéreux. – Paris : Librairie de Gide, 1843. – 461 p.
518. Eisner, R. Travelers to an Antique Land : The History and Literature of Travel to Greece / R. Eisner. – Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1993. – 304 p.
519. Eliot, T. S. Selected Essays / T. S. Eliot. – London : Faber and Faber, [1948]. – 468 p.
520. Ellingson, T. The Myth of the Noble Savage / T. Ellingson. – Berkeley ; Los

- Angeles ; London : University of California Press, 2001. – 467 p.
521. Encyclopædia Britannica ; or, A Dictionary of Arts and Sciences, Compiled upon a New Plan. Vol. 2. – Edinburgh : A. Bell and C. Macfarquhar, 1771. – 1009 p.
522. Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 15. – Neufshastel : Samuel Faulche & Compagnie, [1751]. – 950 p.
523. Eton, W. A Survey of the Turkish Empire / W. Eton. – London : T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. – 516 p.
524. Eton, W. A Survey of the Turkish Empire. 2nd ed. / W. Eton. – London : T. Cadell, jun. and W. Davies, 1799. – 526 p.
525. Eton, W. A Survey of the Turkish Empire. 3rd ed. / W. Eton. – London : T. Cadell, jun. and W. Davies, 1801. – 500 p.
526. Eton, W. A Concise Account of the Commerce and Navigation of the Black Sea / W. Eton. – London : T. Cadell and W. Davies, 1805. – 53 p.
527. Eton, W. A Letter to the Right Honourable the Earl of D***, on the Political Relations of Russia, in Regard to Turkey, Greece, and France / W. Eton. – London : T. Cadell and W. Davies, 1807. – 135 p.
528. Eton, W. A Survey of the Turkish Empire. 4th ed. / W. Eton. – London: T. Cadell and W. Davies, 1809. – 500 p.
529. Euben, R. L. Journeys to the Other Shore : Muslim and Western Travelers in Search of Knowledge / R. L. Euben. – Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2006. – 313 p.
530. Famin, C. Crimée / C. Famin // L'Univers. Histoire et description de tous les peuples, de leurs religions, moeurs, coutumes, etc. T. 10 : Chopin [J.-M.]. Russie, t. 2 : La fin de la Russie d'Europe. – Paris : Firmin Didot frères, 1838. – P. 1–32.
531. Fisher, A. W. The Crimean Tatars / A. W. Fisher. – Stanford : Hoover Institution Press, 1978. – 259 p.
532. Fletcher, G. Russia at the Close of the Sixteenth Century. Comprising the Treatise “Of the Russe Common Wealth” / G. Fletcher. – London : The Hakluyt Society, 1856. – 392 p.
533. [Fortia de Piles, A.] Voyage de deux français en Allemagne, Danemarck, Suède,

- Russie et Pologne, fait en 1790–1792. T. 3 : Russie / A. Fortia de Piles. – Paris : Desenne, 1796. – 372 p.
534. Franke, S. Die Reisen der Lady Craven durch Europe und Türkei, 1785–1786 : Text, Kontext und Ideologien / S. Franke. – Trier : Wissenschaftlicher Verlag Trier, 1995. – 224 S.
535. [Gaisford, Th.] Catalogus sive notitia manuscriptorum qui a cel. E. D. Clarke comparati in bibliotheca Bodleiana adservantur. Pars prior / Th. Gaisford. – Oxford : Clarendon Press, 1812. – 105 p.
536. Gasper, J. Elizabeth Craven : Writer, Feminist and European / J. Gasper. – Wilmington : Vernon Press, 2017. – 334 p.
537. Gassner, F. Imagining Russia : A Scottish Perspective / F. Gassner // Journal of Irish and Scottish Studies. – 2011. – Vol. 5. – Iss. 1. – P. 29–47.
538. Gatrell, V. A. C. The Hanging Tree : Execution and the English People, 1770–1868 / V. A. C. Gatrell. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 634 p.
539. Gazley, J. G. The Reverend Arthur Young, 1769–1827 : Traveller in Russia and Farmer in the Crimea / J. G. Gazley // Bulletin of the John Rylands Library. – 1956. – Vol. 38. – Iss. 2. – P. 360–405.
540. Geary, P. J. The Myth of Nations : The Medieval Origins of Europe / P. J. Geary. – Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2002. – 199 p.
541. Gercen, A. G. Der Mangup in den Augen von Forschern und Reisenden vom 16. bis zum beginnenden 20. Jahrhundert / A. G. Gercen // Die Höhengiedlungen im Bergland der Krim / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. – Mainz : Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013. – S. 57–100.
542. Gephardt, K. The Idea of Europe in British Travel Narratives, 1789–1914 / K. Gephardt. – Farnham ; Burlington : Ashgate, 2014. – 248 p.
543. Gibbon, Ed. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. 1 / Ed. Gibbon. – London : R. Priestley ; J. Offor ; W. H. Reid ; Priestley and Weale ; M. Doyle ; D. A. Talboys, 1821. – 411 p.
544. Glassman, J. H. Ebenezer Henderson (1784–1858) : Missionary, Traveler, Teacher, Biblical Scholar. His Life and Work in the North of Europe, with Special Reference

- to the Great Missionary Awakening. PhD thesis / J. H. Glassman. – Edinburgh : University of Edinburgh, 1957. – 273 p.
545. Gleason, J. H. *The Genesis of Russophobia in Great Britain : A Study of the Interaction of Policy and Opinion* / J. H. Gleason. – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press ; London : Geoffrey Cumberledge ; Oxford University Press, 1950. – 314 p.
546. Grant, A. *An Historical Sketch of the Crimea* / A. Grant. – London : Bell & Daldy, 1855. – 111 p.
547. Guthrie, [K. B.]. *Through Russia : from St. Petersburg to Astrakhan and the Crimea*. 2 vols. / K. B. Guthrie. – London: Hurst and Blackett, 1874. – 324 + 287 p.
548. Guthrie [K. B.]. *My Year in an Indian Fort*. 2 vols. / K. B. Guthrie. – London : Hurst ad Blackett, 1877. – 313 + 285 p.
549. Guthrie, [K. B.]. *Life in Western India*. 2 vols. / K. B. Guthrie. – London : Hurst and Blackett, 1881. – 320 + 292 p.
550. Guthrie, M. *Dissertations sur les antiquités de Russie* / M. Guthrie. – Saint-Petersbourg : Imprimerie du Corps Impérial des Cadets Nobles, 1795. – 239 p.
551. Guthrie, M. *A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, or Crimea, the Antient Kingdom of Bosphorus, the Once-Powerful Republic of Tauric Cherson, and All the Other Countries on the North Shore of the Euxine, Ceded to Russia by the Peace of Kainargi and Jassy* / M. Guthrie ; ed. M. Guthrie. – London : T. Cadell, jun., and W. Davies, 1802. – 446 p.
552. [Hablitz, C.-L.] *Description physique de la contrée de la Tauride, relativement aux trois règnes de la nature* / C.-L. Hablitz ; tr. du russe [par D.A. Golicyn]. – La Haye : J. van Cleef, 1788. – 298 p.
553. Hamilakis, Y. *Decolonizing Greek Archaeology : Indigenous Archaeologies, Modernist Archaeology, and the Post-colonial Critique* / Y. Hamilakis // *A Singular Antiquity : Archaeology and Hellenic Identity in Twentieth-Century Greece*. – Athens : Benaki Museum, 2008. – P. 1–15.
554. [Heber, A.] *The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his widow*. Vol. 1 / A. Heber. – New York : Protestant Episcopal Press, 1830. – 638 p.

555. [Heber, A.] *The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his widow. Vol. 2 / A. Heber.* – New York : Protestant Episcopal Press, 1830. – 564 p.
556. [Heber, A.] *The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his widow. Vol. 1–2 / A. Heber.* – London : John Murray, 1830. – 684 + 636 p.
557. Heber, R. *Europe : Lines on the Present War / R. Heber.* London : J. Hatchard, 1809. – 32 p.
558. Heber, R. *Palestine: A Poem. Recited in the Theatre, Oxford, MDCCCIII. To Which is Added, The Passage of the Red Sea. A Fragment / R. Heber.* – London : Longman, Hurst, Rees, and Orme; and John Hatchard, 1809. – 32 p.
559. Heber, R. *Poems and Translations / R. Heber.* – London : Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1812. – 180 p.
560. Heber, R. *The Personality and Office of the Christian Comforter Asserted and Explained, in a Course of Sermons on John XVI.7. Preached before the University of Oxford, in the Year MDCCCXV, At the Lecture Founded by the Late Rev. John Bampton, M.A., Canon of Salisbury / R. Heber.* – Oxford (UK) : Oxford University Press for J. Hatchard, 1816. – 589 p.
561. Heber, R. Art. [Review of:] *A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the Year 1817. Fourth Edition / R. Heber // The Quarterly Review.* – 1818. – April. – Vol. 19. – No. 37. – P. 131–177.
562. Heber, R. *The Life of the Right Rev. Jeremy Taylor, D. D., Lord Bishop of Down, Conner, and Dromore, with a Critical Examination of His Writings. Vol. 1–2 / R. Heber.* – London : J. Duncan and R. Priestley, 1824. – 304 + 296 p.
563. Heber, R. *Hymns : Written and Adapted to the Weekly Church Service of the Year / R. Heber.* – London : John Murray, 1827. – 153 p.
564. Heber, R. *Narrative of a Journey through the Upper Provinces of India, from Calcutta to Bombay, 1824–1825 (With Notes upon Ceylon), An Account of a Journey to Madras and the Southern Provinces, 1826, and Letters Written in India. Vol. 1–2 / R. Heber.* – London : John Murray, 1828. – 631 + 515 p.
565. Heber, R. *Sermons Preached in England / R. Heber.* – London : John Murray, 1829. – 392 p.

566. Heber, R. *Sermons Preached in India* / R. Heber. – London : John Murray, 1829. – 310 p.
567. Henderson, E. *Biblical Researches and Travels in Russia, Including a Tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus* / E. Henderson. – London : James Nisbet, 1836. – 538 p.
568. Henderson, G. *Lewis Way : A Biography* / G. Henderson. [n. pl.] : HTS Media, 2015. – 186 p.
569. Henderson, Th. S. *Memoir of the Rev. E. Henderson, D. D., Ph. D. Including His Labours in Denmark, Iceland, Russia, etc., etc.* / Th. S. Henderson. – London : Knight, 1859. – 476 p.
570. Holderness, M. *Notes Relating to the Manners and Customs of the Crim Tatars; Written during a Four Years' Residence among that People* / M. Holderness. – London : John Warren, 1821. – 168 p.
571. Holderness, M. *New Russia : Journey from Riga to the Crimea, by Way of Kiev ; with Some Account of the Colonisation, and the Manners and Customs of the Colonists of New Russia. To Which Are Added, Notes Relating to the Crime Tatars* / M. Holderness. – London : Sherwood, Jones & Co., 1823. – 316 p.
572. Holderness, M. *A Manual of Devotion; Being Meditations and Hymns for Every Day in the Month* / M. Holderness. – London : James Duncan; Edinburgh : Waugh and Innes; Glasgow : M. Oglel; Dublin : R. M. Tims, 1825. – 152 p.
573. Holderness, M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia. 2nd ed.* / M. Holderness. – London : Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. – 316 p.
574. Hughes, D. *Bishop Sahib : A Life of Reginald Heber* / D. Hughes. – Worthing : Churchman Publishing, 1986. – 204 p.
575. *Imagology : The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters* / ed. J. Leerson. – Amsterdam ; New York : Rodopi, 2007. – 492 p.
576. Ingram, E. *From Trade to Empire in the near East – III : The Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804* / E. Ingram // *Middle Eastern Studies*. – 1978. – Vol. 14. – No. 3. – P. 278–306.

577. Jackson, J. G. An Account of the Empire of Marocco, and the District of Suse ; Compiled from Miscellaneous Observations Made During a Long Residence in and Various Journies trough These Countries / J. G. Jackson. – Philadelphia : Nichols, Fry and Kammerer, 1810. – 242 p.
578. Jankowski, H. A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea / H. Jankowski. – Leiden ; Boston : Brill, 2006. – 1233 p.
579. Jerome, K. J. Three Men on the Bummel / K. J. Jerome. – СПб.: Капо, 2007. – 352 p.
580. Jobst, K. S. The Crimea as a Russian Mythical Landscape (from the 18th Century to the First World War) : A Framework for Research / K. S Jobst // Mythical Landscapes Then and Now : The Mystification of Landscapes in Search for National Identity. – Yerevan : Antares, 2006. – P. 78–91.
581. Jobst, K. S. Die Perle des Imperiums : Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich / K. S Jobst. – Konstanz : UVK, 2007. – 486 S.
582. Joseph II. Ihr Briefwechsel / Joseph II, Katharina von Russland ; Hrsg. A. von Arneth. – Wien : Wilhelm Braumüller, 1869. – 393 S.
583. Journal de l'Empire. – 1812. – 26 novembre. – 4 p.
584. Kapetanakis, P. New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century) / P. Kapetanakis. – Athens : General Secretariat for Research and Technology, 2015. – 212 p.
585. Khrapunov, N. I. The Image of Crimea among British Travelers Edward Clarke and Reginald Heber at the Turn of the 18th–19th Centuries / N. I. Khrapunov // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. – 2019. – Vol. 18. – No. 4. – P. 883–903.
586. Khrapunov, N. I. The Crimea Question in “Western” Projects, Political Treatises, and Correspondence from the Mid-sixteenth Century to 1783 / N. I. Khrapunov // 30. – 2021. – Т. 9. – № 4. – С. 857–877.
587. King, Ch. The Black Sea : A History / Ch. King. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 276 p.

588. Kipling, R. *From Sea to Sea : Letters of Travel*. Vol. 2 / R. Kipling. – New York : Doubleday & McClure Company, 1899. – 400 p.
589. Kırımlı, H. *Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries : The Story of Katti Geray and Other Baptised Descendants of the Crimean Khans* / H. Kırımlı // *Cahiers du Monde Russe*. – 2004. – Vol. 45. – No. 1/2. – P. 61–108.
590. Kizilov, M. *Karaites through the Travelers' Eyes : Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites according to the Descriptions of the Travelers* / M. Kizilov. – New York : Centre for the Promotion of Karaite Studies, 2003. – 269 p.
591. Korte, B. *English Travel Writing from Pilgrimages to Postcolonial Explorations* / B. Korte ; tr. from Germ. C. Matthias. – Houndmills Basingstoke; New York : Palgrave, 2000. – 225 p.
592. Lee, R. *The Last Days of Alexander, and the First Days of Nicholas (Emperors of Russia)*. 2nd ed. / R. Lee. – London : Richard Bentley, 1854. – 210 p.
593. *Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier* / éd. A. Mézin, V. Rjéputski. T. 2 : Notices. – Ferney-Voltaire : Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2011. – 840 p.
594. [Ligne, Ch.-J. de] *Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne*. 4me éd. / Ch.-J. de Ligne ; éd. Mad. de Staël Holstein. – Paris; Genève : J. J. Paschoud, 1809. – 336 p.
595. Ligne, Ch.-J. de. *Correspondances russes* / Ch.-J. de Ligne ; éd. A. Stroeve, J. Vercruysse. – Paris : Honoré Champion, 2013. – 1021 p.
596. Lower, M. A. *The Worthies of Sussex: Biographical Sketches of the Most Eminent Natives or Inhabitants of the County, from the Earliest Period to the Present Time* / M. A. Lower. – Lewes : Geo. P. Bacon; Steam Printing Offices, 1865. – 346 p.
597. Lyall, R. *Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia*. Vol. 1 / R. Lyall. – London : T. Cadell, 1825. – 527 p.
598. Macdonald, J. *From Boiled Beef to Chicken Tikka : 500 Years of Feeding the British Army* / J. Macdonald. – London : Frontline Books, 2014. – 310 p.

599. Maciej Strykowski. *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiój rusi*. T. 1 / Maciej Strykowski. Warszawa : Nakład Gustawa Leona Glücksberga, 1846. – 63+392 s.
600. Malia, M. *Russia under Western Eyes from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum* / M. Malia. – Cambridge (Mass.) ; London : Belknap Press of Harvard University Press, 1999. – 528 p.
601. McCreery, C. *Breaking All the Rules : The Worsley Affair in Late-Eighteenth-Century Britain* / C. McCreery // *Orthodoxy and Heresy in Eighteenth-Century Society* / ed. R. Hewitt, P. Rogers. – Lewisburg (PA) ; London : Bucknell University Press, 2002. – P. 69–88.
602. McPherson, D. *Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus* / D. McPherson. – London : Smith, Elder & Co., 1857. – 130 p.
603. Mead, W. E. *The Grand Tour in the Eighteenth Century* / W. E. Mead. – Boston; New York : Houghton Mifflin Company ; Cambridge : The Riverside Press, 1914. – 404 p.
604. Melman, B. *Women's Orient: English Women and the Middle East, 1718–1918: Sexuality, Religion and Work* / B. Melman. – Houndmills ; Lonson : MacMillan, 1992. – 417 p.
605. *Memoir of Mr. James Webster // Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; Performed during the Years 1825–1828 : Including Particulars of the Last Illness and Death of the Emperor Alexander, and of the Russian Conspiracy in 1825*. Vol. 1. – London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. – P. i–cxx.
606. Merton, R. K. *The Thomas Theorem and the Matthew Effect* / R. K. Merton // *Social Forces*. – 1995. – Vol. 74. – No. 2. – P. 379–424.
607. Mézin, A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)* / A. Mézin. – [Paris] : Ministère des affaires étrangères. Direction des archives et de la documentation, [1998]. – 974 p.
608. Milner, Th. *The Crimea, Its Ancient and Modern History : The Khans, the Sultans, and the Czars* / Th. Milner. – London : Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. – 368 p.

609. Montefiore, A. Reginald Heber, Bishop of Calcutta, Scholar and Evangelist / A. Montefiore. – New York ; Chicago ; Toronto : Fleming H. Revell Company, [1894]. – 160 p.
610. Morriss, R. Science, Utility and Maritime Power : Samuel Bentham in Russia, 1779-91 / R. Morriss. – London ; New York: Routledge, 2015. – 292 p.
611. Motraye, A. de la. Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa. Vol. 2 / A. de la. Motraye. – London : [n. p.], 1723. – 432 p.
612. Museum Worsleyanum ; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems. [Vol. 1–2.] – London : [From the Shakespeare Press, by W. Bulmer and Co.], 1794 [1798–1803]. – 103 + 120 p.
613. Museum Worsleyanum ; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems. Vol. 1. – London : Septimus Prowett, 1824. – 160 p.
614. Museum Worsleyanum ; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems. Vol. 2. – London : Septimus Prowett, 1824. – 65 p.
615. Newnham, W. H. Illustrations of the Exodus Consisting of Six Views, from Drawings Taken on the Spot, during a Journey in Arabia Petræa, in the Year 1828 / W. H. Newnham. – London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. – 6 pl.
616. [Nicoll, A.] Catalogus sive notitia manuscriptorum qui a cel. E. D. Clarke comparati in bibliotheca Bodleiana adservantur. Pars posterior / A. Nicoll. – Oxford : Clarendon Press, 1815. – 22 p.
617. Obituary // The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle. – 1828. – Vol. 98. – Pt. 1. – P. 274.
618. Observations on the first volume of Dr. Clarke's Travels in Russia, Tartary and Turkey // The American Review of History and Politics. – 1812. – Vol. 3. – P. 70–120.
619. O'Loughlin, K. 'Strolling Roxanas' : Sexual Transgression and Social Satire in the Eighteenth Century / O. O'Loughlin // Spaces for Feeling : Emotions and Sociabilities in Britain, 1650–1850. – Abingdon : Routledge, 2015. – P. 112–136.
620. O'Loughlin, K. Women, Writing, and Travel in the Eighteenth Century / K. O'Loughlin. – Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 2018. – 280 p.

621. O'Neill, K. *Constructing Imperial Identity in the Borderland : Architecture, Islam, and the Renovation of the Crimean Landscape* / K. O'Neill // AI. – 2006. – Vol. 2. – P. 163–192.
622. Osterhammel, J. *Unfabling the East : The Enlightenment's Encounter with Asia* / J. Osterhammel ; tr. from Germ. R. Savage. – Princeton ; Oxford: Princeton University Press, 2018. – 676 p.
623. Otter, W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke ; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge* / W. Otter. – New York : J & J Harper, 1827. – 528 p.
624. Pallas, P. S. *Tableau physique et topographique de la Tauride tire de journal d'un voyage fait en 1794* / P. S. Pallas. – St. Petersburg : J.Z. Logan, 1796. – 148 p.
625. Pallas, P. S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2* / P. S. Pallas. – Leipzig : Gottfried Martini, 1801. – 525 S.
626. Pallas, P. S. *Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794. 2nd ed. Vol. 2* / P. S. Pallas. – London : John Stockdale, 1812. – 523 p.
627. Palma, H. *Elizabeth Craven: From London to Constantinople, from Escape to Emancipation* / H. Palma // *Imaginaires*. – 2017. – No. 21 : Féminisme et Orientalisme. – P. 21–39.
628. Pappmehl, K. A. *Matthew Guthrie – The Forgotten Student of 18th Century Russia* / K. A. Pappmehl // *Canadian Slavonic Papers*. – 1969. – Vol. 11. – No. 2. – P. 167–181.
629. Pappmehl, K. A. *An Eighteenth-century English Translation of a Ukrainian Folk Song* / K. A. Pappmehl // *Canadian Slavonic Papers*. – 1982. – Vol. 24. – No. 2. – P. 175–180.
630. Parppei, K. "This Battle Started Long Before Our Days..." *The Historical and Political Context of the Russo-Turkish War in Russian Popular Publications, 1877-78* / K. Parppei // *Nationalities Papers*. – 2020. – P. 1–18.
631. Paston, G. *Little Memoirs of the Eighteenth Century* / G. Paston. – New York ; London : E. P. Button and Co. ; Grant Richards, 1901. – 389 p.

632. Paterson, D. A New and Accurate Description of All the Direct and Principal Cross Roads in Great Britain. 3rd ed. / D. Paterson. – London : T. Carnan, 1776. – 238 col.
633. Pauw, [C.] de. Recherches philosophiques sur les Grecs. T. 1–2 / C. de. Pauw. – Berlin : George-Jacques Decrir et Fils ; Liege : C. Plomteux, 1788. – 395 + 452 p.
634. Pepys, H. The Remains of the Late Viscount Royston : A Memoir of His Life / H. Pepys. – London : John Murray, 1838. – 332 p.
635. Perry, J. The State of Russia, Under the Present Czar / J. Perry. – London : Benjamin Tooke, 1716. – 280 p.
636. Peyssonnel, [Cl.-Ch.] de. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxine / Cl.-Ch. de Peyssonnel. – Paris : N.M. Tilliard, 1765. – 364 p.
637. [Pinkerton, R.] Rev. R. Pinkerton's Letters on His Late Tour in Russia, Poland, and Germany / R. Pinkerton // The Thirteenth Report of the British and Foreign Bible Society. – London : Oliphant, Wauge, and Innes, 1817. – P. 57–118.
638. Plokhy, S. The City of Glory: Sevastopol in Russian Historical Mythology / S. Plokhy // Journal of Contemporary History. – 2000. – Vol. 35. – No. 3. – P. 369–383.
639. Preface // Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt ; Performed during the Years 1825–1828 : Including Particulars of the Last Illness and Death of the Emperor Alexander, and of the Russian Conspiracy in 1825. Vol. 1. – London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. – P. vii–viii.
640. [Purchas, S.] Pvrchas his Pilgrimes. Pts. 1–5 / S. Purchas. – London : Henrie Fetherstone, 1625–1626. – 1860 + 1973 + 1047 p.
641. Racine, J. Oeuvres completes. T. 3 / J. Racine ; éd. L. Aimé-Martin. – Paris : Lefèvre, 1825. – 543 p.
642. Ramsay, A. W. The Historical Geography of Asia Minor / A. W. Ramsay. – Amsterdam : Adolf M. Hakkert, 1962. – 495 p.
643. Regemorter, J.-L. Van. Le mythe génois en mer Noire : la France, la Russie et le commerce d'Asie par la route de Géorgie (1821–1881) / J.-L. Van. Regemorter // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. – 1964. – Ann. 19. – No. 3. – P. 492–

- 521.
644. Report of the Edinburgh Missionary Society // The Missionary Register for MDCCCXVII. – London : L. B. Seeley, 1817. – P. 494–497.
645. Reuilly, J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803 / J. Reuilly. – Paris : Bossange, Masson et Besson, 1806. – 302 p.
646. [Review:] A Journey into the Crimea // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. – 1789. – Vol. 59. – Pt. 1 (March). – P. 237–239.
647. Review of: Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa, Pt. 1 // The Edinburgh Review. – 1810. – Vol. 16. – P. 334–368.
648. Roćko, A. Polski *Grand Tour* 'dam modnych' / A. Roćko // Polski Grand Tour w XVIII i początkach XIX wieku. – Warszawa : Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2014. – S. 131–150.
649. Roller, D. W. Edward Daniel Clarke : The First Professor of Mineralogy at Cambridge / D. W. Roller // Earth Sciences History. – 1988. – Vol. 7. – No. 2. – P. 146–150.
650. Romme, Ch.-G. Voyage en Crimée en 1786 / Ch.-G. Romme ; présenté par M. Deschanet, G. Bekirova. – Paris : L'Harmattan, 2016. – 149 p.
651. Rubiés, J.-P. Travellers and Cosmographers: Studies in the History of Early Modern Travel and Ethnology / J.-P. Rubiés. – Aldershot : Ashgate, 2007. – [444] p.
652. Rycault, P. The Present State of the Ottoman Empire / P. Rycault. – London : John Starkey and Henry Brome, 1670. – 217 p.
653. Rubenhold, H. Lady Worsley's Whim : An Eighteenth-Century Tale of Sex, Scandal and Divorce / H. Rubenhold. – London : Chatto & Windus, 2008. – 320 p.
654. Said, E. W. Orientalism. 2nd ed. / E. W. Said. – London : Penguin, 2003. – 396 p.
655. Sasse, G. The Crimea Question : Identity, Transition, and Conflict / G. Sasse. – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 2007. – 400 p.
656. Schönle, A. Garden of the Empire : Catherine's Appropriation of the Crimea / A. Schönle // Slavic Review. – 2001. – Vol. 60. – No. 1. – P. 1–23.
657. Ségur, [L.-Ph.] de. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 2me éd. T. 2 / L.-Ph. de Ségur. – Paris : Alexis Eymery, 1826. – 438 p.

658. Ségur, [L.-Ph.] de. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3me éd. T. 3 / L.-Ph. de Ségur. – Bruxelles : X. Renaudière, 1827. – 686 p.
659. Sestrencewicz de Bohusz, S. Histoire de la Tauride. T. 1 / S. Sestrencewicz de Bohusz. – Brunswick : Pierre-François Fauche et Comp., 1800. – 395 p.
660. Ševčenko, I. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus / I. Ševčenko // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1971. – Vol. 25. – P. 115–188.
661. Slade, A. Records of Travels in Turkey, Greece, &c. Vol. 1 / A. Slade. – London : Saunders and Otley, 1832. – 519 p.
662. Smith, G. Bishop Heber, Poet and Chief Missionary to the East, Second Lord Bishop of Calcutta, 1783–1826 / G. Smith. – London : John Murray, 1895. – 370 p.
663. [Smith, J.] The Complete Works of Captain John Smith. Vol. 3 / J. Smith ; ed. Ph. L. Barbour. – Chapel Hill ; London : The University of North Carolina Press, 1986. – 513 p.
664. Some Accounts of the Life of Reginald Heber, D. D., Bishop of Calcutta. – Boston : Crocker and Brewster ; New York : J. Leavitt, 1829. – 240 p.
665. Sonnini, C. S. Voyage en Grèce et en Turquie, fait par ordre de Louis XVI, et avec l'autorisation de la cour ottomane. T. 1–2 / C. S. Sonnini. – Paris : F. Buisson, 1801. – 460 + 464 p.
666. Spencer, Ed. Travels in Circassia, Krim-Tartary, & c., Including a Steam Voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople and round the Black Sea, in 1836. Vol. 2 / Ed. Spencer. – London : Henry Colburn, 1837. – 425 p.
667. Spencer, T. J. B. Fair Greece! Sad Relic : Literary Philhellenism from Shakespeare to Byron / T. J. B. Spencer. – London : Weidenfeld & Nicolson, 1954. – 312 p.
668. Stroev, A. Des voyages en Antiquité / A. Stroev // *La lettre de voyage : Actes du colloque de Brest novembre 2004*. – Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2007. – P. 67–81.
669. Svinine, P. Sketches of Russia. 2nd ed. / P. Svinine. – London : A. K. Newman and Company, 1843. – 110 p.
670. Sweet, J. M. Matthew Guthrie (1743–1807) : An Eighteenth-Century Gemmologist / J. M. Sweet // *Annals of Science*. – 1964. – Vol. 20. – No. 4. – P. 245–

302.

671. Symes, M. *An Account of an Embassy to the Kingdom of Ava, Sent by the General-Governor of India, in the Year 1795* / M. Symes. – London : W. Bulmer and Co., 1800. – 503 p.
672. *The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature for the Year 1783.* – London : J. Dodsley, 1785. – 223 p.
673. *The Cambridge Companion to Travel Writing* / ed. P. Hulme, T. Youngs. – Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 2002. – 318 p.
674. *The Cambridge History of English Literature* / ed. A. W. Ward, A. R. Waller. Vol. 12 : *The Nineteenth Century.* – Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 1915. – 371 p.
- 675.** *The Cambridge History of Travel Writing* / ed. N. Das, T. Youngs. – Cambridge (UK) ; New York ; Port Melbourne ; New Delhi ; Singapore : Cambridge University Press, 2019. – 639 p.
676. *The Crimea : Its Towns, Inhabitants, and Social Customs.* – London : Partridge, Oakey, and Co., 1855. – 111 p.
677. *The Georgian Era : Memoirs of the Most Eminent Persons, Who Have Flourished in Great Britain, from the Accession of George the First to the Demise of George the Fourth.* Vol. 3. – London : Vizetelly, Branston and Co., 1834. – 588 p.
678. *The Jewish Encyclopedia.* Vol. 5 : *Dreyfus – Brisac – Goat.* – New York ; London : Funk and Wagnalls Company, 1903. – 718 p.
679. *The Monthly Magazine ; or, British Register.* – 1815. – Vol. 39. – 678 p.
680. *The Monthly Review.* – 1830. – Vol. 14. – No. 59: July. – 474 p.
681. *The Routledge Companion to Travel Writing* / ed. C. Thompson. – London ; New York : Routledge, 2016. – 486 p.
682. *The Trial with the Whole of the Evidence, Between the Right. Hon. Sir Richard Worsley, Bart. Comptroller of His Majesty's Household, Governor of the Isle of Wight, Member of Parliament for Newport in that Island, & c., & c. Plaintiff, and George Maurice Bisset, Esq. Defendant, for Criminal Conversation with the Plaintiff's Wife.* 5th ed. – London : G. Kearsley, 1782. – 20 p.

683. Thornton, Th. *The Present State of Turkey ; or a Description of the Political, Civil, and Religious Constitution, Government, and Laws, of the Ottoman Empire / Th. Thornton.* – London : Joseph Mawman, 1807. – 436 p.
684. Thounmann, [J. E.]. *Description de la Crimée / J. E. Thounmann ; tr. d'all.* – Strasbourg : J. G. Treuttel, 1786. – 107 p.
685. Thunmann, [J. E.]. *Der Krimische Staat / J. E. Thunmann // Neue Erdbeschreibung.* 7th ed. Th. 1. Bd. 2. – Hamburg : Carl Ernst Bohn, 1777. – S. 1881–1974.
686. Thunmann, [J. E.]. *Der Krimische Staat / J. E. Thunmann // A. F. Büschings große Erdbeschreibung. Bd. 4 : Das asiatische Rußland und die krimische Tartarei.* – Troppau : Joseph Georg Traßler, 1784. – S. 303–431.
687. Thunmann, [J. E.]. *Der Krimische Staat / J. E. Thunmann // A. F. Büschings große Erdbeschreibung. Bd. 4 : Das asiatische Rußland und die krimische Tartarei.* – Troppau : Joseph Georg Traßler, 1785. – S. 303–431.
688. Todorova, M. *Imagining the Balkans / M. Todorova.* – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 273 p.
689. [Tooke, W. *Original Correspondence from Russia*] / W. Tooke // *The Gentleman's Magazine : and Historical Chronicle.* – 1786. – Vol. 56. – No. 2. – P. 547–552, 643–648, 846–851.
690. [Tooke, W.] *An Account of the Krimea / W. Tooke // The Annual Register, Or a View of the History, Politics, and Literature, For the Year 1786.* – London : L. Dodsley, 1788. – [Pt. 2] P. 129–134.
691. Tooke, W. *A View of the Russian Empire during the Reign of Catharine II and to the Close of the Eighteenth Century.* 2nd ed. Vol. 1 / W. Tooke. – London : A. Strachan, 1800. – 630 p.
692. Tooke, W. *A View of the Russian Empire during the Reign of Catharine II and to the Close of the Eighteenth Century.* 2nd ed. Vol. 3 / W. Tooke. – London : A. Strachan, 1800. – 628 p.
693. [Tooke, W.] *The Life of Catherine II, Empress of Russia.* 4th ed. Vol. 3 / W. Tooke. – London : John Nickols, 1800. – 563 p.
694. Trease, G. *The Grand Tour / G. Trease.* – London : Heinemann, 1967. – 251 p.

695. Tucker, J. *Instructions for Travellers* / J. Tucker. – Dublin : William Watson, 1758. – 96 p.
696. Turner, K. S. H. *From Classical to Imperial : Changing Visions of Turkey in the Eighteenth Century* / K. S. H. Turner // *Travel Writing and Empire : Postcolonial Theory in Transit*. – London ; New York : Zed Books, 1999. – P. 113–128.
697. [Tweddell, J.] *Remains of the Late John Tweddell* / J. Tweddell. – London : J. Mawman, 1815. – 179 p.
698. Unbegaun, B. *Les noms des villes russes: la mode slavonne* / B. Unbegaun // RES. – 1936. – T. 16. – Fasc. 1–2. – P. 65–75.
699. Unbegaun, B. *Les noms des villes russes: la mode grecque* / B. Unbegaun // RES. – 1936. – T. 16. – Fasc. 3–4. – P. 214–235.
700. V[oilquin], S. *Souvenirs d'une fille du peuple, ou La Saint-Simonienne en Égypte, 1834 à 1836* / S. Voilquin. – Paris : E. Sauzet, 1866. – 501 p.
701. Voloshkova, N. *On Terrains of the Other Empire : Mary Holderness' Account of Her Residence in Early 19th-Century Crimea* / N. Voloshkova // *British Women Travellers: Empire and Beyond, 1770–1870* / ed. S. Dutta. – New York : Routledge, 2019. – P. 70–85.
702. Voltaire. *Oeuvres complètes*. T. 58 / Voltaire. – Paris : Exneaux, 1821. – 544 p.
703. Wadding, L. *Annales Minorum seu Trium Ordinum a S. Francisco Institutorum*. T. 9. 2 ed. / L. Wadding. – Roma : Typis Rochi Bernabo, 1734. – 604 p.
704. Weber, E. *Peasants into Frenchmen : The Modernization of Rural France, 1870–1914* / E. Weber. – Stanford (Calif.) : Stanford University Press, 1976. – 615 p.
705. Webster, J. *Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt ; Performed during the Years 1825–1828 : Including Particulars of the Last Illness and Death of the Emperor Alexander, and of the Russian Conspiracy in 1825*. Vol. 1 / J. Webster. – London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. – 162 p.
706. Webster, J. *Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt ; Performed during the Years 1825–1828 : Including Particulars of the Last Illness and Death of the Emperor Alexander, and of the Russian Conspiracy in 1825*. Vol. 2 / J. Webster. – London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. – 435 p.

707. Wilde, O. *The Picture of Dorian Gray* / O. Wilde. San Diego (Calif.) : ICON Group, 2005. – 316 p.
708. Williams, B. G. *The Crimean Tatars : The Diaspora Experience and the Forging of a Nation* / B. G. Williams. – Leiden ; Boston ; Köln : Brill, 2001. – 488 p.
709. Williams, B. G. *The Sultan`s Raiders : The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire* / B. G. Williams. – Washington (DC) : The Jamestown Foundation, 2013. – 53 p.
710. Wolff, L. *The Singing Turk : Ottoman Power and Operatic Emotions on the European Stage from the Siege of Vienna to the Age of Napoleon* / L. Wolff. – Stanford (Calif.) : Stanford University Press, 2016. – 490 p.
711. Yapp, M. A. *British Perceptions of the Russian Threat to India* / M. A. Yapp // *Modern Asian Studies*. – 1987. – Vol. 21. – No. 4. – P. 647–665.
712. [Young, A.] *The Farmer`s Kalendar ; or, A Monthly Directory for All Sorts of Country Business ; Containing, Plain Instructions for Performing the Works of Various Kinds of Farms, in Every Season of the Year* / A. Young. – London : Robinson and Roberts; J. Knox, 1771. – 399 p.
713. [Young, A.] *Observations on the Means of Promoting Russian Husbandry* / A. Young // *Annals of Agriculture, and Other Useful Arts*. – 1784. – Vol. 2. – P. 237–252.
714. Zacharasiewicz, W. *Imagology Revisited* / W. Zacharasiewicz. – Amsterdam ; New York : Rodopi, 2010. – 571 p.
715. Zuief, [W.]. *Nachrichten von der Krim* / W. Zuief // *Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie*. Bd. 4. – St. Petersburg ; Leipzig : Johann Zacharias Logan, 1783.– S. 249–270.
716. Zuief, [W.]. *Nachrichten von der Krim* / W. Zuief // *Neues St.-Petersburgisches Journal, vom Jahre 1783*. Bd. 1. – St. Petersburg : Buchbructeren ben Schnoor, 1783. – S. 3–29.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
- БИ – Боспорские исследования
- БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник
- ВИ – Вопросы истории
- ЗО – Золотоордынское обозрение
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
- ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
- ИТУАК – Известия Таврической учёной архивной комиссии
- КИО – Крымское историческое обозрение
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
- НЛО – Новое литературное обозрение
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.
СПб., 1830.
- РА – Русский архив
- РО – Русское обозрение
- СИРИО – Сборник Императорского русского исторического общества
- ФЕ – Французский ежегодник
- AI – Ab imperio
- IOSPE I² – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae.
Vol. I. Ed. 2 / ed. В. Latyshev. Petropolis: [n. p.], 2016
- RES – Revue des études slaves

Приложение А

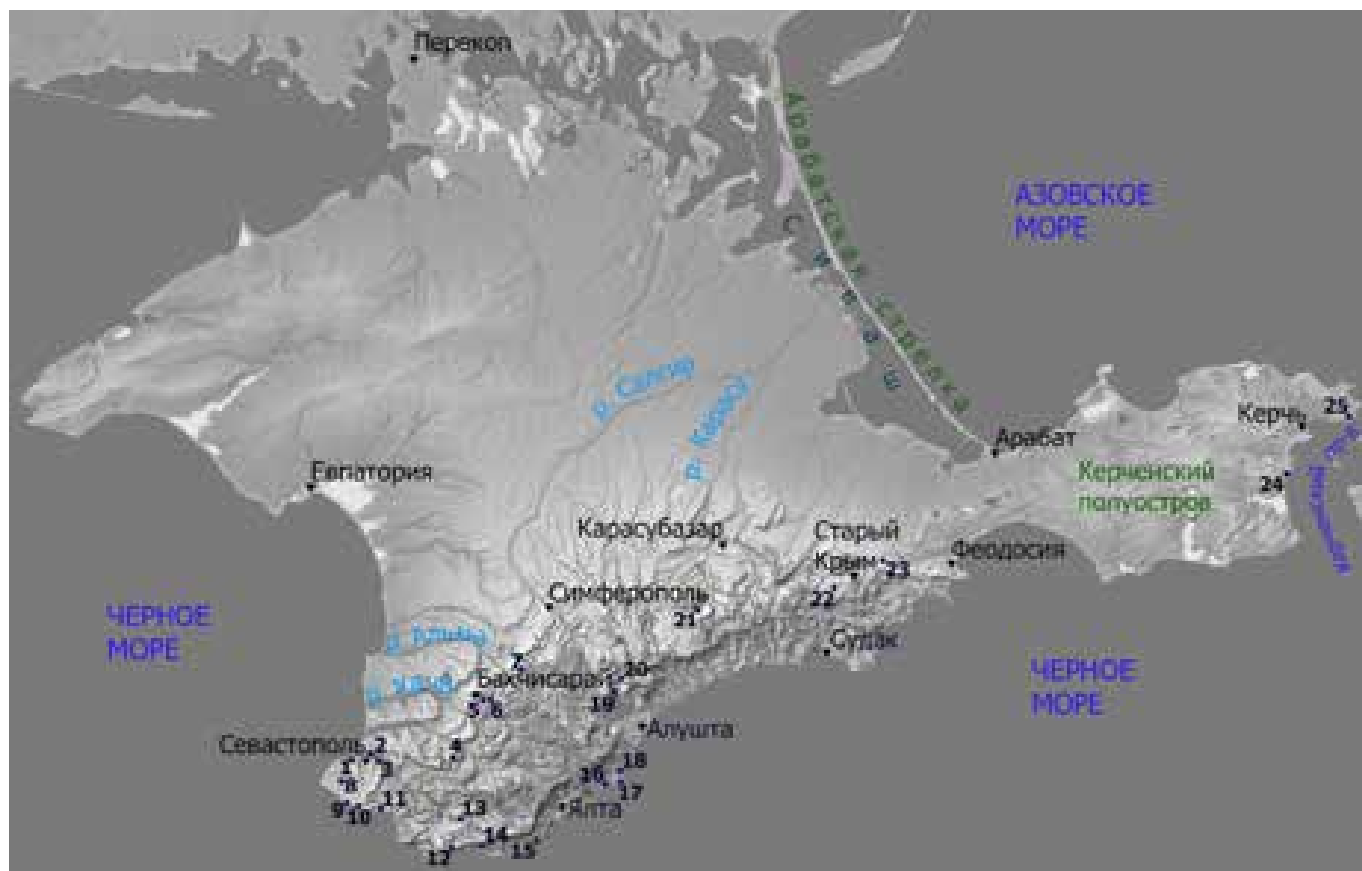

Рис. 1. Карта Крыма с указанием основных географических пунктов, упомянутых в диссертации. Показаны названия, использовавшиеся в конце XVIII – начале XIX в.: Евпатория (Кёзлев), Севастополь (Ахтиар), Карасубазар (Белогорск), Старый Крым (Эски-Крым), Феодосия (Каффа, Кафа)

1 – Херсонес; 2 – Севастопольская (Ахтиарская) бухта; 3 – Инкерман; 4 – Мангуп; 5 – Успенский монастырь; 6 – Чуфут-Кале; 7 – Бакла; 8 – Гераклеийский полуостров; 9 – мыс Фиолент; 10 – Георгиевский монастырь; 11 – Балаклава; 12 – перевал Мердвен; 13 – Байдарская долина; 14 – Кучук-Кой (Праковое); 15 – Алушка; 16 – Гурзуф; 17 – гора Аюдаг; 18 – Партенит; 19 – гора Чатырдаг; 20 – Ангарский перевал; 21 – горный массив Караби-Яйла; 22 – монастырь Сурб-Хач; 23 – Карагоз; 24 – античный город Нимфей; 25 – Ени-Кале

Рисунок А. Е. Катюшина

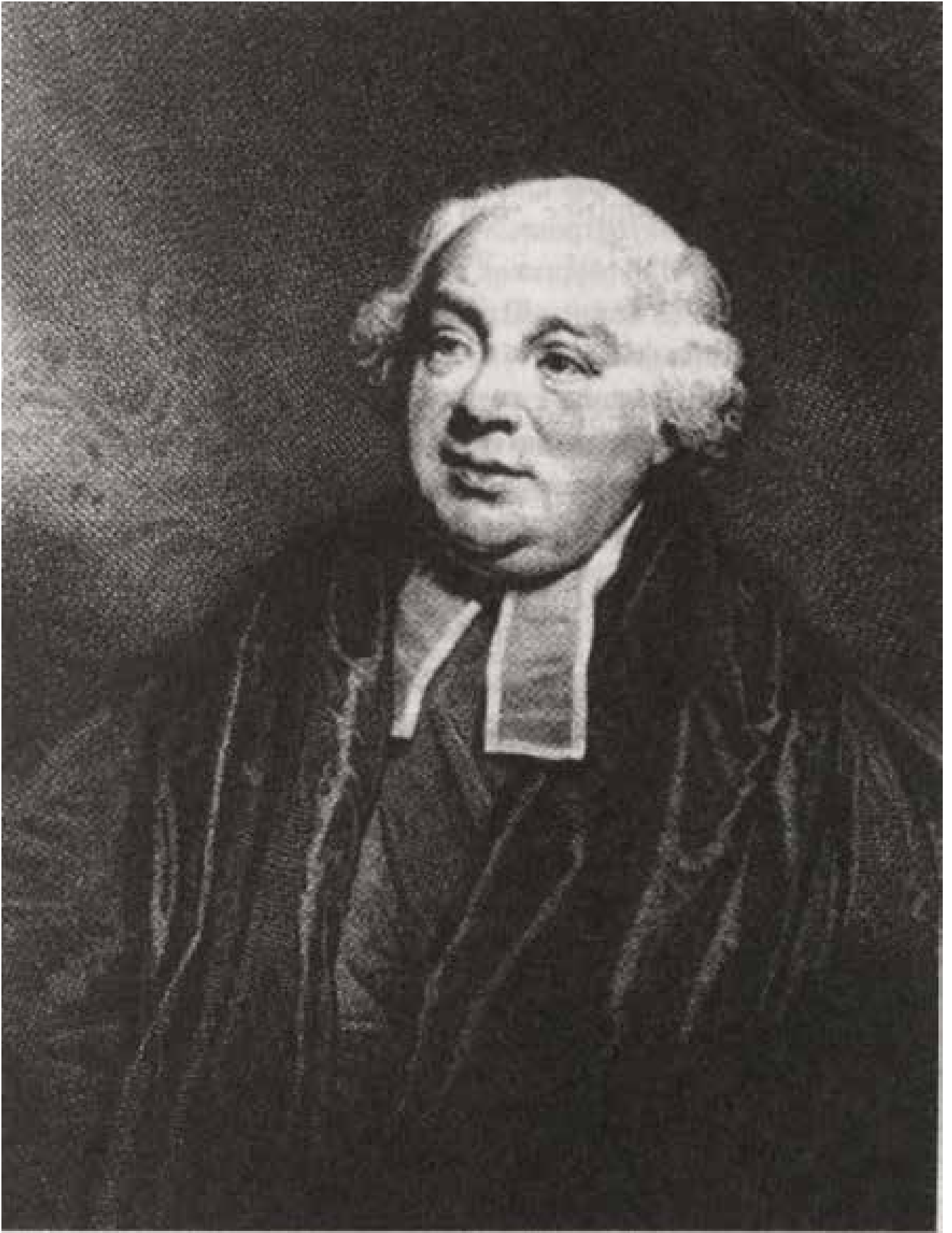

Рис. 2. Уильям Тук. Гравюра Джозефа Коллира с картины Мартина-Арчера Ши
По: *Кросс Э.* Британцы в Петербурге... С. 126

Рис. 3. Элизабет Крейвен. Портрет кисти Томаса Бича, 1777 г.

По: *Gasper J. Elizabeth Craven...*

Рис. 4. Леди путешественница и ее германский корреспондент. Портрет Элизабет Крейвен и Христиан Ансбахский из английского журнала, 1789 г.

По: *Broadley A. M., Melville L. Editors' Note. P. lvi–lvii*

Рис. 5. Чайник леди Крейвен. Английская карикатура последней четверти XVIII в.

По: *O'Loughlin K. 'Strolling Roxanas'... P. 125*

Рис. 6. Вид на исток реки Карасу в Крыму. Апрель 1786 г. Гравюра из книги
Элизабет Крейвен

По: [Craven E.] A Journey through the Crimea to Constantinople... 1789. Pl. I.

Рис. 7. Сэр Ричард Уэрсли. Портрет кисти Джошуа Рейнолдса, 1775 г.

Рис. 8. Леди Уэрсли. Портрет кисти Джошуа Рейнолдса, 1779 г.

По: *Borenius T. Lady Worsley by Sir Joshua Reynolds...*

Рис. 9. Подглядывание в спальню леди У–и. Карикатура Джеймса Гиллрея, 1782 г.
Национальная портретная галерея Великобритании. URL: <https://www.npg.org.uk>

Рис. 10. Сэр Ричард Хуже-чем-проныра показывает зад своей жены – тьфу!

Карикатура Джеймса Гиллрея, 1782 г.

По: *McCreery C. Breaking All the Rules... P. 76*

Рис. 11. Вид мыса и монастыря св. Георгия. Гравюра по рисунку из собрания
Ричарда Уэрсли

По: Museum Worsleyanum... Vol. 2. 1824. P. 57

Рис. 12. Егорьевский монастырь. Акварель Михаила Иванова

По: Виды Крыма... С. 121, № 51

Рис. 13. ...близ Егорьевского монастыря. Акварель Михаила Иванова

По: *Виды Крыма...* С. 123, № 52

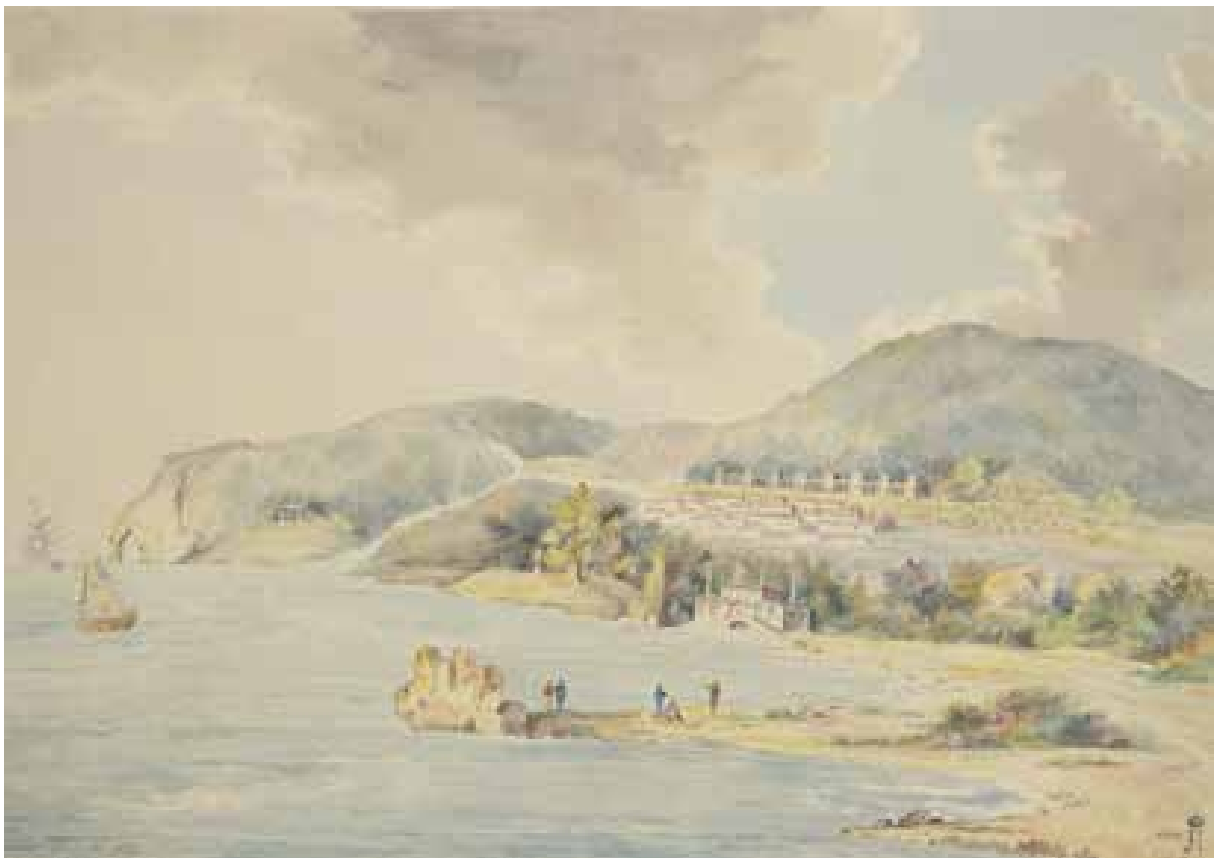

Рис. 14. Приморский вид в Крыму. Акварель Уильяма Хадфильда, 1787 г.

По: *Храпунов Н. И. Английские путешественники...* С. 255, рис. 14

Рис. 15. Мыс Фиолент.

Литография по рисунку неизвестного художника (Карла Кюгельхена?), 1806 г.

По: *Мальгина М. Р.* Виды Крыма... С. 33, 68–69 № 20

Рис. 16. Вид гавани и порта Балаклавы. Гравюра по рисунку из собрания Ричарда Уэрсли

По: Museum Worsleyanum... Vol. 2. 1824. P. [Museum 1824b: 59].

Рис. 17. Вид Балаклавы. Акварель Михаила Иванова

По: Виды Крыма... С. 127, № 54

Рис. 18. Вид Эски-Крыма, древней столицы Крымской Татари, с Азовским морем. Гравюра по рисунку из собрания Ричарда Уэрсли
По: Museum Worsleyanum... Vol. 2. 1824. P. 61.

Рис. 19. Часть старого Крыма. Акварель Михаила Иванова
По: Виды Крыма... С. 59, № 20

Рис. 20. Вид Каффы, или Феодосии
Гравюра по рисунку из собрания Ричарда Уэрсли
По: Museum Worsleyanum... Vol. 2. 1824. P. 63

Рис. 21. Вид Ка[ф]фы. Феодосия. Акварель Михаила Иванова
По: Виды Крыма... С. 83, № 32

Рис. 24. Эдвард-Даньел Кларк. Гравюра Хенри Майера по рисунку Джона Джексона, 1814 г.

Собрание Национальной портретной галереи, Лондон

Рис. 25. Боспор Киммерийский, или Таманский пролив. Вид на Чёрное море

Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка

По: *Clarke E. D. Travels... 1810. P. 418*]

Рис. 26. Боспор Киммерийский, или Таманский пролив. Вид на Азовское море; справа – коническая гора, вулкан Пекла Гравюры по рисункам Эдварда-Даньела Кларка

По: *Clarke E. D. Travels... 1810. P. 418*

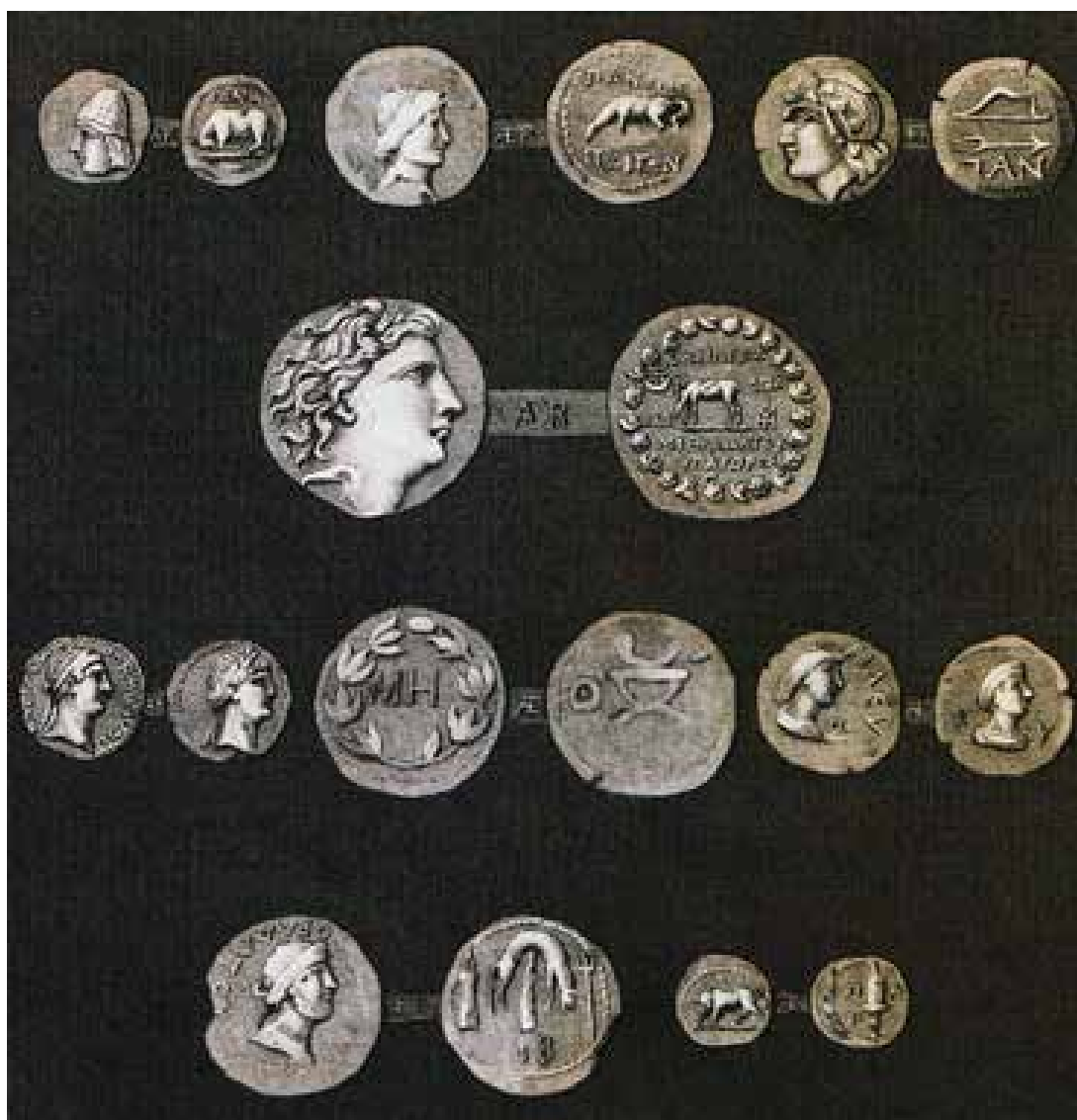

Рис. 27. Монеты боспорских царей из собрания Эдварда-Даньела Кларка

По: *Clarke E. D. Travels... 1810. P. 424*

Рис. 28. Предполагаемая могила Митридата, которую татары называют Алтын-Оба, близ Керчи в Крыму. Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 428

Рис. 29. Вид Боспора Киммерийского с Алтын-Обы, с гаванью Пантикапея, Фанагорией на противоположной стороне и древними сооружениями.

Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 432

Рис. 30. Примечательный мыс близ монастыря св. Георгия на Гераклейском Херсонесе, в Крыму. Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 510

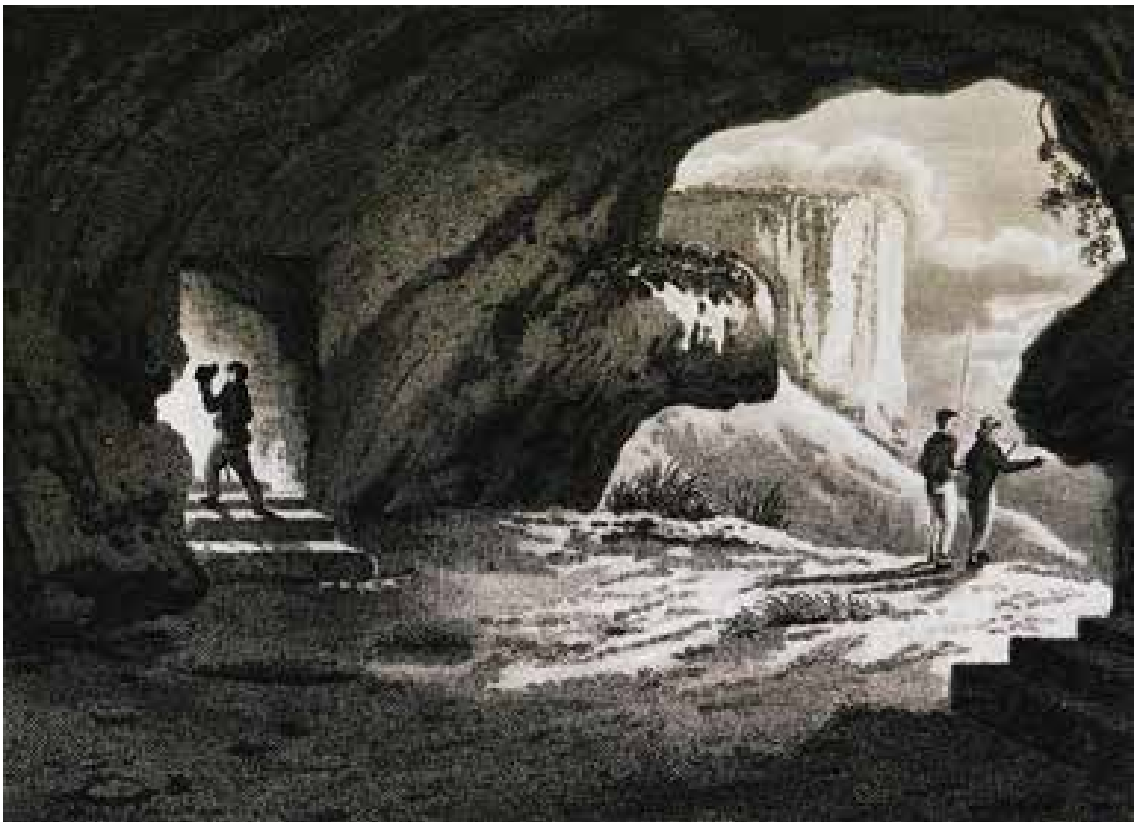

Рис. 31. Мыс ветров из выкопанных камер на высокой крепости Мангуп в Крыму.

Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 559

Рис. 32. Ая-Бурун, или священный мыс, на Гераклейском Херсонесе. Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 566

Рис. 33. *Salvia hablitziana* – шалфей скабиозолистный

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 568

Рис. 34. Чатырдаг – Страбонов Трапедзус, с первым появлением южной гряды [Крымских гор] из степи. Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка
По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 582

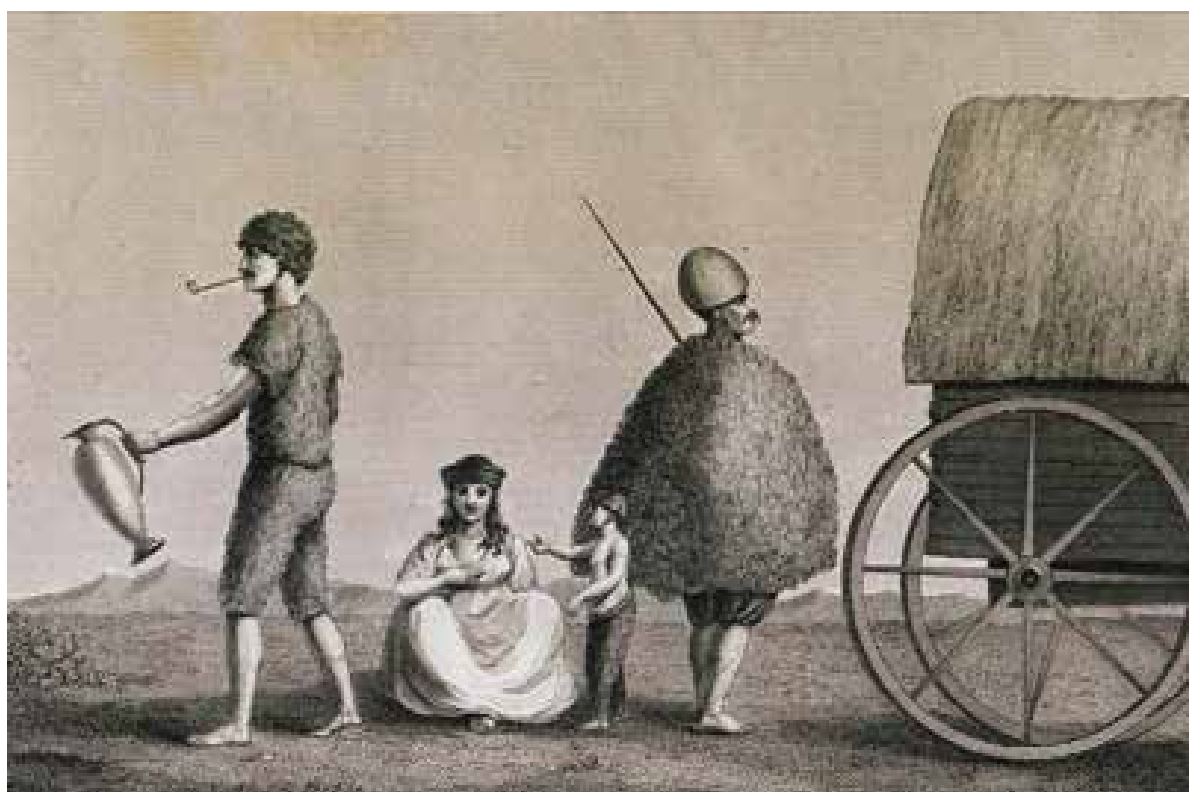

Рис. 35. Татарский маджар, остановившийся для ночевки в степи. Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка
По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 588

Рис. 36. Схема Ахтиарской гавани в Крыму
По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. (Без нумерации)

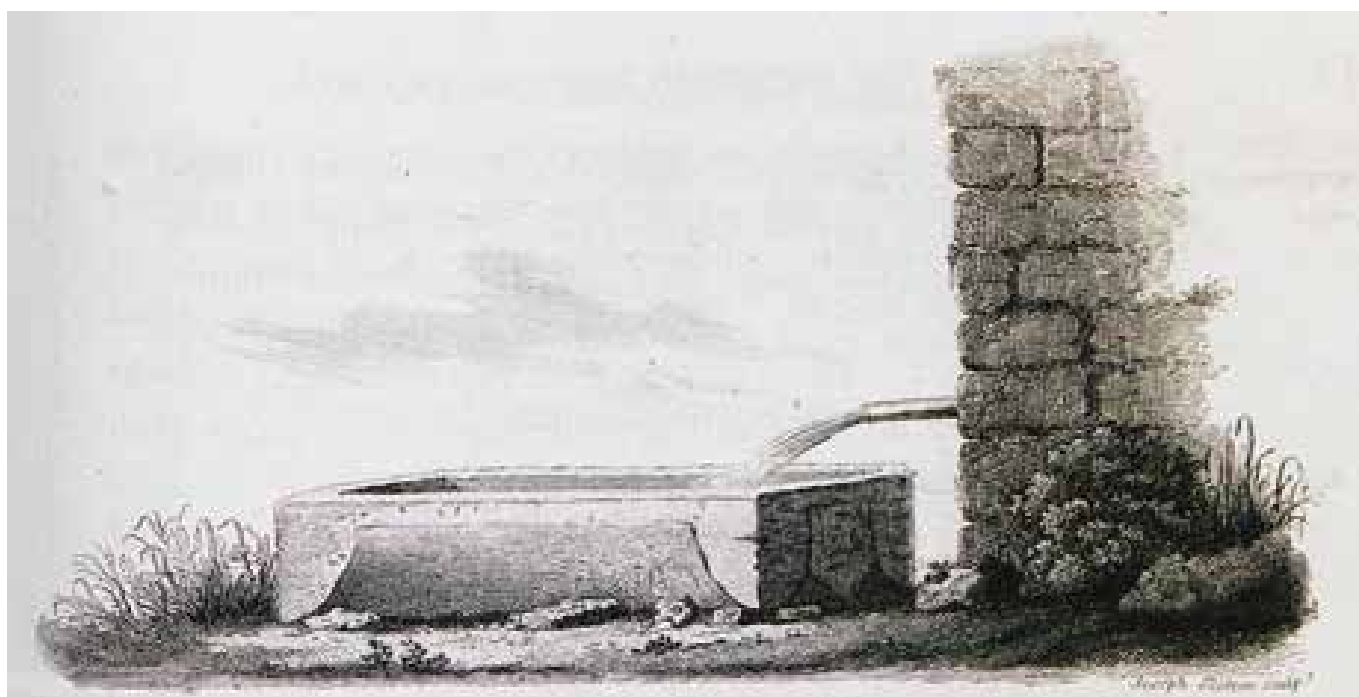

Рис. 37. Верхушка саркофага, найденная в одном из курганов Азиатской Сарматии, ныне же цистерна в крепости Ени-Кале в Крыму

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 413

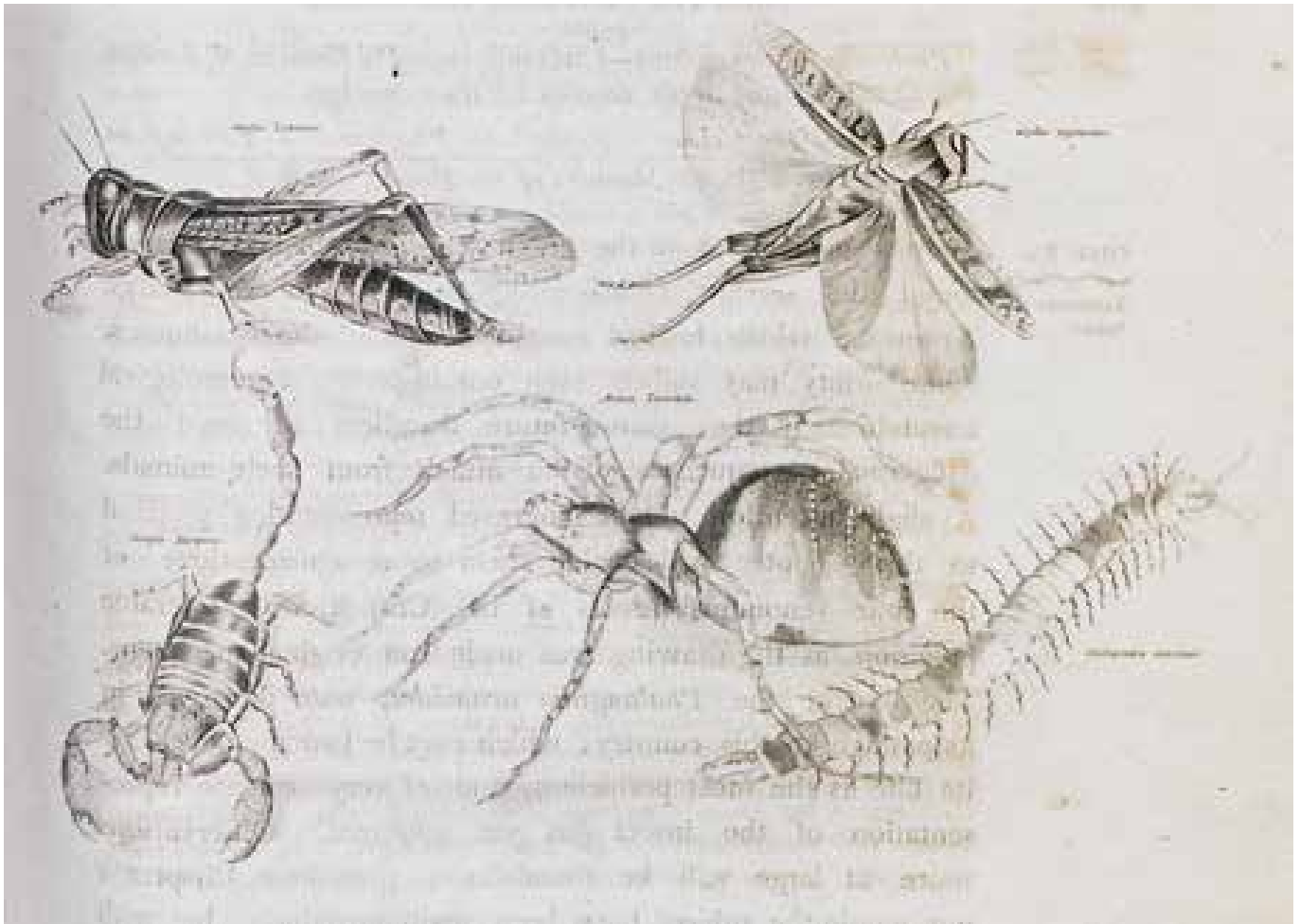

Рис. 38. Крымские насекомые

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 485

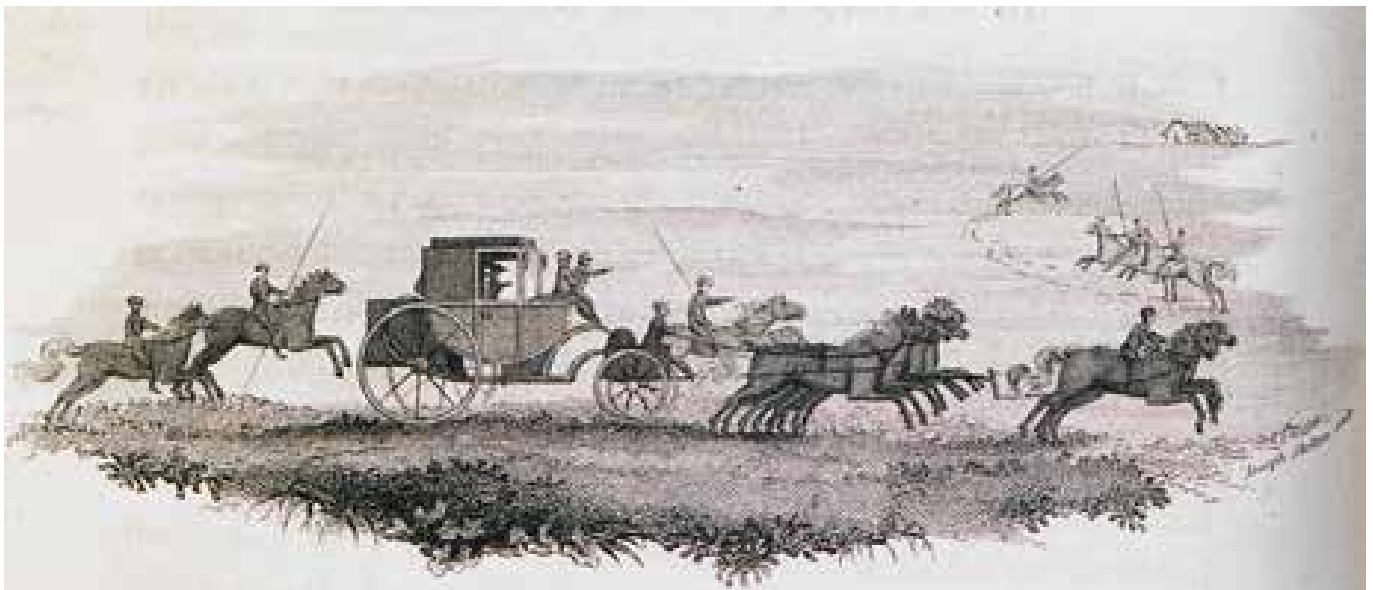

Рис. 39. Способ, которым автор и его компаньон пересекли русские степи

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 226

Рис. 40. Преподобный Реджинальд Хебер, доктор богословия, лорд-епископ Калькуттский. Гравюра С.-Х. Гимбера по рисунку Т. Филлипса
По: [*Heber A.*] *The Life of Reginald Heber...* Vol. 1 (фронтиспис)

Рис.41. Смерть епископа Хебера. Гравюра. Х. Мелвилл и Дж. Сандз.

Рис. 42. Памятник Реджинальду Хеберу в лондонском соборе св. Павла
(Wikimedia Commons)

Рис. 43. Бахчисарай (ханский дворец)

Рисунок Реджинальда Хебера

Рис. 44. Дворец крымских ханов. Гравюра по рисунку Реджинальда Хебера

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 472

Рис. 45. Вид гавани и города Балаклавы. Гравюра по рисунку Реджинальда Хебера

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 506

Рис. 46. Развалины греческой молельни на южном берегу Крыма. Гравюра по рисунку Реджинальда Хебера

По: *Clarke E. D. Travels...* 1810. P. 534

Рис. 47. Ханский дворец. Рисунок из книги Мери Хоулдернесс

По: *Holderness M. Notes Relating to the Manners and Customs of the Crim Tatars...*

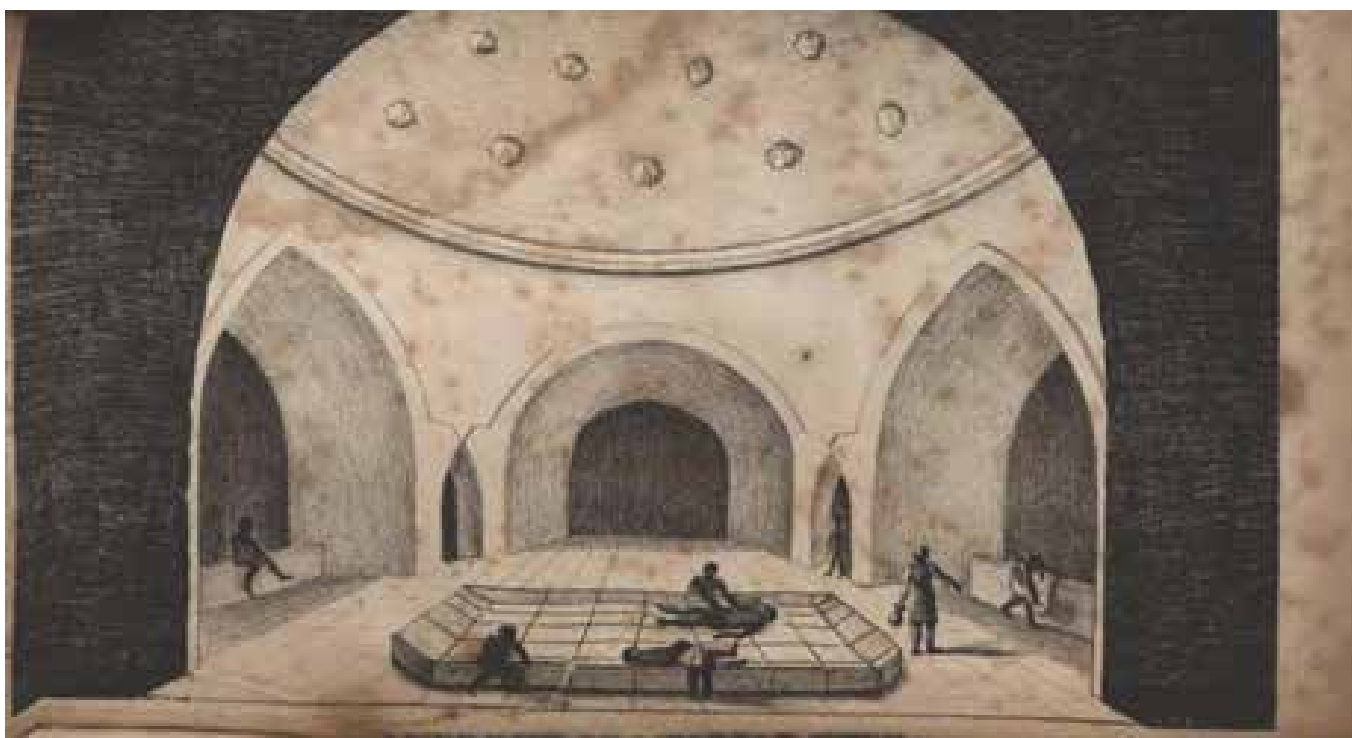

Рис. 48. Интерьер татарской бани. Рисунок из книги Мери Хоулдернесс

По: *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed.*

Рис. 49. Дочь мурзы (слева). Крестьянка. Рисунок из книги Мери Хоулдернесс
По: *Holderness M. Notes Relating to the Manners and Customs of the Crim Tatars...*

Рис. 50. Крестьяне-татары. Рисунок из книги Мери Хоулдернесс
По: *Holderness M. Notes Relating to the Manners and Customs of the Crim Tatars...*

Рис. 51. Грек-арнаут. Член пограничной стражи южного берега Крыма

По: *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed.*

Рис. 52. Анатолийский грек в Крыму. Рисунок из книги Мери Хоулдернесс

По: *Holderness M. Journey from Riga to the Crimea... 2nd ed.*

Рис. 53. Эбенезер Хендерсон

По: *Henderson Th. S. Memoir of the Rev. E. Henderson...*

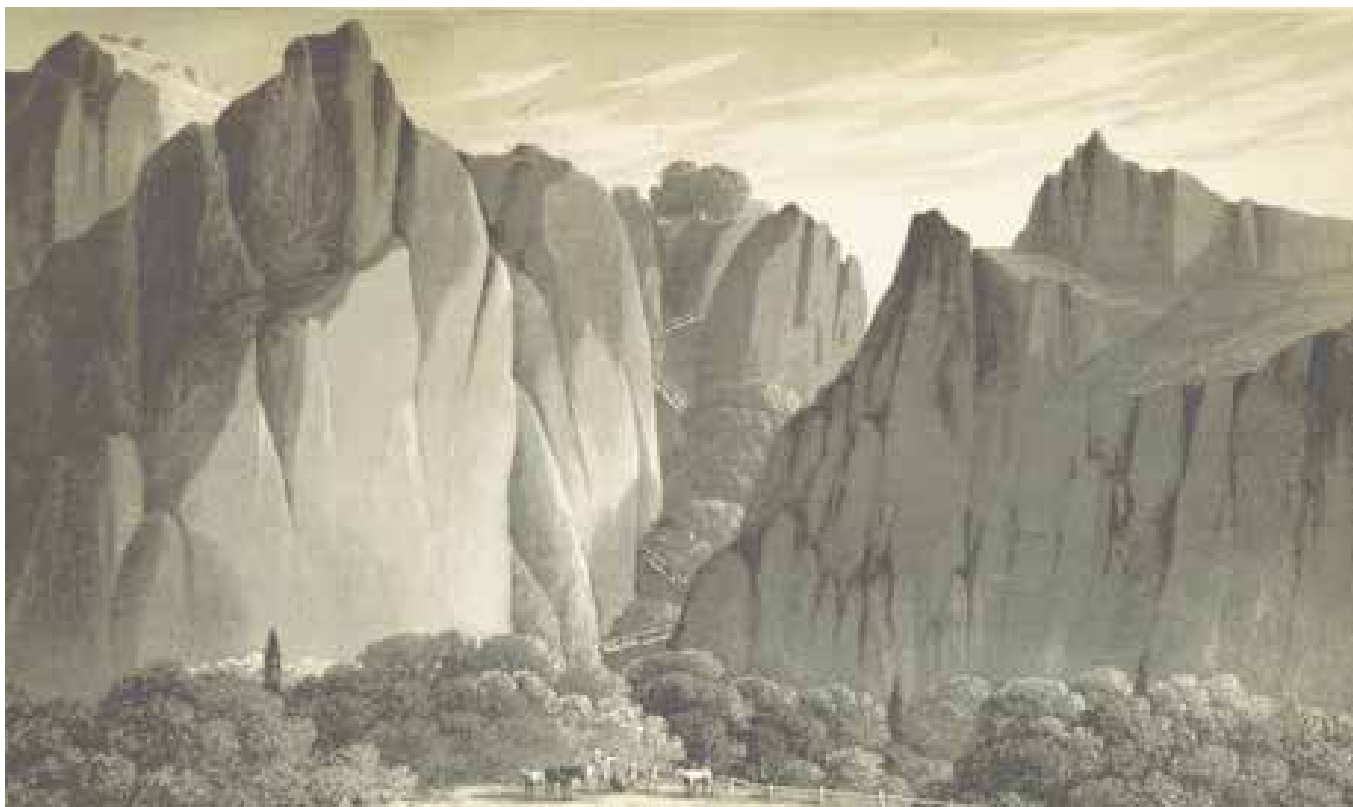

Рис. 54. Перевал Мердвень. Гравюра по рисунку У.-Х. Ньюнема
По: *Webster J. Travels... Vol. 1. P. iii*

Рис. 55. Вид на Балаклаву. Гравюра по рисунку У.-Х. Ньюнема
По: *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 68*

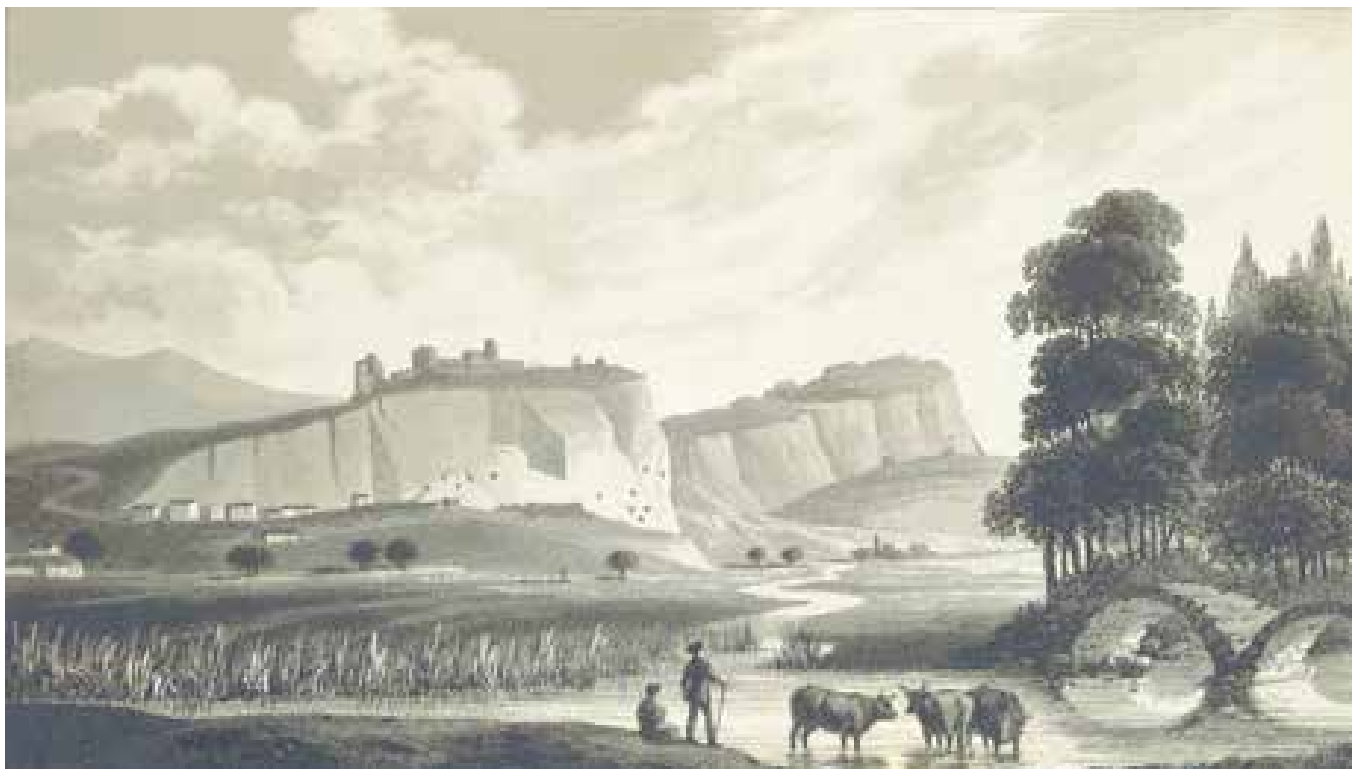

Рис. 56. Каверны Инкермана. Гравюра по рисунку У.-Х. Ньюнема

По: *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 70*

Рис. 57. Гробницы крымских ханов. Гравюра по рисунку У.-Х. Ньюнема

По: *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 80*

Рис. 58. Турецкое кладбище. Виньетка из книги Уэбстера по рисунку У.-Х. Ньюнема (?)

По: *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 42, 164*

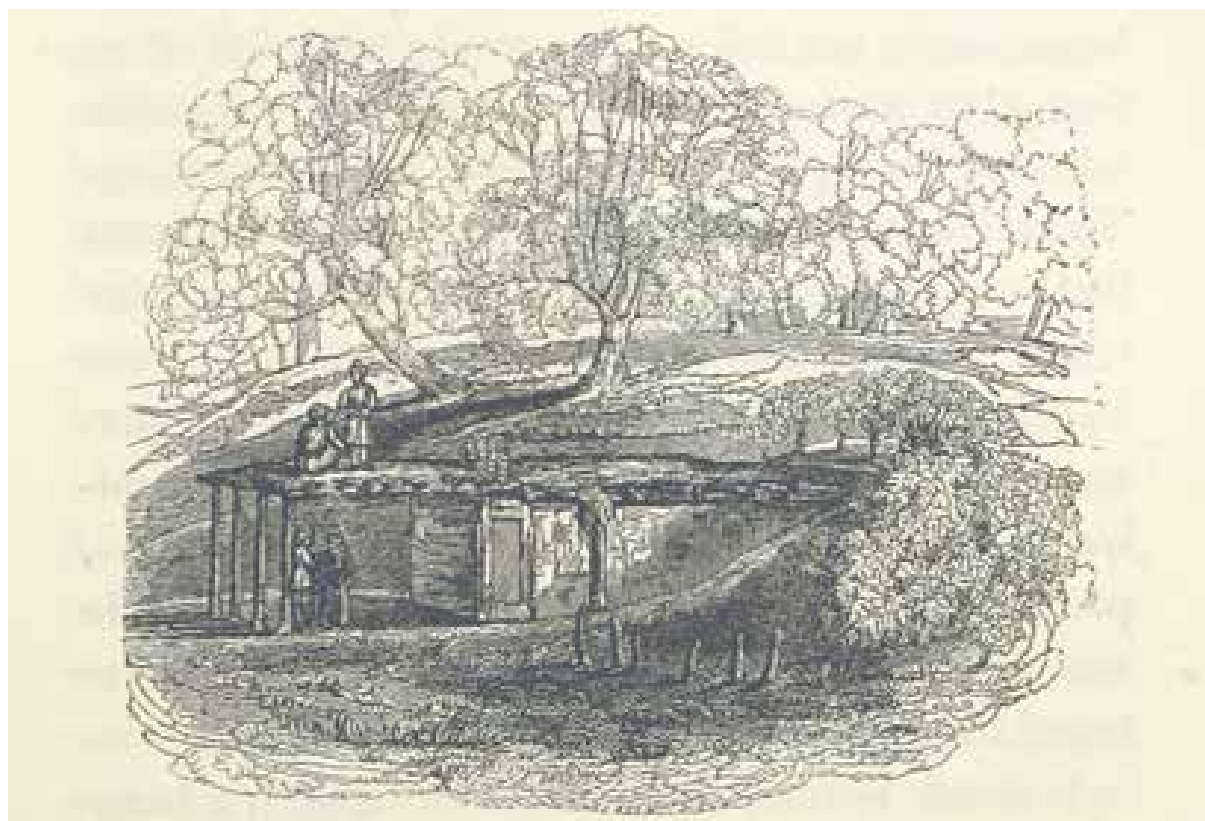

Рис.59. Татарская усадьба. Виньетка из книги Уэбстера по рисунку У.-Х. Ньюнема (?)

По: *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 59, 164*

Рис.60. «Развалины Херсонеса» (на самом деле на картине изображён пейзаж южного берега Крыма). Виньетка из книги Уэбстера по рисунку У.-Х. Ньюнема (?) По: *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 75, 164*

Рис. 61. Наказание кнутом. Виньетка из книги Уэбстера по рисунку У.-Х. Ньюнема (?) По: *Webster J. Travels... Vol. 1. P. 92, 164*

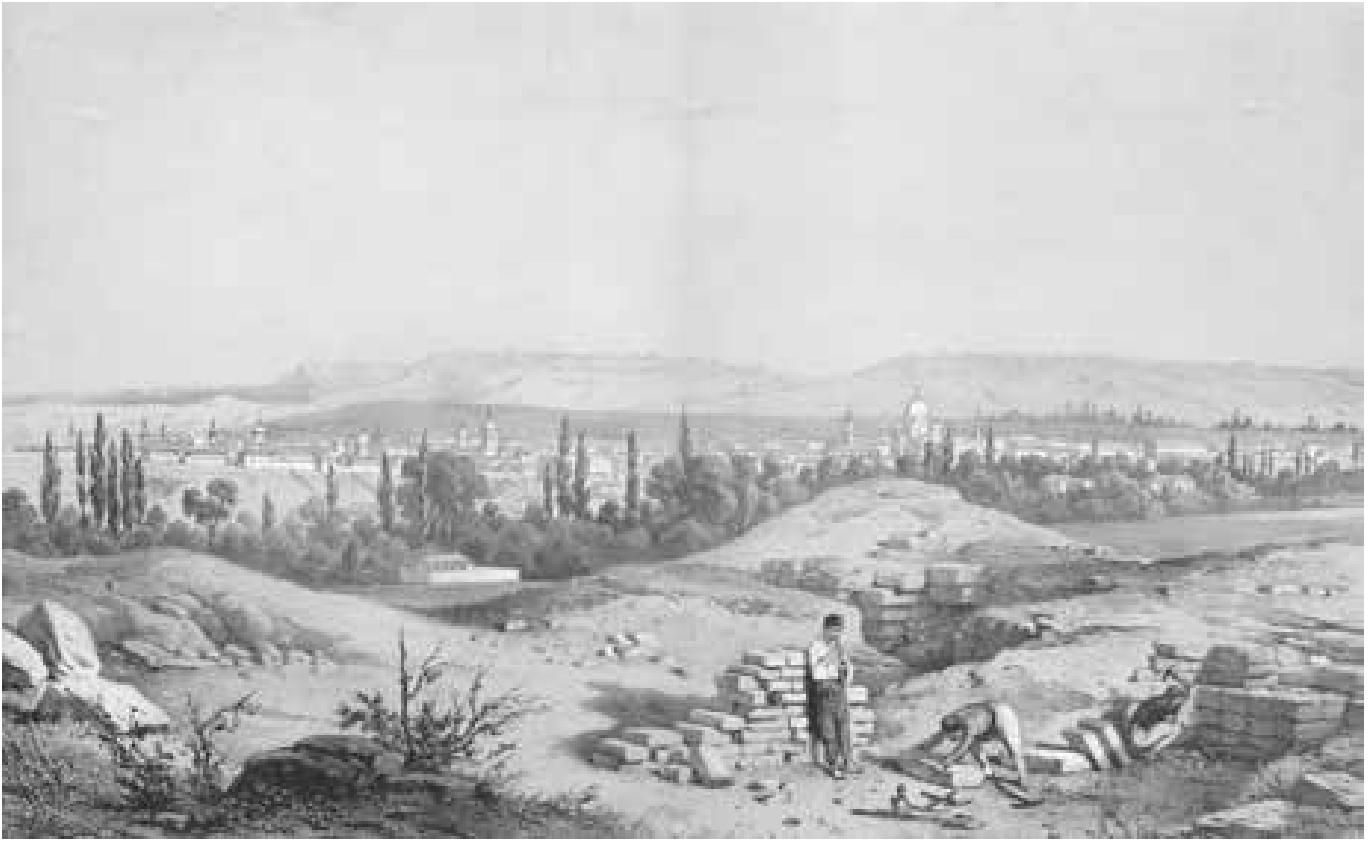

Рис. 62. Вид города Симферополя... Литография Ф. И. Гросса
По: *Мальгина М. Р.* Виды Крыма... С. 209, № 235